

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Тригорий Торин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

РАССКАЗ 9

ВСТРЕЧЕ ⁴³ С ПИ

Рассказ д

...Любит наш народ п
ему только с живым пис
время.

В прошлом году был
в своем совхозе писат
яснил в каком месте эт
жем все по порядку...

Проходили у нас в
быть, писатели со все
подались по районам. З
езжает к вам известный
хороший уровне. Органи
рицу Бурко... или Бурко
кто такой и что написа
ворит: " Читать уже не
" Это не сомневайтесь,

ураки на
месте урочища
ураки на
месте
на месте
ураки

директора совхоза

Григорий ГОРИН

директором
САТЕЛЕМ БУРКО.

директора совхоза/

сателеев, Ох, любит? Хлебом его не корми,
сателем встретиться, особенно если в раб

изначально такой интересный случай: принимал
для Бурко... Или Бурко... Так я тогда и н
фамилию лучше ударять... Ну, ладно, расс

области дни литературы. Понаехали, стал
концов. Три дня побыли в центре, а пот
онят мне рано утром из района, говорят:
писатель Бурко... или Бурко! А. Примите
уйте радужный прием?"... Я говорю: "Мы т
...очень рады, но все-таки хотелось бы
, чтоб почитать перед встречей. "Район
тогда, просто примите - и все!" Я говорю
примут. Но все-таки интересно как на

...Любит наш народ пи
ему только с живым писа
время.

В прошлом году был ф
в своем совхозе писате
яснил в каком месте эту
жем все по порядку...

Проходили у нас в
быть, писатели со всех
подались по районам. Зв
езжает к вам известный
ке-~~то~~ уровне. ~~Угранице~~
рицу Бурко... или Бурко.
кто такой и что написал
ворит: " Читать уже не
" Это не сомневайтесь, "

*русская на
месте уродина
русская на
месте
русская*

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

J. J. T. T. T.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Тригорий Торин

«ЭКСМО-Пресс» 2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 69

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Горин Григорий Израилевич

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Главный художник, автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Оформление книги — Л. Яковлев
Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова.

Горин Г. И.

Г 69 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 6. —
М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 736 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-005055-0 (Т.6)
ISBN 5-04-003950-6

© Горин Г. И., 2000
© Яковлев Л. Г., оформление, 2000
© Кушак Ю. П., составление,
примечания, 2000

Содержание

Краткая антология предисловий	7
Мои автобиографии	15
Рассказы и монологи	
Почему повязка на ноге?	23
Случай на фабрике № 6	27
Обнаженный Куренцов	23
Измена	43
Убийца	55
Чем открывается пиво?	64
Ежик	71
Воскресные прогулки	74
Остановите Потапова!	78
Сказка про собаку, которая прожила триста лет	89
Брюки товарища Синицына	55
Когда горит душа	99
Скрытой камерой	102
Фантомасы	105
Сауна	108
Что-то синее в полосочку	111
Хорошее воспитание	114
Хочу харчо!	117
Встреча с известным писателем Бурко	120
Соло для дуэта	
От полуавтора	125
Маленькие комедии большого дома	126

О бедном гусаре замолвите слово	176
Киноповести	
Мот самый Мюнхгаузен	257
Формула любви	331
Шутовские комедии	
Шиль	381
Дом, который построил Свифт	458
Кин IV	526
Шут Балакирев	593
Иронические мемуары	
О Марке Захарове	681
Четыре послания Олегу Янковскому	683
Подарки, завернутые в стихи	686
Галина Волчек	688
Игорь Кваша	691
Гафт	692
Слава Зайцев	694
Михаил Козаков	696
Шура Ширвиндт	698
Михаил Державин	700
Народные сказки	
про Ширвиндова и Державиндта	703
Савелий Крамаров	706
Э.А. Рязанов	710
М.В. Миронова в Париже	712
Геннадий Хазанов	715
Портрет Жванецкого	718
Ар-Го	721
Переписка с Аркадием Хайтом	726
Послание самому себе в день 60-летия	731
Примечания	732

Краткая антология предисловий

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Имя писателя и драматурга Григория Горина достаточно хорошо известно нашим читателям, а также любителям театра и кино

Поэтому, подготавливая том его избранных произведений для «Антологии Сатиры и Юмора», мы решили отказаться от традиционного предисловия, которое заказывается по этому поводу, и привести выдержки из предисловий прежних книг и изданий...

Авторы предисловий — достаточно авторитетные ценители жанров литературы, в которых работает Григорий Горин, и их высокие оценки неизменно подтверждают прошедшее время...

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Кто есть автор?

Успех сопутствовал Григорию Горину с самого начала. Он появился в литературе как-то сразу, миновав ученический период, который весьма корректно именуется «поисками». Горину ничего не надо было искать, он доказал свое право считаться писателем, доказал, что обладает острым глазом и тонким вкусом.

Жанр сатиры и юмора полон соблазнов. Возможность рассмешить публику увлекает многих недальновидных смельчаков. Они ставят перед собой цель — добиться смеха и выбирают жанр, наивно полагая, что это зависит от них. Но все обстоит совсем не так. Писатель не выбирает жанр. Жанр выбирает писателя. И выбирает того, кто ему годится.

Жанр сатиры и юмора, при всей своей разборчивости и привередливости, выбрал Горина, потому что с самого начала, как мне кажется, Горин понял основную особенность этого жанра: сатира не является самоцелью. Она представляет собой только средство для изображения действительной жизни. Горин начал как автор произведений для эстрады.

Эстрада создала особую, так сказать, разговорную, форму сатиры. Существует мнение, что «для слуха» можно писать иначе, чем «для глаза». Эстрадные авторы часто ориентируются только на немедленный результат, на реакцию зала, на репризу. Они забывают, что за литературным словом должен стоять характер.

Григорий Горин — один из немногих писателей, которого характер интересует в первую очередь. Его произведения имеют значение самостоятельное, он не ориентируется на определенного актера.

Его занимает не реприза, написанная по всем правилам, рассчитанная на то, чтобы вызвать смех, а живой характер, литературный герой, глубоко исследованный, а потому четко узнаваемый.

И зритель смеется не потому, что его смешат, а потому, что он узнает «героев». Вот эта радость (а иногда и горечь) узнавания вызывает и смех, и гнев, и печаль, и улыбку.

Эта книга представляет собой сборник произведений одного из наиболее читаемых и «исполняемых» современных сатирических писателей.

Читатель с приятным удивлением найдет в ней то, что уже слышал раньше и что с удовольствием перечтет заново. Актер найдет в ней материал для работы. И еще эта книга пригодится для собеседований на тему: как бы нам получше и попродуктивнее воспитать вкус публики.

И она поможет тем дискуссионкам, которые придерживаются старинного взгляда, что вкус можно воспитывать только вкусом, и больше ничем....

*(Предисловие к книге Г. Горина
«Кто есть кто?».
Издательство «Искусство», 1978)*

«Знаете, — говорит некто неизвестный о Михаиле Зощенко, — похоже на то, что этот ленинградский автор уже немного стыдится своего замечательного таланта. Он даже обижается, когда ему говорят, что он опять написал смешное. Ему теперь надо говорить так: «Вы, Михаил Михайлович, по своему трагическому дарованию просто Великий Инквизитор». Только тут он слегка отходит, и на его узких губах появляется осмысленно-интеллигентная улыбка. Приучили человека к тому, что юмор — жанр низкий, не достойный великой русской литературы. А разве он Великий Инквизитор? Писатель он, а не инквизитор...»

Так шутили Ильф и Петров. В 1932 году. Дело прошлое, но... А, впрочем, откуда я взял, что оно прошлое? Нет, замечено, что и нынче назвать писателя юмористом как-то страшновато: вдруг обидится? «Какой же, — скажет, — помилуйте, я юморист? Это я только так, с виду смешно пишу, а вы подойдите поближе, копните поглубже — зарыдаете!..» Я, во всяком случае, с подобным сталкивался. И все же набираюсь духу и говорю: прозаик Григорий Горин — юморист. Он пишет смешно.

Странное, в самом деле, положение у юмора. С одной стороны, все его обожают. И никто никогда не признается, что, мол, не доходит до него смешное. Можно нехотя признаться, что не понимаешь поэзии или музыки, особенно так называемой серьезной, но что касается юмора — нет, ни за что. Можно не заплакать вместе со всеми над какой-нибудь трогательной историей, но ежели все, как один, смеются, то волей-неволей испуганно оглянешься и натужно захихикаешь, чтобы выглядеть не глупее прочих. Иначе просто стыдно — и, ох, неспроста.

Горин использовал эту самую стыдливость в рассказе «Почему повязка на ноге?». Коварно использовал. И безошибочно. Когда это предназначалось еще не для книг, а для журнала «Юность», там и конец был несколько иной: «Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан». И, как вы понимаете, напечатали! Попробуй не напечатать, если тебе пригрозили ужаснейшей из угроз: обличить в отсутствии чувства юмора. Но это с одной

стороны. А с другой — да, как-то снисходительно смотрим мы на юмор и, отсмеявшись, не чувствуем к нему особой благодарности. Полагаем даже, что он — вроде бы не совсем получившаяся, недоделанная, недотянутая сатира.

Вот если бы автор еще немного поднажал, еще добавил смысла, соли, злости, то и вышло бы полноценное сатирическое произведение, а не какая-то юмореска. Хотя подумаем: что такое сатира без юмора? Нету ее. А юмор жив и сам по себе. Настоящий юморист — не тот, кто умеет смешить (такой объявится в любой компании), а тот, кто, смеясь и смешая, выявляет свое отношение к миру. Выявляет самого себя. «Чтобы смеяться, нужно иметь лицо», как однажды сказал Маяковский.

У писателя Горина есть лицо, что, как известно, в литературе не непреложность, а достоинство, притом не столь уж и частое. Есть узнаваемый и обаятельный стиль — не набор приемов, не умение писать и так и этак, а стиль в его подлинном значении. Горин не вылавливает смешное, как хищный профессионал, — оно словно само идет ему в руки, само открывается, привлеченное доброжелательным и любопытным вниманием к миру и к людям. И юмор его — лиричен, потому что рожден не наблюдателем, кончившим наблюдать и теперь заносящим в тетрадь свои едкие выводы, а простодушным участником жизни, где все — интересно и многое — смешно. Юмор — это присутствие духа. Умение ясно видеть: это несерьезно, комично, забавно. Даже если страшновато.

Вот рассказ «Случай на фабрике № 6», очень смешной. Он кончается куда как печально: смертью героя. Но смех не обрывается внезапно, будто нас с вами смешили, смешили, смешили для отвода глаз, а потом вдруг взяли да и показали страшную картинку. (Вроде бы мотивчик легкомысленной полочки прекратили траурным маршем Шопена.) Нет, смех не канул неизвестно куда, он только переменял тональность, из хохота став грустоватой улыбкой, — ведь когда шофер Клягин, этот перевоспитавшийся виртуоз загибов и посылов, захватив радиорубку, ведет свой трагикомический репортаж, это то-

же смешно. Только по-другому. Мы смеемся, думая. И думаем, смеясь.

Или «Остановите Потапова!» — один из лучших, если не самый лучший, рассказ Горина. Злой ли он? Не думаю. Не уверен. Даже уверен в обратном: не злой. Но если так, то, выходит, автор слишком уж мягкотело относится к персонажу, которого сам же умоляет и требует остановить самим названием рассказа, звучащим как сигнал тревоги?

Да «остановитесь!» — это не Потапову сказано, а скорее уж нам, даже если мы пока что, слава богу, еще далеко на него не похожи. Он-то уж не остановится... В этом сказалось преимущество юмора. Или, вернее, просто его особенность.

Сатира жжет, жалит, бичует, клеймит... что там еще? Ах да, срывает с наших глаз пелену, и вот мы, таким образом прозревшие, вдруг обнаруживаем в том или ином знакомце черты сатирического типа, который разозлил или ужаснул нас в книге или на спектакле.

Это свойство и сила благородной сатиры, и когда Маяковскому рассказали, что трамвайный кондуктор изругал нахального безбилетника: ах ты жулик, шантрапа, «Клоп» Маяковского, — его это обрадовало больше, чем нечастые одобрения критиков. Но скажите, известен ли вам хоть один случай, когда кто-нибудь признал бы в том же Присыпкине или, скажем, в Васисуалии Лоханкине себя самого? Мне — не известен.

А у юмора свой путь, свои средства, свои достоинства. Он мягче, гибче, он, так сказать, вкрадчивее — да, он именно вкрадывается в наше сердце и дает возможность в герое, изображенном прежде всего и главным образом смешно, вдруг увидеть нас самих. Или, по крайней мере, напугаться: а что, если я похож на него? Мы ведь мало чего так боимся, как оказаться смешными. Потому-то мне так и нравится лиричность горинского юмора.

«Ирония — стыдливость человечества», — сказал один умный писатель. Юмор — это гигиена человечества, или, чтоб не впадать в глобальность, человека. Людей. «Надо, надо умываться», — советовал Корней Иванович Чуковский; надо, надо смеяться — если хватит духу, то и над

собою. Надо — хотя бы для самосохранения, чтобы другие не засмеялись над нами, таким неприятным образом приведя нас в чувство и вырвав из самодовольного самозерцания.

Григорий Горин — один из тех немногих юмористов, кого мы вполне имеем право обезопасить определением «настоящий». Он отлично умеет приводить нас в чувство — в чувство юмора, которое, между прочим, не совсем то же или совсем не то же, что обыкновенная смешливость. Тут есть свои степени и свои вершины, как у зрения или музыкального слуха, и абсолютное чувство юмора — это, я бы сказал, чувство превосходства человека над тем, что мешает ему быть человеком.

Чувство победное — вот почему подлинный юмор всегда оптимистичен.

*(Из предисловия к гластинке рассказов Гр. Горина
в исполнении А. Миронова, В. Гафта, В. Этуша и др.
Издательство «Мелодия», 1981)*

Марк Захаров

Игры Короля

Григорий Горин начинал свои литературные игры, находясь в должности врача «Скорой помощи». Ничто не предвещало славы комедиографа, разве что аналогии с уже известными до него врачами — А.П. Чеховым и М.А. Булгаковым. В свободное от основной работы время молодой врач-шестидесятник остроумно играл идеями и словами, слагая из них забавные миниатюры, шутки, скетчи и репризы. Он делал вид, что его волнуют еще встречающиеся у нас порой отдельные недостатки. Сатирик-юморист тех лет имел право клеймить оружием смеха только нерадивых официантов, идиотов закройщиков и облаглевших дворников. Горин исправно клеймил, пока не сочинил рассказ «Остановите Потапова!», который вывел его из юмористов в писатели. После своей первой пьесы «Свадьба на всю Европу», написанной совместно с А. Аркановым, последовал «Банкет», принесший молодому драматургу большую удачу — его спектакль в Московском театре сати-

ры был категорически запрещен партийной цензурой. Позднее Горин скажет устами Патрика из фильма «Дом, который построил Свифт»: «Поэтам бросают цветы, сатирикам — булыжники. Сатирик, который перестал раздражать, — кончился».

Но Горин только начинался. В 1970 году он сочинил комедию «Забыть Герострата!», где мощно и зримо был заявлен его парадоксальный стиль со всем вытекающим из него горинским своеобразием. Горин не просто автор остроумных пьес и сценариев — он понимает и знает театр изнутри. Как свидетель могу констатировать: его замысел всегда формируется не печатными знаками, но общим режиссерским ощущением. Он замечательно предчувствует и угадывает жанровые и стилистические нюансы будущего спектакля; он не хочет, не умеет сочинять вне воображаемого сценографического пространства. Потом его собственная режиссерская концепция может видоизменяться под воздействием подключившегося в работу режиссера-постановщика, но начинается он всегда сам, с изобразительного ряда, с эстетического запаха, формируя его на сверхчувственном уровне. Чаще всего, следуя практике В.Шекспира, Ж.Ануя или Е.Шварца, Горин использует уже известные людям сюжеты, полагая, что полезнее исследовать миф, уже существующий во Вселенной. В этом смысле он скорее философ, чем драматург. Шекспир без зазрения совести брал старинную британскую легенду о короле Лире и, учитывая многочисленные литературные разработки, сделанные до него примерно двенадцатью авторами, смело и вдохновенно писал свою собственную версию. По смелости Горин не уступает Шекспиру, а по всем другим параметрам лично мне он ближе и дороже.

Общение с ним научило меня иронизировать над завихрениями собственной фантазии, хотя после нескольких сумасбродных мгновений он всегда требует серьезного разговора.

Серьезно Горин создал собственный «королевский театр». Его игры, будоража зрительское сознание идеями и образами, затрагивая самую сердцевину наших сегодняшних комплексов, тревог и надежд, остаются по-королевски щедрыми, величественными и дорогими.

Это касается в том числе и постановочных расходов. Лично мне он бесконечно дорог как писатель, сумевший остаться репертуарным драматургом в жестокий переходный период, когда многие его коллеги, талантливые сочинители, не смогли выдержать конкуренцию с современной мировой драматургией.

Горин смог.

И еще. Он зримо доказал, что можно сочинять суперсовременную пьесу, не помещая ее действующих лиц в интерьер хрущевской пятиэтажки.

Зимой 1974 года он видоизменил историю Московского театра имени Ленинского комсомола, ныне Ленкома, отстучав на пишущей машинке первые диалоги своего искрометного «Тюля».

Обновленная и счастливая труппа Ленкома начала новую жизнь.

Королевский подарок.

*(Предисловие к сборнику пьес
«Королевские игры», 1997)*

Мои автобиографии

Не знаю, как у других писателей,

а у меня за жизнь как-то само собой набралось несколько автобиографий. За долгие годы сочинительства я выпустил много разных книг в разных жанрах, и к каждой приходилось подбирать соответствующую автобиографию.

В предисловии к сборнику пьес сообщалось, что как драматург я родился в 1968 году. В сборнике киноповестей год моего рождения для кинематографа — 1979-й.

В сборнике юмористических рассказов указано, что в качестве юмориста я появился на свет гораздо раньше — 12 марта 1940 года (эта же дата, кстати, стоит и в паспорте рядом с довольно смешной моей фотографией)...

И вот теперь, когда выходит «Антология», по-видимому, придется использовать все предыдущие автобиографии, а также — для полноты рассказа — поведать и о предыдущей земной жизни. (Я не буддист, но тот факт, что мы уже приходили в этот мир в каком-то качестве, по-моему, неоспорим. Чтоб убедиться, достаточно перед сном закрыть глаза, напрячься и вспомнить, кем ты был вчера, позавчера, позапозавчера, позапозапоза... позапозапозапоза... и т.д., пока не уснешь.)

Как-то в одну бессонную ночь я довспоминался лет на двести назад и обнаружил, что в своих прошлых, дочеловеческих воплощениях я был собакой, рыбой и пчелой.

От пребывания в этом мире пчелой у меня осталась любовь к цветам, меду и «пожужжать»... То есть необъяснимая манера что-то быстро, взволнованно и непонятно говорить собеседнику, пока тот не начнет махать руками, отгоняя...

От рыбы я получил в наследство свой зодиакальный знак, большие выпуклые глаза, любовь к воде и нелюбовь

к красному цвету.. (Меня, как мне помнится, в позапрошлой, речной жизни подцепили именно на красную блесну, поэтому когда я и сегодня вижу красные знамена или транспаранты, то пугаюсь, и появляется желание немедленно лечь на дно...)

Собакой, насколько помню, я был беспородной, помещью дворняжки и московской сторожевой. Отсюда моя любовь к родному городу Москве и полное отсутствие аристократических замашек: ем-пью где придется, спать могу тоже где угодно, лишь бы свернуться калачиком... Кошек, разумеется, не люблю до сих пор, к людям приветлив, но лишь к трезвым. Пьяных не выношу, особенно за рулем, поскольку, как мне помнится, именно нетрезвый водитель направил на меня свой автомобиль, оборвав мою прошлую славную собачью жизнь... (До сих пор хочется отомстить этому мерзавцу шоферу, но, к сожалению, никак не могу вспомнить номер его машины...)

Одним словом, моя душа под визг колес и тормозов вырвалась из пса и, даже секунду не захотев быть бесприютной, тут же вошла в только что появившуюся трехкилограммовую мальчишескую плоть, которая со временем превратилась в писателя-юмориста.

* * *

Произошло это в московском роддоме 12 марта 1940 года. Ровно в 12 часов дня. Именно в полдень по радио начали передавать правительственное сообщение о заключении мира в войне с Финляндией. Это известие вызвало огромную радость в родовой палате. Акушерки и врачи возликовали, и некоторые даже бросились танцевать. Роженицы, у которых мужья были в армии, позабыв про боль, смеялись и аплодировали.

И тут появился я, мальчик весом три кило. И непонятно почему отчаянно стал кричать... Чем вызвал дополнительный взрыв радости у собравшейся в палате публики. Собственно говоря, это было мое первое публичное выступление...

Не скажу, что помню его в деталях, но то странное чувство, когда ты орешь во весь голос, а вокруг все смеются, вошло в подсознание и, думаю, в какой-то мере определило мою дальнейшую творческую судьбу..

* * *

Писать я начал очень рано. Читать — несколько позже. Это, к сожалению, пагубно отразилось на моем творческом воображении. Уже в семь лет я насочинял массу стихов, но не про то, что видел вокруг, в коммунальной квартире, где проживала наша семья, а в основном про то, что слышал по радио. По радио тогда шла «холодная война» с империалистами, в которую я немедленно включился, обрушившись стихами на Чан-Кайши, Ли-Сынмана, Аденауэра, Де Голля и прочих абсолютно неизвестных мне политических деятелей:

Воротилы Уолл-стрита,
Ваша карта будет бита!
Мы, народы всей земли,
Приговор вам свой произнесли!.. И т.д.

Почему я считал именно себя «народами всей земли», даже и не знаю. Но угроза подействовала! Стихи политически грамотного вундеркинда стали часто печатать в газетах.

В девять лет меня привели к Самуилу Яковлевичу Маршаку. Старый добрый поэт слушал мои стихи с улыбкой, иногда качал головой и повторял: «Ох, господи, господи!..»

Это почему-то воспринималось мною как похвала.

— Ему стоит писать дальше? — спросила руководительница литературного кружка, которая и привела меня к поэту.

— Обязательно! — сказал Маршак. — Мальчик поразительно улавливает все штампы нашей пропаганды. Это ему пригодится. Если поумнеет — станет сатириком! — И, вздохнув, добавил: — Впрочем, если станет, то, значит, поумнеет не до конца...

Так окончательно определился мой литературный жанр.

* * *

Оканчивая школу, я уже твердо решил, что стану писателем. Поэтому поступил в медицинский институт.

Это было особое высшее учебное заведение, где учили не только наукам, но премудростям жизни. Причем дела-

ли это, по возможности, весело. Вспоминаю, например, нашего заведующего кафедрой акушерства профессора Жмакина, который ставил на экзаменах студентам примерно такие задачи:

— Представьте, коллега, вы дежурите в приемном отделении. Привезли женщину. Восемь месяцев беременности. Начались схватки... Воды отошли... Свет погас... Акушерка побежала за монтером... Давление падает... Сестра-хозяйка потеряла ключи от процедурной... Заведующего вызвали в райком на совещание... Вы — главный! Что будете делать, коллега? Включаем секундомер... Раз-два-три-четыре... Женщина кричит! Думайте! Пять-шесть-семь-восемь... Думайте! Все!! Женщина умерла! Вы в тюрьме! Освободитесь — приходите на перекламеновку!..

Тогда нам это казалось иезуитством. Потом на практике убедились, что наша жизнь может ставить задачки и потрудней, и если медик не сохранит в любой ситуации чувство юмора, то погубит и пациента, и себя...

* * *

Учась в медицинском институте, а затем работая врачом в Москве на станции «Скорой помощи», я продолжал писать рассказы и фельетоны. При этом настолько усовершенствовал себя в создании смешных ситуаций, что вскоре был принят в Союз писателей, но вынужден был оставить медицину в покое. (Многие из недолеченных мною пациентов живы и до сих пор пишут мне благодарственные письма за этот мужественный поступок.)

Так я был причислен к разряду писателей-сатириков. Сам же я себя считал только юмористом. Для меня сатирики — это узаконенные обществом борцы, призванные сделать окружающую жизнь лучше. Я же давно заметил, что наша жизнь от стараний писателей лучше не становится. Другое дело — ее можно сделать чуть легче, если научить читателей не впадать в отчаяние. Этому благородному занятию я и посвятил значительную часть своей жизни... Впрочем, вскоре юморески мне стали надоедать. Один известный сексопатолог, изучая психологию мужчин, обнаружил, что после тридцати лет их более возбуждают крупные формы. В отношении женщин — не уве-

рен, но в литературе — безусловно. Поэтому с середины 70-х годов я перестал писать короткие юмористические рассказы, переключившись полностью на сочинение крупноформатных пьес и киносценариев.

* * *

Итак, мне предстояло несколько новых рождений.

Как драматург я родился дважды: первый раз — в 1968 году в соавторстве с А. Аркановым. Мы написали с ним три пьесы, три злободневные комедии... Две были с блеском поставлены, одна (под названием «Банкет» в Театре сатиры) с треском запрещена цензурой... Это подтверждало, что мы как драматурги-сатирики избрали верный путь.

Но, как я уже писал ранее, просто сатириком мне быть не хотелось. Недостатки общества от моей борьбы с ними в жизни только множились, человечество в своем развитии явно ходило по кругу, настойчиво наступая на одни и те же грабли и даже вилы... Мне захотелось постичь законы этого бессмысленного движения в никуда... Так в 1970-м я написал первую свою историческую пьесу-притчу «Забывать Герострата!».

...Древний греческий город Эфес, сожженный храм и беспородный хам, рвущийся к власти... Мне казалось, это более чем злободневно и думающие зрители меня поймут.

Пьеса имела успех. Люди все поняли. Цензоры ломали голову, находя понятное для себя объяснение прочитанного...

Работник Министерства культуры с выразительной фамилией Калдобин задал мне уникальный по идиотизму вопрос.

— Григорий Израилевич, — сказал он мне, — вы же русский писатель? Так?! Зачем же вы тогда про греков пишете, а?

Я не нашелся, что сказать в ответ. Да и как можно было объяснить этому чиновнику, что кроме его учреждения существует иное пространство, имя которому — Вселенная, и кроме его календарика с красными датами существует иное время, имя которому — Вечность. И если жить по такому летосчислению, то получается, что нет «вчера» или «завтра», а все люди — современники.

И тогда фламандский шут Тиль Уленшпигель становится понятен своим московским сверстникам и призывает их к свободе, немецкий барон Мюнхгаузен мог учить русских людей ненавидеть ложь, а английский сатирик Джонатан Свифт мог стать нам всем близким своей иронией и сарказмом...

Эти мои пьесы привели меня в Театр Ленком, к режиссеру Марку Захарову.

Он, в свою очередь, стал повивальной бабкой в рождении меня как сценариста, сняв в 1979 году фильм «Тот самый Мюнхгаузен»...

* * *

Начиная с 1980 года я ощущаю себя человеком без определенных занятий, сочиняя то пьесу, то киносценарий, то какие-то юмористические послания для капустников и юбилейных вечеров своих коллег. Затем собираю все это в очередную книгу и предпосылаю ей новую автобиографию...

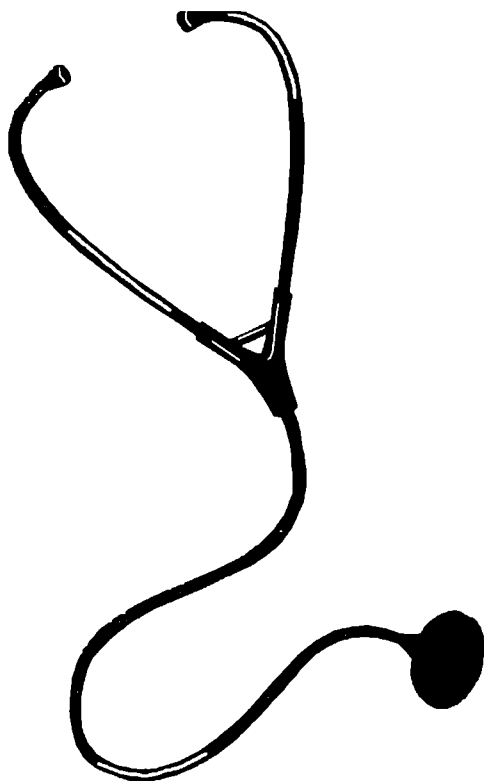
Таким образом, надеюсь поступать и далее в сроки человеческой жизни, отпущенные мне Богом.

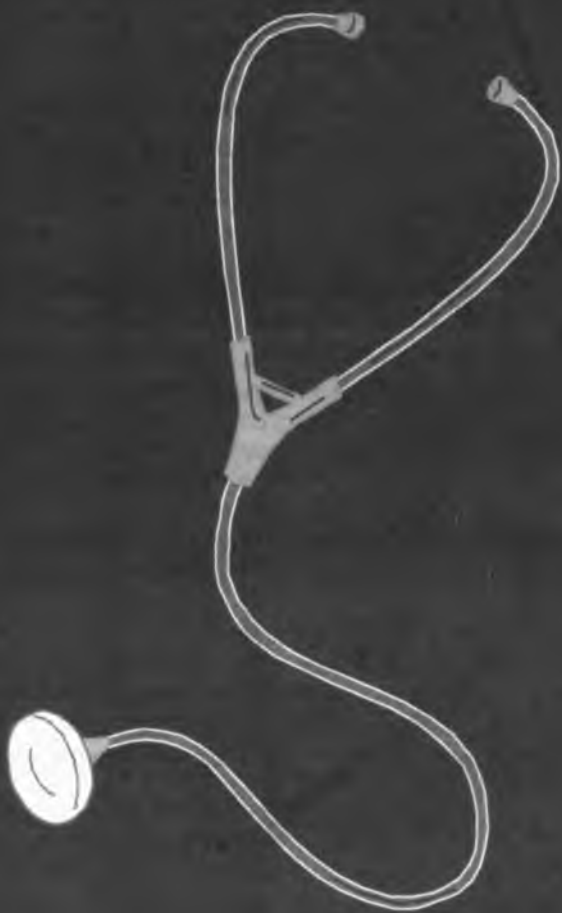
А потом, когда придет пора, готов закрыть глаза и повторить всю цепь своих реинкарнаций: снова бегать, высунув язык, по московским дворам, плавать в озере или озабоченно жужжать над полевыми цветами...

Григорий ГОРИН

Р
асказы
И МОНОЛОГИ

Почему повязка на ноге?

Есть такой анекдот.

Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога.

- Что у вас болит? — спрашивает доктор.
- Голова, — отвечает больной.
- А почему повязка на ноге?
- Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное — вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Только пожилой мужчина, сидевший за столом напротив, как-то странно посмотрел на меня, задумался и затем, перегнувшись через стол, сказал:

— Простите, я, вероятно, не понял... У больного что болело?

- Голова.
- А почему же повязка на ноге?
- Сползла.

— Так! — грустно сказал мужчина и почему-то вздохнул. Потом он снова задумался.

— Не понимаю! — сказал он через несколько минут. — Не улавливаю здесь юмора!.. Давайте рассуждать логически: ведь у больного болела голова, не так ли?

- Голова.
- Но почему же повязка была на ноге?
- Сползла!
- Странно! — сказал мужчина и встал из-за стола.

Он подошел к окну и долго курил, задумчиво глядя в темноту. Я пил чай.

Через некоторое время он отошел от окна и, подсев ко мне, тихо сказал:

— Режьте меня — не могу понять соль анекдота! Ведь если у человека болит голова, на кой же черт ему завязывать ногу?

— Да он не завязывал ногу! — сказал я. — Он завязал голову!

— А как же повязка оказалась на ноге?!

— Сползла...

Он встал и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ну-ка выйдем! — вдруг решительно сказал он. — Поговорить надо!

Мы вышли в прихожую.

— Слушайте, — сказал он, положив мне руку на плечо, — это действительно смешной анекдот, или вы шутите?

— По-моему, смешной! — сказал я.

— А в чем здесь юмор?

— Не знаю, — сказал я. — Смешной, и все!

— Может быть, вы упустили какую-нибудь деталь?

— Какую еще деталь?

— Ну, скажем, больной был одноногим?

— Это еще почему?!

— Если считать возможным, что повязка действительно сползла, то она, проползая по всему телу, должна была бы захватить обе ноги!.. Или же это был одноногий инвалид...

— Нет! — решительно отверг я это предположение. — Больной не был инвалидом!

— Тогда как же повязка оказалась на ноге?

— Сползла! — прошептал я.

Он вытер холодный пот.

— Может, этот доктор был Рабинович? — неожиданно спросил он.

— Это в каком смысле?! — не понял я.

— Ну, в каком смысле можно быть Рабиновичем?..

В смешном смысле...

— Нет, — отрезал я. — В этом смысле он не был Рабиновичем.

— А кто он был в этом смысле?

— Не знаю! Возможно, англичанин или киргиз...

— Почему киргиз?

— Потому что папа у него был киргиз и мама — киргизка!

— Ну да, — понимающе кивнул он, — если родители киргизы, тогда конечно...

— Вот и славно! — обрадовался я. — Наконец вам все ясно...

— Мне не ясно, что же у больного все-таки болело!

— Всего хорошего! — сказал я, надел пальто и пошел домой.

В час ночи у меня зазвонил телефон.

— Это вам насчет анекдота звонят, — услышался в трубке его голос. — Просто не могу уснуть. Эта нога не выходит из головы!.. Ведь есть же здесь юмор?!

— Есть! — подтвердил я.

— Ну. Вот и я понимаю... Я же не дурак! Я же с образованием... Жене анекдот рассказал — она смеется. А чего смеется — не пойму.. Это, случайно, не ответ армянского радио?

— Нет! — сказал я.

— Тогда просто не знаю, что делать, — захныкал он.

Он позвонил мне на следующий вечер.

— Я тут советовался со специалистами, — сказал он. — Все утверждают, что повязка сползти не могла!

— Ну и черт с ней! — закричал я. — Не могла так не могла! Что вы от меня-то хотите?!

— Я хочу разобраться в этом вопросе, — сердито сказал он. — Для меня это дело принципа! Я на ответственной работе нахожусь. Я обязан быть остроумным!..

Я бросил трубку.

После этого он в течение нескольких дней звонил мне по телефону и даже приходил домой.

Я ругался, возмущался, гнал его — все безуспешно.

Он даже не обижался.

Он смотрел на меня своими светлыми чистыми глазами и бубнил:

— Поймите, для меня это необходимо... Я же за границу часто выезжаю... У меня должно быть чувство юмора...

Тогда я решил написать о нем рассказ.

О человеке, который таинственные законы смеха хочет разложить с помощью сухой таблицы умножения.

Свой рассказ я отнес в сатирический отдел одного журнала.

Редактор долго смеялся.

— Ну и дуб! — говорил редактор. — Неужели такие бывают?

— Бывают, — сказал я. — Сам видел.

— Что ж, будем печатать, — сказал редактор. Потом он обнял меня и, наклонившись к самому уху, тихо спросил: — Ну а мне-то вы по секрету скажете — что же у больного на самом деле болело?!

— Голова, — еле слышно произнес я.

— А почему же повязка на ноге?..

Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан.

Случай на фабрике № 6

Все неприятности младшего технолога

Ларичева происходили оттого, что он не умел ругаться. Спорить еще кое-как мог, хотя тоже неважно, очень редко повышал голос, но употребить при случае крепкое словцо или, не дай бог, выражение был просто не в силах. От этого страдал он сам, а главное — работа.

Работал Ларичев на обувной фабрике № 6, на которой, в силу вековых традиций (все-таки обувщики — потомки языкастых сапожников), ругаться умели все: от директора до вахтера. Ругались не зло, но как-то смачно и вовремя, отчего наступало всеобщее взаимопонимание, недоступное лишь младшему технологу Ларичеву. Он со своей путаной, слегка шепелявой речью выпадал из общего круга и вносил бестолковщину. Мог, например, часами просить кладовщика выдать в цех «те», а не «эти», а кладовщик вяло говорил, что «тех» нет, и диалог был скучным и бессмысленным, пока наконец не приходил разгневанный мастер и не начинал орать на кладовщика, тот орал в ответ, мастер посылал кладовщика «куда подальше», тот шел и приносил именно те заготовки, которые и требовались.

Ларичев знал, что за глаза его все прозвали «диетическим мужиком», что над ним посмеиваются, что его авторитет равен нулю, но не мог придумать, как это все изменить. И каждый раз, когда в конце месяца на фабрике наступал аврал и надо было ускорить темп работы, директор начинал кричать на своих заместителей, те — на старшего технолога, старший — на младшего, а тот, в свою очередь, должен был орать на мастеров, но не мог. И поскольку эта налаженная цепочка разрывалась именно на нем, то получалось, что в срыве плана виноват

именно он, Ларичев, и тогда на него орали все. От этого у Ларичева начинало болеть сердце, он приходил домой бледный, сосал валидол и жаловался жене.

— Женечка, — ласково говорила ему жена, — так нельзя, милый... Ты тоже спуску не давай. Ты ругайся!

— Я не умею, — вздыхал Ларичев.

— Научись!

— Не получается.

— Не может быть, — говорила жена, — ты способный! Ты интеллигентный человек, с высшим образованием... Ты обязан это освоить! Занимайся вечерами.

— Пробовал, — грустно отвечал Ларичев.

Он действительно несколько раз пробовал. Наедине, перед зеркалом. Подбегал к зеркалу с решительным намерением выпалить все, что о себе думает, но каждый раз, видя свое хилое отражение, ему хотелось плакать, а не материться.

— Но это все вредно для здоровья, — говорила жена. — Мне один доктор объяснял, что брань — это выплескивание отрицательных эмоций. Все выплескивают, а ты не выплескиваешь! Если не можешь сам этому научиться, возьми репетитора.

— Ладно, — согласился однажды Ларичев, когда у него особенно сильно разболелось сердце. — Попробую учиться...

Шофер фабричной автобазы Егор Клягин долго не мог понять, чего от него хочет этот очкастый инженер в кожаной шляпке.

— Понимаете, Егор Степанович, — стыдливо опустив глаза, бормотал Ларичев, — я советовался со сведущими людьми, и все единодушно утверждают, что лучше вас этому меня никто не научит...

— Чему «этому»?

— Ну, вот этому.. В смысле выражений... Все говорят, что вы их знаете бесчисленное множество...

— Кто говорит-то? — возмутился Клягин. — Дать бы тому по сусалам, кто говорит!

— Нет-нет, они в хорошем смысле говорили! В смысле, так сказать, восхищения вашим словарным запасом...

— Слушайте! — сердито сказал Клягин. — Некогда мне с вами шутки шутить, Евгений Петрович! У меня

здесь и так... — тут Клягин употребил несколько тех выражений, которые были так недоступны Ларичеву.

— Вот-вот, — обрадовался Ларичев. — Именно так! Ах, как вы это лихо! Ну, прошу вас... Всего несколько занятий. А я вам буду платить.

— Чего? — изумился Клягин. Он решил, что Ларичев просто издевается над ним, но тот смотрел серьезно и несколько печально. — Это как же — платить?

— Почасово, — сказал Ларичев. — У меня есть товарищ, преподаватель английского языка... Он берет за час занятий пять рублей.

— Ну, он английскому учит, — усмехнулся Клягин, — а тут — родному... Хватит и трешника.

— Спасибо, — сказал Ларичев. — Вы очень любезны.

В субботу днем Ларичев отправил жену в кино, достал магнитофон, тетрадь, ручки. Задернул шторы.

Клягин пришел в назначенный час. Он был при костюме и галстукe, выглядел торжественно и чуть неуверенно. Оглядел квартиру, попросил запереть дверь, поинтересовался слышимостью через стены.

— А то, знаете, соседи услышат — еще пятнадцать суток схлопочем.

Увидев магнитофон, Клягин заволновался:

— Это зачем? Уберите!

— Это для записей, — пояснил Ларичев. — Мне так запомнить будет проще и легче отрабатывать произношение...

— Уберите! — настаивал Клягин. — Это ж документ. И потом, на кой на эту гадость пленку переводить?

— Нет-нет, прошу вас, — взмолился Ларичев. — Без магнитофона мне поначалу будет трудно...

— Зря я в это дело ввязался, — вздохнул Клягин, однако, уступив просьбам Ларичева, сел за стол. Нервно закурил.

— Начнем, Егор Степанович! — Ларичев сел напротив, открыл тетрадку. — Прошу вас!

— Чего?

— Говорите!

— Да чего говорить-то?

— Слова, выражения... Только помедленней... И если можно, поясняйте принцип их употребления...

Клягин задумался, напрягся, пошевелил губами, с удивлением обнаружил, что беспричинно вспотел, но так ничего из себя и не выдал.

— Как-то не могу без разгона, — сказал он, вытирая лоб. — Не идет как-то...

— Может, чаю выпьем? — спросил Ларичев. — Вы не волнуйтесь.

Он принес чай, коржики.

— Если вам трудно, Егор Степанович, начните с более мягких слов... Попробуйте!

Клягин отхлебнул из чашки, снова задумался, наконец неуверенно произнес:

— Ну, например, «сука»...

— Так, — кивнул Ларичев, записывая слово в тетрадку, — хорошо. Ну и что?

— Ничего...

— Нет, я имею в виду, в каком смысле «сука»?

— В обыкновенном, — пожал плечами Клягин. — Собака, значит, дамского полу..

— Это я знаю, — сказал Ларичев. — А как это употреблять?

— Да так и употребляйте...

— Нет, вы не поняли. Я хочу понять какую-то закономерность. Это слово употребляется в отношении одушевленного или неодушевленного предмета?

— Не знаю я...

— Ну, хорошо... Вот, например, отвертка... Она может быть этим... тем, что вы сказали?

— Отвертка? — удивился Клягин. — При чем здесь отвертка?

— Я в качестве примера... Вот, скажем, у рабочего вдруг потерялась отвертка... Может он ее так называть?

— Если потерялась, тогда конечно...

— А если не потерялась?

— А если не потерялась, тогда чего уж... Тогда она просто отвертка!

— Понимаю, — обрадованно кивнул Ларичев. — Видите, как все любопытно... А о предмете мужского рода можно так говорить?

— Не знаю... Вроде бы нет.

— А вот у нас в цехе, когда сломался конвейер, то механики его тоже называли сухой. А ведь конвейер мужского рода, не так ли?

Клягин долго и внимательно смотрел на Ларичева, потом решительно встал из-за стола:

— Отпусти ты меня, ради бога, Евгений Петрович! Ну тебя... У меня аж голова заболела! Брось дурью мучиться!

— Нет, что вы, пожалуйста... — Ларичев умоляюще схватил Клягина за рукав. — Ну, прервемся... Перекур!

— Не могу я так ругаться! — жалобно сказал Клягин. — Без причины у меня не получается. Куражу нет! Телевизор включите, что ли... Там сейчас хоккей.

Включили телевизор. Играли «Спартак» и «Химик». «Спартак» проигрывал. Клягин несколько минут мрачно наблюдал за экраном, что-то бормоча, а когда в ворота «Спартака» влетела пятая шайба, он побагровел, повернулся к Ларичеву и закричал:

— Ладно! Валяй, Евгений Петрович, записывай! Все по порядку. Начнем с вратаря... Знаешь, кто он?!

Последующие занятия проходили более гладко. Ларичев аккуратно записывал и запоминал все, чему его учил Клягин, потом наговаривал это на магнитофон и давал прослушать учителю. Браниться без помощи техники он пока не решался. Клягин понемногу стал входить во вкус педагогики, стал задавать домашние задания.

После десятого урока Клягин стал настаивать на практических занятиях.

— Ну чего мы воду толчем? — возмущался он. — Сидим здесь закрывшись, как уголовники, и шепотом лаем-ся... А на людях ты, Петрович, уж извини, все такой же одуванчик: дунь — посыплешься! Ты применяй, чему научился, применяй.

— Повода пока не было, — вздыхал Ларичев.

— Какой тебе повод? Пришел на работу — вот и повод... А то что ж зря стараться? Я деньги зря брать не привык!

И тут на фабрике произошло очередное ЧП. Цех резиновой обуви запорол большую партию сапог. Впрочем, не то чтоб уж так запорол — просто голенища оказались припаянными к основанию несколько под углом, что придавало им забавный вид, хотя в носке это, возможно, и не

очень бы мешало, если, конечно, приноровиться их надевать. Но ОТК сапоги не пропустил, и разразился скандал. Директор накричал на заместителя, тот, в свою очередь, — на старшего технолога, тот обругал младшего, а когда они пришли в цех, то старший мастер вдруг заявил, что с него спроса нет, поскольку все расчеты делал Ларичев, стало быть, он и виноват в неправильном смыкании голенища и подошвы.

— Это неправда! — сказал Ларичев. — Я вам докажу..

— А мне нечего доказывать, — сказал старший мастер.

— Я вам несколько раз объяснял...

— А мне нечего объяснять, — снова прервал его тот. — Молоды вы еще меня учить, товарищ Ларичев. Я здесь двадцать лет работаю! Я эти сапоги делал, когда вам мать еще сопلي вытирала!

Ларичев побледнел и смолк. Старший мастер понял, что разговор окончен, повернулся и спокойно пошел прочь.

Наблюдавший эту сцену Клягин подскочил к Ларичеву и зашипел ему в ухо:

— Ну?! Чего ж ты... Ну?! Уйдет ведь! — Он даже подтолкнул Ларичева в спину.

Тот сначала нерешительно пошел, потом побежал, догнал старшего мастера и, нервно кусая губы, тихо сказал:

— Немедленно извинитесь!

— Чего? — не понял мастер.

— Немедленно извинитесь!!!

— Да идите вы, товарищ Ларичев, знаете куда!

Лицо Ларичева сделалось красным, подбородок задрожал:

— Вы... вы...

— Ну же! — не выдержав, крикнул Клягин.

— Вы... вы... — продолжал бормотать Ларичев и, вдруг схватившись за грудь, стал медленно оседать на пол.

Его подхватили, положили на диванчик в коридоре. Через двадцать минут приехала «скорая». Клягин помогал выносить Ларичева на носилках. Тот был бледен, слабо улыбался и все пытался что-то объяснить Клягину, но Клягин угрюмо сопел и не слушал.

Через два дня фотографию Ларичева повесили в красном уголке в черной рамке. На кладбище пришло много народа, выступал представитель фабкома, который охарактеризовал покойного как хорошего специалиста и человека, любимого коллективом.

Вечером Клягин пришел к вдове на поминки, и хотя пил мало, но был очень мрачен и ни с кем не разговаривал. Только попросил магнитофон и, выйдя с ним на лестничную площадку, долго курил.

На следующий день он пришел на фабрику с красными от бессонницы глазами, до одиннадцати работал, а потом зашел к дежурному вахтеру и попросил у него ключ от радиорубки.

Войдя в радиорубку, Клягин закрылся изнутри, сел за стол и включил микрофон. Когда в динамиках раздался треск, Клягин немножко оробел, но тут же взял себя в руки и глухо произнес:

— Алло! Это Клягин говорит.. Шофер Клягин Егор Степанович... Знаете, в общем...

Сквозь окно радиорубки он увидел, как работавшие в цехах люди удивленно подняли головы.

— Стало быть, вот что, — продолжал Клягин, — похоронили мы вчера, стало быть, нашего товарища... технолога... Ларичева Евгения Петровича. Это больно всем нам, что и говорить... Потому что, я вам скажу, замечательный он был человек, нежной души... и так далее... Очень хороший он был, Ларичев... Евгений Петрович...

В дверь радиорубки кто-то постучал, но Клягин даже не повернул головы.

— И вот что я вам теперь скажу, дорогие мои, — продолжал он, — конечно, здоровье у него было слабенькое, никто вроде не виноват, но я вам так скажу — на всех вина, а на мне, может, больше других... Он какой был человек?.. Он чуткий был человек, чистый... И он страдал от нашего с вами хамства. Он, можно сказать, ломал себя под нас... Понимаете?.. Ну, сейчас поймете, кто не понимает... Слушайте сами... Женщинам разрешаю выйти!

Клягин достал из кармана пленку, поставил в магнитофон, включил. Раздалось шипение, а потом тихий голос Ларичева начал медленно и неуверенно выговаривать тяжелые, неповоротливые, совсем чужие для него слова.

Клягин терпеливо ждал, пока пленка закончится. И все стоявшие молча ждали, а когда она кончилась, еще молчали несколько секунд.

— Вот так! — глухо сказал Клягин и выключил магнитофон. — Вот так!.. Все!

После этого случая Клягина обсуждали на месткоме и вынесли ему порицание. Потом на фабрику № 6 приехала специальная комиссия, директор получил выговор за слабую воспитательную работу. А потом фабрику № 6 объединили с фабрикой № 7 и переименовали ее в фабрику № 8. И поскольку фабрика № 6 перестала существовать, то теперь уже трудно установить, был ли на ней этот случай вообще...

Обнаженный Куренцов

Воскресный день начинался прекрасно.

Василий Михайлович Куренцов проснулся рано, встал, позавтракал, надел белую нейлоновую рубашу, закатал рукава, взял свою жену, Зинаиду Ивановну Куренцову, и направился в город на прогулку.

Они сели в такси, прокатились по центральным улицам Москвы, посмотрели Новый Арбат, Кутузовский проспект, потом приехали на Пушкинскую площадь, расплатились и вышли.

Здесь Куренцов и его супруга выпили пива, затем съели по стаканчику мороженого и, уже совсем сытые и довольные, пошли вниз по улице Горького. По дороге они разглядывали витрины магазинов, читали рекламы и афиши, улыбаясь смотрели на девушек в модных юбках, и вообще им было хорошо. Затем они свернули в один из переулков, потом в другой переулок, потом в третий — и тут увидели, возле низенького старинного дома, длинную очередь.

— Извиняюсь, что здесь? — спросил Куренцов у высокого парня в замшевой куртке, стоявшего в очереди последним.

— Выставка, — ответил тот.

— Это в каком смысле? — не понял Куренцов. — Выставка чего именно?

— Выставка живописи, — сказал парень, оглядывая Куренцовых, и добавил: — Современной живописи...

— А почему вход? — поинтересовалась Зинаида Ивановна.

— Двадцать копеек, — сказал парень. — А для школьников и солдат — по пятаку! — И улыбнулся.

Если бы не эта улыбка, Куренцов, конечно, не пошел бы на эту злосчастную выставку, поскольку живописью

он никогда не интересовался. Но снисходительная улыбочка этого парня, а также меркантильный разговор о двадцати копейках и пятакче его задели.

Василий Михайлович повернулся к супруге и спросил:

— Ну что, Зинуля, посмотрим?

— Посмотрим! — быстро согласилась Зинаида Ивановна. — А то чего без толку по городу шляться...

Через двадцать минут супруги Куренцовы уже бродили по залам выставки.

Народу здесь было много. Люди переходили от картины к картине, тихо переговаривались. Возле некоторых о чем-то спорили.

Куренцовы в споры не вступали. Василий Михайлович вел под руку Зинаиду Ивановну, и они чинно прогуливались, глядя по сторонам. Все картины в принципе нравились Василию Михайловичу, особенно пейзажи. Но больше всего ему нравилась обстановка выставки, такая торжественная, можно даже сказать, благоговейная.

— Надо бы нам дома какую-нибудь картину повесить, — тихо сказал жене Василий Михайлович. — А то надоело на обои глядеть...

— Верно, — согласилась Зинаида Ивановна. — У нас в хозяйственном эстампы продают...

— Вот! — обрадовался Куренцов. — Пейзаж какой-нибудь... Так, чтоб деревья были, лужок...

Он сделал рукой неопределенный жест, поясняющий, какой именно лужок хотелось бы видеть на эстампе, глянул по направлению руки на стену и замер от неожиданности.

На большой картине, висевшей в углу, Василий Михайлович Куренцов увидел СЕБЯ...

Картина называлась «Ночное купание». Изображен на ней был берег реки ночью. Светила луна. Двое молодых ребят нагишом бежали к воде. А третий человек, лет пятидесяти, только еще готовился к купанию: он наполовину снял трусы, обнажив левую ягодицу с крупной черной родинкой. Лицо этого человека было обращено к зрителю, и оно, это лицо, несомненно было лицом Василия Михайловича Куренцова.

В первый момент Куренцову показалось, что это ему все чудится, но, увидев побледневшее лицо жены, он понял, что не ошибся.

— Что ж это такое? — тихо ахнула Зинаида Ивановна. — Васенька, это ж ты... голый!

Стоявшая впереди них девушка в очках при этих словах повернулась, посмотрела на Василия Михайловича, потом на картину и улыбнулась.

Холодный пот выступил на лбу Куренцова. Кулаки его сжались.

— Пошли, Зина! — хрипло скомандовал он. — Пошли к директору!

Главный администратор выставки долго слушал Куренцова, качал головой и растерянно улыбался.

— Вам это показалось, гражданин, — говорил главный администратор. — Вам это почудилось!

— То есть как — почудилось? — спрашивал Куренцов, и его левая бровь нервно дергалась от обиды. — Как это может почудиться, когда это я! И лицо, и фигура, и даже родинка... Могу показать!

— Нет-нет, спасибо! — отмахивался администратор. — Но даже если этот нарисованный мужчина и похож на вас, то вы же понимаете, что это случайное совпадение... Случайное, понимаете? Если, конечно, вы не позировали художнику..

— Ничего я не позировал, — зло говорил Куренцов. — Я этого художника в глаза не видел... И тех двух ребятшек, что со мной купаются, тоже не знаю... И речка незнакомая...

— Конечно! — вторила мужу Зинаида Ивановна. — Разве станет Василий Михайлович так купаться? У него плавки есть, японские, в полосочку.. Я ему прошлым летом купила...

— Товарищи, что вы от меня хотите? — наконец спросил администратор.

— Снимайте картину! — твердо сказал Куренцов. — Снимайте — и точка! Здесь люди ходят, дети... Могут прийти сотрудники... Стыд какой! Снимайте ее к чертям!

— Это невозможно, — сказал администратор. — Картина одобрена выставочной комиссией... Снимать ее никто не имеет права!

— А я говорю — снимайте! — угрюмо повторил Куренцов. — Не доводите дело до скандала!

— Вы мне не угрожайте, гражданин! — сказал администратор и перестал улыбаться. — Все претензии предъявляйте художнику, хотя я уверен, что он их тоже не примет..

— Соедините меня с ним! — властно сказал Куренцов.

Администратор внимательно посмотрел на Василия Михайловича, пожал плечами и, сняв трубку телефона, набрал номер:

— Товарищ Егоров?.. Здравствуйте! Это с вами говорит администратор выставки. Здесь к нам пришел один товарищ. У него какие-то странные претензии к вашей картине. Сейчас передам ему трубку..

— Алло! Куренцов говорит, — сказал Василий Михайлович в трубку. — Товарищ художник, здесь такое дело получилось... я у вас на картине оказался... Ну, тот, который трусы снимает... Приношу протест!

— Не понимаю, — послышалось в трубке. — Какой протест?

— За искажение! — сказал Куренцов и с досадой понял, что говорит не то. — В общем, это получился вылитый я... Вы, товарищ, где-нибудь меня видели и зарисовали... А здесь люди ходят, дети...

— Какие дети? — недоуменно спросил голос в трубке. — Я вас, товарищ, никогда в глаза не видел и не рисовал...

— Может, и не видели, а получился я, — сказал Куренцов. — Даже родинка та же...

— При чем здесь родинка? Какая родинка? — Голос в трубке заметно нервничал.

— Обыкновенная родинка... На этом самом... Короче, снимайте картину, а то будет скандал! — хрипло сказал Куренцов.

— Вы выпили, товарищ, — спокойно произнес голос в трубке. — А потому оставьте меня в покое...

Куренцов несколько секунд слушал короткие гудки, потом положил трубку на стол и, не глядя на администратора, мрачно произнес:

— Ну, ладно!.. Пошли, Зина!

Они быстро шли по залам, не оглядываясь и не обращая внимания на людей. Зинаида Ивановна испуганно держала Куренцова за руку, а он шумно дышал носом,

втянув голову в плечи, и иногда вздрагивал всем телом, словно кто-то сзади тыкал ему пальцем в спину.

В этот вечер Василий Михайлович Куренцов выпил много водки. Пил он один. Пил медленно, задумчиво, молча, почти не закусывая.

Зинаида Ивановна грустно смотрела на него, вздыхала, иногда пыталась утешать.

— Плюнь, Вася! — говорила она. — Ну зачем ты страдаешь? Чего особенного? Никто и не знает... Ну кто туда пойдет? Никто из знакомых не пойдет... И на работе объясни: мол, не ходите...

— Дура ты! — сердито отвечал Куренцов. — А вдруг по телевизору покажут? Или, того хуже, открыток наделают... Пять копеек штука...

— А ты отрицай все! Мол, это не я...

— «Отрицай!» — сердито перебивал Куренцов. — Чего ж отрицать, когда физиономия моя... Здесь отрицать глупо!

Он замолкал, курил, и кожа на его лбу, собиравшаяся морщинками в гармошку, говорила о мучительных раздумьях, терзавших мозг.

Наконец Куренцов встал, надел пиджак и, не глядя на жену, хмуро сказал:

— Я пройду, Зина!

— Куда это ты на ночь глядя? — испугалась Зинаида Ивановна.

— Пройду, и все! — повторил Куренцов. — Развеюсь... Он вышел из дома, постоял несколько минут у подъезда, проверяя, не следит ли за ним супруга, и, убедившись, что слезки нет, быстро направился к стоянке такси.

Точного адреса выставки Куренцов не знал, поэтому он долго колесил по центру Москвы, пока наконец такси не подвезло его к знакомому старинному дому.

Куренцов расплатился, подождал, пока машина отъедет, и закурил.

Было около часа ночи. Переулок опустел.

Василий Михайлович несколько раз обошел здание выставки и, убедившись, что ни сторожа, ни постового милиционера здесь нет, остановился сзади дома у маленького окошка. Затем, еще раз оглядевшись, Куренцов

достал перочинный ножик, отколупнул сухую замазку, отогнул гвоздики и вынул двойное стекло.

Вынув стекло, Куренцов залез на невысокий подоконник и, с трудом протискивая свое грузное тело через узкие рамки окна, проник в помещение. Жуткая темнота окружила его со всех сторон.

Поначалу Куренцов очень испугался и с ужасом подумал, что никогда не найдет в такой тьме того, что ищет, но потом сообразил, что находится в каком-то подсобном помещении, а залы где-то впереди и в них, возможно, будет посветлее.

Он долго шел по какому-то длинному коридору. Было очень темно и очень тихо, но алкогольное опьянение, в котором продолжал пребывать Куренцов, отгоняло страх и помогло ему всего с двумя падениями добраться до двери, толкнув которую Василий Михайлович оказался в выставочном зале.

Здесь уже было гораздо светлее. Сквозь громадные окна проникал слабый свет уличных фонарей, и черные квадраты картин на стенах обозначались довольно четко.

«Ночное купание» Куренцов нашел быстро. Он еще несколько минут постоял перед полотном, вглядываясь в свое лицо, которое в этом полумраке показалось ему еще более похожим, потом подставил стул и снял картину с крюка.

И тут Куренцову стало страшно. За всю свою жизнь он никогда не делал ничего противозаконного, и теперь душа его заняла. Сердце бешено заколотилось, и его удары эхом разнеслись по пустым залам.

Однако Василий Михайлович быстро взял себя в руки, еще раз огляделся по сторонам, затем вынул холст из рамы, свернул его в трубочку, а раму повесил на место.

И тут Куренцову опять стало очень страшно. Но совесть уже была ни при чем. Просто Василию Михайловичу показалось, что из дальнего угла кто-то наблюдает за ним. Куренцов задрожал от этого взгляда, но не побежал, а, наоборот, сам не зная почему, медленно пошел в этот дальний угол. Подойдя ближе, он увидел белую обнаженную женщину, стоящую на коленях и протягивающую к нему, Куренцову, руки.

«Статуя!» — догадался Куренцов, но от этого страх его не улетучился, а даже усилился. Потому что чем ближе он подходил, тем до жути знакомыми становились ее черты. И когда Василий Михайлович подошел совсем близко и взглянул в лицо этой каменной бабы, то из груди его вырвался какой-то странный хриплый звук.

Перед ним на коленях, обнаженная, стояла его жена, Зинаида Ивановна Куренцова.

От неожиданности ноги Василия Михайловича подкоились, и он шлепнулся на пол, но тут же вскочил, как-то странно застонал и, схватив скульптуру за вытянутые руки, попытался сдвинуть ее с места.

Однако скульптура была удивительно тяжелой, гораздо тяжелее живой Зинаиды Ивановны. Куренцов все-таки протащил ее по полу метра два, но затем устал, отчаянно пнул ее ногой, ушиб палец и заплакал от тоски.

В этот момент мимо окон проехал автомобиль, и желтые лучи его фар осветили большую картину на стене. На картине Василий Михайлович увидел своего брата, Виктора Михайловича Куренцова, проживающего в настоящий момент в городе Калуге. Виктор Михайлович Куренцов был изображен почему-то в бескозырке, тельняшке, а за поясом у него торчал огромный пистолет.

Василий Михайлович оторопело посмотрел на него и, обреченно махнув рукой, пошел по залу.

Уже не удивляясь и не вздрагивая, он бродил по полутемным залам выставки и с каким-то тупым безразличием разглядывал картины.

Со всех стен на него смотрели Куренцовы.

Здесь были изображены его дядя Алексей Куренцов, двоюродный брат Сергей, крестный Андрей Степанович Жмакин, сестра Зины Ольга, шурин Брюкин, племянница Клава Спиридонова, бабушка Анна Степановна, тетя по материнской линии Раиса Григорьевна.

Обнаженные или одетые в какие-то нелепые костюмы, с красными, синими, зелеными лицами, Куренцовы со всех сторон разглядывали Василия Михайловича, который кругами бродил по залам, пока не ткнулся лбом в какую-то большую дверь.

Здесь, точно очнувшись от сна, Куренцов с силой рванул ручку двери, потом забарабанил по ней кулаками и громко стал звать на помощь.

Через час милицейская машина везла Василия Михайловича Куренцова. Он сидел на железной лавочке между двумя милиционерами и тупо глядел в маленькое окошечко, разлинованное на квадраты стальными прутиками. Когда машина проезжала мимо памятника Юрию Долгорукому, Куренцов неожиданно улыбнулся, тронул одного из милиционеров за рукав и, кивнув на памятник, тихо сказал:

— О, видал?! Дядя мой, Михаил Степанович Куренцов... На коне изобразили, гады!

Виктор Андреевич Корюшкин

прожил со своей женой Ниной в любви и согласии семь лет, и это обстоятельство его очень тяготило. Собственно говоря, мужской темперамент, отпущенный природой Корюшкину, и не требовал никакой побочной жизни, а вполне удовлетворялся законной, семейной, но, будучи человеком современным и в какой-то мере интеллигентным. Корюшкин не мог не понимать, что в таком безоблачном размеренном семейном существовании есть что-то провинциальное и ущербное.

Корюшкин смотрел фильмы, читал книги, беседовал со знакомыми и всякий раз убеждался, что на свете бушуют страсти, люди смело ныряют в море острых ощущений, на Западе уже придуман «группенсекс» (о нем рассказывал Корюшкину один институтский товарищ, который собственными глазами видел этот самый «группенсекс» в шведской авторучке), и получалось так, что только он, Виктор Андреевич Корюшкин, оказался за бортом, сидит пьет чай и коротает знойные июньские вечера с женой и телевизором.

Особенно мучительными для Корюшкина были рассказы сослуживцев, когда в курилке учреждения, в котором работал Виктор Андреевич, после обеденного перерыва собирались мужики и, поболтав о начальстве или футболе, выходили на «живую» тему и когда какой-нибудь Монюков (толстый, лысоватый, ни рожи ни кожи) вдруг со смаком начинал повествовать о своей трехдневной командировке в Тулу, где он в гостинице познакомился с очаровательной девушкой, почему-то эстонкой (снежные волосы, нос в веснушках и шепчет эдак с акцентом: «Милый мой Моньюкоф...»), и какие сумасшедшие были эти три дня. И тут же тему подхватывал следующий: «Это что! А вот у меня был случай...»

И загорались глаза, и каждый спешил захватить площадку, и только Корюшкин стыдливо моргал ресницами, потому что нечего ему было рассказывать. Не было в его жизни никого, кроме Нины, а до Нины были-то всего Зина да Томка в институте, и более никого, не то что, скажем, загадочной эстонки белоснежной, но вообще — ничего, хотя бы и менее экстравагантного. И Корюшкин со вздохом уходил из курилки в рабочую комнату, садился за свой стол и свирепо перекладывал папки из одного ящика в другой, чтобы забыть.

Главное, Корюшкин чувствовал, что он, в принципе, может понравиться женщинам (рост выше среднего, глаза серые и в зубах расщелина, что свидетельствует о тайных пороках), ему улыбалась секретарша Клара, и в автобусах он иногда ловил на себе пугливые оценивающие взгляды, — но как перевести эти едва ощутимые признаки благосклонности во что-то более реальное, Корюшкин не знал.

Нина не то чтобы была ревнива, но, как всякая жена, чуть настороже. Из дому она никуда не уезжала, отдыхать супруги всегда ездили вместе, в командировки Корюшкина не посылали. Так что для легкой кратковременной связи просто не было элементарных условий. Пускаться же в длительный затяжной роман, скажем, с той же Klarой, Корюшкин боялся. Это пахло крупными неприятностями и разводом, а разрушать семью ему не хотелось: во-первых, был сын, во-вторых, Нина хорошая, в-третьих, не хотелось, и все...

Так шли дни, и на седьмом году совместной жизни вдруг наступил такой знойный июнь, когда все женщины надели модные кофточка-майки и такие короткие юбки, что Корюшкин вдруг понял: пора кончать с голубиным семейным воркованьем и свершить что-нибудь эдакое, возмутительное. А тут как раз и выдался случай: местком закупил путевки в двухдневный дом отдыха на водохранилище, и путевки распределили в учреждении, в котором работал Виктор Андреевич, и в соседнем, в котором он не работал, и еще в соседнем... И, покупая путевку, Корюшкин видел, что такие же путевки покупают малознакомые женщины в кофточках-майках.

Дома был трудный разговор. Нина очень обиделась, что Корюшкин не берет ее с собой, хотя он подготовил

вполне логичные доводы: в доме пора провести генеральную уборку, поэтому он и сматывается, чтоб не мешать, и вообще ему хочется побыть в полном одиночестве, чтобы собраться с мыслями. Это «собраться с мыслями» особенно возмутило Нину.

— С какими еще мыслями? — зло спросила она. — Девуцу себе наметил?

Корюшкин искренне обиделся, поскольку Нинины слова были правдой. Он закричал, что ему надоел этот домострой и вечные подозрения, для которых он не давал повода, и что трудно жить с женщиной, у которой такие мещанские представления о других. Потом он уложил в чемоданчик несколько рубашек, шорты, плавки, надел новые фирменные белые трусы в сеточку и лег спать отдельно, на раскладушке...

От учреждения отдыхающих вез огромный автобус. Водитель включил музыку, все громко разговаривали, неутомный Монюков рассказывал анекдоты и всех смешил. Корюшкин тоже смеялся и победным взглядом оглядывал женщин, словно эти анекдоты придумал он. Женщины улыбались Корюшкину, и от этих перспективных улыбок его охватывало радостное волнение.

В доме отдыха селили по двое. Корюшкин оказался в одной комнате с Монюковым и чрезвычайно этому обрадовался, потому что Монюков был мужиком компанейским. Монюков тоже обрадовался соседству с Корюшкиным и сразу предупредил:

— Старик, очень хорошо, что мы с тобой... Ты тогда вечером подышишь на улице часов до двенадцати, ладно? У меня тут намечается маленькое суаре!

Корюшкин не знал, что такое суаре, но все равно обиделся, что его выпроваживают. Корюшкин надулся, заморгал ресницами и сказал:

— Сам дыши! У меня тоже суаре!

— У тебя? — Монюков оскорбительно хмыкнул.

— А что, не имею права? — Корюшкин решил твердо отстаивать свои права на комнату.

— Имеешь, конечно, — задумался Монюков. — Но на кой же черт я с тобой селился? Ты ведь у нас всегда был пайнкой. А с кем у тебя?

— Пока секрет! — сказал Корюшкин.

— Уважаю, — сказал Монюков. — Я сам молчун. Ладно! Тогда давай кинем жребий: кому дышать, кому не дышать... Орел или решка?

Корюшкин выбрал «орла» — и угадал. Монюков расстроился, а Корюшкин понял, что это знамение судьбы, тут же сбежал в буфет, купил бутылку коньяка и плитку шоколада...

Потом все пошли на реку. Корюшкин тоже пошел на реку, плавал вдоль берега баттерфляем, разбрасывал брызги и привлекал внимание. Потом он надел шорты, темные очки и с независимым видом фланировал по пляжу, подсаживаясь к разным компаниям и осторожно вступая в разговор. Парой слов он перекинулся с секретаршей Кларой и пригласил ее вечером в кино (это на всякий случай), познакомился с одной блондинкой (Люся из научно-исследовательского института, лаборантка, не замужем), пригласил ее после обеда погулять по аллеям, «чтоб не толстеть». Люся хотя и была совсем не толстая, но погулять вроде бы согласилась, во всяком случае, кивнула и улыбнулась...

За обедом Корюшкин подсел к столу, за которым сидели Монюков и четыре женщины, две — незнакомые. Монюков, как всегда, хохмил, а Корюшкин ухаживал за незнакомками, подавал им горчицу, и в конце обеда, допивая компот, написал одной из них, Рае (полная брюнетка, инженер-экономист, разведена), записку на бумажной салфетке: «Давайте встретимся в 20.00 у клумбы». Прямо передать записку ей в руки он постеснялся, но положил ее перед Раей так, чтоб когда она вздумает вытереть губы, то прочла бы. После обеда Монюков завалился спать, а Корюшкин, глотнув для храбрости коньяку, выбежал на улицу. Он был бодр, весел и энергичен.

И вот тут в четко расписанном графике Корюшкина начало что-то заедать. Во-первых, не вышла худеть блондинка Люся. Корюшкин два часа бродил по аллеям, высматривая ее, но она не появилась. Правда, гуляя, Корюшкин заговорил с какими-то двумя студентками и, как ему показалось, сумел их к себе расположить, но к концу разговора выяснилось, что студентки вообще не из этого дома отдыха, просто приехали сюда на субботу, живут в лесу в палатке, где кроме них есть еще два студента.

Проклиная себя за бессмысленно потраченное время, Корюшкин помчался к кинозалу и там увидел Клару с какой-то компанией незнакомых мужчин. Клара сказала, что встретила здесь случайно старых друзей, извинилась и ушла в кино с ними. А в 20.00 Рая не пришла к клумбе. Корюшкин прождал ее целый час, мучительно раздумывая, в чем причина неудачи: салфетка не дошла или Рая не захотела? Впрочем, теперь это уже не имело значения. Начинаясь вечер, время безвозвратно уходило.

Он быстро побежал к себе в комнату. Монюкова не было, на столе лежала записка: «Старик, желаю успеха! Вернусь в полночь, постарайся уложиться!» Виктор Андреевич посмотрел на часы — шел десятый час, теперь каждая минута была на счету. Корюшкин надел свежую рубашку, быстро побрился, глотнул еще для храбрости коньяку, вышел в коридор и начал бессмысленно бродить по этажам дома отдыха, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытых дверей. Это были манящие звуки: смех, обрывки фраз, музыка, а за некоторыми дверями стояла тишина — эта таинственная тишина больше всего волновала Виктора Андреевича. Погуляв полчаса и ничего не нагуляв, Корюшкин почувствовал себя бесконечно несчастным, вернулся в свою комнату, выпил весь коньяк и съел весь шоколад.

Он опьянел, и его охватила такая тоска, что он чуть не заревел. Положение и вправду выглядело идиотским: поругался с женой, рванул ни свет ни заря в этот дурацкий дом отдыха, отвоевал отдельную комнату и теперь сидит и пьет один, как последний алкоголик! Корюшкин сидел кусал губы, и в его душе зрело отчаянное желание выбежать в коридор, врваться в закрытые комнаты, орать и требовать, чтоб и его приняли в какой-нибудь загул...

И тут произошло нечто странное — погас свет. Корюшкин подумал, что это только в его комнате, но, выйдя на ощупь в темный коридор, он понял, что свет перегорел во всем доме. Люди чиркали спичками, весело переговаривались, отпускали сомнительные шутки, которые всегда легко говорить, когда не видно лица, кто-то сердито требовал позвонить на электростанцию... В вестибюле первого этажа ходила горничная и шепотом просила отдыхающих не волноваться. В длинном халате, в платочке,

со свечой в руке, она была похожа на монашку, шептавшую молитву.

Темнота немножко развеселила Корюшкина. Он побродил по вестибюлю, давая советы по исправлению линии, потом на лестнице столкнулся с какой-то женщиной и в темноте пытался схватить ее за руку, игриво произнеся: «Пардон, мадам!», но тут же его кто-то толкнул в плечо и строгий мужской голос произнес: «А ну проходи!..» Затем Корюшкин поднялся к себе на этаж, с трудом нашел свою комнату и, быстро раздевшись, рухнул на постель. От выпитого коньяка его потянуло в сон, а главное, он понял, что в темноте уж точно ни с кем не познакомишься, разве что схлопочешь по роже. Корюшкин закрыл глаза, и его воспаленный мозг начал понемножку гаснуть, и разные мысли стали медленно расползаться по извилинам, сворачиваясь в клубок и затихая...

Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла женщина. Корюшкин сразу понял, что это женщина, и проснулся. Сердце бешено застучало у него внутри, а мысли забежали в голову, сталкиваясь и ударяясь друг о друга. Женщина сделала несколько неуверенных шагов по комнате, наткнулась на стул. Корюшкин затаил дыхание, но надолго не смог, и зажатый в легких воздух наконец вырвался из него с каким-то стоном.

— Ой!.. Здесь кто-то есть... Простите, это какой номер? — спросила женщина.

— Семьдесят второй! — прошептал Корюшкин и резким движением выскочил из-под одеяла.

Женщина вскрикнула и отскочила, уронив стул, а Корюшкин в темноте поймал ее руку, притянул к себе и в каком-то дурмане начал страстно целовать ее, попадая губами то в плечо, то в лоб, то в шею, то вообще в никуда, потому что женщина отворачивалась и было темно...

— Прекратите! Прекратите! Я буду кричать! Кто вы?!

— Милая моя! Единственная! О! — страстно шептал Корюшкин, пытаясь перехватить ее вторую руку, которой она толкала его в грудь. — Это я! Корюшкин из отдела статистики... О!.. Дивная моя!.. Я женюсь, честное слово, женюсь!.. Прекрасная моя!.. О чудное мгновенье!

Корюшкин быстро-быстро говорил, переходя то на высокопарный стиль, то на какое-то суетливое бормота-

ние с обещаниями завтра же расписаться, и все время выкрикивал: «О!.. О!..», а женщина твердила: «Перестань-те!» — и сопротивлялась и отталкивала его, но Корюшкин чувствовал, что под его мощным напором толчки становятся все слабее, а сопротивление стихает, признавая себя бессмысленным...

Потом Виктор Андреевич, не одеваясь, вышел на балкон покурить. Он стоял в своих фирменных белых трусах в сеточку, его обдувал ночной ветерок, он курил и смотрел на небо, где не было луны, но очень ярко горели звезды, и он подумал, что звезды в июне очень красивы и как это прекрасно, что на них тоже есть жизнь...

Когда Корюшкин вернулся с балкона, то с удивлением обнаружил, что в комнате никого нет. Виктор Андреевич зажег спичку, огляделся, потом выглянул в коридор, надеясь, что она там, но коридор был пуст. Корюшкин хотел позвать ее, но тут сообразил, что не знает ее имени и, даже если она где-то рядом и спряталась, непонятно, как к ней обращаться.

— Эй! — негромко позвал Корюшкин. — Эй, товарищ! Где же вы?

Ему никто не ответил. Корюшкин вернулся в комнату, снова закурил и сел за стол. Ему вдруг сделалось очень весело.

Вскоре зажегся свет, а ровно в полночь вернулся Монюков. Корюшкин, волнуясь и опуская малозначительные подробности, поспешно рассказал ему все. Он не стал ничего приукрашивать, ибо и правда была настолько невероятна, что он боялся, что Монюков ему не поверит. Однако Монюков поверил. Он усмехнулся, задумчиво почесал в затылке и спросил:

— И ты, стало быть, не знаешь, кто это был?

— Понятия не имею!

— Ну хоть приметы какие-нибудь?

— Какие там приметы? Темно было — хоть глаз коли...

— Толстая? Тонкая?

— Средняя, — подумав, сказал Корюшкин. — Плотная такая... А может, и худая. — Он растерянно заморгал ресницами.

— Так, — подытожил Монюков, — стало быть, ясно, что ничего не ясно! Однако кое-какие приметы все-таки

есть... Во-первых, она мажется польской розовой помадой. — Он ткнул пальцем в щеку Корюшкину, и тот, подскочив к зеркалу, обнаружил на левой щеке две розовые полоски. — Во-вторых, — продолжал Монюков, сняв с одеяла длинный светлый волос, — она блондинка! Причем натуральная! Вот так-то, обвиняемый!

— Почему «обвиняемый»? — поморщился Корюшкин. — Не шути так... Лучше скажи — что теперь делать-то?

— А ничего не делать, — зевнул Монюков. — Спать надо. Завтра найдем.

— А вдруг она постесняется подойти?

— Все равно выдаст себя, — уверенно сказал Монюков. — Взглядом, улыбкой... Покраснеет. Тут много нюансов. Сам почувствуешь! Это, старик, флюидами передается... Вот у меня был аналогичный случай: загулял как-то в командировке в Калуге, проснулся в чужом доме, не помню, как туда попал, не помню с кем... Входит какая-то женщина, приглашает завтракать... А я ни имени ее не знаю, ни фамилии и не пойму: она или не она?

— Ну и что?

— Оказалось — она!

— Как догадался?

— Спросил просто: мол, вы или не вы? Она говорит — я! Так и догадался.

— А что потом?

— А ничего! Позавтракал, уехал... Да чего ты нервничаешь-то?.. Ну, было и было... Закон природы: ты — фавн, она — пастушка! Вспышки страстей... — Монюков еще раз смачно зевнул и пошел спать.

Утром Корюшкин проснулся рано, принял душ, побрился, тщательно причесался и стал будить Монюкова:

— Сережа! Вставай. Пойдем!

— Чего? Куда? — не понял со сна Монюков.

— Найти ее надо... Объясниться...

— Кого?.. Ах да, — потягиваясь, вспомнил Монюков. — Земфиру твою... Да чего ты спозаранку-то?.. Ай, Корюшкин! Прямо супермен какой-то... Кто бы мог подумать?

Через полчаса они спустились в столовую на завтрак. Корюшкин шел робко, пугливо оглядывался по сторо-

нам, бессмысленно улыбался и здоровался со всеми женщинами.

— Не суетись! — строго сказал ему Монюков, садясь за стол. — Не зыркай глазами... Ешь спокойно, а когда уж почувствуешь флюиды...

— Да как почувствую?

— Ну, посмотрит она на тебя... по-особому! Ешь!

Корюшкин принялся жевать котлету и тут же почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он резко обернулся и вздрогнул: на него смотрела бухгалтер Вера Михайловна, чей шестидесятилетний юбилей они недавно торжественно отметили у себя в учреждении. Корюшкина прошиб пот, но он все-таки сумел взять себя в руки и улыбнуться. Вера Михайловна улыбнулась ему в ответ. Монюков заметил эту улыбку и так непристойно заржал, что Корюшкин чуть не выронил вилку.

— Она, что ли? — давась от смеха, зашептал Монюков. — Ты что, Витя? У нее же внуки в армии...

— Прекрати немедленно! — зашипел Корюшкин. — Прекрати! Что я, рехнулся? Это не она... Она помадой не пользуется!

— Все равно смешно. — Монюков вытер слезы бумажной салфеткой. — Сдохнуть от тебя можно... Ну-ну, извини... Не буду. Сосредоточься! Вон в углу блондинка на тебя посматривает. Тебе интуиция ничего не подсказывает?

Корюшкин внимательно посмотрел на пухлую блондинку с орлиным носом, на всякий случай улыбнулся ей и тихо сказал:

— Нет, чувствую — не она.

— У нее помада розовая.

— Все равно! Чувствую — не она. И потом, у нее нос большой. А там... вроде бы... поменьше был.

— И сколько сантиметров?

— Слушай, — обиделся Корюшкин, — ты не издевайся! Если ты мне друг — помоги, а издеваться...

— Ладно, ладно! — перебил Монюков. — Не она так не она... Я не навязываю... Обсудим следующую кандидатуру...

Они перехватили взгляды еще нескольких блондинок. Корюшкин всем улыбнулся и всем кивнул, в смысле — здоровался, но в отношении ни одной из них у него не воз-

никло чувства уверенности. Вообще от этой неопределенной напряженности он начал уставать и нервничать.

И тут Монюков вдруг резко толкнул его локтем — в столовую вошла Ксения Вячеславна Волохова, начальник управления при главке. Одета она была в белый летний костюмчик, ее светлые волосы, как всегда, были уложены пучком сзади. Она благосклонно кивала сотрудникам, чуть улыбаясь тонкими губами, слегка покрытыми розовой помадой...

— Ну что? Она?

Корюшкин не отвечал, а только смотрел на Волохову замороженным взглядом, и она тоже посмотрела на него, и даже дольше, чем на других, и улыбнулась...

— Ну? Она, что ли? — не унимался Монюков.

— Кажется! — сказал Корюшкин, и его зубы забили дробь о край стакана.

— Вот это да! — многозначительно присвистнул Монюков. — Это ты, старик, зря... Начальство в этом смысле лучше не трогать! Ну-ну, спокойней! — добавил он, видя, что лицо Корюшкина приобретает бледно-сиреневый оттенок. — Ничего страшного... Она тоже человек. Как говорится, закон природы, взрыв страстей: ты — фавн, она — пастушка! Да успокойся же!

Корюшкин не мог успокоиться и становился все сиреневей и сиреневей. Если себя он и мог в какой-то мере признать фавном, то Ксения Вячеславна была уж абсолютно не пастушкой, а начальником управления, и ее строгий суховатый голос приводил в трепет людей поважнее Корюшкина.

— Да не смотри ты на нее так, — шептал Монюков. — Это ж неприлично!

— Выйдем отсюда! — упавшим голосом сказал Корюшкин. — Мне что-то нехорошо...

— Пойдем, пойдем. — Монюков поддержал шатавшегося Корюшкина и осторожно повел его через столовую. — Держись, старина... Ох, господи, что ж ты с таким-то здоровьем на баб бросаешься?

Они вышли в сквер, сели на скамейку, закурили.

— Давай взвесим все «за» и все «против», — рассуждал Монюков. — Она живет на том же этаже, что и мы, она блондинка, и губы розовые. Все это говорит о том, что она

могла заблудиться, попасть случайно в твою комнату, а тут ты и налетел как вепрь...

— Я не налетал, — жалобно перебил Корюшкин.

— Налетал, налетал! — неумолимо говорил Монюков. — И в этом вообще ничего страшного нет, если сообщать, на кого... Но, с другой стороны, Волохова не тот человек, которой слабеет в темноте... Ты же знаешь ее характер. Помнишь, на летучке она нашему заву какую головомойку устроила? А Игнатьева за аморалку с работы вытурила с такой характеристикой, что он год уже не может устроиться...

Корюшкин застонал.

— погоди ныть-то! — строго сказал Монюков. — Может, и не она... Эх, черт, зря я волос выкинул, могли бы сверить... Но даже если и она, все тоже не так страшно: в темноте она тебя могла тоже не признать.

— Я назвался, — обреченно сказал Корюшкин.

— Зачем?

— Не знаю... Спяну. И жениться обещал.

— Вот это уже совсем пошло, — поморщился Монюков. — тоже мне, подарок судьбы! На кой ты ей нужен, у нее муж — адмирал.

Корюшкин снова застонал и обхватил голову руками.

— Надо пойти к ней, — быстро заговорил он. — Пойти выяснить... Если что — чистосердечно извиниться... Так, мол, и так! Простите! Я не хотел.

— Что значит «не хотел»? — строго спросил Монюков. — Думай, что говоришь-то! Она все-таки женщина, и очень даже пикантная... Такого врага себе наживешь, не дай бог!.. Впрочем, и друзьями вам теперь трудно оставаться... М-да! Положение щекотливое...

— Она мне характеристику должна подписать, — почему-то вдруг вспомнил Корюшкин. — Мы с Нинкой заявление на Варну подали...

— погоди ты с Варной, — отмахнулся Монюков. — Не до Варны сейчас! Одно ясно: молчать тебе надо! Никаких намеков. Ты не в курсе! Пока сама не даст знать... А уж если даст, тогда другое дело... Тогда оказывай внимание. С ней, старик, нельзя: поматросил — и бросил...

Он вдруг осекся — прямо к их скамейке медленно шла Ксения Вячеславна.

— Сидите, товарищи, сидите, — величественно сказала Волохова вскочившим мужчинам и сама села на скамью. — Как отдыхаете?

— Спасибо, хорошо, — быстро ответил Монюков. — Просто исключительно!

— Природа здесь великолепная, да? — Волохова чуть откинула голову назад и повела глазами, как бы приглашая полюбоваться природой.

— Великолепная! — подтвердил Монюков — Исключительная!

Возникла пауза. Разговор не получался.

— Вечер вчера был теплый, — сказала Волохова и посмотрела на Корюшкина.

Корюшкин побледнел и вдруг выпалил:

— Не помню!

Волохова удивленно вскинула брови, а Монюков с силой придавил ногу Корюшкину, но тот не мог остановиться.

— Не помню! Ничего не помню! — почти выкрикнул он. — Пьян был в стельку! Я когда выпью, ничего не соображаю! Хоть стреляй в меня!.. Вот так! Вот я какой!

Волохова наморщила лоб, и ее глаза сделались маленькими и холодными.

— Пить нехорошо! — строго сказала она. — А хвастать этим и подавно!

— Абсолютно верно! — поддакнул Монюков.

Корюшкин опустил голову и молчал.

— Ну, ладно, товарищи, не стану вам мешать. — Волохова встала со скамейки и медленно пошла по аллее.

— Ненормальный! Что ты разорался? — налетел Монюков на Корюшкина. — Чего тебя вдруг понесло? «Пьяный», «пьяный»!

— Домой хочу! — обреченно сказал Корюшкин. — Домой, немедленно.

— Погоди паниковать! Может, и не она...

— Все равно. Хочу домой! — Корюшкин так быстро зашагал к корпусу, что Монюков еле за ним поспевал. — Черт меня дернул сюда приезжать! Сидел же дома, все хорошо — и на тебе!.. А эта Волохова тоже хороша. Небось, дача собственная есть — так нет, надо с коллективом на отдых... Демократизм проявляет, мерзавка! А люди за нее

отвечай! А я не боюсь! Ничего она мне не сделает... Все по обоюдному согласию... Я насилия не проявлял... А с работы я и сам уволюсь... по собственному желанию, в связи с переходом... И адмиралом меня пугать нечего! Адмирал — он в море адмирал, а мне он не адмирал...

Он долго ехал в душном автобусе до станции, потом час курил в тамбуре электрички, потом троллейбусом доехал до дома, открыл дверь, прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель. Нина не вышла к нему, она гремела на кухне кастрюлями, и Корюшкину вдруг страшно захотелось пойти к жене, рассказать ей про все, посоветоваться... Но он понимал, что это невозможно, и оттого еще больше ощущал себя несчастным и бесконечно одиноким человеком.

Кириуша Лапенков.

высокий худой мужчина лет тридцати пяти, сидел в диетической столовой и обедал. Настроение у Кириуши было скверное. Мрачное было настроение.

Да и с чего, спрашивается, быть хорошему настроению у человека, болеющего гастритом, сидящего в душной столовой и поедающего обед за пятьдесят три копейки в составе: суп овощной протертый, тефтели паровые с картофельным пюре, кисель молочный?

Какие мысли должна рождать в мозгу такая пища?

Грустные мысли. Протертые мысли. Паровые. Желеобразные. Бессолевы.

Но нет! Организм Лапенкова протестовал. И в тот момент, когда его желудок равнодушно принимал всю эту преснятину, мозг Кириуши вел активную, буйную деятельность. Мозг кипел. Он рождал острые, соленые мысли. Мысли, пересыпанные перцем и аджикой, мысли шипящие и дымящиеся, как шашлык на шампуре.

Вот они, мысли Кириуши Лапенкова, в кратком изложении:

«1. Повар — сволочь! Протираешь овощи — протирай, но не до дыр! Сам, небось, харчо жрет!

2. Участковый врач — халтурщик. Раз нашел у человека гастрит — так лечи. А он, кроме диеты, ничего не прописывает. За что им, коновалам, только зарплату платят?!

3. Председатель месткома Точилин — прохиндей! Не дал путевку в Кисловодск. У вас, говорит, товарищ Лапенков, всего-навсего гастритик, а у нас есть товарищи уже с язвочкой. Им путевочку в первую очередь надо. Мерзавец! На следующие выборы месткома не приду. В знак протеста!

4. Начальник отдела Корольков — убогий чинуша. И голос у него визгливый, как у бабы. «Вы почему, товарищ Лапенков, не отправили запрос в Керчь по поводу трансформаторов?» — «Потому что забыл!» — «А зарплату вы получать не забываете?»

У, зануда! Тебе бы мою зарплату!

5. Сосед по квартире Рубинин — подонок и извращенец. Каждую ночь у него музыка орет и женщины повизгивают. Оргии устраивает! И хоть бы раз пригласил, каналья!

6. Лето нынче ужасное. Жара, духота! Говорят, солнечная радиация усилилась. Полысеем все к чертовой бабушке!

7. Вообще народ как-то измельчал... Стал хлипкий и пузатый... Сегодня шел по улице — ни одной красивой девушки не встретил... Вырождается род человеческий помаленьку.

8. В футбол наши играть определенно не умеют. Распустить бы команды, а Лужники огурцами засеять... Все же польза была бы...

9. По телевизору все время какую-то муру передают... В комиссионку отнести его, что ли?

10. Эх, жизнь!..»

На десятом пункте мысли Лапенкова приостановились в своем развитии. Но произошло это вовсе не потому, что этот пункт был наиболее ярким и всеобъемлющим. Просто Лапенков вдруг заметил, что сидящий рядом за столиком бородатый мужчина пристально его разглядывает. Кирюша этого не любил. Под чужим взглядом он терялся и нервничал. Поэтому, быстро допив кисель, Лапенков встал и направился к выходу. Однако спиной он почувствовал, что бородач тоже поднялся и идет за ним.

Так они прошли вместе по улице шагов десять, и все время Лапенков чувствовал на своем затылке сверлящий взгляд бородача. Тогда Лапенков остановился и обернулся.

— Извините, — сказал бородач, подходя к Лапенкову. — Извините. Разрешите представиться: Валабуев, художник!

— Лапенков, — тихо сказал Кирюша, слегка пожимая протянутую руку.

— Не сердитесь, что задерживаю вас, — сказал бородач, — но дело в том, что меня как художника поразило ваше лицо... Это то, что я искал...

— В каком смысле? — растерянно спросил Лапенков.

— В прямом! — сказал бородач. — У вас выдающееся лицо. Низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, острый нос, губы тонкие, нервные... А скулы какие! Ведь это черт знает какие скулы!

— При чем здесь скулы? — начал нервничать Лапенков. — Что вы хотите, товарищ? .

— Я хочу вас попросить позировать мне, — сказал художник. — Ваше лицо мне нужно для картины... Это не займет у вас много времени. Всего несколько сеансов. И я заплачу!

Приветливая улыбка на лице бородача и ласковое «заплачу» как-то успокоили Лапенкова. Он смутился и спросил:

— А кого же вы хотите с меня рисовать?

— Убийцу, — сказал художник и улыбнулся.

Наступила пауза.

— То есть как это? — наконец осторожно спросил Лапенков. — Почему убийцу? С какой стати?

— Это не совсем убийца в обычном понимании этого слова, — продолжая улыбаться, сказал бородач. — Это браконьер. Понимаете, картина называется «Убийство». Композиционно она решается так: опушка леса, а на переднем плане — косуля и охотник. Нежная, трепетная косуля, обогрелая кровью, лежит на траве, а над ней склонился охотник, браконьер с дымящимся ружьем. У него низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, тонкие нервные губы искривились в садистской усмешке...

— Не-не! — запротестовал Лапенков. — Я отказываюсь... Что вы, на самом-то деле? Я люблю животных... И потом, у меня семья, соседи...

— При чем здесь соседи? — поморщился художник. — А что касается животных, то именно из любви к ним я и взялся за это полотно. Я считаю охоту занятием аморальным! Моя картина будет публицистична от начала до конца. Это будет полотно-протест! Почему же вы отказываетесь помочь мне в этом благородном деле?

— Я не отказываюсь, — пробормотал Лапенков, — но как-то странно... Вы меня нарисуете — а что потом скажут? Лапенков мерзавец, скажут..

— Ну зачем же так примитивно, — снова поморщился художник. — Картина не фотография, это все прекрасно понимают... А если кто и узнает вас, то ничего, кроме уважения, к вам это не вызовет..

— Это почему? — не понял Лапенков.

— Потому что не каждого рисуют художники, — сказал бородач. — Это, если хотите, большая честь... Неужели вы этого не понимаете?

— Подумать надо, — вздохнул Лапенков.

— Хорошо! — сказал художник. — Пошли ко мне домой. Это пятнадцать минут ходу. Вот вам и время на раздумье.

Он взял Лапенкова под руку и повел по улице. Шел он быстро, широким, уверенным шагом. Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами и даже иногда подпрыгивать. Оттого и мысли в лапенковской голове были тоже какие-то семенящие и подпрыгивающие.

Вот они, мысли Кириюши Лапенкова, в кратком изложении:

«Откажусь! К черту!.. Почему?.. Потому!.. Зачем людей смешить?.. Почему смешить?.. Ну, не смешить — пугать... Зачем людей пугать?! Пусть знает! С кем! Имеют! Дело! Они все думают, что у меня лицо как лицо! Тьфу лицо!.. А у меня лоб скошенный!.. Ага, задрожите, голубчики! И Точилин! И Корольков! И Рубинин!.. И все!.. С таким лицом шутки плохи!.. Попробуй! Обидь! А я с ружьем! На картине!.. Над косулей!.. Ничего! Они не дураки! Сегодня над косулей — завтра над тобой!.. Попробуй обхами! Попробуй не дай путевку!.. Ненавижу всех!.. И это зафиксируем!.. Картина-протест!.. Смотрите, люди, до чего довели человека!.. Всех на выставку свожу — звериный лик свой покажу!.. Да и самому на себя со стороны посмотреть интересно. Роковой мужчина!.. Девицы! Будут! Замирать! От! Страх! И! Любить!.. Эх!»

— Пришли! — сказал художник, остановившись перед подъездом большого кирпичного дома. — Ну как, согласны?

— Согласен! — вздохнул Лапенков.

— Я так и думал, — сказал художник. — Прошу вас...

Квартира у художника оказалась огромная и светлая. Три комнаты, через которые прошел Лапенков, были уставлены красивой старинной мебелью и книжными полками. Стены были увешаны картинами, иконами, какими-то диковинными масками. С потолков свешивались огромные старинные люстры с множеством стеклянных подвесок. Было очень уютно и, главное, прохладно.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал художник, пододвигая к Лапенкову огромное кожаное кресло. Кирюша робко сел и с удовольствием почувствовал спиной приятный холодок кожи.

— Коньяку выпьете? — спросил художник.

— Нельзя мне, — грустно сказал Лапенков. — Врачи...

— Плюйте на них, — сказал художник, — мне тоже нельзя, а я принимаю понемножку — и ничего...

Он вышел в другую комнату и вскоре вернулся, везя перед собой маленький деревянный столик на колесиках. На столике стояли два больших бокала с каким-то желтым соком, блюдечко с нарезанным лимоном, коробка шоколадных конфет, маленькие бисквитики, большая темная бутылка с яркой наклейкой и две пузатые рюмки.

Лапенков зачарованно смотрел на все эти прелести и, к своему удивлению, проглотил слюну, хотя ел совсем недавно.

— Пейте, не смущайтесь, — сказал художник, наливая рюмки. — Это «Камю»... Отличнейший коньяк... А сейчас я включу музыку. Я, знаете, люблю работать под музыку.. Особенно Легран вдохновляет.. Вы не возражаете?

— Нет, что вы... конечно, — смутился Лапенков.

Они выпили. Художник чуть-чуть пригубил, а Лапенков выпил всю рюмку коньяку и весь бокал с соком. Коньяк был крепкий и ароматный, сок — апельсиновый и холодный. Кирюше как-то сразу сделалось хорошо и радостно, тем более что он увидел, как художник вновь наполнил его рюмку.

— Курите, — сказал художник и положил на столик пачку сигарет в золотой обертке. — Это «Бенсон»... Я их очень люблю.

— Врачи запрещают, — робко сказал Лапенков, но потом обреченно махнул рукой и закурил.

Сигареты были удивительно приятные и крепкие. От них закружилась голова.

— Ну вот, а теперь за работу, — сказал художник.

Он включил магнитофон, достал большой альбом и толстый пластмассовый карандаш, а затем сел в кресло напротив Лапенкова.

Из динамиков, висевших на стенах, полилась музыка. Это была какая-то удивительно спокойная музыка, тихая и чуть-чуть печальная. Сам не понимая почему, Кирюша вдруг почувствовал в груди какое-то блаженное томление. Он выпил вторую рюмку коньяку и уже сам налил себе третью.

«Вот дурак-то я, — подумал про себя Лапенков. — Еще отказывался... Хорошо-то как, господи!..»

Художник несколько минут внимательно смотрел на Лапенкова, потом неожиданно отложил блокнот; закурил, встал и прошелся по комнате.

— Послушайте, Лапенков, — наконец сказал он, глядя Кирюше прямо в глаза, — что у вас случилось с лицом?

— А что? — удивился Лапенков и провел рукой по щекам. — Чего случилось?

— У вас резко изменилось лицо, — сказал художник. — Черты, в общем-то, те же, а выражение совсем другое... Не то, что было там, в столовой...

— Не знаю, — сказал Кирюша. — Выпил потому что...

— Это я понимаю, — сказал художник. — Но мне-то необходимо именно то выражение... Жестокое, гневное и непреклонное. Вы помните, о чем вы думали там, в столовой?

— О разном думал, — тихо сказал Лапенков. — О людях, о жизни... Вообще, так сказать...

— У вас много неприятностей?

— Много, — вздохнул Лапенков.

— Ненавидите всех?

— Ненавижу, — опять вздохнул Лапенков.

— Очень хорошо, — сказал художник. — Тогда помните все, о чем выдумали, о всех ваших врагах, и попытайтесь расправиться с ними мысленно...

— То есть как? — не понял Лапенков.

— Убейте их... Мысленно! Представьте: вам дали ружье в руки, разрешили стрелять в кого хочешь... Ожесто-

чайтесь!.. Давайте, давайте... Проведем этот психологический опыт... Ну? Закройте глаза и сосредоточьтесь.

Лапенков послушно закрыл глаза и стал думать.

Сначала мыслей никаких не было. Просто в голове было какое-то приятное кружение, а во всем теле — сладкая ломота. Лапенков напрягся. Мелькнула мысль: выпить бы еще коньяку! Но это было не то. Потом снова мыслей не было. Потом наконец они появились.

Это были удивительные мысли, тягучие и ароматные, пахнущие коньяком и сигаретами «Бенсон»... Вот они, мысли Кируши Лапенкова, в кратком изложении:

«Убью повара! Он сволочь! Впрочем, почему?.. Ну, суп плохо готовит! Ну и что?.. Не нравится — не ешь. За что убивать? Лучше участкового доктора кокну!.. Он, бедняга, бегаёт целый день по вызовам, ночей недосыпает — а я его из ружья?.. Вот Точилина действительно стоит укокошить!.. Почему путевочку не даешь?! Потому что нет!.. Где он ее возьмет?.. Родит, что ли?.. А так он хороший человек, Точилин!.. И начальник отдела Корольков тоже хороший человек!.. Если и кричит, то за дело! Запрос в Керчь я действительно забыл отправить! Пусть живет на радость людям!.. Ох, какая музыка! Легран? Хороший человек Легран!.. Надо посоветовать соседу Рубинину, пусть он эту музыку достанет... Хороший он парень, молодой, красивый... Его девушки любят... За что ж его убивать?.. Нет, я не на него злился... Я на лето злился!.. Жаркое лето! Радиации много!.. И ничего не много!.. В самый раз... Футболистов пострелять, что ли?.. Да их же тысячи! Патронов не наберешься... Да и как же без футбола?.. Одна радость... Почему одна?.. А телевизор вечером посмотреть — плохо, что ли?.. «А я иду, шагаю по Москве, и я еще пройти смогу...» Это что, тоже Легран?.. Нет, это наша песня. Хорошая песня... «Ой ты рожь вы-со-ка-я... Ой ты... хм... вт... бт... уз...»

Лапенков уснул. Ему приснился красивый сон. Будто он идет по красивому городу, навстречу идут красивые люди, а у него прошел гастрит. Лапенкову стало так хорошо, что он достал ружье и, на радостях, пальнул в воздух... Выстрел получился громкий, и Лапенков проснулся.

Несколько секунд он изумленно смотрел на бородатого человека, сидящего в кресле напротив и что-то зарисовывающего в альбоме, а потом вспомнил, где он и что с ним.

— Послушайте, товарищ художник, — жалобно сказал Кирюша. — Не надо...

— Что — не надо? — спросил художник, подняв голову.

— Не надо с меня — убийцу, — сказал Лапенков. — Не подхожу я... — И, сам не зная почему, Лапенков вдруг всхлипнул.

— Да не волнуйтесь вы, — сказал художник и улыбнулся. — Не расстраивайтесь... Я рисую с вас косулю...

Чем открывается пиво?

Вечер. Суббота. Конец июля.

Мы сидим в номере гостиницы «Украина». Мы — это Наташа, Гизо, Виктор, Натан, Мила и я. Номер принадлежит Гизо. Каждый раз, когда Гизо приезжает в Москву поступать во ВГИК, он останавливается в этой гостинице, а мы, его друзья, вечерами собираемся у него в номере.

На столе — две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, вобла, батон хлеба, маслины, охотничья колбаса, сулугуни, транзистор «Банта», в котором звучит ансамбль электроинструментов под управлением В.Мещерина.

Все курят. Гизо спорит с Натаном.

— Я не понимаю, — говорит Гизо, — почему тебе не нравится «Мужчина и женщина»? По-моему, исключительно замечательный фильм. Ты не станешь отрицать, что операторски Лелюш там делает удивительные чудеса!

— А я говорю: пошлая картина! — Натан пускает колечки дыма к потолку; делает это он, надо сказать, мастерски. — Великолепная подделка... Обложка иллюстрированного журнала! Красиво, но к искусству не имеет никакого отношения!

— А я говорю, что это искусство! — Гизо сердито откусывает кусок колбасы. — Причем искусство интеллектуального порядка. Ты просто сноб! Всем нравится, поэтому тебе не нравится! А с цветом так никто никогда не работал. Я знаю, что если поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать с цветом! Работать с цветом в нашей кинематографии еще ой как много надо! Я верно говорю, Мила?

— Верно! — соглашается Мила. — У Анук Эме в фильме дубленка красивая! Мне такую обещали достать. С белым мехом... — При этом она грустно глядит на Виктора.

У Милы, все знают, есть две конкретные мечты: дублинка и Виктор. Пока, к сожалению, ни она, ни он ей не доступны.

— Вчера на ипподроме была выдача — шестьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Это от фаворита. Пришла такая темная лошадка по имени Гимнастика... Самое смешное, что я, дурак, думал о ней, но почему-то в последний момент не сыграл...

— Кстати, вчера в клубе МГУ выступал йог, — замечает Наташа, потом задумывается и добавляет: — Из Индии.

— Ну как? — спрашивает Мила.

— Ничего! Носом бокал шампанского выпил... Потом коньяку, но уже ртом... Забавно!

— Чушь! — решительно говорит Натан. — Я не верю в учение йогов... С точки зрения физкультуры это, может быть, и занятно, но все их философские выкладки — на уровне букваря...

Натан снисходительно улыбается. Мы тоже все снисходительно улыбаемся. Нам даже как-то неловко за йогов и за Наташу.

— Выпьем? — Виктор спрашивает всех и никого.

— Выпьем! — Мила соглашается раньше всех. — Пиво откройте кто-нибудь.

— А где открывалка? — Я вопросительно смотрю на Гизо. — У тебя в номере есть открывалка?

— Была где-то, потерял, — отвечает Гизо и сразу переводит взгляд на Натана.

Гизо любит говорить с Натаном. Все любят говорить с Натаном. Натан много знает и даже как-то написал небольшую статью в журнал «Наука и религия», в которой с блеском опроверг Библию.

— Нет открывалки! — говорю я Миле.

— Возьми у дежурной по этажу, — просит Мила. — Пива хочется.

Пива действительно хочется. Я встаю, выхожу в коридор. В конце его за столиком сидит дежурная и вяжет шарф.

— Простите, у вас есть открывалка для пива? — спрашиваю я.

— В номере должна быть, — отвечает дежурная, не переставая вязать.

— В номере нет. Потерялась, очевидно...

— У меня тоже нет, — говорит дежурная. — Спросите на втором этаже, в буфете...

Я спускаюсь на второй этаж. Буфет открыт, но в дверях стоит стул, обращенный спиной к коридору. Это значит, что буфет закрыт.

— До шести мы!.. — кричит мне официантка. — Все! Мы до шести...

— Мне бы открывалку, — неуверенно говорю я. — Пиво открыть... Я сейчас же принесу...

— До шести мы!.. — снова кричит официантка. — Мы до шести!.. Ресторан до двенадцати...

Я вздыхаю и иду в ресторан. У входа в ресторан — очередь. Пожилой швейцар с бесцветным лицом прогуливается за стеклянной дверью. Я пробираюсь сквозь очередь, ловлю на себе недовольные взгляды и на ходу объясняю: «Мне на минутку, товарищи! На минуточку!..» Я стучу в стеклянную дверь. Швейцар смотрит на меня равнодушным взглядом и разводит руками.

— Мне на минуточку! — кричу я. — Мне только открывалку взять! Для пива!

Швейцар не понимает и всем своим видом дает понять, что понимать не хочет.

— На улице в палатке продают, — вдруг говорит мне кто-то в очереди.

— Что продают?

— Ну, открывалки эти. Двадцать копеек штука.

Говорящий смотрит на меня ехидным взглядом. Видно, он сомневается, что мне нужна открывалка.

— Где эта палатка? — зло спрашиваю я.

— Здесь, за углом гостиницы.

— Спасибо! — говорю я, выбираюсь из очереди и выхожу на улицу. На улице душно. Весь западный край неба одет черными тучами, точно свитером. Будет дождь.

Справа стоят несколько палаток. В них продают помидоры, огурцы, мороженое. Открывалок для пива нет. Очевидно, тот тип в очереди что-то напутал. Я прохожу метров сто вдоль улицы, потом останавливаюсь, поворачиваю назад.

Неожиданно возле меня тормозит такси. В нем — Валька Беляев. Он несколько пьян и с огромным чемоданом.

— Привет! — кричит он. — Ты чего здесь?

— Открывалку хочу купить... для пива... А ты куда собрался?

— Во Внуково... В Ялту лечу.. Садись!

— Чего — садись?

— Садись, довезу по пути до какого-нибудь магазина... Там купишь эту штуку..

— Не, — отказываюсь я. — Меня ждут..

— Да садись! — Валька тянет меня за руку. — Дождь начинается...

Дождь уже начался. Тяжелые капли отбивают дробь по крыше машины. Мы едем. Валька много курит, много треплется. Рассказывает про свою красавицу жену, про сына-вундеркинда, который в полтора года уже умеет считать до десяти, про новую квартиру, которую он получил в Мневниках, про то, как ему все это осточертело и он решил махнуть на юг — отдохнуть.

Я слушаю и забываю про магазин.

— Минутку! — кричу я, когда мы выезжаем на Внуковское шоссе. — Куда ты меня, к черту, везешь? Я же пошел за открывалкой...

— В аэропорту достанешь, — уверенно говорит Валька. — В буфете. У меня полтора часа до вылета. Я так рад тебя видеть, старик!

Мы сидим в буфете аэропорта и пьем коньяк.

— Ты не понимаешь, как это страшно — разочароваться в человеке! — кричит Валька и зло ерошит волосы. — Ты этого не можешь понять... Ты холостой! А я влип! Она злая! Господи, почему она такая злая?! Она даже кошек не любит.. А мне она пожелала, чтоб я умер!

— Разведись! — решительно говорю я. — Лучше сейчас, пока пацан маленький... Пока он считает только до десяти...

— Это все очень трудно! — Глаза Вальки полны слез. — Я ее люблю... Я всех люблю... Я чокнутый!.. Слушай, полетим вместе в Ялту, а? Отдохнешь, загорись... Ну чего ты без толку в Москве болтаешься?

— Ты что, — смеюсь я, — очумел? Меня там ребята ждут.. И мама испугается...

— Дадим телеграмму, — говорит Валька. — Это ж здорово — так, не собираясь! Деньги есть, я одолжу.

Мы заказываем еще бутылку коньяку.

В Симферополе жарко и многолюдно. После выпивки и короткого сна в самолете немного болит голова. Пока Валька суетится в поисках такси до Ялты, я обхожу торговые ларьки, спрашиваю открывалку для пива. Нигде нет. Вернее, в одном есть, но нет сдачи с десяти.

— В Ялте купишь! — кричит Валька. — Поехали скорее, такси ждет.

В Ялту мы приезжаем совсем ночью. Останавливаемся у Валькиных родственников. Усталые, засыпаем...

Первая неделя пролетает незаметно. Я почернел, похудел немного. Раздражает отсутствие необходимых вещей, но как-то выкручиваюсь: кое-что одолжил Валька, кое-что купил — плавки, рубашку, темные очки. Открывалок для пива нет. Но ничего, не расстраиваюсь.

На пляже познакомился с продавщицей из местного универмага. Брюнетка, двадцать лет, зовут Ниной. Говорит, что через несколько дней к ним в отдел поступят какие-то импортные открывалки-сувениры. Можно открывать пиво и носить на груди вместо значка.

С Ниной съездили в Гурзуф и Коктебель. Она очень славная и, по-моему, влюбилась в меня очень.

Однажды, когда мы с ней сидим в кафе «Магнолия», она вдруг начинает плакать и говорит:

— Сегодня к нам поступили в продажу импортные открывалки... Теперь ты уедешь, да?

Я молчу. Мне, честно говоря, не хочется уезжать.

— Поедем в Одессу, — говорит Нина. — Там отец в паромном работает. У нас дом. Вишни растут... Поедем... В Одессе открывалки для пива в любом магазине... — Она плачет сильнее. Я улыбаюсь, глажу ее волосы...

В Одессу мы приезжаем в конце августа.

Свадьбу устраиваем скромную: с Ниной стороны — пять-шесть родственников, с моей — я и поздравительная телеграмма от мамы. На свадьбе много пьем, пивные бутылки открывают ударом о стол.

Устроился на работу радистом на прогулочном катере. Кручу магнитофон, довольные туристы танцуют на верхней палубе. На мне форменка, зарплата — восемьдесят рублей. Нина поступила в политехнический институт, получает стипендию. На жизнь хватает. Во всяком случае, покупка открывалки для пива не проблема.

Осенью тесть помог мне устроиться на теплоход «А.П. Чехов». Четырехпалубный гигант, ходит по международным линиям. В январе ушел на нем в Африку. В Александрии в порту белозубый арабчонок продавал открывалки для пива. Симпатичные открывалки — фараон Рамзес с открытым ртом — для пробок. Не купил, пожалел валюту.

Потом ходили на Мадагаскар, потом в Индию. Наконец, совсем дальний рейс — в Японию. В Японском море наткнулись на горящий австралийский танкер, помогли тушить пожар. Мне не повезло: упал с мостика, сломал голень. Ко мне в лазарет приходил капитан танкера, жал руку, благодарил. Спросил, какой бы подарок я от него хотел получить.

— Ничего не надо, — величественно сказал я. — Вот разве что открывалку для пива...

Капитан послал двух матросов, обшарили весь танкер, открывалок не нашли. Обещал обязательно прислать из Австралии...

Весь июль провалялся во Владивостоке в больнице. Получил от Нины письмо — у меня родился сын. Назвали Сергеем. Значит, полное имя — Сергей Сергеевич. Тоже красиво.

В конце июля выписался из больницы, сел в самолет, полетел в Москву. В Домодедове в ларьке купил открывалку для пива, взял такси, поехал в гостиницу «Украина».

В номере Гизо все были в сборе: Наташа, Гизо, Натан, Виктор, Мила, стол, две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, маслины, вобла, транзистор «Банта». Звучал ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

— Здорово, ребята! — кричу я с порога.

— Здорово, — приветствует меня Гизо. — Очень хорошо, что ты пришел. Ты только послушай, что здесь говорит Натан... Он говорит, что цветной кинематограф исчерпал себя в мировом кинематографе... А я говорю — никогда! Если я поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать исключительно с цветом...

— Ну и будет пошло! — говорит Натан и пускает колечки дыма к потолку. Делает это он по-прежнему мастерски...

— Вчера на ипподроме была выдача — пятьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Я, дурак, знал лошадей — и не сыграл!

— Пятьсот! — ахает Мила и нежно глядит на Виктора. — Это же дубленка!..

— В МГУ еще выступает йог? — спрашиваю я Наташу.

— Недавно выступал, — говорит Наташа. — Ты был?

— Нет.

— А где ты пропадал? Что-то тебя не видно было...

— За открывалкой для пива ходил, — говорю я.

— Нашел? — заинтересованно спрашивает Мила.

— Нашел...

— Так чего ж ты тянешь? — возмущается Виктор. — Мы ждем, а он, оказывается, принес открывалку и молчит. Давай, давай, пива охота!

Я долго шарю по карманам.

— Нет! — говорю я. — Нету ее... В такси, наверное, обронил...

— У дежурной попроси, — советует мне Гизо и тут же поворачивается к Натану. — Значит, потвоему, Натан, все, что делает Лелюш, — это тоже не искусство?

— Сережа, миленький принеси открывалку, — жалобно просит Мила. — Пива очень хочется...

Пива действительно хочется. Я встаю и выхожу из номера...

Папе было сорок лет,

Славику — десять, ежику — и того меньше. Славик при-
тащил ежика в шапке, побежал к дивану, на котором ле-
жал папа с раскрытой газетой, и, задыхаясь от счастья,
закричал:

— Пап, смотри!

Папа отложил газету и осмотрел ежика. Ежик был кур-
носый и симпатичный. Кроме того, папа поощрял любовь
сына к животным. Кроме того, папа сам любил живот-
ных.

— Хороший еж! — сказал папа. — Симпатяга! Где до-
стал?

— Мне мальчик во дворе дал, — сказал Славик.

— Подарил, значит? — уточнил папа.

— Нет, мы обменялись, — сказал Славик. — Он мне
дал ежика, а я ему билетик.

— Какой еще билетик?

— Лотерейный, — сказал Славик и выпустил ежика
на пол. — Папа, ему надо молока дать...

— погоди с молоком! — строго сказал папа. — Откуда
у тебя лотерейный билет?

— Я его купил, — сказал Славик.

— У кого?

— У дяденьки на улице... Он много таких билетов про-
давал. По тридцать копеек... Ой, смотри, папа, ежик под
диван полез...

— погоди ты со своим ежиком! — нервно сказал папа
и посадил Славику рядом с собой. — Как же ты отдал
мальчику свой лотерейный билет?.. А вдруг бы этот билет
что-нибудь выиграл?

— Он выиграл, — сказал Славик, не переставая на-
блюдать за ежиком.

— То есть как это — выиграл? — тихо спросил папа, и его нос покрылся капельками пота. — Что выиграл?

— Холодильник! — сказал Славик и улыбнулся.

— Что такое?! — Папа как-то странно задрожал. — Холодильник?!. Что ты мелешь?.. Откуда ты это знаешь?

— Как — откуда? — обиделся Славик. — Я его проверил по газете... Там первые цифирки совпали... и остальные... И серия та же!.. Я уже умею проверять, папа! Я же взрослый!

— Взрослый?! — Папа так зашипел, что ежик, который вылез из-под дивана, от страха свернулся в клубок. — Взрослый?!. Меняешь холодильник на ежика?

— Но я подумал, — испуганно сказал Славик, — подумал, что холодильник у нас уже есть, а ежика нет.

— Замолчи! — закричал папа и вскочил с дивана. — Кто?! Кто этот мальчик?! Где он?!

— Он в соседнем доме живет, — сказал Славик и заплакал. — Его Сеня зовут..

— Идем! — снова закричал папа и схватил ежика голыми руками. — Идем, быстро!

— Не пойду, — всхлипывая, сказал Славик. — Не хочу холодильник, хочу ежика!

— Да пойдем же, оболтус, — захрипел папа. — Только бы вернуть билет, я тебе сотню ежиков куплю...

— Нет.. — ревел Славик. — Не купишь... Сенька так не хотел меняться, я его еле уговорил...

— Тоже, видно, мыслитель! — ехидно сказал папа. — Ну, быстро!..

Сене было лет восемь. Он стоял посреди двора и со страхом глядел на грозного папу, который в одной руке нес Славика, а в другой — ежа.

— Где? — спросил папа, надвигаясь на Сеню. — Где билет? Уголовник, возьми свою колючку и отдай билет.

— У меня нет билета! — сказал Сеня и задрожал.

— А где он?! — закричал папа. — Что ты с ним сделал, ростовщик? Проврал?

— Я из него голубя сделал, — прошептал Сеня и захныкал.

— Не плачь! — сказал папа, стараясь быть спокойным. — Не плачь, мальчик... Значит, ты сделал из него голубя. А где этот голубок?.. Где он?..

— Он на карнизе засел... — сказал Сеня.

— На каком карнизе?

— Вон на том! — Сеня показал на карниз второго этажа.

Папа снял пальто и полез по водосточной трубе.

Дети снизу с восторгом наблюдали за ним.

Два раза папа срывался, но потом все-таки дополз до карниза и снял маленького желтенького бумажного голубя, который уже слегка размок от воды.

Спустившись на землю и тяжело дыша, папа развернул билетик и увидел, что он выпущен два года тому назад.

— Ты его когда купил? — спросил папа у Славика.

— Еще во втором классе, — сказал Славик.

— А когда проверял?

— Вчера.

— Это же не тот тираж... — устало сказал папа.

— Ну и что же? — сказал Славик. — Зато все цифирки сходятся...

Папа молча отошел в сторонку и сел на лавочку. Сердце бешено стучало у него в груди, перед глазами плыли оранжевые круги... Он тяжело опустил голову.

— Папа, — тихо сказал Славик, подходя к отцу. — Ты не расстраивайся! Сенька говорит, что он все равно отдает нам ежика...

— Спасибо! — сказал папа. — Спасибо, Сеня...

Он встал и пошел к дому.

Ему вдруг стало очень грустно. Он понял, что никогда уж не вернуть того счастливого времени, когда с легким сердцем меняют холодильник на ежа.

Воскресные прогулки

Каждое воскресенье

я провожу вместе с отцом. Обязательно. Несмотря на занятость, бросаю все дела и отправляюсь вместе с ним куда-нибудь — в парк, в кино или просто в сквер. Отец любит гулять со мной и не пропускает ни одного воскресенья.

Вот и сегодня, только я проснулся, он уже стоит в моей комнате.

— Здравствуй, — говорит он. — Куда мы сегодня?

— Сегодня в зоопарк, — говорю я. — Согласен?

Отец кивает головой. Он любит ходить в зоопарк. Мы бывали там много-много раз, и этот животный мир мне, честно говоря, уже поднадоел, но он любит.

Пока я чищу зубы, одеваюсь, пока бабушка поит меня молоком и пришивает бретельку к штанам, отец сидит в моей комнате и листает книги. Из кухни сквозь открытую дверь я вижу, как он рассматривает картинки и чему-то улыбается.

— Я готов! — кричу я.

— Булки для лебедей взял? — спрашивает отец.

— Взял.

В зоопарке никого нельзя кормить, кроме лебедей. Это отец знает. В первый раз, когда мы пришли с ним туда, он бросал обезьянам конфеты, и нас чуть не оштрафовали. А лебедей кормить можно. Они очень смешно толкаются в воде и ловят куски булки прямо на лету.

Мы едем в автобусе. Отца я посадил ближе к окну — он любит смотреть на дома. Я грызу яблоко. Если в автобусе грызть яблоко, дорога всегда кажется короче.

— Как дела на работе?

— Ничего, — говорит отец. — Все в норме.

— Звягинцев свирепствует?

— Немного... — отец сконфуженно улыбается и пытается обнять меня за плечи, но я не даюсь.

Звягинцев — начальник там, где работает отец. Он всегда придирается к отцу и делает ему разносы на совещаниях. Звягинцев — хам. Впрочем, отец тоже виноват — нельзя быть таким рохлей.

Мы долго идем мимо птичьих вольеров, смотрим на купающихся медведей, потом стоим возле загона, в котором ходят дикие олени.

— Почему они языки свесили? — спрашивает отец.

— Им жарко, — говорю я. — Необходима терморегуляция... Влага испаряется, понимаешь? А еще у оленя есть в сердце кость...

— Не может быть! — отец испуганно смотрит на меня.

— Я читал. Ну, может, и не совсем кость, но какая-то костная основа имеется. Поэтому олени такие выносливые.

Отец смотрит на меня вытаращенными глазами и, кажется, вот-вот расплачется.

— Нет кости, — говорю я. — Пошутил!

Мы уходим от загона и направляемся к повозкам с пони. Мне хочется покататься на пони. Отцу тоже хочется покататься на пони, но взрослым запрещено. Я пытаюсь уговорить билетера, объясняю, что отец — легкий и пони не надорвутся, но билетер не разрешает. Тогда я закатываю истерику. Это мой проверенный прием. Валюсь на землю, строю ужасные рожи и ору:

— Папочка! Я хочу с папочкой! Пустите моего папочку!

Собирается толпа. Меня поднимают с земли, вытирают слезы. Я мелко дрожу и всхлипываю. Кто-то кричит на билетера. Тот огрызается, но продает отцу билет.

Мы делаем на повозке два круга. Пони бегут быстро. Непонятно, откуда у них такие силы. Отец обнимает меня, смеется и на поворотах громко кричит: «И-эх!»

Когда повозка останавливается, он еще несколько минут не может прийти в себя, ерошит волосы и, глядя на меня молящими глазами, спрашивает:

— Хочешь еще?

Мне жалко его, но я решительно говорю:

— Хватит!

Печально, что приходится быть с ним строгим, но мама права — во всем надо знать меру.

Потом мы идем в кафе, заказываем мороженое. Сегодня здесь богатый ассортимент: каждому приносят по три шарика — шоколадный, фруктовый и апельсиновый. Апельсиновый — самый вкусный, если его не глотать кусками, а понемногу слизывать с ложечки. А еще интересней совсем не глотать, а положить кусок мороженого в рот и ждать, пока оно само растает.

— Что у тебя с квартирой? — спрашиваю я.

— Был в райисполкоме, — поспешно говорит отец и кладет ложку.

— Ну что?

— Они обещали через пару лет..

— Ты же очередник! Надо взять письмо с работы!

— Давай в кино пойдем, — предлагает отец. — Новая серия «Ну, погоди!»

— Нет, — говорю я. — Пойдем в сквер.

Отец быстро доедает мороженое, и мы встаем.

Меня всегда бесит его отношение к квартире. В конце концов, при его стаже он имеет право получить квартиру и через свое министерство. У нас сосед так получил. Но разве отцу втолкуешь?

Бабочка пролетела. Странная какая-то бабочка — коричневая, а на крыльях зеленые кружочки... Вот бы поймать! Но чем поймать — сачок не взял, а панамкой не накроешь... Кстати, насчет квартиры можно посоветовать отцу пожаловаться в газету. Все так делают..

Мы приходим в сквер. Это очень красивый сквер и недалеко от нашего дома. Здесь есть детская площадка с песком и много скамеек. Тут мы обычно гуляем с родителями.

Вижу Сашку Кулагина. Он ведет за руку своего отца. На отце новенький джинсовый костюм с желтыми клепками. Сашка у нас знаменитость — поет в детском хоре при консерватории. В этом году Сашкин хор выезжал на гастроли за границу, вот он отца и одевает во все фирменное.

— Сашка! — кричу я. — Давай сюда!

Сашка увидел меня, замахал рукой.

— Знакомьтесь, это мой папа, — говорю я.

— А это — мой! — говорит Сашка и подталкивает своего отца к моему.

Они пожимают друг другу руки, смущенно переминаются с ноги на ногу.

— Вы тут на скамейке посидите, а мы пошли играть, — говорит Сашка, и мы бежим к детской площадке.

Наши отцы некоторое время стоят молча, потом садятся на скамейку, закуривают.

— Сколько твоему? — спрашивает Сашка.

— Тридцать три. А твоему?

— А моему уже тридцать семь. Но он ничего выглядит, да?

— Твой в порядке! — говорю я. — А мой что-то сдает. Бледный, не ест ничего...

Сашка наваливает лопаткой песок, а я ладонями прорываю туннель. Это метро. Сейчас здесь пройдет поезд.

— Осторожно! Двери закрываются! — писклявым голосом кричит Сашка, и я медленно двигаю вагончики.

Три часа дня. Пора обедать. Я поднимаюсь с земли, отряхиваюсь, иду к скамейке. Увидев меня, отец поспешно встает, гасит сигарету.

— Нам пора, — говорит он Сашкиному отцу. — Всего хорошего! Очень рад был познакомиться.

— До свидания! — говорит Сашкин отец и тоже встает. — До свидания, мальчик. Какой ты бутуз! — Он пытается ущипнуть меня за щеку, но, поймав строгий Сашкин взгляд, испуганно отдергивает руку.

Мы идем по направлению к дому. Это недалеко, но мы всегда проходим это расстояние медленным шагом. Видно, что отцу очень не хочется от меня уходить — но что поделаешь?

— До свидания, — говорит он, когда мы подходим к дому. — До свидания! — И целует меня в щеку.

— До свидания, папа, — говорю я. — До следующего воскресенья. Пойдем в кукольный театр, на «Чебурашку»! Мне обещали достать билеты. Ты ведь не видел «Чебурашку»?

Он улыбается, машет мне рукой и уходит по тротуару к остановке автобуса...

Они развелись пять лет назад. В чем там было дело, я пока не знаю.

Конечно, мне надо бы гулять с ним почаще, но что поделаешь, когда столько дел. А тут еще в детском саду к понедельнику велели склеить разноцветные кубики...

Остановите Потапова!

Ровно в семь утра

звонок будильника вырвал Потапова из сна. Сон был цветной и приятный. Снилось Потапову море и маленькое кафе на скалах, где он сидел под пестрым зонтиком и кого-то ждал. Это ожидание было томительно и прекрасно.

Перелезая через жену и спуская босые ноги с постели, Потапов еще некоторое время не открывал глаз, надеясь досмотреть сон, но не получилось. Жена недовольно заворчала, холодный пол обжег ступни, и Потапов открыл глаза.

Будильник показывал пять минут восьмого. Потапов сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. По дороге в туалет он вытащил газеты из почтового ящика, потом зашел на кухню, поставил воду для кофе. Сидя в туалете, он просмотрел результаты вчерашних хоккейных матчей. Выйдя оттуда, он засыпал кофе в кофейник, залил его кипятком, поставил кофейник на газ и начал делать гимнастику. Делая гимнастику, Потапов следил, чтобы кофе не убежал.

Выключив газ и закончив делать гимнастику, он взял транзисторный приемник и пошел в душ. Принимая душ, он прослушал «Последние известия».

Затем Потапов снова прошел в кухню, достал из холодильника сыр и колбасу, потом взял с подоконника школьный дневник Алеши и, прожевывая бутерброды, начал его проверять.

За вчерашний день сын получил две двойки. Потапов недовольно покачал головой, расписался в дневнике и допил кофе.

— Если ты сегодня же не зайдешь в школу, я не знаю, что с тобой сделаю! — жена пришла на кухню и смотрела

на Потапова сердитыми невыспавшимися глазами. — Завуч третий раз тебя вызывает! Ты отец или не отец?

— Отец! — сказал Потапов и посмотрел на часы. Было уже без двадцати минут восемь. — Не будем ссориться, Любаша, — сказал он и правой рукой обнял жену, а левой достал с полки электробритву.

— Отстань! — жена стряхнула его руку. — Если ты сегодня не зайдешь в школу, я с тобой не разговариваю.

— Честное слово, зайду! Клянусь, Любочка! — Потапов прижал левую руку к груди, а правой стал включать вилку в розетку.

— Андрей, это дело серьезное, поскольку.. — Дальнейшие слова жены потонули в реве электробритвы. Потапов разглядывал свое лицо в зеркальце и кивал жене. Затем он выдернул вилку из розетки. — Или ты не отец? — закончила Люба.

— Отец! — снова сказал Потапов. — Но во всем остальном, Любаня, ты абсолютно права.

Он чмокнул жену в щеку, быстро прошел по коридору, завязывая на ходу галстук. Из своей комнаты вышел заspanный Алеша. Потапов, надевая пиджак, дал ему подзатыльник. Надевая пальто, сказал: «Я еще с тобой поговорю!» — схватил портфель, шапку и вышел.

На остановке, как всегда, было много народу. Потапов пропустил два автобуса и подышал свежим воздухом. Воздух был морозный, но уже какой-то пряный, вязкий, как бывает в начале весны. От него слегка закружилась голова и приятно застучало сердце.

И тут Потапов почему-то вспомнил Наташу. Он видел ее неделю назад, проезжая в такси по Тверскому бульвару. Наташа была одета в светлую дубленку с капюшоном. Потапов тогда же хотел остановиться, но передумал, потому что очень спешил. Он вспоминал о ней несколько раз с того дня, но сейчас, на остановке, вспомнил как-то очень сильно, физически ощутимо.

«Позвоню сегодня, — подумал Потапов. — Или лучше заеду без звонка... Нет, лучше все-таки позвонить».

Он так и не успел решить, что надо сделать: позвонить или заехать просто так, — подошел автобус.

Потапов перестал думать о Наташе, рванулся вперед и с трудом влез в автобус. Влезая в автобус, он увидел зна-

комое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа — и поздоровался с ним кивком головы.

Пройдя в середину автобуса, Потапов громко выкрикнул: «Проездной!», потом, изловчившись, сунул руку в портфель и достал журнал «Иностранная литература». В журнале было напечатано продолжение романа Ремарка. Потапов открыл загнутую 144-ю страницу и прочитал: «Днем я отправился к Кану. Он пригласил меня отобедать с ним в ресторане...» Автобус тряхнуло, журнал выпал из руки Потапова, но он поймал его на лету и продолжал читать: «...миссис Уимпер приготовила к моему приходу мартини с водкой...» Это была уже 163-я страница. Потапов попытался найти загнутую 144-ю, но в автобусе было слишком тесно, кроме того, Потапов вспомнил, что журнал все равно придется завтра отдавать, поэтому решил читать с этого места. «Мы говорили с ней о визите к Силверсу...» — прочитал Потапов, но тут водитель объявил его остановку. Потапов закрыл журнал, убрал его в портфель и стал пробираться к выходу. Пробираясь, он опять увидел знакомое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа, — снова кивнул ему и крикнул: «Почему не заходишь, старик?»

Ровно в девять утра Потапов поднялся к себе в отдел. Поздоровавшись с сотрудниками, Потапов сел за свой рабочий стол, подвинул к себе папку с материалами по стандартизации и начал ее изучать. Все материалы были на месте, недоставало только титульного листа.

— Где титульный лист этой папки? — спросил Потапов у сидевшего за соседним столом Михайлова.

— Понятия не имею, — сказал Михайлов. — Может быть, отдали в отдел реализации?

— Этого еще не хватало! — заволновался Потапов и пошел в отдел реализации.

Титульный лист был необходим ему по двум причинам: во-первых, Потапов любил, чтоб в его папках все было на месте, во-вторых, на оборотной стороне этого титульного листа им была переписана шахматная задача из «Науки и жизни», которую он сейчас собирался решить.

В отделе реализации Потапову сказали, что титульный лист передан в отдел учета, в отделе учета секретарша сообщила, что лист послан обратно в его отдел стан-

даргизации. Придя на место, Потапов обнаружил титульный лист на своем столе, но задача уже была кем-то решена.

Тяжело вздохнув, Потапов убрал лист в папку, папку — в стол и посмотрел на часы. Было двенадцать часов дня.

•Через час обед, — подумал Потапов и снова почему-то вспомнил Наташу. — Позвоню», — решил он и подвинул к себе телефон.

Однако телефон зазвонил раньше, чем Потапов успел снять трубку.

— Алло! — сказал Потапов.

— Потапов? — послышался в трубке сиплый мужской голос. — Кондратьев говорит!

— Здорово, старик! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, кто этот Кондратьев.

— Беда у нас, — сказал Кондратьев. — Сашка умер.

— Не может быть! — ахнул Потапов, мучительно вспоминая, кто такой Сашка.

— Сгорел. За два месяца сгорел, — печально сказал Кондратьев. — Такие, брат, дела. Сегодня похороны — на Востряковском, в три часа. Ты будешь?

— О чем разговор?! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, где находится Востряковское кладбище.

После этого печального известия работать совершенно не хотелось. Потапов убрал со стола все бумаги и вышел в коридор покурить. В коридоре курило много народу. Увидев Потапова, секретарша директора стрельнула у него сигарету и сообщила:

— Сегодня у шефа, в четыре — общее совещание отделов. Всем быть!

— Само собой! — сказал Потапов, поднося ей горящую спичку. — Все хорошеешь, Сонечка?

— Ну вас! — кокетливо отмахнулась Соня и выпустила дым струйкой. — Все только комплименты говорите, а на «Гамлета» сводить никто не догадается.

— А где билеты?

— В местком, у Ермоленко. Только он не даст.

— Кому не даст, а кому.. — Потапов сделал многозначительное лицо и пошел в местком...

— Слушай, Ермоленко, — сказал Потапов, входя в местком, — ты искал добровольцев дружинников?

— Ну? — Ермоленко подозрительно посмотрел на Потапова.

— Даешь мне два билета на «Гамлета» — я дежурю.

— Не получится, — тяжело вздохнул Ермоленко. — «Гамлет» сегодня вечером, и дежурить надо сегодня вечером.

— Получится! — сказал Потапов. — «Гамлет» в семь начинается, а хулиганы — позже. После спектакля отдежурю, честное слово!

— До полночи будешь ходить! — предупредил Ермоленко.

— Как штык! — пообещал Потапов, взял билеты и пошел обедать...

Обедая, он вдруг опять вспомнил о Наташе, и у него почему-то сжалось сердце.

«Приеду без звонка, — решил Потапов. — Приеду, и все! Полгода не видел любимую женщину. Это как?..» Он не закончил мысль. По радио стали передавать старинные русские романсы, и Потапов слушал их, пока не кончился обед.

Придя к себе в отдел, Потапов поглядел на часы. Было пятнадцать минут третьего. Он снял трубку и позвонил в министерство.

— Алло, Сергачев, — сказал Потапов. — Это Потапов говорит. Вызови меня, Леня, на пару часов.

— Старик, кончать с этим делом надо! — недовольно сказал Сергачев. — Поймают нас когда-нибудь с этими вызовами, всплют по первое число.

— Последний раз, Леня, честное слово, — сказал Потапов. — Друг у меня умер. Хоронить поеду.

— Это правда?

— Стану я врать, — вздохнул Потапов.

— Ладно, — сказал Сергачев. — Машину, что ли, тебе дать?

— Да, — обрадовался Потапов. — Я быстро обернусь. Отдам последний долг, и все...

Через двадцать минут в комнату, где сидел Потапов, вошел начальник отдела.

— Потапов, — сказал он, — звонили из министерства, просили тебя срочно приехать.

— Да что они там? — зло спросил Потапов. — Без конца вызывают.

— Наверное, вопросы по твоей докладной, — сказал начальник.

— Вечно у них вопросы, — огрызнулся Потапов. — Надоело! У меня здесь завал работы. Вот не поеду, и все!

— Ну-ну, разговорчики! — строго сказал начальник. — Оставь все дела и дуй!

Министерская машина ждала Потапова у подъезда. Потапов сел на переднее сиденье, закурил, угостил сигаретой водителя.

— На кладбище поедем? — спросил водитель.

— Да, — вздохнул Потапов. — Но сначала в Химки, в двадцать первую школу..

Ему повезло. Он застал завуча, но во время перемены. Перемена заканчивалась, и завуч торопилась в класс.

— Здравствуйте, — сказал Потапов. — Я Потапов. По поводу сына вызывали.

— Вера Михайловна, — представилась завуч.

— Очень приятно, — улыбнулся Потапов. — Мою маму тоже звали Верой Михайловной. Прелестное имя...

— Спасибо, — сказала завуч и почему-то покраснела.

— Я неудачно приехал? — спросил Потапов. — Вы торопитесь?

— Да, — кивнула головой Вера Михайловна. — Меня ребята ждут... Вы не могли бы приехать сегодня часиков в семь?

— Никак, милая, — вздохнул Потапов. — Срочная командировка на Таймыр. Вы в двух словах...

— В двух словах нельзя, — сказала Вера Михайловна. — Мальчик плохо учится, дерзит, врет на каждом шагу...

— Убью! — решительно сказал Потапов.

— Нет, зачем же так? — завуч снова покраснела. — Просто надо нам с вами серьезно поговорить...

— Хорошо! — перебил Потапов. — Через два месяца вернусь с Таймыра, приеду к вам. А пока, милая Вера Михайловна, возьмите моего оболтуса под персональный контроль. Договорились? У вас какой размер ноги?

— Зачем это? — завуч снова покраснела. Она была очень молодым завучем и краснела каждую минуту.

— Унты вам хочу привезти, — сказал Потапов. — Унтайки меховые!

— Да что вы! — завуч просто залилась румянцем.

— Нет-нет, не спорьте! — строго сказал Потапов. — Решено! А сейчас не буду больше вас задерживать. Дети ждут!

Он поцеловал ей руку и выбежал из школы.

Потом они долго ехали к Востряковскому кладбищу, потом Потапов долго бродил мимо заснеженных могил, отыскивая место похорон. Наконец он увидел небольшую группу людей и, узнав доцента из своего института, сразу сообразил, что умер кто-то из его студенческих друзей, но кто именно, так и не понял, потому что гроб уже закрыли крышкой и опустили в мерзлую землю. Потапов помнил, что в их группе было несколько Александров, но сейчас все они, как назло, отсутствовали, поэтому сообразить, кто из них лежит ТАМ, было невозможно, а спрашивать — неудобно.

Потапов снял шапку, обошел всех собравшихся, пожимая им руки и печально говоря: «Эх, Сашка, Сашка! Как же это так, братцы?»

Потом он неожиданно для себя почувствовал, что плачет. От этого у Потапова сделалось очень скверно на душе, он вытер ладонью глаза, закурил и молча пошел к машине...

Когда он вернулся в свое учреждение, часы показывали ровно четыре. У директора начиналось совещание. По дороге туда Потапов заглянул в свой отдел, вынул из стола карманные шахматы, затем тихо прошел в конференц-зал и сел в последний ряд. К нему моментально подсел Михайлов.

Партия намечалась быть интересной. В дебюте Потапов допустил ошибку и потерял две пешки, но в миттельшпиле он активизировался и выиграл у Михайлова слона.

— Сдавайся, отец! — уверенно сказал Потапов.

— Ни в коем случае! — ответил Михайлов. — У меня есть шанс!

— Ну что же, товарищи, — директор стал подводить итог совещанию, — если ни у кого нет вопросов, можно заканчивать?

Потапов посмотрел на доску. Михайлов сделал авантюрный ход ладьей. Потапов ответил ходом ферзя. Эндшпиль обещал быть бурным.

— У меня есть вопрос! — громко сказал Потапов и встал. — Как дирекция думает решить вопрос с реализацией отходов при выпуске продукции в условиях новой стандартизации?

— Вопрос поставлен очень интересно, — сказал директор. — Мне кажется, что вопрос с использованием отходов...

— Ходи, — тихо сказал Потапов, садясь. — У нас есть еще полчаса.

Перед спектаклем Потапов пригласил Соню поужинать в кафе. Там они выпили по рюмочке, заболтались и поэтому опоздали к началу. Когда Потапов с Соней, пригибаясь, наступая на чьи-то ноги и ежесекундно извиняясь, пробирались к своим местам, Гамлет уже беседовал о чем-то с Горацио.

По сцене медленно и страшно двигался огромный ввязанный занавес, подминая под себя людей.

— Здорово! — прошептала Соня.

— Художник гениальный! — тихо сказал Потапов.

— Как фамилия? — спросила Сонечка.

Потапов забыл купить программку, поэтому прижал палец к губам и осуждающе покачал головой. Сонечка сконфуженно замолчала.

Когда Гамлет убил Полония и, мучаясь от сознания непоправимости содеянного, склонился над трупом, Потапов вздрогнул и с удивлением почувствовал, что у него прошел странный холодок по спине. Потапов видел фильм «Гамлет», но только вторую серию, поэтому смерть Полония была для него неожиданностью.

Все дальнейшее действие Потапов смотрел завороченно, радуясь тому, что соперживает датскому принцу и тому незнакомому ощущению, когда каждое слово, сказанное со сцены, отзывается холодком в спине.

В антракте он пошел в буфет, съел бутерброд, запил его лимонадом, и чувство холода в спине прошло. Потапов посмотрел на часы. Было без четверти девять.

«Затянули спектакль, — подумал Потапов. — Талантливо! Но затянули».

Он вдруг подумал о Наташе, и от этой мысли мучительно больно защемило сердце.

«Ехать!» — мысленно приказал себе Потапов.

Он угостил Соню конфетами, вышел покурить, потом вернулся с сосредоточенным лицом.

— Соня, — сказал Потапов, — я сейчас домой звонил. Алешка заболел. Температура у парня. Сорок!

— Ой! — ахнула Соня.

— Ничего страшного, — сказал Потапов. — Грипп, наверное. Мне придется домой поехать... Вы уж извините кавалера.

— Да что за глупости? Конечно, поезжайте! — Соня сочувственно сжала руку Потапова и поцеловала его в щеку.

Потапов доехал до своего учреждения на метро, прошел в штаб народной дружины, взял красную повязку, расписался в журнале.

— Ваш участок — сквер и район кинотеатра, — сказал Потапову какой-то юноша, сидевший за столом. — Дежурить надо до двенадцати ночи.

— Я буду до часу ночи, — сказал Потапов.

— Ну что вы, — улыбнулся юноша. — Хватит и до двенадцати.

Потапов нацепил повязку, вышел из штаба и медленно пошел к стоянке такси. Он шел, дышал весенним воздухом и думал о Наташе. Дождавшись своей очереди на стоянке, Потапов сел в зеленую «Волгу», угостил водителя сигаретой и дрогнувшим голосом сказал:

— На Полянку, шеф!

Он звонил долго, со страхом прислушиваясь к шорохам за дверью и соображая, одна она дома или нет. Наконец замок щелкнул, и он увидел Наташу. Она, по-видимому, только что приняла ванну — на ней был полосатый халатик, волосы влажные, а на лбу осталось несколько капелек воды.

— Ты?!

— Я! — сказал Потапов и снял шапку. — Можешь меня прогнать, а можешь впустить.

Наташа несколько секунд смотрела на Потапова, потом вытерла тыльной стороной ладони капли со лба и тихо сказала:

• — Входи.

За полгода квартира Наташи совсем не изменилась. Только появились новые шторы на окнах да большой телевизор в углу. Телевизор был включен.

Потапов снял пальто, вошел и остановился посреди комнаты. Наташа выключила телевизор, подошла к столу, взяла из пачки сигарету, закурила.

— Наташа, — тихо сказал Потапов, — дай мне, пожалуйста, по морде.

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Ударь! — снова попросил Потапов. — А хочешь — постели в прихожей вместо коврика...

Он шагнул вперед и обнял ее. Она уткнула свое лицо в пиджак Потапова и тяжело вздохнула. Потапов стал тихо гладить ее влажные волосы.

— Почему исчез? Почему не приехал ни разу, не позвонил? — сказала Наташа и всхлипнула. — Как не советно?

— Молчи, милая, — говорил Потапов и целовал ее голову. — Не говори сейчас ничего...

Потом они лежали в темноте, курили и говорили о всякой ерунде. Потом Потапов сел на кровати, нащупал рукой свои брюки, начал одеваться.

— Уже уходишь? — тихо спросила Наташа.

— Да! — коротко ответил Потапов.

— Побудь еще, — попросила Наташа.

— Не могу, милая, — сказал Потапов. — У меня внизу такси стучит.

Он сразу понял, что сморозил глупость. Наташа вскочила, и даже в темноте было видно, как побелело ее лицо.

— Сволочь! — сказала она. — Мерзавец!

— Ну что ты, что ты? — Зашнуровывая туфли, Потапов почувствовал, что краснеет. — Я же пошутил, глупенькая. Это шутка! Как в том анекдоте, помнишь?

— Убирайся! — крикнула Наташа.

— Ну хочешь — ударь меня! — сказал Потапов, надевая пиджак.

— Пошел к черту! — крикнула Наташа и уткнулась лицом в подушку.

— Жаль! — вздохнул Потапов, надевая пальто. — Жаль, что мы так прощаемся...

Он не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Зеленая «Волга» стояла у подъезда.

— Долго, товарищ, — заворчал водитель. — Мне в парк пора.

— Все будет в порядке, шеф, — сказал Потапов, закурил и угостил водителя сигаретой. — Все будет оплачено. Жми в Химки!

Он приехал домой в четверть двенадцатого. Люба и Алеша уже спали. Потапов прошел на кухню, включил газ, поставил чайник. Поедая приготовленный женой ужин, он просмотрел «Вечерку». Потом, слушая спортивный выпуск «Последних известий», выкурил сигарету.

Потом он разделся и лег. Люба проснулась, хмуро посмотрела на него.

— Заставили дежурить в дружинке, — сказал Потапов. — Хотел тебя предупредить, звонил несколько раз, но все время было занято. Телефон что-то барахлит. Ты мастера не вызывала?

— В школе был? — спросила Люба.

— Был. Говорил с завучем. Все будет в порядке. Спи!

Люба еще раз хмуро посмотрела на Потапова, потом отвернулась к стене.

Потапов подвинул к себе будильник — было без пяти двенадцать. Он завел будильник, поставил стрелку звонка на семь. Несколько минут он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок и ни о чем не думая, потом повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Ровно в двенадцать часов ночи Потапов начал сон...

Сказка про собаку, которая прожила триста лет

Жила-была на свете

собака по кличке Альма. И было ей три года. Вообще-то, особы женского пола скрывают свой возраст, но Альма была молодой здоровой красивой сукой и этого скрывать не собиралась... Она гордо расхаживала перед домом, а соседские псы за забором изнывали от сердечной тоски.

В доме кроме Альмы жили еще дед да бабка, сын да невестка, да еще внучка, в общем, целая семья, которую Альма считала своей и любила больше всего на свете! И дом свой любила, потому что стоял он на берегу реки, и реку любила, потому что текла она среди полей, и поле любила, потому что тянулось до самого горизонта... И горизонт любила, потому что там всходило солнце по утрам, а вечером садилось...

И жила себе так Альма, горя-беды не знала, а горе с бедой, оказалось, жили там, за горизонтом. Однажды весенней ночью проснулась Альма от грохота и, выбежав на улицу, вдруг увидела, что поднялось на горизонте солнце... Странное какое-то солнце... Красное, дымное... Да и какому ему быть, ночному солнцу? Ему ночью спать положено, а не в небе сиять...

Залаяла Альма, чувствуя беду, но никто не прикрикнул на нее, как обычно, и тогда смолкла Альма... И все собаки в селе смолкли в эту ночь... Люди спать не ложились, ходили друг к другу, громко разговаривали, а собаки молчали...

А утром начались и совсем странные вещи. Взойшло утреннее солнце, а то, ночное, не зашло, и теперь на горизонте было два солнца... И Альма заскулила, поняв, что беда выглядит так.

А потом вдруг приехали в село автобусы. И вышли из них странные люди, в синих халатах и без лиц. Только глаза смотрели поверх масок, и такие это были строгие глаза, что лучше б они и их прикрыли.

И все стали быстро садиться в автобусы, забывая взять еду, пожитки, а самое главное — собак... Альма крутилась в ногах, напоминая о себе, и внучка обняла ее за шею с криком «Альму возьму!», но на нее сердито прикрикнул дед: «Цыц! Не до Альмы сейчас!..» И враз все уехали...

Только к вечеру обиженная Альма вышла на улицу и с ужасом увидела, что все село — пусто... Никого, кроме собак и кошек, кур да гусей... Бесхозный скотный двор, а не село. И всю ночь по саду ходили обезумевшие звери и птицы, не обращая друг на друга внимания, не задираясь и не крича... Тихо ходили и только поглядывали на горизонт, где висело ночное солнце... И Альма поняла, что горе выглядит так...

Под утро Альма вернулась в свой дом, легла на ступеньки и стала думать, что делать дальше. И сколько ни думала, ничего придумать не могла... И заснула от отчаяния. А проснувшись, впервые почувствовала жажду и голод, и этот голод подсказал ей, что делать дальше... Альма поняла, что надо есть, пить и охранять дом... Для этого она родилась на свет. А там, глядишь, и хозяева вернутся... Не сдурели же они — бросать такой дом?..

И Альма занялась делом. Она доедала валявшиеся остатки еды, пила воду из луж и обходила забор, иногда потягивая на всякий случай, чтобы никто чужой не подошел... Только, к ее ужасу, никто чужой и не подходил!..

А через три дня вдруг села на плетень ворона. Наглая старая ворона, которую Альма давно знала и не любила за то, что та так и норовила чего-нибудь склевать в огороде... Она и на этот раз нацелилась глазом в огород, но Альма зарычала, предупреждая: мол, не дури, хвост выдеру!

— Дура! — закаркала ворона. — Чего ты тут сидишь?

— Стерегу! — сказала Альма.

— Вот дура! — заорала ворона. — Чего стеречь? Хозяев нет... Теперь все общее!!

— Я те дам «общее», — ответила Альма. — Хозяева вернутся, а огород разворован?.. Что скажут?

— Вернутся?! — захохотала ворона. — Да знаешь, когда они вернутся? Через триста лет.

— Врешь! — ахнула Альма.

— Сама слышала... Эти, что в масках приезжали, так и говорили: село непригодно для жизни в течение трехсот лет!

— Ничего, — вздохнула Альма. — Подождем...

— Что?! — ворона аж подскочила на плетне. — Ты знаешь, дура, сколько это — триста лет?

— Не так много, — сказала Альма.

— Ну, совсем чокнутая! — сказала ворона и, потеряв интерес к Альме, почистила перья. — Черт с тобой! Подыхай здесь на здоровье...

И улетела.

Альма легла на землю и стала соображать, сколько это будет — триста лет?.. Она понимала нутром, что — долго... Но сколько именно?! И тут же вспомнила, что к ним в гости, к деду, часто приезжал кум из города. Встретившись, дед и кум всегда обнимались, хлопали друг друга по плечу и говорили: «Здорово! Где ж, кум, пропадал? Сто лет не виделись!..» Хотя Альма точно знала, что виделись они всего неделю назад и пили вместе тайком от бабки горилку... Значит, сто лет, думала Альма, — это от воскресенья до воскресенья... А триста?.. Значит, три раза по столько... Это, конечно, было тоже много, но все-таки можно было выдержать... И Альма стала ждать...

Первые сто лет ожидания прошли довольно сносно... Альма доедала остатки пищи, что валялись еще кое-где возле дома, ловила полевых мышей, щипала травку... Трва в это столетие разрослась как никогда буйно... Каждая травинка — целый салат... А потом вдруг созрела клубника. Здоровая уродилась клубника, каждая ягода — с яблоко величиной... И хоть Альма недолюбливала клубнику, но есть что-то надо... Альма с отвращением жевала пахучую сладкую мякоть и только об одном жалела — что внучки нет... Вот уж она бы ягодкам порадовалась!

В середине второго столетия вновь прилетела на плетень ворона. Вид у нее стал совсем мерзкий: перья кое-где повылазили, голова облысела... И глаза сделались какие-то безумные...

— Ну что, Пенелопа? — закаркала ворона. — Все ждешь?

— Жду! — сказала Альма.

— Вот кретинка! — захохотала ворона. — Пойдем лучше по дворам... мы в одной хате ведро самогонки нашли! Насосались до чертиков... Айда с нами!

— Кыш! — твякнула на нее Альма. — Жулье проклятое... Вот хозяйева вернутся, они вам покажут...

— Нет, с тобой сдохнуть можно! — захотела ворона. — Впрочем, без тебя тоже... Ведь конец света наступил! Пойми, убогая... Конец света! Неужели не видишь?

— Не вижу, — сказала Альма и повертела головой. — Светло кругом, конца не видно...

— Нет! С трезвыми дураками говорить — только нервы портить, — вздохнула ворона, тяжело махая крыльями и распевая что-то непристойное...

Альма легла на ступеньки крыльца и продолжала спокойно ждать. Спокойствие пришло к ней не только потому, что осталось ждать уже половину назначенного срока... В последние дни спокойствие появилось в ней, где-то внутри... Откуда оно взялось, Альма не понимала, но догадывалась, что это связано с Тишкой, забавным соседским псом, который давно ухаживал за ней, проводя все ночи у калитки ее двора и жалобно скуля. Месяца полтора назад она пожалела его и вышла за калитку... Они пробегали всю ночь, играя и нежничая, и теперь Тишкина нежность поселилась где-то в глубине ее тела и росла, становясь чем-то бесконечно теплым и радостным...

А еще через день в село въехали большие бронированные фургоны. Оттуда вышли люди в синих халатах и масках и стали собирать бродившую по селу живность... Собаки, кошки и куры нутром почувствовали опасность, но они так истосковались по людям, что доверчиво лезли в фургоны...

Один из людей подошел и к дому Альмы. Альма залаяла, зло и радостно. Зло — потому что это был чужой, радостно — потому что ее верная служба приобретала наконец смысл...

— Здорово, Альма! — сказал человек и спокойно пошел к ней. Тут Альма по голосу узнала знакомого парня, солдата, дружившего с сыном деда и бывавшего в их доме...

Она перестала лаять, завиляла хвостом и доверчиво подошла к нему.

— Здорово, землячка! — сказал солдат и погладил Альму по спине. — Дом бережешь? Молодец! А вот мы не уберегли. Извини...

Он еще раз погладил Альму по спине, по животу, потом заглянул ей в глаза и вдруг, точно испугавшись чего-то, отдернул руку. Потом сел на крыльцо и задумался...

Тут к забору подошел другой человек в маске. Солдат вскочил, отдал честь.

— Чего расселся? — строго спросил человек из-за забора. — Давай забирай собаку!

— Товарищ командир! — сказал солдат. — Это Альма. Знакомых моих собака... Хорошая собака!

— Тут нет плохих-хороших, — сказал командир. — Тут все — объекты!

— Да она вроде со щенками, — сказал солдат. — Я подумал, может, не стоит ее в расход? Может, для науки интерес, товарищ командир?

Тот, что за забором, куда-то ушел, а потом вернулся еще с одним человеком в халате и маске. Только поверх маски у него были надеты очки, из чего Альма поняла, что он здесь главнее всех...

Человек в очках подошел к Альме, погладил ее, потрогал живот, шерсть... Довольный, пробормотал:

— Любопытно, очень любопытно... — И добавил: — Возьмем в институт...

Он даже хотел взять Альму за ошейник, но Альма сердито зарычала и оскалила зубы...

— Не пойдет она, товарищ профессор, — сказал солдат. — Я ее знаю... Она так приучена — дом стеречь... Костями ляжет, а не уйдет!.. Уж так приучена.

— Приучена так приучена, — согласился ученый. — Пусть сторожит... Это даже лучше. Проведем эксперимент, так сказать, в естественных условиях... — И, подумав, заметил: — Вернее, в протиестественных!..

С этого дня для Альмы началось третье столетие. Оно было совсем иным, не похожим на те два... К Альме стали часто приезжать люди в халатах. Ее кормили, поили, иногда кололи и брали кровь, что было, конечно, больно, но терпимо...

А к концу третьего столетия Альма вдруг радостно обнаружила, что второе солнце на горизонте исчезло... Совсем исчезло... И ночью небо там стало чистым, только светили звезды и сияла луна...

Альма почувствовала такую радость, что вновь полюбила горизонт. Она даже завизжала от радости и вдруг ощутила, что радость рванулась из ее нутра и пошла навстречу этому чистому небу, этим светлым звездам... Она

стиснула зубы, чтобы не визжать слишком громко, а радость все увеличивалась, все шла из нее и шла...

В эту ночь у Альмы родились шестеро щенят. Она всех их вылизала, вычистила, как подсказывал ей неведомо откуда взявшийся опыт, потом накормила теплым молоком и усталая, счастливая заснула, согревая теплом всех шестерых...

А к вечеру подъехал неожиданно газик, и оттуда вышел дед. Альма сразу узнала, что это был именно он, дед, хотя он был, как все теперь, в халате и маске...

Дед погладил ее рукой в резиновой перчатке, потрепал за ухом, тихо сказал:

— Здорово, Альмуха! Дождалась...

— Поразительная псина, однако, — сказал ученый, приехавший вместе с дедом. — В организме — никаких отклонений... У всех есть, а у этой — ничего... Ни малейшей патологии... И щенки выглядят нормально. Невероятно! Объясните этот феномен.

— Бывает, — сказал дед, продолжая гладить Альму. — Все бывает...

— Интересная версия, — согласился ученый. — Что ж, будем обследовать ее дальше... Кстати, нам надо заполнить на нее историю болезни... Как ее зовут?

— Альма, — сказал дед.

— Какая порода?

— А черт ее знает... Обычная... Местная порода...

— Возраст?

— Три года...

Альма заворчала и отошла к щенкам. Ей неинтересен стал этот разговор. Кроме того, она испытывала некую неловкость из-за того, что дед соврал... Она-то знала, что теперь ей не три, а триста три года, но интуитивно чувствовала, что таким возрастом уже хвастать не полагается...

Брюки товарища Синицына

Монолог непутевого человека

ЖС *изнь наша полна сложностей*

и загадок. Иногда сделаешь что-нибудь эдакое, ненужное, а зачем сделал, почему — непонятно. Всегда получается себе же хуже!

Вот как-то летом иду я по улице.

Солнце светит, тепло... Навстречу идут прохожие... Симпатичные, милые люди... Я иду улыбаюсь... Мне хорошо... Вдруг вижу: идет мужчина с портфелем... Солидный такой мужчина, значительный... На нем коричневый костюм. И вот в этом коричневом костюме я замечаю неполадку: брюки расстегнуты.

Другой бы на моем месте прошел мимо — и ноль внимания! А я глупый... Мне больше всех надо! Я хочу предупредить товарища, чтоб он, значит, не конфузил себя.

Я кричу ему:

— Товарищ! Товарищ!

Он не слышит.

Я снова кричу:

— Товарищ! Минуточку!

Он не слышит, идет быстро. Я бегу за ним.

Он — за угол. И я — за угол. Он входит в какой-то большой дом, я — за ним.

Он идет по коридору, я его почти догоняю, но тут он входит в какой-то кабинет, я — за ним, а секретарша меня не пускает.

— Вы к кому, товарищ? — спрашивает.

Я говорю:

— Я вот к этому товарищу, который прошел.

Она говорит:

— А по какому вопросу?

А по какому я вопросу? Я не знаю, по какому я вопросу.

Я говорю:

— Я по внутреннему вопросу!

Она говорит:

— К товарищу Сеницыну нельзя! Он занят.

Я говорю:

— Да мне, девушка, на минутку, только пару слов ему сказать!

Она говорит:

— Скажите мне, я передам!

Я говорю:

— Вам не могу! Вопрос очень щепетильный...

Она говорит:

— Ну, тогда записку напишите, я передам.

Беру лист бумаги, пишу. Интеллигентно так пишу, чтоб, если кто в записку заглянет, не ставить товарища Сеницына в неловкое положение.

Я пишу: «Уважаемый товарищ Сеницын! Прошу обратить Ваше внимание на определенную часть туалета, в смысле — брюки, поскольку в них отмечается некоторое несовершенство в смысле пуговиц. С искренним уважением...» Ну и подпись.

Секретарша берет у меня бумагу и говорит:

— Сейчас отнесу! А вы, товарищ, пока здесь подождите...

Я говорю:

— Мне ждать нечего... Я пойду.

Она говорит:

— Нет, посидите. Может быть, у товарища Сеницына возникнут какие-нибудь вопросы...

Какие вопросы — непонятно. Но я сижу жду. Чего жду — не знаю. Через несколько минут выходит секретарша, выносит мою бумагу, а на ней красным карандашом крупно написано: «МИШУЛИНУ, РАЗОБРАТЬСЯ!!» Я оторопел, верчу бумагу в руках и спрашиваю:

— Что это значит?

Секретарша говорит:

— Все в порядке. С этой резолюцией идите к товарищу Мишулину!

Я удивляюсь:

— При чем здесь какой-то Мишулин? Ваш начальник чего-то не понял... Это я ему писал... Дайте я объясню...

Секретарша говорит:

— Ничего не надо объяснять! Товарищ Мишулин — заместитель товарища Синицына. Идите к нему в двенадцатый кабинет. Идите скорее, а то он в главк уедет!

Положение идиотское! Другой бы плюнул и ушел, а я — нет... Я иду в двенадцатый кабинет. Я бегу, потому что Мишулин в главк может уйти! У двенадцатого кабинета — очередь. Сидят люди с бумагами, ждут... Я тоже сижу жду... Чего жду — непонятно!

Вызывают. Вхожу.

— Товарищ Мишулин, получилась глупая ситуация...

Он меня не слушает. Одной рукой по телефону разговаривает, другой — берет мою бумагу, читает и справа крупно пишет: «СОГЛАСЕН!»

Я обалдел. Говорю:

— Товарищ Мишулин, с чем вы согласны?! Вы меня послушайте...

Он говорит:

— Мне все ясно! Идите в двадцать седьмую комнату, согласуйте с Рязанцевым!

Я кричу:

— При чем здесь Рязанцев?! Вы вникните в суть... Я ведь что хотел...

Он говорит:

— Идите, идите, мне некогда! Пусть Рязанцев подпишет, а потом пойдете в общий отдел...

Я говорю:

— При чем здесь общий отдел?

Он говорит:

— Идите скорее, а то Рязанцев на обед уйдет!

Я бегу. Я уже нервничаю. Я уже боюсь упустить Рязанцева.

Рязанцев мою бумагу подписывает, меня не слушает, посылает в общий отдел.

В общем отделе одни женщины сидят, мне с ними вообще говорить не о чем; они берут мою бумагу, ставят на ней номер и печать, кладут в папку и говорят:

— Все в порядке, идите — вас вызовут!

Плюнул я, повернулся и пошел.

Думаю: «Горите вы здесь все синим пламенем! Что я, из-за вас переживать должен?!»

Иду по коридору, вижу: идет дорогой мне товарищ Синецын, в коричневом костюме, брюки у него расстегнуты.

Я обрадовался, кричу:

— Товарищ Синецын!

Он — от меня. Я — за ним. Он — в кабинет. Я — за ним. А секретарша меня не пускает. Я ору:

— Дайте мне сказать ему два слова!

Она говорит:

— Товарищ Синецын занят. Пишите бумагу!

Я говорю:

— Я не буду писать бумагу! Я уже писал бумагу... Я больше к Мишулину и Рязанцеву ходить отказываюсь... У меня уже печать стоит!... У меня уже бумага в деле в общем отделе!

Стою я бледный, меня всего трясет.

Секретарша говорит:

— Не волнуйтесь, товарищ! Сейчас все выясним!

Звонит она по телефону, чего-то выясняет и говорит:

— Вашей бумаги в общем отделе уже нет.

— Как — нет? — спрашиваю. — А где же она?

— Не знаю, — говорит секретарша. — Очевидно, пошла по инстанциям. Заходите в понедельник, тогда и выясним.

Тут я не выдержал, каюсь. Нервы подвели. Оттолкнул я секретаршу, ворвался в кабинет и кричу:

— Товарищ Синецын, так вас растак!!! Что здесь у вас творится?

Пляжу — а брюки у него застегнуты.

— Вам что, товарищ? — спрашивает.

— Ничего! — говорю я. — Так... проверка слуха... — Повернулся и пошел.

Иду весь злой и думаю: «Сам он застегнулся или на мое заявление отреагировал? Ведь если бумага так быстро пошла по инстанциям, то чего ж я наорал на человека?»

Когда горит душа

Монолог строителя

Про этот случай

у нас в городе много глупостей рассказывали, но я-то чистую правду изложу, поскольку был всему случившемуся свидетель, если не сказать — соучастник.

Строило наше СМУ столовую. Обыкновенную столовую, типовую, одноэтажную. И вдруг кто-то слух пустил, что это, мол, будет вовсе не столовая, а «кафе-опохмелочная», и будто бы она будет работать с семи утра, и будто бы там будут отпускаться огуречный рассол, квас, пиво, ну и, конечно, крепкие напитки. В общем, все, за что пьющий человек поутру жизнь отдаст.

Кто такую глупость мог придумать, я даже и не знаю, только некоторые в нее поверили.

Во всяком случае, три дня слух в городе обсуждался, а на четвертый день, в понедельник, прихожу я рано-рано, часов в пять, на стройку и вижу что-то неладное — посторонние люди на площадке. Человек десять мужчин, а то и больше. Стоят хмурые, воротники подняли, ежатся на морозе.

— Вам чего, ребята? — спрашиваю.

— Да вот, — говорят, — пришли проведать, скоро ли «опохмелочная» откроется?

— Что вы, — говорю я, — сдурели, что ли? Какая «опохмелочная»? Обыкновенную столовую строим, типовую, одноэтажную.

— Ладно-ладно, — говорят, — ты нам не заливай! Ты давай строй скорее! Видишь, у людей душа горит..

Смотрю я на них, вижу — действительно, люди, пострадавшие с вечера: глаза у них красные, лица серые, телом подрагивают. И главное — уходить не собираются.

— Да вы что, ребята, — смеюсь я, — думаете здесь до открытия простоять, что ли?

— А чего же? — говорят они. — Можно и подождать. Чай, уже немного осталось...

— Да вы в своем уме? — спрашиваю. — Как так — немного? У нас только фундамент заложен да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы!

— Брось шутить, дядя, — говорят они. — Делов-то всего — дом построить! Ты лучше «ля-ля» не разводи, ты двигай скорее!

Плюнул я со злости, закурил. Они зашумели, папиросу вырывают.

— Ты что, — кричит один, в шляпе, — здесь перекуры устраиваешь? Ты людей до инфаркта довести хочешь?! Я из загорода на первой электричке сюда приехал, а он, подлец, курит!

Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено.

— Ах так, — кричу я, — тогда воздвигайте сами, чтоб вам пусто было!

— А что ж, — говорят они, — можно и помочь для темпу.

Скинули они пальто на снег, поплевали на руки и взялись за кирпичи...

Честно скажу, я такой кладки даже в кино не видел. У нас и норм таких нету. Если б кто с секундомером тут стоял, то мы бы мировой рекорд зафиксировали. Мастерки стучат, кирпичи летают, раствор аж кипит от скорости. Не успел я и ахнуть, а они уж стены под крышу подводят.

— Стойте! — ору я им. — Чего зря стараетесь? Все равно балок нет, жести нет, окна не вставлены... Опомнитесь, люди!

— Ничего, — кричат они, — сейчас все мигом будет! Нам ведь дворец не нужен, нам самочувствие поправить — и ладно!

Кинулись — кто к телефону, кто на базу поехал, кто неизвестно откуда рамы принес... Пляжу, через пятнадцать минут грузовик подъезжает с материалами, за ним — другой, со столами и стульями, за ним — автобус маляров привез...

Я глазам не верю, но вижу — к концу дело идет! Один уже паркет положил, отциклевал да натирает, другой ок-

на моет, занавески вешает, третий столы устанавливает, четвертый из меню ненужное вычеркивает...

— Все одно ничего у вас не выйдет! — кричу я. — Персонала нет, смета не утверждена!

— Не паникуй, дядя! — говорят они мне. — Смету потом утвердим, а персонал уже ведут!

Смотрю: действительно ведут. Официанток где-то раздобыли, буфетчицу, кассира. Заведующую, толстую такую тетеньку, просто на руках несут. Заведующая смеется, отбивается, кричит:

— Отпустите меня, граждане! Я ведь еще не оформлена!

— Оформлена, оформлена, — говорят они ей. — План выполнять пора!

А в это время какой-то малый в спецовке (бог знает, откуда он взялся!) бочку с рассолом прикатил да пиво на самосвале привез. Короче, хотите — верьте, хотите — нет, но только ровно в семь открылась столовая, сели они за столики, выпили, закусили, «беломорчиком» подымили и все разом встали.

— Прощай, дядя, — говорят они мне. — Извини, если что не так! Нам еще на свою работу поспеть надо...

И ушли.

Вот тогда я сел за столик, обхватил голову руками и заплакал. Грустно мне чего-то сделалось за них, за себя. И еще обидно было, что я им сдурю сказал, что столовая типовая, одноэтажная. Под горячую руку они высотное здание запросто могли махнуть...

Скрытой камерой

Монолог продавца

В понедельник вечером

собирает нас, продавцов, директор магазина и говорит:

— Товарищи, завтра вас будут снимать скрытой камерой.

Ну, мы, конечно, обрадовались и спрашиваем:

— А что это такое?

Директор объясняет:

— Это такой новый метод кино съемки, когда тебя снимают, а ты про это не знаешь. И, значит, ведешь себя непринужденно. Зачем это будет делаться — не объяснили: может, в «Новости дня» вставят, а может, в кинофильм какой-нибудь. И вообще, товарищ, который со студии звонил, просил вам ничего не говорить. Так что делайте вид, что вы не в курсе! Понятно?

А чего ж здесь не понимать? Все ясно! Мы магазин убрали, все почистили, витрины приукрасили... В винный отдел коньяк со склада принесли, в рыбный — окуня свежемороженого. У себя в мясном отделе я плакат повесил — «Бык в разрезе». В общем, приготовились!

Вечером я постригся, помылся и жене сказал:

— Ты мне на утро рубашку белую приготовь и галстук в полосочку — нас скрытой камерой фотографировать будут.

На другой день приходим все разодетые как на праздник. Продавцы — в галстучках, продавщицы — в кофточках, в блузочках, кассирша Зина французскими духами надушилась, хотя это уже совершенная глупость, потому как в кино не пахнет.

Все улыбаются, говорят вежливо, на покупателей смотрят как на родственников. Только и слышно: «Пожалуйста!», «Будьте добры!», «Разрешите, я вам заверну» — и всякая такая ерунда...

Покупатели смотрят на нас как на полоумных, ничего понять не могут. Но тут кассирша Зина высунулась из кассы и шепчет очереди:

— Не толкайтесь, товарищи! И вообще, ведите себя прилично — нас скрытой камерой снимают для кино.

Покупатели сразу поняли что к чему, притихли, подобрили, друг другу место уступают. Всех алкоголиков от винного отдела как ветром сдуло, осталось только человек пять-шесть: стоят чинно, томатный сок пьют, разговаривают про международные события...

В общем, до обеда мы проработали в такой исключительно нервной обстановке. Но тут вдруг вбегает директор и говорит:

— Товарищи! Не волнуйтесь! Звонили со студии: сейчас съемки нет, только после обеда будут снимать скрытой камерой!

Ну, мы дух перевели, покупателей быстренько всех повыгоняли, магазин заново убрали, в овощной отдел апельсинов подбросили, в колбасный — колбасу докторскую, в рыбный — плакатов! Короче, приготовились, ждем...

Только после обеда к нам набилось ужасное количество народу. Слух про скрытую камеру в момент разнесся, и каждый под это дело хочет что-то купить и получить вежливое обслуживание. Некоторые покупатели совершенно распоясались.

Одна пожилая дамочка совсем обнаглела и говорит мне:

— Товарищ продавец, что бы вы могли мне порекомендовать для бульона?

Я про себя думаю: «В другое время я б тебе порекомендовал, халда ты эдакая!» Но теперь этого сказать не могу, а, наоборот, делаю такое задумчивое лицо для скрытой камеры и говорю:

— Я вам рекомендую, гражданка, этот кусок с косточкой. В ней много липоидов и аминокислот!

В общем, цирк, да и только! А к концу рабочего дня вбегает директор и кричит:

— Звонили со студии, сегодня съемки не было, завтра со скрытой камерой придут!

Назавтра опять нервотрепка!

Опять все вырядились, опять работаем как угорелые, сплошной сервис, сплошное «будьтедобрыпожалуйста!», а вечером — новый звонок со студии:

— Сегодня скрытой камеры не было — завтра будет!

Тут уж нервы у нас стали сдавать. Многие валидол принимали, с кассиршей Зиной нервный припадок случился, она весь день улыбалась как ненормальная, и у нее на лице какой-то сустав замкнулся...

Короче, промучились мы так пять дней, а когда на шестой день опять со студии позвонили и сказали, что съемка переносится, — сомнение взяло: не валяет ли кто с нами дурака?

Директор в милицию позвонил, а оттуда дежурный говорит:

— Не волнуйтесь, товарищи, никакой скрытой камеры нет! Какая-то шайка терроризирует все торговые и бытовые учреждения нашего района. Они и над универмагом так измывались, и над женским ателье, и над химчисткой, и столовую до того довели, что там на столики розы поставили и семгу вместо селедки подают!

Ну, мы все вздохнули облегченно! Как гора с плеч! И возмущались, конечно! Разве можно позволять себе такие глупые шутки? А кассирша Зина сказала:

— Когда этих хулиганов поймают, я первая свидетельницей в суд пойду, чтоб строже их покарали! И потом, я ради этой скрытой камеры у частного зубы новые вставила — пускай они мне их оплатят!

С преступностью у нас плохо.

В смысле — хорошо! В смысле — нет ее. В смысле — есть, но мало. Не то что, скажем, на Западе. Там, действительно, разгул. Стреляют, грабят на каждом шагу. Потому что там оружие продается, как у нас мороженое, — в любом ларьке пулемет купить можно.

А у нас с этим строго. Не то что, скажем, пистолет или ружье — утюг тяжелый преступник не достанет..

Но все-таки, конечно, грабежи еще встречаются в отдельных случаях. Вот у нас в прошлом месяце гастроном ограбили. Крупное дело было: вахтера связали, замок автогеном вырезали, витрину — алмазом... Взяли два поллитра, сырок «Дружба», полбуханки обдирного... Сразу видно — шайка действовала. Засыпались они на ерунде. Потому как не профессионалы: им бы после грабежа затихнуть, спрятаться, в подполье уйти, а они наутро пришли посуду сдавать. Их и замели...

Или другой случай был: решили двое кассу в магазине ограбить. Но тоже, видать, не профессионалы: им бы с утра в магазин прийти, когда народу мало, а они вечером притазились, после работы, в час «пик». Народу полно, к кассе не подобрешься. Им бы встать как людям в очередь, а они, непрофессионалы, решили схитрить. «Граждане, говорят, разрешите нам к кассе подойти, нам только кефир без сдачи выбить...» А зачем, спрашивается, человеку после работы кефир?! Народ сразу заподозрил неладное, скрутили их, сдали в отделение...

Но самый интересный случай грабежа я лично наблюдал на прошлой неделе. Пришел я вечером к себе на работу, вышел во двор. Сижую курю, дежурю, одним словом. Вдруг вижу — земля шевелится. Думал, почудилось, однако пригляделся — точно, шевелится, копают ее изнут-

ри. Наконец разверзлась земля, вылезают на поверхность трое с отбойными молотками, с пистолетами, в черных масках — ну ни дать ни взять фантомасы...

Наводят на меня оружие, кричат:

— Руки вверх!

Ну, мне что, я человек маленький, сторожем работаю. Поднимаю руки.

Один из фантомасов мне говорит:

— Открывай, дед, свой ювелирный магазин!

— Какой такой «ювелирный»? — спрашиваю.

— Как это — какой? Разве это не ювелирный магазин?

— Да вы что, — говорю, — ребята? До ювелирного отсюда два квартала. Вы же не в том направлении прокопались...

Охнули они, маски у них аж потом прошибло.

— Как же так? — говорят. — Неужто опять промахнулись?!

Тут один из фантомасов начинает на себе рубаху рвать, впадает в истерику.

— Завязываю, — кричит, — с этим делом! Отказываюсь работать при такой бестолковщине!

— Что ж вы, ребята, — говорю я им, — вслепую копаете? Вам бы хоть планчик нарисовать, чертежник...

— Да есть у нас чертежник, — плачут. — Специалист чертил, инженер с «Ремонтгаза»... Третью неделю с этим чертежиком под землей ошиваемся...

Вижу: люди совсем умаялись, дал я им закурить, успокоились помаленьку.

— Придется нам, батя, — говорит один из них, — твое заведение ограбить. Не зря же мы к тебе тоннель прорыли. Ты чего стережешь?

— Базу стерегу, — отвечаю. — Базу товаров местной промышленности.

— Давай ключи, — говорят, — а не то мы замки посшибаем!

— Какие, — говорю, — замки? У нас склад на фотоэлемент поставлен, на автоматику..

— Выключай, — кричит, — автоматику!

— Чего ее выключать, — говорю, — когда она не включается? Мы ее, вишь, накоротко замкнули, чтоб на ней чайник сподручней кипятить было, а она чего-то и сломалась... Так что заходите, не беспокойтесь.

Они на меня с подозрением смотрят, спрашивают:

— А какие товары на складе?

— Разные, — говорю, — всевозможные... Плащи-блоньи, обувь женская на шпильках микропористых, рубахи нейлоновые, герметические... Бери не хочу!

— Сам, — говорят, — бери! Нам это и даром не надо...

— Несознательные вы, — говорю, — молодые люди. Обчистили бы склад, большую пользу государству принесли... Здесь ведь на тыщи рублей товару навалено. Чего с ним делать? Продать нельзя, выкинуть жалко, только и надежда — может, кто упрет дуру...

— Нет, — говорят, — не проси, не хотим!

— Эгоисты вы, — говорю, — несознательные люди!

— Отцепись, дед! — кричат. — Сам ты несознательный! Ты на кой черт такой склад стережешь?

— Дураки вы, — отвечаю. — Я его не затем стерегу, чтобы кто чего не взял, а я его затем стерегу, чтоб сюда кто чего лишнего не подбросил...

Тут с одним из фантомасов опять истерика случилась. Рвет он на себе рубаху, орет:

— Завязываю, братцы! Нету никаких сил! Надо ж сначала повысить качество продукции, а потом уж ее растаскивать! Отпустите меня к прокурору!

Ну, отпоил я его валерьянкой, успокоил. Посовещались они. Вижу, собираются снова под землю уходить. Один на прощание мне и говорит:

— Давай, папаша, мы у тебя хоть часы снимем, а то ведь совсем так дисквалифицируемся.

— Берите, — говорю, — на здоровье! Только они у меня после ремонта гарантийного... наполовину работают: тикать тикают, а стрелки не ходят.

— Ладно, — говорят, — все равно давай. Мы их внизу заместо компаса используем...

Взяли они часы, спустились в тоннель, я их сверху землицей присыпал. Хотел в милицию позвонить, но потом раздумал. У меня на часах стрелки как раз на районное отделение направлены были, так что ежели они с огоньком работать будут, то к утру там вылезут...

Недавно у нас в городе

открылась баня «закрытого типа». Сауна называется. Что в переводе с финского означает «финская баня».

Я про нее и не знал, а тут звонит мне один приятель, Егоров, и говорит:

— Приглашаю тебя, Николай Степанович, в субботу в финскую баню.

Я говорю:

— Спасибо, но, во-первых, у меня ванная есть, а во-вторых, я уже в среду мылся.

Он говорит:

— Чудак, я тебя не мыться зову, а интеллигентно провести время. Шашлыки поедем, пообщаемся с нужными людьми. Там такой солидный контингент, будь здоров! Я еле пропуск достал...

— Ах так, — говорю, — если это вроде как мероприятие, тогда — с наслаждением!

Приходит, значит, суббота, и тут у меня с этой сауной случается первая загвоздка: не знаю, как в баню одеться. С одной стороны, в интеллигентное общество в чем попало не пойдешь, с другой — зачем хорошо одеваться, когда все равно раздеваться?

Думали мы с женой, думали, потом она и говорит:

— Раз, Коля, там будет бомонд, надевай новые джинсы.

Это она мне как-то купила у спекулянта джинсы. Ну, я вам скажу, не джинсы, а чудо природы. На пол поставь — стоят без всякого содержимого. Я их год не надевал, берег для торжественного случая.

Одним словом, напяливаю я джинсы, надеваю сверху рубаху системы «батон» и еду...

Баня, доложу вам, снаружи ничего особенного, но внутри, конечно, произведение архитектуры: стиль модерн.

под старину. Все деревом обделано, камин, светильники темные, орган играет по магнитофону. И компания, соответственно, солидная: попивают коньячок, дымят не нашим дымом...

Ладно. Посидели покурили, потом все направляются в парилку. А у меня тут происшествие: «молнию» на джинсах заклинило. Ни туда, ни сюда. Дергал, дергал, аж взмок! И самочувствие глупое: все голые, а я как дурак в штанах. Срам один! Прямо не знаю, что предпринять.

Егоров советует:

— Ты, Николай Степанович, ступай прямо в них в парилку. От нагревания предмет расширится, ты из него и выскочишь!

— Засмеют же, — говорю.

— Ничего, — говорит, — а ты держись независимо. Может, ты оригинал? Может, ты именно в таком виде любишь париться?

Ладно. Иду в парилку, сажусь на полку в штанах и с независимым видом. Но вокруг, правда, народ интеллигентный, виду на мой вид не подают, только разве что потеть чуть быстрее стали...

Потом все в бассейн нырнули. А я сижу накаляюсь. И все без толку! Нагреться эти сволочи нагреваются, а расширяться — ни-ни! Недаром жена за них спекулю сотню дала... Сил моих нет, чувствую — я в них плавиться начинаю...

Соскакиваю с полки, лечу к бассейну, а тут вдруг банщик меня не пускает.

— Извиняюсь, — говорит, — но в штанах купаться запрещено. Здесь не пляж!

Я ору:

— Да мне только остыть малость!

Он говорит:

— Выйдите на улицу, остыньте! А в верхней одежде в бассейн не пускаем!

Я бы с ним и поскандалил, но чувствую — угораю!

— Егоров, — ору, — миленький! Выпусти меня из джинсов, а то помру!

Егоров видит — положение серьезное, схватил ножницы, разрезал мне джинсы вместе с трусами, выскочил я оттуда — и в воду! Полчаса остывал.

Теперь дальше: садятся все за стол у камина, начинают шашлыки уминать. Я тоже иду, но тут получается конфуз: все уже оделись, а я — в чем мать родила. Тут общество, несмотря на интеллигентность, начинает возражать.

Один говорит:

— Это что ж такое? Что за странный субъект: парится в штанах, а как за стол садиться, так он их сымает. Зачем, — говорит, — Егоров, ты привел с собой этого типа?!

А Егоров говорит:

— Это, извиняюсь, не тип, а Николай Степанович! Он в автомагазине работает, и к ним в конце месяца дефицитные шины поступят.

Тут, конечно, происходит обратный отлив. Тот, который говорил, говорит:

— Ах, извините, мы этого не знали. Тогда другое дело... Сидите, дорогой Николай Степанович, не стесняйтесь, нам даже очень приятно видеть вас в натуральном виде...

Ну, поели мы, выпили, пообщались, стали домой собираться. Тут подходит ко мне банщик и говорит:

— Извините, Николай Степанович, за мое грубое поведение. Ежели желаете, можете одеться и выкупаться!

Я говорю:

— Да что вы, забудем про этот инцидент. Я вообще сюда не купаться приходил, а культурно отдохнуть.

Он говорит:

— Ну, тогда заходите еще. Всегда будем рады!

В общем, если честно говорить, понравилась мне сауна. Только джинсы эти проклятые я больше не надеваю. В угол поставил — пусть стоят...

Что-то синее в полосочку

Монолог командированного

Случилось это так:

посылает меня прошлой осенью колхоз в командировку. Приехал я в Москву, остановился, как всегда, в гостинице «Националь», в вестибюле. У меня там швейцар знакомый, он раньше у нас агрономом работал.

Оставил я у него вещи, вышел в город, походил туда-сюда, пообедал в ресторане «Будапешт», в кулинарии. Ну, думаю, пора и делом заняться — по магазинам пройтись.

Подхожу к универмагу, вижу — очередь. Ну, обрадовался — стало быть, чего-то дают. Это у нас примета такая народная: раз очередь — значит, дают! А тут, понимаю, что-то особенное дают, потому как очередь громадная: на улице начинается, по первому этажу идет, потом по лестнице вверх и уходит, как говорится, за горизонт.

Я моментально в хвост пристроился, спрашиваю у крайней женщины:

— Кто последний?

Она говорит:

— Я последний!

Я спрашиваю:

— А что дают?

Она говорит:

— Что дают, я и сама не знаю, только просили больше не становиться, потому что все равно не хватит.

Я говорю:

— А сколько это, чего дают, стоит?

Она говорит:

— Двадцать рублей.

Я говорю:

— Цена подходящая, можно и постоять.

Стою.

За мной тоже люди пристроились, а в середине очереди уже и стоять веселей — в спину не дует.

Стою.

Только, понятное дело, меня интерес разбирает: за чем это я, собственно говоря, стою? Делаю всякие наводящие вопросы. За чем, спрашиваю, товарищи, стоим? Какой примерно товар? Легкой он или тяжелой промышленности?

Все молчат. Половина — вроде меня, не знает, а половина — знает, но молчит и глаза отводит, чтобы другую половину не распалить.

Стою.

Только тут наверху появляется продавец и кричит:

— Товарищи, имейте в виду, остались только пятнадцатые и шестнадцатые номера! — И ушел.

Очередь заволновалась, я тоже, потому как не знаю: номера эти как — хорошо или плохо? Ну, ничего, думаю, выкрутимся: ежели будет мало — растянем, велико — обрежем, а ежели это, чего дают, на электричестве, так мы его через трансформатор включим.

Стою.

Через час вдруг слух прошел: мол, это, чего дают, можно выписать в какой-то третьей секции без очереди.

Ну, раз без очереди, то, понятное дело, началась давка! Подхватили меня с четырех сторон, понесли в третью секцию. Я сначала брыкался, вырывался, но потом затих — не кричу, но дышу, берегу силы для кассы.

Приносят меня в третью секцию, прижимают к прилавку, продавщица кричит мне:

— Вам чего?

Я говорю:

— То, чего дают!

Она нервничает.

— Я спрашиваю, — кричит, — вам синее или в полосочку?

Я взмолился:

— Девушка, милая, покажи мне, за ради бога, чего это есть?

Она говорит:

— Чего выдумал?! Оно ж упаковано!

Я говорю:

— Тогда давай обе штуки!

Выбил я чек, сунули мне на контроле какие-то две коробки, стал я к выходу пробираться. Чувствую — одна коробка тяжелая, а другая легкая, но в ней что-то вроде шевелится... А кругом жмут, толкают, того гляди с ног свалят.

А тут еще ко мне какой-то старый узбек пристал:

— Продай, милый, одну коробку! Я за этой штукой четвертый раз в Москву приезжаю!

Я говорю:

— Я тебе, дед, может, и продам, только ты мне скажи сначала, чего это я купил.

Он говорит

— Я это по-русски не знаю, как назвать, а на узбекский это не переводится!

— Тогда, — говорю, — шиш тебе, мне это самому надо!

Только он повис на руке, просит, я от него как рвану, споткнулся и загремел по лестнице...

Пришел в себя на другой день в больнице. Первый вопрос к персоналу:

— Сестричка, где оно?

— Чего — «оно»? — спрашивает.

— То, чего я купил!

— А чего ты купил?

— А это, — говорю, — я и сам не знаю.

Она говорит:

— Ну вот, когда вспомнишь, тогда и выпишем.

Короче, только через месяц отпустили меня домой. Сел я в поезд и думаю: денег не жалко, здоровья не жалко, жалко, что так и не узнал, что ж это все-таки давали. Вдруг эта штука жизнь бы мою перевернула... А теперь крутись без нее как знаешь!

С тех пор я городские универмаги обхожу стороной. В нашем сельпо лучше. Придешь, спросишь:

— Есть?

Тебе говорят:

— Нет!

И все культурно, никаких очередей...

Хорошее воспитание

Монолог моего соседа

«Хорошее воспитание не в том,

что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...» Так Чехов сказал. В восьмом томе собрания сочинений. Удивительно мудрое замечание, между прочим. Я, когда прочитал, так даже поразился: как мне это самому в голову не приходило? Считаем себя интеллигентными людьми, а не дай бог кто-нибудь прольет за столом соус — так уж сразу шум, крики... А Чехов с этим борется. Он прямо говорит: хорошее воспитание не в том, чтоб, значит, самому не гадить, а совсем наоборот.

Я когда это прочитал, то сразу решил, что буду жить по Чехову. А тут как раз и случай подвернулся — день рождения жены. Пришли гости — родственники, сослуживцы. Сидим едим, интеллигентные разговоры ведем — про погоду, про дубленку, про Евтушенко, про то, про се.. Хорошо сидим, мирно, соуса никто не проливает.

Но тут один из гостей, некто Куликов, за бутылкой потянулся и фужер с пивом на скатерть и опрокинул. Смutilся, стал быстро пятно салфеткой вытирать.

Я сижу — ноль внимания. Просто абсолютно не реагирую. То есть сижу с таким видом, будто он ничего не проливал. Будто и не было этого.

Но тут я замечаю, что никто не замечает, что я не замечаю, как он скатерть залил. Мне как-то обидно стало. И я говорю:

— Хорошее воспитание, — говорю, — не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...

Гость Куликов покраснел и говорит:

— Я никакого соуса не проливал!

Я говорю:

— При чем здесь соус? Дело не в соусе... Просто приятно, что здесь собрались хорошо воспитанные люди. Вот вы пиво пролили, а никто даже глазом не моргнул. И это очень радостно, тем более что скатерть новая, недавно куплена.

Гость Куликов почему-то еще больше смутился, что-то стал бормотать и вдруг уронил тарелку на пол. Тарелка вдребезги! Гость Куликов стал красный как рак. Все молчат. А я стараюсь не замечать этого нового конфуза, хотя про тарелку у Чехова ничего не сказано.

Я говорю:

— Не смущайтесь, пожалуйста! Какие пустяки! Никто ничего не видел. Бог с ней, с тарелкой! Она из сервиза! Антикварная. Саксонский фарфор!

Гость Куликов почему-то весь затрясся, бросился осколками подбирать — да от волнения скатерть зацепил. На пол посыпались бутылки, рюмки... Я губу закусил, но всем видом стараюсь показать, что ничего этого не замечаю. Я даже, наоборот, насвистывать что-то веселое стал, чтобы показать всем, как мне это все безразлично.

И тут, представляете, жена Куликова вскакивает и кричит мне:

— Что вы третируете моего мужа?

Я ей вежливо отвечаю:

— Никто вашего мужа не третирует! Наоборот, стараемся не замечать его хамства. Вот вы, например, своей вилкой в общий салат лезли, а я этого даже не заметил.

Тут она чего-то заплакала, а все гости стали почему-то возмущаться. Какой-то родственник жены вскочил, кричит:

— Уйдем отсюда! Над нами здесь издеваются!

Я говорю:

— Да кто же над вами издевается? Пришли, понимаешь, пол замызгали, пепел в тарелки сыплете, пьете умеренно... Я стараюсь не обращать внимания, а вы еще что-то вякаете!

Тут гости вскочили, бросились в переднюю за пальто. Я им крикнул вдогонку:

— Ну и ладно! Валите отсюда! Попутного ветра!

Это, конечно, я уже грубо крикнул. Не надо бы этого! Мне бы им чего-нибудь из Чехова вдогонку послать, что-

нибудь про соус или в этом роде, но как-то цитаты не подобрал.

Слава богу, бутылкой не запустил, сдержался...

Хочу харчо!

Монолог официанта

Самое неприятное — это когда

посетитель бестолковый попадает. Скажем, иностранец... Или который наш, но по-русски не понимает. Вот на днях приходит к нам в ресторан один старик — узбек... Или таджик, не знаю... В общем, в тюрбетейке и халате... Старый такой, лет ему восемьдесят, а может, и больше — они там долго живут.

Сел за мой столик, повертел меню и говорит мне:

— Хочу харчо!

Я вежливо говорю:

— Нету харчо!

Он заулыбался, головой закивал, будто понял, и говорит:

— Хочу харчо!

Я объясняю:

— Нету харчо! Там в меню написано «харчо», но это не значит, что есть харчо... Меню старое!.. Прошлогоднее меню... Заказали мы новое меню, но из типографии пока не прислали... У них с бумагой перебои... Поэтому лежит пока старое меню, в котором есть харчо, а на самом деле — нет.

Все так ему понятно объяснил, вразумительно. А он меня выслушал, языком поцокал и говорит:

— Хочу харчо!

Я объясняю:

— Нету харчо! Нету, дедушка!.. Харчо из баранины делают, а баранину сегодня не завезли. Не прислали с базы баранину. Говядину прислали... Вернее, свинину. А насчет баранины наш директор звонил на базу тому директору, но тот директор уехал куда-то. Так что с бараниной пока неясность. А без баранины нельзя харчо!

Вроде бы объяснил ему понятней нельзя. Все растолковал. А он смотрит на меня своими восточными глазами и говорит:

— Хочу харчо!

Я уже нервничаю, но объясняю:

— Какое харчо, дед?! Что ты пристал? Харчо готовить надо уметь, а сегодня не тот повар... Клягин сегодня работает, а не Цугульков! Клягин не умеет харчо!.. Он молодой еще, практикант!.. Он только яичницу умеет.. А Цугульков, который умеет харчо, он отгул взял. У него жена рождает.. Он, Цугульков, запил, потому что нервничает.. А без Цугулькова никак нельзя харчо!

Уж так я этому старику все разъяснил — и жестами, и руками... И про Цугулькова так понятно показал, как тот запил, и про жену, что она рождает.. Я даже вспотел от напряжения.

И он вроде бы понял. Головой закивал, руку мне пожал и говорит:

— Хочу харчо!

Я весь задрожал, но взял себя в руки, спокойно объясняю:

— НЕТУ ХАРЧО! — кричу. — НЕТУ! НЕ НА ЧЕМ ГОТОВИТЬ ХАРЧО! ПЛИТА ПЕРЕГОРЕЛА! ЗАМКНУЛОСЬ ТАМ ЧТО-ТО! ПЛЮС НА МИНУС ЗАМКНУЛСЯ!.. СГОРЕЛА ПЛИТА К ЧЕРТОВОЙ БАБУШКЕ!! А МОНТЕР ТОЛЬКО ЗАВТРА ПРИДЕТ, ЕСЛИ ПРИДЕТ... ЕСТЬ ВТОРАЯ ПЛИТА, НО НА НЕЙ НЕЛЬЗЯ ХАРЧО! ОНА НЕ ДЛЯ ХАРЧО, ПЛИТА! ОНА САМА ПО СЕБЕ ПЛИТА!..

Кричу я, а сам про себя спокойно решаю, что если он еще раз скажет «Хочу харчо!», то я его убью.

Говорит:

В голову мне что-то ударило, пошатнулся я, заплакал.

— Пожалей, — говорю, — меня, дедушка! Я человек больной. У меня гипертония... Давление двести двадцать на сто двадцать семь, как в трансформаторе... У меня кризы бывают... У меня неотложка возле подъезда каждую ночь дежурит... У меня сын заика, а внук двоечник... НЕТУ ХАРЧО!

Реву я белугой, дед тоже плачет; обнимает меня, вытирает мне слезы тубетейкой и говорит:

— Хочу харчо!

Подкосились у меня колени, упал я.

Хорошо, официанты подбежали, подхватили.

— Плюнь ты на него, Степанов, — говорят они мне. —
Не связывайся! Видишь, он не понимает ни бельмеса по-
нашему! Плюнь!..

Ну что было делать? Как еще можно объяснить?

Плюнул я с досады... и принес ему харчо.

Встреча с известным писателем Бурко

Рассказ директора совхоза

...Любит наш народ писателей!

Хлебом его не корми — дай только с живым писателем встретиться, особенно если еще и в рабочее время... Вот проходили у нас в области в прошлом году дни литературы. Понаехали писатели со всех концов страны...

Три дня их в центре держали, а потом пустили по районам. Звонят мне рано утром из района, говорят: «Выезжает к вам в совхоз известный писатель Бурко... Или Бурко? В общем, ударение на месте уточните! Примите на уровне!»

Я говорю: «Мы товарищу Бурко... или Бурко... очень рады, но все-таки хотелось бы знать, кто такой. Что написал? Чтоб почитать перед встречей...»

Район кричит: «Читать уже некогда! Просто прими на уровне — и все!»

Я говорю: «Не сомневайтесь! Примем! Но все-таки как народу объяснить, кто наш гость? Он вообще-то, в частности, мужчина или женщина?»

Район на другом конце трубки затих, чувствую — они тоже не в курсе, потом стали кричать: «Что за глупые вопросы, директор? Писатель к вам не жениться едет, а встретиться с читателями. Ты нам мероприятие не срывавай! Ты прими его — и все!»

Ладно. Собираю я срочно актив, говорю: «Товарищи! У нас большая радость: приезжает к нам известный писатель... то ли Бурко... то ли Бурко... то ли мужчина, то ли женщина... Какие будут предложения по радушной встрече?»

Задумались. Потом встает завскладом (он у нас мужик башковитый, три ревизии поймать не смогли) и говорит: «Раз уж действительно такая радость и приезжает к нам знаменитый писатель без точной фамилии и явных поло-

вых признаков, предлагаю его встретить радостно, но неопределенно... То есть плакатами! Напишем крупно: «ПРИВЕТ БУРКО НА СОВХОЗНОЙ ЗЕМЛЕ!» или «КНИГА БУРКО — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК!» Раз он писатель, то читать умеет и прочтет все правильно, с нужным для себя ударением!..»

Так и решили. Написали плакаты. Нарвали цветов. Вперед пустили пионеров с барабанами.

Ровно в полдень подкатывает к зданию правления черная «Волга», выходит оттуда писатель... С усами! Никаких сомнений... Пионеры застучали в барабан. Аплодисменты. Цветы. Я его беру под руку, веду к себе в кабинет и по дороге говорю: мол, огромная радость, что вы прибыли, заждались, мол... Кстати, говорю, среди ваших поклонников тут разгорелся спор: в каком месте фамилию лучше ударять? Как вас правильней: Бурко или Бурко́?

Он говорит: «Правильней меня... Куренцов Николай Степанович! А что касается этого Бурко или Бурко́... то он сейчас вообще в другой делегации».

Я вздрогнул, говорю: «Это, конечно, для нас... еще большая радость, что вместо какого-то Бурко вы, товарищ... к нам приехали. Но, с другой стороны, люди-то как-то... настроились... на Бурко... или Бурко́... Как быть?!»

Плянул он в окно, почитал плакаты, говорит: «Вот что! Раз уж такая накладка, не будем огорчать людей!.. Пусть и дальше уж принимают меня как Бурко... или Бурко́... Но, поскольку я его книг не знаю, читательскую конференцию проводить не будем. Просто я им речь скажу, пообедаем — и разъехались! У меня программа напряженная!»

Выхожу я к народу, объявляю им Бурко или Бурко́, уж не помню, выходит он и произносит речь. Товарищи! — говорит, — дальнейший рост! — говорит, — ура! — говорит, — навек! — говорит!..

Умсют у нас писатели говорить, про что — сразу и непонятно, но бодрит... Народ ему аплодирует, только, конечно, немножко начинает нервничать, потому что он нас все время почему-то называет «овцеводами»...

Я ему шепчу: «Товарищ Бурко... (тут уж я не думал об ударении, он вообще мне стал надоедать)... Товарищ Бурко! Вы на овцеводство особенно не напирайте! Свекловоды мы, а не овцеводы! Овца в нашем районе не живет, она тут вообще не выдерживает...»

Он говорит: «Как так? Разве это не Касьяновский район?»

Я говорю: «Ни в коем случае! Это сто километров и в другую сторону!»

Он ахнул: «Ах, мать честная, что ж там, в центре, все напутали... Меня ж в Касьяновском ждут... Что делать?»

Я говорю: «Не надо огорчаться! Нормально! Жизнь — она все по местам ставит: если вы для нас — Бурко, мы для вас — Касьяновский район!.. Прошу к столу!»

Сели мы. Выпили. Закусили. Потеплели.

Пляжу, он уже нас ласково касьяновцами кличет, а сам не только на фамилию Бурко или Бурко... но просто на Буркина охотно откликается...

Под конец совсем захмелел, растрогался, встал, кричит: «Друзья, в память о встрече... хочу вам подарить свою книгу!» Роемся в портфеле, огорчается: «Ах, мать честная... Я их все по дороге раздарил... Осталась вот одна... но... на венгерском языке... Как быть?»

Я говорю: «А это даже лучше! Огромное спасибо! А то у нас в библиотеке ни одной вашей вещи по-венгерски и нету! Просто неудобно, если кто спросит...»

Достал он книгу, синюю такую, толстую, написал:

«ДОРОГИЕ! СЕРДЦЕМ С ВАМИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ! КОЛЯ!»

И уехал! Только пыль за колесами... Вот такая памятная встреча. А книга эта у нас в библиотеке до сих пор на почетном месте стоит. Все ищем способ ее обратно перевести, чтоб узнать, что он все-таки пишет... этот Куренцов? или Куренцов?..

И когда только наш народ правильно ударять научится?..

Соло для дуэта

Произведения, написанные в соавторстве

От полуавтора

Что делать, если хорошая мысль

приходит в голову двум людям одновременно? Можно сразу, словно Бобчинский и Добчинский, долго толкаться, хватать друг друга за руки и выяснять, кто первым сказал «Э!..».

А можно протянуть руку для рукопожатия и стать соавторами.

Впрочем, тут одних рук мало. Надо чтоб совпали взгляды и чувства... Главное из них — чувство юмора! Особенно когда сочиняешь комедию... Если надо объяснить и доказывать, что смешно, что не смешно, то совместная работа превращается в каторжную, а соавтор — в сокамерника...

Мне повезло. Моими соавторами в разные годы становились люди очень талантливые, доброжелательные и остроумные: Аркадий Арканов, Владимир Войнович, Эльдар Рязанов, Аркадий Хайт.

Работалось легко и весело... В результате появились две пьесы и один кинофильм на телевидении. Успех делили поровну. На премьерах каждый выталкивал своего коллегу вперед, демонстрируя собственную скромность и бескорыстность.

С согласия двоих своих бывших соавторов я включил наши совместные работы в эту книгу.

Им разрешаю сделать то же самое, когда они будут издавать свои книги...

Не знаю, будем ли мы еще когда-то работать вместе, но самое приятное, что, перестав быть соавторами, мы не перестали быть друзьями...

Маленькие комедии большого дома,

написанные совместно
с Аркадием Аркановым

СМОТРОВОЙ ОРДЕР

Гротимистическая комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИВАНОВЫ:

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, 60 лет.

ВИКТОР — ее сын, 25 лет.

НАДЯ — его жена, 22 года.

ИВАНОВЫ:

АННА СЕРАФИМОВНА, 60 лет.

ВАЛЕНТИН — ее сын, 40 лет.

ЮЛЯ — невеста Валентина, 28 лет.

Стандартная двухкомнатная малогабаритная квартира. Две смежно-изолированные комнаты, кухня, баллончик. В квартире сейчас ерлаш, который бывает тогда, когда жильцы собираются переезжать на новое место, — в комнатах стоят узлы, тюки, чемоданы, связка книг. Здесь же — клетки с птицами, аквариум и много цветов в горшках.

Появляется Татьяна Ивановна с детской коляской.

Татьяна Ивановна *(качая коляску)*. Ну.. Ну.. Андрюшенька!.. Ну хватит! Поверещали — и хватит.. *(Сует ребенку соску.)* Ну вот и молодец... Передохни! Бабушке сейчас не до тебя... *(Кричит в соседнюю комнату.)* Витя! Что ж ты книги-то до сих пор не связал?!

Из соседней комнаты появляется Виктор с коляской.

Виктор *(качая коляску)*. Успею еще... У меня вон Андрюшка не спит! *(Качает коляску.)* Вроде и сухой, а ерзает... *(Ребенку.)* Спи, тебе говорят! Андрюха!.. *(Сует ему соску.)*

Татьяна Ивановна *(отнимая соску)*. У тебя не Андрюшка, а Мишка... Андрюшка у меня... *(Кричит в сторону кухни.)* Надя, дай-ка нам чистую соску..

Из кухни появляется Надя с третьей коляской.

Надя. Иду, иду.. Слава богу, Андрюшка наконец заснул... *(Заглянув в коляску, мужу.)* А Машенька до сих пор не спит?

Виктор. Какая Машенька? Что вы все путаете?! Ведь ясно же определили: у Андрюшки — родинка на попке, а у Машки и у Мишки — нет..

Татьяна Ивановна. Машеньку от Андрюшки и без родинки отличишь. А братьев тоже ни к чему каждый раз распеленывать. Можно и по выражению лица разобраться. У Андрюшки глаза поумнее. Мои глаза. *(Сыну.)* А у Мишки — твои... Тоже хорошие! Вот, присмотришь...

Надя. Некогда сейчас, Татьяна Ивановна! Машина скоро придет, а у нас половина вещей не собрана! *(Мужу.)* Ты насчет пеленок дозвонился?

Виктор. Занято там у них вечно! *(Подошел к телефону, набрал номер.)* Алло! Это пункт проката? Здравствуйте... Это говорит Иванов с Большой Черкизовской... У нас там заказаны пеленки... Сто восемьдесят штук... Почему много?.. Нормально!.. Да, здоровый ребенок... Просто их трое... Тройня, понимаете? Да, спасибо! И вам того же... Так вот, пеленки теперь надо возить по новому адресу: Чертаново, Кировоградская улица, дом сто девятнадцать, квартира триста девяносто два. Да-да, спасибо! *(Вешает трубку.)*

Надя. Ну вот и хорошо... А теперь вывози ребят на балкон, нам здесь надо все собрать да еще пол помыть.

Виктор *(вывозя коляски)*. Чего мыть-то? Все равно съезжаем.

Татьяна Ивановна. Правильно Надя говорит. Нечего грязь людям оставлять.

Виктор выкатывает коляски. Татьяна Ивановна связывает книги. Надя начинает уборку.

Надя. Ох, две комнаты пока уберешь — семь потов сойдет, а в новой что делать будем?

Татьяна Ивановна. Управимся! Я всегда мечтала в большой квартире жить. Чтоб человек сто в гости могло прийти и еще место оставалось... Такое новоселье отгрохаем!..

Надя. Новоселье не сразу, Татьяна Ивановна! Разберемся, обставимся...

Татьяна Ивановна. А я говорю — сразу! Новоселье зажмешь — счастья не найдешь!.. Эта примета верная... И вообще, к слову сказать, не по-людски мы сегодня въезжаем, не по-русски... Когда в новый дом въезжаешь, впереди себя положено кошку пускать...

Надя. Предрассудки!

Татьяна Ивановна. Конечно, предрассудки, а все-таки с кошкой... спокойнее... Надь! Ты б сходила к Егоровым во второй подъезд, одолжила б у них кошку...

Надя. Ну вот, сейчас время только кошку одалживать... *(Продолжает подметать.)*

Татьяна Ивановна связывает книги. Звонок. Татьяна Ивановна открывает дверь. Появляется Анна Серафимовна, за ней робко входят Валентин и Юля.

Анна Серафимовна *(оглядываясь)*. Что у вас дверь такая обшарпанная?

Татьяна Ивановна. Чего «дверь»?

Анна Серафимовна *(оглядываясь)*. И обои ободраны...

Татьяна Ивановна. Здравствуйте! А вы, собственно, кто такие?

Анна Серафимовна. У нас смотровой ордер! *(Достает из сумочки ордер.)* Здравствуйте! Ознакомьтесь, пожалуйста.

Татьяна Ивановна. А! Ну давайте знакомиться... Татьяна Ивановна Иванова.

Анна Серафимовна *(протягивая руку)*. Иванова Анна Серафимовна.

Татьяна Ивановна. О! Так мы однофамильцы!

Анна Серафимовна. Ну какие мы однофамильцы? Вы — Ивановы, мы — Ивановы...

Татьяна Ивановна. Все равно удобно. Табличку на дверях менять не надо.

Анна Серафимовна. Ну это уж мы разберемся...

Татьяна Ивановна. Да вы проходите, смотрите... Вы одна тут или с семьей жить будете?

Анна Серафимовна. Я вообще тут не буду. Это моему сыну вашу квартиру предложили...

Валентин (*представляясь*). Валентин.

Татьяна Ивановна. Имя-то какое хорошее. У меня второй сын — Валентин. А это, стало быть, ваша жена?

Валентин. Невеста.

Анна Серафимовна. Пока что подали заявление...

Татьяна Ивановна. Раз подали, значит, считай, жена!

Анна Серафимовна (*желая перейти к делу*). Валентин, тебе не кажется, что коридор узковат?

Валентин. Нет, мама, вроде бы ничего... Ты как считаешь, Юля?

Юля. По-моему, хорошо, Валюша.

Анна Серафимовна. Что ж здесь хорошего?!

Татьяна Ивановна. Нормальный коридор. (*Анне Серафимовне*.) Вы, конечно, женщина фигуристая, вам он тесноват будет, а им-то — в самый раз...

Все проходят в комнату.

Анна Серафимовна (*оглядываясь*). Это, стало быть, основная комната... Неужели здесь восемнадцать метров? Не похоже...

Татьяна Ивановна. Восемнадцать! Мы как въехали, было восемнадцать, так восемнадцать и оставляем... (*Невестке*.) Надя! Познакомься, это Ивановы, они здесь жить будут...

Анна Серафимовна (*поправляя*). Ивановы!

Надя. Здравствуйте! Пожалуйста, проходите... Извините нас, тут мы...

Анна Серафимовна (*перебивая*). Ничего, ничего... Вы нам мешаете...

Татьяна Ивановна. Надя, моя невестка...

Анна Серафимовна (*подойдя к окну*). Они говорили — зеленый район, а я что-то зелени не вижу...

Татьяна Ивановна. Так зима ведь... Зимой какая зелень?

Анна Серафимовна. Все равно. Я ожидала большего...

Надя. Район у нас отличный. «Кулинария» в доме, «Фотография»...

Анна Серафимовна (*иронично*). Это большое достоинство!

Татьяна Ивановна. Надюша, давай не будем мешать людям... Им жить — им и смотреть... *(Тихо.)* А ты бы сходила к Егоровым... Одолжи кота, сделай милость...

Надя. Ох, мама, вы уж как что заберете в голову...

Татьяна Ивановна. Сходи, сходи...

Надя уходит. Ивановы продолжают осмотр квартиры.

За котом ее послала... Новоселье кот должен открывать.

Анна Серафимовна. У вас здесь мыши?

Татьяна Ивановна. Да нет. Примета такая есть.

Анна Серафимовна *(сыну)*. Валентин, если ты дашь согласие, то надо как-то решать вопрос ремонта... Не знаю уж, за счет ЖЭКа или бывших хозяев...

Входит Виктор.

Татьяна Ивановна *(гостям)*. А это мой младший — Виктор. *(Сыну.)* Витя, эти товарищи здесь жить будут после нас...

Виктор. Очень приятно. Квартира отличная... И район прекрасный... *(Валентину.)* Тут стадион «Локомотив» рядом...

Валентин *(соглашаясь)*. Да. «Мо-лодцы, мо-лодцы...»

Татьяна Ивановна. Ну смотрите, смотрите, не будем мешать... *(Уходит, уводит с собой Виктора.)*

Анна Серафимовна. Валентин, я тебя не понимаю... Что ты так инертен? Может быть, ты уже решил — тогда зачем я хожу смотрю?..

Валентин. Мама, по-моему, неплохая квартира. Главное — все отдельно. Верно, Юля?

Юля. Да-да, верно, Валюша.

Анна Серафимовна. Юле все нравится. Лишь бы в Москве...

Юля. Я могу уехать...

Валентин. Мама, я прошу тебя...

Входит Татьяна Ивановна с чайником, за ней — Виктор, несет поднос с чашками.

Татьяна Ивановна. Согрейтесь чайком! *(Разливает чай.)* Извините, чашки старые, сервиз немецкий мы уже упаковали...

Анна Серафимовна. Ну зачем беспокоиться?.. *(Снимает пальто, пьет чай.)* Вы так стараетесь, словно за-

интересованы в том, чтоб кто-нибудь поскорее въехал в эту квартиру.

Татьяна Ивановна. Да нам-то какая разница?.. Просто приятно, чтоб и после тебя хорошие люди поселились. А вы мне сразу понравились...

Анна Серафимовна. А вас, если не секрет, куда выселяют?

Татьяна Ивановна. В Чертаново.

Анна Серафимовна. Далековато...

Татьяна Ивановна. От метро автобусом рядом... Зато район тоже зеленый... И квартира четырехкомнатная.

Анна Серафимовна. Это вам дали такую квартиру?

Татьяна Ивановна. Не мне — сыну.

Анна Серафимовна. О! Поздравляю! Как вас зовут, вы сказали...

Виктор. Витя...

Анна Серафимовна. Поздравляю вас, Витя. Вы кто же по профессии?

Виктор. Фрезеровщик.

Анна Серафимовна. Депутат?

Виктор. Нет. Просто фрезеровщик.

Анна Серафимовна. Что значит «просто»? С каких это пор фрезеровщикам стали давать четырехкомнатные квартиры?

Виктор. В общем-то, дали не мне... Ребятишкам дали.

Татьяна Ивановна. Тройню мы родили!

Виктор. А как родили, я-то сам в роддом к Надьке побежал, а мне в цех из Моссовета звонят: пусть, говорят, Иванов приходит за ордером...

Анна Серафимовна. Подумать только — тройня!

Татьяна Ивановна. У нас, Ивановых, это традиция! Весь род такой... У матери моей двойня была, у меня — близнецы. К нам ученый из журнала приезжал — гены, говорит, у вас особенные и хромосомы...

Виктор. Ну, мам, я тоже парень ничего.

Татьяна Ивановна. А я разве что говорю? Витька у нас молодец. В школе на пятерки учился. В армии — отличник боевой и политической подготовки... Сфотографирован на фоне знамени. Спортсмен, второй разряд по лыжам...

Анна Серафимовна (сычу). Ты слушай и запоминай.

Валентин (с улыбкой). Я на лыжах тоже хожу.

Анна Серафимовна. Значит, не так ходишь!

Юля. А нельзя их посмотреть? Никогда не видела тройню...

Виктор. Пойдем покажу.

Виктор, Валентин и Юля уходят на балкон.

Анна Серафимовна. Сколько вашему Виктору?

Татьяна Ивановна. Двадцать пять.

Анна Серафимовна. Подумать только, двадцать пять лет — и уже отец троих детей, а моему почти сорок, а он еще сам дитя...

Татьяна Ивановна. Выглядит он совсем как взрослый.

Анна Серафимовна. Он такой ранимый, такой доверчивый... Бери его голыми руками и делай что хочешь...

Татьяна Ивановна. Вот женится — переменится...

Анна Серафимовна. Об этом и речь! Куда ему жениться, у него кандидатская на носу.. А тут — Юля! Вызвали ее из Тюмени, она и рада... Вы поймите меня, Татьяна Ивановна, я современная женщина, я не говорю, что она ему не пара, — это их дело... Задумал жениться — женись, но не наспех...

Татьяна Ивановна. Наспех нехорошо. Это я не одобряю. А то ведь как бывает — в парке поженились, на свадьбе познакомились...

Анна Серафимовна. В каком парке? Он ее десять лет знает..

Татьяна Ивановна. Десять — это хорошо...

Анна Серафимовна. Что ж хорошего... Десять лет думал, а теперь все — в один день...

Татьяна Ивановна. В один день не годится...

Анна Серафимовна. Но и тянуть сейчас нельзя...

Татьяна Ивановна. Да уж куда больше тянуть...

Анна Серафимовна. Ах, вы меня не понимаете...

Татьяна Ивановна. Это верно. Не понимаю...

Анна Серафимовна. Сейчас объясню: Валентину как специалисту предприятие предоставляет квартиру.. Однокомнатную. Но если у него семья, он имеет право

претендовать на большее... Вот мы и подали заявление в загс на двухкомнатную... И сейчас все решается. Если он скажет «да» — значит, полное «да»...

Татьяна Ивановна. Я не пойму — она ему нравится или не нравится?

Анна Серафимовна. Скажу честно, из того, что мы видели, это лучшая...

Татьяна Ивановна. И мне она симпатична — тихая, приветливая...

Анна Серафимовна. Правда, мы еще не видели места общего пользования и кухню...

Татьяна Ивановна. ...И ямочка у нее симпатичная, и улыбка теплая...

Анна Серафимовна. Кстати, я не спросила самое главное: у вас ТЭЦ или газовая колонка?

Татьяна Ивановна *(с некоторым раздражением)*. Знаете, Анна Серафимовна, мы с вами про разное говорим. Смотрите сами, решайте сами — бог вам судья!

Появляются Валентин, Юля, Виктор.

Юля. Такие славные ребяташки... Верно, Валюша?

Валентин. Замечательно! Все замечательно!.. Ты знаешь, мама, мне кажется, что здесь мне все нравится... В общем, я решил! Ты как, Юля?

Юля. Я — как ты, Валюша...

Валентин. Тогда все... Остановились. Да, мама? Ну что ж ты молчишь?

Анна Серафимовна. А что говорить. Раз решили... *(Достала платок, всхлипнула)*. Мне ничего уже не надо. Лишь бы ты был счастлив...

Татьяна Ивановна. Ну вот и хорошо. И молодцы... А матери — радость...

Виктор. Поздравляю! *(Валентину)*. Здесь тебе понравится. Стадион прямо из окна виден... Сейчас там электрическое табло сделали... Красота!

Валентин *(растерянно)*. Да? Так я тогда прямо сейчас позвоню... Зафиксирую свое согласие... А, мама?.. *(Подходит к телефону, набирает номер)*. Алло! Анатолий Григорьевич?.. Это Иванов говорит. В общем, мы посмотрели, нас это, в принципе, устраивает.. Можете записать ее за нами... Что?.. Это точно?.. Ага... Понятно. Анатолий Гри-

горьевич, я тогда с мамой посоветуюсь и вам перезвоню... Спасибо. *(Кладет трубку.)* Интересно...

Анна Серафимовна. Что еще? Они начинают крутить?.. Пусть попробуют!

Валентин. Нет, мама... Понимаешь... Он проконсультировался насчет того дела... Помнишь, я тебе говорил... В общем, в случае удачной защиты диссертации... Я как кандидат буду иметь право на дополнительную площадь.

Анна Серафимовна. Ах так... Это же меняет дело... *(С деланной улыбкой.)* Какие мы неопытные люди... Не посоветовавшись с юристом, бежим, бросаемся с головой в омут... Но тогда все прекрасно! Нет никакой торопешки... Имеет смысл подождать! Юленька возвращается в Тюмень, мы здесь все окончательно уясним, напишем... И в случае чего — Юленька подъедет... По-моему, я права?

Валентин. Да?.. Ты как считаешь, Юля?

Юля *(сдерживаясь)*. Да, Валюша. Анна Серафимовна права! *(Выбегает, хлопнув дверью.)*

Неловкая пауза.

Анна Серафимовна. Вот вам и характер! Устраивать сцены при посторонних людях...

Татьяна Ивановна *(решительно)*. Ну, вот что я скажу: и вы ступайте отсюда!

Анна Серафимовна. То есть как?

Татьяна Ивановна. А вот так! Ножками, ножками... Нечего вам тут делать... Давайте отсюда!

Анна Серафимовна. Вы не командуйте! У нас смотровой ордер!

Татьяна Ивановна. Посмотрели?.. Вы посмотрели. Хватит! Витя, проводи гостей!

Валентин. Пойдем, мама...

Анна Серафимовна и Валентин уходят.

Татьяна Ивановна. Вот, Витя, ежели я когда такой стану — души меня собственными руками!

Входит Надя, вводит заплаканную Юлю.

Надя *(Юле)*. Ну, хватит! Успокойся... Да входи, входи... *(Татьяне Ивановне.)* Подхожу к подъезду, а она стоит у дерева и плачет. Спрашиваю — ревет... Что у вас случилось-то?

Татьяна Ивановна. Это долго рассказывать...
(Юле.) Заходи, деточка, садись...

Юля. Нет-нет, я пойду..

Татьяна Ивановна. Пойдешь, пойдешь... Отойди сначала...

Надя. Не отпускайте ее в таком состоянии. (Идет к двери.)

Татьяна Ивановна. А ты куда?

Надя. Да все с вашим котом... Нет у Егоровых кота, к какой-то кошечке его отвезли... Теперь мальчишки со двора сказали, что в третьем корпусе есть котенок при- блудный... Обещали принести... (Убегает.)

Татьяна Ивановна (Юле). Посиди, отдышись... Чайку попей.

Юля. Нет-нет, мне сидеть некогда... Мне на аэродром надо...

Татьяна Ивановна. Успеешь на аэродром. Вон бледная какая.

Юля. Голова закружилась... Сейчас пройдет.. пройдет.

Татьяна Ивановна (подозрительно посмотрев на нее, сыну). Витя, пойдика ребят посмотри...

Витя. Спят они.

Татьяна Ивановна. А я говорю — посмотри!..

Виктор выходит.

(Подсаживается к Юле.) Слушай, доченька, а ты не... того... этого?

Юля молча кивнула головой.

Татьяна Ивановна (обрадованно). Ах умница! Так что ты плачешь, дура? Радость-то какая!.. А он что?

Юля. Он ничего не знает..

Татьяна Ивановна. Все равно реветь не надо! Может, это и к лучшему..

Открывается входная дверь, входит Анна Серафимовна. Из соседней комнаты выходит Виктор.

Анна Серафимовна. Ну, вот что! Эта квартира уже не ваша, и вы не имеете права мне препятствовать... Я хочу посмотреть кухню и ванную... На всякий случай!

Татьяна Ивановна. Вот вы пожилая женщина... Вроде неглупая. Мать! А суетитесь бог знает из-за чего... Даже не подозреваете, что скоро станете бабушкой...

Анна Серафимовна. Я? Бабушкой? *(Поняла в чем дело, бросается к Юле.)* Юленька! Это правда? Что же ты молчала, глупышка? Как же так можно? Неужели я должна узнавать это от посторонних людей? *(Бросается к двери, кричит.)* Валентин!

В дверях появляется Валентин. Анна Серафимовна что-то шепчет ему на ухо.

Валентин *(огорошен и обрадован)*. Как же так? Юленька!.. Извини... Я не хотел... Как это здорово! Да, мама?

Анна Серафимовна. Что ты стоишь? Подойди к ней. Обними! *(Татьяне Ивановне.)* Я вам говорила, что он сам еще ребенок...

Виктор. Ребенок что надо!

Валентин подходит к Юле, кладет ей руку на плечо.

Татьяна Ивановна. Ну вот и славно! Вот и по-людски... Вот и хорошо!

Анна Серафимовна. Еще бы! Ведь теперь... Ведь теперь все меняется: Валентин возьмет справку о кандидатской, Юленька возьмет свою справку, и мы с полным правом ставим вопрос о трехкомнатной квартире!

Юля. Уйдите отсюда, Анна Серафимовна!

Валентин. Ну как ты можешь, Юля?!

Юля. И ты уходи!

Анна Серафимовна. Ах так? Она нас уже гонит.. Что же будет дальше?

Валентин. Мама...

Анна Серафимовна. Мы еще посмотрим! Еще надо посчитать... *(Подсчитывает.)* Валентин, когда ты последний раз был в Тюмени?..

Виктор *(решительно)*. Так! Может, это, конечно, и не мое дело... Но я вот что скажу.. Чтоб через секунду я вас здесь не видел: и тебя, мальчик, и маму твою!

Хлопнув дверью, Валентин и Анна Серафимовна уходят.

Виктор *(подходит к Юле)*. Вы меня, конечно, Юля, извините, но не мог я...

Юля. Нет-нет. Все правильно! Все к лучшему.. Я вернусь в Тюмень. Все улажу.. Это сейчас просто...

Татьяна Ивановна (*подозрительно*). Что — «просто»? Ты что это, девка, уладить надумала?! Только посмей!

Юля (*в отчаянии*). А зачем ему рождаться?

Татьяна Ивановна. А это не твое дело!.. Тебе природа такое счастье отпустила — матерью сделала... Другие женщины Богу молятся, к профессорам ходят, а у тебя все хорошо: молодая здоровая сибирячка... Рожай да радуйся!.. Подумаешь, Валюша ушел... Черт с ним, с Валюшей, раз он ушел! Одного легче нянчить, чем двоих!.. Не прокормишь, что ли? Прокормишь! Не вырастишь? Вырастишь... И человеком он будет, а не размазней, как папа... Ишь, как быстро приговорила: все улажу! Ты комсомолка? Так будь добра, государству рождаемость не снижай!.. И так мужиков не хватает. Нам воины нужны, ученые, чемпионы мира по шахматам!..

Юля (*с улыбкой*). А вдруг девочка?..

Татьяна Ивановна. Тем лучше! Значит, еще одна мать появится! Через нас, женщин, природа вперед произрастает... Да что я тебя учу? Ты, поди, грамотней меня! Я про себя скажу.. У меня много, не много — а семеро детей... Я когда шестого родила, мне доктор говорит: «Татьяна Ивановна, хватит! Остановись!» А я думаю: хватит, не хватит — там видно будет... И вот пожалуйста, Витька мне теперь за это спасибо говорит! А ему уже трое благодарны... А тем троим — девять... А там еще! Понимаешь ли ты, глупая, что эта таблица умножения сейчас — вся в тебе?

Юля (*плача*). Что вы на меня кричите?

Татьяна Ивановна. Я не кричу. Я тебе популярно объясняю, какая ты на самом деле счастливая... (*Тихо*.) Поплачь, поплачь! Полегчает...

За окном — гудок машины.

Виктор. Мама, приехали...

Гудок повторяется.

Слышь, мама, машина пришла.

Татьяна Ивановна. Ну и хорошо!.. Витя, давай коляски выкатывай...

Виктор проходит на балкон.

Юля (*поднимаясь*). Спасибо, Татьяна Ивановна, спасибо... До свидания.

Татьяна Ивановна. Ты куда?

Юля. Надо на аэровокзал... Насчет билета узнать. Или, может, сразу в Домодедово?..

Татьяна Ивановна. Вот что, никуда ты сейчас не поедешь, а если и поедешь, то с нами. Поживешь, успокоишься, подумаешь... А там решим.

Юля. Что вы... У вас свои заботы, а мне...

Татьяна Ивановна (*перебивая*). Говори, говори, все равно не слушаю... Бери вон ту сумку, которая полегче, и тащи в машину.. (*Кричит.*) Витя, что копаешься?

В дверях появляется Надя.

А тебя где носит?

Надя. Все с котом вашим...

Татьяна Ивановна. Шут с ним, с котом. Машина пришла! (*Увидев, что Надя держит что-то в руках.*) Достала?

Надя. Щенок.

Татьяна Ивановна. Это еще зачем?!

Надя. Мальчишки принесли... Говорили — котенок, а принесли щенка... Куда ему теперь деваться?

Татьяна Ивановна. А, ладно, щенок так щенок!.. Собака — тоже друг человека! Пошли!

Виктор выкатывает коляски. Каждый берет по коляске, клетки с птицами, аквариум и т.д. Вся эта процессия, с писком, плачем, лаем и чирканьем, торжественно двигается к выходу. Последней идет Татьяна Ивановна.

Эй! Рота! Веселей шагай!.. Ох, и люблю я эти переезды — страсть!

Телефонный звонок.

Алло! Да, Ивановы!.. Чего, пеленки?.. Да-да, переводим заказ на Чертаново... Все точно... Э, девушка, стой-ка... Там у нас сто восемьдесят?.. Так ты знаешь... декабрь, январь, февраль... В общем, с мая нам по двести сорок надо... На всякий случай!.. (*Уходит.*)

ГРАБЕЖ

Фарс

Действующие лица

МУЖ.

ЖЕНА.

ГРАБИТЕЛЬ.

ПОСОБНИКИ ГРАБИТЕЛЯ.

Современная однокомнатная квартира, обставленная, вернее — заставленная, большим количеством предметов. Посреди комнаты — большой стол со стульями и креслами в чехлах, здесь же — две двуспальные кровати, составленные вместе, справа — громадный платяной шкаф, рядом с ними — сервант-горка, за ним — трельяж, возле него — несколько пуфиков. Везде большое количество ламп «под старину», с громадными абажурами; сверху спускается огромная чешская хрустальная люстра.

На подоконнике появляется Грабитель. В одной руке — чемоданчик, в другой — пистолет. Оглядевшись, он спрыгивает с подоконника. В это время из кухни раздаются голоса, Грабитель поспешно бросается к окну, спотыкается о пуфик, падает; быстро уползает под кровать. Из кухни входят Муж и Жена.

Жена. Я тебя всегда прошу: опускай летом жалюзи. Мебель выгорает! *(Подходит к окну, дергает какой-то шнур — опускаются тяжелые пластмассовые жалюзи, дергает за другой шнур — задвигаются шторы.)*

Муж. Но так темно и душно.

Жена. Ты же собирался уходить.

Муж. Я бы давно ушел, но я не знаю, где моя бритва.

Жена. Там, где всегда, — трельяж, средняя тумба, нижнее отделение, вторая полка, справа. Пора бы запомнить...

Муж. Я помню. *(Обходит стол, проходит мимо шкафа, поворачивает, идет между столом и кроватями, спотыкается о пуфик, огибает кресло и большой телевизор и подходит к стоящей в углу рядом с окном горке.)*

Жена. Тебе сказано — трельяж.

Муж. А это что?

Жена. А это горка.

Муж. Я думал, что вон та штуковина — горка.

Жена. Это не горка, а канапе.

Муж. Ты же продала канапе?

Жена. Я продала козетку, а купила канапе. Для чего я все это покупаю, если ты даже не можешь запомнить? Вот там — трельяж, в углу, рядом с секретером.

Муж. Что левее?

Жена. Левее — секретер.

Муж. Понятно. *(Мысленно прикидывает, как пройти в противоположный угол комнаты — для этого ему нужно обогнуть телевизор, споткнуться об угол софы, зайти в кухню, чтобы обогнуть угол обеденного стола, выйти из кухни, вновь пройти мимо шкафа и резко свернуть вправо. С трудом проделав все это, он оказывается у трельяжа.)*

Жена. Ой, милый, прости, пожалуйста, я вспомнила: бритва не в трельяже, а в ванной, в желтом шкафчике...

Муж *(устало)*. Бог с ней, с бритвой. Я лучше отдохну, тем более что это вроде бы... точно кровать. *(Валится на кровать.)*

Жена. Я тебе сто раз говорила — не ложись на покрывало.

Муж поспешно вскакивает.

И когда приходишь, снимай туфли в прихожей, а не бросай их где попало...

Муж. Я это всегда и делаю.

Жена. А это что? *(Показывает на туфли Грабителя, торчащие из-под кровати.)*

Грабитель поспешно прячет ноги под кровать.

Муж. Где?

Жена. Не валяй дурака... Сам же задвинул туфли под кровать...

Муж. Какие туфли? *(Сует руку под кровать, достает оттуда туфли, которые Грабитель уже успел снять. Рассматривая туфли.)* Черт знает в чем я хожу!

Жена. Нормальные туфли. Только их надо чистить...

Муж. Подметки совсем отвалились... Где щетка?

Жена. Там, где должна быть, — в прихожей, на нижней полке стеллажа, четвертая дверца...

Обходя различные предметы, Муж проходит в прихожую, через секунду там раздается какой-то грохот и чертыханье Мужа.

Что еще?!

Муж. Бра.

Жена *(испуганно)*. Разбил?

Муж. Поцарапал...

Жена. Медведь!

Муж. ...ногу... *(Прихрамывая, появляется из прихожей.)*
Эти туфли я спустил в мусоропровод! Надо совсем себя не уважать, чтобы носить такую рвань...

Жена. Я чувствую, ты сегодня агрессивно настроен...
Я ухожу и советую тебе пойти прогуляться...

Муж. Всего хорошего...

Жена. Может, ты меня все-таки поцелуешь?

Муж делает попытку подойти к Жене, некоторое время они кружат вокруг стола, пытаясь найти кратчайшее расстояние друг к другу, наконец убеждаются в безуспешности этих попыток и отделяются воздушными поцелуями. Жена уходит. Муж уходит в кухню. В ту же секунду из-под кровати выбирается Грабитель, бросается к окну, пытается раздвинуть шторы и поднять жалюзи... Дергает за один шнур — жалюзи не поднимаются, но зато полным светом зажигается люстра, дергает за другой шнур — в стене открывается бар, раздаются звуки вальса «Дунайские волны». На кухне слышен шум, Грабитель испуганно мечется по комнате, затем прячется в громадном многосекционном шкафу. Из кухни вбегает Муж. Удивленно оглядывает комнату, проходит к окну, дергает за шнур, пытаясь погасить люстру, вместо этого выезжает дверь, закрывая выход в прихожую, дергает за другой шнур — ничего не гасится и не закрывается, но почему-то в туалете сливается вода из бачка... Муж подходит к шкафу, открывает одну из дверей, начинает искать галстук, не находит, роется в шкафу, залезает туда, в те же секунды из другой дверцы шкафа вылезает Грабитель, быстро закрывает все дверцы шкафа на ключ, бежит к прихожей, наткнется на закрытую дверь, мечется по комнате, замечает еще одну дверь, в стене, распахивает ее и нос к носу сталкивается с Мужем. Пауза.

Грабитель. Руки вверх!

Муж. Это вы — руки вверх!

Грабитель. Я первый сказал! *(Наводит пистолет.)*

Муж поднимает руки.

А ну, открой что-нибудь, чтоб я мог выйти!..

Муж с поднятыми руками проходит к окну, начинает дергать за шнуры. Неожиданно гаснет свет. Наступает полная темнота. Слышен шум борьбы, стоны. Зажигается свет. Муж стоит на столе с пистолетом в руках. Грабителя не видно.

Муж. Эй, где ты? А ну, выходи! *(Начинает искать Грабителя, открывает дверцы шкафа, серванта, заглядывает под кровать, устало опускается в кресло.)*

В это время открывается дверь холодильника, оттуда выскакивает окоченевший Грабитель.

Руки вверх!

Грабитель *(дрожит от холода)*. Д-да погоди ты! Д-дай согреться! Х-холодильник ф-финский?

Муж. Наш.

Грабитель. Н-научились д-делать...

Муж. Подними руки — или стреляю!

Грабитель. Стреляй... Это пугач! *(Идет к окну, дергает за шнур, неожиданно поднимаются жалюзи.)* ...Ф-фу, наконец-то попал... *(Вскакивает на подоконник.)*

Муж. Стой! *(Бросается за ним, хватая за ноги, стаскивает с подоконника.)* Ты зачем сюда залез?

Грабитель. Ясное дело — зачем...

Муж. А куда ты бежишь?

Грабитель. Так провалилось дело...

Муж. Почему же провалилось? Пришел грабить — так грабь!

Грабитель. Как так? А ты?

Муж. А что — я? Я вам не помеха...

Грабитель. На провокацию берешь? Я начну, а ты в милицию...

Муж. Клянусь, никакой милиции...

Грабитель *(подумав)*. Нет, здесь что-то нечисто. А я в темные дела не путаюсь... *(Идет к окну.)*

Муж *(схватив телефон, набрал номер)*. Алло! Дежурный? *(Грабителю.)* Грабишь — или вызывать милицию?

Грабитель. Ты что, спятил?

Муж *(в трубку)*. Алло, это милиция?

Грабитель *(подскочив к нему, нажал на рычаг)*. Чего тебе от меня надо?

Муж. Хочу, чтобы ты ограбил мою квартиру.

Грабитель. Зачем?

Муж. Из принципа...

Грабитель. Какой тут, к черту, принцип? В тюрьму захотел? Знаешь, как это называется? Подстрекательство к преступлению...

Муж. Я не подстрекаю, а прошу...

Грабитель. Тогда ты псих. Лечиться надо! Ну посуди сам: если б ты залез ко мне в квартиру, а я б тебя застукал, — выпустил бы я тебя живым?!

Муж. Ну хорошо! *(Подбегает к окну, кричит.)* Эй, товарищ! Товарищ полковник, я к вам обращаюсь... Вы не подниметесь ко мне в качестве свидетеля?

Грабитель *(бросается к Мужу, оттаскивает его от окна)*. Да погоди!.. Ладно, согласен!

Муж. Другое дело. *(Высовывается в окно.)* Спасибо, товарищи, я пошутил... *(Грабителю.)* Ну?

Грабитель *(со вздохом)*. Ну, ладно... *(Надевает перчатки, натягивает на голову чулок.)* Только в случае чего — подтвердишь, что я не хотел... Я шел, ничего не трогал, увидел открытое окно, дай, думаю, залезу... А меня здесь — хватать! И дуло к виску...

Муж. Договорились.

Грабитель *(нерешительно оглядывает комнату, выбирая, с чего начать. Берет пепельницу Мужу)*. Беру.. Пепельница... Красивая...

Муж *(равнодушно)*. Пожалуйста, пожалуйста. Я все равно не курю...

Грабитель *(бросает пепельницу в мешок, берет транзистор)*. Приемник. Японский. «Соня». Рублей сто...

Муж. Сто двадцать... Чаю хотите?

Грабитель *(бросает приемник в мешок, берет со стала авторучку)*. Ручка шариковая... Импортная... *(Покрутил в руках.)* Со стриптизом... *(Угрожающе.)* Беру?!

Муж. Да что ты все на мелочь бросаешься? Вон возьми ту лампу старинную. Амбир!

Грабитель. Сам ты вампир! *(Стаскивает с головы чулок, решительно высыпает все из мешка.)* Точка! Пускай мне высшую меру дают, а только я грабить отказываюсь!

Муж *(раздосадованно)*. Опять двадцать пять...

Грабитель. Я все понял. Ты — жулик! Наворовался, наспекулировал, а на меня списать хочешь?!

Муж (печально). Ничего ты не понял...

Грабитель. Все понял... Я тебя, субчика, насквозь вижу... Небось, квасом в ларьке торгуешь, а живешь как Ротшильд.

Муж. Неужели я похож на Ротшильда?

Грабитель. А откуда у тебя ручка с голыми бабами?

Муж. Да инженер я.

Грабитель. Ха-ха! Знаю я, как инженеры живут...

Муж. Клянусь, инженер! На заводе работаю... И жена — инженер. И все, что ты здесь видишь, куплено на заработанные деньги... Только я уже этого видеть не могу!

Грабитель. А на кой же покупал?

Муж. Слабый я, понимаешь? Вялый... Тряпка! Жена это любит, а я — ее! Вот так и живем.

Грабитель. С жиру беситесь.

Муж. С какого жиру?! Экономим, отказываем себе во всем... Мне диссертацию надо защитить, а я вечерами подхалтуриваю... студентам чертежи делаю. Трешник за лист! И все для чего?! Чтоб какое-нибудь старинное блюдо купить... (Показывает на стену.) А это вовсе и не блюдо, а таз. В нем в восемнадцатом веке ноги мыли, а мы его, в двадцатом, — на стену вешаем!.. А выкинуть все это к чертовой бабушке смелости не хватает... Слабый я... вялый... Товарищ грабитель, вас мне сама судьба послала. Заберите все! Ничего не оставляйте! Подсвечники, лафитники всякие, поставцы дурацкие... И мебель! Мебель не щадите! Эти пуфики...

Грабитель (потирая ушибленную ногу). Пуфик — это точно!

Муж. А канапе?! Вон оно, зараза! Прошлым летом собрались наконец в Гагру, в отпуск, а вместо этого полетели в Ленинград и все деньги в это канапе ухнули! Оно, видишь ли, из старинной усадьбы, в его клопах дворянская кровь течет!

Грабитель. А усовестить ее не пробовал?

Муж. Да как ее усовестить...

Грабитель. Как, как... Мол, так и так, имей совесть!

Муж (печально). Пробовал...

Грабитель. А бить?

Муж *(со вздохом)*. Слабый я...

Грабитель *(понимающе)*. Да, дело твое дрянь! Одного я только понять не могу: чего ты добьешься, если я все это вынесу?

Муж. Не знаю... Может быть, все тогда изменится? Ограбили и ограбили, и никто не виноват... Надо начинать новую жизнь. Ведь когда мы получили эту квартиру, у нас была только раскладушка... Так мы дома меньше сидели... В театр ходили, за город ездили. Книжки читали.

Грабитель. Ну ты тоже палку не перегибай. Что за жизнь на раскладушках? Вот у меня квартира, как у тебя, только двухкомнатная. Так мы ее обставили. У нас и кухня польская, и гарнитур рижский... на шесть персон... и телевизор у нас «Рекорд». Вот если операцию с твоей квартирой реализую, «Рекорд» на «Темп» поменяем... Жена, дети — все здоровы. Так что на меня благосостояние не давит, не жалуясь!

Муж. У тебя получается, а у меня — нет...

Грабитель. Ну не верю я, что все это твоя супруга из каприза делает... Она и о тебе заботится, чтоб твой кругозор увеличить. Кормит тебя, одевает...

Муж. Одевает. Вон костюм купила... *(Бросается к шкафу, достает костюм.)* С рук купила, у дирижера...

Грабитель. Хороший костюм.

Муж. Хороший? А ну, надень его! Надень, надень! Побудь в моей шкуре!

Грабитель *(с трудом влезая в узкий черный длиннополый пиджак)*. Э! Так это же смокинг!

Муж. Именно. Для приемов. На работу хожу в старых брюках и нейлоновой рубаше... А в субботу, когда все нормальные люди отдыхают, я должен напяливать этот смокинг и принимать гостей...

Грабитель. Гости... Что же плохого?

Муж. Это прекрасно. Но ты пришел в субботу домой. Семь часов. Ты прилег. Включил телевизор. Сейчас начинается футбол...

Грабитель. А кто играет?

Муж. «Спартак» — «Торпедо».

Грабитель. Интересно.

Муж. Конечно, интересно... И вот только ты лег... Да ты ложись, ложись, не стесняйся. *(Укладывает Грабителя.)* Ложись, расслабься...

Грабитель. Ну, расслабился...

Муж. Так вот, теперь ты должен быстро вскочить, потому что нечего валяться на покрывале, выключать телевизор, потому что и без него болит голова, и не стоять как пень, потому что сейчас придут гости... Птичкин, Сичкин и Чумичкин... Ты их знаешь?

Грабитель. Не...

Муж. И я понятия не имею. Тем более их надо хорошо встретить... потому что Птичкин — известная личность, не то поэт, не то парикмахер. Сичкин — врач-дантист, а Чумичкин — неизвестно кто, полный идиот, но умеет угадывать мысли на расстоянии... *(Тормоша Грабителя.)* Что ты на меня уставился?! Быстренько сбегай в магазин. Куда ты пошел, лучше открой шпроты... Боже мой, ты же еще не одет! Сними эту ужасную рубаху. Галстук! *(Повязывает влопыхах Грабителя галстук, тут же развязывает его.)* Да не этот! Я же купила тебе широкий, с рыбками. *(Повязывает новый галстук.)* Кто же открывает шпроты в костюме?! Сними немедленно пиджак! *(Стаскивает с Грабителя пиджак.)* Уже пришли! Открой дверь! Куда ты пошел в таком виде?! Надень пиджак! *(Надевает на Грабителя пиджак.)* Подожди открывать, я же совсем раздета!.. *(Невидимым гостям.)* Здравствуйте! Здравствуйте! Как мы рады!.. Проходите, знакомьтесь... Это мой Алик! Алик, познакомься — это Птичкины... Сними пальто с дамы!.. *(Хватает Грабителя под руку, ведет его в противоположный угол комнаты, быстро тараторя.)* Ах, милый Алик, я много о вас слышал и хотел познакомиться, моя жена о вас много слышала и хотела познакомиться, ах, вы тоже о нас много слышали и хотели познакомиться, как приятно, что мы много друг о друге слышали и хотели познакомиться... *(Круто поворачивает, ведет Грабителя под другую руку.)* Простите, Алик, можно вас на минуточку? Вы меня не знаете, но я вас знаю! Моя жена с вами из одного роддома... Ха-ха! Как вам нравится эта жара? Мне сейчас позвонил один знакомый, он слышал, в Москве — тридцать девять градусов, в Белом море — двадцать четыре, в Черном — тридцать градусов, а мне хоть бы что, у меня — тридцать шесть и шесть... Ой,

что ж мы стоим? К столу! Все к столу! *(Усаживает Грабителя.)* Алик, уступи кресло Степану Бенедиктовичу! Возьми себе табуретку! Ах, вам нельзя на мягком! Ладно, Алик, сиди в кресле... Передай Анне Павловне селедку! Как ты передаешь? Когда передают селедку, полагается смотреть в глаза! Да не селедке, а Анне Павловне!.. Говорите громче, я ничего не слышу! Тише, тише! Дайте сказать! Ой, вчера в Доме кино я видела «Солярис»! Вы видели, а я купил в «Елисеевском» два кило! Нет, салами — это колбаса, а «Солярис» совсем другое! А! Тогда не «Солярис», а «солярий» — это то, на чем загорают... Знаю, читал! А вы читали Хемингуэя? Конечно, читала! Прелестный роман, только не помню автора!.. Алик, хватит есть, включи музыку! *(Включает музыку.)* Алик, потанцуй с Анной Павловной! Руку! Выше руку! Положи выше руку! Да не на голову!.. Ой, куда же вы уходите! Еще только полтретьего... Значит, завтра опять у нас! Нет-нет, никаких «неудобно». Прямо с утра, прошу! Значит, диета простая — берите один кокосовый орех, один фисташк и один оливк! И так — тридцать дней! Вас никто не узнает, и вы никого не узнаете! Алик, что ж ты стоишь! Беги встречай такси! До свиданья!.. Алик, вызови еще такси!.. Ой, Сичкины забыли сумочку!.. Догони их!.. *(Толкает Грабителя.)* Какой нерасторопный! Возьми это такси, догони то такси и на том такси отвезешь Чумичкиных в Свиблово! Беги же! Куда ты бежишь? Возьми сумочку! *(Трясет Грабителя.)*

Грабитель *(неожиданно орет)*. А пошла ты сама в Свиблово!.. Щас как дам этой сумочкой!

Пауза.

Муж *(печально)*. Вот... А я так не могу. Слабый я... Вялый...

Грабитель *(решительно)*. Так! Все ясно! Работать пора! *(Полез в мешок, достал лямки.)* Сейчас мы тебя облегчим... *(Примеряется к шкафу.)*

Муж. Я помогу.

Грабитель. погоди, я своих свистну... *(Подходит к окну, свистит.)*

В комнату врываются пособники Грабителя — несколько субъектов в робах.

Забирай все, ребята! -

Пособники (*заглянув в шкаф*). А барахло?

Муж. Бери вместе с барахлом!

Пособники Грабителя лихо подхватывают мебель и вещи, и через секунду квартира пуста.

(*Оглядев пустую комнату*.) Какая благодать!

Грабитель (*нерешительно*). Хозяин, полагалось бы на бутылочку...

Муж. Конечно, конечно... (*Дает Грабителю деньги*.) Спасибо вам!

Грабитель. Спасибо, хозяин. Извини, если что не так... (*Собирается уходить*.)

Муж. Пойдите! Что же это за грабеж? Вы хоть свяжите меня...

Грабитель. Это можно... (*Связывает Мужа лямками по рукам и ногам*.) Не давит?

Муж. Нет, спасибо. Очень удобно.

Грабитель. Ну тогда, как говорится, желаю счастья... (*Уходит*.)

Муж (*оглядевшись*). Никогда не предполагал, что у нас такая просторная комната. (*Подпрыгал к окну*.) И сторона солнечная... И потолки высокие... Дышится легко. (*Радостно запрыгал по комнате*.) Я свободен! Ура! Начинается новая жизнь! Все прекрасно! Она все поймет! Я ее люблю, она меня любит... Времени много... Места много... Детей заведем! (*Запел*.) «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!..» (*Ложится на пол, хватая зубами платок как кляп и, счастливый, затихает*.)

Жена (*кричит кому-то в дверь*). Леша! Можно вносить!

Появляются люди, в которых можно узнать пособников Грабителя, приподнимают связанного Мужа, относят его в угол, затем втаскивают какую-то мебель невероятных размеров, которая заполняет всю сцену.

Среди них и Грабитель.

(*Обращаясь к Мужу*.) Алик, ты только не волнуйся и не сердись! Тебе все равно не понять! (*Показав на Грабителя*.) Эти товарищи — из комиссионного магазина...

Грабитель (*Мужу*). Извини, хозяин, но я с ней с первой договорился. А вообще-то я на твоей стороне.

Жена (*Мужу*). Ты не дергайся! (*Показывая на новую мебель.*) Это тринадцатый век! Настоящий мореный саксаул! И почти даром! Я все наше поставила на комиссию, и теперь мы должны каких-нибудь две тысячи. Но Сичкин говорит, что это замковая мебель и принадлежала какому-то псу-рыцарю!

Муж (*неожиданно вскочил, вспрыгнул на подоконник, выплюнул кляп, заорал*). Караул! Помогите! Гра-бя-ят!!! (*Безумными глазами оглядел заставленную комнату, заметил среди шнуров, висящих у окна на стене, петлю, сунул туда голову, спрыгнул вниз.*)

Но ничего страшного не произошло. Муж шлепнулся на пол, шнур натянулся, в стене открылась крышка бара, и зазвучала мелодичная музыка вальса «Дунайские волны»...

СЕРЕНАДА

Маленький мюзикл

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭЛЕГАНТНЫЙ МУЖЧИНА, С ПЕРВОГО ЭТАЖА.

ЭЛЕГАНТНАЯ ЖЕНЩИНА — его жена.

ЖЕНЩИНА С ГОЛОСОМ, СО ВТОРОГО ЭТАЖА.

МУЖ ЖЕНЩИНЫ С ГОЛОСОМ.

ОН, С ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА.

ОНА, С ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА.

ЧЕЛОВЕК С ЕДВА ЗАМЕТНЫМ КАВКАЗСКИМ АКЦЕНТОМ, С ЧЕТВЕРТОГО ЭТАЖА.

ЖЕНЩИНА ИЗ ТАМБОВА — его жена.

КРЕПКИЙ МУЖЧИНА, С ПЯТОГО ЭТАЖА.

ЖЕНЩИНА В ВЫСОКИХ САПОГАХ — его жена.

МУЗЫКА — главное действующее лицо, живет на всех этажах, но на каждом слышится по-своему.

Часть фасада современного дома. Пять этажей, пять лоджий, пять квартир — пять сценических площадок, расположенных одна под другой. Вечер. Суббота.

В лоджии четвертого этажа сидит Человек с едва заметным кавказским акцентом. Впрочем, акцент сейчас совсем незаметен, поскольку он молча читает газету.

В лоджии второго этажа появляется Муж Женщины с голосом, деловито начинает снимать белье с веревок, укладывает его в таз. В лоджии появляется Женщина с голосом, она в стеганом халате, на голове — чепчик, фиксирующий прическу.

Женщина с голосом (*мужу*). Славик, ты помнишь, что у меня завтра концерт в филармонии?

Муж Женщины с голосом. Помню и непременно буду!

Женщина с голосом. Тогда я скажу на входе, чтоб тебя пропустили... (*Уходит.*)

В лоджии пятого этажа появляется Крепкий мужчина с транзистором в руках

Крепкий мужчина (*покрутив ручку приемника, обрадованно кричит в комнату*). Танюша, поди послушай, как он здесь работает!

В лоджию, прихрамывая, выходит Женщина в высоких сапогах.

Женщина в высоких сапогах (*робко*). Юрик, разреши мне их все-таки снять...

Крепкий мужчина (*озабоченно*). Жмут?

Женщина в высоких сапогах. Сил никаких нет...

Крепкий мужчина. Потерпи, старушка... Разносить надо... Походи, попрыгай. Не отдавать же!

Женщина в высоких сапогах ковыляет в комнату.

Элегантный мужчина (*появляется в лоджии первого этажа, смотрит вдаль, затем кричит, обращаясь в комнату*). Женя, иди скорей сюда!

В лоджии появляется Элегантная женщина.

Смотри, какой интересный момент: солнце уже село, но светит оттуда, из-за горизонта...

Элегантная женщина. Удивительно красиво!

Звонок телефона.

(*Проходит в комнату, снимает трубку, кричит мужу.*) Это тебя...

Элегантный мужчина. Меня? (*Хочет пройти в комнату.*)

Элегантная женщина. Я принесу телефон... *(Выносит телефон в лоджию, продолжает любоваться закатом.)*

Элегантный мужчина *(в трубку)*. Алло!.. Кто?.. Здравствуйте, Анна Павловна!.. Чертежи? Разве они у меня? Минутку... *(Жене.)* Женечка, будь добра, посмотри у меня в комнате: чертежи на столе не лежат?

Элегантная женщина проходит в комнату.

(Продолжает разговор приглушенным голосом.) В чем дело, Анюта? Я же тебя просил... Я сам позвоню. Ну, конечно, завтра увидимся...

Элегантная женщина *(появляясь в лоджии)*. Там нет чертежей.

Элегантный мужчина *(жене)* Спасибо, Женечка, извини... *(В трубку.)* Анна Павловна, у меня чертежей нет. Очевидно, в КБ... Завтра выясним. Всего хорошего. *(Вешает трубку. Жене.)* А теперь, смотри, все стало багровым... *(Продолжает любоваться закатом.)*

В лоджии четвертого этажа появляется Женщина из Тамбова, подтянутая, аккуратная, в переднике.

Женщина из Тамбова *(мужу)*. Тенгизик, тебе что на ужин приготовить: сырники или пудинг?

Человек с едва заметным кавказским акцентом *(отложив газету и подумав)*. Пудинг. *(Снова углубляется в газету.)*

Внезапно слышатся позывные телевизионной передачи «Кабачок «Тринадцать стульев». Эти позывные производят магическое впечатление на жильцов. Все бросают свои дела и с возгласами «Кабачок! Кабачок!» устремляются в комнаты. Лоджии опустели.

Голос Ведущего. Дорогие друзья! И вновь мы приглашаем вас в кабачок пана Юзефа, где никогда не смолкают сомнительные шутки и смех...

Голос пана Вотрубы. Пан Директор, хорошо, что вы пришли. Я давно хотел вас спросить...

Голос пана Директора. Слушаю вас, пан Вотруба.

Голос пана Вотрубы. Скажите, пан Директор, а где мне взять такую песню?

Голос пана Директора. Чтоб о любви и о судьбе?

Голос пана Вотрубы. Именно! Но главное, чтоб никто не догадался...

Голос пана Директора. О чем?

Голос пана Вотрубы. Что эта песня о тебе! (Смеется.)

Голос пана Директора. И чтоб никто не догадался? (Смеется.)

Голос пана Вотрубы. И чтоб никто не догадался, что эта песня о тебе!

Голос пана Директора. Вам бы все шутить, пан Вотруба!

Голос пана Вотрубы. Конечно, шутить! Ведь мы только сейчас здесь с вами сыграли юмористическую сценку польских юмористов Пшебульского и Ковальского в переводе Радзиевского и Кошмарчика. Эта сценка так и называется: «А где мне взять такую песню?»

Голос пана Директора. Чтоб о любви и о судьбе?.. (Смеется.)

Голос Ведущего. И так, шутка уже прозвучала в нашем кабачке. И по этому поводу очаровательная пани Моника с помощью Тома Джонса и без его разрешения споет песенку «Вечером», что в обратном переводе означает «Естердей»...

Звучит песня. На тротуаре перед домом появляется молодой человек, с портфелем и букетом в руках. Это Он. Подняв с земли камешек, бросает его в окно третьего этажа. В лоджии третьего этажа появляется молодая женщина. Это Она.

Она. Ах, это вы?

Он. Я рад, что вы узнали меня.

Она. Кто ж еще, кроме вас, может бросать в окно булыжники?

Он. Я хотел бросить вам цветок, но не знал, дома ли вы.

Она. Что вам нужно?

Он. Видеть вас, говорить с вами... Сегодня вечер словно бы нарочно для вас развесил голубые звезды и запретил подглядывать луне за теми, кто в аллеях парков бродит. И я решил: когда ж, как не сегодня? Когда ж, как не сегодня, я решил...

Она. Вы не Ромео, а я не Джульетта!

Он. Я это знаю.

Она. И все-таки стоите под балконом?

Он. И ничего не мог с собой поделаться! Сегодня вечер словно бы нарочно для вас развесил голубые звезды...

Она *(перебивая)*. Я это уже слышала. И прошу вас: тише! Нас заметят!

Он. Пусть видят все! Какое наслаждение быть наконец замеченным в любви!.. Я лягу здесь, у вашего балкона, как верный пес, отвергнутый хозяйкой... *(Ложится на протуар.)*

Она. Ах, встаньте, вы испортите костюм!

Он. Когда потеряю навсегда покой, пусть пропадает и пиджак румынский!

Она. Мне некогда, прощайте!

Он. Нет, по стойте!

Она. Прощайте, говорю я вам! *(Хочет уйти.)*

Он *(умоляюще)*. Подождите!.. Пожалуйста! Очень прошу вас. У меня для вас небольшой сюрприз. *(Лезет в портфель, достает корнет.)* Я выучил на этом инструменте всего одну мелодию простую и вот хочу сыграть ее для вас! *(Играет.)*

Она. Прошу вас, перестаньте! Выйдут люди, и что они подумают о нас?

Он продолжает играть.

Благодарю вас за концерт! *(Бросает ему копейку.)* Прощайте! *(Уходит.)*

Он *(умоляюще)*. Еще одно мгновенье! Ваш букет!.. *(Бросает букет.)*

Букет попадает в другую лоджию. Он, оглядевшись, лезет по водосточной трубе к соседней лоджии, встает на карниз. В своей лоджии появляется Женщина с голосом.

Женщина с голосом *(заметив его)*. А! Что такое?

Он. Тсс!

Женщина с голосом *(кричит)*. А-а!

Он теряет равновесие и падает. На крик выскакивают все жильцы дома.

А-а! Вор!.. Упал!.. Там!..

Жильцы бросаются вниз.

Крепкий мужчина. Живой?! (Тормошит его.)

Он. Да, живой! Ох, ногу не трогайте!

Элегантный мужчина (ощупывая ногу пострадавшего). Здесь больно?.. А здесь?..

Она (выбегает на балкон). Ох, господи! Допрыгался, дурачок! (Бежит вниз.)

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Надо «скорую помощь»!

Женщина с голосом. И милицию! Он пытался влезть вон туда...

Элегантный мужчина. Да подождите вы с милицией... (Всем.) Товарищи, давайте перенесем его на лавочку.. (Крепкому мужчине.) А вы остановите какую-нибудь машину..

Жильцы поднимают Его, несут за кулисы.

Она. Аккуратней, аккуратней! Ох, господи!..

Все уходят. Слышен шум подъехавшей машины. Возгласы. Машина уезжает. Все возвращаются.

Женщина с голосом (из лоджии) В милицию сообщили?

Муж Женщины с голосом. Успокойся, Лариса, он не жулик. Она его знает...

Женщина с голосом. Значит, они заодно. Я видела, как он лез.

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Он же не к вам лез.

Женщина с голосом. Откуда я знаю... Я вышла — он там, я закричала. Кто же он, если не жулик?

Элегантный мужчина. Кто, кто... Да мало ли кто?

Женщина из Тамбова (с грустью). Любовник он, вот кто. Любовник!

Женщина с голосом. Скажете тоже... Зачем любовнику лезть по карнизу?

Крепкий мужчина. Все ясно. Не лез он туда, а вылезал оттуда. Был там, застукали... Обычное дело!

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Варварство! Ну застал человека, ну посидели, поговорили, выяснили... Зачем ноги ломать?

Муж Женщины с голосом. Это на кого попадешь. Я бы застал — прибил бы!

Женщина с голосом *(мужу)*. Славик, хватит болтать. Ты собирался гладить...

Муж Женщины с голосом *(поспешно)*. Иду! *(Скрывается в подъезде.)*

Все расходятся.

Голос Ведущего. Итак, дорогие друзья! Наша передача подошла к концу. До следующих встреч в «Кабачке «Тринадцать стульев»!

Звучит заключительная песенка. Перед домом появляется Она. Ее замечает Элегантная женщина.

Элегантная женщина. Что с этим молодым человеком?

Она. Спасибо, все не так страшно. Сделали рентген. Похоже на перелом, но есть надежда на трещину.

Элегантный мужчина *(выходя в лоджии)*. Сотрясения нет?

Она. Нет. Спасибо вам большое!

Крепкий мужчина *(из лоджии)*. Гражданочка, извините, а вы здесь одна живете?

Она. С мужем.

Крепкий мужчина. Я так и подумал...

Женщина из Тамбова. Домой бы надо сообщить, а то волноваться будут.

Она. Кому?

Женщина из Тамбова. Знакомому вашему.. который упал.

Она. Так он здесь живет.

Крепкий мужчина. Кто?

Она. Муж.

Пауза, во время которой все жильцы выходят в свои лоджии.

Женщина с голосом. В каком смысле — муж?!

Она. В прямом.

Муж Женщины с голосом. И вы расписаны?

Она. Конечно. Уже четвертый год...

Человек с едва заметным кавказским акцентом *(всем)*. Вот! А мы могли нехорошо подумать...

Женщина в высоких сапогах. Замок, что ли, у вас испортился?..

Крепкий мужчина. Почему обязательно замок? Лунатизм, может быть... Сомнамбула!.. У нас заводделом такой работает..

Она. Что вы! Он здоровый и вполне нормальный.

Женщина с голосом. Но он лез по карнизу.. Я сама видела!

Она. Он хотел мне сделать приятное...

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Что здесь приятного?

Она. Это трудно объяснить... Он всегда что-нибудь выдумывает. В прошлую пятницу приехал за мной на лошади. Верхов.

Женщина с голосом. На лошади?!

Она. Одолжил у знакомого милиционера лошадь, прискакал и увез меня с работы...

Муж Женщины с голосом. И вы все это терпите?!

Крепкий мужчина. Парень, видать, того... Сдвиг по фазе!

Она (*обиженно*). Никакого сдвига! Любит он меня. Даже письма пишет. Главпочтамт, до востребования.

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Зачем?

Она. Знаете, как это приятно... Вам кто-нибудь пишет до востребования?

Человек с едва заметным кавказским акцентом. У меня телефон есть. Домашний и служебный.

Она. Тогда вам трудно понять... Извините, товарищи, что причинили вам всем беспокойство. Спасибо большое за помощь! (*Хочет войти в подъезд.*)

Женщина из Тамбова. Девушка! Подождите... А чего он еще-то придумывает, ваш муж?

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Какое, слушай, тебе дело, честное слово?!

Женщина из Тамбова. Красиво, Тенгизик... Необычно...

Все расходятся. Высвечиваются квартиры на всех пяти этажах. В каждой по-своему готовятся ко сну. Мужчины, точно по команде, взяли в руки вечернюю газету.

Мужчины на всех пяти этажах (*синхронно*). Так!.. Посмотрим «Вечерку»... Что пишут... «Растет Вол-

гоградский район»... Хорошо! «Открылся новый кинотеатр»... Так. «Пистолет скульптора»... О, интересно! *(Читают.)* «Нелегкое это дело — тесать камень вручную. Именно поэтому налажен выпуск специальных камнетесальных ручных агрегатов...» Фу, ерунда какая-то... О, кроссворд!

Эlegantный мужчина *(жене)*. А ты знаешь, Женечка, что-то, вообще, в этом парне есть! А?

Эlegantная женщина. Еще бы!

Эlegantный мужчина *(углубляясь в кроссворд)*. «Верхняя рабочая одежда» — десять букв. Ком-би-не-зон. *(Записывает)*

Крепкий мужчина *(записывает)*. Полупальто...

Муж Женщины с голосом *(записывает)*. Проти-во-газ.

Мужчины на всех этажах *(синхронно)*. Подходит!

Крепкий мужчина *(жене)*. Нет, он точно тронутый, этот парень. Письма какие-то пишет... Верно, старушка?.. А?.. Чудак, говорю... Не того! *(Углубляясь в кроссворд.)* Великий русский поэт из девяти букв... Лер-мон-тов.

Человек с едва заметным кавказским акцентом *(пишет)*. Ру-ста-вели...

Женщина из Тамбова *(мужу)*. Тенгизик, ты до меня любил каких-нибудь женщин?

Человек с едва заметным кавказским акцентом *(подумав)*. Уважал. *(Углубляется в кроссворд.)*

Женщина в высоких сапогах *(выносит сапоги в руках, решительно ставит их перед мужем)*. Юрик, извини, конечно, но их придется отдать!

Крепкий мужчина *(недовольно)*. Старушка, я такой постановки вопроса не понимаю! Это как-никак мой подарок ко дню рождения...

Женщина в высоких сапогах. До дня рождения еще далеко, подаришь что-нибудь другое.

Крепкий мужчина. Нет, это не годится! Такие сапоги не каждый раз попадаются... И потом, ты меня извини, они недешево стоят..

Женщина в высоких сапогах. Ты им столько внимания уделяешь, что они мне не в радость! Уж лучше б не дарил!

Крепкий мужчина. А это запрещенный прием. Значит, внимание мое, забота — не в счет? Не ценишь ты чуткость!

Женщина в высоких сапогах. Как же не ценю? Ты ведь, когда даришь, чек сверху кладешь!

Крепкий мужчина (*обиженно*). Ну, знаешь!.. (*Нервно заходил по комнате.*)

Женщина из Тамбова (*мужу*). Тенгизик, почему ты такой скучный?

Человек с едва заметным кавказским акцентом (*отложив газету*). Ты что этим хочешь сказать?

Женщина из Тамбова. Нет, ты хороший, добрый, но ты все молчишь, читаешь, спишь... В гости никогда не ходим, в ресторан. Когда ты за мной ухаживал, мне подружки завидовали: «Ой, Дуська, счастливая, за грузина выходишь. Они все, грузины, романтики! Пообедают — поют!»

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Что говоришь, а?! Я экономический институт закончил! Какие песни? В ущелье живем, да?! (*Взял газету.*)

Женщина с голосом (*мужу*). Ты не можешь не читать свою газету? Хотя бы когда я дома?

Муж Женщины с голосом. Я разве виноват, что газета приходит вместе с тобой?

Женщина с голосом. Это хамство! Жена рядом, а он уткнулся в газету.. Другие из-за жен ноги ломают!

Муж Женщины с голосом. Когда есть из-за кого — не жалко.

Элегантный мужчина (*жене*). Женя, а тебе не кажется, что во всех этих письмах до востребования, в лазаньях по карнизам есть какая-то экзальтация? Или допинг?

Элегантная женщина. Или просто любовь... Ты же летал ночью в Симферополь за цветами. Для меня. Три года назад...

Элегантный мужчина. А что? Это было красиво. Мы поссорились, и я подумал: махну-ка в Симферополь за цветами. Слетал туда-обратно и — что самое забавное — подъезжаю утром к дому, а у нас на улице продают такие же розы, только лучше...

Элегантная женщина. Шикарная корзина была...

Элегантный мужчина. Да... Шикарная. *(Пауза)*
Знаешь, Женя, а я ведь не летал тогда в Симферополь. Я эти цветы во Внукове купил.

Элегантная женщина. Знаю. Я в ту ночь видела тебя там.

Элегантный мужчина *(подвинув к себе стакан чая)*.
У нас нет лимона?

Элегантная женщина. Сейчас принесу..

Крепкий мужчина *(жене)*. Тогда, прости меня, я чего-то не понимаю. Давай разберемся! Я не пью, не гуляю, дочурку люблю, зарплату отдаю тебе всю до копейки...

Женщина из Тамбова *(мужу)*. Да разве дело в деньгах, Тенгизик? С этим все хорошо, на машину записались. И живем вроде бы дружно. А все-таки... Ну как бы тебе это объяснить? День на день похож, год на год... Только маятник тикает. А внутри-то что-то гаснет... Я вон даже потолстела.

Муж Женщины с голосом *(жене)*. Чувства?! Тебе этого захотелось? О каком чувстве можно говорить, когда сегодня я целый день стирал? Ты посмотри на мои руки! Во что они превратились?.. И потом, если хочешь разбудить во мне какие-то эмоции — оденься!..

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Пойми, Дуся, я тебя внутренне люблю. Если надо, я за тебя под танк брошусь! Но я же тебе объяснял — я на диете...

Женщина в высоких сапогах *(мужу)*. Как ты не понимаешь, что это угнетает?.. Ну не считай ты, ну ошибись!.. Купи хоть раз что-нибудь ненужное... Просто так, для смеха!

Крепкий мужчина. Пожалуйста, старушка! Скажи что — я куплю. Где сапоги? *(Хватает сапоги, выбегает)*

Перед домом, хромая, появляется Он в больничной пижаме. Одна нога забинтована. В руке — корнет. Тихо заиграл свою мелодию. В лоджии выбегает Она.

Она. Ты?!

Он. Я.

Она. Тебя отпустили?

Он. Я бдительность охраны усыпил, из простыней связал канат надежный — и вот я перед вами!

Она. От тебя можно сойти с ума! *(Бежит вниз.)*

В этот момент в лоджиях появляются все жильцы дома и молча наблюдают за этой парой.

Обопрись на мое плечо, я помогу тебе подняться.

Он. Куда?! Если там, в палате, хватятся, будет скандал. Лучше проводи меня до больницы...

Она. Посиди, я вызову такси!

Он. Какой же смысл? Я для того и убежал, чтоб с тобой погулять!

Она *(берет его под руку)*. И когда ты поумнеешь?

Он и Она медленно уходят со сцены. Он запекает свою песенку о «странном человеке».

Странный человек, в перчатках,
В странной шалочке смешной,
Поднимаясь по ступенькам,
Говорит: «Иду домой!»
Вот до верха он добрался,
Вот под крышею самой,
Но упрямо лезет выше,
Говорит: «Иду домой!»

Она *(протягивая корнет Элегантному мужчине)*. Пусть он побудет у вас, пока мы не вернемся. *(Уходит.)*

Элегантный мужчина взял корнет, и вновь в доме зазвучала эта песенка.

Вот ни крыши и ни лестниц.
Он у неба на виду.
— Ты куда, куда, несчастный? —
Говорит: — Домой иду!
— Ты заблудишься, парнишка!
Далеко ли до беды? —
А он лезет и бормочет:
— Не порите ерунды!
— В чем же дело?
Что случилось?
Объясни скорее нам.
— Ничего здесь нет такого!
Просто я ее люблю!

Перед домом, с трудом переставляя ноги, появляется Крепкий мужчина в высоких женских сапогах.

Крепкий мужчина (*кричит жене*). Старушечка! Спустишь-ка... Я их, кажется, разносил! (*Падает без чувств.*)

Жильцы выбегают из дома, поднимают Крепкого мужчину, уносят.
Звучит песня.

— В чем же дело?
Что случилось?
Объясни скорее нам.
— Ничего здесь нет такого!
Просто я ее люблю!

ВАРИАЦИИ ДЛЯ ГОЛОСА И ФОРТЕПЬЯНО...

Монотрагикомедия

Студия звукозаписи. Рояль. Сверху опущен микрофон. Задняя стенка — сплошное стекло. В студию входит Мужчина средних лет. Сел за рояль, посмотрел через стекло. Вспыхнула надпись: «Микрофон включен!» Начал тихо наигрывать современную джазовую пьесу, спокойную и задумчивую. Оборвал ее в самом начале.

Мужчина. Дорогой Сережа! Посылаю тебе это звуковое письмо с тайной надеждой, что ты примешь его за джазовую пластинку, поставишь на проигрыватель и, таким образом, выслушаешь все, что твой отец, твой фазер, тщетно пытался тебе высказать на протяжении последнего времени... Зная, как ты не любишь нравоучения и душеспасительные беседы, постараюсь, чтобы это мероприятие не отняло у тебя много времени и было максимально приятно. (*Тихо играет.*) Это вариации твоего любимого Оскара Питерсона... Узнал, конечно? Не думай, что я сошел с ума или мне нечего делать в выходной, просто эта пластинка — единственная возможность пообщаться с тобой и наладить контакт... Я уйду на работу, когда ты еще спишь, ты приходишь домой, когда я уже сплю... или еще сплю... Кстати, когда возвращаешься ночью, пожалуйста, смело включай свет, а не пытайся пройти нашу с мамой комнату на ощупь... Уж лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! И не чисть по-

долгу зубы в ванной, все равно я не догадываюсь, что ты куришь...

Играет.

Сереза, ты уже в десятом классе, и вполне понятно, что мы с мамой обеспокоены твоим будущим... Кем ты хочешь стать?! Последний раз по этому вопросу ты высказался, когда тебе было четыре года... «Хочу быть мороженщиком!» Сейчас тебе пятнадцать... Ты по-прежнему хочешь быть мороженщиком или выбрал что-нибудь более интересное?.. Поделись! Может, я тебе что-то подскажу. В тебе есть качества многих великих людей... Например, ты уже играешь в карты, как Некрасов, любишь кофе, как Эйнштейн, носишь прическу, как Софья Ковалевская... Пора кому-то отдать предпочтение... Ты равносторонний треугольник: у тебя по литературе тройка, по физике тройка, по математике тройка... Пойми, Сереза, у тебя всего одна пятерка, да и ту сегодня утром ты взял из моего пиджака... (Заиграл.) Я тебя ни в чем не обвиняю. Я знаю, ты отдашь, когда вырастешь. (Играет.) Дейв Брубек. «Босса-нова»... Недавно стоял в магазине за абрикосами. Ты ведь любишь пирожки с абрикосами... Но дело не в этом. Там я встретил Люсю. Спросил, почему она к нам больше не заходит.. Сказала: «Некогда»... По тому, как сказала, понял — незачем... Перед Люсей такая же история случилась с Тамарой... Теперь к нам приходит Наташа, я против нее ничего не имею, она хорошая девочка... И вообще, пятнадцать лет — это романтика, поиск, я все понимаю... «Антошка, Антошка, пошли копать картошку!..» (Неожиданно взорвавшись.) Но тогда перестань пугать маму, что ты решил жениться, как только вы напишете контрольную по алгебре!.. Я знаю, что ты мне скажешь в ответ.. Статистика... двадцатый век... Ранние браки... В Африке женятся в пятнадцать лет. Так они там живут до сорока, им некогда... Я сам женился в девятнадцать. Хорошо, что потом выяснилось, что я по-настоящему люблю твою мать... Телониус Монк. «Соната»...

Играет.

Батарейки для транзистора будут в понедельник... Те австрийские лыжные ботинки мы с матерью решили тебе купить. Но пятьдесят рублей за джинсы не дам, даже если б они у меня были!.. Я с тобой не спорю, это модно... практично... это настоящие ковбойские штаны, но поверь, что любой уважающий себя ковбой не станет покупать джинсы за пятьдесят рублей!.. Он пристрелит спекулянта!.. Я же ношу дешевые джинсы... И то только потому, что ты из них уже вырос... Сережа, ты считаешь себя взрослым, так соизмеряй же свои потребности с нашими возможностями... Я не стану тебе пересказывать прописные истины, что ваше поколение живет в лучших условиях, чем наше поколение, хотя это именно так и есть... Что мы в ваши годы... то-се... пятое-десятое... ютились в бараках, а вы сейчас... то-се... пятое-десятое... живете в отдельных квартирах. В конце концов, все закономерно... Для того мы и ютились в бараках, чтобы вы жили в отдельных квартирах с ванными, с лоджиями, с кухнями, с кафелем... Чтобы ты с рожденья привык к этим удобствам, считал их нормальными, чтобы ты мог, входя в туалет, забыть поднять крышку сиденья, потому что все равно мать вытрет... Эрл Гарнер. «Французская куколка»...

Играет.

Конечно, я не Эмиль Гилельс... Я преподаю в районной музыкальной школе, хотя в детстве мне угрожали, что я стану великим музыкантом... Может, таланта не хватило, может, судьба так сложилась, а может, виноват этот палец, который я сломал, когда ремонтировал твою коляску.. При этом я не считаю себя неудачником. У меня — любимая работа, прекрасная жена, здоровый сын. И потом, у меня богатая перспектива — твое будущее! Пони-маешь, как известно, жизнь дается человеку один раз, а не удастся — сплошь да рядом... Если она тебе не удастся, Сережа, мне будет очень плохо, даже если меня уже и не будет.. Вот, собственно, и все, что ты должен был выслушать, если, конечно, давно не снял пластинку.. Иначе кому я все говорил? Рахманинов. «Ноктюрн»... Пожалуй-ста, не роняй пепел на пол...

Играет ноктюрн, встает, уходит...

ПОЙ, ЛАСТОЧКА, ПОЙ!

Комедия с хором

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ШУБИН — начальник ЖЭКа.

ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ ПЕЧНИКОВ — доцент консерватории, дирижер хора при ЖЭКе.

КИРА ПЛАТОНОВНА — аккомпаниатор хора.

1-й ХОРИСТ.

2-й ХОРИСТ.

3-й ХОРИСТ.

4-й ХОРИСТ.

1-я ХОРИСТКА.

2-я ХОРИСТКА.

3-я ХОРИСТКА.

4-я ХОРИСТКА.

МУЖ одной из хористок.

СИДОРОВ.

Красный уголок при ЖЭКе: стол, покрытый красной тканью, на столе — телефон; много стульев; на стенах — фотографии, портреты, почетная грамота, объявления. В углу — пианино. Сейчас здесь репетирует самодеятельный хор, состоящий из жильцов дома. Три женщины и четверо мужчин, среди которых и сам начальник ЖЭКа Николай Степанович Шубин, выстроились в ряд в ожидании указания дирижера Петра Евгеньевича Печникова. За пианино — Кира Платоновна.

Печников (*аккомпаниатору*). Кира Платоновна, начали! (*Взмахнул рукой.*)

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Пой, ласточка, пой! Пой, не умолкай!

Песней блаженства меня успокой!

Пой, ласточка, пой!

Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Печников (*останавливая хор*). Стоп! Это не пение! Какой-то скрип немазаной телеги! (*Шубину.*) Николай Степанович, давайте отменять репетицию! Когда из тридцати человек приходят семь — это не работа!

Шубин. Петр Евгеньевич, просто и не знаю, что подумать. Лично с каждого взял расписку. Обещали быть.

Печников. Когда? Через час? Через год?! Это ж несерьезно! Живем все в одном доме и не можем собраться. Сегодня — один, завтра — другие! Я ничего не могу закрепить! Третью неделю топчемся на «Ласточке»... В конце концов, никто насильно не тянул! Записались в хор, так надо работать... Мы же имеем дело с музыкой! Ойстрах по двенадцать часов в день не растает со скрипкой! Это Ойстрах!.. А у нас — хор! Тончайшее искусство! Вершина песнопения! Хор — это коллективное прикосновение к божеству! Это не я сказал — это Бах!

Шубин (*хору*). Товарищи, до каких пор будем обижать Петра Евгеньевича?

Печников. Я отменяю занятия в консерватории, лечу сюда — и вот пожалуйста! Хуже детей! Я спрашиваю: вы хотите петь?!

Хор (*пристыженно*). Хотим. Хотим.

Печников. Тогда извольте относиться к этому серьезно! Ну ладно! Давайте еще раз... Только попрошу: басы в аккомпанементе не форсируют звук... Пум-ба-па! Мягче, мягче. Пиано... Кира Платоновна! (*Взмахнул рукой.*)

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Пой, ласточка, пой! Пой, не умолкай!

Крадучись, входит опоздавший Четвертый хорист, на ходу доедая бутерброд.

Печников (*прервав хор, хористу*). Ну что вы крадетесь как мышь? Я все равно вижу..

Четвертый хорист. Петр Евгеньевич, извините, пожалуйста. Тетка совершенно неожиданно прилетела из Харькова...

Печников. А зачем мне это знать? Тетка, не тетка... Время репетиции — святое время! С чем у вас бутерброд?

Четвертый хорист. С ливерной.

Печников (*поморщившись*). Уберите немедленно! Даже поесть не успеваю... Становитесь! Специально для вас еще раз проходим «Ласточку»... (*Аккомпаниатору.*) Кира Платоновна!

Хор. Пум-ба-па...

Печников. Стоп! *(Второму хористу.)* Что вы поете? А ну-ка, спойте мне один аккомпанемент!

Второй хорист. Тум-ба-па. Тум-ба-па!

Печников. Ну конечно! Я чувствую фальшь. Не «тум-ба», а «пум-ба»! Пора запомнить слова! Еще раз!

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Пой, ласточка, пой!

Печников. Уже лучше!

Хор. Пой, не умолкай!

Печников *(довольный)*. Вот! Молодцы!

Хор. Песней блаженства меня успокой...

Робко входит Четвертая хористка, дирижер, не прерывая едва наладившееся пение, жестом приказывает ей занять место. Хористка присоединяется к пению. В ту же секунду звонит телефон на столе. Шубин, продолжая петь, на цыпочках направляется к телефону. Печников, едва сдерживаясь, продолжает репетицию.

Шубин *(в трубку, тихо)*. Алло!.. Начальник ЖЭКа Шубин слушает!.. Репетиция здесь!.. Сказано же было — не звонить! *(Кладет трубку, подпевая, движется к хору.)*

Телефон вновь звонит.

(Возвращается к телефону.) Алло! Начальник ЖЭКа...

Печников *(взорвавшись)*. Вот что, Николай Степанович! Или вы начальник ЖЭКа, или хорист! Если у вас много работы, можете не приходите!..

Шубин *(протягивая Печникову трубку)*. Это вас.

Печников. Меня? *(Всем.)* Извините! *(В трубку.)* Да!.. В чем дело, Галя?.. Какая тетка? Откуда приехала? Галя, ты знаешь — у меня репетиция!.. Ну хорошо!.. Буквально на пять минут. *(Кладет трубку.)* Николай Степанович, я попрошу вас, пройдите здесь этот кусочек без меня... Я мигом! *(Уходит.)*

Шубин *(встает перед хором)*. Товарищи! Ну-ка, еще разик! Только, как договорились, басы ничего не форсируют!..

Первый хорист *(передразнивая)*. Не фаршируют!

Шубин. Давайте без шуточек! Короче, басы не орут! Кира Платоновна, прошу! *(Взмахнул руками.)*

Хор молчит.

В чем дело?

Первый хорист. Это у вас надо спросить, в чем дело. Сейчас октябрь.

Шубин. Ну и что?

Первый хорист. А потолок вы мне обещали побелить в сентябре!

Шубин. Товарищи, давайте не отвлекаться!

Второй хорист. Нет, давайте отвлекаться! Где батарея?! Николай Степанович, я вас спрашиваю: где батарея? Мне было сказано: запишетесь в хор — поставим новую батарею. Вы это говорили, Николай Степанович?

Шубин. Говорил.

Второй хорист. И вот я как полный идиот хожу сюда, а батареи в квартире до сих пор не сменили!

Первая хористка. А что со мной? Вы же меня уговаривали: нужен женский голос. Я отдала свой голос! И что? Лоджия как была необлицованной, так и стоит!

Третий хорист. А я, между прочим, химик! И в субботу, вместо того чтобы отдыхать как люди, должен приходиться и драть глотку!

Шубин (*Третьему хористу*). Пришлю вам монтера.

Третий хорист. Я эту песенку уже слышал.

Шубин. Все, что обещал, будет сделано. Но со временем!

Вторая хористка. Выходит, что вы нас на крючке держите?

Шубин. Извините, приходится! Раз вы такие мало-сознательные люди, раз вы не понимаете, что с меня начальство самодеятельность требует, приходится держать на крючке! Приходится применять принцип материальной заинтересованности... Я Егоровым из двадцать третьей квартиры стекла вставил? Вставил! Где Егоров? Нету! Не за горами смотр межжэковской художественной самодеятельности. Выступим там — и все!!

Первый хорист. А вдруг не «все»? Не дай бог, займем первое место, тогда начнутся городские смотры, республиканские. А я так и останусь с грязным потолком! Спрашивается — на кой мне эта самодеятельность?!

Шубин. Ничего мы с таким пением не займем.

Вторая хористка. Тогда зачем стараемся?! Для нас чем хуже, тем лучше!

Шубин. А эстетика? А гармоническое развитие личности?.. У нас все это в обязательствах записано! Раз уж идет такое движение «Каждому ЖЭКу — хор!», стало быть, наш передовой ЖЭК должен быть в кильватере!

Один из хористов. В фарватере!

Шубин. Вот, лучше меня знаете, где мы должны быть, а упрямитесь... Правильно Петр Евгеньевич говорит: хор — вершина песнопения, божество — в коллективе!

Второй хорист. Оставьте нас со своим Петром Евгеньевичем!

Шубин. А это напрасно! Петр Евгеньевич — святой! Он доцент консерватории, ему вообще все это до лампочки! А он с нами вечерами мучается, чтобы нас к культуре приобщить!

Третья хористка. Я в этом не нуждаюсь. С меня хватит двух институтов и аспирантуры.

Шубин. Хватит, товарищи! Поворчали. И прошу: при Петре Евгеньевиче никаких корыстных разговоров. Иначе вы его кровно обидите... Кира Платоновна! *(Взмахнул рукой.)*

Четвертый хорист. Давайте перекур сделаем!

Четвертая хористка. Правильно! Я хоть домой сбегаю, у меня муж нездоров.

Шубин. Ну ладно... Перерыв! Но чтоб через пять минут всем быть!

Хористов и аккомпаниатора словно ветром сдувает. Появляется Петр Евгеньевич.

Печников. Куда это они?

Шубин. Перерывчик сделали, Петр Евгеньевич. Подустал народ...

Печников. Что значит «устали»? Я тоже устал!

Шубин. Вы у нас образец!

Печников. Ладно, образец, не образец... Где югославская плита?

Шубин. Будет! Как договорились...

Печников. Я это уже слышу третий месяц. Дичь какая-то! Я — хормейстер ЖЭКа! Сказать об этом Свешникову — он перестанет со мной здороваться...

Шубин. Петр Евгеньевич, разве дело в плите?.. А то что люди в свободное от работы время тянутся к музыке, это не в счет?

Печников. Я не возражаю... Но возьмите какого-нибудь мальчишку, студента...

Шубин. Студента разве за плиту возьмешь?

Печников (*обиженно*). Пользуетесь тем, что я живу в этом доме и от вас завишу..

Появляются хористы и аккомпаниатор.

Шубин. Петр Евгеньевич, не надо об этом при народе. Они — святые люди..

Печников (*встав перед хором*). Друзья мои! Давайте сейчас пройдем все без остановок... Чтобы иметь общее впечатление. Кира Платоновна!..

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Одинок я сижу во садочке.

Только тучки плывут в вышине.

Лишь не слышу ее голосочка.

Прилетай же, родная, ко мне.

Пой, ласточка, пой!

Пой не умолкай!..

С шумом распахивается дверь, появляется разгневанный Муж Четвертой хористки, в пижаме и шлепанцах, решительно подходит к хору, берет жену за руку.

Муж. Мария! Живо домой!

Шубин. В чем дело?

Муж. Я не с вами разговариваю. (*Жене.*) Ты слышала?!

Четвертая хористка. Мишенька, не скандаль, совсем немножко осталось.

Муж. Я этим «немножко» сыт по горло! Посуда не мыта, я болен, сын болтается неизвестно где, а мать музицирует!

Шубин. Товарищ, не срывайте нам мероприятие!

Муж. Чихал я на ваше мероприятие!.. Выслуживаетесь? Грамоту зарабатываете, да?! Каждую субботу загоняете людей в подвал, морите их здесь... Я доберусь до

вашего начальства! Кто разрешил такое самоуправство?!

Шубин. Чем понапрасну кричать, лучше б помогли жене да встали в хор. Голос-то вон какой зычный!

Муж. *(жене)*. Мария, домой!

Хористка. Извините... *(Уходит вместе с мужем.)*

Шубин. Из какой он квартиры?

Один из хористов. Из двенадцатой...

Шубин *(записывая в блокноте)*. Он у меня померзнет...

Печников *(всем)*. Товарищи, не будем отвлекаться... Ничего страшного... Может, и хорошо, что ее нет... Давайте все без остановок...

Шубин. С «одинок я сижу во садочке»?

Печников. Ни в коем случае! Я уже это слышать не могу. Со второго куплета...

Хор. Пум-ба-па. Пум-ба-па...

Печников. Стоп! Откуда посторонний звук? *(Четвертому хористу.)* Что вы там крутите?

Четвертый хорист. Мясорубку заклинило. Жена просила починить... Вот взял с собой...

Печников. Убрать!.. Со второго куплета без остановок — и-и!..

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.
Ветерок нежно травку колышет.
Пчелка мед собирает с цветов.
Лишь ее голосочка не слышу.
И за ней полететь сам готов.
Пой, ласточка, пой! Пой, не умолкай!..

Распахивается дверь. врывается Муж хористки.

Муж *(кричит)*. Шантажист! *(Всем.)* Товарищи! Вас одурачили! Я сейчас дозвонился в райисполком, и мне официально сказали, что никакой хор никому не нужен!!!

Пауза.

Четвертый хорист. Это точно?

Муж. Абсолютно!

Печников *(Мужу)*. Какое право вы имеете срывать репетицию?

Муж. Репетиции? А для чего они?! Я звоню в райисполком, рассказываю про это безобразие, а мне говорят, что никакого смотра нет и не будет!.. Что хоры при ЖЭ-Ках никем не запланированы и не предусмотрены! И что насильственное пение противоречит советской демократии!! Понял, Шубин?!

Четвертый хорист (*спокойно завинчивает мясорубку, выходит из строя, с угрозой говорит Шубину*). Шубин, чтоб в понедельник был маляр! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Первый хорист. Николай Степанович, объясните — в чем дело?!

Шубин. А чего объяснять...

Третий хорист. Как это «чего»?! Зачем вы нас сгоняете, если это не мероприятие?!

Печников (*хору*). Сгоняете?!

Третий хорист. А кто ж сюда добровольно пойдет?!

Печников. Николай Степанович, выходит, вы и меня обманывали? Никакой тяги к музыке у товарищей нет?

Вторая хористка. Какая тяга? Он нас держит на крючке!

Третья хористка. Это называется — использование служебного положения в корыстных целях!

Первый хорист. Если бы... Это хоть можно понять! А то — смотра нет, грамота нам не светит, начальство да же не в курсе... Тогда зачем поем?

Шубин. Слушаю я вас, товарищи жильцы, и так мне скучно жить становится. Грамота... Начальство... Для чего поем? Поем и поем! Просто так! Для внутренней красоты!.. (*Печникову.*) Вы же сами, Петр Евгеньевич, говорили, чего Бах говорил.

Печников. Да мало ли что говорил Бах!

Первый хорист. Морочил всем голову.. «Песнопение»... «Божество в коллективе»! Надо еще разобраться, товарищи, — не собирався ли он запродать нас церковникам?!

Печников. Несolidно все получается, Николай Степанович! (*Хору.*) Товарищи! С этой минуты я вас больше не задерживаю. До свидания! (*Уходит.*)

Второй хорист. А нам что? Какие указания будут, Николай Степанович? Уходить, не уходить?

Шубин. Уходить!

Вторая хористка. А как наши просьбы?..

Шубин (*подходит к столу, снимает трубку телефона*). Алло! Якименко! Шубин говорит... Запиши там в книге на понедельник: в двадцатой квартире — побелка, в семьдесят восьмой — облицовка, в тридцать вторую — электрика, и в этой... в двенадцатой — батарею поменять! Никаких разговоров, сказано — в понедельник! Все! (*Вешает трубку. Хору.*) Вопросы есть?

Первый хорист. Вы напрасно на нас обижаетесь, Николай Степанович... Мы с вами ссориться не хотим.

Первая хористка. Воскресник какой-нибудь, деревья сажать — мы пожалуйста!

Хористы и хористки расходятся. У рояля остается одна Кира Платоновна.

Шубин. Я вам, Кира Платоновна, дверь обещал заменить... Так плотник на бюллетене...

Кира Платоновна. Мне совсем не к спеху...

Шубин. Идите спокойно домой, отдыхайте... Никого я больше не держу!

Кира Платоновна. Меня сюда никто и не загонял...

Шубин. Да разве я кого загонял?.. Я приглашал. Мы ведь сейчас как поезда стали, носимся друг мимо друга, каждый по своим рельсам... А когда и встречаемся, то лоб в лоб! И катастрофа! А тут знали: есть место, где можно собраться, попеть... Я так понимаю, Кира Платоновна, нельзя с утра до вечера заниматься кранами, батареями, химиями... Штамповка получается, а не человек. Обязательно что-то для души надо! Пение — это ж такая красота! Особенно хор. От всего очищает. Вот ты, к примеру, эгоист, а встал в хор — и не можешь быть эгоистом!.. Думал, поймут! Поворчат, посердятся, а потом и понравится!.. Конечно, на крючке людей держать, может, и неправильно, но, с другой стороны, раз уж в доме не обойтись без недоделок, так уж лучше использовать их себе на благо!.. Не поняли!.. Отпелся!.. И везет же людям, которые с талантом. А я в хор Дома культуры хотел записаться — не взяли. Говорят, слуха нет! И пускай нет! Я же не зарабатываю своим слухом... Вон как в детском саду у вас хорошо! Все поют, все дети... (*Запел.*) «Мы едем,

«дем, едем в далекие края, веселые соседи, счастливые друзья!»

Кира Платоновна. Ну-ка, подойдите сюда, Николай Степанович! *(Наигрывает ему эту мелодию.)* Ля-ля-ля, ля-ля! Попробуйте повторить!

Шубин. Бросьте... Зачем это, Кира Платоновна?

Кира Платоновна. Ля-ля-ля-ля! Я прошу вас, повторите!

Шубин *(нерешительно)*. Ля-ля-ля-ля!

Кира Платоновна. Чуть-чуть повыше!

Шубин. Ля-ля-ля-ля!

Кира Платоновна. И кто вам сказал, что у вас нет слуха?

Шубин. Теперь-то прорезается! Я как с Петром Евгеньевичем позанимался, так сразу почувствовал!

Кира Платоновна. Ля-ля-ля-ля!

Шубин *(радостно)*. Ля-ля-ля-ля!

Открывается дверь, робко входит Сидоров.

Вам что, товарищ?

Сидоров. Извиняюсь, мне ничего! Справочку навести хотел... Вправду хор отменяется?

Шубин. А вам какая разница?

Сидоров. Мне-то, собственно, никакой... Я вообще не из этого дома... Мать у меня здесь живет, в третьей квартире... Ну а я иногда к ней приезжаю... Продукты завезти или просто повидаться... Она иногда звонит: Толя, мол, приезжай... Или я сам звоню: мол, как там дела, мама?.. Вот!

Шубин. Ну и что?

Сидоров. Да ничего... Мать, говорю, у вас живет в третьей квартире, а я к ней приезжаю...

Шубин. Так чего ты хочешь? Потолок обвалился у вас?

Сидоров. Зачем?! Потолок в порядке... Мать живет, говорю, в третьей квартире... Как раз тут, над красным уголком. Когда хор поет, там все слышно...

Шубин. Мешаем, что ли?

Сидоров. Зачем?.. Экий ты непонятливый! Хорошо, говорю, поете! Я из-за вас стал каждую субботу к матери ездить... Сидим слушаем, душа радуется!

Шубин (*недоверчиво*). Тебе что, делать нечего? Разыгрываешь меня!

Сидоров. Почему? Очень даже хорошо!

Шубин. Что ж тут хорошего? Скрипим, как телега немазаная...

Сидоров. Ну это вам, музыкантам, конечно, виднее... А я вот как простой слушатель скажу: нам нравится.

Шубин. Да что же ты в дверях стоишь, дорогой товарищ?! Входи! Садись! (*Кире Платоновне.*) Вот! А говорят: для чего поем?! (*Сидорову.*) Значит, нравится?

Сидоров. Ну а как же? Такое дело!.. Особенно «Ласточка»... Мы ее всегда с братьями пели... Нас три брата! Бас, тенор, а я им, стало быть, на гармошке аккомпанировал!

Шубин. Так где братья? Давай их в наш хор!

Сидоров. Братьев нет. Они еще в войну погибли. Я тоже закрутился, гармошку забросил — сам понимаешь, дела... А тут прихожу к матери, а из-под полу — «Ласточка»! Ну мы с ней растрогались... И вдруг соседка заходит — хор, мол, распустили!

Шубин. Это мы еще посмотрим! Никто никого не распустил... Каникулы просто! Ты сам-то поешь?

Сидоров. Какой там пою... Так, если подголоском...

Шубин. Кира Платоновна!..

Кира Платоновна заиграла.

(*Запел.*) «Одинок я сижу во садочке!..»

Сидоров (*подпевая*). Только тучки плывут в вышине!

Шубин и Сидоров (*хором*).

Лишь не слышу ее голосочка.

Прилетай же, родная, ко мне!

Пой, ласточка, пой!..

Шубин и Сидоров поют «Ласточку», громко и если не совсем правильно, то проникновенно, получая от этого огромное удовольствие.

В дверях появляется Печников.

Печников. Стоп!! Это невозможно слушать даже с пятого этажа! Что вы орете, как мартовские коты?! Я же просил: не форсировать!.. Все забыли! Все! Давайте с первого куплета!.. И пиано... Кира Платоновна!

Печников взмахнул руками, Кира Платоновна заиграла, Шубин и Сидоров запели. Один за другим стали появляться все хористы, присматриваясь и включаясь в общее пение.

Хор.

Пой, ласточка, пой!
Пой, не умолкай!
Песней блаженства меня успокой!
Пой, ласточка, пой!

Занавес

1973

О бедном гусаре замолвите слово

*Киноповесть,
написанная совместно
с Эльдаром Рязановым*

Первая серия

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось... Поэтому никто не сможет упрекнуть нас в недостоверности», — эти слова принадлежали режиссеру, который на ходу давал интервью.

На съемочной площадке, как говорится, «смешались в кучу кони, люди»: шла подготовка к съемкам костюмного фильма. Грумер наклеивал актеру лихие гусарские усы. Костюмеры наряжали массовку в одежду горожан давно ушедшего времени. Консультант показывал, как гусары поили из кивера коней. На площадке, окруженный лошадьми, осветительными приборами, тонвагенами и лихтвагенами, стоял вертолет. К нему, заканчивая интервью, направлялся режиссер.

«История, которую мы хотим показать, не опирается на подлинные исторические факты. Она настолько недостоверна, что в нее нельзя не поверить».

Взрехали винты. Вздрыбились лошади. Гусары схватились за кивера, не давая порывам ветра унести их. Вертолет взмыл в воздух... Остались позади залитые солнцем белые кварталы новостроек. Вертолет пролетал над великолепными пейзажами: реки, перелески, озера, поля. Полилась ностальгическая русская мелодия. Она как бы уводила нас из сегодняшних дней в давно минувшие. И вот перед нашим взором возникли снятые с высоты птичьего полета старинные дворцы, парки и замки. Кусково и Петродворец, Архангельское и Павловск, Марфино и Царское Село.

Продолжает звучать голос за кадром:

«Эта история приключилась в то замечательное время, когда мужчины владели шпагой лучше, чем грамотой, и шли бесстрашно не только в бой, но и под венец; когда женщины умели ценить бескорыстную любовь и вознаграждали ее приданым; когда наряды были такими красивыми, а фигуры — такими стройными, что первое было не стыдно надевать на второе.

Это было время, когда царь обожал свой народ, а народ платил ему тем же и еще многим другим.

Это было время, когда лучшие умы России мыслили, но молчали, поскольку им затыкали рты, а худшие говорили, хотя, между прочим, могли бы и помолчать...

Впрочем, может быть, все было и не совсем так. Если вдуматься, эта история — сказка, слегка приукрашенная правдой, если не вдумываться — тем более...»

По проселочной дороге ехала снятая с вертолета черная карета, запряженная четверкой. Ее сопровождали два конных жандарма.

Голос за кадром:

«Извините, что мы начинаем нашу комедию с эпизода, несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в этой карете, решили отправить на тот свет».

Из остановившейся кареты двое жандармов вывели человека со связанными руками и черной повязкой на глазах. Жертва, как и полагалось для столь торжественного случая, была одета весьма эффектно: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и до блеска начищенные тюремным надзирателем сапоги.

Приговоренного подвели к крутому обрыву над рекой, на другом берегу которой в дымке утреннего тумана вырисовывался силуэт спящего русского городка...

Поручик приказал пятерым солдатам занять места, а священник подошел к приговоренному с протянутым для последнего поцелуя крестом. Однако смертник демонстративно отвернулся в сторону, и священник безучастно убрал крест себе за пазуху.

За всей этой церемонией наблюдал всадник — злоецащая фигура в черном плаще.

Голос за кадром:

«Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. Для людей несведущих поясним: он одет в форму офицера Третьего отделения. И в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию. Фамилия ему — Мерзляев».

— Наряд! — громко скомандовал поручик. — Ружья в изготовку! В преступника-бунтовщика, изменника царю, вере и Отечеству це-ельсь!

Солдаты послушно подняли ружья, навели на жертву.

— Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! — гневно воскликнул приговоренный и тряхнул благородной головой.

Один из солдат дрогнул и опустил ружье.

— Степанов! — испуганно зашипел поручик. — Подними ружье, сукин сын.

— Не могу, — тихо сказал солдат. — Ваше благородие, это же свой... русский.

— Какой он тебе «свой»?! — снова зашипел поручик. — Сам под пулю захотел?

— Пускай! — вздохнул солдат и бросил ружье на землю. — Не могу!

— Из какой роты этот гуманист? — ласково спросил Мерзляев и сделал знак жандармам.

— Из пятой! — буркнул поручик и опустил голову.

Жандармы подошли к Степанову, привычным движением надели на него кандалы и отвели в черный экипаж.

— Продолжайте! — мягко попросил Мерзляев.

— Господин штабс-капитан, — нерешительно обратился к Мерзляеву поручик. — А может, сами скомандуйте? Вам такие дела сподручней...

— Голубчик, — дружелюбно сказал Мерзляев, — кабы расстреливали офицера, ну, скажем, вас, я бы скомандовал. А с этим субъектом, думаю, вы и сами справитесь.

Поручик заскрипел зубами, сжал кулаки и вдруг остервенело крикнул:

— Солдаты! Пли!!!

Грохнул залп. Расстреливаемый вскрикнул, пошатнулся и, став расстрелянным, скатился с обрыва.

— И все дела, — спокойно сказал Мерзляев. — Спасибо, братцы!

— По коням! — заорал поручик, и солдаты, стараясь не глядеть в глаза друг другу, быстро вскочили на коней и ускакали прочь.

Священник перекрестился, поднял полы рясы и тоже поспешно удалился.

Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убиенный лежал у края воды, широко раскинув руки...

— Вставай, карбонарий хренов! — брезгливо крикнул Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вскочил, но вдруг застонал, схватившись за колено.

— Ногу подвернул, ваше благородие, — пожаловался он.

— Сегодня плохо работал, Артюхов! — сказал Мерзляев. — Кричал ненатурально. Жестикულიровал скверно... Надрался, небось, с вечера, мошенник?

— Как можно, ваше благородие? — бормотал Артюхов, влезая по склону вверх. — Я перед работой — ни-ни... Никогда! Обрыв уж больно крутой... Нешто можно — живого человека на таком месте расстреливать?

— Пошевеливайся! — недовольно приказал Мерзляев. — Нам в соседний полк еще поспеть надо! — И добавил, обращаясь к жандарму: — Помоги-ка ему!

Затем Мерзляев тронул поводья и поскакал в направлении города.

— Прибавить бы за сегодняшнее дело, ваше благородие! — прокричал ему вслед Артюхов. — Кувыркаться-то сколько пришлось... Это уж, ей-богу, не расстрел, а мука!

— Почем вам платят? — спросил жандарм, помогая прихрамывающему Артюхову.

— Да ерунду.. Тридцать гривен за расстрел. А сейчас пучок лука — пятак. У меня семья...

— Все-таки тридцать гривен — и ни за что...

— «Ни за что»?! — возмутился Артюхов. — Да ты встань на мое место... Кричишь им всякие благородные слова в темноте, а у самого сердце екает. Вдруг какому обормоту пулю настоящую положили...

— Слушайте, а на кой всю эту камедь придумали? — спросил жандарм.

— Пентюх ты, Никита. — В голосе Артюхова прозвучала покровительственная нотка. — Государственное дело делаем! На мне люди проверяются: кто — за, а кто — против...

— А вешать вас не пробовали? — поинтересовался жандарм.

— Чего? — изумился Артюхов. — Ну, ты скажешь! Там же холостую петлю не сделаешь.

— Для вас и настоящей не жалко, — сказал жандарм. Но, увидев перекошенное лицо Артюхова, испуганно добавил: — Извините, господин тайный агент, шутю...

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки —
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!
Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!»
Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Под эту лихую песенку в город Губернск вступал гусарский полк.

Перед полком шагал военный оркестр во главе с капельмейстером, наявивая залихватский марш. Впереди на лихом белом коне гарцевал бравый старый полковник, лет эдак аж тридцати восьми. За ним под звонкий цокот копыт выплывали ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты... Зеленые кивера с оранжевыми султанами, малиновые доломаны, расшитые золотом, серебряные ментики с меховой опушкой, атласно-голубые попоны под кавалерийскими седлами, в которых упруго размещались белоснежные панталоны с вшитыми в нужное место заячьими лапками, — одним словом, в город въехало все, что устрашало врагов и пленяло женщин.

А женщины города Губернска были не робкого десятка и шли навстречу опасности грудью вперед. На балконах, в распахнутых окнах домов, в витринах лавок

и в оживленной толпе мелькали очаровательные локоны, манящие улыбки, завлекательные глазки и соблазнительные ножки — одним словом, все, что вдохновляет воинов на штурм. Эту радостную картину не могли омрачить даже постные лица мужей, которые чувствовали себя ненужными на этом празднике жизни.

На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала физиономия Мерзляева, светившаяся патриотической улыбкой.

— Орлы ребята! — с гордостью обратился Мерзляев к сидевшему в той же карете Артюхову, но, когда тот попытался высунуться в окно, Мерзляев резко осадил его: — Куда! Болван! Ты свою рожу не афишируй...

Полк продолжал торжественное шествие по городским улицам. Когда гусары поравнялись с зоологической лавкой, в ее витрине показался ликующий хозяин с ликующими чадами и домочадцами. Каждый из стоявших держал клетки с попугаями.

— Нашему доблестному гусарскому воинству — у-ра-а! — закричал хозяин лавки и сделал знак домочадцам.

— Ур-ра! — закричали домочадцы.

Хозяин подмигнул попугаям, и даже чуть присвистнул: «Фьють».

— У-ра! — один за другим закричали попугаи...

В заведении мадам Жозефины, несмотря на середину дня, ощущалось раннее утро: полуодетые, невыспавшиеся барышни причесывались, зевали, пили чай, слонялись из угла в угол.

Появилась взволнованная мадам Жозефина — элегантная француженка лет сорока.

— Мадемуазель! Большой радости!.. Темпераментный гусар вошел в город... Каникулы кончатся. Будет много работа... Требь ян! Требь ян!

Барышни вяло отреагировали.

— Тебе-то «требь ян», — проворчала одна из барышень, — а нам отдувайся...

— В деревню хотела отпроситься, — сказала девица по имени Жужу, — теперь, стерва, не пустит..

Барышни выползли на балкон.

— Все радуются, — потребовала Жозефина. — Общий виват!

— Виват! — вразнобой заорали барышни.

Гусары при виде жриц любви все как один повернули головы и сделали равнение на балкон. Галантный полковник отдал честь. Один из гусаров, Алексей Плетнев, пришел в радостное возбуждение, конь под ним совершил подлинный цирковой трюк: переступая ногами, почти танцуя, он вынес всадника к балкону, а потом, шаркнув копытом, сделал поклон.

Девушки взвизгнули от радости и заплодировали.

Во дворе городского театра шла погрузка на подводы и фуры театральных декораций: передвижная драматическая труппа покидала Губернск в унылом состоянии. Выносили и складывали в ящики костюмы, реквизит, личные вещи.

Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города.

— О Губернск непросвещенный! — заорал он. — О кладбище талантов! О скопище малограмотных плебеев... О... О... — Трагик на секунду задумался и затем спокойно закончил проклятие: — Чтоб вы все сдохли... Трогай, дочка, — добавил он, обращаясь к молодой девушке, сидящей на козлах. — Федор, открывай ворота!

Караван тронулся. Федор, один из артистов труппы, распахнул ворота, и сразу во двор ворвался грохот военного марша. В проеме ворот показались гусары.

Бубенцов замер.

— Стой, дочка! — заорал он через секунду. — Остаемся! Что у нас в репертуаре из жизни офицеров?

— «Отелло», что ли, — неуверенно сказал один из актеров.

— Годится, — одобрил Бубенцов. — Злободневная вещица: красотка вышла за генерала. Роли расходятся? — Он деловито оглядел труппу. — Отелло — я, Кассио — Марк, так... Яго — Федор. Вылитый Яго! Анна, ты сыграешь Эмилию, а ты, дочка, — Дездемону.

— Что вы, папенька! — побледнела Настенька. — Я же роли не знаю...

— Суфлер знает, — успокоил Бубенцов.

— Но ведь страшно... Господа офицеры... Как перед ними играть?

— Громко! — подытожил Бубенцов.

На центральной площади, возле здания городского театра цвет Губернска готовился к встрече доблестного воинства. Держа в руках поднос с хлебом-солью, впереди всех стоял породистый губернатор с еще более породистой губернаторшей. Позади них толпилось менее породистое дворянство, духовенство и чиновничество...

Полк, продолжая свое победное вступление в город, появился на центральной площади, и вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, пробежала отвратительная черная кошка.

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

Торжественная процессия, во главе с губернатором и хлебом-солью, тоже остановилась.

Возникла неловкая пауза. Хозяева города и гости стояли друг против друга, не смея сделать рокового шага.

На мужественном, покрытом боевыми шрамами лице полковника Покровского мелькнуло секундное колебание. Но затем он трижды плюнул через левое плечо, вздыбил коня, выхватил клинок и скомандовал:

— За мной, ребята!

И на полном скаку первым пересек воображаемую опасную черту.

Полк ответил громогласным «ур-ра!» и поскакал за бесстрашным командиром. Оркестр вновь грянул марш.

Счастливая толпа завопила «виват!», в воздух полетели чепчики и другие части туалета...

Вечером театр города Губернска был и впрямь переполнен: офицеры пришли посмотреть на местных барышень и дам, а дамы и барышни пришли показать себя офицерам. В этой напряженной обстановке актерам было довольно трудно привлечь внимание к себе, поэтому они играли громче, чем обычно. За ходом спектакля следили лишь обреченные мужья города Губернска, тем более что на сцене бушевали страсти ревнивого венецианского мав-

ра, заподозрившего свою жену в любовной связи с офицером, что делало трагедию как никогда актуальной...

Трагик Афанасий Бубенцов, вымазанный сажей, сверкая белками глаз, с помощью суфлера обвинял в неверности Дездемону, которую изображала его родная дочь Настенька.

— Сегодня я схватил ужасный насморк! — подавал текст суфлер, и Бубенцов, как громогласное эхо, оповещал об этом весь зал. — Как надоел! Поддай мне твой платок!

— Вот он, — нежно сказала Настенька, услышав шепот суфлера.

— Нет! Тот, что подарил тебе я, — попугайствовал Бубенцов.

— Он не при мне.

— Нет?! — саркастически усмехнулся мавр.

— Нет, — простодушно ответила Дездемона.

— Нехорошо!

В этот драматический диалог неожиданно ворвался звук хлопнувшей двери — в зал вошел корнет Алексей Плетнев. (Поскольку он является героем нашего повествования, опишем его подробнее, тем более что часть публики оглянулась и смотрит на него... Он молод, высок, строен. На его румянном лице, как два кинжала, торчат задиристые усы. Неправильные черты лица, нос картошкой, растопыренные уши не давали повода считать его красавцем, но он был хорош собой, черт бы его побрал!)

Ничуть не смутившись, корнет окинул хозяйским взглядом весь женский личный состав, пришел в восторг, послал несколько воздушных поцелуев в разных направлениях и стал пробираться к своему креслу, наступая на чьи-то ноги, ежесекундно громко выкрикивая «пардон!».

— Кто этот невежа? — спросил губернатор у сидевшего рядом командира полка. — Всего лишь корнет, а позволяет себе...

— Плетнев! Лешка! — В грубоватом голосе полковника послышалась гордая отцовская нотка. — Стервец!.. Герой! А в корнеты разжалован за дуэль.

— Дуэль была из-за женщины? — игриво спросила губернаторша.

— Разумеется, сударыня, — ответил полковник. — Из-за двух!

Жена губернатора посмотрела на Плетнева, потом перевела взгляд на мужа, вздохнула и грустно стала смотреть на сцену, где шла своя трагедия.

Дездемона секретничала с Эмилией. Суфлер подсказывал тему для беседы и той и другой...

«Дездемона. Неужели в самом деле есть женщины, способные мужей обманывать так низко?

Эмилия. Без сомненья, немало их...

Дездемона. А ты так поступить решилась бы? Когда б тебе давали хоть целый мир?

Эмилия. А вы бы разве нет?

Дездемона. Нет! Никогда! Клянусь небесным светом!»

В голосе Настеньки Бубенцовой прозвучал пафос добродетели. Губернские мужья бешено заплодировали, одобряя эту целомудренную программу. Один из мужей даже вскочил и закричал: «Браво! Молодец, Дездемона!» В ту же секунду молодой гусар (в полку его прозвали Симпомпончик) привычным жестом сует записку его жене, та таким же привычным жестом сунула записку за корсаж... Муж уселся и высокомерно покосился на Симпомпончика — тот с подчеркнутым равнодушием смотрел на сцену.

Плетнев восхищенно уставился на Дездемону.

— Экий розанчик! — громко воскликнул он и ткнул локтем своего соседа, которым оказался штабс-капитан Мерзляев, одетый во фрак. — И давно она здесь?

— С начала пьесы, — пожав плечами, ответил тот.

— А я, дурак, опоздал! Хороша! Верно?

— Обворожительно! — согласился Мерзляев. — Шарман! Очень пикантна. В ней есть что-то такое... — И Мерзляев, наклонившись к уху корнета, шепнул: — Думаю после спектакля рискнуть...

— Тут либо думать, либо рисковать! — решительно сказал Плетнев, поднялся и пошел по ряду, вновь наступая на чьи-то ноги и прося пардону...

Когда через несколько минут Настя Бубенцова временно покинула сцену, она наткнулась в кулисах на усатого верзилу с букетом цветов.

— Сударыня, разрешите представиться: корнет Плетнев! Очарован вами и, чувствуя прилив в душе...

— Извините, мне некогда! — сухо сказала Настенька и прошмыгнула в костюмерную комнату. Тут же без стука туда вошел корнет.

— ...и, чувствуя прилив в душе, — продолжал он начатую фразу, — почту за честь пригласить вас сегодня на ужин...

— Мне надо переодеться! — взмолилась Настенька.

— Ни в коем случае! Вы в этом платье... ну просто нимфа, — сказал Плетнев и уселся на стул.

— Пошел вон! — разгневалась Настенька и, увидев, что корнет не трогается с места, схватила рубашку и выбежала из костюмерной.

Через секунду, в одной ночной сорочке, она сидела на сцене в спальней комнате венецианского дворца, где по сюжету должна была состояться знаменитая сцена удушения...

— Кто здесь? Отелло, ты? — подсказал суфлер. И Настенька повторила этот вопрос, вложив в него всю необходимую гамму чувств.

— Я, Дездемона, — не стал отпираться появившийся Отелло.

— Что ж не идешь ложиться ты, мой друг? — Настенька протянула мавру зовущие трепетные руки... и обомлела. В суфлерской будке вместо старичка суфлера появилась усатая румяная рожа.

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — поинтересовался мавр.

Настенька молчала, не в силах оторвать изумленного взгляда от суфлерской будки.

— Сударыня! — страстно сказал Плетнев. — Если вы верите в любовь с первого взгляда — она перед вами!

— Вы с ума сошли! — прошептала Настенька.

— Не спорю, — согласился Плетнев. — И счастлив этим!

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — повысил голос Отелло.

— Уйдите! — свирепо зашипела Настя корнету. — Я текста не знаю...

— Слушай, Дездемона, в конце концов: молилась или нет? — перешел на прозу Отелло и, перехватив полный ужаса взгляд партнерши, глянул в суфлерскую будку.

Плетнев приветливо помахал оторопевшему мавру рукой:

— Миль пардон, господин арап, буквально несколько слов, антр ну! — И снова обратился к даме сердца: — Сударыня, один ваш взгляд — и карета ждет у театра.

Зал, почувствовав некоторую заминку на сцене, впервые заинтересовался представлением. Воцарилась зловещая пауза. Актеры не знали, что делать.

— Дездемона! — вдруг закричал находчивый Бубенцов и, к изумлению всего зала, снял с ноги туфлю и запустил ею в суфлерскую будку. — Там мышь! Там — мышь! — объяснил он свой странный поступок партнерше.

Туфля в ту же секунду, подобно бумерангу, вылетела обратно и угодила мавру в физиономию.

— Ах так! — взбесился мавр. — Ну, скотина, я тебе покажу! — Он подскочил к суфлерской будке и стал пинать невидимого залу Плетнева.

Публика зашумела, почувствовав, что трагедия развивается по новому, непредвиденному сюжету.

— Кого это он там? — простодушно поинтересовался Симпомпончик у мужа.

— Это гипербола, — снисходительно пояснил муж. — Неужели не ясно?!

— Я понял, что гипербола, — но ногами-то зачем?

Защищаясь от ударов, Плетнев дернул разъяренного мавра за ногу, отчего тот грохнулся на пол.

— Папочка! Ты ушибся! — закричала Дездемона своему чернокожему мужу, тем самым совершенно сбив с толку зал.

— То есть как «папочка»? — изумился губернатор. — Она его жена!

— Это безобразие! Что вытворяют эти комедианты! — воскликнула жена губернатора, поднялась и демонстративно направилась к выходу.

— Терпенью моему пришел конец! Сейчас за все получишь ты, подлец! — неожиданно в рифму продекламировал трагик и, схватив со стены висевший среди прочего оружия лук, выпустил стрелу в направлении суфлерской будки.

Тут же раздался истошный женский визг: стрела угодила губернаторше в место, которое она только что оторвала от стула...

Коридор тюрьмы города Губернска. По коридорам хозяйским шагом двигался штабс-капитан Мерзляев. Конвоиры при виде офицера из Петербурга вытягивались во фронт.

Голос за кадром:

«Разные профессии встречаются на свете. Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать — одним словом, блюсти. Этому трудному благородному делу он посвятил себя без остатка. Он служил не за страх и не за совесть, поскольку не имел ни того ни другого. Просто он любил это дело... Вот и сейчас, несмотря на раннее время, он исполнял свой патристический долг. Исполнял его он в помещении тюрьмы, а именно — в кабинете начальника этого общедоступного заведения».

Мерзляев открыл дверь кабинета. В кабинете на письменном столе стояли четыре клетки с попугаями, а в двух шагах от стола дрожал бледный от страха хозяин зоологической лавки.

— Извините, господин Перцовский, — сказал Мерзляев, усаживаясь за стол. — Все время отвлекают...

— Понятно, — подобострастно засуетился хозяин лавки. — Такой начальник из... столицы. Столько дел... Ни минуты покоя.

— Я рад, господин Перцовский, что вы меня пожалели, — усмехнулся Мерзляев. — Однако вернемся к нашим баранам... — Он повернулся к клетке с попугаями. — Поедем еще разок. Фью-ить... Фью-ить! — присвистнул Мерзляев.

Первый попугай немедленно захлопал крыльями и отозвался: «Царь дурак!»

Второй подхватил: «Царь дурак!»

Тут же включился третий: «Царь дурак!»

Четвертый попугай пришел от этих криков в дикое возбуждение, заметался по клетке и заорал громче остальных: «Дурак! Дурак!» — и неожиданно добавил: «Долой царя!»

— Не виноват! — взмолился хозяин лавки. — Господин офицер, не учил я их этому... Ей-богу!

— Сами, что ль, додумались? — иронизировал Мерзляев.

— Я ж объяснял, ваша милость, — я купил одну птицу на рынке...

— У кого?

— У мужика какого-то. С большой бородой. А этот поугай и научил всех остальных.

— Где ж зачинщик? — поинтересовался Мерзляев.

— Мужик, что ль?

— Попугай...

— Улетел, как назло.

— Бежал, значит, — усмехнулся Мерзляев. — Ну хорошо. Допустим, первый научил второго, второй — третьего... Я еще могу понять. Но вот этот-то мерзавец, — он ткнул пальцем в клетку с четвертым попугаем, — он же не просто повторяет — он выводы делает!

— Не губите! — Хозяин лавки рухнул на колени. — Я старый, больной человек. У меня астма. Господин штабс-капитан, я с этими попугаями не согласен! Хотите, я вам их на ужин зажарю?..

Бесшумно открылась дверь, в помещение на костылях вошел Артюхов, волоча забинтованную ногу.

— Ваше благородие, — сказал он, обращаясь к своему шефу, — к вам господин полковник Покровский.

— Подождет, — небрежно бросил Мерзляев. — Я занят.

— Я доложил, что заняты, а он буйствует. Как бы тюрьму не разнес!

— Ничего, — усмехнулся Мерзляев. — У нас, слава богу, тюрьмы крепкие. Не только полковников — генералов успокаивали. Ну, а вы, голубчик, — обратился он к несчастному хозяину лавки, — ступайте домой... Даю два дня, чтобы найти зачинщика...

— Где ж я его найду? — побледнел хозяин лавки. — Это ж попугай. Он, может, уже в Африке...

— Я не о попугае. Я о мужике, который его продал... А птички ваши куда посидят у нас...

Хозяин лавки печально встал с колен, поплелся к двери, обернулся:

— Господин начальник, а ежели их кормить — они молчат.

— Это что ж? Намек? — тихо спросил Мерзляев.

Хозяин лавки понял, что усугубил свое горестное положение, и, схватившись за голову, выбежал из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Артюхов жалобно произнес:

— Ваше благородие, завтра работать не смогу.. Нога распухла. Болит — сил нет..

— Ты что? — Мерзляев встал из-за стола. — Срывать секретное предписание?! А кого я завтра к стенке поставлю?

— Поставить-то меня можно, — вздохнул Артюхов. — Упасть не смогу..

Мерзляев не успел ответить, как с грохотом распахнулась дверь и в кабинет кубарем влетел жандарм, выронив ружье, а следом, потирая ушибленную о физиономию жандарма руку, ворвался полковник Покровский.

— Я понимаю, когда из тюрьмы не выпускают! — прорычал он. — Но когда не выпускают — это хамство!

— Дорогой полковник! — Мерзляев с радостной улыбкой поспешил навстречу Покровскому. — А вы двое — брысь отсюда! — турнул он Артюхова и жандарма. Те поспешно удалились. — Как я рад видеть вас в нашем доме.

Мерзляев сердечно протянул руку командиру полка, тот секунду поразмыслил, все-таки ответил на рукопожатие, после чего демонстративно и тщательно вытер собственную руку о собственные штаны.

Мерзляев заметил этот жест, но сделал вид, что не заметил, и продолжал любезно улыбаться.

— Ну вот что, господин Мерзляев. — Армия решительно пошла в атаку на жандармерию. — Я получил предписание оказывать всяческое содействие вашей тайной миссии. И как солдат обязан повиноваться! Но как благородный человек и дворянин не позволю из своих гусар делать палачей. У вас для этого жандармов предостаточно.

— Дорогой мой... — Мерзляев незаметно скосил глаза в бумаги. — Дорогой Иван Антонович, это не я изобрел...

— Надо ж додуматься! — продолжал кипеть Покровский. — Боевых офицеров на расстрелах проверять...

— А на чем же, дорогой? Не на танцах же...

— Это гадко! — крикнул полковник.

— Не спорю, — согласился Мерзляев.

— Отвратительно!

— Вы совершенно правы...

— Это подло!

— И я такого же мнения, — вздохнул Мерзляев. — Боже того, его превосходительство, шеф нашего Третьего отделения, тоже возмущен. По секрету добавлю: сам государь император пришел в негодование и порвал бумагу, но потом велел склеить и подписал... Надо! Понимаете, Иван Антонович, надо! Все мы так: мучаемся, но дело делаем.

— А я как благородный человек и дворянин заявляю: поцелуйте меня в одно место!

— А я вам как благородный человек и дворянин заявляю, — повысил голос Мерзляев, — если Отечество потребует, — поцелую!

Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

— Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе смуты, волнения, — Мерзляев перешел на шепот, — кое-где баррикады. Вредные идеи — они в воздухе носятся. Там выдохнули — здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

— Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

— Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

— Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

— Болтают все, — глубокомысленно заметил Мерзляев. — Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками — и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

— Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

— Дорогой Иван Антонович, — грустно сказал Мерзляев, — такое время — ни за кого ручаться невозможно... Вот послушайте... Вроде бы птички божьи, а что позволяют. — Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь дурак...», «Царь дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекошилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугай.

— Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! — подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией.

На улице перед зданием городской тюрьмы Настенька Бубенцова пыталась уговорить караульного пропустить ее внутрь. Караульный, однако, был непреклонен.

Настенька пыталась сунуть караульному кредитку, тот оглядел кредитку и презрительно вернул ее...

Голос за кадром:

«Тюрьма Губернска не входила в число достопримечательностей этого славного города — примитивное, безвкусное здание с решетками на окнах. Одним словом, тюрьма как тюрьма. Внутренняя отделка казематов тоже не радовала глаз. Но, в конце концов, не в этом дело. Как говорится, не место красит человека, а наоборот...»

Узник Бубенцов являл собой яркое пятно на фоне унылых тюремных сцен — ведь его привезли прямо со спектакля в мундире генерала Венецианской республики. Бубенцов старательно пытался стереть с лица сажу, заменявшую в те далекие времена грим.

— Ну как? — спросил он наблюдавшего за его стараниями тюремщика. — Очистился?

— Арапом быть перестал, — подумав, сказал тюремщик. — но и до русского тебе еще мыться и мыться... Сдавай!

Бубенцов взял колоду карт.

— Значит, так, — говорил мулат Бубенцов, мастерски тасуя колоду. — Мои сапоги против твоей табакерки.

— Табакерка бронзовая, — набивая цену, сказал тюремщик.

— Сапоги генеральские, — парировал Бубенцов.

— Сапоги-то поношенные, — скривился тюремщик.

— А табакерка занюханная, — отбрил Бубенцов.

— Сдавай! — вздохнул тюремщик.

Играли, естественно, в «двадцать одно», или попросту — в очко.

— Двадцать! — Тюремщик радостно открыл свои карты.

— Два туза! — ласково произнес Бубенцов и взял табакерку. — Хорош табачок, — добавил он, нюхая. — Теперь предлагаю так: моя табакерка против твоей сабли.

— Заключенному сабля не положена! — заупрямился тюремщик.

— Отдашь, когда выйду на свободу, — нашел выход Бубенцов.

— Если проиграю тебе саблю, меня ж посадят, — справедливо рассудил тюремщик.

— А ежели посадят — зачем тебе сабля? Заключение-му сабля не положена.

— Тогда сдавай! — махнул рукой тюремщик, сраженный безупречной логикой партнера.

Карты были розданы, тюремщик попросил еще одну и с отвращением швырнул их на скамью:

— Перебор, чтоб ты сдох! — Рука тюремщика рванулась к сабле.

— Не торопись, — испуганно остановил его Бубенцов, — я ж сказал: потом отдашь, потом.

Заскрипела тюремная дверь. В камеру вошел здоровый детина с рожей, не предвещавшей ничего доброго. Это был тюремный экзекутор.

— Бубенцов! — пробасил он. — На экзекуцию!..

Тюремщик сладострастно захихикал:

— Ну, везунчик! Сейчас наш Степа за меня отыграется... Он из тебя краснокожего сделает.

— Позор! — завопил Бубенцов. — Пороть артиста! Дикость! Куда мы только идем?

— В подвал! — коротко ответил на этот риторический вопрос громила и поволок извивающегося Бубенцова из камеры...

Через несколько минут хромавший по тюремному двору Артюхов услышал нечеловеческие вопли, доносящиеся из подвала:

— Ой!.. Мама, мамочка! Больно!.. Сатрапы! Палачи! Услышав знакомые слова, Артюхов остановился.

— Над кем это Степка работает? — спросил он у караульного.

— Актеришка какой-то, — равнодушно ответил тот.

— Славно кричит! — тоном знатока отметил Артюхов. — И сколько ему прописали?

— Полсотни...

В голове Артюхова неожиданно промелькнула мысль, что само по себе было событием довольно редким. Он вдруг заволновался и, сказав загадочную фразу: «Неэкономно кричит! Охрипнет!» — быстро заковылял к подвалу.

А в этот момент в подвале жертва и палач мирно сидели друг против друга. Бубенцов раскидывал карты.

— Значит, так, — шепотом говорил Бубенцов, — снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол... — И внезапно во весь голос заорал: — Ой, мамочка моя! Убьешь, мерзавец! — И снова перешел на шепот: — Согласен?

— Сдавай! — прохрипел экзекутор.

Он жадно схватил две карты и потребовал:

— Еще!

— Убийцы! — заорал Бубенцов.

— Не ори в ухо, — рявкнул экзекутор и понизил голос: — Карту давай, сука!

Бубенцов протянул карту.

— Девятнадцать!

— Мало! У меня очко! — И Бубенцов открыл десятку с тузом...

— Убью, сволочь! — с искренней ненавистью сказал экзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке: — Р-раз! Д-ва!.. Т-три!

— Сатрап! Живодер! Негодяй! — поставленным голосом вопил Бубенцов. — Мясник! Инквизитор!

На «инквизитора» Степан неожиданно обиделся:

— Ты ори, да знай меру!

— Извини! — шепотом сказал Бубенцов. — А «кровопийца» можно?

— Можно... Это многие кричат.

— Кровопийца! Изверг! — заревел Бубенцов и... осекся. Он увидел в дверях подвала Артюхова, который с нескрываемым восхищением наблюдал эту сцену. Степа обомлел.

— Ну брат, — завистливо сказал Артюхов артисту, — ты большой талант. Тебя, милый, к стенке поставить — лучше не придумаешь!..

Поздний вечер. Перед особняком мадам Жозефины, освещенным интимным светом красного фонаря, толпились на привязи десятка два гусарских лошадей, ожидавших, пока отдохнут их лихие хозяева.

Голос за кадром:

«Согласно статистике, в Губернске было изобилие магазинов, много церквей, видимо-невидимо трактиров, полно питейных заведений и одно заведение просто. Оно

так и называлось: «Заведение мадам Жозефины». О заведении в городе шла дурная слава, и поэтому там не было отбоя от посетителей...»

Артистка Настенька Бубенцова не без робости приблизилась к этому значному месту и, преодолев волнение, дернула шнурок звонка. Дверь заведения гостеприимно распахнулась, и на пороге возникла фигура швейцара. Увидев девушку, швейцар сделал строгое лицо:

— Мадемуазель, наше заведение только для мужчин!

— Мне надо войти! У меня срочное дело, — с нервной настойчивостью сказала Настенька.

— Жен, сестер, матерей пускать не велено! Дебоширят! — Швейцар попытался захлопнуть перед Настенькой дверь, но та выпалила:

— Подожди! Я наниматься пришла!

— Так бы сразу и говорила. — Швейцар взглядом специалиста окинул фигуру девушки. — Пожалуй, подойдешь... Мадам в зале. Ступай!

Преодолевая страх, Настенька вступила в притон разврата. То, что она увидела, превзошло все ее ожидания, ибо она не увидела ничего особенного. В зале были обычные провинциальные «посиделки». За роялем сидел полковник Покровский, а несколько усталых барышень и не менее утомленных гусаров трогательно пели на два голоса протяжную песню. Возможно, эту:

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне,
С тех пор как любовь разлюбила меня.

Настенька дождалась конца куплета и попыталась тихо спросить у одной из барышень: «Извините, не могли бы вы сказать...»

Но последняя строчка, которую подхватили все, заглушила ее голос. Зазвучал второй куплет. Гусары и барышни голосили самозабвенно:

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел,
Поют коноплянки в честь вешнего дня,
Их в гнездышке — двое, сердца их в покое,
Моя же любовь разлюбила меня!*

*Стихи Р.Бернса.

— Извините, — прорвалась с вопросом Настенька, — где я могу найти корнета Плетнева?

— Лешку-то? — задумалась барышня. — Сегодня в двенадцатом номере. У Жужу. — И включилась в хор:

Зима пронеслась, и весна началась...

Настенька пошла по коридору, разглядывая номера комнат. Неожиданно Настеньку облапил неизвестно откуда взявшийся Симпомпончик.

— В наших войсках новобранец! — с восторгом завопил он. — Симпомпончик, слушай мою команду: в комнату номер три шагом марш!

Настенька с размаху влепила ему пощечину. Офицер опешил, но боевая выгучка взяла верх.

— Сабли наголо! — молодецкато гаркнул прапорщик. — В атаку на очаровательного противника галопом ма-арш!

Настенька в панике бросилась от него. С криком «ура!» прапорщик гнался за ней. Увидев дверь с номером «12», Настенька без стука влетела в комнату, заперла дверь на задвижку.

— Симпомпончик, сдавайся! — колотил в дверь прапорщик.

— Помогите, там пьяный! — взмолилась Настенька.

— А где ж тут трезвого найдешь? — невозмутимо ответила хозяйка комнаты Жужу. Она сидела перед свечой у маленького столика и мирно, по-домашнему, вязала чулок. А в разгромленной кровати смачно храпел корнет Алексей Плетнев.

Увидев ненавистную усатую рожу, Настенька вспыхнула от гнева:

— Это он! Я узнала его. Его фамилия Плетнев?

— А кто его знает, — флегматично ответила Жужу. — У нас не полиция, фамилий не спрашиваем...

— Вставайте, негодяй! — Настенька решительно подошла к койке, начала трясти безжизненное тело. — Вставайте! Сумели напакостить — извольте отвечать за свои поступки!

— Жениться, что ль, обещал? — вяло полюбопытствовала Жужу. — Ты мужским вракам не верь...

— Вставайте, скотина! — трясла Настенька корнета. Ей наконец с огромным трудом удалось усадить его на постели. — Откройте глаза!

Плетнев с трудом открыл один глаз.

— Симпомпончик, я жду! — послышался вновь страстный голос прапорщика из-за двери.

— Вы меня узнаете? — с отчаянием спросила Настенька Плетнева.

— Разумеется, сударь, — промычал тот. — Как сейчас помню, Дороховский редут..

— Я актриса! — закричала Настенька. — Дездемона я. Вы нам вчера спектакль сорвали! Из-за вас папенька в тюрьме...

— Симпомпончик! — настырно врывался в разговор из-за двери голос прапорщика. — Дездемона! Я твой Ромео...

— Да замолчите вы! — крикнула Настенька прапорщику.

— С наслаждением! — согласился Плетнев и сделал попытку лечь. Но Настя успела перехватить накренившееся туловище.

— Нет, негодяй, вам придется пойти в жандармерию и все рассказать!

— В жандармерию — никогда! — уперся полусонный Плетнев. — С жандармами — ничего общего! Гусь свиньям не товарищ! Они — свиньи, я — гусь!

— Тогда и я — гусь! — откликнулся из-за двери прапорщик.

— Ну и молодец! — сказал Плетнев невидимому собеседнику.

— И ты молодец! — не остался в долгу прапорщик. И снова вернулся к любимой теме: — Симпомпончик, иди сюда!

— Сейчас приду. — Плетнев рухнул на ложе и захрапел.

Настенька в отчаянии повернулась к Жужу:

— Как разбудить это животное?.. Из-за него отец страдает.. Помогите, девушка!

Тронутая этим неожиданным обращением, Жужу ответила:

— Попробую!

Она полезла под кровать и достала запыленную боевую трубу.

— От улан осталась, — пояснила она Настеньке. — Меня ихний оркестр очень любил... Не знаю, получится ли. Давно не пробовала.

Жужу поднесла трубу к губам...

«Трум-турум-тум-тум-тум-тум!!!» — По заведению пронеслись призывные звуки боевой тревоги.

Тут случилось невообразимое. Плетнев в мгновение ока вскочил с постели и с непостижимой ловкостью впрыгнул в стоящие рядом с кроватью сапоги. Затем он просунул руку в рукав ментика и, издав гортанный крик, сиганул в окно. Настенька бросилась вслед за Плетневым, свесилась с подоконника и увидела леденящую душу картину: из всех окон выпрыгивали гусары, попадая прямо в седла и стремяна.

Барышни не успели опомниться, как заведение опустело.

— За мной, ребята! — провозгласил полковник Покровский, который был первым не только в бою.

Цокот копыт, ржание коней, пыль столбом... И выбежавшая Настенька услышала только удаляющиеся звуки залихватской гусарской песни:

Не плачь, сударыня, пройдут дожди,
Гусар вернется, ты только жди...

Утром следующего дня по живописным окрестностям Губернска медленно ехала открытая карета, запряженная парой гнедых. На козлах сидел жандарм, рядом, придерживая забинтованную ногу, примостился Артюхов. В карете на сиденьях расположились господин Мерзляев и артист Бубенцов.

— Может, там? — спросил Мерзляев у Бубенцова, указывая на опушку леса.

— Нет, — вздохнул Бубенцов. — Тут нужного настроения не создашь. Береза — дерево легкомысленное... Может, вы меня в дубовой роще шлепнете? Дать дуба хорошо у дуба! — Артист засмеялся собственному каламбуру.

— Капризничаете, господин артист, — поморщился Мерзляев.

— Ты, правда, кончай привередничать, — вмешался Артюхов. — Третье место меняем. В ельнике ему слишком мрачно, в березняке — весело. Ты, братец, не за грибами собрался. Один черт где!

— С кем вам приходится работать, господин штабс-капитан! — посочувствовал Бубенцов. — Дилетанты... Дурновкусица! Я артист, милейший! — строго добавил он, обращаясь к Артюхову. — И смею сказать — хороший! Меня декорации вдохновлять должны! Воспламенять фантазию!

— Так куда ехать? — встрял в разговор жандарм.

— Вон тот бугор с тремя соснами может подойти. В нем что-то есть. Как вы считаете, господин штабс-капитан?

Жандарм повернулся к Мерзляеву, тот кивнул головой, не сводя пронизательных глаз с артиста.

Карета свернула с наезженной дороги и покатила по полю.

(Как уже, наверное, догадался читатель, дело, которым были заняты наши персонажи, в современном кинематографе называется выбором природы, то есть поиском места, где будет происходить действие.)

Карета въехала на бугор и остановилась у трех сосен. Бубенцов прыгнул на землю, деловито стал осматривать «площадку».

— По-моему, местечко подходящее. Значит, здесь стою я — а где будут партнеры?.. Кстати, сколько их?

— Пятеро гусаров и офицер, — подсказал Артюхов.

— Ага... Значит, партнеров ставим там... Извините, штабс-капитан, я просто хочу понять мизансцену... Так... Они стоят там, я выхожу, гордо оборачиваюсь, кричу... Кстати, если рублик накинете, я могу и стихами: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...»

— Стихами не надо, — жестко пресек декламацию Мерзляев. — Ваши выкрики мы уже оговорили!

— Как прикажете, господин начальник, — охотно согласился Бубенцов. — Значит, они целятся, я кричу, они дают залп... Кстати, извините за бестактность: а ежели они откажутся стрелять, что им будет?

— Офицера — в Сибирь, на каторгу, — пояснил Артюхов, — а рядовых — в шпицрутены, а если выживут — под пули, на Кавказ.

— А! Значит, дело серьезное, — задумчиво протянул Бубенцов. — Стало быть, играть придется с надрывом, в полную силу.. — Он вдруг сжал кулаки, побледнел и, с ненавистью глядя на стоявших у кареты служителей порядка, крикнул: — Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! Пниды жандармские, мать вашу так! — И, неожиданно спрыгнув с бугра, побежал через кустарник.

Мерзляевцы оторопели. Первым пришел в себя Артюхов:

— Афанасий, куда?! Стой! Стрелять буду!

Бубенцов, не оборачиваясь, стремительно продирался сквозь кустарник.

— Если уйдет — заporю обоих! — пообещал Мерзляев.

Жандарм и Артюхов сделали несколько выстрелов по убежавшему. Одна из пуль, очевидно, достигла цели: Бубенцов схватился за плечо, повернулся к убийцам, лицо его исказилось, он хотел что-то произнести, но не смог и рухнул лицом в траву.

Жандарм и Мерзляев поспешили к упавшему, за ними, на костылях, тяжело дыша, припрыгивал Артюхов.

Когда они приблизились к телу артиста, оно неожиданно село и, улыбаясь, спросило:

— Натурально получилось? А? Я подумал: может, во время спектакля еще и побег устроим? Для убедительности!

— Ну.. Ну, ты даешь... — Артюхов даже задохнулся. — Паршивец эдакий! Я ведь вправду поверил... Ну талант! Просто дар божий. Не зря я тебя привлек к нашему делу..

— Значит, так, господин комедиант, — сухо сказал Мерзляев. — Запомните: здесь вы не в театре, а на службе. И прошу таких фортелей больше не выкидывать.

— Я как лучше хотел, — оправдывался артист.

— Не надо «как лучше», — перебил Мерзляев. — Надо — как положено. Все! Место выбрано! Завтра крикнете, упадете, получите деньги... и вон из города.

— Договаривались — деньги вперед, — вставил Бубенцов.

— Хорошо, вперед, — согласился Мерзляев. — Но запомните: поскольку мы вам доверились, то если хоть одно слово кому-нибудь...

— О чем разговор! — Бубенцов был человеком смекалистым. — Я понимаю, с кем имею дело. Могила — в прямом и переносном смысле.

— Не фиглярствуйте. Бубенцов! — крикнул Мерзляев. — И потом — откуда появилась эта реплика про «жандармскую гниду»?

— Увлечся... — извиняющимся тоном сказал Бубенцов. — Я вообще люблю импровизацию. Не хотите, как хотите. В каждой труппе свои порядки.

— Марш в карету! — приказал Мерзляев.

— Слушаюсь! — радостно ответил Бубенцов и, напевая романс, небрежной походкой направился к карете.

— Ваше благородие, — робко сказал Артюхов, глядя вслед актеру, — хоть я его и рекомендовал, а теперь сомневаюсь... Ненадежный он какой-то... Не проболтался бы.

— Не проболтается, — заверил Мерзляев.

— Гарантии никакой...

— Дочка у него есть, — улыбнулся Мерзляев. — Вот тебе и гарантия. Приведи-ка ты ее сегодня ко мне.

Средь шумного бала случайно,
В тревоге мирской суеты
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты... —

пел Бубенцов и восхищенным взглядом окидывал прекрасный безмятежный пейзаж.

В то же славное утро на плацу перед казармами гусары проводили кавалерийские занятия: скакали через препятствия, рубили лозу, отрабатывали приемы джигитовки. Полковник Покровский, сидя на белом скакуне, с благодушной улыбкой наблюдал за питомцами. К командире подскочил адъютант, круто осадил коня:

— Господин полковник, вам пакет от штабс-капитана Мерзляева.

Улыбка слетела с лица полковника, он сломал сургучную печать, прочитал послание и в сердцах выругался:

— Шпик поганый! Ребята-то все отменные, что он к ним прицепился? — И уже строгим голосом отдал приказ адъютанту: — Свиридова, Баташова... — заглянул в бумагу, — Лыткина... Симпомпончика... и корнета Плетнева ко мне. Срочно!

Через секунду все пятеро гусаров остановили своих разгоряченных лошадей перед Покровским.

— Гусары... Значит, так... — нерешительно начал полковник. — Получено важное задание... В общем, завтра, в шесть утра... Как бы это лучше выразиться... — Полковник путался и от этого мрачнел еще больше. — А ну-ка, раз-зой-дись!

Гусары, недоуменно переглянувшись, отъехали.

— Ко мне! — гаркнул вновь Покровский, и гусары покорно вернулись. — Ну вот что, ребята. Мы с вами не на танцах, а вы — не кисейные барышни. Завтра на рассвете поступите в распоряжение жандармского штабс-офицера Мерзляева, а он вам скажет, что надо будет делать... Разойдись!

Никто из гусаров не тронулся с места. Пять пар глаз вопросительно уставились на полковника.

— Дело, значит, такое... — Полковника бесила роль, которую он вынужден был играть. — Завтра на рассвете по приговору.. ну, в общем, шлепнете опасного бунтовщика... Или, может, и не бунтовщика, а наоборот... — И неожиданно рассвирепел: — В общем, кого скажут, того и шлепнете! Раз-зойдись!

Гусары не тронулись с места.

— Значит, на палаческое дело? — тихо спросил Плетнев.

— Нас почему выбрали? — спросил Симпомпончик.

— Что? Это они вас выбрали! — Полковник помахал бумагой с предписанием. — Вот тут.. ваши фамилии. Болтать меньше надо. Распустили языки, шуточки разные крамольные... В общем, приказы не обсуждать! Разойдись!

Гусары повернули коней. Плетнев посмотрел исподлобья на командира и вдруг спросил:

— Разрешите продолжать учения, господин полковник?

— Продолжай! — ответил командир. И в ту же секунду Плетнев, хлестнув коня, стремительно повел его на препятствие. Разгон. Прыжок. И на полном скаку Плетнев вылетел из седла, его тело описало замысловатую па-

рыболоу и с размаху шлепнулось на крышу курятника. Крыша рухнула, в образовавшуюся дыру с громким кудактаньем вылетели куры...

Над лежащим Плетневым склонились гусары. Сюда же подбежал взволнованный полковник Покровский.

— Лешка, ты живой? — испуганно спросил Симпоничик.

— Живой. — довольно бодро ответил Плетней, — но весь переломанный... — И поспешно добавил, обращаясь к полковнику: — Иван Антонович! Завтра в дело употреблен быть не могу!

— Понятно! — Полковник оглядел Плетнева. — А ну, все отсюда! Я его сейчас быстро вылечу!

— Иван Антонович, — испуганно предупредил Плетнев, — я весь переломанный.

— Пока еще нет! — угрожающе произнес полковник. — Ты что ж — симулировать?! Приказ не выполнять?!

— Приказ-то больно подлый, — заметил Плетнев.

— Что?! — побагровел полковник. — Или ты на самом деле вольнодумцем заделался, якобинцам продался?! Собственные мысли заимел?

— Откуда, Иван Антонович! Я бы этих бунтовщиков всех порешил бы, но — в честном бою!

— Кретин! Тебе скоро должны эполеты поручика вернуть! У тебя вся жизнь впереди, а ты ее мараешь... Я за тебя поручился, слово дал... Потому что сыном считаю. Я память отца твоего, друга незабвенного, чту! Он на руках у меня умирал, просил: «Ваня! Лешку моего не бросай! Человека из него сделай!» А ты... а ты... — И по мужественному лицу полковника, как и положено его званию, скатилась скупая слеза.

— Иван Антонович... — Плетнев был потрясен, впервые в жизни увидев слезы на лице командира. — Да вы что? Да я ради вас... Ну простите, ради бога, дурака. Не домыслил! Действительно, зачем мне жизнь молодую ломать? Да я его завтра как комара хлопну!

Полковник сокрушенно покачал головой и задумался.

По сравнению с заведением мадам Жозефины тюремное заведение выглядело более пристойным, но здешняя

тишина, деловитость и строгая пустота пугали Настеньку куда больше.

Бледная от страха, она шла по унылому тюремному коридору, а сзади нее хромал на костылях Артюхов, подсказывая путь:

— Налево, сударыня. А сейчас соблаговолите направо. А вот и дверь заветная. Тут вас господин штабс-капитан и примет. Кстати, барышня, если уж хотите помочь папаше, то постарайтесь понравиться господину Мерзляеву..

— Я постараюсь, — робко ответила Настенька.

— Если он на чем настаивать будет, не кочевряжьтесь.

— Вы что это — в дурном смысле? — вспыхнула Настенька.

— В нем! — как отрезал Артюхов.

— Да вы что? Я порядочная девушка...

— Поэтому и говорю — не кочевряжьтесь! Прошу! — Артюхов распахнул дверь и впустил запутанную Настеньку в кабинет начальника тюрьмы. За время хозяйничанья в нем Мерзляева кабинет несколько похорошел: на окнах появились занавески, в вазах стояли цветы, клетки с говорящими попугаями были заменены на аквариум с молчащими рыбками. А в центре комнаты стоял стол, накрытый на две персоны. Горлышко бутылки с шампанским зеленело в ведерке со льдом. В кабинете никого не было, и Настенька робко присела на краешек стоявшего в углу стула. Неожиданно послышалась нежная музыка. Распахнулась дверь, и два жандарма, пыхтя, втащили широкий диван.

Настеньку передернуло.

— Тут, что ль, ставить? — спросил один жандарм у другого.

— А кто его знает, где он предпочитает.. Давай тут! — Жандармы прислонили диван к стене и, не обращая никакого внимания на просительницу, удалились.

(Настала пора появиться хозяину кабинета, и он появился. До сих пор нам было недосуд описать внешность господина Мерзляева, а она того стоила: правильные черты лица, красивые серые глаза, гордый орлиный нос, волнистые волосы, стройная фигура — одним словом, он

был весьма недурен собой, разрази его гром. Общеизвестная поговорка «Бог шельму метит» в данном случае не годилась, что свидетельствовало о том, что Бог и Третье отделение смотрели на подбор кадров по-разному.)

— Сударыня, извините, что заставил вас ждать! — Мерзляев склонил свою красивую голову и поцеловал Настеньке руку. — Дел невпроворот! Не покладаю рук. Здесь см, здесь сплю... Кстати, Настасья Афанасьевна, окажите любезность, разделите со мной скромный ужин старого холостяка. — Он жестом указал на накрытый стол.

— Господин Мерзляев, спасибо, что вы меня приняли.

— Какие пустяки! Это вы оказали мне честь! Богиня! Служительница Мельпомены снизошла до незаметного чиновника... Как сказано у Пушкина: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Это Александр Сергеевич, кажется, в ссылке написал, — разливая шампанское по бокалам, ворковал Мерзляев.

— Я по поводу папеньки, — начала излагать свою просьбу Настенька. — Была у судьи, в канцелярии градоначальника, все говорят, что это дело не в их компетенции... Что папенька якобы не случайно попал в госпожу градоначальницу, а... покушался!

— Покушался? — засмеялся Мерзляев. — Так прямо и сказали? Ха-ха... Ох и любят же у нас перегнуть палку!

— Чистое недоразумение! — радостно поддакнула Настенька.

— Ну, это как посмотреть! — Мерзляев неожиданно посерьезнел. — Он ведь не в студентишку какого-нибудь выстрелил — он попал в важную особу, да еще... в такое место, что дело приобретает эдакий, я бы сказал, сатирический характер.

— Он вообще не в нее целил! Он хотел попасть в офицера!

— Сударыня, — помрачнел Мерзляев, — думайте, что говорите! Значит, ваш папенька хотел убить защитника Отечества!

— Я вам сейчас все объясню, — взмолилась Настенька. — В суфлерской будке во время представления появился пьяный офицер... В смысле — лицо... защитника Отечества... и стало говорить...

— Что?

— Ну.. Просто ерунду.. В любви мне объяснялся.

— Это не по нашей части, — улыбнулся Мерзляев. — Любовь — дело полиции! А кто-нибудь еще видел этого офицера?

— Я и папенька!

— Больше никто? Плохо! Очень плохо, сударыня. Вряд ли вашему отцу удастся избежать наказания. Поверьте, я душой на вашей стороне — но как помочь? Прямо не знаю, с чего начать... Как подступиться к этому деликатному делу?

Мерзляев отхлебнул шампанское и зашагал по комнате, погружившись в раздумья. Настенька поняла, что час расплаты пробил. Будучи любящей дочерью, она всхлипнула и начала боязливо расстегивать пуговицы на своем платье. Мерзляев заметил это движение и удивленно вскинул бровь:

— Вам жарко, сударыня?

— Нет, то есть да... — забормотала покрасневшая Настенька. — Душно... Скорее, холодно... В общем, я подумала... Вы же сами сказали: как подступиться...

— Что? Как вы могли такое подумать?! — с искренним негодованием воскликнул Мерзляев. — Хорошего же вы мнения о нашем департаменте!

— Извините, я не хотела вас обидеть. — Настенька лихорадочно начала застегивать пуговицы.

— Неужели вы решили, что я — злодей, который воспользуется своим служебным положением? Если вам жарко, можете и расстегнуться!

Пальцы Настеньки остановились на полпути и после секундного колебания поползли вниз.

— Вы меня ранили в самое сердце! — с благородным пафосом продолжал Мерзляев. — Я знаю, нас не любят, не уважают — но зачем же так унижать?!

Пальцы Настеньки быстро поползли вверх, застегивая пуговицы одну за другой.

— Девочка моя! — Мерзляев подсел к Настеньке. — Я ценю ваши дочерние чувства, это благородно, но, если вдуматься, до чего мы докатились! Вы бледны, вся дрожите... А меня вы пожалели? Ведь жертва здесь не вы, а я! У меня тоже, как ни странно, душа имеется. И я хочу,

чтобы меня любили ради меня самого, а не за то, что и могу казнить или миловать... Ах, как я одинок, Настенька! Помните, у Лермонтова: «И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...» Это Мишель просто про меня написал... Я вижу вокруг себя льстивые улыбки, низкие поклоны, дамские авансы — но это все не мне, а мундиру. Когда я увидел вас в театре, у меня закружилась голова... Она и сейчас кружится! Такого со мной не бывало! По-моему, это любовь!

Растерянная Настенька покорно потянулась к пуговкам.

— Нет! — закричал Мерзляев. — Не оскверняйте святого! Не здесь! И не сейчас!.. Завтра, после ужина! Я хочу дать вам время, чтобы вы успели меня хоть чуточку полюбить. Обещайте мне! Успеете?

— Попробую, — обреченно сказала Настенька. — А как же все-таки насчет папеньки?!

— Боже, как вы все меркантильны! Выпущу я завтра вашего родителя! Целым и невредимым! Но любить-то меня прошу не за это!.. Помните, как у нашего незабвенного классика сказано: «А ты, невинная, ты рождена для счастья. Беспечно верь ему, летучий миг лови: душа твоя жива для дружбы, для любви, для поцелуев сладострастия!» — Мерзляев побледнел и неожиданно перешел на прозу: — Покиньте меня немедленно! Я могу с собой не совладать!

Он заскрежетал зубами и отвернулся. Настенька поспешно выбежала из кабинета. Оставшись один, Мерзляев еще несколько секунд задумчиво слушал музыку, доносящуюся из-за стены, потом вздохнул, взглянул на часы и, подойдя к двери в соседнюю комнату, приоткрыл ее.

В комнате музицировали двое: жандарм играл на скрипке, за роялем сидел человек в штатской одежде.

— Концерт окончен!

— Слушаюсь! — гикнул жандарм. Он убрал скрипку в футляр и, обратившись к аккомпаниатору, скомандовал: — Встать! Руки назад! Шагом марш!

Пианист выполнил приказ и, позвякивая кандалами, тихо пошел впереди жандарма...

О бедном гусаре замолвите слово,

Ваш муж не пускает меня на постой.

Но женское сердце нежнее мужского,
И сжалится, может, оно надо мной.
Я в доме у вас не нарушу покоя,
Скромнее меня не найти из полка,
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка? —

тихо напевал Плетнев старинный романс.

В зале офицерского клуба гусары коротали время. За ломберным столом играли в бридж, стучали бильярдные шары, дым от трубок плавал по комнате.

Около Плетнева за большим круглым столом сидели несколько гусаров с мрачными лицами. Несмотря на то, что стол явно предназначался для трапезы, на нем не было ни тарелок, ни рюмок, ни бутылок, ни кушаний.

В залу вошел полковник Покровский, поздоровался с подчиненными, приблизился к столу:

— По какому поводу пирушка намечается?

Офицеры переглянулись.

— День рождения у Лыткина! — сказал наконец Симпомпончик.

— Поздравляю! — Полковник сердечно протянул руку.

— Благодарю, господин полковник! — Прапорщик встал, ответил на рукопожатие. — Только он у меня завтра...

— Чего ж сегодня собрались?

— Завтра не до того будет! — подавленно ответил прапорщик. — Завтра не день рождения — день смерти. Спасибо вам за подарок, господин полковник!

— Завтра поминки справлять, — вставил один из гусаров. — Утром шмапнем — вечером выпьем... Весело живем!

— Интересные учения придумали, — съехидничал третий гусар. — Стрельба по живой мишени...

— Так, понятно! — посерьезнел полковник. — Вы свои подковырки бросьте. Шутки для девочек поберегите, а то так подковырну.. А ну, слушай команду: отдыхать, веселиться, дурь из головы выбросить! Плетнев, нука, пошли, я тебя на бильярде обставлю.

Плетнев послушно отложил гитару.

— Даю десять очков форы! — сказал Покровский, намеливая кий.

— И без форы обойдусь! — Плетнев был настроен недружелюбно. — Почему играем?

— По три рубля! Разбивай...

Плетнев разбил пирамиду.

— Да... Чтоб не забыть, — как бы мимоходом сказал Покровский, целясь в шар. — Завтра на рассвете поедешь в тюрьму.. Три очка в угол. Будешь конвоировать преступника к месту казни...

— Это еще почему? — взвился Плетнев.

— Играй! — прервал полковник. — Видишь, десятка на удар выкатилась...

— Я в охранники не нанимался! Хватит с меня и остального.

— Во-первых, не ори! Бей!

— Десять очков в середину! — пробурчал Плетнев. — Увольте, Иван Антонович...

— Этот якобинец, как я слышал, — понизил голос полковник, — очень опасный элемент.. Играю дуплет в середину! Может инцидент случиться — вдруг налетят его сподвижники и отобьют. Потому и посылаю тебя на подмогу. Понял?

— Чего тут не понимать?

— И если ты его упустишь...

— Это я-то? — возмущился Плетнев.

— Не перебивай... Я говорю: если упустишь — понимаешь, что тебе будет?

— Да что вы заладили: «упустишь, упустишь»!

— Ну, представь, что случилась такая невероятная штукавина — отбили его. Вникаешь?!

— Вникаю, — сказал Плетнев и тут же радостно воскликнул: — Пятнадцатого в угол!

— Плевать мне на пятнадцатого! — вскипел полковник. — Слушай, что я тебе вдалбливаю! Если во время схватки бунтовщик убежит, придется тебя наказать!

— Само собой, — согласился сбитый с толку Плетнев. — Только зачем вы мне это разъясняете? Сам понимаю, что мне тогда будет!

— Чего тебе будет-то, дурень? Ну, гауптвахты неделька. Ну, эполет поручика еще с годик не носить. Зато своим проступком... некрасивым проступком, прямо скажу, пятно с полка снимешь. Товарищей своих от позора спа-

сешь. Понимаешь, какой парадокс образуется? Ты вроде бы виноват, но молодец! С тебя что за спрос? Убежал бунтовщик — и убежал... Ты-то дрался как лев!

— А-а, — начал наконец мучительно соображать Плетнев. — А-а, в смысле... Стало быть...

— Я все думал, кому это рискованное дело можно поручить. Тебе доверяю!

— Так вы бы, Иван Антонович, так сразу и приказали!

— Я ничего не приказываю, — оборвал полковник. — Это дело совести. Можешь и не ходить.

— Как «не ходить»? — покачал головой Плетнев. — Вы мне доверились, а я в кусты? Не сомневайтесь. Не подведу! Как налетят эти вольтерьянцы, басурманы, французы поганые — так стоять насмерть буду... Пока тот не убежит!

— Темный ты, Леша, — улыбнулся полковник. — Ну откуда в этой губернии французы? Ты бы хоть книжку какую прочитал, а то прямо беда с тобой... Ты операцию продумай как положено. У тебя ночь впереди... Чтоб все чисто было. Себя не скомпрометируй...

— Комар носа не подточит! — заверил Плетнев. — А пятнадцатого кладу в угол!

— Клади, везунок! На подставках выигрываешь...

К бильярдному столу подошли четверо гусар.

— Господин полковник, разрешите обратиться. — Прапорщик протянул полковнику заготовленную бумагу. — Прошу принять рапорт с просьбой о переводе в другой полк.

— Так! — вздохнул Покровский. — Кто еще грамотный?

Оставшиеся трое офицеров сделали шаг вперед и протянули конверты.

— Хорошо! — сказал полковник, собирая рапорты. — Молодцы!

— А ты, Плетнев? — спросил прапорщик. — Ты ведь тоже хотел.

— Передумал! — потупившись, сказал корнет. — Уж извините, ребята...

— Тебе видней! — брезгливо сказал прапорщик. — Ты же у нас любимчик командира...

— Молчать! — заорал полковник. — Чистенькими хотите остаться? Знаете ли вы, сукины дети, что Третье отделение вам персональную проверку устраивает? Да передай я эти рапорта по начальству, вас не то что в другой полк — вас сразу в роты арестантские... Только я этого делать не стану! — Полковник в сердцах порвал конверты. — Для того я над вами и командир, чтоб на столько дураков хоть один умный был! Отойдите от стола, не мешайте! И запомните, ребята: если в завтрашней мишени хоть одной дырки не досчитаются, вам всем повторную проверку устроят!.. Играю семерку — два борта в середину.

— Господин штабс-капитан, прибыл в ваше распоряжение для конвоирования преступника! — отчеканил Плетнев, стоя перед Мерзляевым.

— Фамилия? — спросил Мерзляев.

— Корнет Плетнев!

— Похвально! — произнес Мерзляев, с интересом изучая гусара. — Это что ж, сами вызвались? Или приказ?

— Приказ полковника! — доложил Плетнев и добавил: — Но и сам в душе готов!

— Одобряю! — сказал Мерзляев. — Подобное рвение у офицера не часто встретишь...

— Рад стараться! — оглушил Мерзляева корнет.

Эта верноподданническая сцена происходила ранним утром на тюремном дворе. Здесь же стояла черная карета с зарешеченными окнами, готовая отвезти узника к месту казни. Узник не заставил себя ждать: он появился на тюремном дворе в сопровождении Артюхова. На Бубенцове был надет традиционный костюм смертника: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и начищенные до блеска сапоги. Наряд явно нравился приговоренному, он кокетливо поправил воротничок, чтобы выглядеть эффектнее, тем более что из окон тюрьмы на него смотрело множество глаз.

— Прощайте, друзья! — надрывно крикнул Бубенцов, обращаясь к заключенным. — Час вашей свободы близок! Позор тиранам!

— Да не ори ты, — тихо сказал Бубенцову ковьялявший рядом Артюхов. — Зря стараешься, за это не прибавят.

— Не сбивай, дурак, — так же тихо ответил Бубенцов. — Я в образ вхожу.

— Вот ваш подопечный, господин корнет! — сказал Мерзляев, с едва заметной усмешкой наблюдавший за актером. — Опаснейший элемент. Вы с него глаз не спустите!

— Будет исполнено! — гаркнул Плетнев. Увидев знакомую усатую рожу, из-за которой и произошли все его злоключения, Бубенцов пришел в неистовство:

— Ага! И ты здесь, мерзавец! Смотрите все, до чего докатилась наша доблестная армия! Прислужник палачей, я тебя ненавижу!

Плетнев засопел, сжал кулаки и сделал шаг навстречу оскорбителю.

— Корнет, корнет, — остановил Плетнева штабс-капитан. — Наше дело требует выдержки! Уж коли назвались груздем... И прошу — в дороге без рукоприкладства. К месту казни извольте его доставить целым и невредимым.

Плетнев, бормоча что-то нечленораздельное, устремился в карету. Проходя мимо Мерзляева, Бубенцов подмигнул и тихо спросил:

— Как я ему врезал? Убедительно?

Мерзляев усмехнулся и кивнул головой.

— Разрешите продолжать в том же духе?

— Продолжайте, — тихо сказал Мерзляев.

Получив одобрение начальства, Бубенцов вскочил на ступеньку кареты и истошно завопил, обращаясь к самому Мерзляеву:

— Прощай, жандармская крыса! Когда-нибудь ты нам ответишь за все! — Бубенцов дал такой подзатыльник Мерзляеву, что у того слетела фуражка.

Взобравшийся на козлы кареты Артюхов побледнел от страха. В окнах тюрьмы раздались аплодисменты. Бубенцов ответил тюрьме привычным актерским поклоном.

— Что стоишь? — взвизгнул взбешенный Мерзляев, обращаясь к Артюхову. — Пошел!

Плетнев схватил говорливого смертника за пояс и швырнул на сиденье.

Сопровождаемая аплодисментами, карета выкатилась из тюремных ворот...

Вскоре тюремный экипаж ехал по живописным окрестностям Губернска. Утро было упоительным. Узник находился явно в приподнятом настроении, и его можно было понять — не каждому выпадает счастье отдавать концы в такую дивную погоду и на таком шикарном ландшафте.

— Прощай, солнце! Прощайте, тучки! — изредка выкрикивал возбужденный артист и простирал руки сквозь решетки. — Прощай, речка! Никогда больше твои голубые воды не обнимут меня!

У Артюхова тоже было недурное расположение духа, он посмеивался над неумной энергией заключенного и мурлыкал песенку: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ва-аши жены?»

Лишь один Плетнев своим мрачным, подавленным видом нарушал этот идиллический вояж.

— Прощай, травушка росистая! — кликушествовал Бубенцов. — Не ступать мне больше по тебе босыми ножками!

Эта жалоба пронзила Плетнева до самого сердца. Он угрюмо посмотрел на пленника и протянул ему трубку и кисет:

— Закурить не желаете? Напоследок?

— От убийц не принимаем! — отрезал Бубенцов. — Табачком откупиться хочешь? Не выйдет!.. И запомни мое лицо, душегуб! Я к тебе по ночам являться буду! — Он сделал страшное лицо и взвыл, простирая руки к небу.

— Что вы на меня так взъелись, господин карбонарий? — побледнел Плетнев. — Я солдат, мне приказали... При чем тут я?

— При всем! — обличающе крикнул Бубенцов. — На ваших штыках держится трон тирана! Кругом взяточничество, воровство, беззаконие. Вельможи утопают в роскоши и пьянстве, а народ бедствует, голодает..

— Не все офицеры такие, — понизил голос корнет. — Есть и честные.

— Не смей меня! — с пафосом воскликнул Бубенцов и сардонически засмеялся. — Ни стыда, ни совести! Для

таких, как ты, нет ничего святого: что человека убить, что спектакль сорвать...

— Какой спектакль? — с изумлением возрился Плетнев на Бубенцова.

— Такой, — спохватился актер, поняв, что проговорился. — Вся жизнь — театр, а люди в нем — актеры...

— Это вы верно подметили, — восхитился Плетнев.

— Это не я, обалдуй! — схватился за голову Бубенцов. — Это Шекспир! О безграмотность российская!..

Внезапно в ближнем лесу послышались выстрелы, выкрики, звуки трубы.

— Что это? — встrepенулся Плетнев и обратился к Артюхову: — Слышал выстрелы?

— Охота сегодня у господина губернатора, — безмятежно пояснил Артюхов. — Медведя егеря подняли.

— Вот иллюстрация к моим словам! — встрял Бубенцов. — Аристократы из прихоти... губят все живое! Что ему, есть нечего?

— Погодите! — оборвал Бубенцова корнет и с тревогой крикнул Артюхову: — Слушай, а вдруг это сподвижники карбонария... Нашего? Освободить хотят?

— Испугался? — злорадно воскликнул Бубенцов. — Да, голубчик, это они, мои сподвижники. Они отомстят! На обломках самовластья напишут наши... понял, па-лач? — наши, а не ваши имена!

— Ты ври, да знай меру! — осадил распоясавшегося мятежника Артюхов. — Мы твоих сподвижников давно пересажали.

— Всех не посадишь! — упорствовал Бубенцов.

Неожиданно Артюхов выругался. Карета встала. Плетнев выскочил из экипажа. Поперек дороги лежало могучее дерево, преграждая путь.

— Это еще откуда? — удивился Артюхов. — Вчера здесь ездили...

— Вчера оно тут не лежало, — некстати подтвердил Бубенцов, выглянув из окна.

— И ветра вроде не было, — рассуждал вслух Артюхов.

— Какой ветер! — с некоторой нарочитостью закричал Плетнев. — Оно спилено! Это с умыслом! Нет ли здесь засады?

Бубенцов рассмеялся и, не в силах удержаться от соблазна сыграть новую сцену, завопил:

— Друзья! На помощь! Я здесь. Час освобожденья пробил!

Дальше случилось непредвиденное: Плетнев выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов по кустам.

Актер замер от неожиданности, кони шарахнулись, Артюхов оторопело крикнул:

— Вы что? Очумели?

— Ложись! — заорал ему Плетнев. — Прикрывай меня с тыла! — Он выхватил саблю и, провозгласив: «Плетнева голыми руками не возьмешь!» — устремился в кусты.

Через секунду кусты заколыхались, оттуда донеслись яростные вопли и крики: «Врешь, не уйдешь! На! Получай!» Раздался стон...

— Ой, мама! — испугался Бубенцов. — Что это, Егорыч?

— А я почему знаю? — недоуменно пробормотал Артюхов. В ту же секунду из кустов раздалось два выстрела, пули попали в карету. Бубенцов в страхе плюхнулся на дно экипажа, Артюхов схватил винтовку.

Из кустов выбежал корнет в растерзанном мундире. Продолжая размахивать саблей, он вскочил на козлы рядом с Артюховым и заорал:

— Там их много! Гони!

Артюхов дрожащими руками потянул вожжи.

— Живыми не дадимся! — крикнул Плетнев, обращаясь к кустам, и неожиданно шваркнул рукояткой пистолета по голове Артюхова.

Тот обмяк и свалился с козел на землю.

Плетнев прыгнул и распахнул дверь кареты:

— Господин карбонарий, вы свободны!

Актер выглянул из кареты, осмотрелся, увидел лежащего на земле Артюхова и, поняв, что произошло, ужаснулся:

— Зачем вы это сделали?

— Бегите! — взволнованно сказал Плетнев.

— Куда?

— К сподвижникам!

— Как? Зачем? А как же расстрел?.. Нет, я не могу!

— Не теряйте времени! — прикрикнул Плетнев. — И знайте: в армии есть благородные люди!

Бубенцов некоторое время удивленно смотрел на одухотворенное лицо корнета, потом вылез из кареты и, произнеся загадочную фразу: «Ну и дела! Вот влип...» — пошел обратно по дороге. Однако, сделав всего несколько шагов, он круто повернулся:

— Нет, так не пойдет! Конечно, спасибо вам большое, господин офицер, но я предпочитаю остаться!

— Да вы что?!

— Лично я никуда не побегу! — заупрямился приговоренный.

— Почему?

— Из-за вас! Вы благородный человек, но и мы, карбонарии, тоже, понимаешь, не лыком шиты! Вам за это каторга грозит!

— Не ваша забота! Вас-то смерть ждет!

— А это не ваша забота!.. Одним словом, господин офицер, не станем препираться. Извольте отвезти меня к месту казни! Так для нас обоих спокойней будет.

Бубенцов заложил руки за спину, переступил через лежащее дерево, как через Рубикон, и величественно направился вперед.

Плетнев от изумления разинул рот:

— Стой!

Бубенцов обернулся, увидел наведенный на него пистолет.

— Либо беги, либо стрелять буду! — прохрипел бледный от волнения Плетнев.

Артист понял, что в данном случае коса нашла на камень, а попросту говоря — благородство на благородство.

— Дурак ты, корнет, — вздохнул Бубенцов. — Парень, видно, хороший, честный... но... Если б ты все знал... Как бы объяснить... Эх! Не могу. Не имею права.

— А я ни о чем не спрашиваю! — твердо произнес Плетнев. — Бегите! Здесь можно оврагами, через лес... Переберетесь в соседнюю губернию, а там и до границы недалеко...

— Какая граница? — завыл актер. — Ох, господи, как все было просто: расстреляли бы меня и разошлись мирно. А теперь выпутывайся! Ну, черт с тобой! Прощай!

Он свернул в лес, но тут же вновь появился на дороге и подбежал к корнету:

— Давай я тебя к дереву привяжу, что ли? Чтоб натурально было!

— Верно! — согласился Плетнев. — Только быстро, а то наряд должен проехать. Как бы вас не схватили.

— Спасибо за заботу, — сказал Бубенцов, привязывая Плетнева к дереву вожжами.

— Это вам спасибо, господин революционер, — ответил Плетнев. — А что народ плохо живет, я и сам видел, только вот так красиво, как вы, сказать не могу. Я встречу с вами и слова ваши на всю жизнь запомню...

— Как зовут-то тебя? — затягивая узел, ласково спросил Бубенцов.

— Алеша Плетнев. А вас? Если не тайна?

— Какая, к черту, тайна. Афанасием кличут! Ну, спасибо! — Бубенцов похлопал корнета по плечу и нырнул в лес.

— На помощь! — крикнул Плетнев.

Артист тут же вернулся:

— В чем дело?

— Да я так, для маскировки, — улыбнулся Плетнев. — Военная хитрость...

— Правильно! — одобрил Бубенцов. — Ну, бывай!

И он нырнул в чащу.

Плетнев остался один, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Люди! На помощь!

В зарослях послышался шум.

— Ко мне! — крикнул Плетнев.

Словно подчинившись команде, из леса вышел огромный медведь и направился к связанному Плетневу.

Продираясь через лесные дебри, Бубенцов слышал отчаянные вопли своего избавителя:

— Караул! Спасите... Ой! Что делается!

— Какими замечательными ребятами богата мать-Россия! — воскликнул остановившийся на мгновение артист и с удвоенной энергией побежал дальше.

Вторая серия

Голос за кадром: «Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось. Поэтому никто не может упрекнуть нас в недостоверности...»

Пока проходят титры второй серии, зритель видит кадры, напоминающие ему содержание первой:

полк, входящий в город...

мавр Бубенцов, стреляющий из лука в губернаторшу..

Мерзляев, разглядывающий попугаев...

гусары, выпрыгивающие из окон заведения мадам Жозефины в седла...

Настенька, которую Артюхов ведет по длинным тюремным коридорам...

полковник, сражающийся с Плетневым на бильярдном столе...

бегущий через заросли Бубенцов...

Плетнев, ударяющий рукояткой пистолета по голове Артюхова...

выходящий из кустов медведь, направляющийся к привязанному Плетневу...

На фоне всех этих кадров звучит лихая гусарская песня:

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки —
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!
Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
«К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!...»
Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

— Бред! Чушь!!! — Разгневанный Мерзляев рассказывал по кабинету. Перед ним стоял навтытяжку Артюхов. К перебинтованной ноге прибавилась перебинтованная голова.

— Ты сам-то понимаешь, что ахинея? — орал Мерзляев. — Какие сподвижники? Откуда? Во что они были одеты?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие. Не разглядел!

— Не разглядел, потому что их и не было!

— Так точно — не было!

- А кто ж тебя по голове стукнул?
- Сподвижники!
- Какие сподвижники могут быть у этого актеришки?
- Из театра кто? — предположил Артюхов.
- Брось! Театральные людишки трусливы...
- Ваше благородие, — робко заметил Артюхов, — а вдруг он — настоящий?
- Соображаешь, что говоришь? — побледнел Мерзляев. — Если у нас с тобой сбежал настоящий? Это значит: в губернии тайное общество, а мы главаря держали в руках и упустили... Это ж комиссия из Петербурга!
- Виноват! — испугался Артюхов. — Дупость сморозил... Конечно, актеришку отбили!
- Зачем его отбивать? — стукнул по столу потерявший выдержку Мерзляев. — Мы его и так отпускали... Как себя вел Плетнев?
- Стоял насмерть!
- С кем стоял?
- Со сподвижниками...
- Как они выглядели?
- Не могу знать! Не разглядел!
- Не было их! Понимаешь — не было!
- Так точно, не было, — согласился Артюхов.
- Мерзляев погрузился в размышления:
- А может, все это комедия? Корнет ваньку валял.
- А-а... — понимающе протянул Артюхов. — Вполне может быть.
- Хотя, с другой стороны, так себя поуродовать?..
- Может, это наш карбонарий его помаял?
- Нету никакого карбонария! Актер есть!
- Тогда сподвижники...
- Мне эта сказка про белого бычка надоела. Слушай, Артюхов, ты мне Бубенцова — уж не знаю, кто он, карбонарий, шпион или шулер, — вынь да положи! Установить по городу посты наблюдения... В театре...
- Уже стоит! — отчеканил Артюхов.
- В лазарете у Плетнева...
- Уже лежит!
- Где дочь Бубенцова?
- Уже сидит.

— Как? — вздрогнул Мерзляев.

— Она пришла папеньку встречать к тюрьме, а мы ее тут же и сгрябчили!

— Кретин! — Мерзляев подскочил к Артюхову и замахнулся. Артюхов покорно подставил под удар голову. — Скажи спасибо, что тебя бить не во что! А то бы...

Через несколько секунд Мерзляев влетел в камеру, где сидела Настенька.

— Сударыня, ради бога, извините! Произошло недоумение! Поверьте, я тут ни при чем. — Мерзляев попытался поцеловать руку Настеньки, но она гневно отдернула ее.

— Какая ужасная эпоха! Да как они посмели! Вас, мимолетное виденье, гений чистой красоты — и в одиночку!

— Не верю ни одному вашему слову! — оборвала его Настенька. — И вы еще говорили мне о своей любви!

— И сейчас говорю!.. Настенька! Звезда моя! Да знаете ли вы, что сегодня утром я послал вам корзину цветов! И сам ждал под балконом... А в это время, оказывается, вас уже держали в темнице... Как трудно любить, когда вокруг сплошное дурачье!

— Где папенька? — перебила Настенька.

— Это и я бы хотел знать! Дорогая моя, произошло невероятное событие: ваш папенька бежал!

— Что? — изумилась Настенька. — Как он мог отсюда убежать?

— Не отсюда, — поморщился Мерзляев. — Мы его уже начали освобождать, а он... Вместо того чтобы уйти, как договорились, одним словом, по-человечески... бежал!

— Что вы сделали с папенькой? — напряженно спросила Настя.

— Выйдем из этих отвратительных стен! Здесь невозможно разговаривать! — Мерзляев схватил Настю под руку и повел по тюремному коридору. — Ему оставалась маленькая процедура... чистая формальность... И вот буквально за полчаса до освобождения — убежал. Такая пространность! — Мерзляев покрутил многозначительно пальцем вокруг виска. — Скажите, с ним раньше ничего такого подобного не случалось?

— Не случилось! Он раньше не сидел в тюрьме! — Настенька всплеснула руками. — Я поняла: вы его убили!

— За кого вы нас принимаете? Мы боремся только со смутьянами... Ваш папенька случайно не революционер? — Мерзляев с подчеркнутой наивностью посмотрел Настеньке в глаза.

Теперь пришла пора обидеться Настеньке:

— Опять вы за свое! Мой папа — порядочный человек и на госпожу губернаторшу не покушался! Где он? — Настенька разрыдалась.

— О, если б я знал, где он! — с притворным сочувствием произнес Мерзляев и перешел на лирику: — Милая моя, я не побоюсь сказать — любимая моя Настасья Афанасьевна, ваш папенька жив и ищет вас. Ступайте домой и ни о чем не беспокойтесь! А когда вы его увидите, передайте ему мою нижайшую просьбу немедленно явиться к нам.

— Зачем?

— Чтобы мы его тут же отпустили. Потому что, если мы его поймаем, ему будет очень скверно. Вы меня поняли?

— Нет, — искренне призналась Настя.

— И слава богу. Ступайте домой! Скорей, скорей, вон из этого ужасного заведения! — Мерзляев распахнул дверь, ведущую на улицу. — О боже, как вы очаровательны! Помните у Тютчева Федора Ивановича: «Твой милый взор, невинной страсти полный, златой рассвет небесных чувств твоих...» Вы не забыли наш уговор? Вечером я у ваших ног! — Мерзляев провожал Настеньку взглядом, полным истинной любви.

Растерянная, обескураженная Настенька пошла по улице одна. Едва она сделала несколько шагов по мостовой, как от тюремной стены отделилась невзрачная фигура в гороховом пальто и стала неотступно следовать за девушкой.

Настенька ускорила шаг. Фигура тоже. Взволнованная Настенька побежала. Гороховое пальто припустилось за ней, но вскоре выбилось из сил и, задыхаясь от усталости, взмолилось:

— Сударыня! Остановитесь!

Настенька остановилась, удивленно оглянулась.

— Извините, не могу так бегать... Я больной человек, у меня астма! — Преследовавший вынул из кармана пилюлю, проглотил ее.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри горохового пальто находился продавец говорящих попугаев.

— Кто вы такой? — сердито спросила Настя.

— Тайный агент! — с обезоруживающей откровенностью выдохнул астматик. — Фу, как я устал! Весь мокрый...

— Что вам от меня угодно?

— Как «что»? — Агент был искренне удивлен. — Я за вами слежу. — Вы — мое первое задание, можно сказать, дебют. В общем, идите куда идете, но не торопясь... Помните: я старый, больной человек!

— Ах вы дрянь эдакая! — возмутилась Настя. — Занимаетесь грязным делом, да еще и признаетесь. Как не стыдно?!

— Очень стыдно, — вздохнул агент, — поэтому и признаюсь. Еще вчера я был просто торговец. Продавал птичек. Казалось бы, невинное дело, но... Какой-то мерзавец, холера ему в бок, продал мне политическую птичку, она кричала такое, что я не могу вам повторить...

— Убирайтесь отсюда! — крикнула Настя.

— Где я могу поймать этого мужика? — продолжал сетовать бывший лавочник. — Чтоб доказать благонадежность, пришлось пойти к ним на службу. И теперь я филер, шпик, ищейка. Одним словом, докатился!

— А зачем вы за мной следите?!

— Вот это тайна! Сказать не имею права...

— Ах так! — сказала Настя. — Тогда я побегу. Прощайте!

— И вам не жалко старого, больного человека? — запричитал агент.

— Не жалко! — отрезала Настя.

— По-своему вы где-то правы, — глубокомысленно заметил агент. — Хорошо, я вам откроюсь, но — сугубо между нами. Вы — наш крючок. На вас должен клюнуть папа...

— Значит, он на свободе? — обрадовалась Настя. — Значит, он действительно убежал... Зачем?

— Точно не знаю, — пожал плечами агент. — Короче, велели поймать живым или мертвым! Ой, что вы побледили? Я это для красного словца! Только живым!

Но Настенька побледнела не поэтому. В окне здания театра, к которому они приближались, она увидела отца. Пытаясь привлечь внимание дочери, Бубенцов отчаянно жестикулировал. Агент перехватил взгляд Настеньки.

— Кто этот глухонемой? — спросил агент.

— Это... это... — замялась Настенька, — наш импресарио! Он срочно зовет меня... на репетицию.

— Прекрасно! — сказал агент. — Идите репетируйте. Но передайте вашему импресарио, что умные люди так себя не ведут. В какое положение он меня поставил? А если б жандармы у входа его заметили?! Я бы должен был свистеть!

— Вы великодушный человек! — Глаза Настеньки наполнились слезами.

— А, — отмахнулся агент, — глупости! Я сам отец! Идите! Только будьте осторожны!

Через секунду Настя пробежала через театральный подъезд, который охраняли жандармы.

Отца Настя отыскала в одной из костюмерных комнат, где он лихорадочно снимал и отшвыривал в стороны наряды разных эпох и народов.

— Кого мы только играем! — кипел артист от возмущения. — Короли, герцоги, псы-рыцари... Ни одного современника! Порядочному артисту убежать не в чем!

— Папенька! — воскликнула Настя. — Там внизу жандармы!

— Нет у тебя больше папеньки. Сирота ты! — Бубенцов приложил к себе дамское платье. — А может, в этом? Нет! Марию Стюарт мне не потянуть! Провалюсь!

— Скажи, в конце концов, что случилось?! — закричала Настя. — Зачем ты удрал? Я уже договорилась, чтоб тебя отпустили.

— Влип я! Понимаешь, влип! Сейчас расскажу.. Где костюм Ивана Сусанина? Хоть и древность, но все-таки наш, русский человек...

А в это время к подъезду театра подкатил открытый экипаж, в котором сидел забинтованный Артюхов.

Дежурившие жандармы подскочили к начальству.

— Не появлялся? — спросил Артюхов.

— Никак нет!

— Театр обыскивали?

— Никак нет!

— Олухи! — крикнул Артюхов. — С этого начинать надо! Обшарить помещение!

— Эх, не пришлось на сцене русского мужика сыграть — в жизни попробую! — Перед Настенькой стоял старик с седой бородой, в армяке, перепоясанном веревкой, в аккуратных новеньких лаптях, — одним словом, вылитый Иван Сусанин.

— Прощевай, чадо любимое, — заговорил Бубенцов, отвесив дочери низкий поклон до земли. — Ухожу я в нети, в скиты, за Волгу! Не найди меня там царским опричникам!

— Еще как найти! — сердито сказала Настя. — Не паясничай, папа. Надо идти к Мерзляеву и признаться во всем!

— А что с корнетом будет?

— Тебе-то что за дело? Что он тебе — сын, кум, сват? Из-за него мы в беду попали.

— И это говоришь ты, которую я взрастил и воспитал! Бубенцовы никогда подлостей не делали! Бубенцовы — такая фамилия...

— Хватит, — устало перебила Настенька. — Я это слышала много раз.

— Дочка, — вдруг нормальным человеческим голосом заговорил Сусанин, — он ради меня собой рисковал. В Сибирь пойдет, на каторгу.. Жалко парня! Малый-то хороший, добрый.

— Образина чертова! — с раздражением сказала Настя. — Как вспомню его, балбеса, так в дрожь бросает!

— Как это я в него стрелой не попал? — вздохнул Бубенцов. — Попал бы — и ничего бы не было. Ах, чурбан гусарский!

— Остолоп! — поддакнула Настя.

— Видишь, и тебе он нравится. Как же такого парня предавать? — вздохнул Бубенцов. — Понимаешь, дочка?

— Понимаю! — согласилась Настя.

Обыскав фойе, жандармы вошли в зрительный зал. На сцене шла репетиция трагедии из древнерим-

ской жизни. Патриции, сенаторы, консулы, гетеры и фурии в тогах, туниках и сандалиях плавно двигались по сцене...

— О всемогущий Юпитер, милость свою прояви, дерзких плебеев десницей срази повсеместно! — завывал один из патрициев.

Во главе с хромым Артюховым жандармы прошли через зрительный зал и бесцеремонно вторглись на сцену.

— Господа актеры! — прервал гекзаметр Артюхов. — В театре обыск. Ищем мещанина Афанасия Бубенцова. Кто его видел?

Римляне безмолвствовали.

— Проведем поименное дознание! — сказал Артюхов, переждав паузу. — Вы кто? — обратился он к толстому усатому патрицию.

— Марк Тулий Цицерон! — ответил тот.

— Я не в этом смысле! — отмахнулся Артюхов. — По пачпорту отвечать!

— По пачпорту — Анна Петровна Спешнева!

Даже видавший виды Артюхов опешил.

— Так... А вы, мадам, кто будете? — обратился он к пышноволосяй гетере.

— Федор Спиридонович Степанов!

— Так! — свирепел на глазах Артюхов. — Разберемся... А вы кто есть? — спросил он рогатого козлоногого фавна с веночком на голове.

— Марк Юльевич Мовзон!

— По пачпорту отвечать! — заорал Артюхов.

— Я Марк Юльевич по паспорту, — испуганно ответил фавн.

— Ну вот что, — принял решение Артюхов, — здесь работа большая. Я вас всех выведу на чистую воду. Слушай мою команду: мужчины по пачпорту — налево, женщины — направо! Становись! Обнажайсь!

— Что делать? — размышлял вслух Бубенцов, расхаживая по костюмерной. — Придется бежать куда глаза глядят.

— А если поймают? — спросила Настя.

— Буду молчать! — с надрывом произнес Бубенцов. — Пусть терзают.. Правду открывать нельзя!

— А зачем правду? — вдруг осенило Настю. — Бубенцовы не такая фамилия, чтоб говорить жандармам правду! Для них и сочинить можно.

— Что сочинить? Мол, меня отбили? — усмехнулся Бубенцов. — Да кому я сдался...

— Те, кто отбивал, не знали, кто ты такой, — перебила Настя. — Тебя в закрытой карете везли.

— Ну и что?

— А то! — Настенька начала фантазировать. — Раннее утро, туман...

— Тумана не было!

— Не встречай! Туман... Из-за леса на рысях выскочили пять благородных всадников...

— А дальше что? — заинтересовался Бубенцов.

— Они были... в... черных костюмах и черных полумасках.

— На белых лошадях! — неожиданно подсказал Бубенцов.

— Молодец! — одобрила Настя. — Они напали на карету.. схватили тебя и уволокли в поле. А там, разглядев тебя, вдруг крикнули: «О боже! Это не наш предводитель! Мы ошиблись!»

— Зачем же волокли? Раньше не могли понять, кто я?

— Так они на тебя мешок накинули, — быстро нашлась Настя.

— Ага! — оценил Бубенцов. — Так бы сразу и говорила.

— После чего они бросили тебя в густую высокую рожь... — заключила Настя. — Ну как? Ведь натурально выходит!

— Натурально! — согласился Бубенцов. — Натурально, только вранье! Корнет ведь то же самое сказать на допросе должен, а мы с ним не сговорились... Не до того было...

В это время распахнулась дверь и в костюмерную заглянул один из актеров:

— Афанасий! Жандармы! Сюда идут!

Бубенцов инстинктивно рванулся к выходу. Настя побежала за ним.

— Папа! Надо уходить через пожарный люк!

— Дочка, лети в полк, найди Плетнева... Расскажи про то, что мы придумали. Ну, про тех, кто отбил... пять белых всадников на черных конях...

— Черных всадников на белых конях... — поправила Настя.

— Да, да... Ох, черт, самому бы не перепутать!

Весь этот разговор велся на бегу, пока Бубенцов с дочерью метались по коридорам театра. Но за каждым поворотом их встречали голубые мундиры, сторожившие все входы и выходы.

— Идем через сцену! — крикнула Настя. — Но там репетиция!

— Что репетируют? — озабоченно спросил Бубенцов.

— «Смерть Цезаря»!

— Ах, черт, не в то оделся! — воскликнул Иван Сусанин. — Ну да где наше не пропадало!

В это время на сцене заканчивался досмотр. Подергав за усы последнего патриция и убедившись, что они настоящие, Артюхов скомандовал:

— Одевайтесь, Цицероны! Можете продолжать! — И заковылял со сцены в партер.

Полураздетые актеры и актрисы стали напяливать на себя тоги и туники, и Цицерон вяло пробубнил:

— О всемогущий Юпитер, милость свою прояви мне! Дерзких плебеев десницей срази повсеместно...

— Я отомщу вам, клянусь златокудрой Венерой, — дала ему отповедь одна из упитанных гетер. — Пусть я навеки останусь бесплодной и чахлой...

Внезапно за сценой раздался оглушительный звон колоколов. Актеры вздрогнули и оцепенели. Колокольный перезвон был явно неуместен, ибо действие пьесы происходило до возникновения христианства. Из-за кулис слышался могучий бас:

— Братья мои, дорогие плебеи и фавны! Если собрата свою вы предать не хотите, то помогите ему добежать до пожарного люка!

На сцене воцарилась жуткая пауза.

Уходивший Артюхов обернулся и с простодушным любопытством уставился на сцену.

Первым опомнился Марк Юльевич Мовзон:

— Что ж вы молчите, и ты, Цицерон, и другие? Или вам голос божественный этот неведом?

— Будем последними тварями, если ему не поможем! — включилась гетера.

Празднично ударили колокола. Под их перезвон на сцене появился, к великому изумлению римлян, бородастый мужик, в лаптях, с портретом российского императора.

Цицерон — на то он и был Цицерон — принял решение:

— Братья мои, мизансцена такая: все — на колени! Чу! Императора слышу шагов приближенья!

— Славься, сла-авься русский наш царь! — запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.

— Славься, сла-авься ты, наш государь! — дружно подхватили коленопреклоненные римляне.

Далее, что было уже совсем необязательным, мужик перекрестил язычников портретом, как иконой, и скрылся по ту сторону кулис.

— Пусть обойдут стороной его горе, беда и напасти! — велеречиво промолвил Марк Юльевич Мовзон.

— Нам бы, Марк Юльич, за это потом не пришлось отвечать бы, — пробормотал в изнеможении Цицерон, вставая с колен и вытирая холодный пот.

— Антракт!

Актеры со страхом воззрились на Артюхова.

— Патриотическая вещичка, — тоном мецената одобрил Артюхов и вдруг спохватился: — А кто этот бородач? Мы ж его не проверили!

— Это не бородач! — вдруг с пафосом воскликнул Цицерон. — Это Иван Сусанин! Народный герой! Он жизнь за царя и Отечество отдал! Двести лет назад! — И погрозил Артюхову пальцем.

Не привыкший к угрозам со стороны штатских, жандарм смущенно забормотал:

— А я чего? Я ничего! Отдал и отдал... Молодец!

Из-за кулис счастливая Настенька жестами благодарила своих коллег.

Внезапно распахнулась дверь, ведущая из фойе, и в зал вбежал филер в гороховом пальто. Его лицо светилось торжествующей улыбкой.

— Господин Артюхов, — закричал он, — я его поймал!

— Бубенцова?

— Какого Бубенцова? — отмахнулся филер. — Лучше! Можете меня поздравить. Я поймал того проклятого мужика, который продал мне птичку..

— Какую птичку?

— Неблагонадежную. Помните, она выкрикивала такое, что я не решаюсь повторить... Он побежал — я зашвистел. Вон его ведут!

На этих словах два жандарма ввели в зал упирающегося Ивана Сусанина.

— Ошибка, братцы, ошибка произошла! — напирая на «о», по-вологодски говорил Бубенцов.

— Ошибка? — зашелся филер. — Я твою бороду из тысячи узнаю...

Актеры замерли. Настя выбежала на сцену.

— Ты мне жизнь поломал! — продолжал кричать агент. — Я из-за тебя ищейкой стал, не в театре будет сказано. И ты еще за того попугая целковый содрал, глаза твои бесстыжие!

Артюхов злорадно разглядывал бородачу.

— Сусанин, говоришь? — Он протянул руку и дернул мужика за бороду.

— Ой! — вздрогнул филер, увидев лицо Бубенцова. — Это не он!

— Это он! — улыбнулся Артюхов. — Здравствуй, Афанасий, здравствуй, голубчик!

Полковник Покровский в сопровождении господина Мерзляева шел по двору казармы. Гусарский полк жил своей обыденной жизнью: рядовые чистили коней, цирюльники прямо на улице брили гусарские физиономии, точильщик разбрасывал искры, заостряя вороненые клинки, повар в громадном котле помешивал поварешкой.

— Какой удалец ваш Плетнев! Мне доложили, он отчаянно сражался с заговорщиками! — лебезил Мерзляев. — Примите, Иван Антонович, мои искренние поздравления!

— Благодарю! — ележно ответил полковник. — А вас тоже можно поздравить? Поймали бежавшего бунтовщика?

— Пока нет! Но далеко не убежит... Хотя дело непростое. За всем этим кроется явный заговор...

— Уж конечно, — согласился полковник. — Желаю вам его поскорее раскрыть.

— Не сомневайтесь, раскроем... Хотелось бы потолковать с героем приключения.

— К сожалению, невозможно! — сокрушенно вздохнул полковник. — Корнет в лазарете. Налетчики сильно его повредили.

— По долгу службы я обязан его навестить, — сказал Мерзляев.

— К сожалению, не могу сейчас этого вам позволить, — вежливо заметил полковник.

— К сожалению, придется обойтись без вашего позволения, — так же вежливо ответил штабс-капитан. — Кстати, а как получилось, что Плетнев поехал сопровождать опасного преступника?

— Был бы не опасный — не поехал, — парировал Покровский.

— А вам не кажется странным, что боевой офицер вызвался помогать жандармам?

— Не понимаю вас, господин Мерзляев, — насупил брови полковник. — Странные у вас мысли... Он ведь помогал нашим жандармам, а не каким-нибудь там японским.

— Нет, порыв я одобряю! — отступил Мерзляев перед демагогическим демаршем. — Я к тому говорю, что это не положено... Не по уставу!

— А не по уставу — зачем же вы позволили? Как же вы маху дали, господин штабс-капитан?

Армия явно одерживала верх над жандармерией. Жандармерии это явно не нравилось.

— Дорогой мой Иван Антонович, — в слащавом голосе Мерзляева послышалась некоторая угроза, — в этой истории немало подозрительного. По вашему приказу корнет конвоирует бунтовщика. Далее... На экипаж нападают невесть откуда взявшиеся головорезы. Далее... Кто-то бьет по голове моего помощника. Далее... Корнет сражается как лев, много стреляет — а он известен как меткий стрелок, попадает в туза за сто шагов, — а мы не находим ни одного трупа... Согласитесь, дорогой полковник, много неувязок! Я просто вынужден сообщить обо всей этой аванюре в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться.

— Совершенно с вами согласен, дорогой господин Мерзляев. — Полковник подошел к походной кухне, сделал знак повару. Тот привычным жестом налил ему миску щей. Полковник стал снимать пробу. — История действительно подозрительная... Не желаете отведать? — Полковник протянул миску жандармскому офицеру, тот жестом отказался. — Так вот... — Покровский начал свою речь и одновременно с аппетитом уплетал за обе щеки солдатский харч. — Жандармское отделение везет опасного бунтовщика, и, заметьте, почти без охраны. Хорошо, я догадался послать на помощь храброго офицера. Далее: на экипаж нападают головорезы, про которых представитель Третьего отделения изволит говорить, что они «невесть откуда»... Далее: помощника бьют по голове, а его начальник не знает кто! И далее: мой корнет, известный меткостью стрельбы, кладет на месте нескольких заговорщиков, а наши доблестные жандармы являются так поздно, что трупы успевают увезти и, может, даже закопать. И последнее, о чем вы забыли упомянуть: корнет в этой авантюре пролил кровь, а жандармы — чернила в допросах! Согласитесь, что я не могу не сообщить об этом в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться. — Полковник с аппетитом облизал ложку.

— Господин полковник, — козырнул ему адъютант, — вас тут барышня ожидает...

— Не до барышень мне сейчас! — буркнул полковник.

— Она, собственно, не к вам, а к Плетневу хочет! — пояснил адъютант

— А тому и подавно... не до того. Передай — у него все забинтовано, — по-солдатски пошутил Покровский.

— Зачем же так строго? — вмешался Мерзляев. — Герой имеет право на награду.

— Приси! — согласился полковник. — Посмотрим, что за птица!

Адъютант вышел.

— Не буду мешать. — Мерзляев встал и направился в соседнюю комнату.

Настенька распахнула дверь.

— Добрый день, сударыня! — Полковник галантно пошел ей навстречу. — Мне доложили вашу просьбу. Вынужден отказать. Плетнев ранен и находится в лазарете.

— Мне нужно срочно с ним увидеться.

— А вы, собственно, кто ему?

Настя замялась:

— Ну.. в общем... знакомая...

— К сожалению, не могу, — улыбнулся полковник, — у Алексея знакомых много, а здоровье одно!

— Оставьте этот тон, полковник! — вспыхнула Настенька. — Я его невеста!

— Простите старого осла! — смутился Покровский. — Мы тут совсем одичали в казармах... Рад познакомиться! Одобряю вкус и выбор корнета!

— Мне тоже приятно познакомиться с невестой господина Плетнева. — В дверях стоял Мерзляев. — Давай-те навестим вашего жениха вместе, дорогая Настасья Афанасьевна.

Мерзляев вел Настеньку под руку. Вел мягко, но настойчиво. Они шли мимо казарм, и гусары с интересом посматривали на хорошенькую девушку.

— Выходит, я получил отставку? — печально сказал Мерзляев.

— Выходит, — вздохнула Настенька.

— И это несмотря на охватившее меня чувство?

— Несмотря...

— И вы его любите?

— Очень.

— А он вас?

— Без ума!

— Невероятно! — с ехидцей заметил Мерзляев. — Тем более невероятно, что я был свидетель, как три дня назад в театре он впервые увидел вас! Такая пылкая любовь с первого взгляда?!

— Это бывает, — саркастически заметила Настя, — хотя бы судя по нашей вчерашней встрече.

— А как папенька относится к вашему жениху? Одобряет?

Нервы Насти не выдержали, она сорвалась:

— Господин Мерзляев, вы меня ревнуете или подозреваете?

— Я тебя допрашиваю, дура! — с неожиданной злостью процедил Мерзляев и тут же, вернув сладкую улыбку, произнес: — А впрочем, извините, несравненная Настасья Афанасьевна. Признаюсь честно — ревную...

Палата полкового лазарета. На госпитальной койке сидел голый по пояс Плетнев. Его мускулистый торс был перевязан крест-накрест белыми бинтами, а бесчисленные царапины замазаны зеленкой и йодом. В общем, он был колоритен, во всех смыслах этого слова. В руках корнет держал гитару, перебирая струны. Рядом с ним на стуле в скромном платье сидела Жужу, на коленях у нее был узелок.

Корнет напевал:

Сердца томная забота,
Безымянная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.
Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру..

— Это, Леша, тебе от Зизи, — тихо, не прерывая песни, сказала Жужу и поставила на стол банку с вареньем. — Пряники — от Лулу, а вот пирог с грибами — от самой мадам...

И никто не приголубит, —

продолжал песню корнет, —

И никто не исцелит..
Поглядишь: хандра все любит,
А любовь всегда хандрит.

Тут Плетнев и Жужу почувствовали, что в палате кто-то есть, и обернулись на вошедших.

— Родной мой! Любимый! Что они с тобой сделали! — по-бабьи запричитала Настя и кинулась к раненому.

— Розанчик! — завопил Плетнев. — Какими судьбами! Вы...

Договорить ему не удалось. Настя обхватила руками могучее тело Плетнева и поцелуем заставила его замолчать. Внимательно наблюдавший за этой сценой Мерзляев отметил некое недоумение в глазах корнета, затем корнет зажмурился, что свидетельствовало о чрезвычайном восторге.

— Ну, я, пожалуй, пойду! — спокойно сказала Жужу, поднимаясь со стула. — Твоя мамзель тебя и покормит. Привет от всех наших. Поправляйся, Леша... — И она двинулась к выходу.

— Подождите! — остановил ее Мерзляев. — Кто такая?

— Жужу! Из заведения мадам Жозефины...

— Зачем приходили?

— Гостинцев принесла. Пусть поест домашнее. Что он все на казенных харчах...

— А эту даму знаете? — Он показал на Настю, которая упорно продолжала целовать корнета.

— Она давно за ним ухлестывает... Обесчестил, обещал жениться, а потом раздумал. Она даже к нам в заведение к нему прорвалась. Ну, чего? Могу идти, господин жандарм?

— Идите, — разрешил озадаченный Мерзляев. — Подождите, а вы как сюда прошли?

— Так и прошла, — лениво сказала Жужу.

— Посторонних в полк не пускают.

— Это я-то им посторонняя? — засмеялась Жужу. — Ну, господин капитан, вы скажете... — И, не переставая посмеиваться, Жужу покинула палату.

— Вот уж сюрприз так сюрприз! — освободившись из Настенькиных объятий, произнес корнет, но выразить свои чувства ему не удалось. Настенька с криком: «Молчи! Тебе вредно разговаривать!» — повторила свой поцелуйный маневр.

— Прекратите! — раздраженно рявкнул Мерзляев. — Сцена разыграна блистательно!

— Это бестактно, в конце концов! — Настенька гневно обернулась. — Оставьте нас одних!

— Действительно! — Плетнев тоже возмутился. — Чего уставился?!

— Господин корнет, извольте встать перед старшим по званию! — приказал Мерзляев.

— Встать мне доктора запретили, — нахально ответил Плетнев. — А перед дамами чинами щеголять неблагородно. Подглядывать — тем более.

— Не читайте мне нотаций! Кстати, здесь, — Мерзляев указал на пустую койку, стоящую рядом в палате, — здесь должен лежать больной. Где он?

— Ваш соглядатай, что ли? Его унесли...

— Куда?

— В хирургическую!

— Как?!

— На носилках!

— Почему?

— После переломов! — дружелюбно разъяснил Плетнев. — Все ясно или еще есть вопросы?

Мерзляев закусил губу и выскочил из палаты, хлопнув дверью. Избавившись от опасного свидетеля, Настенька попыталась освободиться из объятий, но не тут-то было. Корнет был охвачен страстью:

— Сударыня, я вас обожаю! Я на вершине блаженства. Вы мой идеал! Как вас зовут?

— Подождите! — Насте все же удалось вырваться. — Я дочь того человека, которого вы спасли сегодня на рассвете. Он меня послал к вам. Его схватили. Теперь его и ваша жизнь зависят от того, что вы скажете... Понимаете? Вы должны говорить одно и то же... Понимаете?

— Вон оно что! — Плетнев посерьезнел. — Сударыня, я восхищен вашим отцом! Разрешите пожать вашу руку! — Он взял Настеньку за руку и, воспользовавшись этим, попытался привлечь девушку к себе.

— То, что я вам скажу, очень важно! — Настя оттолкнула Плетнева. — Запомните: на вас напали всадники на белых лошадях. Они были в черных костюмах и в черных полумасках...

— Красиво! — оценил корнет.

— Запомнили?

— Чего тут запоминать... Черные — белые...

— Нападающих было пятеро! Поняли?

— Ну уж нет! — неожиданно заартачился Плетнев. — Тридцать как минимум...

— Да вы что? Рехнулись? Говорят вам — их было пятеро!

— Не обижайте, сударыня! Кстати, как вас зовут?.. Какие пятеро! — Корнет искренне засмеялся. — Пятерых я бы уложил одной левой... Нет! Тридцать — и точка!

— Вы что, издеваетесь? — начала злиться Настя.

— Ладно, — сделал уступку корнет, — только ради вас: двадцать, и ни копейки меньше!

— Болван! — вспыхнула Настя. — Вы погубите отца!

— Хорошо! Поскольку уважаю вашего папашу... Как говорится, ни нашим, ни вашим. — И корнет назвал окончательное число: — Двенадцать! Больше уступить, сударыня, не могу — перед ребятами стыдно, засмеют.

— Хотите в беду попасть — несите что угодно. Я вас предупредила! Прощайте! — Настя пошла к двери.

— То есть как «прощайте»? — Корнет был искренне изумлен. — И это все?

— Что «это»? — не поняла Настя.

— Ну, это... Поцелуи... Признания... Это что ж? Спектакль?

— И вы поверили, что правда? — улыбнулась его наивности Настя.

— Как же можно такими святыми вещами играть? — Плетнев был обижен и оскорблен. — Я к вам со всей душой. А вы... За что?

Настя посмотрела на убитого горем Плетнева, пожала плечами и устремилась к выходу.

— Ничего не буду говорить! — взъерепенился корнет. — Пусть тюрьма! Пусть Сибирь! Сорок их было! — И для усиления добавил: — И без масок!

Настя остановилась.

Негодующий Мерзляев шел к своему экипажу. Навстречу ему выскочила бричка, которую погонял Артюхов. Увидя шефа, подручный резко осадил коня.

— Разрешите доложить, господин штабс-капитан! — радостно крикнул Артюхов. — Поймали! Попытка бежать в переодетом виде...

— Допрашивал?

— Без вас не посмели. Но по дороге в тюрьму он мне рассказывал: мол, какие-то пятеро... На белых лошадях... Лиц сподвижников не разглядел, потому что были в полумасках...

В уме Мерзляева мгновенно промелькнула догадка:

— С дочерью он виделся перед арестом?

— Так точно! Виделся!

— Ах, черт! — выругался Мерзляев.

— Агент наказан! — поспешил оправдаться Артюхов, но Мерзляев его уже не слушал.

— Актерка! Дездемона! Обвели вокруг пальца! — И с неожиданной резвостью Мерзляев припустил к лазарету. В палате шло бурное объяснение.

— И вот из-за вашей бесцеремонности папенька угодила в тюрьму, — заканчивала Настя свой обвинительный монолог. — А дальше он подвергся таким испытаниям, о которых я не имею права вам поведать! Какие же чувства можно к вам испытывать?!

— Простите великодушно! Не знал! Виноват! Но поймите — воспылал... Чистая любовь! Одним словом, ураган души, — кстати, как вас зовут?

— Ах, чистая любовь? А эта самая... которую я здесь только что видела?

— Жужу, что ль? Это мой товарищ!

— Товарищ!? — Настенька зашлась от возмущения. — Впрочем, мне плевать! — опомнилась она. — Меня это не волнует! Ничего, кроме отвращения, я к вам не испытываю... Любимый мой, Лешенька, желанный... Счастье мое ненаглядное! — И Настя повисла на Плетневе, покрывая его жаркими поцелуями, поскольку увидела в дверях вошедшего штабс-капитана.

— Я на седьмом небе, любовь моя! — воскликнул корнет, прижав девушку к груди.

— Извините, господа, я прерву вашу семейную идиллию, — сухо сказал Мерзляев.

— Да что ж это такое, в конце концов? — возмутился Плетнев. — Выйдите вон!

— Сначала ответьте на вопрос: кто на вас напал?

— Сначала меня арестуйте, а потом допрашивайте!

— Думаю, придется удовлетворить вашу просьбу, — резко ответил жандармский офицер. — И все-таки — кто напал?

— Чтoб он от нас отвязался, ответь ему, Леша! — посоветовала Настя.

— Пять всадников! На белых конях! В черных костюмах и черных полумасках, — заученно отбарабанил корнет и не удержался: — Остальных, не помню сколько, положил на месте!

— Я так и думал! — протянул Мерзляев. — Теперь мне ваша неблагоприятная роль, сударыня, ясна до конца. Думаю, мы продолжим разговор с вами в другом месте.

— Леша, солнышко мое! — Настя испуганно прижалась к корнету. — Этот тип меня преследует! Он сделал мне гнусное предложение...

— Что? — взревел корнет. — Стреляться! Здесь! Сейчас! Немедленно!

— Попрошу не выходить из помещения, — холодно приказал Мерзляев. — Через пятнадцать минут здесь будут жандармы...

— Трус! Ничтожество! Подлец! — продолжал выкрикивать оскорбления корнет. — Будешь стреляться или нет, сукин сын?!

— Милостивый государь, — хладнокровно произнес Мерзляев. — При исполнении служебных обязанностей я не стреляюсь, а стреляю! — И, круто повернувшись, покинул лазарет.

Наступила пауза.

— Ну, все! — вздохнула Настя. — Он нам этого не простит.

— Не сердитесь на меня, — удрученно пробормотал Алексей. — Не сдержался... Все испортил!

— Лешенька, — нежно произнесла Настя и подошла к корнету. — Горе мое... ненаглядное! — Она ласково погладила его по лицу.

— Он что, подглядывает опять? — недоверчиво спросил Плетнев и отстранился.

— Нет... Я не позтому! — Настя прильнула к корнету.

— Родная моя! Желанная! Я вам раб навеки! — И вдруг Плетнев снова запнулся. — Кстати, сударыня, как вас зовут?..

В уютном тюремном кабинете господин Мерзляев кормил рыбок. Не прерывая этого важного занятия, он вел беседу с актером Бубенцовым. Впрочем, вряд ли допрос можно считать беседой... Ссадины и синяки на лице актера свидетельствовали об этом.

— Любезнейший Афанасий Петрович! Ну зачем вы меня обманываете? Я сам ценю шутку, но всему же есть предел. Мы с вами два просвещенных, уже немолодых человека — неужели мы не найдем общий язык?!

— Да что ж вы мне не верите? — канючил Бубенцов. — Зачем мне вам врать? Налетели, уволокли, отвез-

ли в поле, закричали: «Ах, это не предводитель, мы ошиблись!» — и бросили в густую рожь...

Тюремный писарь старательно фиксировал на бумаге каждое слово.

— В густую высокую рожь! — Мерзляев сделал ударение на слове «высокую». — Плохо помните текст роли, господин артист. Все эти романтические бредни мы уже занесли в протокол, но меня интересует правда... А правда проста: сопляк корнет не подозревал, что наш расстрел — маскарад, сыграл в благородство и отпустил вас...

— Ну, а мне-то на кой убежать?!

— Очевидно, тоже... из благородства!

— Это во мне-то благородство? — засмеялся Бубенцов. — Обижаете, господин начальник! Благородство — это по вашей части... по дворянской!

— Почему вы сразу не явились ко мне после того, как вас бросили в густую высокую рожь? Зачем-то переоделись и пустились в бега.

— Честно признаюсь, ваше высокоблагородие. Боялся — не поверите!

— Правильно боялись. Не верю!

— Значит правильно делал, что бежал, — логично подвел итог Бубенцов.

— Корнета подвести боитесь! — размышлял вслух Мерзляев. — Нашли кого жалеть. Этого солдафона?

— Опять обижаете! — с пафосом воскликнул актер. — Уж кого и ненавижу, так его. Я ж в него целил, а не в госпожу губернаторшу. Это он нам спектакль сорвал. Он меня до тюрьмы довел. Он меня на расстрел повез...

— И дочку вашу обесчестил, — как бы невзначай закончил перечень Мерзляев.

— Что? — Актер осекся. — Как? Что вы имеете в виду?

— То и имею! — развел руками штабс-капитан. — Есть свидетели...

— Врешь! — сорвался Бубенцов.

— Разделяю ваше отцовское горе, — сокрушенно сказал Мерзляев. — Поэтому подумайте, стоит ли его выгораживать... Артюхов! — позвал он своего подручного, стоявшего у двери. — Пригласи-ка сюда господина Плетнева! А вы, — добавил он, обращаясь к артисту, — посидите тут, в уголочке, поразмыслите, послушайте...

С шумом распахнулась дверь, и в кабинет начальника тюрьмы ворвался корнет.

— Выражаю свой протест, господин штабс-капитан, — отчеканил Алексей. — Почему меня не поместили в одной камере с невестой? Это бесчеловечно!

— У нас тюрьма, а не будуар! — жестко сказал Мерзляев. — И прошу, оставьте свои казарменные замашки. Вы на допросе.

— А после допроса — дуэль! — продолжал буйствовать Плетнев. — Стреляемся с десяти шагов!

— Устал я от вас, дорогой мой Алексей Васильич, — вздохнул Мерзляев. — Ну, будет ребячиться. Оба были не правы, погорячились. Давайте-ка перейдем к делу.

Плетнев с полуслова понял, чего от него хотят, и привычно зарпортовал:

— Налетела банда! Белые лошади, черные костюмы, черные полумаски...

— Хватит, хватит! — остановил Мерзляев. — Полумасками, полусказками сыт по горло. Посмотрите-ка на этого человека, — указал он на сидящего в углу Бубенцова. — Как вы думаете, кто это?

— Что ж тут думать? Бунтовщик, которого отбили сподвижники...

— Да кому он сдался-то? Вы действительно поверили, что это ничтожество — якобинец? Перед вами актериска, которого мы наняли за тридцать сребреников, чтоб он разыграл перед вами сцену расстрела. Патроны-то были холостыми! И он согласился! Человек без стыда и совести... Мелкий жулик, шулер... И вы из-за этой мрази готовы в Сибирь?

Плетнев от удивления разинул рот и уставился на Бубенцова.

— Он — наш агент! Помните: когда вы его отпускали, он, поди, и бежать не хотел?

Плетнев вспомнил и насутился.

— А то, что он слова красивые кричал, — добивал корнета Мерзляев, — так это все актерство было. Притом низкого пошиба.

— Вот уж нет, господин опричник! — Бубенцов в ярости вскочил. — Ложь! Не судите о людях по себе! Господин корнет, все — клевета!

Мерзляев, не ожидавший такого поворота, с изумлением посмотрел на Бубенцова.

— Ты что? Уж не хочешь ли сказать, Афанасий, что ты заговорщик?

— Попрошу не тыкать! Бубенцовы не жулики и не шулеры! Бубенцовы — такая фамилия... Да, черт возьми, я заговорщик! И горжусь этим! И наше тайное общество еще спасет несчастную Россию от ига тиранства!

Мерзляев закрыл лицо руками и тихо произнес:

— Понимаешь, что сейчас этими словами ты сам себе смертный приговор подписал?

Наступила тишина. Плетнев с восхищением смотрел на Бубенцова.

— Настю приведи, — приказал Мерзляев Артюхову. Артюхов вышел.

Корнет приблизился к Бубенцову, щелкнул каблучками:

— Господин карбонарий, хочу сделать признание!

Испуг промелькнул в глазах Бубенцова. Мерзляев насторожился. Писарь обмакнул перо в чернильницу.

— Милостивый государь, прошу руки вашей несравненной дочери. Потому что не мыслю жизнь без нее! Потому что обожаю!

Бубенцов онемел. Писарь спросил у Мерзляева:

— Записывать?

— Пиши, — махнул рукой Мерзляев. — Бумага все стерпит..

Писарь поскрипел пером и повернулся к Бубенцову, ожидая ответа.

— Спасибо, господин корнет, — растроганно сказал Бубенцов. — Если Настя согласна — разве я могу быть против? Благословляю!

Артюхов ввел Настю.

— Сударыня, — обратился к ней Мерзляев, — помогите. Дело в том, что эти два близких вам человека просто сбрендили. Ваш отец добровольно признался, что он крупный деятель тайного антиправительственного общества. Корнет подтверждает, что вашего отца отбили его так называемые сподвижники. Так вот, я вас спрашиваю: кто ваш отец — актер или бунтовщик?

— Конечно, актер, — поспешила ответить Настя.

— Фу, — с облегчением вздохнул Мерзляев. — Наконец-то нашелся один разумный человек. — Что вы на это скажете, господин отец?

— По-вашему, актер не может быть бунтовщиком? — Бубенцов упрямо стоял на своем. — Театр — это ремесло, а бунт — призвание!

Настя обомлела.

— Видите, с какой настойчивостью Афанасий Петрович хочет сделать вас сиротой? Я-то считаю, что вашего отца отпустил Плетнев. Умоляю, скажите правду.

Настя перевела взгляд с отца на жениха.

— Хорошо! Скажу правду! — Голос Насти дрогнул. — Во всем виновата я.

Писарь уронил перо. Мерзляев, Бубенцов и Плетнев уставились на Настю.

— Да, я! И нечего на меня пялить глаза! — Настю охватило вдохновение, она была достойной дочерью и не менее достойной невестой. — Я наняла пятерых разбойников. Они налетели и освободили отца, которого безвинно везли на расстрел! И я была в отряде... в мужском костюме... в черной полумаске...

— Неправда! — закричал Бубенцов.

— Не было ее там! — подтвердил Плетнев.

— Не слушайте их! — упорствовала Настя. — Я, Настасья Бубенцова, организовала нападение. Пишите!

— Заносить в дело? — спросил писарь.

— Ты что? — остановил его Мерзляев. — Над нами весь департамент хохотать будет...

— Пишите, я требую! — крикнула Настя.

— Сударыня, умоляю, только не утверждайте, что это вы так отдубасили своего жениха! — отмахнулся Мерзляев. — И вообще... Хватит... Мне эта игра в благородство осточертела. Нет благородных людей в России. Не доросли. Рылом не вышли... Черт с вами! Доведем наш спектакль до конца. Вы, молодые люди, свободны. Вам можно позавидовать, впереди у вас медовый месяц... А ты, Афанасий, приготовься к большой ложке дегтя! Руководитель тайного антиправительственного заговора — это, брат, дело серьезное...

— Да какой он руководитель! — вмешалась Настя, но Мерзляев резко прервал ее:

— Слово не воробей, сударыня! Что сказано, то сказано! А что сказано, то записано. — Мерзляев подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

За окном шумела улица, мчались экипажи, скакали верховые, гуляла публика, торговцы предлагали свой товар — одним словом, Губернск жил обычной жизнью.

— Эх, дурь наша российская! — вздохнул Мерзляев. — Понимаю, когда самозванец на трон, но самозванец на плаху? Получилось как у Александра Сергеевича: «Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!»

Артюхов подошел к столу, взял у писаря допросные листы, стал их сшивать.

— Какого мертвеца?! — первой опомнилась Настя. — Не имеете права!

— Беззаконие! — крикнул Плетнев. — Я не позволю!

— Как это? За что? Как же так, не разобравшись... — До Бубенцова только сейчас дошло, что его ожидает. — Произвол! Артюхов... Егорыч, погоди, что ты делаешь? Дело-то белыми нитками шито!

— Суровыми, братец, — сладострастно сказал Артюхов, перекусывая нитку, — суровыми...

В парке губернаторского дворца были накрыты праздничные столы. Нарядная публика — весь цвет Губернска — собралась для торжественных проводов гусарского полка. На специально сооруженном помосте играл военный оркестр. Лакеи разносили вина.

За ломберными столиками шли карточные баталии. Парочки танцевали модный для того времени падеграс.

Светило солнце. Погода и вино способствовали хорошему настроению собравшихся, хотя скорая разлука с любимцами города накладывала на весь этот красочный пикник некий налет грусти.

— Господа! Друзья мои! — Губернатор поднялся из-за стола с бокалом шампанского. Рядом сидела его супруга, за которой галантно ухаживал полковник. — Господа! Сегодня у нас у всех радостный день...

— Печальный, — тихо поправила его губернаторша.

— Да... Радостный и даже печальный, — привычно подхватил губернатор. — Мы прощаемся с нашими до-

блестными воинами. Они заняли наш город и наши сердца без единого выстрела. Они разбудили нашу сонную провинциальную жизнь... Они... Они... — Он беспомощно посмотрел на губернаторшу, ожидая подсказки.

— Оставили неизгладимый след, — подсказала губернаторша и нежно улыбнулась полковнику.

— Оставили неизгладимый след! — обрадованно подхватил губернатор. — И мы все, и наши жены, и наши дети...

— Будущие! — озорно подсказал сидевший неподалеку, рядом с привлекательной молодой помещицей, Симпомпончик.

— Разумеется, будущие! — подхватил губернатор, но тут же был остановлен негодующим возгласом супруги: «Же ман си па, Алексис!» (Что означало в переводе с французского: «Не пори ерунду, Алексей!») — Одним словом, вы поняли чувства, переполняющие меня!.. Поэтому позвольте от имени всех — ур-ра!

За столами грянули «ура!», зазвенели бокалы.

Оркестр заиграл нечто бравурное.

Среди гостей снова Артюхов с подносом, уставленным бокалами, и внимательно прислушивался к разговорам. Подойдя к одетому в элегантный фрак Мерзляеву, Артюхов протянул и ему поднос с напитками.

— Что нового? — тихо процедил сквозь зубы Мерзляев.

— Майор Румянцев просадил в вист две тысячи.

— Еще!

— Некоторые о вас, извините, неблагоприятно высказываются...

— Кто? Что?

— Минуточку, у меня тут помечено... — Артюхов достал из кармана шпáргалку. — Господин полковник обозвал вас... — Артюхов шепнул на ухо Мерзляеву. — Прапорщик... ну, который прозван Симпомпончиком... он назвал вас... — Артюхов шепнул. — А потом еще и так... — Артюхов шепнул снова. — Ну и рядовые оскорбления, вроде «жандармская крыса», «кровопивец», «душегуб», «сукин сын»...

— Хватит! — прервал Мерзляев. — Чем занимается поднадзорный Плетнев?

— Ничего предосудительного — милуется с невестой. В беседе.

Мерзляев помрачнел.

— Актеры Настасье Афанасьевне приданое собрали... Всю выручку от представления...

— И день свадьбы назначен? — зло спросил Мерзляев.

— Думаю, так! — сказал Артюхов.

— Знать должен! — вдруг сорвался Мерзляев. — Думать он мне еще будет. Мыслитель! — Мерзляев выхватил у Артюхова бумажку со списком оскорблений. — «Жандармская крыса»... «Кровопивец»!

Раздались возгласы: «Просим! Просим!»

— Иван Антонович, ну ради меня! — умоляла губернаторша полковника.

Полковник поцеловал ей руку, пожал плечами — мол, нельзя же отказать даме, — крикнул: «Яшка!» Подбежали два цыгана с гитарами.

— Вашу коронную? — услужливо спросил Яшка. — «Я пережил?»

Глаза полковника погрустнели.

— Это я пережил, брат Яша! — вздохнул он и запел:

Я пережил и многое, и многих,
И многому изведаль цену я.
Теперь влачусь один в пределах строгих
Известного размера бытия.

Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.

По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след —
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.

Жизнь разочлась со мной: она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла*.

Романс слушали внимательно и печально. Во время пения полковника к столу приблизился Артюхов и неза-

*Стихи П.Вяземского.

метно передал Насте записку. Настя прочитала и поспешила за Артюховым.

За длинным пустым столом сидел господин Мерзляев. Увидев Настю, он вскочил, предупредительно пододвинул ей стул. Настя демонстративно продолжала стоять.

— Слушаю вас, господин Мерзляев!

— На правах старшего и по долгу человека, который вас безответно любит, умоляю: не торопитесь замуж за Алексея Васильича.

— Это вас не касается! — вспыхнула Настя. — Или вы передали мне приказ Третьего отделения?

— Сколько бы вы ни оскорбляли меня, я все приму... Стерплю! Чувств ваших мне пока не завоевать, но я обращаюсь к рассудку. Не спору: Алексей Васильич для вас — завидная партия. Он молод, дворянин, хорош собой, храбр, щедр... но, простите, мягко говоря, не умен... и, к сожалению, не благороден!

— Кому как не вам рассуждать о благородстве! — иронично прервала его Настя.

— Настасья Афанасьевна, — с печальной улыбкой произнес Мерзляев. — Я скажу вам сейчас нечто важное: я прошу вашей руки. Прошу стать моей женой. Я хочу разделить с вами оставшиеся дни... Ради вас я отказываюсь от блестящей карьеры, от эполет полковника, я попаду в немилость... Подумайте — жандармский офицер женится на дочери государственного преступника!.. Вы понимаете всю величину подобной жертвы? Нет, я имею право говорить о благородстве!

— Безусловно! — усмехнулась Настя. — Вы умны, вам присуща тонкость чувств, вы благородны... вы отважны, а главное — что вы все это сами о себе сообщили. Верно! Мой Алеша не так умен! Ему вовек не догадаться, что благородством можно торговать...

— Ну что ж, — вздохнул Мерзляев, — очень жаль, что вы оказались глухи к моим призывам. Забудем про этот разговор! Видно, моя участь — быть одиноким странником... Это страшно, Настасья Афанасьевна! Ладно! Доиграем нашу комедию до конца. Ваш избранник завтра же утром покажет, на что он способен! А вы, сударыня, после этого будьте счастливы, если... сможете!

Распорядитель бала провозгласил:

— Внимание, господа! Сейчас наша несравненная
госпожа Бубенцова одарит нас своим талантом!

На эстраду вышла Настенька.

Раздались громкие аплодисменты. Алеша Плетнев
охотно принимал их на свой счет и раскланивался.

— Я спою песню, которая посвящается мужествен-
ным героям двенадцатого года! — объявила Настя.

— Прелестная девушка! — Губернатор обернулся к стоя-
щему рядом Мерзляеву. — Этому Плетневу крупно повезло.

Мерзляев усмехнулся.

— Кстати, — продолжал губернатор, — она подала
мне прошение о своем несчастном отце...

— Потом, ваше превосходительство! — вежливо оста-
новил его Мерзляев, ибо Настенька начала петь:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

О, как мне кажется, могли б вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать, и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее...
И весело переходили
В небытие...*

Аплодисменты. На сцену полетели цветы...

— Прелесть! — сказала губернаторша.

— Так вот, — губернатор вновь обратился к Мерзляеву, — насчет ее папаша. Этого актера... Будем гуманны... Надо бы его выпустить. Сделаем этой девочке свадебный подарок!

— Я его прощаю, — поддакнула губернаторша.

— К сожалению, все оказалось значительно сложнее, — сказал Мерзляев. — Этот Бубенцов замешан в антигосударственном заговоре, в чем и сам сознался... Завтра утром молодцы нашего дорогого полковника, — Мерзляев улыбнулся Покровскому, — отправят мятежника на тот свет!

— Что? — побледнел Покровский. — Опять?.. Да как же можно... Подозреваемого человека...

— Подозреваемые — вот, — Мерзляев показал широким жестом на танцующую публику, — веселятся. А он — приговоренный!

...Ах, какое славное, чудесное утро выдалось в тот роковой день! Щебетали птички, роса блестела под ранними лучами солнца, и снова по живописным окрестностям Губернска ехал черный тюремный экипаж. Но на сей раз за каретой скакал конвой — шесть вооруженных жандармов. На козлах вновь сидел Артюхов, а внутри кареты господин Мерзляев личным присутствием скрашивал последние минуты смертника.

— Красотища какая! — сказал Мерзляев, глядя в окно кареты. — Не жаль прощаться-то со всем этим?

— Очень жаль...

— Не бродить тебе больше по траве. Не видеть восхода. В речке не искупаться! — сочувственно вздохнул Мерзляев. — Заигрался ты, Афанасий. Ох, заигрался! Но сейчас — публики нет, протокол не ведется — скажи мне-то... по-человечески: как все было на самом деле?

---

*Стихи М.Цветаевой.

— А было так, — задумался актер. — Жил я себе жил, никого не трогал. Выступал на подмостках, людей забавлял. Дочь растил. Одним словом, благонамеренный мещанин... А встретился с вами, познакомился, пригляделся — и понял, что от настоящей-то жизни я прятался. Настоящая жизнь у меня, можно сказать, только начинается.

— И скоро кончится, — заметил Мерзляев. — Через несколько минут..

— Настоящая жизнь долгой не бывает, — философски сказал Бубенцов. — Мне хоть два дня выпало. А вот вас, господин штабс-капитан, пожалеть можно...

— М-да... — протянул Мерзляев. — Неумно мы порой работаем. Грубо... Парадокс получается: из простых обывателей врагов Отечества делаем...

— А вы от имени Отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!

Тюремная карета в сопровождении эскорта въехала на холм, где росли три сосны. К деревьям были привязаны гусарские кони. Назначенные в наряд гусары, среди которых был и Плетнев, угрюмо наблюдали, как приговоренного выводили из кареты. Чуть поодаль расхаживал взад и вперед мрачный полковник Покровский.

— С добрым утром, господа гусары! — приветливо поздоровался Мерзляев.

Гусары демонстративно промолчали.

— Иван Антонович, рад вас видеть, — как ни в чем не бывало приветствовал полковника штабс-капитан. Полковник отвернулся и не ответил.

— Ну вот и поговорили! — Стараясь замять неловкость, Мерзляев улыбнулся. — Действительно, к чему терять время? Перейдем к делу! Господин Бубенцов, будьте добры, займите-ка свое место. Вы знаете какое. Сами выбирали.

Бубенцов молча поднялся на пригорок. Одет он был в тот же мужицкий армяк, грубые портки, лапти... Он занял позицию и повернулся лицом к гусарам.

— Наряд, стройся! — скомандовал Мерзляев.

Пятеро гусаров нехотя выстроились в ряд.

— Раздать ружья! — последовал новый приказ.

Артюхов вместе с жандармом обошел строй и вручил каждому гусару по ружью.

Наблюдавший за этой процедурой полковник неожиданно крикнул:

— Корнет Плетнев! Выйти из строя!

Плетнев повиновался команде. Полковник подошел к нему, не говоря ни слова, взял ружье и занял в строю место корнета:

— Продолжайте, господин штабс-капитан!

— Иван Антонович, — нахмурился Мерзляев. — Зачем же так? Прошу вас, не вмешивайтесь!

— Командуйте! — процедил сквозь зубы Покровский.

— Я не могу отдавать приказы полковнику.

— Совесть-то у тебя есть, Мерзляев? — Полковник был в ярости. — Ты же, небось, в Бога веруешь? Да как же можно заставлять парня стрелять в отца своей невесты?!

— Прекратите балаган, полковник! — побагровел Мерзляев. — Ведите себя достойно при подчиненных! Интересы государства выше родственных! Корнет, встать в строй!

— Корнет, не вставать в строй! — крикнул полковник.

— Слушаюсь, господин полковник! — отчеканил Плетнев.

— Я подам рапорт. И на вас, и на корнета!

— Эк удивил! — усмехнулся полковник.

— Конвой! — спокойно сказал Мерзляев. — Отобрать ружье и вывести полковника из строя.

— Посмотрим, как у них это получится! — Гусары окружили своего командира.

Расстрел зашел в тупик.

— Господа, — неожиданно вмешался в конфликт приговоренный, — не портите себе жизнь из-за моей смерти! Господин полковник, я ценю ваше мужество. Потому что в таких делах быть смелым труднее, чем в бою. И вы, ребята, — добавил он, глядя на гусар, — не вздумайте бросать ружья. Этот жандарм только того и ждет. Не жалейте меня! Моя песня все равно спета. А тебе, сынок, — обратился он к Плетневу, — уж придется нести свой крест до конца. Я тебе этот грех прощаю. Живи, не мучайся. Господин штабс-капитан, — повернулся он к Мерзляеву, — исполните последнюю просьбу: разрешите обнять Алексея?

— Разрешаю! — буркнул Мерзляев. — Но только побыстрее, а то процедура слишком затянулась.

Бубенцов и Плетнев пошли навстречу друг другу.

— Ты чего нос повесил? — Бубенцов приблизился к корнету. — Настю люби, не бросай, она девушка хорошая. Чего ревешь-то? Не стыдно? Когда целить будешь, думай, что в него стреляешь, — кивнул в сторону Мерзляева, — оно полегче будет.. Ну, давай обнимемся на прощание!

Бубенцов и Плетнев крепко обнялись. Во время объятий Бубенцов неожиданно выхватил из-за пояса корнета пистолет и отскочил в сторону.

— Нет, говоришь, благородных людей в России? — крикнул Бубенцов Мерзляеву. — Врешь! Полно! Жаль, сейчас одним меньше станет..

Он приставил пистолет к сердцу, выстрелил, упал на землю.

Наступила тишина. Все замерли.

— Ну, хватит, Афоня... Будет дурака-то валять. Вставай! — неуверенно пробормотал Артюхов. — Ваше благородие, он что?.. Взаправду?!

Мерзляев кинулся к Бубенцову, склонился над ним.

— Эх, дурак ты, дурак несчастный! — Мерзляев тряс безжизненное тело. — Что ты наделал?! Как же это случилось?

Внезапно Плетнев выхватил из рук полковника ружье, прицелился в Мерзляева и спустил курок. Грохнул выстрел, но Мерзляев остался невредим. Плетнев рванул ружье у стоявшего рядом гусара и пальнул еще раз.

— Стреляй! Стреляй, дубина! — заорал в отчаянии Мерзляев. — Все стреляйте, олухи! Патроны-то холостые... А вы поверили... Да разве я имею право — без суда и следствия? Это ж не казнь была, а так... Я думал попутать!

— Ах зверь! Холостые?! — Лицо Плетнева исказила гримаса ненависти. — Да я тебя... сейчас.

Он побежал на Мерзляева со штыком наперевес. Жандармы набросились на корнета, началась свалка.

Мерзляев не обращал на это никакого внимания. Он положил мертвое тело на траву, поднялся с колен и пошел прочь...

— Боже! Какая жуть! Темные люди! В какое время я живу?.. За что, Господи?.. Как же я Насте объясню?.. Нет, нет! К черту! Все бессмыслица! Да будет ли когда-нибудь на этой земле порядок? Что же у нас все кровью-то кончается?

Штабс-капитан шел полем, не разбирая дороги, и размазывал по лицу слезы...

А когда зарю сыграли,
Бабы слезы утирали,
И, в котомки взяв харчи,
Уходили трубачи!
Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Так оно и было на самом деле. Гусарский полк покидал гостеприимный Губернск. Перед полком шагал военный оркестр, наявивая залихватский марш. Впереди полка на лихом коне гарцевал бравый старый полковник. За ним, под звонкий цокот, прошли ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты.

Город провожал своих любимцев. На балконах, в распахнутых окнах домов, в оживленной толпе были видны печальные лица женщин и повеселевшие физиономии их мужей.

Несмотря на бравурную музыку, было грустно, как и положено при разлуке. Гусары посылали воздушные поцелуи своим избранницам, избранницы украдкой утирали слезы, навеки запоминая «виновников милых проказ». Шум, возгласы, прощальные крики, цокот копыт — полк продолжал свой победный уход из покоренного города. Вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, перебежала отвратительная драная черная кошка...

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

На мужественном лице полковника мелькнуло сомнение, но, вместо того чтобы привычно скомандовать: «За мной, ребята!» — он опустил голову, повернул коня и повел полк в боковую улицу.

Голос за кадром:

«На этом, собственно говоря, и закончилось наше повествование, но было бы просто бесчеловечно перед зри-

телем не рассказать о том, что случилось с героями в дальнейшем...

Поскольку создатели фильма не знают, что с ними стало, а очевидцев, как вы понимаете, не сохранилось, у нас нет иного выхода, как предоставить слово самим героям».

Лица героев появляются перед нами, сменяя друг друга, а сзади, за ними, видится полк, покидающий город, полевая дорога, по которой рысью скачут всадники.

Настя (*говорит в микрофон*). Я вышла замуж за Плетнева, оставила сцену. Когда муж подал в отставку, мы поселились в Плетневке, маленьком имении, доставшемся Алексею по наследству. У нас трое детей. Девочка и два мальчика. Старшего назвали Афанасием, в честь папеньки...

Полковник Покровский (*в микрофон*). Служил честно. Пулям не кланялся. Начальству тоже. Поэтому в генералы не вышел. Зато сделал истинную карьеру для военного: в Крымскую кампанию пал в бою за Отечество...

Плетнев. За нападение на жандармов был сослан на Кавказ. Воевал. Дважды ранен. В деревне с тоски начал читать. Оказалось — увлекательное занятие. Путешествовал по заграницам... В Италии попал в заваруху. Примкнул к гарибальдийцам... В схватке погиб. Итальянцы меня уважали, похоронили около Рима с большими почестями.

Мерзляев. Вся эта малоприятная история получила в Петербурге огласку. Было высказано даже высочайшее недовольство... А дальше... как-то сама собой из моей старинной дворянской фамилии Мерзляев вдруг исчезла буква «л»... Так что я сам и потомки мои стали именоваться с народом Мерзя... я... (*Всплакнул*.) Увольте, не могу произнести!

Артюхов (*глядя в объектив*). После того как уволился из агентов, кем я только не был... Приказчиком, лакеем... Купил игорный дом, разбогател. Но как-то в стужу... и выпил-то немного... а вот уснул возле дверей собственного дома и замерз... Нет, ребята, народ верно говорит: пить вредно...

Черная кошка. После того как я перебежала дорогу полку, за мной в городе организовали форменную охоту.

В меня даже стреляли! Можно подумать, что все неприятности в жизни происходят из-за нас... Какое суеверие! Темнота!!!

В клубах дорожной пыли уже была едва различима колонна всадников, а за нею на автомобиле уезжала киногруппа, снимающая конец фильма.

Киноповести

Тот самый Мюнхгаузен

Часть первая

Сначала был туман. Потом он рассеялся, и стала видна группа охотников в одеждах XVIII века. (Впрочем, охотники всегда одевались примерно одинаково.) Их недоуменные взгляды были устремлены на высокого человека с веселыми глазами, в парике, с дымящейся трубкой в зубах. Он только что произнес нечто такое, от чего потрясенные охотники замерли с открытыми ртами.

Заметим, что люди часто слушали этого человека с открытыми от удивления ртами, ибо звали рассказчика барон Мюнхгаузен. Полное имя — барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен.

Мы застали его в тот момент, когда знаменитый рассказчик наслаждался паузой.

Потом его рука неторопливо потянулась к большому блюду с огненно-красной вишней, и, изящно выплюнув косточку, он изрек первую фразу:

— Но это еще не все!

— Не все? — изумился один из охотников.

— Не все, — подтвердил Мюнхгаузен. — Мы выстояли и ударили с фланга. Я повел отряд драгун через трясину, но мой конь оступился, и мы стали тонуть. Зеленая мерзкая жижа подступала к самому подбородку. Положение было отчаянным. Надо было выбирать одно из двух: погибнуть или спастись.

— И что же вы выбрали? — спросил один из самых любопытных охотников.

— Я решил спастись! — сказал Мюнхгаузен. Раздался всеобщий вздох облегчения. — Но как? Ни веревки! Ни

шеста! Ничего! И тут меня осенило. — Мюнхгаузен хлопнул себя ладонью по лбу. — Голова! Голова-то всегда под рукой, господа! Я схватил себя за волосы и потянул что есть силы. Рука у меня, слава богу, сильная, голова, слава богу, мыслящая... Одним словом, я рванул так, что вытянул себя из болота вместе с конем.

Снова наступило молчание.

— Вы что же... — заморгал глазами один из охотников, — утверждаете, что человек может сам себя поднять за волосы?

— Разумеется, — улыбнулся Мюнхгаузен. — Мыслящий человек просто обязан время от времени это делать.

— Чушь! — воскликнул один из охотников. — Это невозможно! Какие у вас доказательства?

— Я жив, — невозмутимо ответил Мюнхгаузен. — Разве этого недостаточно? Если бы я тогда не поднял себя за волосы, как бы я, по-вашему, выбрался из болота?

Аргумент показался убедительным.

Барон с удовлетворением оглядел потрясенных охотников и продолжал:

— Но если говорить о моих охотничьих приключениях, то самым любопытным я все-таки считаю охоту на оленя. Кстати, именно в этих краях год назад я, представьте себе, сталкиваюсь с прекрасным оленем. Вскидываю ружье — обнаруживаю: патронов нет. Ничего нет под рукой, кроме... вишни. — Он снова взял с блюда горсть ярко-красной вишни. — И тогда я заряжаю ружье вишневой косточкой. Стреляю! Попадаю оленю в лоб. Он убегает. А этой весной, представьте, я встречаю в этих лесах моего красавца оленя, на голове которого растет роскошное вишневое дерево.

— На голове! — снова вздрогнул самый непоседливый охотник. — Дерево?.. — Охотник издал смешок и с любопытством посмотрел на остальных.

— Дерево?! На голове у оленя?! — воскликнул другой охотник. — Да сказали бы лучше — вишневый сад! — И он захохотал, довольный. Его поддержали остальные.

— Если бы вырос сад, я бы сказал — сад, — объяснил Мюнхгаузен. — Но поскольку выросло дерево — зачем мне врать? Я всегда говорю только правду.

— Правду?! — воскликнули остальные охотники и закатились от смеха.

В глазах Мюнхгаузена отразилось молчаливое удовлетворение. Он с удовольствием оглядел хохочущих охотников, которые неожиданно вдруг словно окаменели. Через мгновение они как по команде вскочили на ноги и сгрудились вокруг Мюнхгаузена. Их взгляд был прикован к опушке леса.

Из-за дальних зарослей орешника под плавные звуки торжественной увертюры гордо и величественно ступал царственной походкой красавец олень с белоснежным вишневым деревом на голове.

И тогда поплыли титры по белым цветам распустившегося вишневого дерева и дальним зарослям орешника. Весело, торжественно и немного загадочно.

Густая туманная пелена несла в себе музыку напряжения и таинственных предчувствий. Сразу отметим, что туман — довольно частое явление в городе Боденвердере, находящемся неподалеку от города Ганновера в Южной Саксонии. Одним словом, в тех местах, где жил знаменитый барон Мюнхгаузен. В это утро туман был особенно плотным, и в двух шагах ничего не было видно. Так что сначала долго был слышен топот коней, и только потом из тумана появились двое всадников. Один — молодой, лет девятнадцати, в форме корнета — Феофил фон Мюнхгаузен, сын знаменитого барона. Другой — постарше и в штатском — господин Рамкопф, адвокат.

— Здесь развилка дорог, — сказал Феофил, мучительно пытаясь взглянуть в белую пелену. — Пастор может проехать отсюда или отсюда! — Он дважды ткнул пальцем.

— Или отсюда! — Рамкопф показал пальцем в противоположную сторону. — Мы заблудились, Феофил, неужели не понимаете? Надо искать обратную дорогу..

— Никогда! — Феофил побагровел от возмущения, и багровость его лица приятно контрастировала с белизной тумана. — Я не пропущу его в замок отца!

Тут они замерли, ибо до их слуха донесся отдаленный топот копыт и скрип колес.

— Там! — Феофил ткнул пальцем в одну сторону.

— А по-моему — там! — Рамкофф ткнул в другую.

Они некоторое время вертелись на месте, напряженно вглядываясь в плотную туманную пелену, затем стремительно поскакали прочь в противоположные стороны.

Через мгновение по мосту, на котором они только что находились, проехала бричка с пастором.

На покосившихся воротах висел родовой герб барона фон Мюнхгаузена. Обшарпанная стена, примыкавшая к воротам, была исписана многочисленными надписями, в том числе и не очень лицеприятными для барона. Некоторые надписи сопровождались иллюстрациями.

Бричка пастора остановилась напротив ворот. Пастор в нерешительности покрутил головой, ожидая встречи. Затем неторопливо ступил на землю, приблизился к воротам. Поискал ручку звонка. Увидел бронзовый набалдашник, привязанный за цепочку к большому колокольчику над воротами, потянул. Звона не последовало. Пастор рванул сильнее и тут же испуганно отскочил — колокольчик оторвался и грохнулся на землю.

Тотчас откуда-то сбоку появился пожилой человек в стоптанных башмаках со стремянкой. Это был слуга барона Томас.

— Ну, конечно, — пробормотал Томас, поднимая колокольчик с земли и разговаривая скорее с самим собой, чем с пастором. — Дергать мы все умеем. — Это было началом длинного монолога. — Висит ручка — чего не дернуть! А крюк новый вбить или кольцо заменить — нет! Этого не допросишься... И глупости всякие на стенах писать мы умеем. На это мы мастера... — Он влез на стремянку, повесил колокольчик на место, дернул за цепочку. — Ну вот, теперь нормально. Теперь будет звонить. — Томас спустился, взял стремянку и исчез так же неожиданно, как появился.

Подождав секунду, пастор вновь взялся за набалдашник и нерешительно потянул. На этот раз оторвалась веревка...

— Кто там? — спросил приятный голос из-за стены.

— Пастор Франц Мусс! — ответил гость.

— Прошу вас, господин пастор! — Ворота распахнулись, и перед пастором предстал Томас.

Они шли длинным мрачноватым коридором. Слева и справа взору пастора представляли чучела разных животных.

— Послушай, — пастор покосился на Томаса, — твой хозяин и есть тот самый барон Мюнхгаузен?

— Тот самый, — кивнул Томас.

— А это, стало быть, его охотничьи трофеи? — поинтересовался пастор.

— Трофеи! — подтвердил Томас. — Господин барон пошел в лес на охоту и там встретился с этим медведем. Медведь бросился на него, а поскольку господин барон был без ружья...

— Почему без ружья?

— Я же говорю: он шел на охоту..

Пастор растерянно поглядел на Томаса:

— А... Ну-ну..

— И когда медведь бросился на него, — объяснял Томас, — господин барон схватил его за передние лапы и держал до тех пор, пока тот не умер.

— Отчего же он умер?

— От голода, — тяжело вздохнул Томас. — Медведь, как известно, питается зимой тем, что сосет свою лапу, а поскольку господин барон лишил его такой возможности...

— Понятно, — кивнул пастор и, оглядевшись по сторонам, спросил: — И ты в это веришь?

— Конечно, господин пастор, — удивился Томас и указал на чучело. — Да вы сами посмотрите, какой он худой!

Открылась дверь, бесшумно вошли трое музыкантов: виолончель, скрипка, кларнет. Деловито уселись на стульях, посмотрели на Томаса. Тот повернулся к пастору и спросил:

— Не возражаете?.. С дороги... Чуть-чуть, а?

— В каком смысле? — не понял пастор.

— Согреться, — пояснил Томас. — Душой... Чуть-чуть... До еды, а? Не возражаете?

— Не возражаю, — сказал пастор.

— Вам фугу, сонату или можно что-нибудь покрепче? — спросил один из музыкантов.

Пастор недоуменно пожал плечами.

— На ваш вкус, — пояснил Томас.

Музыкант понимающе кивнул головой, сделал знак своим коллегам — и полилась щемящая музыка.

Музыкантов неожиданно прервал бой стенных часов. Откуда-то сверху раздалось два выстрела. Пастор вздрогнул. Музыканты вопросительно посмотрели на Томаса, Томас — на музыкантов.

Среди причудливо развешанных гобеленов появилась красивая молодая женщина с приветливой улыбкой.

— Фрау Марта, я не расслышал — который час? — спросил Томас.

— Часы пробили три, — сказала женщина. — Барон сделал два выстрела. Стало быть, всего пять.

— Тогда я ставлю жарить утку?

— Да, пора.

Барон Мюнхгаузен появился неожиданно, с дымящимся пистолетом. Он прошел мимо коллекции часовых механизмов, весело побуждая их к движению: в песочные досыпал песку, паровому механизму поддал пару, кукушке из ходиков дал крошек хлеба на ладони. Часы радостно затикали, кукушка закуковала...

— Ты меня заждалась, дорогая? — спросил Мюнхгаузен. — Извини! Меня задержал Ньютон.

— Кто это? — спросила Марта.

— Англичанин. Умнейший человек... Я непременно тебя с ним познакомлю. Однако сейчас шесть часов. Пора ужинать.

— Не путай, Карл, — сказала Марта, — Сейчас пять. Ты выстрелил только два раза...

— Ладно, добавим. — Мюнхгаузен не спеша поднял пистолет.

— Карл, не надо, — зажав уши, жалобно произнесла Марта. — Пусть будет пять. У Томаса еще не готов ужин.

— Но я голоден, — улыбнулся Мюнхгаузен и все-таки нажал на курок, но пистолет дал осечку. — Черт возьми, получилось полшестого!

В ту же секунду Марта заметила пастора и смущенно остановилась на месте:

— У нас гости, Карл!.. Извините, бога ради, господин пастор, мы не заметили вас...

Пастор вежливо поклонился.

— Рад видеть вас в своем доме, господин пастор! — весело произнес Мюнхгаузен.

— Я тоже... рад вас видеть, барон. Я приехал по вашей просьбе...

— Очень мило с вашей стороны. Как добрались из Ганновера?

— Спасибо. Сначала был ужасный туман, но потом...

— Да, да, вы правы... Потом я его разогнал, — улыбнулся Мюнхгаузен. — Теперь я хочу познакомить вас с женой.

Снова возникла тихая музыка, и Мюнхгаузен взял Марту за руку:

— Это Марта.

— Очень приятно, баронесса, — поклонился пастор.

— К сожалению, она не баронесса. Она просто моя жена. Мы не обвенчаны. Именно поэтому я и просил вас приехать. Вы не согласились бы совершить этот святой обряд?

— Я высоко ценю оказанную мне честь — но разве у вас в городе нет своего священника? — удивился пастор.

— Есть, но он отказывается нас венчать.

— Почему?

Мюнхгаузен резко отошел в сторону:

— Потому что он... он...

Марта испуганно рванулась к Мюнхгаузену:

— Ни слова больше... прошу тебя... ты обещал. — Она обернулась к пастору с улыбкой: — Мы вам все объясним, святой отец, но позже... сначала ужин! Я пойду потороплю Томаса, а ты займи гостя, Карл.

— Да, да, конечно! — оживился Мюнхгаузен, увлекая за собой пастора. — Хотите осмотреть мою библиотеку, пастор?

— С удовольствием! Я уже обратил внимание. У вас редкие книги.

— Да! — В глазах Мюнхгаузена мелькнули дерзкие огоньки. — Многие из них с автографами.

— Как приятно.

— Вот, например, Софокл! — Мюнхгаузен быстро снял с полки толстый папирус.

— Кто?

— Софокл. Это лучшая его трагедия — «Царь Эдип». С дарственной надписью.

— Кому? — Пастор вздрогнул и переменялся в лице.

— Ну, разумеется, мне.

— Извините меня, барон. — Пастор откашлялся и приготовился к решительному разговору. — Я много слышал о ваших... о ваших, так сказать, чудачествах... Но позвольте вам все-таки сказать, что этого не может быть!

— Но почему? — огорчился Мюнхгаузен.

— Потому что этого не может быть! Он не мог вам писать!

— Да почему, черт подери?! Вы его путаете с Гомером. Гомер действительно был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал.

— Он не мог вам написать, потому что жил в Древней Греции.

Глаза Мюнхгаузена продолжили смеяться, но сам он принял позу огорченного и глубоко задумавшегося человека:

— Я тоже жил в Древней Греции. Во всяком случае, бывал там неоднократно. У меня в руках документ. — Мюнхгаузен с наивной улыбкой протянул папирус. Пастор открыл рот, но не нашел что сказать.

В дверях появились Томас и Марта.

— Ужин готов! — объявила Марта. — Надеюсь, вы не скучали здесь, пастор?

Пастор вытер платком лоб и тихо пробормотал:

— Господи, куда ж я попал?

— Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело, — подмигнул Мюнхгаузен. — Не будем ссориться. Я возьму как-нибудь вас с собой в Древние Афины. Не пожалеете! А сейчас, — он обернулся к музыкантам, — перед ужином... для тонуса... Несколько высоких нот мне и нашему гостю! — Он взмахнул рукой, словно дирижер. И зазвучала уже знакомая нам мелодия. Немного грустная, но, видимо, одна из любимых для хозяина дома.

— Зелень, ветчина, рыба! — воскликнул Мюнхгаузен, выкатывая стол на середину комнаты. — А где утка, Томас?

— Она еще не дожарилась, господин барон.

Мюнхгаузен изменился в лице:

— Как? До сих пор? — Он закрыл глаза и тяжело опустился в кресло. — Никому ничего нельзя поручить. Все приходится делать самому.. — Затем он поглядел на карманные часы, задумался и спросил: — Посмотри, Томас, они летят?

Томас бросился к окну и приставил к глазам подзорную трубу:

— Летят, господин барон!

Мюнхгаузен резко поднялся с места и ловким жестом снял со стены ружье. Музыка оборвалась. Все замерли.

Рамкопф поспешно привязал лошадь к дереву и нырнул в кустарник. Затем осторожно выглянул оттуда и посмотрел в сторону дома.

В окне дома торчала фигура Томаса с подзорной трубой, направленной в небо.

Рамкопф посмотрел вверх.

Высоко под облаками летела стая диких уток.

— Сейчас пролетят над нашим домом! — взволнованно объявил Томас, оторвавшись от подзорной трубы.

Мюнхгаузен бросился к камину, засунул туда ружье, сосредоточился:

— Командуй!

Томас снова прильнул к подзорной трубе:

— Внимание!.. Пли!

Мюнхгаузен нажал на курок.

Рамкопф услышал выстрел. Огляделся вокруг. Потом взглянул на небо. Утки скрылись за кронами деревьев.

Мюнхгаузен стремительно отбросил ружье, схватил со стола большое блюдо, засунул его в камин и стал ждать.

Пастор незаметно для других осенил себя крестным знаменем.

Марта бросила тревожный взгляд на Томаса.

Но в дымоходе послышался шум, и через мгновение на блюдо упала жареная утка.

— Попал! — гордо произнес Мюнхгаузен, предоставив возможность всем убедиться в его удачном выстреле. — Она хорошо поджарилась!

— Она, кажется, и соусом по дороге облилась, — ехидно заметил пастор.

— Да? — удивился Мюнхгаузен. — Как это мило с ее стороны!.. Итак, прошу за стол!

— Нет, у меня что-то пропал аппетит, — быстро проговорил пастор. — К тому же я спешу.. Прощу вас, еще раз изложите мне суть вашей просьбы.

— Просьба проста. — Мюнхгаузен сделал знак музыкантам, и снова возникла наивно-шутливая тема, которая придала ему силы. — Я хочу обвенчаться с женщиной, которую люблю. С моей милой Мартой. С самой красивой, самой чуткой, самой доверчивой... Господи, зачем я объясняю — вы же ее видите!

Пастор сделал над собой усилие и постарался оставаться спокойным:

— Но все-таки почему отказывается венчать ваш местный пастор?

— Он говорит, что я уже женат.

— Женаты?

— Именно! И вот из-за этой ерунды он не хочет соединить нас с Мартой!.. Каково?! Свинство, не правда ли?

Марта, взглянув на пастора, испуганно вмешалась:

— Подожди, Карл! — Она быстро приблизилась к пастору. — Дело в том, что у барона была жена, но она ушла!

— Она сбежала от меня два года назад! — подтвердил Мюнхгаузен.

— По правде сказать, я бы тоже это сделал, — сказал пастор.

— Поэтому я и женюсь не на вас, а на Марте, — заметил Мюнхгаузен.

Пастор поклонился:

— К сожалению, барон, я вам ничем не смогу помочь!

— Почему?

— При живой жене вы не можете жениться вторично.

— Вы говорите «при живой»? — задумался Мюнхгаузен.

— При живой, — подтвердил пастор.

— Вы предлагаете ее убить?!

— Упаси бог! — испугался пастор. — Сударыня, вы более благоразумный человек. Объясните барону, что его просьба невыполнима.

— Нам казалось, что есть какой-то выход... — Марта с трудом сдерживала слезы. — Карл уже подал прошение герцогу о разводе. Но герцог не подпишет его, пока не получит на это согласие церкви.

— Церковь противится разводам! — невозмутимо отчеканил пастор.

— Вы же разрешаете разводиться королям! — крикнул Мюнхгаузен.

— В виде исключения. В особых случаях... Когда это нужно, скажем, для продолжения рода...

— Для продолжения рода нужно совсем другое!

— Разрешите мне откланяться! — Пастор решительно двинулся к выходу.

Мюнхгаузен посмотрел на Марту, увидел ее молящий взгляд, бросился вслед за пастором.

— Вы же видите — из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека, — говорил он быстро, шагая рядом. — Церковь должна благословлять любовь.

— Законную!

— Всякая любовь законна, если это любовь!

— Позвольте с этим не согласиться!

Они уже вышли из дома и стояли возле брички.

— Что же вы мне посоветуете? — спросил Мюнхгаузен.

— Что ж тут советовать?.. Живите как жили. Но по людским и церковным законам вашей женой будет по-прежнему считаться та женщина, которая вам уже не жена.

— Бред! — искренне возмутился Мюнхгаузен. — Вы, служитель церкви, предлагаете мне жить во лжи?

— Странно, что вас это пугает. — Пастор вскарабкался в бричку. — По-моему, ложь — ваша стихия!

— Я всегда говорю только правду! — Мюнхгаузен невозмутимо уселся рядом с пастором. Лошадь помчала рысью.

— Хватит валять дурака! Вы погрязли во вранье, вы купаетесь в нем, как в луже... — Пастора мучила одышка, и он яростно погонял лошадь. — Это грех!

— Вы думаете?

— Я читал вашу книжку!

— И что же?

— Что за чушь вы там насочиняли!

— Я читал вашу — она не лучше.

— Какую?

— Библию.

— О боже! — Пастор натянул вожжи. Бричка встала как вкопанная.

— Там, знаете, тоже много сомнительных вещей... Сотворение Евы из ребра... Или возьмем всю историю с Ноевым ковчегом.

— Не смей! — заорал пастор и спрыгнул на землю. — Эти чудеса сотворил Бог!

— А чем же я-то хуже? — Мюнхгаузен выпрыгнул из брички и уже стоял рядом с пастором. — Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию!

— Не всех! — Пастор стукнул кулаком по бричке.

— Вижу! — Барон тоже стукнул кулаком по бричке. — Создавая вас, он, очевидно, отвлекся от первоисточника!

То ли от этих слов, то ли от стука лошади заржали и рванулись вперед с пустой бричкой. Пастор побежал за ними.

— Вы... Вы... чудовище! — кричал пастор, на бегу оглядываясь. — Проклинаю вас! И ничему не верю! Слышите? Ничему! Все — ложь! И ваши книги, и ваши утки — все обман! Ничего этого не было!

Мюнхгаузен грустно улыбнулся и пошел в обратную сторону.

Из дверей дома вышли обеспокоенные музыканты. Мюнхгаузен сделал им знак рукой, и возникла музыка. Марта стояла в открытом окне второго этажа. Лицо ее было печально, по щекам текли слезы.

Дирижируя оркестром, Мюнхгаузен попытался ее успокоить:

— Это глупо. Дарить слезы каждому пастору слишком расточительно.

— Это уже четвертый, Карл...

— Плевать! Позовем пятого, шестого, десятого... двадцатого...

— Двадцатый придет как раз на мои похороны, — улыбнулась Марта сквозь слезы.

— Перестань! — поморщился Мюнхгаузен. — Стоит ли портить такой вечер. Смотри, какая луна! И я иду к тебе, дорогая!

Рамкопф прижался к стволу дерева и осторожно выглянул оттуда.

Марта на мгновение исчезла, а затем выбросила из окна веревочную лестницу. Лестница упала к ногам Мюнхгаузена. И он ловко полез вверх под соответствующее музыкальное сопровождение.

Потом они уселись на подоконнике, свесив ноги, и Марта сказала:

— Мне больно, когда люди шепчутся за моей спиной, когда тычут пальцем: «Вон идет содержанка этого сумасшедшего барона...» А вчера наш священник заявил, что больше не пустит меня в церковь.

— Давай поговорим лучше о чем-нибудь другом, — предложил Мюнхгаузен, вздыхая. — Смотри, какой прекрасный вечер! — Он указал на голубое небо и солнце, которое стояло в зените.

— Сейчас вечер? — спросила Марта, вытирая слезы.

— Разумеется, — улыбнулся Мюнхгаузен. — Поздний вечер.

Он прыгнул в комнату. Зажег свечи, и появившийся в доме оркестр заиграл вечернюю мелодию.

— Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов... — Марта неуверенно приблизилась к нему. — Но, может быть, ты что-то делаешь не так?! А? — Он повернулся к ней, и они внимательно посмотрели друг другу в глаза. — Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе? Без Софокла...

— Ну, думал развлечь, — попытался объяснить барон. — Говорили, пастор — умный человек...

— Мало ли что про человека болтают, — вздохнула Марта.

— Не меняться же мне из-за каждого идиота?!

— Не насовсем!.. — тихо произнесла Марта и потянулась к нему губами. — На время. Притвориться! — Она закрыла глаза, их губы соединились. — Стань таким, как

все... — Марта целовала его руки. — Стань таким, как все, Карл... Я умоляю...

Он открыл глаза и огляделся вокруг:

— Как все?! Что ты говоришь?

Он попятился в глубь комнаты. Приблизился к музыкантам, внимательно разглядывая их лица.

— Как все... Не двигать время?

— Нет, — с улыбкой подтвердил скрипач.

— Не жить в прошлом и будущем?

— Конечно, — весело кивнул второй музыкант.

— Не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов? Не переписываться с Шекспиром?

— Ни в коем случае, — закрыл глаза третий.

— Нет! — крикнул Мюнхгаузен, и музыканты перестали играть. — Я еще не сошел с ума, чтобы от всего этого отказываться!

Марта бросилась к нему. Попыталась обнять:

— Но ради меня, Карл... ради меня...

— Именно ради тебя! — тихо сказал он, отстраняясь. — Если я стану таким, как все, ты меня разлюбишь. И хватит об этом. Ужин на столе.

— Нет, милый, что-то не хочется... я устала. — Она медленно пошла к двери.

— Хорошо, дорогая, — задумчиво сказал он, глядя ей вслед. — Поспи. Сейчас я сделаю ночь. — Он посмотрел на неподвижных музыкантов и громко крикнул им: — Ночь!

Они спохватились и поспешно бросились прочь из комнаты, снимая на ходу сюртуки, взбивая подушки, укладываясь в постели...

Рука Мюнхгаузена перевела стрелки часов на двенадцать.

Появился довольный Томас с подносом:

— Господин барон!

Мюнхгаузен резко обернулся и гневно произнес:

— Что ты орешь ночью?

— Разве уже ночь? — изумился Томас.

— Ночь.

— И давно?

— С вечера. Посмотри на часы.

— Ogo!

— Что еще?

Томас перешел на зловещий шепот:

— Я хотел сказать: утка готова.

— Отпусти ее. Пусть летает.

Мюнхгаузен устало прислонился к стене и закрыл глаза.

Томас с некоторым сомнением повертел зажатую утку в руках и швырнул ее в открытое окно...

Наблюдающий за домом Рамкопф от неожиданности едва не свалился с дерева.

Из окна дома, хлопая крыльями, вылетела дикая утка и скрылась за развесистыми кронами деревьев.

Рамкопф выскочил из кустов и подбежал к дому барона. Окно по-прежнему было распахнуто, из него по стене спускалась веревочная лестница.

Рамкопф огляделся и быстро полез по лестнице вверх. Убедившись, что его никто не видит, перебрался в дом. Озираясь и пробираясь на цыпочках, он сделал несколько осторожных движений. Взгляд его упал на секретер. Перед ним лежал лист бумаги, на котором было что-то начертано. Рамкопф быстро схватил бумагу, спрятал в нагрудный карман. Послышались чьи-то шаги. Он вздрогнул. Метнулся к окну. Перемахнул через подоконник.

Через несколько мгновений он уже был в седле и мчался галопом в сторону леса...

— Нельзя!.. Нельзя так сидеть и ждать! Ведь в конце концов он обвенчается с этой девкой! — кричал Феофил Мюнхгаузен, с пафосом заламывая руки.

— Успокойся, Фео! — Баронесса ринулась через гостиную к двери. — Что можно сделать? Сегодня должен приехать бургомистр. Он был в канцелярии герцога...

— Что могут решить чиновники, мама! — взвизгнул Феофил и бросился вдогонку. — Надо действовать самим!

Баронесса стремительно вышла из гостиной. У балюстрады ее встретил лакей:

— Господин Рамкопф.

Генрих Рамкопф стоял внизу у парадной лестницы. По его взгляду баронесса поняла, что есть важная новость. Они бросились навстречу друг другу.

Рамкопф вынул из нагрудного кармана листок и протянул баронессе. Она быстро пробежала его глазами. Потом взглянула на Рамкопфа:

— Браво, Генрих! Это ценная улика.

Он поцеловал ей руку. Приблизился к ее губам. И тотчас сверху закричал Феофил:

— Господин Рамкопф, вы друг нашей семьи, вы много делаете для нас. Сделайте еще один шаг!

— Все, что в моих силах! — любезно отозвался Рамкопф.

Феофил сбежал вниз по лестнице:

— Вызовите отца на дуэль!

— Ни в коем случае! — побледнел Рамкопф.

— Но почему?

— Во-первых, он меня убьет, — начал объяснять Рамкопф. — Во-вторых...

— И первого достаточно, — перебила его баронесса. — Успокойся, Фео!

— Я не могу успокоиться, мама! — Феофил заметался по дому, сжимая кулаки. — Все мои несчастья из-за него! Мне уже девятнадцать, а я всего лишь корнет, и никакой перспективы... Даже на маневры меня не допустили. Полковник заявил, что он отказывается принимать донесения от барона Мюнхгаузена. — Он остановился перед портретом Мюнхгаузена. — Почему ты держишь в доме эту мазню?

— Чем она тебе мешает? — в свою очередь вспылила баронесса.

— Она меня бесит! — взвизгнул Феофил и схватил шпагу. — Изрубить ее на куски!

— Не смей! — баронесса бросилась к сыну. — Он утверждает, что это работа Рембрандта.

— Чушь собачья! Вранье!

— Конечно, вранье! — согласилась баронесса. — Но аукционеры предлагают за нее двадцать тысяч.

— Так продайте, — посоветовал Рамкопф.

— Продать — значит признать, что это правда.

В дверях появился лакей:

— Господин бургомистр.

— Наконец-то! — облегченно вздохнула баронесса.

Бургомистр был явно растерян.

— Добрый день, господа! — Он приложился к ручке баронессы. — Вы, как всегда, очаровательны. Рамкопф, вы чудесно выглядите. Как дела, корнет? Вижу, что хорошо.

— Судя по обилию комплиментов, вы вернулись с плохой новостью, — прервала его баронесса.

Бургомистр пожал плечами:

— Судья считает, что, к сожалению, пока нет достаточных оснований для конфискации поместья барона и передачи его под опеку наследника.

— Нет оснований! — возмутился Рамкопф. — Человек разрушил семью, выгнал жену с ребенком.

— Каким ребенком?! — возмутился Феофил. — Я — офицер.

— Выгнал жену с офицером! — продолжал с пафосом Рамкопф.

— Насколько я знаю, они сами ушли, — возразил бургомистр.

— Да! — подтвердила баронесса. — Но кто может жить с таким человеком?

— Видите, фрау Марта — может.

— Но ведь она — любовница! — воскликнул Рамкопф. — Господа, давайте уточним! Имеешь любовницу — на здоровье! Все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!

— Господин бургомистр, я прошу вас меня сопроводить! — решительно воскликнула баронесса. — Я немедленно отправляюсь к его величеству герцогу Георгу вместе с моим адвокатом, — она взглянула на Рамкопфа.

Баронесса рванулась к выходу, за ней все остальные.

— Немедленно заложить лошадей!

— Карета готова! — крикнул кучер.

Бургомистр догнал ее возле открытого экипажа:

— Умоляю вас, баронесса, я не хотел огорчать вас сразу.

— Что?

— Его величество герцог удовлетворил прошение барона о разводе.

Наступила секундная пауза.

— Не может быть...

Поблудневшую баронессу поддержал подоспевший Рамкопф.

— К сожалению, это факт, — вздохнул бургомистр. — Это даже больше, чем факт, — так оно и было на самом деле. Последнее время наш обожаемый герцог находится в некоторой конфронтации с нашей обожаемой герцогиней. Будучи в некотором нервном перевозбуждении, герцог вдруг схватил и подписал несколько прошений о разводе со словами: «На волю! Всех — на волю!» Теперь, если духовная консистория утвердит это решение, барон может жениться во второй раз!

— Так! Доигрались! — взвизгнул Феофил и обнажил шпагу. — Ну нет! Дуэлы! Только дуэлы!..

— Немедленно к герцогу! — придя в себя, воскликнула баронесса и бросилась в экипаж.

— Успокойтесь, баронесса, — последовал за ней бургомистр. — Надо все хорошенько обдумать...

— Я уже все обдумала. — Экипаж покатился к воротам. Рамкопф прыгнул в него на ходу. — Раз он хочет жениться — мы посадим его в сумасшедший дом!..

— Дуэль! — закричал Феофил и взмахнул шпагой. — Господин барон, я убью вас! — Он нанес несколько ударов по предметам, которые появились на его пути, и сделал ряд эффектных фехтовальных выпадов. — Кровь! Пусть прольется кровь!..

Замелькала анфилада комнат. Перед стремительно шагающей баронессой засуетился, забегал, задергался юркий маленький секретарь герцога:

— Это невозможно! Это немислимо! Это неприемлемо!.. — торопливо произносил он, то забегая вперед и расставляя руки, то отставая от проворно шагающих баронессы, бургомистра и Рамкопфа.

— Ни в коем случае! — Секретарь уперся спиной в массивные двери кабинета. — Его величество занят важнейшими государственными делами. Он проводит экстренное совещание. Его вообще нет на месте!

Умные глаза герцога отражали напряженную работу мысли.

— Ваше величество, — послышался волевой женский голос. — Может быть, все дело в нашем левом крыле?

— Да, пожалуй...

Герцог понял свою ошибку и горько усмехнулся. К нему приблизилась Первая фрейлина.

— Может быть, нам стоит урезать верха и укрепить центр? — тихо предложила она.

— Так и сделаем, — задумчиво сощурился герцог. — Опустим правую бретельку и чуть заузим лиф. — С этими словами он склонился над швейной машинкой и быстро прострочил нужную линию. — Два ряда выточек слева, два — справа! — с азартом произнес он, неистово крутя машинку. — Все решение в талии! Как вы думаете, где мы будем делать талию? На уровне груди! — Герцог подскокил к манекену и показал, как это будет выглядеть.

— Гениально! — ахнула фрейлина. — Гениально, как все истинное.

— Именно на уровне груди! — воскликнул герцог, делая необходимые замеры портновским сантиметром. — Я не разрешу опускать талию на бедра. В конце концов, мы центр Европы, и я не позволю всяким там испанцам диктовать нам условия. Хотите отрезной рукав — пожалуйста! Хотите плиссированную юбку с выточками — принимаю и это! Но опускать линию талии не дам!

— Я с вами абсолютно согласна, — поклонилась фрейлина.

Открылась дверь кабинета, и заглянул бледный от волнения секретарь:

— Ваше величество, баронесса Якобина фон Мюнхгаузен умоляет принять ее по срочному делу!

— Я занят! — недовольно крикнул герцог.

— Я сказал, — оправдывался секретарь. — Я даже сказал, что вас нет, но она умоляет...

— Черт подери, — недовольно пробурчал герцог, — просто совершенно не дают сосредоточиться!.. Ладно, проси!

Обернувшись к фрейлине, он с сожалением развел руками. Фрейлина быстро двинулась во внутренние комнаты, захватив с собой манекен. Герцог ловким и привычным движением опрокинул швейную машинку. Она ушла в глубь образовавшейся плоскости большого письменного стола, на котором была закреплена стратегическая карта Европы. Герцог взял в руки красный карандаш и принял позу озабоченного полководца.

— Ваше величество! — Баронесса, бургомистр и Рамкопф быстро вошли и склонились в почтительном поклоне. — Бога ради, извините, что отвлекаю вас от государственных проблем! — Баронесса приблизилась к герцогу. — Но случилось невероятное. Вы подписали прошение барона Мюнхгаузена о разводе...

— Я подписал? — удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. — Да! Подписал! — строго сказал герцог.

— Значит, он может жениться на Марте? — негодуя произнесла баронесса.

— Почему — жениться? — удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. — Да, он может жениться! — строго сказал герцог.

— Но он не имеет права жениться! — поспешно объяснила баронесса. — Сумасшедшим нельзя жениться! Это противозаконно! И я надеюсь, что ваше величество отменит свое решение.

— Почему?

— Потому что барон Мюнхгаузен сумасшедший.

— Баронесса, я понимаю ваш гнев, — улыбнулся герцог, украдкой измеряя сантиметром длину ее рукава. — Но что я могу сделать? Объявить человека сумасшедшим довольно трудно. Надо иметь веские доводы.

— Хорошо! — воскликнула баронесса. — Сейчас я познакомлю вас с одним документом, и вам станет ясно, составлен ли он человеком в здравом рассудке или нет. Эта бумажка случайно попала мне в руки. Прочтите, господин Рамкопф.

— «Распорядок дня барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена на 30 мая 1776 года», — прочел Рамкопф.

— Любопытно, — оживился герцог.

— Весьма, — согласился Рамкопф. — «Подъем — шесть часов утра».

Все переглянулись. Герцог задумался:

— Ненаказуемо.

— Нет, — подтвердил бургомистр и добавил: — То есть я согласен — вставать в такую рань для людей нашего круга противоестественно, но...

— Читайте дальше, Генрих! — перебила баронесса.

— «Семь часов утра — разгон тумана, установление хорошей погоды...»

Герцог молча отправился к окну и посмотрел на небо:

— Как назло, сегодня чистое небо.

— Да, — быстро согласился подошедший бургомистр. — С утра действительно был туман, но потом он улетучился.

— Вы хотите сказать, господин бургомистр, что это его заслуга? — воскликнула баронесса.

— Я ничего не хочу сказать, баронесса, — пожал плечами бургомистр. — Я просто отмечаю, что сегодня великопелный день, хотя с утра был туман. У нас нет никаких оснований утверждать, что он его разогнал, но и говорить, что он не разгонял тумана, значит, противоречить тому, что видишь.

— Вы смеетесь надо мной? — взвизгнула баронесса. — Читайте дальше, Генрих.

— «С восьми до десяти утра — подвиг», — зачитал Рамкопф.

— Как это понимать? — удивился герцог.

— Это значит, — произнесла баронесса, пылая от возмущения, — что с восьми до десяти утра у него запланирован подвиг.. Что вы скажете, господин бургомистр, о человеке, который ежедневно отправляется на подвиг, точно на службу?

Бургомистр показался озадаченным:

— Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат. Не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть...

— Господа, мы дошли до интересного пункта... — объявил Рамкопф. — «В шестнадцать ноль-ноль — война с Англией».

Наступила пауза.

Бургомистр растерянно произнес:

— Господи, чем ему Англия-то не угодила?

Герцог вытянул шею и, многозначительно подняв брови, двинулся к столу.

— Один человек объявляет войну целому государству! — взнервляя обстановку, выкрикнула баронесса. — И это нормально?!

— Нет, — строго оглядел присутствующих герцог. — Это уже нечто.

— Да, это можно рассматривать как нарушение общественного порядка, — сказал бургомистр.

— Где она? — строго сказал герцог, пристально вглядываясь в карту. — Где, я вас спрашиваю?!

— Кто?

— Англия!

— Секунду, ваше величество... — Секретарь пробежал глазами карту. — Вот!

— А где мы? — спросил герцог.

— А мы — вот!

Герцог выхватил сантиметр, измерил расстояние:

— Это же рядом! Возмутительно! Нет, это не шуточки! Война есть война! — закричал он, обращаясь к советнику. — Передайте приказ: срочно разыскать и задержать барона Мюнхгаузена. В случае сопротивления применять силу! Командующего ко мне!

— Слушаюсь! — рявкнул тот.

В дверях звякнул шпорами командующий.

— Приказ по армии: всеобщая мобилизация! Отзвать всех уволенных в запас! Отменить отпуска! Гвардию построить на центральной площади. Форма одежды летняя, парадная: синие мундиры с золотой оторочкой, рукав вшивной, лацканы широкие, талия на десять сантиметров выше, чем в мирное время!

— Будет исполнено! — Командующий отдал честь и бросился вон из кабинета.

Баронесса подлетела к Рамкопфу:

— Генрих, как адвокат скажите — что его ждет?

— Честно говоря, даже не знаю... — растерянно проормотал Рамкопф. — В кодексе не предусмотрен такой случай.

— Двадцать лет тюрьмы! — закричала баронесса. — Ваше величество, я требую двадцать лет! Столько, сколько я была за ним замужем!

— Война есть война! — все более воодушевляясь, прокричал герцог. — Господин бургомистр! Закрыть все входы и выходы из города! Перекрыть все городские ворота и мосты!

— Слушаюсь!

Бургомистр вместе с баронессой и Рамкопфом бросились к выходу. Герцог, впад в ажиотацию, продолжал кричать им вслед:

— Война есть война! Где мой военный мундир?!

— Сейчас, ваше величество, сейчас! — Секретарь вынес на вешалке сверкающий пуговицами мундир полководца. — Прошу вас!

— Что?! — побагровел герцог. — Мне... в этом? В одностороннем? Да вы что?! Не знаете, что сейчас в одностороннем никто уже не воюет? Безобразия!.. Война у порога, а мы не готовы! — Он резким движением перевернул стол, уселся за швейную машинку и начал лихорадочно перешивать мундир.

Горнист издал пронзительно-тревожный сигнал. Солдаты на ходу разбирали ружья. Грянул духовой оркестр. Командующий поднял коня на дыбы и обнажил шпагу. Конная гвардия, поднимая пыль, поскакала по улицам города.

Взрыв хохота потряс трактир.

— Но это не все! — объявил Мюнхгаузен, подняв указательный палец. — Дальше самое трудное, господа! Темно, холодно, и ни одной спички, чтоб разжечь костер. Что делать? Замерзнуть? Никогда!.. Голова-то всегда под рукой, не так ли? Со всей силой я ударил себя кулаком в лоб, из глаз тут же посыпались искры. Несколько из них упало в костер, и костер разгорелся!..

За окном трактира послышался звук боевой трубы. С соседнего столика к Мюнхгаузену наклонился Томас:

— Господин барон, по-моему, это по вапу душу.

В дверях трактира появилась группа гвардейцев. Послышалась грозная команда:

— Всем оставаться на местах!

Мюнхгаузен открыл крышку карманных часов:

— Половина четвертого. Срок моего ультиматума истекает через тридцать минут.

— Я могу чем-нибудь помочь? — поинтересовался Томас.

— Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен! — громко произнес приблизившийся офицер. — Приказано

вас арестовать! В случае сопротивления приказано применить силу.

— Кому? — вежливо спросил Мюнхгаузен.

— Что «кому»? — не понял офицер.

— Кому применить силу в случае сопротивления — вам или мне?

Офицер задумался. По его лицу было видно, что это занятие для него не из легких.

— Не знаю, — наконец честно признался он.

— Может, послать вестового и переспросить? — посоветовал барон.

— Нет! — принял решение офицер и обнажил шпагу.

— Отлично! — Мюнхгаузен ответил тем же. — Будем оба выполнять приказ. Логично? — После чего он ловким движением, как и положено в подобных случаях, опрокинул стол. — Музыка не повредит?

— Что?! — изумился офицер.

— Несколько аккордов... Для бодрости! — Мюнхгаузен сделал знак музыкантам.

Музыканты дружно заиграли проникновенную мелодию. Мюнхгаузен совершил бросок, последовал молниеносный обмен ударами, и противники замерли в напряженных позах.

— Нет, господа, не то, — обернулся Мюнхгаузен к музыкантам. — Здесь пианиссимо... Вы согласны? — спросил он офицера.

— В каком смысле? — опять не понял тот.

— Это место играет тоньше и задушевнее. Подержите, пожалуйста. — Он протянул шпагу офицеру. — Я сейчас покажу. — Передав оружие офицеру, он принял скрипку у музыканта и заиграл. — Мое любимое место! — Он кивнул головой посетителям трактира, и хор поддержал слова второго куплета.

Чистая, щемящая душу мелодия понеслась из открытых окон трактира. Второй вооруженный отряд гвардейцев обнаружил у трактира плотную толпу слушателей.

Мюнхгаузен был в ударе. Многие плакали. Играл мастер.

На центральной площади у ратуши герцог Георг в военном мундире сидел на белом коне в окружении советников.

— Сколько можно ждать? — нервничал герцог, поглядывая на часы. — Неужели так трудно арестовать одного-единственного человека?!

— Ваше величество, — попросту объяснил один из военных советников, — с ним ведь все не так просто. С ним всегда морока. Небось опять задурил всем головы...

— Он что же, по-вашему, начал им что-то рассказывать?

— Наверное, — кивнул главный военный советник, — что-нибудь насчет охоты...

— На кого? — заинтересовались другие советники.

— На мамонта, кажется... Он стрелял ему в лоб, а у того выросло на голове вишневое дерево.

— У кого выросло? — спросил младший офицер.

— У медведя.

— А стрелял в мамонта?

— Вы только не путайте! — В споре приняли участие почти все присутствующие. — Он выстрелил в медведя косточкой от черешни. Это всем известно.

— Нет-нет... стрелял он, во-первых, не черешней, а смородиной.

— Правильно, когда тот пролетал над его домом.

— Медведь?

— Ну не мамонт же... Их там была целая стая.

— Прекратить! — закричал герцог. — Через двадцать минут начнется война с Англией!

— Англия тоже, ваше величество, хороша, — заметил кто-то из ближайшего окружения. — Привыкли все — Англия, Англия...

В дальнем конце площади появился Мюнхгаузен.

— Почему он с оркестром? Где моя гвардия? — заинтересовался герцог.

— Ваше величество, — начал неуверенно главнокомандующий, — ситуация сложная... Сначала намечались торжества... Потом аресты... Потом решили совместить...

— А где гвардия?

— Очевидно, обходит с тыла...

— Кого?!!

— Всех, — подумав, завершил отчет главнокомандующий.

Мюнхгаузен приблизился к герцогу. Тотчас подтянулись любопытные граждане.

— Добрый день, господа! Я от души приветствую вас, ваше величество! Здравствуй, Якобина! Господин бургомистр, мое почтение!

Герцог, не удержавшись от любопытства, слез с лошади и подошел к Мюнхгаузену.

Наступила пауза.

Мюнхгаузен улыбнулся:

— Вы позвали меня помолчать?

— Видите ли, дорогой мой, мне тут сообщили довольно странное известие... — как-то несмело начал герцог. — И вот господин бургомистр это подтвердит...

— Действительно, — согласился бургомистр.

— Даже не знаю, как и сказать... — замялся герцог. — Ну.. будто бы вы... объявили войну.. Англии.

— Пока еще нет, — быстро ответил Мюнхгаузен и достал часы. — Война начнется в четыре часа, если Англия не выполнит условий ультиматума.

— Ультиматума? — вздрогнул герцог.

— Да. Я потребовал от британского короля и парламента прекратить бессмысленную войну с североамериканскими колонистами и признать их независимость. Срок ультиматума истекает сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Если мои условия не будут приняты, я начну войну.

— Интересно, как это будет выглядеть? — удивился бургомистр. — Вы станете палить по ним отсюда из ружья или пойдете врукопашную?

— Методы ведения кампании — военная тайна! — учтиво заметил Мюнхгаузен. — Я не могу ее разглашать, тем более в присутствии штатских.

— Так! — строго произнес герцог. — Господин барон, я думаю, нет смысла продолжать этот бессмысленный разговор. Послав ультиматум королю, вы тем самым перешли все границы! — И неожиданно заорал: — Война — это не покер! Ее нельзя объявлять когда вздумается! Сдайте шпагу, господин барон!

— Ваше величество, — спокойно сказал Мюнхгаузен, — не идите против своей совести. Я ведь знаю, вы благородный человек и в душе тоже против Англии!

— Да, против! — крикнул герцог. — Да, они мне не нравятся! Ну и что? Я сижу и помалкиваю! Одним словом, вы арестованы, барон! Сдайте шпагу!!

В следующее мгновение Феофил обнажил свою шпагу и бросился вперед:

— Господин барон, я вызываю вас на дуэль!

— Уберите мальчика! — попросил герцог.

Феофила мгновенно и небрежно оттащили под руки двое офицеров.

— Я жду, — сказал герцог.

Мюнхгаузен взялся за шпагу и медленно стал вытягивать ее из ножен, внимательно глядя на герцога.

Послышался топот бегущего человека. Рассталкивая всех, тяжело дыша, появился Томас:

— Господин барон, вы просили вечернюю газету! Вот! Экстренное сообщение. Англия признала независимость Америки.

Удивленная свита спешила и, оживленно переговариваясь, столпилась над раскрытой газетой.

Мюнхгаузен взглянул на часы:

— Без четверти четыре! Успели!.. Их счастье!.. — Шпага послушно легла в ножны. — Честь имею! — Улыбнувшись, Мюнхгаузен повернулся и пошел прочь под звуки знакомой и любимой им мелодии.

Маленький оркестр вдохновенно играл посередине большой площади.

— Немыслимо! — прошептал Рамкопф, глядя на безмолвно застывшего герцога.

— Он его отпустил! — простонала баронесса.

— Что он мог сделать? — вздохнул бургомистр.

— Это не герцог, это тряпка, — прошептала баронесса.

Бургомистр поднял брови:

— Сударыня, ну что вы от него хотите? Англия сдалась. По противоположной стороне площади на высокой скорости с оглушительным топотом промчался кавалерийский отряд и завернул в переулок. Раздались выстрелы.

— Почему еще продолжается война? — упавшим голосом спросил герцог. — Они что у вас, газет не читают?!

Музыканты заиграли торжественный свадебный марш. Открылась дверь спальни комнаты, и вошла

Марта в белом подвенечном платье. Медленно и величественно. К ее ногам полетели красные гвоздики.

— Bravo! — произнес Мюнхгаузен откуда-то сверху, разбрасывая цветы. — Тебе очень идет подвенечный наряд.

— Он идет каждой женщине, — ответила Марта.

— Тебе особенно!

— Я мечтала о нем целый год, — сказала Марта. — Жаль, его надевают всего раз в жизни.

— Ты будешь ходить в нем каждый день! — сказал барон. — И мы будем каждый день венчаться! Хорошая идея?

— Отличная! — сказала Марта. — Но сначала надо развестись. Ты не забыл, дорогой, что через полчаса начнется бракоразводный процесс?

— Он начался давно, — улыбнулся барон. — С тех пор, как я увидел тебя!.. Ах, любимая, какой подарок я тебе приготовил!

Он неожиданно замер. Жестом прервал музыкантов и попятился назад, в свой кабинет. Резко обернулся и оглядел длинные столбцы цифр и замысловатых геометрических построений.

— Да, — прошептал Мюнхгаузен. — Сегодня или никогда!

Он услышал голос Марты:

— Карл, я хочу знать, что ты придумал!

— Тсс! — Мюнхгаузен поднял палец к губам. — Не торопись... Пусть это будет для тебя сюрпризом.

Она подошла сзади и обняла его. Тихо возникла тема их шуточного танца..

— Карл, это не повредит нам? Может, обойдемся без сюрприза? В такой день...

— Именно в такой день!.. Посмотри на их лица. — Мюнхгаузен указал на ряд портретов. Из золоченых рамок на Мюнхгаузена и Марту смотрели ученые мужи и блестящие мыслители древности.

— По-моему, они улыбаются нам, — прошептал Мюнхгаузен. — От тебя я держу свое открытие в тайне, но им я уже рассказал...

Некоторые лица, изображенные на портретах этой домашней галереи, слегка посветлели...

Галерея живых современников Мюнхгаузена, восседающих в первых рядах зала для судебных заседаний, выглядела гораздо торжественнее и монументальнее.

Судья говорил с пафосом:

— Господа, процесс, на котором мы присутствуем, можно смело назвать необычным, ибо в каждом городе Германии люди женятся, но не в каждом им разрешают развестись. Именно поэтому первое слово благодарности мы приносим его величеству герцогу, чья всемилостивейшая подпись позволила нам стать свидетелями этого праздника свободы и демократии!

Он ударил молоточком в медный гонг, раздались аплодисменты.

К зданию ганноверского суда подкатила карета, из которой проворно выбрался Мюнхгаузен, завершая на ходу длительный диалог с Мартой.

— Нет-нет, на ходу этого все равно не объяснишь... — поспешно говорил Мюнхгаузен. — Если я тебе скажу, что в году триста шестьдесят пять дней, ты не станешь спорить, верно?

— Пойми, дорогой, если это касается нас...

— Это касается всех. Земля вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите, с этим ты не станешь спорить?

— Нет!

— Все остальное так же просто... — Он бросился к центральному входу. Марта осталась в карете.

На трибуне стояла баронесса.

— Трудно говорить, когда на тебя смотрят столько сочувствующих глаз. По традиции мужчину после развода объявляют свободным, а женщину — брошенной... Не жалейте меня, господа! Подумайте о себе! Много лет я держала этого человека в семейных узах и тем самым спасала от него общество. Теперь вы сами рубите это сдерживающее средство. Что ж... — Она усмехнулась и закончила с пафосом: — Мне жалко вас! Не страшно, что я брошена, страшно, что он СВОБОДЕН!

Толстые разодетые горожане из первых рядов отдувались и вытирали слезы кружевными платочками.

Мюнхгаузен с трудом протиснулся в переполненный зал и остановился в дверях.

— О чем это она? — спросил он у стоящего рядом горожанина.

— Как — о чем? — горожанин даже не повернул головы. — Барона кроет.

— Что ж она говорит? — поинтересовался барон.

— Ясно что: подлец, мол, говорит. Псих ненормальный!

— И чего хочет? — вновь полюбопытствовал барон.

— Ясно чего: чтоб не бросал.

— Логично, — заметил Мюнхгаузен и стал пробираться через переполненный зал.

— Почему так поздно, Карл? — спросил встревоженный бургомистр, усаживая его рядом с собой.

— По-моему, рано. Еще не все глупости сказаны.

Бургомистр поморщился:

— Только умоляю тебя!..

— Понял! Ни одного лишнего слова!

— Это главное, — согласился бургомистр.

— Главное в другом, — тихо шепнул Мюнхгаузен. — Я сделал удивительное открытие.

— Опять?! — вздрогнул бургомистр.

— Вы все ахнете. Это перевернет жизнь в нашем городе.

— Умоляю, барон, — встревожился бургомистр, — только не сегодня.

— Ответьте мне на один вопрос: сколько дней в году?

— Триста шестьдесят пять...

— Ладно, — отмахнулся Мюнхгаузен. — Остальное потом.

— Вызывается барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен! — провозгласил судья, и, сопровождаемый любопытными взглядами публики, барон легко взбежал на возвышение:

— Я здесь, господин судья!

— Барон, что бы вы могли сообщить суду по существу дела?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Как — что? — недовольно проворчал судья. — Объясните — почему разводиться? Как это так: двадцать лет было все хорошо и вдруг — такая трагедия.

— Извините, господин судья, — с улыбкой сказал Мюнхгаузен. — Существо дела выглядит не так: двадцать лет длилась трагедия, и только теперь должно быть все хорошо. Объясню подробнее: дело в том, что нас поженили еще до нашего рождения. Род Мюнхгаузенов всегда мечтал породниться с родом фон Дуттен. Нас познакомили с Якобиной еще в колыбели, причем она мне сразу не понравилась, о чем я и заявил со всей прямоотой, как только научился разговаривать. К сожалению, к моему мнению не прислушались, а едва мы достигли совершеннолетия, нас силой отвезли в церковь. В церкви на вопрос священника, хочу ли я взять в жены Якобину фон Дуттен, я честно сказал: «Нет!» И нас тут же обвенчали...

Слушавший речь барона пастор попытался что-то возразить, но судья остановил его жестом.

— После венчания, — продолжал Мюнхгаузен, — мы с супругой уехали в свадебное путешествие: я — в Турцию, она — в Швейцарию, и три года жили там в любви и согласии. Затем, уже находясь в Германии, я был приглашен на бал-маскарад, где танцевал с одной очаровательной особой в маске испанки. Воспылав чувством к незнакомке, я увлек ее в беседку, обольстил, после чего она сняла маску и я увидел, что это моя законная жена. Таким образом, если я и изменял когда-нибудь в супружестве, то только самому себе. Обнаружив ошибку, я хотел тут же подать на развод, но выяснилось, что в результате моей измены у нас должен кто-то родиться. Как порядочный человек, я не мог бросить жену, пока ребенок не достигнет совершеннолетия. Я вернулся в полк, прошел с ним полмира, участвовал в трех войнах, где был тяжело ранен в голову. Вероятно, в связи с этим возникла нелепая мысль, что я смогу прожить остаток дней в кругу семьи. Я вернулся домой, провел три дня, общаясь с женой и сыном, после чего немедленно направился к аптекарю купить яду. И тут свершилось чудо. Я увидел Марту. Самую чудную, самую доверчивую, самую честную, самую... Господи, зачем я вам это говорю, вы же все ее знаете...

Марта выбралась из кареты и бросилась бежать. У ступенек собора она опустилась на колени, с мольбой посмотрела на распятие:

— Великий Боже, сделай так, чтоб все было хорошо. Помоги нам, Господи! Мы так любим друг друга... И не сердись на Карла, Господи! Он тут что-то опять придумал, Господи! Он дерзок, он часто готов спорить с Тобой, но ведь Ты, Господи, старше, Ты мудрее, Ты должен уступить... Уступи, Господи! Ты уже столько терпел. Ну потерпи еще немного!..

— Итак, господа, — провозгласил судья, — наше заседание подходит к концу.. Соединить супругов не удалось, да и тщетно было на это надеяться. Если за двадцать лет столь уважаемые люди не могли найти путь к примирению, глупо было бы верить, что это произойдет в последнюю минуту.. Что ж, начнем процедуру развода. Господин барон, госпожа баронесса, прошу подойти ко мне и ознакомиться с разводными письмами...

Барон и баронесса подошли к столу, взяли в руки подготовленные документы, стали читать вслух:

— «Я, Карл фон Мюнхгаузен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Якобиной фон Мюнхгаузен и объявляю ее свободной».

— «Я, Якобина фон Мюнхгаузен, урожденная фон Дуттен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Карлом фон Мюнхгаузенем и объявляю его свободным».

— Скрепите эти документы своими подписями! Поставьте число! — скомандовал судья. — Теперь передайте эти письма друг другу!

Не скрывая неприязни, баронесса протянула Мюнхгаузену свое письмо, взяла у него такой же лист и передала его своему адвокату Рамкопфу.

Пастор поднялся со своего места и провозгласил:

— Именем святой духовной консистории объявляю вас свободными...

Он начал торжественно поднимать руку, и вдруг раздался истошный вопль Рамкопфа:

— Остановитесь!

Пастор замер с протянутой рукой.

— Остановитесь! — кричал Рамкопф, размахивая листом бумаги. — Наш суд превращен в постыдный фарс! Господин судья, прочтите внимательно письмо барона Мюнхгаузена...

Автор. Особые приметы: молодой... кучерявый... безбородый... взгляд, полный оптимизма... (1960)

Бабушка Малка и дедушка Гершеле, в честь которого я и был назван Григорием (1907).

Папа и мама (в центре, 1930).

Автор на первом году жизни (1940).

В пять-шесть лет трудно еще найти свое призвание.

*Выбор сделан —
медицина (1958).*

*Рядовой Г. Горин на
военной подготовке
в Таманской дивизии
(1958).*

Первые выступления с чтением собственных рассказов:

а) *на колхозном поле...*

б) *в красном уголке завода...*

в) *в цирке...*

*Моя юность с журналом «Юность»
(1960—1968). Первое совместное
выступление с А. Аркановым....*

*...с А. Вознесенским,
Б. Ахмадулиной и А. Ивановым...*

...с Булатом Окуджавой.

Вручение первой литературной премии «Клуба 12 стульев» (1966). Вместе с автором эту радость приготовились разделить члены редсовета: Н. Суслов, В. Веселовский, главбух С.П. Кремлев, В. Резников, В. Владим.

ЖЕНЕ ЛЮБЕ

*Жена юмориста
С женой декабриста
Судьбою сравнима вполне...
Свой каторжный труд добывания шутки,
В котором проводит он целые сутки, —
Все поровну делится с ней.
И все, что добудет,
Стократно обсудит,
Проверив на ней заодно...
И даже когда ей свой стих посвящает,
Расслабиться, бедной, и тут запрещает,
А спросит: «Ну это... смешно?»*

*Первый творческий вечер в ЦДЛ. За кулисы пришли наставники:
В. Паперный, Б. Ласкин, М. Захаров, М. Миронова, Я. Голованов...
(1969)*

...а также В. Гафт и Ю. Визбор.

*В 1968 году был
принят в Союз
писателей СССР
и сразу стал
ездить
на встречи
с читателями...*

*...с Д. Граниным
в Академгородке...*

*...с П. Сажиним, А. Штейном,
А. Вознесенским у оленеводов
Чукотки (или Якутии...
короче, на Севере дальнем)...*

...с В. Аксеновым в Ялте...

...с Ч. Айтматовым у сталеваров...

...с М.М. Роциным... не помню где, но было весело.

*«Маленькие
комедии
большого
дома»
написаны
вместе
с А. Аркановым
для Театра
сатиры.
Целое
созвездие
знаменитых
артистов.*

*Это спектакль,
после которого я уже
стал считать себя
драматургом.
«Тиль», Театр
им. Ленинского
комсомола (1974).
Режиссер
Марк Захаров,
исполнители
главных ролей:
Н. Караченцов,
И. Чурикова.*

*Начало дружбы
с Э. Рязановым.
На съемках
фильма
«О бедном
гусаре
замолвите
слово».*

*«В мастерской художника Б. Мессерера собралась московская богема...»
Знаменитая фотография В. Плотникова.*

*Исторический момент. Подружился с И. Квашой... Завел собаку...
Меняю облик... (1983)*

Судья взял письмо:

— «Я, Карл фон Мюнхгаузен...»

— Дату! Читайте дату!

— «Тысяча семьсот семьдесят шестой год, тридцать второе мая...»

В зале раздался шум, недоуменные возгласы.

— Барон, — сказал судья, — вы ошиблись... такого числа не бывает.

— Бывает! — сказал Мюнхгаузен и торжественно посмотрел в зал.

— Но если вчера было тридцать первое мая, то сегодня какое?

— Тридцать второе! — провозгласил ликующий Мюнхгаузен.

Шум в зале суда усилился, часть публики вскочила со своих мест.

— Господа! — воскликнул Мюнхгаузен. — Сейчас я вам все объясню... Этот день — мое открытие! Мой подарок родному городу!

— Фигляр! — закричала баронесса. — Сумасшедший! Зал засвистел, затопал ногами.

— Да подождите! — умолял публику барон. — Позвольте, я вам объясню... Это правда... Существует такой день! Вернее, он должен существовать! Это необходимо!..

— Что вы натворили, Карл! — Бургомистр в отчаянии всплеснул руками.

— Я не шучу, — искренне сказал барон, но его голос потонул в общем шуме.

— Будь проклят, исчадь ада! — крикнул пастор. — Будь проклят каждый, кто прикоснется к тебе!

— Суд оскорблен! — кричал судья и бил молоточком в гонг. — Решение о разводе отменяется! Заседание закрывается!

Публика шумно поднялась с мест. Кто-то смеялся, кто-то улюлюкал, кто-то кричал что-то, указывая в сторону Мюнхгаузена.

— Ведь я умолял вас! — Бургомистр обхватил голову руками. — Почему нельзя было подождать хотя бы до завтра!

— Потому что каждый лишний час дорог... Я вам сейчас все объясню. — Мюнхгаузен попытался овладеть

вниманием бургомистра, схватил его под руку, но тот в отчаянии затряс головой:

— Я старый больной человек. У меня слабое сердце. Мне врачи запретили волнения.

Взглянув еще раз на распятие, Марта услышала все нарастающий шум голосов. Она испуганно обернулась, попяtilась и бросилась бежать.

Бургомистр в изнеможении сидел в углу кабинета, обхватив голову руками.

— Вы умный человек, вы должны понять, — говорил Мюнхгаузен, стоя перед бургомистром.

— Я глупый... Я не хочу этого знать...

— Сколько дней в году? Триста шестьдесят пять! Точно?.. Нет, не точно. — Мюнхгаузен ласково погладил бургомистра, пытаясь ею ободрить. — В обыкновенном году триста шестьдесят пять дней и шесть часов. Эти шесть часов суммируют, и возникает еще один день, то есть каждый четвертый год становится високосным! Но оказалось, что и этого недостаточно! В обычном году — триста шестьдесят пять дней, шесть часов и еще... еще... три СЕКУНДЫ! Это подтвердит вам любой астроном. Надо лишь взлететь к звездам с хронометром в руках и проследить за вращением Земли. Три секунды неучтенного времени! Три секунды, которые сбрасывают почему-то со счета!.. Почему? — Он стремительно обернулся к двери. Перед ним стояла Марта.

Не замечая ее дорожного наряда, он бросился к ней, восторженно обнял за плечи:

— Милая! Все дело в том, что в нашем распоряжении есть лишние секунды, но мы их не учитываем! Но ведь за годы эти секунды складываются в минуты, за столетия — в часы... И вот, дорогие мои, оказалось, что за время существования нашего города нам натикало лишний день. Тридцать второе мая!

— Все? — устало спросил бургомистр.

— Все! — сказал счастливый барон.

— И вы ничего умней не придумали, как сообщить об этом на суде?

— При чем тут суд? — удивился барон. — Мне важно было сообщить об этом людям, и я это сделал. — Только

теперь он заметил, что за спиной Марты стоял испуганный Томас, за Томасом — растерянные музыканты.

— Вы надеялись, вам поверят? — Бургомистр поднялся со своего места.

— Ну а куда ж деться от фактов? Ну не идиоты же мы, чтоб отказываться от лишнего дня в жизни? — Мюнхгаузен подошел к Томасу. — Томас, ты доволен, что у нас появилось тридцать второе мая?

— Вообще-то... — замялся Томас, — не очень, господин барон: первого июня мне платят жалованье...

— Ты не понял, — недовольно поморщился барон. — Появился лишний день, глупый. А вы рады новому дню? — обратился он к музыкантам.

— Смотря на что он падает, — ответил за всех скрипач. — Если на выходной, то обидно, а если, скажем, на понедельник, то зачем нам два понедельника?..

— Убирайтесь! — гневно крикнул барон. Томас и музыканты поспешно удалились.

— Вы напрасно сердитесь, — усмехнулся бургомистр. — Люди не любят новшеств... Есть порядок... Скажу вам по секрету, я тоже не очень доволен нашим календарем. Но я не позволяю себе срывов! Время для срывов не пришло...

— А ты, Марта? — барон грустно посмотрел на жену. — Ты-то понимаешь, что я прав?

— Извини меня, Карл, — Марта отвела взгляд. — У меня все перепуталось в голове... Наверное, ты прав. Я плохо разбираюсь в расчетах... Но нас уже не обвенчают. Это я поняла. И я уйду. Не сердись, милый... Я устала...

Музыканты заиграли в отдалении тему их томно-шутливого танца.

— Я люблю тебя, — растерянно и тихо сказал Мюнхгаузен.

— Я знаю, милый, — вздохнула Марта. — Но ради меня ты не хочешь поступиться даже в мелочах... Помнишь, когда мы встречались с Шекспиром, он сказал: «Все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, а не исполняют даже возможного...»

— Но потом добавил: «Препятствия любви только усиливают ее».

— У нас их чересчур много, этих препятствий, — улыбнулась Марта сквозь слезы. — Они мне не по силам... Господи, ну почему ты не женился на Жанне д'Арк? Она ведь была согласна... А я — обыкновенная женщина. Я не гожусь для тридцать второго мая.

— Послушайте, — вмешался бургомистр, — дорогой барон, нельзя так испытывать терпение женщины... Ради нее, ради вашей семьи вы можете признать, что сегодня тот день, который в календаре?

— Как же это можно? Ведь я говорю правду!

— Да черт с ней, с правдой, — закричал бургомистр. — Иногда необходимо соврать... Господи, и такие очевидные вещи приходится объяснять барону Мюнхгаузену. С ума сойдешь с вами!

— Ты тоже так считаешь? — спросил барон Марту. Та пожала плечами, хотела что-то сказать, барон остановил: — Нет. Не говори! Я сам пойму!

Она не ответила. Он подошел к ней, заглянул в глаза.

— Хорошо! — вздохнул барон. — Ладно. Пусть будет по-вашему. Что мне надо сделать, бургомистр?..

За столом сидел печальный и озабоченный герцог Георг. Рядом с ним — пастор Франц Мусс и группа ближайших советников.

Мюнхгаузен, как провинившийся ученик, стоял в центре кабинета. У двери расположился бургомистр, который изо всех сил пытался выглядеть спокойным.

— Да, — сочувственно вздохнул герцог. — Да! Да! Да! В мире существует определенный порядок. Один день сменяет другой, за понедельником наступает вторник... Нельзя менять ход времени! Это недопустимо! Люди не будут различать праздники и будни! Возникает путаница, что надевать: деловой сюртук или нарядный камзол!

— Самое страшное, — вмешался пастор, — прихожане не смогут точно знать, когда Рождество, а когда Пасха!

— Ваше величество, — осторожно вмешался бургомистр, — барон осознал свою ошибку. Он погорячился и теперь раскаивается...

— Значит, вы готовы признать, что сегодня первое июня? — спросил герцог.

— Хоть десятое! — устало сказал Мюнхгаузен.

— Не десятое, а первое! — возмутился пастор. — И не делайте нам одолжения!

— Барон, ведь вы разумный человек, — примирительно сказал герцог. — Я всегда относился к вам с симпатией...

— Всегда! — кивнул пастор.

— Вы правильно и со вкусом одеты: свободная линия плеча, зауженные панталоны... Вы могли бы стать примером для молодежи. И если вы встанете на верный путь, я уверен, наш уважаемый пастор обвенчает вас с вашей избранницей! Не так ли, святой отец?

— Да, — сказал пастор. — Но при одном условии: барон должен отказаться от всего...

— От всего? — вздрогнул Мюнхгаузен.

— От всех ваших богомерзких фантазий! — сухо пояснил пастор. — Вы должны публично признать, что все это — ложь! Причем я требую, чтобы это было сделано письменно!

— Письменно?

— Да. Письменно ввали — письменно отрекайтесь.

— Мне не написать второй книги, — вздохнул Мюнхгаузен. — Я и на эту истратил целую жизнь...

— Никто от вас книги и не требует, — сказал герцог. — Все должно быть сделано в форме официального документа: «Я, барон Мюнхгаузен, заявляю, что я обыкновенный человек, я не летал на Луну, не вытягивал себя за волосы из болота, не скакал на ядре...»

— «...Не отпускал жареных уток, — подхватил пастор, достав книгу барона и листая ее, — не выращивал на голове оленя вишневого дерева...» И так далее. По всем пунктам!

Мюнхгаузен безучастно поглядел в окно.

— Хорошо! — устало вздохнул он. — Я все подпишу.. Раз новый день никому не нужен, пусть будет по-вашему..

— Ну вот и славно. — Довольный герцог поднялся с места и похлопал барона по плечу. — И не надо так трагично, дорогой мой. Смотрите на все это с присутствующим вам юмором. В конце концов, и Галилей отрекался!

— Поэтому я всегда больше любил Джордано Бруно! — с улыбкой ответил Мюнхгаузен.

Марта на цыпочках пересекла гостиную и, улыбнувшись музыкантам, торжественно взмахнула рукой.

Музыканты тихо заиграли.

В одной из дверей показалась встревоженная физиономия бургомистра. С верхней галереи смотрел вниз озадаченный Томас.

Марта успокоила их взглядом. Приблизилась к кабинету Мюнхгаузена и осторожно заглянула в дверь.

Возле пылающего камина барон Мюнхгаузен сжигал свои рукописи, рисунки, замысловатые схемы... Потом в его руках появилась книга.

Он перевел взгляд на приоткрытую дверь.

Бургомистр, Марта и Томас стояли на пороге и смотрели на него с напряженным вниманием.

Бургомистр сделал успокаивающий жест и прошептал:

— Но помните, что втайне вы можете верить! Втайне...

— Я не умею втайне, — вздохнул барон. — Я могу только открыто.

Он начал листать книгу.

— Ну-ну, мой друг, — бургомистр сделал шаг вперед, с трудом подыскивая нужные слова, — во всем есть и хорошая сторона. Во всяком случае, город перестанет смеяться над вами.

— Да! — Мюнхгаузен отступал в темный угол кабинета, словно готовясь к прыжку. — Я не боялся казаться смешным... Это не каждый может себе позволить. — Он ринулся прочь мимо растерянных друзей, удивленных музыкантов.

Марта первая бросилась следом:

— Карл! Не надо! Я умоляю!..

Замелькали предметы, захлопали двери...

Марта, бургомистр, Томас заглядывали во все углы, смотрели в окна, пока не раздался выстрел. Они замерли на месте, не понимая, где именно это случилось.

Наступила продолжительная пауза.

Томас перевел взгляд на музыкантов, тихо прошептал:

— Я не понял... Это который час?!

Музыканты поспешно схватили инструменты и, весело смеясь, заиграли стремительную и отчаянную тему барона Мюнхгаузена.

По лицам улыбающихся музыкантов поплыли финальные титры.

Часть вторая

Написанный на холсте глаз смотрел на мир с сожалением.

— Итак, господа, я заканчиваю, — прозвучал голос Генриха Рамкопфа. — Три года прошло с того дня, как перестало биться сердце барона Мюнхгаузена!

Написанный на холсте глаз являлся составной частью известного портрета барона Мюнхгаузена. Известный портрет барона висел в изголовье большой деревянной кровати, на которой полусидели, прикрывшись общим одеялом, баронесса Якобина фон Мюнхгаузен и Генрих Рамкопф. Перед Рамкопфом лежала дощечка с чернильницей и большим гусиным пером. Генрих вдохновенно, с выражением бесконечной скорби зачитывал только что написанные строчки:

— «И все три года этот прославленный герой живет в сердцах своих благодарных соотечественников. Пусть же этот памятник, который мы устанавливаем в его честь, станет символом беззаветной любви города к своему гражданину..»

— Нет, — поморщилась баронесса, — «станет символом» — как-то вяло.

— Хорошо, — согласился Генрих, — пусть «станет не только символом».

— Лучше.

— Так! — Генрих взялся за перо. — «...не только символом беззаветной любви города к своему гражданину..»

— Лучше — «к своему великому сыну».

— Лучше, — согласился Генрих и тотчас продолжил: — «Пусть он будет источником отваги, смелости и родником живительного оптимизма, который никогда не перестанет...» Может быть, «напоминать»?..

— Лучше — «струиться».

— Лучше! «...струиться в душе каждого истинного германца!» Как?

— Хорошо!

Генрих выскочил из-под одеяла и прошелся по комнате.

— Не высокопарно?

— Нет, Генрих, — с большим внутренним волнением сказала баронесса, — этого требует торжественность момента.

Одеваясь на ходу, Генрих поспешно выбежал из спальни...

Распахнулась дверь кабинета. Не обращая внимания на протесты чиновников, ожидающих в приемной, Генрих бросился к письменному столу, из-за которого поднялся бургомистр.

Чиновники в приемной повскакивали со своих мест и, негодуя, попытались воспрепятствовать визиту Генриха, но были оттеснены обратно к дверям решительным секретарем бургомистра.

— «И все три года этот прославленный герой, — зачитывал Генрих, все более воодушевляясь, — живет в сердцах своих благодарных соотечественников!»

— Да, да, да, — взволнованно кивал бургомистр, расхаживая вокруг Генриха, — мое сердце принадлежит ему. Он постоянно со мной...

С этими словами бургомистр перевел взгляд на картину, висящую на стене. Картина изображала задушевную беседу двух неразлучных друзей — барона Мюнхгаузена и бургомистра.

— Не могу забыть его юмора, Генрих! Не все понимали его, а я всегда смеялся, — сказал бургомистр и заплакал. — Я думаю, он одобрил бы наш проект.

С этими словами бургомистр сдернул полотно с макета, и взору Генриха открылась передняя часть лошади, на которой восседал Мюнхгаузен. Голова лошади была опущена, как и положено при водопое.

— Ты помнишь эту историю? — спросил довольный бургомистр. — Он оказался на разрубленной лошади, первая половина которой не могла утолить жажду, в то время как вторая половина мирно паслась неподалеку. На всякий случай мы изготовим и вторую половину. Можно установить ее на другой площади.

— Да, да, я вспоминаю, — улыбнулся Генрих, — забавная шутка!

— Нет, Генрих, — метафора! — поправил бургомистр. — Когда прозвучит фраза «пусть же он струится в душе каждого истинного германца», из лошади польется вода...

Из скульптуры брызнула струя воды. В окружении советников герцог поднялся с места.

— Так! — На лице герцога появились следы творческого вдохновения. — В целом, господа, мне нравится!

— Да! Хорошо! — тотчас поддержали герцога советники.

Его величество приблизился к скульптуре.

— Выразительная штукавина! — сощурясь произнес он. — Жаль только, что одна половина...

Советники понимающе вздохнули, искренне сожалея.

— А куда, собственно, девалась вторая? — заинтересовался герцог.

— Согласно известному рассказу барона, она мирно паслась неподалеку, — быстро пояснил бургомистр.

— А что если все-таки как-то... хотя бы... приблизить?

Среди помощников и адъютантов возникло сложное движение, завершившееся быстрым появлением второй половины, которую внесли в кабинет и поставили неподалеку от передней половины.

— Уже точнее, — обрадовался герцог.

— Да! — согласились советники. — Гораздо точнее. Уже.

— Но поскольку скульптура барона состоит у нас из двух половин, впечатление от барона все-таки раздваивается, — горестно вздохнул герцог.

— В том-то и дело! — сокрушенно произнес один из советников.

— Неудобно. Человек многое сделал и для Ганновера, и для всей Германии, — продолжал размышлять герцог. — Чего нам, собственно, бояться?

— Не надо бояться! — сказал один из самых смелых советников.

— Но ведь в этом, так сказать, весь смысл изваяния, — попробовал возразить бургомистр. — В этом вся соль! Это смешно...

— Кто же с этим спорит? Но именно поэтому не хотелось бы рассматривать заднюю часть барона отдельно от передней, — сказал герцог и сделал жест, характерный для человека ищущего и глубоко творческого. — Что если... а?

— Соединить их воедино! — предложил самый молодой советник.

— Кто такой? — тихо спросил герцог, бросив быстрый взгляд на советников.

— Прикажете отметить?

— Нет, пока просто понаблюдайте!

Секретарь сделал пометку в блокноте, в то время как задняя часть скульптуры была благополучно сомкнута с передней. Среди советников возникло тревожное ожидание.

— А?! — сказал герцог. — Так даже смешнее.

Бургомистр, потрясенный случившимся, приблизился к скульптуре и почувствовал себя неуверенно.

— Откуда же тогда будем лить воду? — тихо спросил он. — Из какого места?

Среди присутствующих воцарилось молчание. Многие искренне озадачились.

Герцог внимательно оглядел скульптуру и пришел к заключению:

— Из Мюнхгаузена воду лить не будем. Незачем. Он нам дорог просто как Мюнхгаузен, как Карл Фридрих Иероним, а пьет его лошадь или не пьет — это нас не волнует!

Герцога поддержал гул одобрительных голосов и аплодисменты.

— Но в одном я решительно не согласен с проектом, — резко произнес герцог, приблизившись к бургомистру. — Почему у барона зауженный рукав и плечо реглан? Нет-нет, двойная петля на кушаке. — Он показал, какая именно и где. — Здесь тройная оборка, и все! Никаких возражений! Все!

Присутствующие дружно устремились к дверям.

Грянули дружные аплодисменты посетителей трактира. На маленькой эстраде, где выступали музыканты, скрипач сделал шаг вперед:

— А сейчас, по просьбе уважаемой публики... Гвоздь сезона! Песня «С вишневой косточкой во лбу»!

Трактир содрогнулся от восторженного рева. Перед оркестром появилась певица — любимица Ганновера. И зажигательная песня полетела по улицам города.

Заплаканная физиономия Феофила не вынесла летящего над городом припева: «С вишневой косточкой во лбу я брожу по улицам Ганновера и жду, когда у меня на голове вырастет вишневое дерево».

Такие или приблизительно такие слова ворвались в раскрытое настежь окно и повергли Феофила в горечь воспоминаний. Он громко всхлипнул.

— Так нельзя, Фео! Будь мужчиной! — прикрикнула баронесса, входя в гостиную.

На ней был траурный наряд. Рядом — Рамкопф в черном скюртуке. Позади — хмурый Томас.

В центре просторной гостиной красовался пышно сервированный стол.

— Да-да, конечно, извините меня. — Феофил мужественно боролся со слезами. — Нервы! Когда я слышу о нем, то вспоминаю... Господи, господи! Как мы были несправедливы к нему, как жестоки...

— Дорогой мой, — торжественно изрек Генрих, — кто же знал, что так все обернется? Мы были искренни в своих заблуждениях. Время открыло нам глаза!

Баронесса многозначительно вздохнула:

— Такова судьба всех великих людей: современники их не понимают.

— Современники — возможно! — воскликнул Феофил. — Но мы-то родственники! Страшно вспомнить: я мечтал о дуэли с отцом. Я хотел убить его! И убил...

— Прекрати, Фео! — снова прикрикнула баронесса. — Мне надоели твои истерики!

Феофил посмотрел на мать затуманенным взором и гневно процитировал:

— «Еще и башмаков не износила, в которых гроб отца сопровождала в слезах, как Ниобея!»

— Ой, ой, ой, — затыкая уши, застонала баронесса, — что за пошлость, Фео!

— Это не пошлость, мама, — это монолог Гамлета! Я тоже переписываюсь с Шекспиром!

— Ну и как? — заинтересовался Генрих.

— Уже отправил ему письмо.

— А он?

— Пока не отвечает.

— Ты совершенно теряешь голову, Фео! — Баронесса с трудом сдерживала негодование. — Допустим, мы тоже виноваты, допустим! Но нельзя же теперь всю жизнь казнить себя!

— Прошу прощения, — произнес Томас, приблизившись к баронессе. — Господин барон просил предупредить его...

Феофил пришел в состояние крайнего возбуждения:

— Они летят?!

— Летят, господин барон! — подтвердил Томас. — Сейчас будут как раз над нашим домом.

— Опять? — усмехнулся Генрих. — Феофил, вам не надоело?

— Пусть попробует еще раз! — по-матерински нежно произнесла баронесса.

— Да, мама! — Феофил рванулся в сторону и снял со стены ружье. — Еще разок! Сегодня я чувствую вдохновение... Командуй, Томас!

Феофил сунул ружье в камин, на его лбу выступил пот. Томас с подзорной трубой занял место у окна:

— Минуточку, господин барон... приготовились...

На лицах присутствующих отразилось возрастающее напряжение.

Никем не замеченный в дверях появился пастор Франц Мусс.

— Пли! — закричал Томас.

Грянул выстрел. Наступила тишина. Феофил засунул голову в очаг и стал смотреть в дымоход.

Через секунду он с остервенением повторил выстрел и полез вверх по дымоходу.

Баронесса поморщилась.

— Томас, когда молодой барон вернется, помойте его пемзой. Боже, как я измучилась с ним, — дрожащим голосом произнесла она и вынула носовой платок. — Сегодня утром я случайно увидела, как он стоял на стуле и тянул себя за волосы... Это так глупо!

— И очень больно, — добавил Генрих, поправляя волосы.

— Вы тоже пробовали?

— Господин пастор Франц Мусс! — неожиданно объявил Томас.

Стоящий в дверях пастор поклонился.

— О, — всплеснула руками баронесса, — какой приятный сюрприз! Я уже отчаялась увидеть вас! Прощу!

Баронесса сделала гостеприимный жест. Все прошли к столу. Сели. Наступило неловкое молчание.

— Как добрались? — улыбнулась хозяйка.

— Скверно, — ответил пастор. — Дождь, туман... вся ганноверская дорога размыта.

— Да-а, — задумчиво протянул Генрих, — после смерти барона льют такие дожди...

— Не вижу никакой связи между этими двумя явлениями, — недовольно произнес пастор.

— Я тоже, — поспешно согласилась баронесса. — Не говори ерунды, Генрих.

— А что тут такого? — удивился Рамкопф. — Все говорят, что с его уходом климат изменился.

Пастор отложил обеденный прибор:

— Глупое суеверие.

— Абсолютно с вами согласна, пастор. — Баронесса бросила недовольный взгляд на Генриха. — Вообще мне не хотелось бы, чтобы наша беседа начиналась так напряженно... Но раз уж вы приехали к нам, несмотря на вашу занятость, давайте поговорим откровенно. Не буду вам рассказывать, какие сложные отношения были у нас с мужем. Однако время идет, обиды и чудачества забываются. Остается светлая память и всеобщая любовь сограждан, которую вы не сможете отрицать.

— Я и не отрицаю, — ответил пастор. — Я не одобряю ее.

— Почему? — спросил Генрих.

— Популярность барона растет, — улыбнулась баронесса, — а оппозиция церкви идет только ей же во вред. Разумно ли это? Не правильней ли проявить милосердие и снять негласное проклятие?

— Это невозможно! — Пастор вышел из-за стола. — Церковь не может признать истинными так называемые подвиги барона. Они результат фантазии и непомерного самомнения. Простой смертный не может совершить

ничего похожего. Стало быть, барон либо хвостун и враль, либо... святой?

— А почему бы и нет? — Баронесса решительно приблизилась к пастору, и в глазах ее заиграли дерзкие огоньки.

Пастор открыл рот и, не найдя подходящих слов, сперва молча поклонился, потом быстро двинулся к выходу.

Баронесса догнала его и некоторое время шла рядом.

— Избави бог, я не утверждаю, что барон был святым. Было бы нескромно говорить так про собственного мужа. Но согласитесь, что некоторая сверхъестественная сила ему сопутствовала. Иначе как объяснить такое везение во всем?

На лице пастора возникла саркастическая улыбка:

— От дьявола!

— Не будем делать поспешных выводов, — ласково предложила баронесса. — Вы знаете, пастор, что господин Рамкопф готовится защищать научный трактат о творчестве моего покойного мужа. Так вот, представьте, изучая его литературное наследие, он вдруг наткнулся на редкий экземпляр Библии...

Генрих мгновенно приблизился к баронессе и передал ей книгу. Баронесса протянула ее пастору.

— Что же в Библии? — недоверчиво произнес пастор, заложив руки за спину.

— А вы посмотрите... — опустив глаза, скромно попросила баронесса и протянула Библию, раскрыв ее на титульном листе. На уголке листа висела надпись на иврите: «Дорогому Карлу от любящего его...»

Побледнев, пастор надел очки.

— «...от любящего его Матфея»?! — Он в ужасе отпрянул от Библии. — Неслыханное кощунство!

— Возможно, — кивнула баронесса. — Хотя подпись святого Матфея достаточно разборчива.

— Мерзкая фальшивка! — Пастор почувствовал, что задыхается.

— Вероятно, так, — вздохнула баронесса. — Но мы обязаны передать эту реликвию на экспертизу. Вы знаете, что в духовной консистории у вас достаточно противников. Дело наверняка передадут в Церковный совет. Начнутся долгие споры...

— Которые еще неизвестно чем кончатся, — вставил Генрих.

— Вот именно, — согласилась баронесса, открывая маленький пузырек и капая в рюмку лекарство. — Представьте: победят ваши противники — что тогда? Барон причисляется к лику святых, а его недоброжелатели с почетом изгоняются. Поймите, дорогой мой, речь идет о вашей духовной карьере!

Пастор дрожащей рукой опрокинул рюмку с лекарством.

— Боже мой, — прошептал он, — за что такие испытания? Что вы от меня хотите?

— Милосердия! — почти пропела баронесса. — Чуть-чуть милосердия... О, если бы сам пастор Франц Мусс принял участие в торжественной литургии и прочитал проповедь на открытии памятника...

— Нет! Никогда! — У пастора подкосились ноги, и он почувствовал, что теряет сознание. — Я не могу.. я не готов!..

— А я вам дам свой конспект! — воскликнул Рамкопф.

— Обойдусь! — оттолкнул Рамкопфа пастор.

— Разумеется, — согласилась баронесса. — Вы сами найдете нужные слова. А можно и под музыку. — Она сделала знак музыкантам. Музыканты запели: «С вишневой косточкой во лбу!»

— И тут вступает орган, — напирал на пастора Рамкопф. — И за ним сразу детский хор...

— И вы, пастор Франц Мусс, стоите на амвоне с Библией в руках, на которой оставил подпись сам святой Матфей! — продолжала натиск баронесса, засовывая Библию пастору под мышку. — Как это величественно!

Ударили колокола Ганновера, раскачиваясь в такт церковному песнопению, в котором легко угадывалась все та же мелодия.

У городских торговых рядов царило предпраздничное оживление.

Особенно бойко раскупались цветы...

В небольшой цветочной лавочке согбенная спина хозяина мелькала перед лицами покупателей.

— Тюльпанчики, господа, тюльпанчики! — звучал скрипучий голос хозяина. — Всего по талеру за штучку!

— Как это «по талеру»? — возмутилась покупательница — Еще вчера они шли по полталера.

— Вчера — это вчера, — скрипел хозяин, — а сегодня праздник! Годовщина со дня смерти нашего славного барона, упокой, Боже, его душу.

— Гвоздики почему? — спросила покупательница.

— По два талера.

— Да вы что? — возмутилась покупательница, брезгливо разглядывая гвоздики. — Они ж вялые!

— Вялые! — кивнул хозяин. — Наш барон, пока был жив, тоже дешево ценился, а завял — стал всем дорог.

— На, подавись! — Покупательница швырнула монеты, схватила цветы и вышла. Хозяин суетливо стал подбирать рассыпавшиеся деньги.

Открылась дверь. В лавку вошел Томас с корзинкой. Огляделся.

— Чем могу служить? — спина хозяина приняла форму вопросительного знака. — Астры? Левкой? Гвоздики?

— Мне бы фиалки! — сказал Томас.

— Фи! — поднял плечи хозяин. — Дикий лесной цветок. У меня в лавке культурные растения. Оранжевые! Вот рекомендую калы... всего по три талера!

— Нет! — вздохнул Томас. — Мой покойный хозяин любил фиалки!

— Грубый вкус, — отозвался хозяин и замер на месте.

— Что-что?

— Ваш хозяин не умел ценить истинную красоту..

— Да кто вы таковой, чтобы рассуждать о моем хозяине? — Томас приблизился вплотную к владельцу цветочной лавки, и его пристальный негодующий взгляд позволил им наконец рассмотреть лицо этого человека.

С едва заметной печальной улыбкой на Томаса взирал не кто иной, как несколько раздобревший и отчасти постаревший барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен.

В первую секунду Томас от неожиданности даже не шелохнулся. Во вторую секунду корзина выпала из рук Томаса, и он осторожно, чтобы отдалить момент возможного потрясения, повернулся к двери и двинулся прочь

на цыпочках. Потом силы оставили его и он, резко обернувшись, пошатнулся.

— «С вишневой косточкой во лбу, — громко пропели за окнами цветочной лавки, — я хожу по улицам Ганновера и жду, когда у меня на голове вырастет вишневое дерево!»

Слезы выступили на глазах Томаса, он рванулся к Мюнхгаузену:

— Здравствуйте, господин барон!

— Тссс... — зашипел Мюнхгаузен. — Не называй меня так. Я Миллер. Садовник Миллер Понятно?

— Понятно, — кивнул Томас. — Здравствуйте, господин Миллер, господин барон.

Он бросился в объятия бывшему хозяину, и слезы выступили на его глазах:

— Я знал! Я верил! Не могло быть, чтобы мы не встретились.

— Конечно, конечно — Мюнхгаузен высвободился из его объятий и поспешно закрыл лавку на ключ.

— Я знал, я не верил, что вы умерли, — причитал Томас. — И когда в газетах сообщили, не верил... И когда отпевали, не верил, и когда хоронили — сомневался... Ах, как я счастлив, господин барон!

— Умоляю, не называй меня так, — замахал руками Мюнхгаузен. — Говорят же тебе — Миллер.

— Для меня вы всегда — барон Мюнхгаузен.

— Тогда добавляй «покойный» или «усопший», как тебе удобней.

Новая группа уличных музыкантов подхватила песню. Чуть протяжнее, чуть печальнее Вечерние тени упали на землю.

В опустевшем трактире они сидели вдвоем за дальним столиком. Перед ними стояла бутылка вина и блюдо с жареной уткой.

— И тогда я пальнул в воздух, — закончил свой рассказ Мюнхгаузен, — попрощался со своей прошлой безумной жизнью и стал обыкновенным садовником по фамилии Миллер.

— Откуда такая фамилия? — удивился Томас

— Самая обыкновенная. В Германии иметь фамилию Миллер — все равно что не иметь никакой.

Томас улыбнулся:

— Вы шутите?

— Давно бросил. Врачи запрещают.

— С каких это пор вы стали ходить по врачам?

— Сразу после смерти, — объяснил Мюнхгаузен.

— И не шутите?

— Нет.

Томас огорчился:

— А говорят ведь, юмор — он полезный. Шутка, мол, жизнь продлевает...

— Не всем, — перебил барон. — Тем, кто смеется, тем продлевает, а тому, кто острит, — укорачивает.

Томас кивнул:

— И чего делаете?

— Ничего. Живу. Ращу цветочки.

— Красивые?

— Выгодные. По талеру за штуку. А если учесть количество свадеб, юбилеев, премьер... Да одни мои похороны дали мне больше денег, чем вся предыдущая жизнь.

— А по виду не скажешь, — усмехнулся Томас. — Одежды вы скромно.

— Не хочу бросаться в глаза, — подмигнул барон. — Зачем мне разговоры: простой садовник, а живет лучше барона. Вот я хожу в холстине... Зато белье! — Он рванул рубаху на груди. — Батист с золотым шитьем! Можешь потрогать.

Томас с восхищением покачал головой:

— А как фрау Марта?

— Все хорошо, — он принялся жевать мясо, — то есть, значит, все тихо. У нас сыночек родился.

— Ну?

— Да!

— Хороший мальчик? — оживился Томас.

— Двенадцать килограмм.

— Бегаёт?

— Зачем? Ходит.

— Болтает?

— Молчит.

— Умный мальчик. Далеко пойдёт.

— Знаешь что, — сказал Мюнхгаузен, — едем ко мне.

Покажу дом... Для Марты это будет сюрприз...

Свет от канделябра расцвятил тысячами огней хрустальные вазы, засветились ажурной голубизной фарфоровые сервизы и украшенные позолотой статуэтки. Мюнхгаузен вел Томаса по залу, уставленному антикварной мебелью.

— Мебель павловская... из России, — хвастал захмелевший барон. — Это саксонский фарфор... Это китайский... А вон там — индийский... Только руками ничего не трогай. Это там... в том доме все было шалай-валяй, а здесь — порядок!

— Извините, конечно, господин... Миллер, — Томас печально посмотрел на Мюнхгаузена. — А не скучно?

— Что? — не понял барон.

— Не скучно вам здесь?

— Почему? — пожал плечами барон. — У меня музыка есть... — он подошел к огромной шарманке, взялся за ручку. — Музыкантов я прогнал. Ящик надежней! Все ноты правильно берет и в нужной тональности...

Он закрутил ручку, раздалось невнятное бречание, которое доставило Мюнхгаузену видимое удовольствие.

— Марта, Марта! — громко позвал он. — Иди к нам!

В дверях появился испуганный мажордом в расшитой золотом ливрее.

Его взгляд насторожил Мюнхгаузена. Он бросил шарманку:

— Где Марта?

Мажордом не ответил, отвел испуганный взгляд.

Побежали быстрые тени. Мюнхгаузен с горящим канделябром вошел в огромную темную комнату.

Повсюду были следы торопливых сборов. В распахнутом шкафу все платья висели на своих местах. Но на огромном зеркале губной помадой было начертано:

«Прости, дорогой, но мне все осточертело. Больше так жить не могу. Прощай. Марта».

Мюнхгаузен приблизился к зеркалу. В его тусклых глазах вдруг появился какой-то странный лихорадочный блеск. В комнату вошел Томас, изумленно уставился на фарфоровые вазы, стоящие на подставках.

— И это саксонский? — спросил он, указывая на одну из ваз.

— Нет, — ответил барон. — Это древнеиндийский.

— Да как же вы их различаете?

— По звону! — объяснил Мюнхгаузен и с силой запустил вазу в зеркало. Осколки разлетелись в разные стороны. — Слышишь? А это — саксонский! — Взял вторую вазу и с силой шарахнул ее об стену.

— Точно! Саксонский, — удовлетворенно кивнул Томас.

Мажордом выскочил в коридор и замер от ужаса. Вслед ему донесся новый удар и звон разбитой посуды.

— Китайский, — заключил мажордом.

Баронесса прошла через гостиную к огромной картине, изображающей героического Мюнхгаузена на вздыбленном коне, и поправила стоящие возле картины цветы.

С кресла поднялся ожидающий ее молодой офицер и ринулся к ней с букетом в руках.

— Как вы сюда попали, Вилли? — спросила баронесса с улыбкой.

— Через дверь, естественно, — поклонился офицер.

— Какая проза! — поморщилась баронесса. — Я же вам, кажется, объясняла... Существуют определенные традиции.

— Момент! — Офицер тотчас бросился прочь из дома. Баронесса прошла в свой будуар и выбросила через окно веревочную лестницу.

Сверху было видно, как по ней стал быстро взбираться мужчина.

Баронесса приняла несколько рискованную, но эффектную позу.

— Ты спешишь ко мне?

— Да! — раздался голос за окном, и на подоконник влез Мюнхгаузен.

Баронесса вскрикнула, инстинктивно запахла пеньюар.

— Не волнуйся, свои! — Мюнхгаузен спрыгнул в комнату.

— Карл! — ужаснулась баронесса. — Какое безрасудство!.. Тебя могли увидеть... Кто-нибудь из прислуги.

— Ничего страшного! — подмигнул ей Мюнхгаузен. — Сочтут за обыкновенное привидение.

— Что тебе надо?

— Поговорить с тобой.

— Сегодня?

Мюнхгаузен кивнул.

— Ты сошел с ума! — Баронесса нервно заметалась по комнате. — Я занята. Завтра годовщина твоей смерти. Ты хочешь испортить нам праздник? Это нечестно. Ты обещал... Сюда идут! Боже милостивый, умоляю тебя, поговорим в другой раз...

— Хорошо. Сегодня в полночь у памятника.

— У памятника кому?

— Мне! — Барон направился к окну.

В окне появилась физиономия офицера.

— Я здесь, — радостно сообщил он.

— Очень приятно, — вежливо сказал Мюнхгаузен. —

Прошу!

Офицер спрыгнул с подоконника, барон занял его место и быстро начал спускаться по веревочной лестнице. Несколько мгновений офицер оставался неподвижным, затем бросился к окну:

— Ой! Разве вы не умерли?

— Умер, — спокойно отозвался барон.

— Слава богу, — офицер вытер вспотевший лоб. — Я чуть было не испугался!

Рамкопф с победоносным видом оглядел студенческую аудиторию:

— Таким образом, господа, мой научный трактат разрушает последние возражения моих оппонентов и свидетельствует о том, каким порой извилистым путем шагает истина во второй половине восемнадцатого столетия, иными словами — в наше время. — Он откашлялся и подошел к огромной схеме — плакату, на котором был изображен барон Мюнхгаузен, утопающий вместе с конем в болоте. — Перед нами уже ставшая классической схема вытягивания самого себя из болота за волосы, гениально проделанная в свое время незабвенным бароном! Нынешние схоласты и демагоги и сегодня еще кое-где твердят: не-воз-можно! — Рамкопф усмехнулся. — Как близкий человек покойного я неоднократно видел этот взлет своими собственными глазами... Как ученый и теоретик утверждаю: главное — правильный вектор приложения рычага! Берется голова, — Рамкопф указал на схему, — берется рука...

Неожиданно из-за схемы появилась чья-то рука и взяла его за шиворот.

— После чего рука подтягивает туловище вверх, — объяснил Рамкопф.

Появившаяся рука подняла Рамкопфа и утащила за схему. Здесь он нос к носу встретился с Мюнхгаузенем.

— Ровно в полночь! — прошептал барон. — У моего памятника. Важный разговор. Быть обязательно. — И он разжал ладонь.

Рамкопф шлепнулся на пол на глазах изумленной аудитории. Студенты вскочили со своих мест.

— Вот и все, — сказал Рамкопф, вставая с пола. — Видите, как просто. Есть вопросы?

В ответ раздался гром аплодисментов.

Кабанчик бежал по лесу, сопровождаемый далеким улюлюканьем охотников и лаем собак. Неожиданно на него накинули сеть, и кабанчик беспомощно забарахтался в веревках, которые держали егеря.

На лесную поляну верхом на лошади выскочил бургомистр, недовольно посмотрел на кабанчика и егерей.

— Господин бургомистр, — быстро доложил старший. — Его величество герцог опять промахнулись. Четвертый раз гоним этого кабанчика мимо его величества, а его величество, извините за выражение, мажет и мажет.

— Прикажете прогнать в пятый раз? — спросил другой егерь.

— Нет, — сказал бургомистр. — Неудобно... он уже запомнил его в лицо.

— Кто — кого? *

— Герцог — кабанчика! — строго пояснил бургомистр. — Позор! И это королевская охота! Докатились! С одним кабанчиком справиться не можем...

— Осмелюсь доложить, господин бургомистр, — заметил старший. — его величество вообще в этот раз лесом недоволен. Вот если бы, говорит, подстрелить медведя!

— Где я ему возьму медведя? — в отчаянии воскликнул бургомистр.

— Разве у цыган одолжить? — предложил кто-то из егерей.

— Одалживайте! — крикнул бургомистр и спрыгнул с лошади. — Через полчаса медведь должен быть в лесу! Все!

Егеря бросились к лошадям.

Бургомистр, тяжело вздохнув, уселся в тени развесистого дуба.

Тотчас чья-то заботливая рука протянула ему флягу.

Бургомистр охотно принял ее и сделал несколько глотков:

— С ума можно сойти!

Он вернул флягу ее владельцу. Им оказался сидящий под тем же дубом барон Мюнхгаузен.

— Кстати, барон, давно хотел вас спросить — где вы, собственно, доставали медведей?

— Уже не помню, — пожал плечами Мюнхгаузен. — По-моему, прямо в лесу и доставал.

— Абсолютно исключено, — отмахнулся бургомистр. — У нас они не водятся.

— И тем не менее нам надо поговорить.

— Докатились! — возмутился бургомистр.

— Сейчас вам не до меня. Буду ждать вас ровно в полночь у памятника.

— У цыган одалживаем медведей!

— Прошу вас. Очень важно.

— А ведь были буквально родиной медведей, — продолжал бургомистр. — А теперь и это проблема.

Позади беседующих появился медведь, который с любопытством обнюхал обоих.

— Итак, до встречи! — улыбнулся Мюнхгаузен и, хлопав бургомистра по плечу, быстро пошел прочь.

Бургомистр задумчиво посмотрел на появившуюся перед ним морду медведя.

— Не надо, барон, — сказал он с недовольной гримасой. — Мне сейчас не до шуток. Оставьте это для другого раза. Нельзя же каждый раз, ей-богу, любое дело превращать в розыгрыш!

Часы на городской башне пробили ровно полночь.

Огромное белое полотнище, закрывающее памятник, глухо трепетало под порывами ветра.

В глубине темного пространства остановилась карета. Через секунду рядом с ней застыла вторая. Еще через мгновение появился третий экипаж.

Одновременно раскрылись дверцы, и на мостовую сошли Якобина фон Мюнхгаузен, бургомистр и Генрих Рамкопф.

Они торопливо приблизились к памятнику и недоуменно огляделись по сторонам.

Некоторое время слышалось только завывание ветра, потом прозвучал звук английского рожка.

Все трое ринулись на звуки знакомой мелодии, откинули край материи и заглянули под белое полотнище.

В глубине образовавшегося пространства, уютно развалившись в кресле возле самого постамента, сидел барон Мюнхгаузен.

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие, — приветливо произнес он и улыбнулся. — Черт возьми, отличная фраза для начала пьесы... Надо будет кому-нибудь предложить...

— Карл, если можно, не отвлекайтесь. — Баронесса вошла под навес вместе с бургомистром и Генрихом.

Мюнхгаузен сделал обнадеживающий жест и решительно поднялся с кресла:

— Итак, дорогие мои, три года назад по обоюдному согласию я ушел из этой жизни в мир иной и между нами было заключено джентльменское соглашение о том, что ни я вас, ни вы меня беспокоить не станем. Я условия этого соглашения соблюдал честно, чего нельзя сказать про вас...

— Но, Карл... — попробовал вмешаться Рамкопф.

— Оправдания потом! — резко перебил его Мюнхгаузен. — Пока вы хоронили мое брэнное тело, я старался не обращать внимания, но когда вы стали отпевать мою душу..

— Я не понимаю — о чем речь? — удивился бургомистр.

— Об этом! — Мюнхгаузен поднял вверх книгу. — «Полное собрание приключений барона Мюнхгаузена».

— Что ж вам не нравится? — изумился Рамкопф. — Прекрасное издание!

— Это не мои приключения, это не моя жизнь, — резко возразил Мюнхгаузен. — Она приглажена, причесана, напудрена и кастрирована.

— Не согласен, — обиделся Рамкопф. — Обыкновенная редакторская правка.

— Когда меня режут, я терплю, но когда дополняют — становится нестерпимо. Какая-то дурацкая экспедиция па Борнео, затем чудовищная война в Австралии...

— Да поймите, наконец, что вы уже себе не принадлежите. — В голосе Рамкопфа зазвучали проникновенные нотки. — Вы — миф, легенда! И народная молва приписывает вам новые подвиги.

— Народная молва не додумается до такого идиотизма.

— Ну знаете ли...

— Да, господин Рамкопф! — повысил голос Мюнхгаузен. — Я требую изъятия этой вздорной книги... Теперь о памятнике. Он мне не нравится.

Мюнхгаузен приблизился к пьедесталу и оглядел барельефы.

— Извини, мы с тобой не посоветовались, — злобно усмехнулась баронесса.

— И напрасно! — Мюнхгаузен сделал над собой усилие и спокойно продолжал: — Скульптура еще ничего, но барельефы омерзительны. Взять хотя бы картину, где я шпагой протыкаю десяток англичан...

— Но, дорогой, — улыбнулся бургомистр, — вы же воювали с Англией?!

— Вы знаете, что в этой войне не было пролито ни капли крови.

— А я утверждаю, что было! — воскликнул Рамкопф. — У меня есть очевидцы.

— Я никогда не шел с таким зверским лицом в атаку, как изображено, — спокойно объяснил Мюнхгаузен, — и не орал: «Англичане — свиньи». Это гадко. Я люблю англичан, я дружил с Шекспиром... Короче, я запрещаю ставить этот памятник.

— Послушайте, Карл! — ласково вмешался бургомистр. — Наверное, мы все виноваты перед вами. — Он взглядом остановил негодующий порыв баронессы. — Наверное, допущен ряд неточностей. Но поверьте мне,

вашему старому другу, это произошло от безмерной любви и уважения. Рамкопф прав: вы уже себе не принадлежите. Вы — наша гордость, на вашем примере мы растим молодежь. Поэтому мы и возводим этот памятник. Бог с ними, с неточностями... Через год воздвигнем другой, более достоверный.

— Нет! — покачал головой Мюнхгаузен.

— Сейчас мы просто не успеем переделать! — вспыхнула баронесса. — Съехались гости. Завтра тридцать второе мая!

— Именно поэтому памятник не годится!

— Что за спешка? — Бургомистр подошел вплотную к Мюнхгаузену и внимательно посмотрел ему в глаза. — Вы словно с цепи сорвались... Какие-нибудь неприятности с торговлей? Что-нибудь случилось? Ну, откройтесь мне как другу.

— От меня ушла Марта, — тихо произнес Мюнхгаузен.

— Это не страшно. Мы ее уговорим! — уверенно произнес бургомистр.

— Нет, — усмехнулся Мюнхгаузен. — Вы ее плохо знаете. Чтобы вернуть ее, придется вернуть себя.

— Как это понимать? — удивился Рамкопф.

— Я решил воскреснуть.

— Вы этого не сделаете, Карл! — решительно произнес бургомистр.

— Сделаю, — печально вздохнул Мюнхгаузен.

— Вы умерли, барон Мюнхгаузен, — взволнованно объяснил Рамкопф. — Вы похоронены, у вас есть могила.

— Придется снести! — Настроение Мюнхгаузена изменилось. Он резко поднялся на ноги.

— Как бургомистр я буду вынужден принять экстренные меры!

— Это меня не остановит. — Мюнхгаузен двинулся к краю полотнища, задержался на мгновение, обернулся к бургомистру: — Прощайте, господа, я искренне сожалею, но...

— И я сожалею, — тяжело вздохнул бургомистр и опустил глаза.

Мюнхгаузен отбросил полотнище и вышел на площадь. Впереди стояли плотные ряды вооруженных гвар-

дейцев. Он огляделся вокруг — площадь была оцеплена со всех сторон.

На лице его возникла печальная улыбка, и он с сожалением посмотрел на бургомистра. Бургомистру было мучительно тяжело.

— Я должен был это сделать, — тихо объяснил он. — Бургомистр не может позволить самозванцам посягать на святые имена. Мне не хотелось бы, чтобы это сделали наши солдаты. — Он раскрыл маленький саквояж и, смущаясь, достал наручники. — Они грубый народ. Наденьте их сами... пожалуйста...

— Вы очень изменились, господин бургомистр, — улыбнулся Мюнхгаузен.

— А вы зря этого не сделали! — ответил бургомистр с тяжелым вздохом.

Перед зданием суда шумела толпа.

Карета под усиленной охраной остановилась у ворот. Из нее вывели Мюнхгаузена в наручниках. Гвардейцы с трудом сдерживали натиск любопытствующих горожан.

— Какой самозванец?

— Мюнхгаузен.

— А выдает себя за кого?

— За Мюнхгаузена же и выдает

Судья зазвонил в колокольчик, требуя тишины:

— Начинаем второй день судебного заседания по делу садовника Миллера. Слово представителю обвинения. Прошу вас, господин Рамкопф

— Уважаемый суд, — взволнованно произнес Рамкопф, — могу смело сказать, что за процессом, который происходит в нашем городе, с затаенным дыханием следит вся Европа. Популярность покойного барона Мюнхгаузена столь велика, что, естественно, появилось немало мошенников, стремящихся погреться в лучах его славы...

Мюнхгаузен оглядел присутствующих в зале, нашел глазами Томаса, едва заметно подмигнул ему, потом покосился на охранявших его гвардейцев.

— Один из них сидит передо мной на скамье подсудимых, — продолжал Рамкопф. — Воспользовавшись

своим внешним сходством с покойным бароном, овладев его походкой, голосом и отпечатками пальцев, подсудимый коварно надеется, что будет признан тем, кем не является на самом деле. Прошу уважаемый суд ознакомиться с вещественными доказательствами, отвергающими притязания подсудимого. — Рамкопф положил на стол судьи несколько документов. — Справка о смерти барона, выписка из церковной книги, квитанция на гроб...

— Считает ли подсудимый эти документы убедительным доказательством его вины? — спросил судья.

— Нет, — ответил Мюнхгаузен.

— Прекрасно, — воскликнул Рамкопф. — Послушаем голоса родных и близких... Вызываю в качестве свидетельницы баронессу Якобину фон Мюнхгаузен!

Судья поднялся с места:

— Баронесса, прошу вас подойти сюда!

Баронесса появилась в зале суда, сопровождаемая гулом возрастающего интереса.

— Поклянитесь на Святом Писании говорить только правду.

— Клянусь! — торжественно произнесла баронесса.

— Свидетельница, посмотрите внимательно на подсудимого, — предложил Рамкопф. — Знаком ли вам этот человек?

— Да.

— Кто он?

— Садовник Миллер.

— Откуда вы его знаете?

— Он поставляет цветы на могилу моего супруга.

Рамкопф сделал многозначительный жест:

— Простите за такой нелепый вопрос: а не похож ли он на покойного барона? Присмотритесь повнимательней...

Мюнхгаузен подмигнул баронессе.

— Некоторое сходство есть, но очень незначительное. Карл был выше ростом, шире в плечах... другой взгляд, короче усы...

— Благодарю вас, — поклонился Рамкопф. — У меня больше нет вопросов.

Судья обернулся к Мюнхгаузену:

— Подсудимый, вы хотите задать вопрос свидетельнице?

— Да, господин судья, — весело кивнул Мюнхгаузен и поднялся. — Простите, сударыня, как вас зовут?

— Не понимаю, — фыркнула баронесса.

— Меня интересует ваше имя!

— Протестую! — тотчас возразил Рамкопф.

— Почему? Это тайна? — удивился Мюнхгаузен.

Баронесса покосилась на Рамкопфа, потом на судью:

— Мое имя, сударь, Якобина фон Мюнхгаузен.

— А как вы можете доказать, что вы та, за кого себя выдаете? — быстро спросил Мюнхгаузен.

— Протестую! — Рамкопф рванулся к судейскому столу.

— Отвожу ваш протест, обвинитель, — сказал судья и обернулся к заволновавшимся членам суда. — Подождите, это интересно...

— Я спрашиваю, — громко повторил Мюнхгаузен, — чем вы можете доказать, что вы баронесса Якобина фон Мюнхгаузен, супруга знаменитого барона?

— По-моему, это излишне доказывать. — Баронесса старалась оставаться спокойной.

— Отнюдь! — воскликнул Мюнхгаузен. — Я иду тем же логическим путем, что и наш уважаемый суд. Документы ничего не доказывают — они могут быть присвоенны, свидетели могут ошибаться — вы очень похожи на настоящую баронессу.

— Что значит «похожа»? Я есть я!

— Это надо доказать! — Мюнхгаузен жестом призвал присутствующих в зале соблюдать тишину. — Если взять известные портреты баронессы, то свидетельница на них мало похожа. Та баронесса и моложе, и красивей. Если взять платья баронессы, то свидетельница в них просто не влезет!

— Влезу! — не выдержала баронесса.

В зале поднялся невообразимый шум. Испуганный Томас попятился к выходу.

— Неслыханно! Я протестую! — срывающимся голосом кричал Рамкопф.

Судья зазвонил в колокольчик:

— Протест принимается, Вы свободны, баронесса.

— Я протестую! — не уступал Мюнхгаузен. — До тех пор пока не установлена личность свидетельницы, вы не должны называть ее баронессой...

— Успокойтесь, подсудимый! — Судья поднялся с места. — Лишаю вас слова!..

Томас с силой барабанил в дверь аптеки:

— Фрау Марта! Фрау Марта! У нас беда! Барон воскрес!

В окне аптеки появилось испуганное лицо Марты...

Зал суда взревел с удвоенной силой.

— Господин барон, вы узнаете подсудимого? — громко вопрошал Рамкопф.

Феофил с презрением взглянул на Мюнхгаузена:

— Нет!

— Можете ли вы хоть отдаленно признать в нем своего покойного родителя?

— Никогда!

— Достаточно! — тотчас прервал его Рамкопф. — Я прошу суд избавить ранимую душу юноши от дальнейших расспросов.

— Почему же? — Мюнхгаузен поднялся с места. — Я бы тоже хотел кое о чем спросить.

— Подсудимый, — вмешался судья, — если вы еще раз собираетесь поставить под сомнение личность свидетеля...

— Нет-нет, — покачал головой Мюнхгаузен, — к сожалению, это действительно мой сын.

— Протестую! — немедленно воскликнул Рамкопф.

— Извините — сын барона!.. — поправился Мюнхгаузен. — Хотя это звучит так же парадоксально. Но, очевидно, в этом есть какое-то непонятное свойство природы: вино переходит в уксус, Мюнхгаузен — в Феофила.

— Ненавижу! — закричал Феофил. — Дуэлы! Немедленно! Стреляться!

— Прекратить! — Судья зазвонил в колокольчик. — Свидетель, вы свободны!

К Феофилу быстро подошла баронесса и демонстративно прижала его к груди как нежная мать.

Зал дружно отреагировал на материнскую любовь.

— Прошу господина бургомистра! — объявил Рамкофф.

Бургомистр беспокойно огляделся по сторонам. Поднялся с кислой улыбкой:

— Извините, я бы хотел уклониться от этой неприятной обязанности.

— Это невозможно, — сказал судья. — Вы были другом покойного барона, ваши показания необходимы.

— Господин судья, — взмолился бургомистр, — я старый человек. У меня слабые глаза и совершенно ненадежная память. Я могу ошибиться...

Судья поднялся со своего места:

— Но вы узнаете в подсудимом барона или нет?

— Не знаю, — огорчился бургомистр. — Честное слово... Иногда мне кажется, что это он, иногда — нет... Полностью доверяю суду. Как решите, так и будет!

Зал тревожно загудел.

— Какой позор! — воскликнула баронесса. — И это наш бургомистр!

— Извините, баронесса, — развел руками бургомистр. — Извините, подсудимый... Я на службе. Если решат, что вы Мюнхгаузен, — я паду вам на грудь, если Миллер — посажу за решетку. Вот все, что я могу для вас сделать...

— Садитесь, свидетель, — сказал судья. — Господин обвинитель, у вас все?

— По-моему, достаточно.

— Подсудимый, — обратился судья к Мюнхгаузену, — нет ли у вас свидетелей в вашу защиту?

Мюнхгаузен оглядел суд и печально пожал плечами.

— Есть! — раздался чей-то уверенный голос. Все присутствующие в зале обернулись. Марта стояла в дверях.

— Есть, — спокойно повторила она.

Мюнхгаузен рванулся к ней:

— Марта?!

Конвойные тотчас схватили его за руки.

Зал отчаянно зашумел.

— Прошу отложить судебное разбирательство, — закричал Рамкофф. — Мне плохо...

— Врача! — крикнула баронесса.

— Судебное заседание переносится на завтра, — громко объявил судья.

Люди повскакивали со своих мест. Одни устремились к выходу, другие — к судьям.

Гвардейцы оттеснили Мюнхгаузена за дверь, расположенную сзади скамьи подсудимых.

Замелькали лица любопытных. Марта быстро ринулась прочь по коридору. Ее окружил водоворот вопросов, вздохов, воплей и причитаний. Она ускорила шаг. Вылетев из здания суда, Марта бросилась к карете. Томас помог ей, открыл дверцу — и тотчас отлетел в сторону, получив сильную оплеуху.

Карета рванулась с места.

Баронесса откинула вуаль. Она сидела напротив Марты.

— Вы хотите участвовать в этом процессе?

— Я хочу сказать правду, — ответила Марта.

Сидящий рядом с кучером Рамкопф указал ему направление, затем проворно полез на крышу кареты. Свесился вниз, заглянув в окно экипажа. Постучал по стеклу:

— Имейте в виду, если он раскается, мы добьемся помилования. Иначе как минимум десять лет тюрьмы. — Он показал на пальцах. — Десять!

— Успокойся, Генрих, — сказала баронесса и задвинула занавеску на окне кареты. — Если человек хочет сказать правду, он имеет на это право. — Она внимательно посмотрела на Марту с едва заметной улыбкой. — Мне бы только хотелось знать — какую правду вы имеете в виду?

Марта выдержала ее взгляд:

— Правда одна.

— Правды вообще не бывает, — снова улыбнулась баронесса. — Правда — это то, что в данный момент считается правдой... Вы скажете суду, что он Мюнхгаузен. Но разве это так? Этот сытый торговец, этот тихий семьянин — Мюнхгаузен? Побойтесь Бога! Нет, я не осуждаю вас, фрау Марта, наоборот, восхищаюсь. За три года вам удалось сделать из моего мужа то, что мне не удалось и за двадцать. Но теперь, когда мы совместными усилиями добились успеха, — зачем начинать все сначала?

— Я люблю его, — сказала Марта.

— И поэтому ушли из дома?

Марта посочувствовала своей собеседнице:

— У каждого своя логика, сударыня. Вы понимаете, что можно выйти замуж не любя. Но чтобы уйти любя, этого вам не понять!

Баронесса искренне оскорбилась:

— А что она ему дала, ваша любовь? Серую жизнь, скамью подсудимых... А завтра — тюрьму или...смерть.

Рамкопф перебрался на другую сторону, и его физиономия появилась в противоположном окне экипажа.

— Имейте в виду, фрау Марта, — прокричал он, — если судебное расследование зайдет в тупик, мы будем вынуждены произвести экспертизу!

— Успокойтесь, Генрих, — Баронесса задвинула занавеску.

— Что это значит? — насторожилась Марта.

— Его бросят в болото или заставят прокатиться на ядре, — объяснила баронесса. — На настоящем ядре, фрау Марта!

— Господи!.. — На глазах Марты появились слезы. — Неужели вам обязательно надо убить человека, чтобы понять, что он живой?

— У нас нет выхода, — вздохнула баронесса. — А теперь, когда вы знаете все, решайте... И мой вам совет — не торопитесь стать вдовой Мюнхгаузена. Это место пока занято.

Дверь тюремной камеры с лязгом распахнулась.

— Подсудимый Миллер, — объявил появившийся фельдфебель, — вам разрешено свидание.

Мюнхгаузен стремительно ринулся из камеры. В комнате для свиданий за решеткой стояла Марта. Они осторожно приблизились друг к другу и не произнесли ни слова.

— Можно разговаривать, — объяснил фельдфебель. — Говорите.

Они молча смотрели друг на друга. Потом где-то вдалеке зазвучала их мелодия.

Музыка становилась громче. Мелодия обретала силу и размах.

— Я согласна вернуться... я буду терпеть... — пропели ее глаза, но губы не произнесли ни звука.

— Меня? — кисло усмехнулся Мюнхгаузен, не говоря ни слова. Он отрицательно покачал головой.

— Разговаривайте! — крикнул фельдфебель.

— Никогда! — Она услышала его голос, но он молчал.

— Тебе грозит тюрьма! — Теперь услышал он и обрадованно кивнул:

— Чудесное место! Здесь рядом со мной Овидий и Сервантес. Мы будем перестукиваться.

— При свидании положено разговаривать! — прикрикнул фельдфебель. — Приказываю разговаривать!

— Карл, ты не знаешь самого главного, — Марта попыталась улыбнуться, но это оказалось выше ее сил. — Они придумали какую-то страшную экспертизу. Они хотят убить тебя. Понимаешь?

Он кивнул, он понял.

— Что же, — ободрил Марту его взгляд. — Будем честными до конца.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, милый, — пропели ее глаза. — На это я не соглашусь. Видно, уж такая моя судьба — в самый трудный момент отступить.

— Последний раз предупреждаю, — крикнул фельдфебель, — если не заговорите, свидание будет прекращено! Говорить!!!

— Я буду свидетельствовать, что ты — Миллер. — Она испуганно и неподвижно смотрела на Мюнхгаузена. Мелодия шутивного танца придавала ей силы. — Я предаю тебя!

Он впился лицом в железные прутья и с мольбой посмотрел на нее:

— Не делай этого, Марта!

Она чуть отступила назад, и взгляд ее принял твердую обреченность принятого решения:

— Ты — Миллер, садовник, я — твоя жена Марта, нас обвенчали в сельской церкви, у нас родился мальчик.

К измученному фельдфебелю приблизился офицер:

— Ну что они там? Разговаривают?

— Так точно, — сообщил фельдфебель. — Но как-то не по-нашему.. Молча.

Жерло огромной пушки медленно поднималось вверх. Пушка стояла возле крепостной стены, и вокруг нее суетились солдаты.

У крепостных ворот царил нездоровый ажиотаж. Визгливая дама пыталась пройти в крепость без пропуска.

— Я по приглашению баронессы Якобины фон Мюнхгаузен! — возбужденно объяснял солидный господин в цилиндре.

Караульный офицер пытался воспрепятствовать стихийному наплыву публики:

— Господа, господа, повторяю, это закрытый судебный эксперимент!.. Только по специальному разрешению!.. Попрошу соблюдать порядок! Господа!..

Томас подбежал к крепостной стене с лестницей. Оглядевшись по сторонам, быстро полез вверх с большим мешком за плечами. У смотровой бойницы наткнулся на солдата.

— Скоро начнут? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Скоро, — буркнул солдат.

— Какой калибр?

— Тридцать дюймов.

— Нормально, — Томас, оглядевшись, указал на узелок. — Вот. Собрал ему кое-что в дорогу..

— Какая дорога? — усмехнулся солдат. — Как он до нее доберется, когда облака на небе и Луны не видно?

Томас с видом знатока посмотрел на небо.

— Когда видно, и дурак долетит, — объяснил он. — Барон любит, чтобы задача была неадекватна своему решению.

— Ясное дело, — согласился солдат.

В ворота крепости въехал экипаж. Из него с шумом вылетел Феофил, за Феофилом — баронесса:

— Фео, успокойся! Умоляю!

— Оставьте меня! — Феофил ринулся к пушке и был встречен испуганным фельдфебелем:

— Туда нельзя, господин барон!

— Пропустите! Я имею право!

— Фео, не сходи с ума! — крикнула баронесса.

— Хватит! — взвизгнул Теофил. — Я всю жизнь не сходил с ума. Мне это надоело! А вдруг он долетит, и мы снова в дураках? Нет. Такой случай упустить нельзя. Я полечу вместе с ним!

Теофила подхватил Рамкопф и увлек к наскоро сколоченным трибунам со скамейками для зрителей. Зрители уже шумно занимали места. Повсюду царило праздничное оживление.

— Не будьте идиотом! — Рамкопф попытался усмирить разбушевавшегося Теофила. — Во-первых, вы вдвоем не поместитесь... Во-вторых... — он понизил голос, — никакого полета не будет.

— Что это значит? — изумился Теофил.

— Это судебная тайна, — быстро пояснил Рамкопф. — Сугубо между нами. Все заранее срепетировано. Мы положили сырой порох.

— Зачем?

— Не убийцы же мы, в самом деле... Барон пролетит не больше двух сажень и шлепнется на землю. Таким образом, мы спасем его! Смотрите, это герцог! Можно начинать!

В крепости появился герцог со свитой и, приветствуемый бургомистром и всеми присутствующими, проследовал в отведенную для него ложу.

— Все идет по плану, ваше величество, — докладывал на ходу бургомистр. — После увертюры — допрос свидетельницы и подсудимого, затем производим залп и объявляем танцы.

— Господи, прости всех нас и благослови, — пастор осенил себя крестным знамением.

— Господа! Прошу занять места и соблюдать полное спокойствие! — Судья занял место в судейской ложе. Его встретили вежливыми аплодисментами.

Рамкопф сделал ответственный кивок головой. Дирижер взмахнул палочкой. Зазвучала торжественная и плавная увертюра.

— Выпускайте фрау Марту, — тихо шепнул Рамкопф судебному секретарю.

Секретарь быстро переместился вдоль огражденного пространства.

Из крепостных ворот медленно и скорбно явилась Марта.

Некоторые зрители приставили к глазам лорнеты и бинокли.

Герцог удовлетворенно кивнул, откинувшись на спинку кресла.

— Хорошо, — заметил он склонившимся советникам. — Розовое платье на сером фоне. Смотрится. Талия немного завышена, но в целом неплохо.

— Здравствуйте, фрау Марта, — торжественно произнес Рамкопф. — Вы принесли ходатайство о помиловании?

— Принесла, — Марта протянула бумагу.

— Зачитайте! — зазывно и бодро предложил Рамкопф.

Дирижер эффектным жестом добился задушевного пианиссимо.

Герцог удовлетворенно переглянулся с советниками и кивком головы одобрил бургомистра.

Из-за дальней колонны выглянул Мюнхгаузен, готовясь к выходу в сопровождении эскорта гвардейцев.

— «...И я, Марта Миллер, прошу вас помиловать моего ненормального мужа», — отрешенно закончила Марта. — Ваше величество, я припадаю к вашим стопам. «Сего тысяча семьсот семьдесят девятого года, мая тридцать... тридцать...» — Она перевела взгляд на Рамкопфа и шепотом попросила: — Разрешите хоть поставить другой день.

— Ни в коем случае, — затряс головой Рамкопф.

— «Тридцать второго мая!» — объявила Марта. Раздались дружные аплодисменты. Рамкопф подал Марте руку и отвел ее в сторону.

— Фрау Марта, бесподобно, — тихо шепнул он.

— Но вы обещаете, что с ним ничего не случится? — быстро спросила Марта.

Рамкопф с укоризной развел руками:

— Я же объяснил. Сырой порох. Он вывалится из ствола и шлепнется здесь же, при всех, под общий хохот.

Они обернулись на барабанную дробь.

Мюнхгаузен уже стоял перед судейской ложей, без камзола, в белой рубашке, со связанными руками.

— Подсудимый, — торжественно зачитывал судья, — объявляю вам решение ганноверского суда: «В целях установления вашей личности и во избежание судебной

ошибки суд предлагает вам повторить при свидетелях известный подвиг барона Мюнхгаузена — полететь на Луну». Предупреждаю вас: вы имеете право отказаться.

— Нет, я согласен, — твердо сказал Мюнхгаузен.

К нему приблизился пастор:

— Не хотите исповедаться?

— Нет! Я это делал всю жизнь, но мне никто не верил.

Рамкопф взглянул в свои записи и не нашел этой реплики.

— Прошу вас, облегчите свою душу, — громко и торжественно предложил пастор.

— Это случилось само собой, пастор! — Мюнхгаузен медленно оглядел собравшихся. — У меня был друг — он меня предал, у меня была любимая — она отреклась. Я улетаю налегке...

— А вот это уже зря, — недовольно поморщился герцог. — Это, по-моему, лишнее. Ни к чему.. Грубо.

— Да, да, — поспешно кивнул бургомистр, — я просил этого не говорить. Но с ним договориться невозможно...

— Зачем ты согласилась играть эту комедию, Марта? — грустно спросил Мюнхгаузен.

Дирижер, искусно варьируя нюансами оркестрового звучания, попытался слиться с произносимым текстом.

— Я это сделала ради нашей любви, — тихо произнесла Марта, приблизившись к Мюнхгаузену.

— Я перестал в нее верить, — печально улыбнулся он и посмотрел вокруг. — Помнишь, когда мы были у Архимеда, он сказал: «Любовь — это теорема, которую надо каждый день доказывать»!

— А почему не слышно? Я не понимаю, о чем они там говорят? — Герцог с недовольным видом обернулся к бургомистру.

Бургомистр заглянул в листочек:

— Подсудимый благодарит городские власти и одновременно как бы шутит со своей возлюбленной.

— Хорошо, — кивнул герцог. — Особенно жабо и передняя вытачка. Ему очень к лицу.

Мюнхгаузен подошел к пушке и обернулся:

— Скажи мне что-нибудь на прощание!

Марта медленно попятилась от него:

— Что?

— Подумай. Всегда найдется что-то важное для такой минуты...

— Я буду ждать тебя. — Она говорила с трудом и продолжала отступать. Губы ее пересохли. Дыхание участилось.

Рамкопф с беспокойством вглядывался в ее лицо.

— Нет-нет, не то... — Мюнхгаузен в отчаянии ударил кулаком по стволу пушки.

— Я очень люблю тебя! — Марта отошла в противоположный конец огражденного пространства.

Дирижер с удивлением обернулся. Оркестр прекратил играть.

— Карл... я...

Рамкопф делал ей отчаянные знаки.

— Не то! — гневно крикнул Мюнхгаузен.

— Я... — Марта попыталась что-то сказать и вдруг закричала что есть силы: — Карл! Они положили сырой порох!

Наступила мертвая тишина.

И вдруг трое музыкантов, отделившись от свободного оркестра, заиграли наивную тему их старого шутовского танца.

Мюнхгаузен ощутил себя счастливым человеком:

— Спасибо, Марта!

— Мерзавка! Убийца! — закричала баронесса, вскочив со своего места.

Рамкопф бросился со всех ног к судье. Волнение охватило зрителей. Мюнхгаузен ликовал:

— Пусть завидуют! — И закричал еще громче: — У кого еще есть такая женщина? Томас, ты принес то, что я просил?

— Да, господин барон! — крикнул Томас с городской стены. — Вот этот сухой, проверенный!

Он швырнул бочонок с порохом. Мюнхгаузен ловко поймал его. Передал артиллерийскому офицеру.

— Прощайте, господа! — гордо и весело произнес Мюнхгаузен. И трио музыкантов вдохновенно вышло на самую проникновенную часть мелодии. — Сейчас я улечу. И мы вряд ли увидимся. Когда я вернусь, вас уже не будет. На земле и на небе время летит неодинаково. Там мгновение, здесь — века. Впрочем, долго объяснять...

Бургомистр быстро отвел герцога в глубь ложи:

— Так. Положение серьезное, ваше величество, сейчас он рванет так, что не только пушка — крепость может не выдержать...

— Предлагаете построить новую крепость? — спросил герцог.

— Ваше величество, — заволновался бургомистр, — я хорошо знаю этого человека. Сейчас будет такое, что мы все взлетим на воздух!

— Что, и я тоже? — удивился герцог.

— Я и говорю — все.

— Зажечь фитиль! — скомандовал Мюнхгаузен.

К пушке приблизился солдат с зажженным фитилем.

— А потом она его разлюбит? — спросил зритель в цилиндре.

— Если вы знаете дальше, так не рассказывайте, — недовольно ответила сидящая рядом дама.

В ложе герцога возникла паника. Туда прибежал судебный секретарь и тотчас убежал назад.

Феофил обернулся к матери:

— Я уже ничего не понимаю. Так это он или не он?

Ударила барабанная дробь.

— Остановитесь, барон! — громко произнес судья, получив в руки депешу от секретаря. — Высочайшим повелением, в связи с благополучным завершением судебного эксперимента, приказано считать подсудимого бароном Карлом Фридрихом Иеронимом фон Мюнхгаузеном!

Раздались аплодисменты и приветственные возгласы.

Рамкопф стукнул себя по лбу:

— Господи, как мы сами-то не догадались!

Баронесса рванулась из ложи, мучительно вглядываясь в лицо Мюнхгаузена:

— Это он! Карл, я узнаю тебя! Фео! Что ты стоишь? Разве не видишь? Это твой отец!

— Па-па! — хрипло закричал Феофил с глазами, полными слез, и бросился на шею Мюнхгаузену.

Дирижер взмахнул палочкой. Грянул стремительный праздничный галоп.

Кто-то кого-то целовал, кто-то кричал что-то восторженное. Марту оттеснили какие-то громогласные ликующие горожане.

Мюнхгаузен потерял ее в этой взбесившейся толпе жителей Ганновера, хотел что-то сказать, но ему не дали. Рамкопф подхватил его под руку:

— Поздравляю вас, барон!

Мюнхгаузен взглянул себе под ноги — на земле судорожно отбивал земные поклоны пастор:

— Господи, спасибо! Ты совершил чудо! Господи, спасибо...

Нахлынувшая толпа закружила его, и он попал в руки бургомистра, который его неожиданно и крепко поцеловал:

— Я знал. Знал... но это так неожиданно. Поздравляю от всей души!..

— Но с чем? — изумился Мюнхгаузен.

— Как «с чем»?! С успешным возвращением с Луны.

Мюнхгаузен огляделся по сторонам, ища сочувствия:

— Но я не был на Луне.

— Как это не был, когда уже есть решение, что был, — с укором произнес бургомистр. — Мы все свидетели.

— Это неправда! — закричал что есть силы Мюнхгаузен. — Неправда-а-а!..

Воцарилось глубокое и тягостное молчание. Все замёрло. Мюнхгаузен смотрел перед собой, не зная, что еще сказать людям. Он почувствовал, что остался один.

Впереди стоял большой банкетный стол, за которым сидел добрый герцог и улыбался. Бесшумно скользили вышколенные официанты. Некоторые ему улыбались из-за стола, другие накладывали кушанья в тарелки.

— Присоединяйтесь, барон... Присоединяйтесь! — подмигнул ему бургомистр.

Рамкопф помахал ладошкой.

— Да, конечно, — вежливо улыбалась баронесса. — Когда мой муж летал, я безумно волновалась, но могу сказать одно: верила, что прилетит.

Герцог встал с кресла и поднял бокал. Все затихли.

— Присоединяйтесь, господин Мюнхгаузен, — тихо и проникновенно произнес он. — Прошу! Присоединяйтесь!

Все дружно подняли бокалы.

— Господа, — спокойно и задумчиво произнес Мюнхгаузен. — Вы мне все очень надоели. — Воцари-

лась мертвая пауза. Он не тронулся с места. Он остался стоять там, где стоял, напротив герцога. — Поймите же, Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал, а тем, что не врет. Я не был на Луне. Я только туда направляюсь. Конечно, это не просто. На это уйдет целая жизнь, но что делать... придется. — Он попятился к пушке и взял из рук артиллериста горящий фитиль.

Раздался общий тревожный вздох, все поднялись со своих мест, звякнули тарелки.

Мюнхгаузен передал горящий фитиль Марте:

— Ты готова?

— Да, — прошептала она.

Он потрепал по плечу стоящего рядом Томаса:

— Ступай домой, Томас, готовь ужин. Когда я вернусь, пусть будет шесть часов.

— Шесть вечера или шесть утра? — заинтересовался Томас.

— Шесть дня, — улыбнулся Мюнхгаузен.

Потом он подошел к лестнице, приставленной к жерлу пушки, взглянул вверх и сказал, обернувшись к замершим людям:

— Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Серьезное лицо — еще не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь! — Он подмигнул своему музыкальному трио, раздалась звуки его вечной темы.

Потом он не спеша, с видом знатока, поплевал на руки, взялся за лестницу и полез вверх, ловко, не торопясь, легко и целеустремленно. Музыка летела рядом с ним, она дарила ему уверенность и отвагу. За первыми метрами подъема побежали новые, еще и еще, без всякой надежды на окончание. Но он был весел, и это занятие нравилось ему. И когда на фоне его движения возникли финальные титры, он не прекратил своего подъема.

Даже после надписи «Конец фильма» он весело и отчаянно лез вверх.

Формула любви

Фантазия по мотивам
повести А.Н. Толстого
«Граф Калиостро»

Удар барабана.

Грохот погремушек. Звон колокольчиков...

Весело прыгает по дороге группа скоморохов.

Они задают ритм этой невероятной истории, случившейся лет триста назад.

Озорную пляску сменяет топот копыт. Это мчится по дорогам России карета. В ней восседает известный всей Европе маг и чародей граф Калиостро. Гордое, холодное, аскетическое лицо, большие пронизательные глаза. Рядом на сиденье — пышная блондинка по имени Лоренца. Напротив — слуга Маргадон, усталый мужчина неопределенного возраста, похожий на кота и мышь одновременно. На козлах — кучер Жакоб, долговязый детина с пышной, завитой крупными кольцами шевелюрой.

Вся эта странная компания без всякого интереса поглядывает на проносящиеся мимо поля, березы, церкви, покосившиеся деревенские избы... Еще одна незнакомая страна в длинном списке бесконечных странствий...

Вот на обочине дороги возникла экзотическая группа людей в шутовских колпаках. Гремят барабаны, звенят бубенцы. Скоморохи скачут, пытаясь привлечь внимание чужестранцев. Но некогда, господа! Не до вас!

Обдав скоморохов клубами пыли, карета скрылась за поворотом...

***

— О мама миа, коза дичи! Нон вольво! Э пойзо! Дьяболо! — Разгневанная Лоренца в ярости расхаживала по гостиничному номеру, швыряя на пол платья и костюмы.

За ней спокойно и чуть иронично наблюдали выразительные глаза Калиостро.

— Нет, нет, не понимаю, синьора! Вы приехали в Россию и извольте говорить по-русски!

— Я не есть это мочь! — в отчаянии закричала Лоренца. — Моя голова... ничт... не мочь это запимоинайт...

— Может! — спокойно сказал Калиостро. — Голова все может...

Камера отъехала, и теперь стала очевидна правильность этих слов: голова графа лежала на медном подносе, стоявшем на невысоком гостиничном столике.

— Русская речь не сложнее других, — продолжала голова, вращаясь на подносе, и вдруг, рванувшись, поднялась вверх и... обрела шею, туловище и ноги. — Маргадон, проверьте крепление зеркал... — Граф отделился от столика и сел в кресло. — Стыдитесь, сударыня! Маргадон — совсем дикий человек — и то выгучил...

— Пожалуйста! — Маргадон сделал легкий поклон и продекламировал — Учитесь — всегда сгодится! Трудиться должна девица. Не плюй в колодец — пригодится...

— Черт вас всех подрать! — огрызнулась Лоренца.

— Уже лучше! — одобрил Калиостро. — А говорите: не запомню. Теперь с самого начала...

Лоренца подошла к зеркалу, секунду смотрела с ненавистью на собственное отражение, потом по складам произнесла:

— Здраф-стфуй-те!

— Мягче, — попросил Калиостро, — напевней...

Он сузил зрачки, словно гипнотизируя ее, заставляя подчиниться собственной воле.

Лицо Лоренцы преобразилось. Появилась приветливая улыбка.

— Добрый вечер, дамы и господа! — произнесла она ангельским голоском. — Итак, мы начинаем...

Зазвучала музыка, в зеркалах вспыхнули огненные язычки свечей. Поплыли титры фильма...

Над большим хрустальным бокалом, в котором пенилась и переливалась радужными красками красноватая жидкость, появились две руки. Левая сняла с правой золотой перстень с крупным изумрудом, бросила в бокал. Перстень опустился на дно... Вокруг него забурило, запенилась жидкость, образуя целое облачко из пляшущих пузырьков, в котором перстень вдруг растворился без остатка...

Кто-то ахнул, на него зашикали. Наступила тишина. И в этой тишине четко и властно стал звучать мужской голос:

— Я, Джузеппе Калиостро, магистр и верховный иерарх сущего, взываю к силам бесплотным, к великим таинствам огня, воды и камня, для коих мир наш есть лишь игральное поле теней. Я отдаюсь их власти и заклинаю перенести мою бестелесную субстанцию из времени нынешнего в грядущее, дабы узрел я лики потомков, живущих много лет тому вперед...

Словно в подтверждение этих слов из облака дыма возникло лицо графа Калиостро.

— О, я вижу вас, населяющих грядущее бытие! — воскликнул Калиостро и приветливо улыбнулся. — Вас, наделенных мудростью и познаниями, обретших память прожитых веков, хочу вопрошать я о судьбах людей, собравшихся в Санкт-Петербурге сего числа одна тысяча семьсот восьмидесятого года...

Несколько знатных особ обоего пола сидели вокруг стола и с затаенным дыханием следили за манипуляциями прославленного магистра. Тускло горели свечи. Тлели сандаловые палочки, распространяя оранжевый дым и благовоние. Калиостро стоял над огромным бокалом и напряженно вглядывался в красноватую жидкость, которая бурлила под действием тайных сил...

У ног магистра на полу, скрестив по-турецки ноги, сидела Лоренца.

— Я вопрошаю вас... — повторил Калиостро. — Вопрошаю!..

Бокал качнулся и сделал несколько едва заметных перемещений по инкрустированной поверхности стола. Снова кто-то восхищенно охнул. Сморщенная старушенция в белоснежном парике и многочисленных украшениях, облепляющих ее морщинистую шею, вдруг сорвала с мочки уха изумрудную подвеску и, протянув ее Калиостро, прошептала:

— Спроси, граф, у судьбы! Спроси! Долго ль мне носить еще это осталось?!

Лоренца проворно вскочила, положила подвеску на ладонь и передала Калиостро. Тот равнодушным движением швырнул ее в бокал. Всплеск жидкости отозвался

высоким музыкальным аккордом. Камни опустились на дно и... исчезли, смешавшись с облачком пузырьков.

Калиостро, не мигая, уставился на поверхность розоватой жидкости. На ней, как на экране, стали возникать отдельные светящиеся точки, которые понемногу собрались в единую римскую цифру XIX...

— Девятнадцать! — воскликнул кто-то. И тут же кто-то прошептал:

— А как понять сие?

— Век грядущий, — нараспев произнес Калиостро. — Век девятнадцатый успокоит вас, сударыня.

Лицо старушки озарилось неподдельным восторгом:

— Ну, батюшка, утешил! Я-то помирать собралась, а мне вона сколько еще на роду написано. — Она засуетилась, лихорадочно сорвала вторую подвеску. — Спроси, милый, спроси... Может, замуж еще сходить напоследок?

Собравшиеся зашумели. Руки начали лихорадочно снимать с пальцев кольца, браслеты... Все это потянулось к Калиостро и его ассистентке.

— Спросите, граф... И про нас спросите!

— Мне сколько жить, граф?

— Имение продавать аль нет?

— Да погодите вы... с ерундой! — громыхнул какой-то генерал и, сорвав алмазный знак с груди, швырнул его Калиостро. — Про турок спроси! С турками война когда кончится?

Калиостро обвел всех невидящим взором, сделал шаг назад и... исчез в дыму..

Наступавшие на него гости вскрикнули и отпрянули назад.

— Переместился, — ахнула старушка и перекрестилась. — Как есть начисто!

— Я здесь! — неожиданно сказала Лоренца абсолютно мужским голосом. — Вопросайте! Вопросайте!

Она проворно вскочила, достала из-под себя серебряный поднос и протянула его гостям. На поднос полетели ценности...

К особняку подъехала карета. Из нее вышли офицер и двое солдат.

Через секунду офицер уже стоял в нижнем вестибюле. Его встречал дворецкий.

— Доложи! — сухо сказал офицер. — От светлейшего князя Потемкина. Срочно!

На лестнице показалась хозяйка дома.

Офицер отдал честь:

— Имею предписание задержать господина Калиостро и препроводить его в крепость для дачи объяснений!

— Это невозможно! — сказала хозяйка. — Граф в настоящий момент отсутствует.

— Велено живого или мертвого! — сухо объявил офицер.

— Но его и вправду нет! — сказала хозяйка. — Он... как бы это выразиться... Дематериализовался...

— Ах каналья! — выругался офицер и решительно направился по лестнице.

— Вы не смеете! — Хозяйка встала у него на пути. — Он в грядущем!

— Достанем из грядущего! — твердо ответил офицер. — Не впервой.

Весь этот разговор Калиостро слушал, стоя за портьерой.

Едва офицер, сопровождаемый возмущенной хозяйкой, скрылся наверху, Калиостро проскользнул по лестнице, открыл дверь в лакейскую.

Здесь шла карточная игра. Несколько лакеев сгрудились вокруг столика, сидя за которым метал банк слуга Калиостро Маргадон. Свою игру он сопровождал приговорками и шутливыми замечаниями в адрес партнеров.

— Маргадон! — тихо сказал Калиостро. — Атанде!

— Слушаюсь! — откликнулся тот, после чего моментально выложил четыре туза и сгреб банк. — Все, братцы! Конец — всему делу молодец!

— Погоды! Погодь, любезнейший, — заволновались лакеи. — Откуда тузы? Тузы ушли!

— Тузы не уходят, — насмешливо произнес Маргадон. — Тузы удаляются.

Он швырнул колоду легким веером, и она, к общему изумлению, оказалась состоящей из одних тузов.

Калиостро усмехнулся и тихо дунул. Все свечи в лакейской в момент погасли.

Через мгновение Калиостро и Маргадон уже выбежали во двор к стоявшей карете. На козлах сидел Жакоб. Вид у него был достаточно аристократический: цилиндр, фрак, пенсне... В зубах он держал толстую сигару.

— Жакоб, гони! В гостиницу! Живо! — крикнул Калиостро, влезая вместе с Маргадоном в карету.

— Я вас понял, сэр! — невозмутимо произнес Жакоб. Сунул недокуренную сигару в карман, поправил пенсне и вдруг лихо, по-разбойничьи присвистнув, заорал: — Но! Залетные!!!

Карета стремительно рванулась со двора, обдав пылью офицера и солдат, выбежавших из подъезда...

* * *

Карета неслась по сумеречным улицам Санкт-Петербурга.

Лицо Калиостро было спокойно, взгляд чуть отрешенный, задумчивый. Равнодушным движением он извлек из кармана горсть драгоценных перстней, протянул слуге.

Маргадон привычно ссыпал их, не считая, в деревянную шкатулку.

— Что у нас еще на сегодня? — спросил Калиостро.

Маргадон достал записную книжечку, надел очки, стал зачитывать:

— «Визит к генералу Бибикову, беседа о магнетизме...»

Калиостро поморщился: мол, пустое дело. Маргадон вычеркнул грифелем запись, продолжал:

— «Визит к камер-фрейлине Головиной с целью омоложения оной. И превращения в девицу...»

Калиостро глянул на карманные часы:

— Не поспеваем!

Маргадон вычеркнул камер-фрейлину.

— У Волконских. «Варение золота из ртути...»

— Хватит! — вдруг резко сказал Калиостро. — Экий ты меркантильный, Маргадон... О душе бы подумал!

Маргадон полистал книжечку.

— Мария, — шепотом произнес он.

— Мария, — задумчиво повторил Калиостро. Его взгляд потеплел, он услышал звучание скрипок, нежное и печальное. — Мария...

Мария Гриневская, молодая, чрезвычайно красивая девушка в строгом платье, стояла в кабинете своего отца и со страхом наблюдала за сеансом лечения.

Ее отец, небогатый дворянин Иван Антонович Гриневский, лежал на диване. Возле него сидел Калиостро и делал странные манипуляции руками. Здесь же в кабинете находились жена Гриневского и Маргадон.

Сеанс подходил к концу. Калиостро стиснул зубы, напрягся, последний раз провел рукой над бледным лбом больного, собрал «энергетическое облачко» и швырнул его в угол. В углу что-то отозвалось легкой вспышкой и исчезло. Жена Гриневского испуганно перекрестилась.

— На сегодня все! — устало сказал Калиостро и встал со стула. — Вам легче, сударь?

— Вроде бы так, — сказал Гриневский. — Отпустило!

Он попытался сесть, улыбнулся, радостно посмотрел на жену и дочь.

— Волшебник! Истинно волшебник! — всплеснула руками жена Гриневского. — Уж как мне вас благодарить?!

— Никак! — сухо прервал ее Калиостро. — Благодарите природу. Она лечит. Я лишь жалкий инструмент в ее руках... — Он посмотрел на больного. — Еще бы несколько сеансов, Иван Антонович, и ваш недуг навсегда бы отступил... Но... — Он сделал паузу. — Но, увы! Дела заставляют меня срочно покинуть Санкт-Петербург..

— Никак нельзя задержаться? — спросила жена Гриневского.

— Увы! Меня ждут Варшава и Париж... Калиостро нужен всюду.

Граф оглянулся на слугу, как бы в подтверждение своих слов, и Маргадон авторитетно кивнул.

— А как же папенька? — тихо спросила Мария и умоляюще посмотрела на Калиостро.

— Не знаю, — вздохнул тот. — Есть один план, но, боюсь, он будет неверно истолкован... Со мной может ехать кто-то из близких больного. Таким образом, я смогу осуществлять лечение опосредованно... Через родного человека.

Жена Гриневского испуганно глянула на мужа:

— Да кто ж у нас есть? Я да... Машенька...

— Ну уж нет! Как можно? — заволновался Гриневский. — Молодая девушка... Одна... В мужском обществе... Никогда!

— Я знал, что буду неверно понят, — сухо сказал Калиостро. — В благородство человеческое уже давно никто не верит! А жаль!

Он взял шляпу и решительно направился к дверям.

Мария побежала за ним:

— Граф! Господин Калиостро... Подождите!

Он не слушал ее, быстро шел коридором.

Она догнала его у дверей:

— Подождите!.. Я согласна!

Калиостро обернулся, внимательно посмотрел девушке в глаза.

— А вдруг я лгу? — неожиданно сказал он. — Вдруг я влюблен в вас и мечтаю похитить? А? Что тогда?!

Мария отшатнулась.

— Полно шутить, — тихо сказала она. — Когда любят, тогда видно...

— Что видно?

— Не знаю... Это словами не прояснишь...

— И все-таки? Что? — Калиостро пристально смотрел в глаза девушке. — Что?

Взгляд Марии потеплел, она улыбнулась:

— Неужто ни разу и не чувствовали?

Калиостро вздрогнул, потупил глаза...

Стоявший сзади Маргадон деловито достал книжечку, вынул грифель и что-то записал...

Где-то в глуши, в Смоленском уезде, среди холмистых полей, покрытых полосками хлебов и березовыми лесками, стояла старинная усадьба под названием Белый Ключ.

Центром усадьбы был большой каменный дом с колоннами, выходивший к реке и запущенному старому парку. На аллеях парка стояли выцветшие скамейки да несколько пожелтевших и основательно засиженных голубями скульптур в греческом стиле, что свидетельствовало о вкусах его прежних хозяев.

Теперь хозяевами имения были старенькая помещица Федосья Ивановна Федяшева и ее племянник Алексей

Федяшев — молодой человек с печальными глазами. Печаль его происходила от мечтательности нрава и склонности к ипохондрии, распространенной среди молодых образованных людей того времени.

Дни свои он проводил в чтении книг и абстрактных рассуждениях. Вот и сейчас, сидя в гостиной с книгой, он вслух прочитал четверостишие:

...Из стран Рождения река
По царству Жизни протекает,
Играет бегом челнока
И в Вечность исчезает..

— Каково сказано? — Алексей посмотрел на Федосью Ивановну, сидевшую напротив и с аппетитом уплетавшую лапшу.

— И то верно, — сказала тетушка. — Сходил бы на речку, искупался... Иль окуньков бы половил.

— Вы ничего не поняли, тетушка! — воскликнул Федяшев. — Река жизни утекает в Вечность. При чем тут окуньки?

— Думала, ухи хочешь, — сказала Федосья Ивановна, — Ну нет — так нет.. И лапша хороша!

— Ох, тетушка! — вздохнул Федяшев. — Мы с вами вроде и по-русски говорим, да на разных языках. Я вам про что толкую? Про СМЫСЛ БЫТИЯ! Для чего живет человек на земле? Скажите!

— Да как же так сразу? — смутилась Федосья Ивановна. — И потом — где живет?.. Ежели у нас, в Смоленской губернии, — это одно... А ежели в Тамбовской — другое...

— Нет! Сие невыносимо! — воскликнул Федяшев, встал и начал расхаживать по комнате..

— Жениться тебе пора! — вздохнула Федосья Ивановна. — Не век же, в самом деле, на меня, гриба старого, смотреть. Так ведь с тобой что-нибудь скверное делается.

— Жениться? — Федяшев удивленно посмотрел на тетушку. — Зачем? Да и на ком прикажете?

— Да вот хоть у соседей Свиных — три дочери, все отменные... Сашенька, Машенька, Дашенька... Ну чем не хороши?

— Ах, тетушка. Для того ли я оставил свет, убежал из столицы, чтоб погрязнуть в болоте житейском?.. Ну женюсь — и что будет? Стану целыми днями ходить в халате да играть в карты с гостями... — Федяшева даже передернуло. — А жена моя, особа, которая должна служить идеалом любви, будет, гремя ключами, бегать в амбар. А то и... совсем страшно... закажет при мне лапшу и начнет ее кушать?

— Зачем же она непременно лапшу станет кушать, Алексис? — чуть не подавилась тетушка. — Да хоть бы и лапшу.. Ну что тут плохого?

— Нет, миль пардон, Федосья Ивановна! Не об этом я грежу в часы уединения...

— Знаю, о ком ты гредишь! — сказала Федосья Ивановна и обиженно поджала губы. — Срам один! Перед людьми стыдно...

— Это вы... о ком? — настороженно спросил Федяшев.

— О ком? О БАБЕ КАМЕННОЙ, вот о ком!.. Тьфу! — Тетушка даже сплюнула. — Уж вся дворня смеется!

— О боже! — в отчаянии воскликнул Федяшев, и его лицо исказила гримаса страдания. — За мной шпионят? Какая низость... — Он схватил шляпу и стремглав выбежал...

В деревенском пруду старый кузнец Степан вместе с дворовой девкой Фимкой ловили сетью карасей. Завидев молодого барина, оставили на время свое занятие, склонились в поклоне.

Федяшев, не обратив на них внимания, быстро прошел мимо.

— Опять с барином ипохондрия сделалась, — сказала Фимка, с сожалением глядя в сторону промчавшегося Федяшева.

— Пора, — сказал Степан. — Ипохондрия всегда на закате делается.

— Отчего же на закате, Степан Степанович?

— От глупых сомнений, — подумав, объяснил Степан. — Лядит человек на солнышко, и начинают его сомнения раздирать: взойдет оно завтра или не взойдет? Ты, Фимка, поди, о сем и не помышляла никогда.

— Когда тут! — кивнула Фимка. — Бегаешь целый день, мотаешься... потом только глаза закроешь — а уж солнце взошло.

— Вот посеми тебе ипохондрия и недоступна. Как говорили латиняне: квод лицет йови, нон лицет бови — доступное Юпитеру недоступно быку.

Фимке очень понравилось изречение, и она восхищенно улыбнулась:

— И давно я спросить хотела вас, Степан Степанович... Откуда из вас латынь эта выскакивает? Сами-то вы вроде не из латинцев.

— От барина набрался, — вздохнул Степан. — Старый барин повелел всем мужикам латынь изучить и на ей с им изъясняться. Я, говорит, не желаю ваше невежество слушать... Я, говорит, желаю думать, что я сейчас в Древнем Риме... Вот так! Большой просветитель был! Порол нещадно! Аут нигель, аут Цезарь! Во как!

— Красиво! — согласилась Фимка. — А как у их, у латинцев, к примеру, «любовь» обозначается?

— «Любовь», Фимка, у их слово «амор»! И глазами так зыркнуть... У-ух! — Степан показал, как надо зыркать глазами.

Федяшев, естественно, не слышал этого разговора. Он шел тенистой аллеей парка, где справа и слева белели старинные скульптуры, выполненные в греческом стиле. Мраморные лица с выпуклыми белыми глазами уставились на Алексея Алексеевича, усиливая приступ ипохондрии.

Федяшев дошел в самый конец аллеи, где в лучах заходящего солнца перед ним предстала скульптура молодой женщины в древнегреческой тунике.

Федяшев посмотрел на скульптуру нежным, влюбленным взглядом.

Женщина и вправду была необычайно хороша: изящная фигурка, маленькая головка с тонкими чертами лица, странный всплеск рук: левую женщина как бы предлагала для поцелуя, а правой приглашала куда-то вдаль, в неизвестное...

— Здравствуйте, сударыня! — тихо прошептал Федяшев и поклонился мраморной женщине. — И вновь тоска и серость обыденной жизни привели меня к вашим стопам!.. Впрочем, нет! Будь эта жизнь во сто раз веселей и разнообразней, все равно она была бы лишена смысла, ибо нет в ней вас... А в той незримой дали, где есть вы,

нет меня!.. Вот в чем превратность судьбы! И никогда нам не воссоединиться, как несоединим жар моего сердца и холод вашего мрамора...

При сих словах Федяшев приподнялся на цыпочки и припал губами к левой руке скульптуры.

Сзади послышался шум и легкое покашливание.

Федяшев резко обернулся и увидел дворовую девку Фимку с тряпкой и ведром, полным мыльной воды.

— Ты что? Зачем? — ахнул Федяшев.

— Барыня велела помыть, — равнодушно сказала Фимка. — А то, говорит, еще заразу какую подцепите...

— Пошла вон! — закричал Федяшев.

В тот же вечер странная картина предстала перед всеми жителями усадьбы.

По главной дороге медленно и торжественно ехала подвода. Лошадь под уздцы вел кучер, рядом шагал Алексей Федяшев, в самой подводе, приветствуя селян кокетливым взмахом рук, стояла мраморная женщина в древнегреческой тунике...

Эта процессия прошествовала двором, подъехала к подъезду главного дома.

Стоявшие у подъезда Степан и Фимка многозначительно переглянулись, а Степан оценил увиденное латинским изречением:

— Центрум квиа импосибиле ест! («Это достоверно, уже хотя бы потому, что невозможно».)

— Степан! — крикнул Федяшев. — Помогите!

Степан подошел к подводе, кучер взвалил статую ему на спину, и Степан понес ее к подъезду, сгибаясь под тяжестью. Наблюдавшие селяне одобрительно загудели, оценивая главным образом физическую силу Степана:

— Здоровый чертяка!

Степан с трудом поднялся по ступенькам, но тут дверь дома распахнулась, и перед собравшимися появилась разгневанная Федосья Ивановна.

— Куда? Назад! — закричала она на Степана, и тот послушно соскочил со ступенек, едва не уронив каменную барышню.

— Что ж вы меня срамите, сударь? — продолжала Федосья Ивановна, уже обращаясь к племяннику. — За-

чем ЭТО домой? Что ж у нас здесь, кладбище, прости господи?!

— Ма танти! — строго сказал Федяшев, сбиваясь частично на французский язык и тем самым пытаюсь сделать непонятной ссору для наблюдавших простолюдинов. — Не будем устраивать эль скандаль при посторонних. Я хочу, чтоб это произведение искусства стояло у меня в кабинете... — И добавил, обращаясь к Степану: — Неси!

Степан стал подниматься по ступенькам.

— Стой! — крикнула тетушка и оттолкнула Степана. — Да как же это можно! Постороннее изваяние — и в дом? Откуда нам знать, с кого ее лепили? Может, эта девица была такого поведения, что и не дай бог.. Ее ж при деде вашем ставили, дед был отменный развратник. Старики помнят...

Несколько стариков, стоявших среди дворни, авторитетно закивали и захихикали.

— На Прасковью Тулупову похожая, — сказал один дед. — Была тут одна... куртизаночка...

— И вовсе не Прасковья! — сказал другой старик. — Это Жазель, француженка... Я ее признал... По ноге! Нука, Степан, подтащи поближе...

Степан, кряхтя, поднес статую к деду, тот заглянул в каменное лицо.

— Она! — авторитетно сказал дед. — А может, и не она... Та была brunетка, а эта вся белая...

— Замолчите все! — крикнул взволнованный Федяшев. — Не смейте оскорблять своими домыслами сие небесное создание! Она такова, какой ее вижу я! И вам того увидеть не дано! Отдай, Степан!

Федяшев схватил статую и попытался поднять на вытянутых руках, но, не удержав, рухнул на ступеньки, придавленный ее тяжестью...

Очнулся Федяшев на диване, в своем кабинете. Голова его была забинтована. Рядом хлопотала Федосья Ивановна, ставя на столик микстуры и липовый чай.

— Ну как, милый, отходишь?

Федяшев застонал и попытался приподняться:

— Где она? Где?!!

— Да вот же... Господи! Что с ней станется...

Только тут Федяшев увидел, что его обожаемая статуя уже находится в кабинете, в углу. Правда, местами она потрескалась, а правая рука и вовсе отвалилась.

Возле статуи возлились Степан и Фимка, прилаживая отлетевшую руку..

— На штырь надо посадить! — сказал Степан. — Глиной замазать. А потом — алебастром... Ре бена геста — делать так делать!

— Уйдите! — взмолился Федяшев. — Не мучайте меня! Дворовые смутились:

— Да мы чего, барин... Мы как лучше...

Степан и Фимка робко двинулись к выходу.

— Руку-то оставьте, ироды! — крикнула тетушка.

Степан испуганно положил мраморную руку на столик:

— Прощенья просим! Тут гончара надо. Он враз новую слепит.

— И вы, тетушка, ступайте! — попросил Федяшев. — Оставьте нас одних.

— Кого «нас»? — Тетушка перекрестилась. — Совсем ты головой ушибся, Алексис... Скорей бы доктор ехал.

К вечеру из города приехал доктор. Толстенький господин в засаленном парике и крутых очках. Он был слегка навеселе.

Осмотрел больного, как умел, проверил рефлексы.

— Ну что же-с! — сказал он. — Ребра, слава господу, повреждений не имеют-с, а голова — предмет темный и исследованию не подлежит. Завязать да лежать!

— Мудро! — закивала Федосья Ивановна, накрывая маленький столик и ставя на нем графинчик. — Отужинать просим чем бог послал.

— Отужинать можно, — согласился доктор. — Если доктор сыт, так и больному легче... — Он пропустил рюмку и с аппетитом разгрыз зеленый огурец...

Федяшев прикрыл глаза и печально вздохнул.

— Ипохондрией мается, — пояснила тетушка.

— Вижу! — сказал доктор и снова налил рюмку. — Ипохондрия есть жестокое любострастие, которое содержит дух в непрерывном печальном положении... Тут медицина знает разные средства... Вот, к примеру, это... — Он поднял наполненную рюмку.

— Не принимает! — вздохнула тетушка.

— Стало быть, запустили болезнь, — покачал головой доктор и выпил. — Еще есть другой способ: закаливание души путем опускания тела в прорубь...

— Мудро! — одобрила тетушка. — Но только ведь лето сейчас стоит — где ж прорубь взять?

— То-то и оно, — вздохнул доктор. — Тогда остается третий способ — беседа. Слово лечит, разговор мысль отгоняет. Хотите беседовать, сударь? — Доктор насытился и закурил трубку,

— О чем? — усмехнулся Федяшев.

— О чем прикажете... О войне с турками... О прератностях климата... Или, к примеру, о... графе Калиостро.

— О ком?! — Федяшев даже присел на диване.

— Калиостро! — равнодушно сказал доктор. — Известный чародей и магистр тайных сил. Говорят, в Петербурге наделал много шуму... Камни драгоценные растил, будущность предсказывал... А вот еще, говорят, фрейлине Головиной из медальона вывел образ ее покойного мужа, да так, что она его осязала и теперь вроде как на сносях...

— Материализация! — воскликнул Федяшев и, вскочив, нервно стал расхаживать по кабинету. — Это называется «материализация чувственных идей». Я читал об этих таинствах... О боже!

— Да что ж ты так разволновался, друг мой?! — забеспокоилась тетушка. — Тебе нельзя вставать!

— Тетушка, дорогая! — радостно закричал Федяшев. — Ведь я думал о нем... о Калиостро. Собирался писать в Париж... А он тут, в России...

— Мало сказать — в России, — заметил изрядно захмелевший доктор. — Он в тридцати верстах отсюда. Карета сломалась, а кузнец в бегах. Вот граф и сидит в гостинице, клопов кормит...

— Клопов?! — закричал Федяшев. — Великий человек! Магистр!.. И клопов?!

— Так они ж, сударь, разве разбирают, кто магистр, кто нет, — усмехнулся доктор. — Однако куда вы?

Федяшев не ответил. Стремглав он сбежал по лестнице, выскочил во двор и закричал:

— Степан! Коня!

Изумленная тетушка из окна увидела, как Федяшев верхом проскакал по дороге и скрылся в пелене начавшегося дождя.

— Ну, доктор, вы волшебник! — ахнула тетушка. — Слово — и ушла ипохондрия...

— Она не ушла. Она где-то здесь еще витает... — вздохнул доктор и снова налил. — Она заразная, стерва... Хуже чумы! — Он оперся подбородком о кулак и вдруг тоскливо запел:

Из стран Рождения река
По царству Жизни протекает,
...Играет бегом челнока
И в Вечность исчезает...

закончил куплет романса Маргадон. Он сидел в гостиничном номере, наигрывая на гитаре.

Напротив сидел Жакоб с отрешенным видом, изредка доставая табачок из табакерки и втягивая его поочередно то левой, то правой ноздрей.

Из-за двери, выходящей в соседнюю комнату, доносились приглушенные голоса — мужской и женский.

— Тоска! — вздохнул Маргадон, отшвырнув гитару. — Жуткий городок. Девок нет, в карты никто не играет. В трактире украл серебряную ложечку — никто даже и не заметил. Посчитали, что ее и не было!

— Чем же вы недовольны, сэр? — спросил Жакоб.

— Я оскорблен, — гордо сказал Маргадон. — Я не могу обманывать людей, которые не способны оценить мое искусство. А здесь люди доверчивы как дети. Варварская страна! Меня тянет на родину, Жакоб.

— А где ваша родина, сэр?

— Не знаю... Говорят, я родился на корабле. А куда он плыл и откуда, никто не помнит... А где вы родились, Жакоб?

— Я вообще еще не родился, сэр! — печально сказал Жакоб. — Мне предстоит цепь рождений, в результате чего я явлюсь миру принцем Уэльским... Но это будет не скоро. Через пару сотен лет... Так мне предрек мистер Калиостро. Поэтому нынешнее существование для меня не имеет значения.

— А для меня имеет! Потому что в будущем я стану котом.

— Кем?

— Котом... И даже не сиамским, а обыкновенным... беспородным. Так что меня ждут грязные помойки и благосклонность бродячих кошек.

— Небогатая перспектива, сэръ! — сочувственно вздохнул Жакоб.

— Да уж... Поэтому в этой жизни мне дорог каждый час... И я не понимаю, чего мы здесь сидим, в этом убогом городишке?!

— Мы ждем Лоренцу, сэръ.

— Плевать ему на Лоренцу! И плевать ему на нас! — зло зашипел Маргадон, действительно приобретая кошачьи черты. — Ему важно охмурить эту русскую мадемуазель! Старый развратник хочет чистой любви...

— Что ж здесь плохого, сэръ?

— Тигр не должен быть вегетарианцем! — воскликнул Маргадон. — Мошенник не должен быть добродетельным. Знаете ли, Жакоб, однажды я нашел на улице кошелек с сотней золотых. Так я чуть с ума не сошел, пока не разыскал хозяина и не вернул ему деньги...

— Зачем?

— Чтобы потом украсть! Мне не нужны благодеяния. Деньги надо зарабатывать честным трудом!

В соседней комнате Калиостро рассказывал перед сидевшей в кресле Марией. Лицо Марии было испуганно. Калиостро протянул к ней руку, Мария сжалась, напряглась...

— Мне трудно, сударыня, — строго сказал Калиостро и отдернул руку. Затем он подошел к белоснежной розе, стоявшей в вазочке, и коснулся ее рукой.

Белоснежная роза стала наливаясь красным цветом. Мария задрожала от страха.

— Мне трудно, сударыня! — устало повторил Калиостро. — Разве вы не хотите помочь страждущему?

— Я думаю о папеньке... Думаю, — испуганно заверила Мария.

— Это я должен думать о вашем папеньке. А вы думайте обо мне! — резко произнес Калиостро. — И, по возможности, без неприязни...

— Ах, что вы говорите! — залепетала Мария. — Какая неприязнь? Я вам так благодарна за старания. Да я... Ей-богу..

— Природу не обманешь! — усмехнулся Калиостро. — От ваших мыслей она увядает. — Он тронул розу рукой. Цветок сжался, его лепестки осыпались. — Если так пойдет дальше, мы погубим здесь всю оранжерею, — улыбнулся Калиостро. — Неужели я вам настолько противен?

— Да что вы, господин Калиостро, — снова попыталась оправдаться Мария.

— Джузеппе! — перебил ее Калиостро. — Я же просил вас называть меня по имени — Джузеппе. Или совсем попросту: Джузи. Так меня звала матушка... и гладила по голове... Вот так. — Он взял руку Марии и провел по своим волосам.

На лице Марии мелькнул неподдельный страх, она отдернула руку.

— Ваше сиятельство... — почти плача сказала она, — я и так в вашей власти... ни людей не побоялась, ни молвы. Живу с вами в одной гостинице. Зачем же вы мучаете меня? Мне теперь ни смерть не страшна, ни что другое.

Калиостро устремил на нее полный страсти пронзительный взгляд.

Она молча кивнула несколько раз, покорно поднялась потупив глаза и расстегнула пуговицу на платье. Его рука остановила ее движение.

— Я не тиран, сударыня, — произнес он над ее ухом. — Мне нужны чувства, а не покорность.

— Так сердцу не прикажешь, — вздохнула Мария. — Так... народ говорит.

— Глупость он говорит, ваш народ, — усмехнулся Калиостро. — Сердце такой же орган, как и иные... И подвластен приказу свыше. — Он постучал по своему лбу, потом взял руку Марии и прижал ее к груди.

Мария услышала, как забилось его сердце.

— Вот оно забилось часто-часто... А вот — реже... — Оглушительный ритм бьющегося сердца неожиданно замедлился.

Калиостро попятился, прижался к стене затылком, побледнел, испарина выступила на его лбу:

— А вот.. и совсем остановилось... Ощущаете?

Наступила мертвая тишина. Мария испуганно молчала.

— Прикажете ему замереть навсегда? Или пустить? — спросил Калиостро.

— Христос с вами! — воскликнула Мария. — Пустите!

— Пускаю! — торжественно объявил Калиостро, и снова раздались громкие удары его сердца. Он медленно двинулся к Марии. — Как видите, человек хозяин всему, что в нем заключено.

— Мне так не сумеет, — попыталась улыбнуться Мария.

— Сумеете, — властно произнес Калиостро, заглянув в ее глаза. — Вы чисты и доверчивы, сударыня. Ваше сердце еще не огрубело...

— Да, — кивнула Мария. — Но я не люблю вас, ваше сиятельство. Неужели вы этого не видите?

— Разумеется, вижу, — улыбнулся Калиостро. — Но мы в начале опыта... Золото из ртути возникает на десятый день, любовь из неприязни — на пятнадцатый... Мы с вами две недели в пути. Наступает критический момент!

Он сделал шаг в сторону и с силой ударил ногой по двери.

Маргадон, глядевший в замочную скважину, со страшным воплем отлетел от двери и схватился за лоб.

Калиостро заглянул в комнату к слугам и тихо сказал:

— Бездельники...

Жакоб и Маргадон испуганно и проворно схватили музыкальные инструменты: Жакоб — гитару, Маргадон — мандолину. Зазвучала трогательная неаполитанская мелодия:

Уно, уно, уно, уно моменто!

Вита, дольче Вита, комплименто!

Это был стихийный набор итальянских слов, но Жакоб и Маргадон пели их с такой страстностью и отчаянием, что Мария невольно заслушалась...

— Что означает сия песня? — прошептала она.

Жакоб стал объяснять деловито и подробно:

— В этой народной песне поется о бедном рыбаке и влюбленной девушке. Каждое утро рыбак уходил в море, а бедная девушка ждала его на берегу. Но однажды в море разыгрался страшный шторм, и утлая лодка рыбака не вернулась в Неаполь...

На глазах Марии выступили слезы.

Жакоб продолжал:

— Всю ночь простояла бедная девушка на берегу, а когда утром набежавшая волна вынесла на песок обломки лодки, — голос его дрогнул, — бедная девушка скинула с себя последнюю одежду и шагнула в бушующую стихию.

Музыка достигла кульминации.

Руки Калиостро потянулись к Марии.

Ее губы приблизились к его губам.

— И море расступилось перед нею, — воскликнул Маргадон. — И яркий свет озарил бездну.. И бедная девушка узрела бедного юношу!..

Мария пошатнулась, закрыла глаза, Калиостро подхватил ее на руки и быстро понес через анфиладу комнат.

Двери распахивались перед ним, и только одна, последняя, дверь осталась закрытой, и когда Калиостро сильным ударом ноги распахнул ее, то замер на месте, потому что перед ним стоял промокший до нитки человек с виноватой улыбкой — Алексей Федяшев.

— Извините, сударь, здесь проживает господин Калиостро?

— Маргадон! — что есть силы закричал Калиостро. — Почему открыта дверь? Кто открыл дверь?

— Эскюз ми, магистр, — испуганно пробормотал Маргадон. — Варварская страна. Ключи дают, а замков нет.

— Ах, — совсем смутился Федяшев, — я, кажется, не вовремя?

Мария опустилась на ноги, с удивлением глядя на Федяшева, потом отступила.

— Не вовремя, — развел руками Федяшев.

— Вы, сударь, не вовремя появились на свет, — заметил Калиостро. — А теперь уж что поделаешь... Входите.

Мария попятилась, тихо проскользнула в соседнюю комнату, повалилась в постель, лицом в подушку.

— Ну, слушаю вас! — недовольно произнес Калиостро, садясь в кресло. — Только покороче!

— Благодарю! Сердечно благодарю, граф. Прежде всего разрешите представиться: местный помещик, дворянин, Федяшев Алексей Алексеевич...

— Я же просил: короче! — поморщился Калиостро.

— Да как уж короче-то? — замылся Федяшев. — Тогда просто Алексис... или Алеша... Тетушка зовет меня Алексисом, а покойная матушка звала Алешей...

— Дальше!

— Дальше что ж... узнав, что вы, граф, в России, да еще рядом, бросился к вам... Дабы иметь счастье лицезреть, а также пригласить погостить в свое имение.

— Это вам зачем?

— Для вашего удовольствия. Здесь, в гостинице, я вижу, вы терпите неудобства, а у меня и комнаты просторные, и кузнец есть, отменный мастер. Мигом карету починит!

— И все? — Калиостро внимательно посмотрел на Федяшева.

— Все! — сказал тот и опустил глаза...

— Вы не умеете лгать, молодой человек, — презрительно сказал Калиостро. — А я достаточно пожил, чтоб не верить в благотворительность... Все люди разделяются на тех, которым что-то нужно от меня, и на остальных, от которых что-то нужно мне. Вы ко второму разделу не принадлежите. Следовательно... Выкладывайте — что вам угодно?

— Ах, граф, от вас ничего не утаить! — смутился Федяшев. — Я пришел вас просить о чуде. Дело в том, что я влюблен! Влюблен страстно и безнадежно...

...При этих словах в соседней комнате Мария замерла и прислушалась к словам, доносящимся из-за двери.

— Я влюблен! — повторил Федяшев.

— Ну а я-то при чем? — усмехнулся Калиостро.

— Дело в том, что предмет моей любви существует только в моем воображении, — с пафосом произнес Федяшев. — Его телесные контуры намечены в скульптурном изваянии, выполненном когда-то неизвестным художником... Но это мрамор. Холодный мрамор, магистр! И если б вы взялись свершить чудо...

— Я не занимаюсь чудесами, — резко сказал Калиостро, — я действую только в границах физических сил природы... Я материалист..

— Да-да, конечно! — поспешно согласился Федяшев. — Я и имею в виду материализацию чувственных идей, которой, по слухам, вы владеете в совершенстве...

— Ну, предположим...

— Воссоздайте мою мечту, ваше сиятельство! — тихо произнес Федяшев, и на его глазах выступили слезы. — Без нее я не вижу смысла своего существования! Вдохните жизнь в нее, как некогда греческие боги вдохнули жизнь в каменную Галатею...

— Ну, то в Греции, — усмехнулся Калиостро, — здесь у вас и климат другой, и Галатеи крепче сколочены. Таких изнутри трудно прошибить! Верно, Маргадон?

Стоявший в дверях Маргадон, уловив непристойный смысл шутки, захохотал.

Мария, взволнованно слушавшая этот разговор в соседней комнате, недовольно поморщилась.

— Она прекрасна! — тихо сказал Федяшев. — Если бы вы ее увидели...

— И не собираюсь! — строго сказал Калиостро. — Материализация чувственных идей, сударь, есть труднейшая и опаснейшая задача научной магии! Она требует огромных энергетических затрат.

— Все, что у меня есть! — воскликнул Федяшев. — Имение, дом...

— Ах, сударь, о чем вы! — отмахнулся Калиостро. — Богатство давно меня не интересует.

— Тогда возьмите... саму жизнь мою! — крикнул Федяшев. — Может, она сгодится для каких опытов... — Он выхватил шпагу. — Прикажите только!

В этот момент распахнулась дверь, и в комнате вновь появилась Мария. Она с ненавистью посмотрела на Калиостро.

— Зачем вы мучаете юношу? — тихо спросила она. — Скажите честно, что не можете свершить подобные чудеса... Он ведь и вправду влюблен... Вы же видите!

— Чужие страдания вам заметны, мои — нет! — грустно сказал Калиостро и прикрыл глаза, словно раздумывая о чем-то. Потом решительно поднялся. — Я попробую материализовать ваш идеал, судары! — обратился он к Федяшеву. — Получится это или нет, не знаю... Сие будет зависеть не от нас с вами, а от женщины... — И он с насмешкой посмотрел на Марию.

По извилистой дороге, поднимая пыль, двигался странный кортеж. Впереди скакали три всадника: Федя-

шев, Мария и Калиостро. За ними катилась легкая бричка, которой управлял Маргадон. К бричке с помощью толстой веревки была привязана поломанная карета, схавшая на одном колесе.

Несмотря на это, восседавший на козлах Жакоб был, как всегда, невозмутим, хотя его изрядно и потряхивало на ухабах и поворотах.

Замыкала процессию невесть откуда взявшаяся телега с разряженными музыкантами, которые игрой, пением и странными телодвижениями придавали некую театральность происходящему.. Кортеж въехал в усадьбу Белый Ключ.

Немногочисленная дворня высыпала к подъезду.

— Тетушка, встречайте гостей! — крикнул Федяшев и спрыгнул с коня.

Федосья Ивановна уже спускалась по ступенькам. Следом за ней шла дворовая девка Фимка, держа на подносе хлеб-соль.

— Силь ву пле, дорогие, силь ву пле, — бормотала Федосья Ивановна. — Же ву тру.. А, черт, все слова-то со страху повыскакивали. Или они по-нашему понимают, Алексис?

— Они понимают! — сдержанно ответил Калиостро и, указывая на дары, сказал слуге: — Прими, Маргадон!

Маргадон деловито взял у Фимки хлеб, ссыпал соль к себе в карман, потом, оценив взглядом солонку, кинул ее туда же...

Дворня обрадованно зашумела:

— Понравилось, видать... Молодец!

Маргадон презрительно оглядел собравшихся и направился в дом вслед за хозяином и Федосьей Ивановной.

Слуги начали вытаскивать из кареты огромные чемоданы.

Федяшев, заметив в толпе Степана, поманил его пальцем.

— Степан, у гостя карета сломалась...

— Вижу, барин. Ось полетела да спицы менять надо.

— Починить сможешь?

— За день сделаю.

— А за два?

Степан глянул на барина, перевел взгляд на карету:

— Можно и за два.

— А за пять?

Степан задумчиво почесал в затылке:

— Трудновато, барин. Но ежели постараться, можно и за пять...

— А за десять дней?

Степан аж крякнул:

— Ну, барин, тут тогда самому не справиться. Помощник нужен. Хомо сапиенс!

— Бери помощников! — приказал Федяшев и, многозначительно подмигнув, поднялся по ступенькам в дом.

Степан начал осматривать карету. К нему подошла Фимка:

— Чудные господа какие-то!

— А как же, — заметил Степан. — Ален ноби, ностра плюс алис — чужое нам, а наше чужое иным...

— Долго, — сказал Степан и потянул дверь кареты. Та не поддавалась. — Однако крепко сделана, — вздохнул Степан. — И не отдерешь!

В тот же вечер в доме был в честь гостей дан торжественный обед.

Длинный стол ломился от обильной еды, слуги, и в первую очередь Фимка, носились взад-вперед с подносами... В центре стола, одетый в яркую восточную одежду, восседал Калиостро. Справа от него с отрешенным видом сидела Мария. Напротив — Федяшев, тетушка, доктор и специально приехавший поглазеть на знаменитого гостя сосед-помещик Свиныин с дочерьми.

— Благодарю за угощение, — вежливо сказал Калиостро, закончив трапезу и откинувшись в кресле. — Было вкусно.

— Да вы и не ели ничего, ваше сиятельство, — заохала Федосья Ивановна.

— Кто ест мало, живет долго, — сказал Калиостро. — Ибо ножом и вилкой роем мы могилу себе. Посему переведем трапезу в беседу. По глазам собравшихся читаю я многочисленные вопросы относительно себя. Готов ответить! Неутоленное любопытство страшнее голода.

— Ах, граф, как вы добры! — воскликнул Федяшев. — Мы так много наслышаны о вас. Но что правда, что нет, уяснить не дано.

— Да-да, — согласился Калиостро. — Обо мне придумано столько небылиц, что я устаю их опровергать. Меж тем биография моя проста и обычна для людей, носящих звание магистра... Начнем с самого детства. Родился я в Месопотамии, недалеко от слияния рек Тигр и Евфрат, две тысячи сто двадцать пять лет тому назад... — Калиостро оглядел собравшихся, как бы давая им возможность осознать услышанное. — Вас, вероятно, изумляет столь древняя дата моего рождения?

— Нет, не изумляет, — невозмутимо сказал доктор. — У нас писарь в уезде был, в пачпортах, где год рождения, одну цифирку только обозначал. Чернила, шельмец, вишь, экономил. Потом дело прояснилось, его в острог, а пачпорта переделывать уж не стали. Документ все-таки. — Он повернулся к Федосье Ивановне, как бы ища поддержки. — Ефимцев, купец, третьего года рождения записан, Куликов — второго...

— Да много их тут — долгожителей, — подтвердила Федосья Ивановна.

Теперь все повернулись к Калиостро.

Калиостро достал трубку, начал медленно набивать ее табаком.

— Аналогия неуместна, — строго произнес он. — Я не по пачпорту, как вы изволили выразиться, а по самой жизни урожден две тысячи лет назад... В тот год и в тот час произошло извержение вулкана Везувий. Очевидно, вследствие этого знаменательного совпадения часть энергии вулкана передалась мне...

Калиостро сунул трубку в рот, огляделся, как бы ища огня. Федяшев потянулся к подсвечнику, но Калиостро остановил его.

— Благодарю! Не требуется! — Он коснулся мизинцем трубки и потянул воздух. Из-под мизинца, к изумлению гостей, вспыхнул огонек и пошел дым.

Калиостро с блаженным выражением затаился и опустил кончик мизинца в бокал с водой. Мизинец зашипел, как раскаленный паяльник, обильно образуя

пар. После этого Калиостро посмотрел на доктора, который хранил невозмутимое спокойствие.

— Надеюсь, сударь, в вашем уезде подобного не случилось? — спросил Калиостро.

— От пальца не прикуривают, врать не буду! — сказал доктор. — А искры из глаз летят.. Вот хоть у господина Загосина о прошлом годе мужик с воза свалился да лбом об оглоблю. Ну, я вам доложу, был фейерверк.

— Все сено сжег, — подтвердил Свинын. — Да какое сено! Чистый клевер...

Мария хмыкнула и с трудом сдержала смех. Это заметил Калиостро

— Ах, господи, да что ж вы такое говорите?! — взорвался Федяшев. — Какое непонимание! Наш гость повествует о совсем иных явлениях!

— Успокойтесь, друг мой! — строго сказал Калиостро. — Я чувствую, здесь собрались люди скептического нрава... Мне ничего бы не стоило поразить их воображение рассказами о таинствах материи, о переходах живой энергии в неживую, о парадоксах магнетизма... — Он покосился на доктора и усмехнулся. — Но, боюсь, все это будет несколько сложно для вашего, сударь, поверженно-го алкоголем ума. Посему лучше вернемся к трапезе. Видите эту вилку?

— Ну? — сказал доктор.

— Хотите, я ее съем?

— Сделайте такое одолжение! — сказал доктор.

Федосья Ивановна всплеснула руками:

— Да что вы, граф? Помилуй бог! Да это вы меня как хозяйку позорите... Сейчас десерт! Фимка! Ну что стоишь, дура! Неси шоколад!

— Не беспокойтесь, сударыня! — сказал Калиостро. — Я же объяснял про взаимный переход энергии... И с этой стороны у шоколада не больше достоинств, чем у сего железного предмета.

После этих слов Калиостро постучал вилкой по звонкому бокалу, потом эффектным движением сунул вилку в рот, с аппетитом прожевал ее и благополучно проглотил... После чего взглянул на доктора.

Доктор, подумав, ободрил Калиостро взглядом. Кивнул.

— Да! — сказал он. — Это от души... Это достойно восхищения. Ложки у меня пациенты глотали много раз, не скрою, но вот так, чтобы за обедом... на десерт... и острый предмет... замечательно! За это вам искренняя сердечная благодарность Ежели, конечно, еще кроме железных предметов и фарфор можете употребить... — Он взялся за большую тарелку и оглядел ее со всех сторон. — Тогда просто нет слов!

Все обернулись в сторону Калиостро.

— М-да... Однако это становится утомительным, — вздохнул Калиостро и встал из-за стола. — Благодарю, сударь. Я уже сыт, пора и делом заняться. Ну где там ваш идеал, господин Федяшев? Показывайте...

Освещая дорогу канделябром с горящими свечами, Федяшев повел Калиостро наверх, в свой кабинет. Следом шли Мария, Федосья Ивановна и Маргадон.

Статуя стояла в самом углу на небольшой подставке. Отломанная рука была прибинтована к плечу.

Калиостро оглядел статую и удовлетворенно покачал головой:

— Прекрасное создание! Браво, сударь! Мне нравится ваш вкус!

— Славная фемина! — поддакнул Маргадон и прищелкнул языком.

— Узнаешь, Маргадон?

— Натюрлих! — ответил Маргадон почему-то по-немецки. — Только плечи пошире... И бедра...

Калиостро гневно глянул на Маргадона и что-то резко сказал ему по-итальянски. Тот пристыженно смолк.

— Нельзя говорить со слугой о возвышенном, — иронично заметил Калиостро — Ум невежды — в молчании! Однако сейчас он сказал правду. Мы действительно встречали эту прекрасную даму...

— Как? — ахнул Федяшев — Вы ее видели?

— И не раз! — спокойно сказал Калиостро. — Я же вам объяснял, сколь долга была моя жизнь Неудивительно, что судьба позволяла мне лицезреть и этот образ. Когда-то давно ее звали Елена... Елена Прекрасная...

— Елена! — шепотом повторил Федяшев

— Позже ее звали Беатриче...

— Беатриче... — повторил Федяшев.

— Прасковья ее звали, — вмешалась тетушка. — Лепили ее с Прасковьи Тулуповой! У деда Лешиного была тут одна... извиняюсь...

— Не важно, с кого ее лепили, — с улыбкой ответил Калиостро. — Истинный художник копирует не натуру, но лишь свое воображение. Думаю, вы это понимаете, друг мой, — добавил он, обращаясь к Алексею, — и не ждете от меня портретного сходства?!

— В общем-то... конечно, — растерянно пробормотал Федяшев. — Но, с другой стороны... я думал — будет похожа.

— Материализация идей есть материализация идей! — строго заметил Калиостро. — Она зримо воплощает фантазию. С первоосновой же сохраняет лишь общие контуры. Тем более что и сама модель у вас... в скверном состоянии. — Он внимательно оглядел статую. — Вы роняли ее, что ли?

— Говорила, не надо трогать... Говорила, — запричитала Федосья Ивановна.

— Она стояла в парке... — начал пояснять Федяшев. — Я подумал: там дождь, голуби...

— Ах как неосмотрительно! — покачал головой Калиостро. — Идеал нельзя отрывать от почвы! Нарушаются магнетические связи! Извольте водрузить на место! И немедленно! Теперь уж даже и не знаю, как она будет выглядеть, ваша Лаура...

— Лаура? — воскликнул Федяшев. — Не Лаура ли это, воспетая великим Петраркой?

— Когда-то она была ею, — спокойно ответил Калиостро. — Я же говорю: она являлась миру под разными именами: Лаура, Джульетта... Даже и не ведаю, какое имя она выберет в нашем веке? Может быть, Мария? Вы не возражаете, сударыня? — Он повернулся к Марии и в упор посмотрел ей в глаза.

Мария вздрогнула, но выдержала взгляд и ответила:

— Отчего же! Это честь для меня. Не я сама, то хоть имя мое послужит чьей-то любви.

— А вы, сударь? — Калиостро вонзил свой взгляд в Федяшева.

— О! Это прелестное имя! — Федяшев нежно посмотрел на Марию. — Да я и внешний облик вашей спутницы воспринял бы с радостью...

Наступила пауза. Маргадон от неожиданности икнул и с недоумением посмотрел на магистра.

Калиостро побледнел, закрыл глаза. Его лицо исказила гримаса, словно он ощутил физическую боль. Однако он взял себя в руки и через секунду улыбнулся.

— Должен вас огорчить, друзья! Сейчас мне было видение... — Он еще раз оглядел статую. — Галатею будут звать ЛОРЕНЦЕЙ!

После обеда хозяева и гости разбрелись по своим комнатам на полуденный отдых.

Маргадон и Жакоб от нечего делать опробовали столы в бильярдной.

— И здесь тоска! — сказал Маргадон, забивая очередной шар. — Кормят до отвала. Двери не запирают. У ключницы попросил три рубля — дала и не спросила, когда отдам. Честное слово, Жакоб, они меня доконают!!

— Погрузитесь в себя, сэр! — посоветовал Жакоб. — В тайники своей души...

— Там холодно и страшно, — отмахнулся Маргадон. — Лучше уж заботиться о теле.

Он увидел, что мимо окон идет розовощекая Фимка, и отложил кий.

— Селянка! — крикнул он. — Подь сюда...

Фимка покорно подошла:

— Чего изволите?!

— Хочешь большой, но чистой любви? — бесцеремонно сказал Маргадон.

— Как не хотеть! — ответила Фимка.

— Однако! — ухмыльнулся Маргадон. — Мне нравится твоя простота. Придешь сегодня в полночь на сеновал.

— Придем-с... — сказала Фимка. — Только уж и вы приходите. А то вон тот сударь тоже позвал, а опосля испугался...

Маргадон удивленно уставился на Жакоба.

— Она с кузнецом придет! — спокойно пояснил Жакоб.

— С каким кузнецом?

— Дядя мой... Степан. Он мне вместо отца.

— Какой кузнец? Зачем кузнец? — изумился Маргадон. — Я не лошадь!

— Благословлять, — простодушно сказала Фимка. — Вы ж изволите предложение делать или как?

Маргадон секунду обалдело смотрел на нее, потом его ус нервно задержался:

— Ступай, селянка! Видишь, играем. Не мешай!

Из окна своего кабинета Федяшев увидел, как из дома вышла Мария. Он поспешно завязал галстук, надел новый сюртук и спустился вниз.

Мария сидела в беседке возле пруда и печально смотрела на водную гладь...

Сзади послышался шорох. Она испуганно оглянулась, увидела Калиостро.

— Извините, что прервал ваше уединение, — сказал Калиостро. — Мне сейчас было послание от вашего папеньки.

— Как? — ахнула Мария. — Где ж оно? — И нетерпеливо протянула руку.

— Мысленное послание, — улыбнулся Калиостро. — Он явился ко мне во сне... Выглядел хорошо. Пульс ровный... Дыхание размеренное... Румянец.

Мария подозрительно посмотрела на Калиостро:

— Граф, коли так — я счастлива! Но если вы обманываете меня — это грех. И Небо покарает вас!

— Если б я был обманщиком, — спокойно возразил Калиостро, — у Неба было достаточно времени для возмездия. Но если я уже две недели безвинно терплю вашу подозрительность и неприязнь, не кажется ли вам, сударыня, что это жестоко? Как мне доказать свои чувства? Застрелиться? Так пуля меня не берет.. Утопиться? — Он глянул на пруд и с ужасом увидел, что к ним направляется лодочка. На веслах сидел Федяшев, рядом с ним лежала огромная охапка ромашек... — Или утопить этого надоедливового субъекта?! — зло закончил Калиостро.

— За что вы на него сердитесь? — с улыбкой спросила Мария. — Он наивный, но трогательный.

— Я плохо понимаю происхождение отдельных русских слов, — сухо сказал Калиостро. — «Трогательный» — от глагола «трогать»? Я этого не люблю... — Он круто повернулся и пошел из беседки. На ступеньках остановился. — Думайте больше о папеньке, Мария! Пусть и дальше приходит ко мне живым и здоровым...

— Прошу простить за дерзость! — сказал Федяшев, протягивая цветы Марии.

— В чем же дерзость?

— Я насчет того, что помыслил придать идеалу черты ваши и публично о сем сказал...

— Теперь, стало быть, передумали?

— Ах, что вы? — вспыхнул Федяшев. — Был бы счастлив... Но мне казалось, я нарушил куртуазность поведения. Да и граф обиделся!

— Так вы цветы ему принесли?

— Почему? Что вы, Мария Ивановна... Ах, совсем я запутался! — Федяшев смутился, цветы посыпались из его рук.

— Странный вы, Алексей Алексеевич, — улыбнулась Мария. — Так сложно изъясняетесь. И вроде живете на природе, среди простых нормальных людей. — Она склонилась к нему, помогая собрать ромашки. Их руки коснулись друг друга, лица оказались рядом. — А мыслите все о каких-то идеалах бестелесных! — Мария смотрела на Федяшева чуть насмешливо.

— Но так и великий Петрарка мечтал о своей Лауре... — в смущении пробормотал Федяшев.

— Неправда! — вдруг резко сказала Мария. — Петрарка любил земную женщину, да еще жившую по соседству. А уж потом чувством своим вознес ее до небес. А у вас все наоборот, судары! Небеса на землю мечтаете притянуть! Хитростями да магнетизмом счастья любви не добьетесь!

— Ну тогда скажите, сударыня, — как достичь его?! — воскликнул Федяшев.

— Не знаю! — печально ответила Мария. — Знала бы, сама была бы счастлива...

Так, тихо разговаривая, они вышли из беседки и пошли по дорожкам парка.

Наступал вечер, на небе показалась первая звезда. Калиостро наблюдал за прогуливающимися Алексеем и Марией, стоя на балкончике второго этажа. Потом достал подзорную трубу: лица Марии и Алексея укрупнились...

За спиной Калиостро неожиданно вырос Маргадон:

— Магистр! Извините, что отвлекаю от визуальных наблюдений...

— Что тебе? — сердито обернулся Калиостро.

— Лоренца приехала! — шепотом сообщил Маргадон...

Лоренца сидела в открытой бричке. Бричка стояла метрах в пятистах от усадьбы, прямо посреди поля. Светила луна.

Лоренца с улыбкой наблюдала, как через поле к ней быстро приближаются три мужские фигуры. Кто-то из бегущих споткнулся и упал в траву. Лоренца громко засмеялась.

— Тсс! — по-кошачьи зашипел первый из подбежавших. Это был Маргадон. — Я тебе сказал: ни звука!

Тут же из темноты возникло лицо Калиостро. Сзади, прихрамывая, появился Жакоб.

— Здорово, ребята! — весело крикнула Лоренца.

— Тсс! — снова зашипел Маргадон. — Ты ж обещала... Тихо!

— Зачем вы приехали, Лоренца? — строго спросил Калиостро. — Вас могли увидеть... Вы получили мою записку?

— Получила... Ну и что? Какого черта?! — Лоренца попыталась глотнуть из горлышка, но Калиостро решительно вырвал из ее рук бутылку, зашвырнул в темноту.

— Какого черта? — снова хмельно закричала Лоренца. — Бросаете меня в Петербурге... Я одна мчусь через всю страну.. Жру дорожную пыль и вытряхиваю кишки на ухабах. А когда приезжаю, то мне, оказывается, даже нельзя появляться никому на глаза?! Что за... елки-моталки?!

Калиостро улыбнулся:

— Я смотрю, вы хорошо освоили русский язык, Лоренца. Даже чересчур... Но все равно это не дает вам права орать! Вас действительно никто не должен видеть до... — он засмеялся, — ... до той сложной мистерии, которую я намерен здесь учинить.

— Опять материализация? — скривилась Лоренца. — Опять краситься, мазаться белилами? Тьфу! Надоело!

Калиостро с гневом обернулся к Маргадону:

— Это вы уже разболтали?

— Что вы, магистр? — испугался тот. — Я был нем как рыба...

— Лжете!. И быть вам за это рыбой... Мерзкой скользкой рыбой на самом дне моря, в вечной темноте!

— Он не виноват! — засмеялась Лоренца. — Я научилась считывать мысли. Мы все понемногу овладеваем вашим искусством, Джузеппе... Однако еще одна мысль герзает мозг нашего Маргадоши: а на кой черт нам это надо?! Когда материализуешься в столице для какого-нибудь князя или маркиза — это можно понять... Но здесь, в провинции? Ни денег, ни славы!.. Неужели только для того, чтобы позабавить вашу русскую мадемуазель?

— Ты так думал?! — свирепо спросил Калиостро и схватил Маргадона за ворот. — Ты?!

— О нет! Магистр!.. Быть мне рыбой!.. — захрипел тот, но вдруг, вырвавшись и отбежав в сторону, крикнул: — Да! Чем бы это мне ни грозило: да! Это моя мысль!

— Так! — вздохнул Калиостро и обернулся к Жакобу. — И ваша тоже, Жакоб?

— Сэр, — невозмутимо ответил тот, — вы знаете: мои мысли всегда далеко-далеко... в будущем. Но, сказать откровенно, если в палате лордов мне зададут вопрос: зачем, принц, вы столько времени торчали под Смоленском? — я не буду знать, что ответить...

— Так! — снова повторил Калиостро, и в его голосе послышались металлические ноты. — Значит — бунт?! Меня предупреждали, что пребывание в России действует разлагающе на некрепкие умы, но я не полагал, что это касается близких мне людей... Ничтожества! Вы требуете отчета от меня, дарующего вам богатство и вечную жизнь? Жалкие комедианты. Я бы мог вас испепелить, превратить в прах! Тайным заклинанием я бы мог обратить вас в насекомых и поместить в прозрачную склянку, дабы видеть, как вы там прыгаете и бьетесь о стенки... Но я не стану тратить на вас магическую энергию! Вы сего недостойны! Я поступлю с вами прощ: сдам в участок. Вас станут судить за кражу серебряных ложек и неоплаченные счета в трактире! А потом публично выпорют, как бродяг, и отправят в Сибирь убирать снег!

— Весь? — ужаснулся Маргадон.

— Весь! — ответил Калиостро. Он повернулся к слугам спиной, давая понять, что разговор окончен.

Маргадон и Жакоб переглянулись и растворились в темноте.

Калиостро сел рядом с Лоренцей в бричку, тронул вожжи. Лошадка медленно пошла по дороге, освещенной белым светом луны. Лоренца глянула на магистра, ее взгляд потеплел, она склонила ему голову на плечо...

— Ты опять колдуешь любовь, Джузеппе? — тихо спросила Лоренца.

Калиостро молча кивнул.

— Ну и как?

— Поначалу все шло по плану. Мы виделись, она согласилась поехать со мной. А теперь...

— Что теперь? Неужели соперник?

— Соперник? — Калиостро засмеялся. — Желторотый птенец! Склонявый мечтатель...

— Ого! Ты уже ревнуешь? Бедный Джузеппе, — засмеялась Лоренца.

Калиостро резко остановил бричку:

— Не смей меня жалеть! В этот раз все получится! Я уверен! Не может быть, чтоб человек, открывший философский камень, постигший тайну перехода энергий, не смог бы понять столь нехитрую механику. Сие несправедливо! Тогда нарушаются все законы материи!

— Не кричи, я рядом, — улыбнулась Лоренца.

— Я не для тебя кричу! — вновь крикнул Калиостро и поднял лицо к звездному небу. — И Тот, Кому я кричу сейчас, слышит меня! Несправедливо! Зачем было открывать тайны сложного, если неразрешимы загадки простого?!

— Бедный Джузеппе! — Лоренца погладила его по волосам. — Ты устал... Ты слишком долго живешь.

— Помоги мне, Лоренца! — страстно заговорил Калиостро. — Я на пороге величайшего открытия. Все лучшие умы мира вычерчивали формулу любви, и никому она не давалась. И только мне, кажется, суждено ее постичь... — Он достал бумагу, испещренную какими-то знаками и цифрами. — Смотри! Здесь все учтено... Знакомство... Тайное влечение... Ревность... Отчаяние... Все это подлежит моделированию. И если в конце вспыхнет огонь чувств, то, значит, не Бог его зажжет, а человек. И стало быть, мы равны...

— Вот ты с кем соревнуешься, — покачала головой Лоренца.

— Да! — торжественно произнес Калиостро. — Другие соперники мне неинтересны...

Лоренца взяла бумагу, с любопытством оглядела ее:

— А где же тут я?

— Ты Икс! Ты воздействуешь на соперника своими чарами, и тогда он отпадает... из числителя в знаменатель...

— Хорошо! Сделаю все что захочешь, — засмеялась Лоренца. — Воздействую, убью, лишь бы ты не страдал, Джузеппе... Однако хватит сверять расчеты... Смотри, как здесь красиво! Луна, поле... словно у нас в Сицилии, помнишь?

— Да, — кивнул Калиостро. — Только не хватает моря...

— Верно, — согласилась Лоренца. — Море бы не помешало...

Они тихо заговорили по-итальянски, уже не ссорясь и не крича друг на друга, а спокойно и мирно, как говорят родные люди на родном языке.

И тогда полилась музыка, и шум травы стал похож на шум морской волны.

А где-то в другом конце поля появилась телега. На телеге стояла многострадальная статуя, которую приказано было водрузить на место.

За телегой шли Степан и Фимка. Степан что-то негромко напевал, и эта русская песня сливалась с печальной итальянской мелодией...

Не мог уснуть в эту ночь и Алексей Федяшев. Сидя у раскрытого окна, при свече, он читал стихи.

В дверь тихо постучали. Вошла Федосья Ивановна в халате и ночном колпаке:

— Не спится, Алеша?

— Нет, тетушка... Готовлюсь! Вот послушайте, как великий пиит обращается к предмету сердца своего... — Алексей нараспев прочитал несколько строф. — Великолечно, не правда ли? Мне так самому никогда не изъясниться!

— Не нравится мне все это, Алеша, — вздохнула Федосья Ивановна.

— Как? Великий Петрарка — и не нравится?!

— Бог с ним, с Петраркой, — отмахнулась Федосья Ивановна. — У него своя тетушка была, это ее заботы. А ты у меня один племянник, и я тебе так скажу: ежели ты человек, то и люби человека, а не мечту какую-то бесплотную, прости господи! Да и что за особу тебе сей чародей сотворит?! Это ведь не вилку сглотнуть, Алеша!

— Ах, тетушка, не травите душу! — Федяшев вскочил и начал нервно расхаживать по комнате. — Я и сам теперь в опасении! Слышали, что граф сказал: энергетические связи нарушены... Только по мыслям моим сможет он идеал воссоздать. А мысли мои сейчас сплошной туман.

— Ну и откажись! Скажи — передумал.

— Неловко, тетушка. Сам кашу заварил, а теперь в кусты? Не по-мужски! Я вот что решил... Я во время материализации про Марию буду думать. Лицо ее буду вспоминать, глаза, руки...

— Час от часу не легче! — всплеснула руками Федосья Ивановна. — Да что ж думать, когда все это рядом в натуральном виде ходит?

— Что ж вы такое говорите, тетушка? Сами же в детстве учили: на чужой каравай рот не разевай!

— Мало ли я глупостей говорю?! Да и потом, когда любят, разве советы слушают?!

— Что ж вы мне предлагаете, право?! — совершенно растерялся Алексей. — Отбить ее у графа?!

— А хоть бы и отбить, — спокойно сказала тетушка. — Ты, Алеша, все только готовенькое хочешь. Придумал, вишь, идеал, и подай ему на блюдечке. Чужой мечте чужие стишки читать — не велика доблесть. Небось твой Петрарка за свою Лауру еще как бился...

Федяшев, раскрыв рот, смотрел на Федосью Ивановну, а затем рассмеялся:

— А вы, тетушка, не так глупы, как казались!

— Благодарю покорно, — обиженно ответила тетушка. — У человека, Алеша, есть два ума. Один на виду, а другой, главный, глубоко спрятан. Его по пустякам трогать негоже. Одно тебе скажу: не любит Маша этого Калиостру. Как уж он ее в сети поймал, не знаю, а только страдает она.

— Она сама говорила вам об этом?

— Когда говорят, тогда и страданий нет. А когда молчат, да плачут, да по ночам на пруд бегают... Это добром не кончается!

— Что?! Какой пруд?! Вы видели, как она пошла на пруд ночью?!

— Доктор видел, — сказала тетушка. — Он мне и сказал... А я сразу к тебе...

— Да как же? Да что же? — Федяшев даже задохнулся от возмущения. — Жизнь человеческая в опасности, а вы молчите?

— Где ж молчу? — снова обиделась Федосья Ивановна. — Я тебе о чем полчаса толкую?

— Ну, тетушка! — крикнул Федяшев. — Не знаю, как второй ум... А первый у вас совсем плох!.. — И стремглав выскочил из комнаты...

Начинало светать. Над тихим прудом поднимался белый пар. Запели птицы.

Мария подошла к самому краю воды, тронула ее босой ногой. Потом скинула платье, вошла в воду и поплыла к самой середине пруда, плавно разгребая зеленоватую воду руками. Скоро ее голова уже виднелась среди белых лилий, густо населявших пруд...

В этот момент в кустах раздался треск, и на берег, запыхавшись от бега, выскочил Федяшев.

— Мария! — крикнул он. — Я здесь! — И, не раздеваясь, прыгнул в воду..

Однако прыжок получился неудачным. Кто-то подставил ногу, Федяшев зацепился и смешно шлепнулся у самого берега в густую тину.

Он тут же вскочил и гневно оглянулся. На берегу стоял Калиостро и с улыбкой глядел на него.

— Вы, кажется, упали, Алексис?

— Я? Почему?.. С чего вы взяли? — растерянно забормотал Федяшев и выбрался на берег. — А если и упал, так что?

— Ничего, — сухо ответил Калиостро. — Если упали, примите сочувствие, а коли за купающейся девушкой подсматривали, так сие не галантно.

— Как вы смеете?! — вспыхнул Алексей. Он обернулся к пруду и увидел, что Мария спокойно плавает между лилий. — Я подумал — она тонет.

— А хоть бы и тонет? — усмехнулся Калиостро. — Вам-то что за печаль?! Вам о своем идеале надобно думать, а не на чужие засматриваться.

— Послушайте, граф! — сказал Федяшев, отряхиваясь и отжимая промокшую одежду. — Я... того... Всю ночь думал и решил... Я отказываюсь от материализации.

— То есть как? — нахмурил брови Калиостро.

— Передумал... Мое душевное состояние изменилось!

— Да вы что, сударь?! — зашипел Калиостро. — На базар пришли?! Я уже вступил во взаимодействие с силами магнетической субстанции. Я разбудил стихию, энергетический поток которой направлен на указанный предмет... А ну пошли! — Он схватил Федяшева за рукав и решительно потащил от пруда.

— Куда? Куда? — упирался Федяшев.

— Сами увидите! — зло сказал Калиостро, и поскольку был физически намного сильнее, то буквально проволоком Федяшева сквозь кусты по аллее парка, к месту, где некогда стояла злосчастная статуя.

Она и сейчас там стояла, только черты ее были не видны, поскольку сверху на нее накинули белое шелковое покрывало. Площадка перед статуей была очерчена магическими кругами и обнесена веревками. Здесь же была разбита небольшая палатка, служившая как бы магнетической лабораторией... В ней кипели какие-то колбы, курился оранжевый дым.

Возле палатки горел костер, у костра сидели Маргадон и Жакоб, размешивая в ведрах какую-то странную беловатую смесь.

— Глядите! — Калиостро указал на траву. — Вот знаки зодиака! Вот двадцать четыре кабалистических символа... Вот ключ. Врата. И семь сфер. Все уже дышит и приведено в действие. — Он взмахнул рукой, и оранжевый дым начал подниматься клубами вокруг статуи...

— Ах, несчастный я человек! — заплакал Федяшев. — Но что же делать, господин Калиостро?! Я не о ней теперь грежу. Я полюбил другую...

— Другую? — усмехнулся Калиостро. — Когда же вы успели... другую? Вы и видели-то ее всего два дня.

— Разве этого мало? Иногда и двух минут хватит... (Одного взгляда... И все перевернется в душе! Вы же знаете, как это бывает!

— Не знаю, — холодно ответил Калиостро, — и знать не хочу! Все это мальчишество и воспаленный бред. Вы получите то, что желали... Согласно намеченным контурам...

— К черту! — неожиданно закричал Федяшев. — К черту контуры! Я их уже ненавижу! И если вы не можете остановить таинство, я сам разрушу это каменное изваяние!

Он оттолкнул Калиостро, бросился к костру, схватил огромное тлеющее полено и побежал к статуе...

Оторопевшие Маргадон и Жакоб вскочили. Раздался пронзительный женский визг. Покрывало дрогнуло, «статуя» присела от страха и вытянула вперед руки, как бы защищаясь от удара.

Федяшев обмер и выронил полено. От земли поднялось облако оранжевого дыма...

— Обман... — прошептал Федяшев. — Что ж это, господи? Да вы, сударь, обманщик и злодей! Я убью вас!

— Это вызов? — улыбнулся Калиостро...

В кузнице Степана пылал горн. Степан орудовал огромным молотом, дубая раскаленный кусок железа. По всему полу кузницы была разбросана разломанная карета: колеса, двери, поручни.

В дверь постучали. Вошел Жакоб.

— Здравствуйте, сэр! — учтиво сказал он.

— Здравия желаем! — ответил Степан, с интересом разглядывая гостя.

— Мой патрон, мистер Калиостро, интересуется: будет ли готова карета?

— Обязательно, ваше превосходительство. Через неделю — как новенькая...

— А к завтрашнему дню?

— К завтрашнему — никак. Тут ось полетела, да спицы менять...

Жакоб с интересом оглядел разобранную карету:

— Простите мое любопытство, сэр, но, насколько я понимаю, вы к спицам пробираетесь через крышу?

— Так точно! — сказал Степан. — Так оно... сподручней. Лабор ест этиам ипсе волюптас, что означает: труд — уже сам по себе есть наслаждение!

Жакоб царственно кивнул:

— Я рад, что вы, сэръ, изучаете латынь во время работы. Это достойный пример! Если б я был принцем, я бы вас повесил в назидание другим... Благодарю за интересную беседу! — Жакоб кивнул и удалился.

Степан крикнул от досады и со всего маху грохнул молотом по раскаленному железу...

Стрелялись днем в лесу, на небольшой полянке среди берез. Маргадон подал каждому по пистолету, противники разошлись на несколько шагов, потом начали сближаться...

Лицо Калиостро выражало бесстрастность и равнодушие.

Федяшев был взволнован.

Так они сближались до тех пор, пока не подошли друг к другу вплотную. Это их озадачило. Они помолчали, и Калиостро спросил:

— Что ж вы медлите, сударь?

— Вы — гость, — угрюмо ответил Федяшев. — Вам положено стрелять первым.

— У нас, сударь, дуэль, а не светский раут. — возразил Калиостро. — Повторим еще раз, и извольте стрелять, ежели вы не трус.

— Я не трус! — воскликнул Федяшев, поднял пистолет и выстрелил в воздух. — Не трус... — тихо повторил он, — но и не подлец! Пока вы в моем доме, я не могу причинить вам вреда.

— Но мы в лесу..

— И лес мой... — вздохнул Федяшев.

— Что же нам, за тысячу верст отъезжать, что ли? — удивился Калиостро.

— Жуткие нравы! — произнес Маргадон. — Уж где только не дуэлировали... и во Франции... и в Голландии... Быстро, четко, как принято у цивилизованных людей: рраз — и наповал!

— Коли вы своим оружием, милостивый государь, выбрали благородство, — насмешливо произнес Калио-

стро, — то я им тоже владею. Подозреваю, что у меня и рука тверже, и глаз верней...

Он повернулся к Маргадону. Тот привычным жестом поставил себе на макушку яблоко. Калиостро выстрелил, и яблоко разлетелось на куски...

— Уравняем шансы! — улыбнулся Калиостро, взял из рук Федяшева пистолет и вместе со своим протянул Маргадону. — Ну-ка заряди только один!

Маргадон исполнил приказание, затем ловко перетасовал пистолеты, протянул их Федяшеву.

— Прощу! — улыбнулся Калиостро. — Сама судьба станет нашим арбитром. Надеюсь, застрелиться в присутствии гостя не противоречит вашим обычаям?

Федяшев глянул на Калиостро исподлобья, затем нерешительно потянулся к оружию...

— Страшно? — спросил Калиостро.

— Страшно! — признался Федяшев и взял один из пистолетов. — Тетушке, граф, ничего не говорите про дуэль. Просто скажите: дематериализовался Алеша, мол, и все! И Марии... — Он вдруг улыбнулся. — А вообще, граф, я вам благодарен. Обещали явить мне мою мечту — и явили... За нее и жизнь отдать не жалко. Прощайте, мечта моя, Мария Ивановна! — Он зажмурил глаза, приставил пистолет к сердцу, нажал курок.

Раздался сухой щелчок.

У Федяшева вырвался непроизвольный вздох облегчения, и он открыл глаза.

— Поздравляю, — сухо произнес Калиостро и потянулся к футляру.

— Полно, граф, — Федяшев попытался остановить его. — Ну, погорячились, и будет!.. Я вас прощаю... Ничья!

— Пусть Бог прощает, сударь, это его забота, — твердо произнес Калиостро. — Мой выстрел! Извольте не мешать! — Он попятился и стал медленно подносить дуло к виску.

— Остановитесь! — вдруг произнес чей-то громкий голос. Калиостро обернулся. Мария стояла в нескольких шагах.

— Не делайте этого, — тихо попросила она и посмотрела на Калиостро глазами, полными слез. — Я люблю

вас... правда! Ваш опыт удался, я полюбила вас и готова ехать с вами хоть на край света. Вы, граф, умный... нежный... а главное — несчастный. Вы без меня пропадете.

Федяшев хотел что-то сказать, но Мария опередила его.

— Такова судьба, Лешенька, — улыбнулась она ему сквозь слезы. — Будем страдать. Страданиями душа совершенствуется. Папенька говорит: «Одни радости вкушать недостойно...»

— Да пропади он пропадом, ваш папенька с его советами! — в сердцах воскликнул Федяшев. — Без вас мне и жить незачем!

Резким движением он выхватил из рук Калиостро пистолет и, отскочив в сторону, приставил его к сердцу:

— Прощайте, госпожа Калиостро!

Мария в ужасе вскрикнула.

Федяшев нажал курок, однако выстрела не последовало. В пистолете что-то зашипело, и из него тоненькой струйкой вяло пополз дымок. Потрясенный Федяшев поднял шипящий пистолет к самому носу, потом перевел взгляд на смущенного Маргадона.

— Мерзавец! Хоть один-то надо было зарядить! — И Федяшев что есть силы швырнул пистолет в Маргадона, который вовремя успел пригнуться. Пистолет ударился о ствол дерева и упал на землю. — Бесчестный человек!

— Кабы я был честным, — отозвался Маргадон, — столько бы народу полегло, ужас!

Калиостро поднял пистолет, задумчиво осмотрел его, потом, направив дуло вверх, спустил курок... Раздался выстрел. Калиостро прицелился в ближайшую березу и вновь спустил курок... Снова грохнул выстрел, посыпалась опаленная кора...

Федяшев и Мария изумленно смотрели на это чудо.

— Вот как? — улыбнулся Калиостро и посмотрел на небо. — Значит, Ты все-таки решил меня проверить? Думаешь, Калиостро страшно умереть? Да ничуть... Все равно умерли чувства и желания... Остался только разум... Разум, который Ты мне дал и который рвется заперти. Что ж, забери и его...

Калиостро приставил дуло к виску и стал медленно отступать в глубь леса. Лицо его сделалось бледным и страшным...

Федяшев, Мария и даже Маргадон с ужасом наблюдали за ним.

Неожиданно за спиной Калиостро раздалось вежливое покашливание. Он резко обернулся.

Перед ним стоял доктор.

— У нас в уезде был аналогичный случай, — невозмутимо произнес доктор. — Вам, граф, напоследок это будет весьма интересно. Стрелялся, стало быть, некий помещик Кузякин...

Калиостро безумным взором оглядел доктора, пробормотал:

— Это невыносимо... — И спустил курок.

Из пистолета вырвался сноп огня и дыма...

Когда дым рассеялся, стал виден двор усадьбы, по которому, весело щебеча, бежала маленькая русоголовая девочка. Она подбежала к окну барского дома, встала на цыпочки, заглянула в окно. Здесь же собрались группа любопытных детей и местный художник Загосин с мольбертом и с большим холстом, натянутым на раму..

Калиостро почувствовал на себе любопытные взгляды, покосился в сторону окна. Плотно перебинтованная голова его покоилась на подушке. Сверху бинтов был кем-то напялен ночной колпак. Выглядел магистр довольно жалко и беспомощно.

— Ну вот, — раздался скрипучий голос доктора, сидевшего рядом у постели, — так я дорасскажу.. Стрелялся, стало быть, у нас некий помещик Кузякин. Приставил пистолет ко лбу, стрельнул — осечка! Стрельнул другой раз — осечка! Э, думает, не судьба! И точно! Продав пистолет, а он у него дорогой был, с камнями... Продав пистолет и на радостях напился... а уж потом спьяну в сугроб упал да замерз...

Калиостро с ужасом посмотрел на доктора.

— Это он к тому говорит, — пояснила Федосья Ивановна, — что каждому свой час установлен и торопить не надо!

— Абсолютно верно, — кивнул доктор, приставив деревянную трубку к груди Калиостро, — тем более что организм ваш, батенька, совсем расстроен неправильным образом жизни... Дышите!.. Печень вялая, сердечко ша-

лит... — Он отложил трубку. — Как вы с ним две тыщи лет протянули, не пойму! Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней! Мраморные они, не мраморные — наше дело сторона! Сиди на солнышке грейся!

— Травами бы хорошо подлечиться, — добавила тетушка. — Отвар ромашки, мяты... У вас в Италии мята есть?

— Ну откуда в Италии мята? — возразил доктор. — Видел я их Италию на карте — сапог сапогом, и все!

В дверь заглянула смущенная Мария.

— А вот и Галатей наша, — радостно объявила Федосья Ивановна. — Подойди к магистру, не бойся...

Мария потянула за собой упирающегося Федяшева.

— Вы же обещали, Алеша, — шепотом укорила она его.

— Мы, граф, — пояснила Федосья Ивановна, — соседям-то сказали, что материализация состоялась. Да-с! Вчистую! Вот, мол, было изваяние, а теперь стала Мария Ивановна. Многие верят.

— Ему плохо? — спросила Мария, приблизившись и держа за руку Федяшева.

— Ему хорошо, — ответил доктор. — Живым все хорошо... Пуля-то, слава богу, только кожу задела. Рука у вас, граф, выходит, умней головы... Та говорит «стреляй в меня», а эта не хочет.

— Куда едет Маргадон? — вдруг тихо спросил Калиостро.

— Я его в город послала, — Федосья Ивановна выглянула в окошко. — Говорят, какой-то штабс-капитан вас разыскивает. От князя Потемкина...

...В это время Маргадон выходил из дома с дорожным баулом. Конюх держал под уздцы оседланного коня.

— Маргадон! — тихо позвал Калиостро.

Маргадон вздрогнул, обернулся в сторону дома.

Мария незаметно подтолкнула Федяшева, и он тотчас произнес:

— Граф, я прошу вас погостить у нас еще несколько дней. В воскресенье помолвка. Я сделал Марии Ивановне предложение...

— Да погодите вы, — сказала Мария. — Я же сказала: без папеньки решиться не могу.

— Помогите нам, граф! — взмолился Федяшев. — На нас одна надежда... Мария Ивановна говорит: у вас с ним астральная связь. Спросите его благословения, умоляю!

— Ах, Алеша! — возмутилась Мария. — Ну до того ли сейчас господину Калиостро?

Все посмотрели на магистра.

Калиостро закрыл на мгновение глаза, напрягся, потом твердо произнес:

— Папенька согласен. — После этого он тихо попросил: — Теперь уходите!

Все быстро проследовали к двери, где возник встревоженный Маргадон.

— Ты хотел бросить хозяина? — спросил Калиостро.

— Я подумал — хозяин умер. — Маргадон не спеша оглядел комнату. — А мертвым слуги не нужны... Вы всегда играли чужими жизнями, но не собственной. Вы изменили своему призванию! За вами гонятся, а вы лежите в халате и предаетесь мечтам.

— Ты думаешь, что мое призвание — уходить от погони?

— Конечно. Потому что, когда уходишь от погони, ни о чем другом уже не думаешь.

— Ты рассуждаешь как мыслящий человек, — кивнул Калиостро. — Карета готова?

— Конечно, нет.

— Тогда едем! — Калиостро резким движением сбросил одеяло. Как ни странно, под одеялом он лежал в дорожном костюме и сапогах со шпорами.

Он поднялся, сбросил колпак и повязку. Под повязкой оказалась совершенно седая голова. Рана в правой стороне лба зарубцевалась.

— Браво, магистр! — радостно произнес Маргадон. — Теперь я узнаю вас!

Калиостро выглянул в окно: от синееющего вдаль леса через огромное поле медленно двигалась карета в сопровождении четырех вооруженных всадников.

Калиостро переглянулся с Маргадоном и тихо позвал:

— Жакоб!

Жакоб вздрогнул, поднял голову:

— Я здесь, сэр!

...Он лежал на сеновале, обнявшись с Фимкой. Фимка тоже вскочила, стала поспешно застегивать блузку...

— Мне пора, леди! — сурово произнес Жакоб.

— Но, синьор, но! — запричитала Фимка по-итальянски. — Аморе... — сверкнула глазами, как учил Степан, потом запричитала уже по-русски: — Жакобушка! Останься, сокол. Я тебе ребеночка рожу, заживем как люди.

— Я вернусь! — тихо произнес Жакоб. — Вернусь... принцем.

— А сейчас ты кто? — заголосила Фимка. — Ты и есть принц, Жакобушка!

На глазах Жакоба навернулись слезы, но неведомая сила рванула его и вынесла прочь...

Во дворе Степан держал под уздцы лошадей, запряженных в карету. В карете сидели Лоренца и Маргадон. Жакоб прыгнул на козлы, свистнул. Карета объехала дом, остановившись с тыльной стороны, напротив окна спальни Калиостро.

К Степану подбежал негодующий Федяшев:

— Куда они? Зачем? Почему карету починил, бездельник?

— Бес попутал, — сокрушенно вздохнул Степан. — Прости, барин. Уж так старался, так старался... А вечер с кумом посидел, выпил и... спяну за час все собрал... Хомо сум, звон сум — ничто человеческое нам не чуждо!

В этот момент во двор усадьбы въехала карета и четверо вооруженных всадников. Из кареты выпрыгнул офицер, направился к Федяшеву:

— Где господин Калиостро, господа? Имею предписание на его арест..

Калиостро распахнул окно, легко перепрыгнул через подоконник.

Маргадон услужливо распахнул дверь кареты. Через секунду они уже ехали усадебным парком.

Калиостро угрюмо смотрел через стекло. Все напряженно молчали.

— Стоп! — вдруг тихо произнес Калиостро.

Карета резко остановилась. Калиостро вышел, сопровождаемый недоуменными взглядами попутчиков, быстро прошел по садовой дорожке и остановился у мрамор-

ного постамента, на котором когда-то стояла злосчастная скульптура. Сама скульптура лежала здесь же, неподалеку, привалившись затылком к пеньку.. Калиостро в задумчивости подошел к ней, тронул рукой.

Сзади зашевелились кусты. Калиостро резко обернулся и увидел маленькую русоволосую девочку.

— Дедушка Калиостро, — тихо сказала она, — а вы правда мою бабушку оживлять будете?

— Ты кто? — спросил Калиостро.

— Прасковья Тулупова...

Калиостро вздрогнул, потом вдруг широко и весело улыбнулся, поднял девочку на руки.

— Магистр! — не выдержал Маргадон, выглянув из кареты. — Магистр!..

Калиостро даже не повернул голову в его сторону. Из кустов появился запыхавшийся художник Загосин.

— Ваше сиятельство, — пробормотал он, явно стесняясь, — будучи местным жителем и имея пристрастие к живописи, покорнейше бы просил оказать честь и позволить написать ваш портрет.. Ежели бы у вас выдалось свободное время... Разумеется, не сейчас...

— Отчего ж не сейчас? — пожал плечами Калиостро.

— Благодарю! Сердечно благодарю! — разволновался Загосин, не веря в такую удачу. Он стал поспешно устанавливать мольберт, смешивать краски.

Калиостро водрузил девочку на пьедестал, сам присел рядом.

Маргадон печально посмотрел на хозяина, закрыл дверь кареты. Карета тронулась и поехала прочь по дороге...

Со стороны усадьбы появилась толпа людей, сопровождаемая офицером и солдатами. Увидев Калиостро и художника, толпа нерешительно остановилась. Офицер подошел к Калиостро, отдал честь, что-то тихо сказал ему. Калиостро умиротворенно кивнул, что-то тихо ответил, сделал знак офицеру, приглашая присесть рядом. Офицер, подумав, согласился.

Постепенно все жители усадьбы, включая Федяшева, Марию, тетушку, Степана и Фимку, обступили Калиостро и пьедестал, на котором улыбалась крохотная Прасковья Тулупова.

Счастливым художник вдохновенно наносил их лица на холст.

Неторопливый доктор, стоявший чуть поодаль, вдруг повернулся неизвестно к кому и произнес:

— В тысяча семьсот девяносто первом году Джузепе Калиостро вернулся на родину в Рим, где неожиданно сдался в руки правосудия. Суд приговорил его к пожизненному заключению. Лоренца навещала его. Незадолго до его смерти она передала ему рисунок неизвестного художника, присланный из России. Кто был изображен на сем рисунке и что означали эти люди в судьбе великого магистра, историкам так и не удалось установить.

Сообщив эту информацию, доктор поспешил к сгрудившимся землякам и занял, как и положено, одно из центральных мест.

Лица людей обрели графическую четкость, затем растаяли ненужные детали, придавая полотну условность старинного рисунка, по которому медленно поплыли титры...

*Ш*УТОВСКИЕ

КОМЕДИИ

Тиль

Шутовская комедия в двух
частях по мотивам народных
фламандских легенд
Стихи Ю. Кима

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КЛААС — угольщик.

СОТКИН — его жена.

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ — их сын.

НЕЛЕ — его невеста

БЛОНДИНКА БЕТКЕН

БРЮНЕТКА АННА

} — исполняет одна актриса.

КАТАЛИНА — мать Неле.

РЫБНИК ИОСТ.

ЛАММЕ ГУДЗАК.

КАЛЛИКЕН — его жена.

ПРОФОС.

ПАЛАЧ.

МОНАХ КОРНЕЛИУС.

КОРОЛЬ ФИЛИПП.

МАРИЯ — королева.

ИНКВИЗИТОР.

ПРИНЦ ОРАНСКИЙ.

БРИГАДИР ГЕЗОВ.

РИЗЕНКРАФТ.

ГЕНЕРАЛ

СТАРУХА СТИВЕН.

ХОЗЯИН ПИВНОЙ.

НАПАРНИК РЫБНИКА.

ГЕЗЫ, СОЛДАТЫ, ДЕВИЦЫ, ГОРОЖАНЕ И ГОРОЖАНКИ, ДУХИ.

Фландрия, XVI век.

Пролог

Дом угольщика Клааса. Клаас и Рыбник пьют пиво и играют в кости. Посредине сцены — беременная Сооткин. Рядом на лавке Каталина рубит капусту.

Рыбник (*бросает кости*). Три — три...

Клаас. Нос подотри! (*Бросает кости*.) Пять и шесть!

Каталина (*задумчиво*). Я животных люблю... Коров, собак, птичек... Всем своим слабым сердцем люблю. Я скорей себе наврежу, чем им, беззащитным...

Рыбник (*бросает кости*). Три — три!..

Клаас. Нос подотри!

Рыбник. Ты уже говорил...

Клаас. А ты еще подотри...

Сооткин (*вздыхнула*). О-ох!

Рыбник (*обернувшись*). Началось?

Каталина. Нет. Он еще спит, наш мальчик. Ему еще рано выходить на дорогу жизни.

Клаас. Когда ж соберется с силами этот шалопай? Сколько можно тянуть? Клянусь, если он сегодня не появится на свет, мне придется за ним слазить.

Рыбник. Не торопись. Сегодня, завтра — какая разница?

Клаас. Нет, нет — сегодня! Этот майский день тысяча пятьсот двадцать шестого года меня вполне устраивает... Мне нужен сын, а Фландрии нужен герой. У греков есть Геракл, у англичан — Робин Гуд, у испанцев — Дон Кихот, и только мы, фламандцы, за тысячи бессонных ночей не смогли сделать ни одного героя. Стыдно!

Рыбник. М-да, неловко как-то... А почему ты решил, что от тебя — и герой?!

Клаас. Время подошло... И Каталине было видение.

Каталина. Сперва призраки косили людей... На их трупах палач плясал. Камень девять месяцев кровоточил, потом распался... Потом увидела: два младенца родились, один в Испании, принц Филипп, другой во Фландрии, сын Клааса, прозвище ему — Уленшпигель. Филипп станет палачом, а из Уленшпигеля выйдет великий балагур и проказник, и странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное и над глупостью хо-

всего до упаду.. И весь свет он пройдет, и никогда не умрет; потому что он — дух Фландрии.

Клаас. Во как! Слышал? А я назову его Тилем, Тильбертом, что в переводе означает «живой» или «подвижной». И сегодня же начнутся его славные приключения, если, конечно, мамаша Сооткин поднатужится!

Входит Палач с указом.

Палач. Указ императора. Будете слушать?

Клаас *(равнодушно)*. Можно. *(Дает кружку пива Палачу.)*

Палач. Спасибо, а то совсем охрип... Ну, слушайте! «Отныне всем и каждому возбраняется печатать, читать, хранить и распространять писания, книги и учения Мартина Лютера, Ионна Виклиха, Яна Гуса, Марсилия Падуанского, Эколомпадия...»

Клаас. Неужели и Эколомпадия тоже?

Палач. Да. И Эколомпадия... «...а также Франциска Ламберта, Юста Ионаса и Иона Пупериса...»

Клаас. И Иона Пупериса?.. Нет! Как же так — не читать Иона Пупериса? Да я без Пупериса как без рук! Что-то, брат, ты напутал с Пуперисом...

Палач. Ничего я не напутал! На, читай сам!..

Клаас. Чего — читай?! Я неграмотный...

Палач. А неграмотный — на кой же тебе Пуперис?!

Клаас. Имя хорошее...

Палач. Не дури! Дальше самое интересное: «Лица же, впавшие в ересь или же закосневшие в таковой, подлежат сожжению, а какому именно — на медленном или на быстром огне, — это по усмотрению судьи. За прочие преступления дворяне подлежат сечению, крестьяне — повешению, а женщины — закапыванию в землю живьем... Доносчикам же его святейшее высочество выделяет треть всего принадлежавшего казненным...»

Рыбник. Стоп, стоп! Это важный пункт... Что там насчет денег?

Палач. Доносчик получает треть имущества...

Рыбник. Интересно... *(Встает, обходит дом, оглядывается.)* А как вот, скажем, стол делить... или лошадь?

Клаас. Эй, Иост, ты решил сделаться доносчиком?

Рыбник. Ну, что значит — решил?.. Такие вещи не решают, это приходит как-то само собой... по вдохновению.

Клаас. Подлый ты человек, рыбник...

Рыбник. Да не я! Время такое, Клаас. Господи, да родись я в какой-нибудь ренессанс, я, может быть, музыку бы писал, мадонн разных. Но сейчас-то — инквизиция! Костры, плахи... Где ж тут талантливому человеку развернуться? Время такое...

Сооткин *(вдруг хватается за живот, кричит)*. О-ох! О-ох!

Все вскочили с мест.

Клаас *(радостно)*. Началось! Пришел час! Врешь, рыбник, время подлым не бывает — только люди. А время у нас веселое. Время рождаться Тилю! *(Обнимает живот жены)*. Давай, мой мальчик: пробивай лбом дорожку. Заждались мы тебя, захирели ожидаючи... Давай. Свет! Музыка! Фландрия! Встречайте его... Все еще только начинается!..

Полный свет, музыка, песня.

Часть первая

ДОМ

Каталина

Город Дамме. Площадь Большого Базара перед зданием суда. Монах Корнелиус продает индульгенции.

Монах *(заунывно)*. Купите индульгенции. Христиане, купите отпущение грехов своих! Это святая торговля. За несколько флоринов вы попадете в рай!

Неожиданно из здания суда доносится отчаянный женский крик: «Больно! Огонь! Дайте мне яду!.. Ой!..» Монах испуганно крестится. Крик стихает. Из здания суда выходят Палач, Профос и Рыбник.

Профос *(Палачу)*. Все! Ее можно отпустить. Каталина не колдунья!

Палач *(снимая маску и перчатки)*. Ясное дело, господин профос. Кабы была колдунья, она б призналась... Огоньком я ее прижег на совесть!

Рыбник *(задумчиво)*. Ах, как это все-таки жестоко... Пожилую женщину — огнем...

Профос. Я и сам переживаю... Но надо же, в конце концов, установить: ведьма или не ведьма?

Рыбник. Конечно, конечно... Я не об этом. Я говорю: в городе Брюгге как-то гуманней это делается. Связывают женщину, бросают в реку: если тонет — значит, не ведьма!

Пала ч. Так у нас и реки нет.

Рыбник *(печально)*. Да, да... Как это все непродуманно!

Монах *(заунывно)*. Купите индульгенции! Купите отпущение грехов!..

Появляется Клаас. Все поспешно бросаются к нему.

Профос. Ну что?.. Как она себя чувствует?..

Клаас. Жена повела ее домой... По-моему, Каталина лишилась рассудка.

Рыбник. Бедная!.. Ах, как это все жестоко...

Пала ч *(отводит Клааса в сторонку)*. Клаас, я уж старался как мог... поаккуратней...

Клаас *(задумчиво)*. Да, да, молодец!

Пала ч. Хитрость-то в чем: пакля сырая. Дыму много, а огонек не очень... Оно и не так больно!

Клаас. Да, да, спасибо! *(Дает Палачу деньги)*

Монах. Купите индульгенции. Купите отпущение грехов!

Профос *(достает кошелек)*. Дай мне, монах! Пусть Господь простит нам нашу суровость! *(Покупает индульгенцию.)*

Клаас *(строго, Рыбнику)*. А ты, Иост?

Рыбник. А что я? Ты считаешь — грех на мне?.. Клаас, я ведь не настаивал на пытке!.. Я просто хотел ясности... Ты ведь сам видел: Каталина делала какие-то отвары из трав, все время что-то бормотала... У нее видения бывали!.. Я ведь с ней искренне, по-соседски: Каталина, говорю, не надо видений!.. А она не слушается!.. *(Вздыхнул.)* Слава богу, что оказалось — не ведьма!.. Впрочем, грех откупить всегда полезно! *(Порылся в карманах.)* Клаас, не одолжишь флорин?

Клаас *(протянул кошелек)*. Бери!.. Больше бери!

Рыбник *(заглянув в кошелек)*. Откуда столько денег?!

Клаас. Не волнуйся, деньги честные!.. Наследство от покойной брата.

Рыбник. Как? Твой братец... того? Поздравляю, Клаас... Вернее, сочувствую... Ну, в общем, ты понимаешь?..

Везет же людям!.. Вот так живешь, живешь — и раз... брата нет! *(Покупает индульгенцию.)*

Профос *(подойдя к Клаасу)*. Если увидишь Каталину, передай ей мое искреннее сочувствие... Надо ж, чтоб именно сегодня, в базарный день... такое... Ах! *(Покачал головой, ушел.)*

За ним ушли Рыбник и Палач. На сцене остались Клаас и Монах.

Ламме

Появляется Ламме. Он ведет за руку упирающуюся жену. Калликен.

Калликен. Не надо, Ламме, милый! Пойдем домой...

Ламме. Нет, пусть нас рассудят!.. Если не веришь мне, послушай умного человека. Вот — Клаас! У него была большая жизнь, он мудрее.

Калликен. Стыдно, Ламме!..

Ламме. Ничего стыдного... Дело житейское... Клаас, рассуди нас с женой!

Клаас. Здравствуй, Ламме! Здравствуй, Калликен!

Калликен. Здравствуйте, папаша Клаас... Образуйте его. *(Указала на мужа.)*

Ламме. Нет, погоди... Дай сказать мне!.. Клаас, ты знаешь, что я женился на этой женщине, потому что влюбился в нее. И каждый влюбится, если он не слепой. Стоит только взглянуть на эти румяные щеки, на эту лебединую шейку, на эти мраморные плечики, на эту нежную грудь, на этот упругий живот, на эти крутые бедра, на эти круглые колени...

Калликен *(жалобно)*. Ламме!

Ламме. Не перебивай! *(Клаасу.)* И вот, когда я на всем ЭТОМ женился, моя жена отказывает мне в законных супружеских наслаждениях, поскольку кто-то внушил ей, что это — грех!

Монах. Ты права, дочь моя. Это тяжкий грех!

Ламме *(Монаху)*. Не вмешивайтесь, святой отец! *(Клаасу.)* Что за напасть? Как только монах или, прости господи, евнух, так обязательно лезет с советами к новобрачным!.. Ну, слушай! Я ей говорю: дорогая жена, Господь сотворил нас мужчиной и женщиной вовсе не для того, чтоб мы в постели вели философские беседы! Он создал нас для любви! А она...

Калликен. Безбрачие — путь к совершенству. Не думай о теле, Ламме, думай о душе!

Ламме. Милая, у меня большая душа, но тело гораздо больше. Как же о нем не думать?!

Клаас (*улыбнувшись*). И давно у вас этот спор?

Ламме. С самой свадьбы.

Клаас. Бедный Ламме! (*Калликен.*) Дочка, кто научил тебя этой глупости?

Калликен. Святой проповедник.

Клаас (*зло*). Старый козел! А он не подумал, что если б его матери внушили это, то его бы не было?.. Доченька, на свете ничего нет чище любовного греха... Ты ведь любишь Ламме?

Калликен (*робко*). Люблю.

Клаас. Да и как не полюбить нашего Ламме? Стоит только взглянуть на его румяные щечки, на эту лебединую шею, на этот здоровый живот, на эти кривые ноги...

Калликен нежно смотрит на Ламме, Ламме протягивает к ней руки, Калликен делает ему шаг навстречу, но тут же отскакивает.

Калликен. Нет! Нет! Нельзя! Я поклялась святой мадонне.

Ламме (*в отчаянии*). Но сперва ты поклялась мне!.. Господи, ну кто же вразумит эту женщину?! Тиль! Где Тиль?!

Клаас. Где-то шляется, чертов сын! Сейчас появится... Начинается базар...

Базар

На площади с шумом появляются торговцы, ремесленники, горожане.

Среди них вновь Рыбник и Палач. Шум, гомон, песни.

Хозяин. Пиво! Пиво! Кому пиво? Свежее пиво!

Несколько человек подходят с кружками. Дно бочки с треском открывается, из нее выскакивает Тиль.

Ты?!

Тиль. Я.

Хозяин. А пиво?

Тиль (*погладив живот*). Во мне!.. Иначе б я захлебнулся!.. Если вы недовольны — могу вернуть!..

Хозяин. Убью! (Гонится за Тилем, тот уворачивается.)

Клаас. Не сердись, хозяин, я заплачу. (Дает Хозяину деньги. Сердито, Тилю.) Ты когда-нибудь угомонишься, чертов сын?!

Тиль. Не оскорбляйте моего отца, папа!

Ламме. Где ты был? Я тебя везде искал...

Тиль. И я был везде. Странно, что мы не встретились...

Рыбник. И когда ты угомонишься, Тиль?

Тиль. Сразу после смерти!

Палач. Тебе когда-нибудь вырвут язык.

Тиль. Прекрасно! Во рту станет больше места для пищи.

Монах. Купи индульгенцию, сын мой! Купи прощенье грехов!

Тиль. Отличная мысль. А за будущие грехи можно откупиться?

Монах. Хоть на сто лет вперед.

Тиль. Столько я вряд ли проживу. (Достал монету.) Отрежь на полчаса, святой отец!

Монах берет монету, протягивает Тилю индульгенцию. Тиль тут же вытаскивает у него из кармана кошелек.

Монах. Стой! Что ты делаешь? Мой кошелек!

Тиль (увертываясь от погони). Этот грех мне прощен, монах. Я откупился! Господь свидетель!

Все смеются.

Калликен (жалобно). Не надо, Тиль! Не смейся над праведником! Нехорошо!

Тиль (сразу посерьезнел). Не смеяться?! А что ж нам еще остается, Калликен?! (Презрительно швырнул Монаху кошелек.) Эти толстопузые святоши заволокли Фландрию как саранча! По их милости на дорогах проросли виселицы и дым пахнет человечиною! Испанцы отбирают наши дома, король Филипп — кошельки, инквизиторы — души, а мы не имеем права даже смеяться?! Для чего ж тогда жить?!

Рыбник (выбежал вперед, взял Тилья за руку). Тиль, умоляю, больше ни слова! Здесь люди! Свидетели!

Тиль. Разве я не прав?

Рыбник. Позволь мне как старшему, как другу дома посоветовать: не надо, Тилюшка!.. Ведь за такие слова —

сразу в тюрьму!.. Пожалей мать, отца, меня... Ведь я буду вынужден... Шутишь — и шути! А серьезно — не надо!

Тиль. Да, конечно, Иост! Ты, как всегда, прав!.. Будем шутить! *(Вытаскивает большую круглую раму.)* Посмотрите, какую штуку я придумал. Это — зеркало! Каждый может увидеть себя здесь со стороны! Всего за один флорин даю полное портретное сходство!.. *(Влезает в раму, поет.)*

Зовет зеркальное кольцо:
Остановись, прохожий!
Приди, подставь свое лицо —
В ответ увидишь рожу!

Все *(поют)*.

О-ля-ля! О-ля-ля! В ответ увидишь рожу!

Клаас. Покажи меня, сынок!

Тиль. Пожалуйста. *(Поет, пародируя Клааса.)*

Всегда во всем примером был
Мой скромненький папаша.
Монахов очень не любил...
Зато любил монашек!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! Зато любил монашек!

Рыбник *(смеясь)*. Это остроумно. А меня?

Тиль *(поет, пародируя Рыбника)*.

Я — честный рыбник. Вот горой
Товар мой перед вами.
Торгую семгой и икрой
И изредка... друзьями!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! И изредка друзьями!

Рыбник *(печально)*. Остроумно... *(Уходит за кулисы.)*

Ламме. Тиль, покажи меня!

Тиль *(поет, изображая Ламме)*.

Я — толстый Ламме. Целый день
Готов сидеть и лопать!

Не помещается в седле
Моя большая... шея!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! Моя большая шея!

Появляются Профос и Рыбник.

Рыбник. Вот послушайте, господин профос. Хотите, он и вас покажет?..

Профос. Интересно... А ну-ка, Тиль, меня...

Тиль *(после некоторого колебания)*. Ну, если просите...
(Поет.)

Профос — начальник! О-ля-ля!
Его и трогать боязно.
Ведь он целует короля...
Да жаль, что ниже пояса!..

Профос *(мрачно)*. Я что-то не понял. Что имеется в виду?

Рыбник *(угодливо)*. Он шутит.. Юмор!

Профос. «Целует ниже пояса...» Вы считаете, это смешно?!

Тиль. О, извините, господин профос, я не знал, что у вас это серьезно!

Рыбник *(в отчаянии)*. Тиль!

Профос *(мрачно)*. Опять не понял шутки... Ну да, впрочем, и ни к чему.. Палач!

Палач бросается к Тиле. Профос останавливает его рукой.

А это я пошутил!.. А серьезно будет вот что, Тиль Уленшпигель. Всякому терпению есть предел! Как профос города Дамме приговариваю тебя к изгнанию! Ты пойдешь в Рим и будешь молить прощения у Папы! Вернешься, когда поумнеешь! Все!

Калликен. Простите его, господин профос. Не сердитесь...

Профос. Я и не сержусь, детка. Иначе б его казнили... *(Уходит)*.

Рыбник. Тиль. Я ведь просил тебя, умолял... Зачем ты меня так мучаешь?! *(Опечаленный, уходит.)*

Клаас *(мрачно)*. Доигрался, дурак? Я всегда говорил: не дразни гусей!

Тиль. Отец, я бы их с удовольствием не дразнил, а жарил!

Все расходятся. На сцене — Тиль. Появляется Неле.

Прощание

Неле. Тиль! *(Со слезами бросается ему на шею.)*

Тиль *(гладит ее по волосам)*. Не плачь, Неле, не надо! Они все равно не оценят этот самый красивый фонтан на городской площади.

Неле. Бесчувственный! Бросаешь меня на целый год, а может, на два...

Тиль. Что поделаешь, милая? Лучше разлука на свободе, чем свидания в тюрьме.

Неле. А обо мне ты подумал?

Тиль. Подумал! Клянусь жизнью, подумал!.. Когда я стал петь этот куплет профосу в лицо, то подумал: «Неле! Тебя разлучат с Неле!» Но тут же подумал, что, если струшу и не спою, моя Неле разлюбит меня.

Неле. Господи, почему мне так не повезло? Все девушки влюбляются в тихих, работающих парней, заводят семью, детей и по воскресеньям любят на закат... И только мне в мужья достанется бродяга и шут.

Тиль *(ласково)*. Мужей не выбирают, Неле. Муж — это Божий крест, который вам носить на себе всю жизнь.

Неле *(строгим тоном)*. Где ты был сегодня днем?

Тиль *(слегка смутившись)*. Не помню.

Неле. Тебя видели в лесу с какой-то итальянкой.

Тиль. А что мне с ней там делать? Я ни слова не знаю по-итальянски...

Неле *(вотчаянно)*. Тиль, почему ты меня обманываешь?!

Тиль. Неле, душой я верен тебе!.. Ну, только не надо слез... Я тебе все объясню. Я искал тебя с самого утра. А потом встретил на улице эту итальянку, которая, кстати, очень похожа на тебя. Я даже подумал: «Это Неле!» Потом, когда мы шли в рощу, я твердо понял, что это не Неле. Я даже подумал: «Как можно было этот мешок с соломой принять за Неле? Да она в подметки не годится моей Неле...»

Неле *(улыбаясь сквозь слезы)*. Откуда ты знаешь, какая я?.. Ведь ты ни разу не водил меня в рощу..

Тиль. Мы пойдем туда, милая. А пока — дай мне насладиться ожиданием...

Неле *(со вздохом)*. Ладно. Мне пора домой. *(Протягивает Тилью котомку.)* Я собрала тебе кое-что в дорогу... Прощай, Тиль. Ты будешь в пути вести себя благообразно?

Тиль. Нет!

Неле. Ты не станешь задираться и паясничать?

Тиль. Стану!

Неле. Ты не будешь кутить в каждой харчевне, которую встретишь?

Тиль. Буду!

Неле. Ну, слава богу, тогда я спокойна за тебя. Прощай! *(Повернулась и пошла.)*

Тиль провожает ее нежным взглядом.

Тиль. Неле!

Та обернулась.

Обещай мне: если я умру — ты не будешь плакать над моей могилой!

Неле *(сдерживая слезы)*. И не подумаю...

Тиль. И сразу же выйдешь замуж.

Неле. За первого встречного!

Тиль. Спасибо!

Неле ушла. Появляются Сооткин и Клаас. Подходят к Тилью.

Клаас. Давай прощаться, сынок!

Сооткин *(обняв Тилью)*. Береги себя, Тиль.

Тиль. Береги себя, мама!

Клаас. Помолчим перед дорогой.

Тиль. Помолчим!

Все садятся, каждый думает о своем.

Сооткин *(думает)*. Как он быстро стал взрослым, мой мальчик! Еще вчера я кормила его с ложечки и он спал у меня на руках, а сегодня он уходит... Господи, награди меня поскорее внуком, я так скучаю о маленьком Тиле...

Клаас *(думает)*. Чертеночек, как он похож на меня! Красив, как я, и уродлив, как я... Он — мое продолжение! Я самый богатый человек — у меня две жизни...

Тиль *(думает)*. Бедные старики. Почему мы думаем о них, только когда прощаемся?.. Они-то думают о нас все

ремя. Если мы ушибаемся — им больно, если мы бодем — у них жар... Надо чаще прощаться с родными. Мы уходим от них редко, а они от нас — каждый день...

Клаас *(встал)*. Ну, все! До свиданья, сын! *(Обнял Тиль.)*

Тиль. Выше голову, отец! Не хныкаты!.. Ты ведь остаешься в доме за старшего. *(Обнял мать.)* Не плачь, мама! У меня длинные ноги, я мигом сбегаяю в Рим!.. Идите домой, накрывайте на стол, готовьтесь к встрече...

Клаас и Сооткин уходят. Появляется плачущий Ламме.

Что еще случилось?

Ламме, всхлипывая, развязал узелок, достал бутылку вина, колбасу, принялся за еду.

Ну что ты реवेशь? Или в пище не хватает соли?

Ламме. Она ушла от меня, Тиль! Она покинула меня... Господи, за что мне такое наказание? *(Выпил.)* Этот подлый монах увел ее! *(Вскочил.)* Дай мне нож, я распорю его жирное пузо!

Тиль протягивает Ламме нож, тот берет его, начинает резать колбасу.

Какая она была ласковая, легкая, нежная... Хочешь колбаски, Тиль?.. Она готовила мне самые вкусные обеды в мире!.. И еще она пела... Как жаворонок... Милая Калликен, где ты? *(Выливает.)*

Тиль. Надо искать ее!

Ламме. Я и ищу.

Тиль. На дне стакана?

Ламме. А куда идти, я не знаю... Этот монах спрятал ее в монастыре или, не дай бог, в склепе... *(Вскочил.)* Дай мне топор, Тиль, я изрублю его на мелкие кусочки!

Тиль. Нет топора... И все кусочки ты доел!.. Пошли со мной!

Ламме. Зачем мне с тобой?! Я должен искать жену, а тебе — в Рим.

Тиль. Все дороги ведут в Рим — значит, нам по пути... И к тому же у меня полная котомка еды...

Ламме *(обрадованно)*. Что ж ты молчал?.. Конечно, нам по пути. *(Потянулся к котомке.)*

Тиль. Нет! Потерпи!

Ламме. Время обеда.

Тиль. Обед надо заработать ногами... Пошли! (*Перекинул котомку через плечо.*)

Ламме (*со вздохом*). Пошли! Но должен заметить: пищу носить гораздо удобнее в животе, чем на плечах...

И они пошли по дороге, напевая песенку.

ДОРОЖНАЯ ПЕСЕНКА ТИЛЯ

А вот и где
мои слуги, моя свита, пажы, стражи, кони, герцогини?
А вот и нет,
ни графиней нет, ни коней: будто я святой Антоний
во пустыне.

А вот они,
моя свита, мои слуги, хамы и хапуги, мое сито-решето.
А вот они,
мои кони, оба-двое, берегут промеж собою кое-что.
Ой, тили-тили Тиль — будем петь и веселиться!
Ой, тили-тили Тиль — по ком-то плачет виселица...

А где тот край,
где бродяги, словно боги, знай живут себе в чертоге
на диване.

Сидят и жрут,
и подносят им католики вино, а пиво — лютеране.
А в том краю
Мартин Лютер с Папой к девкам ходят тихой сапой.
Хочу и я
попасться на той же травке вместе с Мартином
Лютером и Папой!
Ой, тили-тили Тиль — будем петь и веселиться.
Ой, тили-тили Тиль — по ком-то плачет виселица!

Филипп

Спальня короля Филиппа Второго.

Справа — альков, в котором возлежит королева Мария. Сам Филипп сидит в кресле, рядом с ним — Инквизитор с папкой бумаг. Перед ними дворцовый Художник демонстрирует картины.

Филипп (*всматриваясь в картину*). Вот эта ничего... (*Пригляделся, отрицательно покачал головой.*) Нет. Не волнуется... Убрать!

Художник сменяет картину.

Мария (*из алькова, томно*). Ваше величество, я изнемогаю.

Филипп (*недовольно*). Подождите, Мария. Я не готов. (*Инквизитору.*) Так что слышно?

Инквизитор. О чем, ваше величество?

Филипп. Обо мне.

Инквизитор. Слышно разное, ваше величество, и в основном — кощунственные домыслы, касающиеся вашей особы.

Филипп. Например?

Инквизитор. В Англии говорят, что вы отцеубийца и слуга сатаны, во Франции — что вы садист и палач, в Германии — тиран и кровопийца...

Филипп. Помедленней, помедленней, друг мой...

Инквизитор. В Ирландии сделали гравюру из меди, на коей вы изображены играющим на клавесине из кошек, которых вы держите за хвосты...

Филипп. Какая чушь! Это были детские шалости...

Инквизитор. Особо опасное положение во Фландрии. Здесь ересь гнездится в каждом доме. Над монахами издеваются, церквям не платят налог, в лесах появились гезы...

Филипп. Кто?

Инквизитор. Гезы! Нищие-разбойники, ваше величество! Они убивают испанских солдат, грабят монастыри, требуют отделения Фландрии. С ними часть дворянства во главе с принцем Оранским...

Мария (*томно*). Придите ко мне, ваше величество. Я сгораю... Я чувствую, что сегодня ночью мы подарим Испании наследника.

Филипп. Вы мне обещали это в прошлом месяце, Мария. Я вам поверил — и все зря!

Мария. Сегодня ваши старания будут не напрасны! Я это ощущаю всем телом.

Филипп. А я пока нет. (*Вгляделся в очередную картину.*) Нет, не интересно... Убрать! (*Инквизитору.*) Скучные картины, скучные новости, ваше преосвященство! Меня ненавидит весь мир, а мне скучно отвечать ему тем же... Что же делать?

Инквизитор. Служить верой церкви!

Филипп. Я более римский, чем сам Папа, и более католический, чем Вселенский собор. Но что из этого? Разве реформаторов стало меньше?

Инквизитор. Необходимо послать во Фландрию больше солдат.

Филипп. Больше солдат — больше гезов. Сила рождает силу. Хитрость рождает хитрость... Сколько мы платим доносчикам?

Инквизитор. Треть имущества казненного...

Филипп. Надо давать половину!

Инквизитор. Половина доносчику, половина королю — что же останется церкви, ваше величество?

Филипп. Идея. Что может быть дороже идеи?.. Вы будете уничтожать еретиков бескорыстно, это произведет хорошее впечатление на умы...

Инквизитор. А король?

Филипп. Королю нельзя быть бескорыстным, у него слишком много долгов... И я устал от идей, я хочу только одного — порядка! Хочу, чтоб работник слушался хозяйна, хозяин — профоса, профос — короля! Порядка я хочу! Ночью — сон, днем — работа, в воскресенье — месса... Никаких отклонений!.. Все остальное — от лукавого. *(Вскочил, нервно заходил по зале.)* Порядок. Непорядочных — на костер! Бог поставил меня следить за порядком, и я выполняю свою миссию... *(Протянул руки к небу.)* Господи, укрепи мою душу и тело... Дай мне силу, Господи, дай мне сил!.. *(Решительно направляется к алькову.)*

Инквизитор. Ваше величество...

Филипп. Нет-нет, сейчас меня не отвлекайте!.. *(Лезет в постель.)*

Затемнение

Арест

Снова дом угольщика Клааса. Сооткин, Каталина, чуть поодаль — Неле. Неле тихо напевает песенку.

ПЕСЕНКА НЕЛЕ

Молодой рыбак в море синее ушел

За удачей.

Ему ветер друг, ему холод нипочем:

Он горячий.
 Прошумит волна, пролетит беда —
 До свиданья.
 Тяжелей беды, солоней волны
 Ожиданье.
 Молодой рыбак погуляет по морям
 Да устанет.
 На глаза ему попадетя бережок —
 Он пристанет.
 Отдохнет чуть-чуть — да и снова в путь
 Соберется.

Каталина (*обхватив голову руками, бормочет*). Больно! Душа просится наружу!.. Ганс, мой миленький Ганс, приезжай скорей... Где ты, мой милый жених? Мой черный рыцарь?.. Трижды три — девять, священное число. У кого ночью глаза светятся, тот видит тайное...

Сооткин (*вздыхнув*). Господи, спаси умалишенную!.. Кого она зовет, Неле?..

Неле. Не знаю.

Каталина. Ганс — хороший. Неле — злая... Зачем ты умчал, ненаглядный Ганс?.. Руки холодные, ноги холодные, сердце горячее.

Неле. Я боюсь ее...

Сооткин. Не бойся, доченька, от безумных зла не бывает..

Входит Клаас.

Клаас. Женщины, я принес вам весточку от Тиля! (*Достал рваный башмак.*) Мне передал его паломник, который встретился с ним в Италии.

Сооткин (*рассматривая башмак*). Что значит это послание?

Клаас. Это значит, что он прошел половину пути! Это значит, что он скоро вернется — одна нога здесь, другая там! Это значит, что надо накрывать на стол, поскольку ботинок просит каши!..

Неле. А на словах он ничего не передавал?

Клаас. Как же! Он велел сказать, что любит Неле, что помнит о Неле, что тоскует о своей милой Неле...

Неле. Это был не Тиль!

Клаас. Это был Тиль! Он сидел в пивной, и у него на коленях была пухлая блондинка!

Неле. Да, тогда это он.

Сооткин *(мужу)*. Зачем ты рассказываешь ей такие вещи?

Неле. Нет-нет, ничего... Я все равно буду его ждать и любить.

Сооткин. Молодец, дочка! Люби его... У него доброе сердце.

Неле *(зло)*. Доброе для всех, кроме меня! Для меня у него хитрые глаза и длинные зубы, которые он скалит. Для меня у него лживые слова и запах толстых блондинок, которыми он провонял насквозь!.. Пусть только вернется! Пусть только подойдет на расстояние оплеухи!..

Клаас *(весело)*. Так его, мерзавца!.. А я добавлю! Уж мы ему пересчитаем ребрышки!..

Неле. И плюну! Прямо в рожу его наглую плюну!.. А потом уйду с первым же парнем, которого встречу на улице!

Сооткин *(ласково)*. Как ты его страстно ненавидишь, дочка! Какой он счастливый, мой Тиль!

Открылась дверь, вошел Палач.

Палач. День добрый, хозяйева!

Каталина *(вскочила, заметалась по комнате)*. Огонь! Больно!.. Не надо!.. Ганс, милый Ганс, спаси меня!..

Клаас *(усаживая ее)*. Ну, ну, что ты испугалась, глупая? Это ж палач!.. *(Палачу.)* Проходи, садись. Сейчас время обеда...

Палач *(усаживаясь)*. Обед не надо, хозяин, а вот винца бы...

Клаас. И то верно... *(Наливает вина себе и Палачу.)* Ну, как жизнь?

Палач. Да, слава богу, все по-старому..

Клаас. Устаешь, поди?

Палач. А то как же! Целый день на ногах... А иногда и ночью, если срочное дело... Вот!.. *(Замялся.)* Хозяин, а я ведь и к тебе по делу..

Клаас. Говори! *(Налил кружку.)*

Палач. Легко сказать — говори... *(Отпил.)* Ну, в общем, Клаас, донос на тебя.

Клаас *(сохраняя спокойствие)*. Во как! И что в доносе?

Пала ч. Да как обычно — мол, еретик ты!.. Над церковью глумишься, святые иконы поносишь... И все такое! Брат, мол, у тебя протестант.

Клаас. Он умер.

Пала ч. А наследство — тебе... Стало быть, одно к одному!.. Ну да я тонкостей-то не знаю. Профос велел тебя, стало быть, под арест..

Клаас. Так.

Пала ч. Он солдат хотел, а я говорю — ни к чему.. Уж лучше я сам приведу. Столько лет знакомы, слава богу!.. Вот!..

Клаас. Выпить-то еще раз время есть?

Пала ч. Само собой. Обожду!

Клаас и Палач молча пьют. Сооткин и Неле с ужасом наблюдают за ними.

Клаас. Ячмень в этом году вроде неплохой уродился, а?

Пала ч. Должно, неплохой. Если только дожди в мае не зарядят..

Клаас. Теплый май обещали...

Пала ч. Апрель был холодный — значит, май теплый.

Клаас (*задумчиво*). Теплый... (*Встает.*) Ну, пошли!

Пала ч. Тут еще такое дело... Клаас, я ведь тебя должен связанного привести. (*Достал веревку.*)

Клаас. Если должен, чего уж... (*Отводит руки за спину.*)

Пала ч. Да нет, можно и спереди... Оно так удобней будет. (*Начинает связывать Клааса.*) Хитрость-то небольшая, а все рукам полегче. И веревку я взял невощеную, чтоб не врезалась...

Сооткин (*вдруг издает протяжный крик*). О-о-оой! За что?! (*Валится перед мужем, хватая его за ноги.*) За что?! Отпустите его!

Пала ч (*смущенно*). Не надо, хозяйюшка, не надо. Все образуется!

Каталина (*вскочила, забежала по комнате*). Огоны! Огонь! Душа просится наружу! Прорубите голову!..

Клаас. Встань, Сооткин! Встань!

Неле (*успокаивая*). Не надо, Сооткин. Встаньте. Все обойдется. Они не имеют права!

Сооткин (*обнимая мужа*). Не уходи!.. За что?.. Пусть возьмут и меня!

Клаас. Меня отпустят, Сооткин, вот увидишь...
(*Орет Палачу.*) Что встал?! Веди скорей, дурак!

Палач. Да я что? Во мне, что ль, дело? (*Оттаскивает Сооткин.*) Отойди, хозяйка! Ну что за люди? Хочешь как лучше, а оно вон как! Пошли, пошли, хозяин!..

Выводит Клааса, за ним выбегают Сооткин и Неле.

Каталина (*бродит по комнате, бормочет*). Пить!.. Пить!.. Жарко!.. Огонь!..

Входит Рыбник, Каталина бросается к нему.

Ганс! Миленький Ганс мой!.. Наконец ты пришел!

Рыбник (*отстраняя ее*). Каталина, я же просил не называть меня так.

Каталина. Почему, милый?.. Ты разлюбил свою девочку?.. Не бросай меня, Ганс.

Рыбник. Я не бросаю, успокойся... (*Огляделся.*) А где все?.. Его уже увели?

Каталина. Какой ты белый, мой Ганс, какой красивый... А глаза черные, а шпоры острые... У меня в голове огонь, проруби мне дырочку..

Рыбник. Подожди! (*Посадил ее на лавку.*) Послушай, Каталина...

Каталина. Ты меня любишь?..

Рыбник. Люблю, люблю...

Каталина. Ты мой, Ганс, мой черный рыцарь?

Рыбник. Да, да... Успокойся, Каталина, ты должна знать, где Клаас прячет деньги. Это очень важно... Деньги, которые ему оставил брат.

Каталина. Я не знаю, милый. Я поищу.. А хочешь, я найду тебе клад?.. Где цветет орешник, там клад зарыт.. Ганс, я знаю, где растет орешник... Подождем лета...

Рыбник (*нетерпеливо*). При чем здесь орешник?.. Это тут, в доме...

Открылась дверь. Неле ввела плачущую Сооткин.

Пауза.

Неле. Вон отсюда!

Каталина. Не надо! Ганс — хороший, Неле — злая...

Рыбник. Сооткин, я знаю, как тебе тяжело, но пойми и меня... Все может еще обойтись, если Клаас чистосер-

дечно признается и вы отдадите все деньги... Я пришел это сказать, потому что по-прежнему люблю вас всех...

Сооткин. Будь проклят!.. Пусть ни один священник не отпустит тебе грехи! Пусть исповедь для тебя будет мучкой, причастие — ядом! Пусть сахар тебе покажется солью, говядина — дохлой собакой, хлеб — золою! Пусть солнце тебе будет льдиной, а снег — огнем адским! Пусть дети твои родятся уродами! Пусть у них будет обезьянье тело и свиное рыло! Будь трижды проклят, предатель! Пусть боль, слезы и стенания будут твоим уделом как в этом мире, так и в ином!.. Пусть душу твою рвут бесы на части, а могила твоя пусть станет отхожим местом!.. И пусть навозные черви воздадут тебе по заслугам. Будь проклят! *(С рыданиями опускается на лавку.)*

Рыбник *(печально)*. Как это все жестоко... Но я на тебя даже не сержусь... *(Ушел.)*

Каталина *(ходит по комнате, бормочет)*. По лугу течет ручеек, прозрачный ключик... Вода в нем хорошая, холодная... Бог и ангелы сидят в раю, едят яблочки... Трижды три — девять, священное число...

Затемнение

Блондинка

С веселой песенкой на сцену выезжают Тиль и Ламме. Останавливаются возле забора дома.

Ламме. Тиль, я устал. Так тяжело носить пустой живот... Давай попросим здесь еду.

Тиль. Стыдно, мой друг! Еду можно купить, выменять, украсть, но не просить. Мы не нищие, мы — неимущие!

Ламме *(подошел к забору, заглянул в щель)*. Пахнет жареной бараниной... А подлива — из помидоров и чеснока... Надо бы еще добавить тертой корицы... Какое варварство — делать подливу и не класть корицу!.. *(Пригляделся.)* Там хозяйка... *(Кричит.)* Эй! Девушка! Эй!

Над забором появляется голова Блондинки.

Блондинка. Чего орешь? Какая я тебе девушка?

Тиль. Не обижайтесь на моего друга, сударыня. Он всегда что-нибудь ляпнет...

Блондинка. Вы бродяги?

Тиль. Мы паломники, сударыня. Мы ходили в Рим и встречались с Папой.

Блондинка (*недоверчиво*). Врать-то!.. И чего вам сказал Папа?

Тиль. Он сказал: «Дети мои, если вы встретите на пути аппетитную блондинку по имени...» Как вас зовут, сударыня?

Блондинка. Беткин.

Тиль. «...блондинку по имени Беткин, скажите ей, чтоб она накормила вас и уложила спать».

Блондинка. Врать-то! Откуда Папа знает про меня?

Тиль. Вы же знаете про Папу — почему бы Папе не знать про вас?

Блондинка. Болтун. Деньги-то у вас есть?

Ламме. Дура. Если б у нас были деньги, стали б мы с тобой разговаривать...

Тиль (*в притворном негодовании*). Что?! Ты посмел?.. Ты оскорбил мою Беткин?! Сейчас прольется кровь! (*Бросается на Ламме.*)

Блондинка (*выбежав из-за забора*). Э-э, перестаньте! (*Хватает Тиль за руку.*) Ты его убьешь!

Тиль. И не один раз! (*Ламме.*) Марш отсюда! Иди займись бараниной, мерзавец! И посмей только не положить в подливу корицу!..

Ламме поспешно скрывается за забором.

Блондинка. Какой ты бурный!..

Тиль. Когда обижают близкую мне женщину...

Блондинка (*перебивая*). Врать-то! Близкую... Ты меня первый раз видишь...

Тиль. А во сне?.. Сколько раз ты мне являлась во сне... И вот вчера, после обеда... Мы сидели с тобой близко-близко... (*Усаживает Блондинку, обнимает ее.*) Моя рука была на твоём плече, твоя нежная головка — на моем... И ты шептала...

Блондинка (*млея*). Чего?

Тиль. Ты шептала: «Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...»

Блондинка (*повторяет голосом Неле*). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Тиль. «Мои глаза устали смотреть на дорогу...»

Блондинка. Мои глаза устали смотреть на дорогу..

Тиль. «Мое сердце сжалось в комочек...»

Блондинка. Мое сердце сжалось в комочек...

Тиль. «Когда ты придешь к своей Неле?..»

Блондинка. Меня зовут Беткин.

Тиль. Не спорь, милая, я лучше знаю... *(Обнимает ее.)*

Появляются двое испанских солдат. Один из них трогает Тилю за плечо.

Солдат. Тиль Уленшпигель!

Тиль *(недовольно)*. Вы же видите, что человек занят!

Солдат. Встань, собака, когда с тобой говорит испанец!

Тиль нехотя встает.

Руки на голову! Повернись спиной! *(Обыскивает Тилю.)*

Тиль. Только не щекочите, я очень смешливый...

Солдат. Сейчас тебе будет не до смеха! Пошли! *(Толкает в спину.)*

Тиль. Может быть, скажете — куда?

Солдат. Увидишь! Застегнись...

Тиль *(приводя себя в порядок)*. Пардон! *(Застегивается. Блондинке.)* Нет-нет, сударыня, вы не одевайтесь, я скоро вернусь...

Солдат *(с усмешкой)*. В кандалах!

Тиль *(Блондинке)*. Не бойся, голубка, всего не закуют...

Появляется Ламме.

Ламме. Жаркое готово! *(Увидев солдат.)* Ох, господа, опять не поедим...

Солдат *(Тилью)*. Эта образина с тобой?

Тиль. Со мной.

Солдат *(Ламме)*. Пошли тоже!

Блондинка *(словно сообразив, что происходит, заголова)*. Ой, пожалейте его... Он хороший... *(Вопит.)* Он хороший!

Солдаты уводят Тилю и Ламме.

Портрет его величества

Зала во дворце короля Филиппа Второго. Король Филипп и королева Мария играют в кости.

Филипп *(бросает кости)*. Три—три...

Мария. Нос подотри... *(Бросает кости.)* Шесть — шесть.

Филипп *(бросает кости)*. Ах черт, опять не повезло.

Мария. Я выиграла, Филипп! *(Протягивает к нему руки.)*

Филипп *(со вздохом)*. Да, да. *(Обнимает Марию, равнодушно целует, та обвивает его руками. Филипп вырывается.)*
Не надо.

Мария *(с обидой)*. Почему вы так холодны ко мне, ваше величество? Для кого вы бережете свою страсть: для принцессы Эболи? Или для какой-нибудь придворной шлюхи?!

Филипп. Фи, Мария, что за выражения?

Мария. Я люблю вас, Филипп!

Филипп. Вы так часто говорите об этом, что я начинаю сомневаться.

Мария. Я вам много раз доказывала свои чувства.

Филипп. Чувства не теорема, они не требуют доказательства... Они видны. Или видно, что их нет...

Мария. Значит, вы не верите в любовь?

Филипп *(поморщившись)*. Язычество? Все эти Афродиты, Медеи — язычество. Примитивные идолы на пути к подлинному божеству..

Мария. Для чего вы женились на мне, Филипп?

Филипп. Для Испании. Для наследника. Для народа. Все для других, Мария, для себя мы только болеем и умираем...

Входит солдат.

Солдат. Мы привели его, ваше величество.

Филипп. Хорошо. Пусть войдет.

Второй солдат вводит Тиль.

Твое имя?

Тиль. Тиль Уленшпигель.

Филипп. Уленшп... Трудно выговорить.

Тиль. Очень, ваше величество, поэтому зовите меня просто «эй ты»!..

Филипп. Ты шут?

Тиль. Немножко. Кроме того, я лекарь, музыкант и художник.

Филипп. Это ты нарисовал мой портрет на городской стене? С ослиными ушами?..

Тиль. Я, ваше величество!

Мария. Наглец!

Филипп. Не вмешивайтесь, Мария. (Тилью.) Почему ты признался? Ты не боишься умереть?

Тиль. Боюсь, ваше величество. Но у меня есть подозрение, что рано или поздно это случится.

Филипп. Между прочим, портрет исполнен неплохо... Яркие краски, свободная линия. Чувствуется фламандская школа... Послушай, эй ты, смог бы ты выполнить серьезный заказ?

Тиль. Для меня всякая работа — серьезна!

Филипп. Но это заказ особый. И дорого оплачиваемый...

Тиль. О, меня охватывает вдохновение! Что я должен изобразить?

Филипп. Меня и моих приближенных...

Тиль. В натуральную величину?

Филипп (поморщившись). Попробуй секунду не остеречь... Ты понимаешь, что при дворце достаточно знаменитых живописцев, но я хочу, чтоб меня нарисовал фламандец... Я дам эту картину в дар Фландрии. Пусть она увидит меня твоими глазами... Я понимаю, ты меня в душе ненавидишь, но, если ты подлинный художник, ты не должен идти против истины... А у меня нет ослиных ушей, и я не похож на дьявола... И я добр — не казню тебя, а даю почетную работу... И говорю с тобой как с равным...

Тиль. Я это ценю, ваше величество.

Филипп. Врешь. Может быть, потом, когда-нибудь, оценишь, а пока не лги... Лучше скажи — как ты представляешь себе композицию будущей картины? Я хочу, чтоб она понравилась твоим соотечественникам.

Тиль. Кого из приближенных вы хотите там поместить?

Филипп. Королеву, великого инквизитора, герцога Альбу, несколько принцев, ну и... Кого ты подскажешь?

Тиль. Борзых!

Филипп. Что?

Тиль. Борзых собак, ваше величество... Несколько борзых собак очень украсят полотно. Во-первых, во Фландрии любят животных, во-вторых, борзые — самые верные ваши соратники, они не метят на ваше место... Извините!

Филипп. Продолжай!

Тиль. Королеву Марию я бы изобразил в профиль, она так прекрасна, что фламандцам незачем показывать ее всю, достаточно половины...

Мария. Филипп, он издевается!

Филипп (Тилью). Продолжай.

Тиль. Великого инквизитора я бы изобразил со спины: для его же безопасности не надо, чтобы фламандцы запомнили его в лицо. Герцога Альбу, которого у нас в народе ласково называют «кровавым», я бы изобразил в условной манере — маленький холмик, крестик и надпись «Альба»!

Мария. Да прекратит он когда-нибудь?!

Филипп (Тилью). А меня?

Тиль. Вас, ваше величество, я бы советовал рисовать маленьким ребенком с белокурыми волосиками и голубыми глазками. Таким образом мы убедим фламандцев, что вы тоже человек, что вас когда-то рожала мать и пела вам колыбельные песенки...

Филипп (решительно встал, подошел к Тилью). Зачем? Зачем ты так ведешь себя? У меня теперь нет выхода...

Тиль. Знаю, ваше величество, но ничего не могу с собой поделать.

Филипп (зло). Вошь! И вся ваша Фландрия — вошь на теле Господнем! С вами нельзя договориться, вас надо выжигать, как чумные дома! (Кричит.) Солдат, на колени его!

Подбегает солдат, ставит Тилью на колени.

Нож!

Солдат вынимает нож, приставляет к горлу Тилью.

Сейчас тебя прирежут здесь как курицу...

Мария (в ужасе). Филипп, разрешите мне удалиться!

Филипп. Оставайтесь, Мария! Вы королева, имейте мужество! (Тилью.) Проси! Проси пощады, сволочь!

Тиль. Вы все равно не выполните моей последней просьбы!

Филипп. Проси! Последнюю волю смертника я исполню.

Тиль. Это не в вашей власти!

Филипп. Ты не знаешь пределов моей власти, дурак! Проси!

Тиль. Слово короля?

Филипп. Слово короля.

Тиль. Ваше величество, поцелуйте меня в уста, которыми я не говорю по-фламандски!

Мария. Фу! *(Закрывает лицо руками.)*

Филипп *(после паузы)*. Bravo! *(Аплодирует.)* Bravo! *(Солдату.)* Отпустить! *(Бросает Тилью кошелек.)* Пошел вон, шут! Ты меня развлек. И я тебя пережитрил. Ты хотел умереть героем, а я тебя оставил паяцем!.. Иди и передай своим согражданам, что король Филипп Второй настолько могуч, что может не только казнить, но и прощать... Вон!

Солдат уводит Тилья.

Мария *(подойшла к Филиппу, тронула его за руку)*. Как вы великодушны, ваше величество...

Филипп *(заорал)*. Ты замолчи! Дура! *(Грустно.)* Обними меня, моя девочка, мне страшно...

Затемнение

Казнь

Громко и тревожно звучит городской колокол. На площади перед зданием городского суда установлен помост, ведущий вверх и в глубь сцены, к месту казни.

Появляется Инквизитор. Профос, судьи рассаживаются перед помостом. Горожане окружают их толпой. Солдат и Палач вводят связанного Клааса, лицо и тело его в ранах и кровоподтеках после пыток.

Каталина *(выбежав вперед)*. Солнышко! Белое солнышко! Сегодня праздник веселый. Трижды три — священное число! *(Садится.)*

Профос. Начинается последнее заседание по делу угольщика Клааса, уроженца Дамме, мужа Сооткин, урожденной Иостенс. В течение пяти дней суд в составе его преосвященства великого инквизитора, профоса и двух выборных инквизицией судей разбирал преступления вышеупомянутого Клааса и установил:

Первое. Угольщик Клаас уже давно втайне вышел из лона святой римской церкви, впал в ересь, произносил кощунственные речи о Боге, о его наместнике Папе Римском и о святых иконах, называя их «погаными идолами». *(Крестится.)*

Второе. Угольщик Клаас поддерживал постоянную связь со своим братом, протестантом и еретиком, а после его смерти принял от него наследство, которое отказался передать во владение короля и церкви, как то следует по закону. Обо всем этом свидетельствовал доноситель, имя которого суд обязуется хранить в тайне, а в случае вынесения приговора передать ему половину имущества приговоренного.

Клаас (*Рыбнику*). Рыбник, не радуйся! Тебе не найти моих денег!

Рыбник. При чем здесь деньги, Клаас? Как ты плохо обо мне думаешь!..

Инквизитор. Угольщик, тебе запрещается разговаривать. Отвечай только на вопросы суда: признаешь ли ты себя виновным?

Клаас. Меня это уже спрашивали под пыткой, ваше преосвященство.

Инквизитор. Отвечай сейчас. Считаешь ли ты католическую веру единственно правильной и святой?

Клаас. Нет! Каждый вправе иметь свою веру.

Инквизитор. Считаешь ли ты Папу Римского наместником Бога на земле?

Клаас. Да! Но в той мере, в какой каждый человек есть наместник Бога, не больше.

Инквизитор. Веришь ли ты в святую Деву Марию, в Иисуса Христа — Сына Божьего?

Клаас. Верю. Верю в Марию, жену плотника Иосифа, верю в их сына, нареченного Иисусом, такого же человека, как я и мой сын, верю в честность его и доброту, горжусь той стойкостью, с какой он принял свою смерть.

Инквизитор (*Профосу*). Я думаю, нет смысла продолжать допрос. Преступник использует его для проповеди своих заблуждений. Можно выносить приговор.

Профос. Еще минуту, ваше преосвященство... (*Обращаясь к Клаасу*). Угольщик, мы знаем друг друга много лет, мне больно, что ты так глубоко погряз в ереси... Еще есть время, совсем немного времени для раскаяния.

Клаас. Мне не надо времени для раскаяния, господин профос, у меня было много времени для раздумий...

Профос (*солдатам*). Приведите Сооткин!

Клаас. Я протестую! Меня уже пытали много дней... В день казни вы не имеете права!

Солдат и Неле вводят Сооткин.

Профос. Женщина! Я обращаюсь к твоему сердцу, к твоей любви. Вот твой муж. Его сейчас сожгут, если он не раскается... Скажи ему!

Сооткин. Что?

Профос. Ты сама знаешь... Найди слова!

Сооткин. Мы прожили вместе двадцать пять лет, господин профос, за это время мы научились понимать друг друга молча...

Клаас. Спасибо, Сооткин.

Профос. Ты не женщина. Вы не люди! У вас вместо сердца булыжники!

Клаас. Не верь ему, жена!.. Я знаю твое сердце — такого больше нет на земле... После смерти я поселюсь там, и мне будет хорошо...

Сооткин *(нежно, мужу)*. Красивый мой... Мы скоро встретимся.

Клаас. Мы не расстанемся, милая... У нас есть Тиль!

Инквизитор *(встает, зачитывает приговор)*. «Суд святой инквизиции при участии магистрата города Дамме, рассмотрев дело о богоотступнике Клаасе, признает его виновным в ереси и связи с еретиками и приговаривает его к сожжению перед зданием ратуши на медленном огне!»

Толпа заволновалась.

Голоса из толпы. Позор!

— Несправедливо!

— Нельзя мучить человека!..

Профос *(вскочил)*. Ваше преосвященство, я протестую! Клаас преступник, но он честно жил и честно работал. Его любили и уважали в городе. Как представитель магистрата я требую сожжения на быстром огне! Церковь должна быть гуманна, ваше преосвященство!

Голоса из толпы. Правильно!

— На быстром!

— Нельзя мучить человека!

Инквизитор. Если он не думает о душе своей, пусть страдает телом! Суд инквизиции требует медленного огня!

Голоса из толпы. Живодеры!

— Да разве так можно?!

Из толпы выскакивает Хозяин пивной.

Хозяин пивной. Ваше преосвященство! Дозвольте сказать. Я простой человек, и все мы тут простые люди, но так нельзя, ваше преосвященство... Он, угольщик, всегда ко всем с уважением... Копейки лишней не брал... А мы что, звери, что ли?.. На быстром!..

Профос. Ваше преосвященство, я не ручаюсь за порядок в городе!

Инквизитор (*пошушукавшись с судьями*). Хорошо! Суд учитывает ходатайство горожан. Клаас будет сожжен на быстром огне!

Голоса из толпы. Вот это другое дело!

— А то — на медленном!..

— Ишь чего выдумали!

Клаас. Благодарю вас, господин профос. (*Кланяется толпе.*) Спасибо вам, земляки! Спасибо, что в тяжкую минуту вы помогли своему угольщику... Теперь я легко улечу от вас, словно искорка... А уголь мой еще не скоро кончится, и вы, сидя у камина, будете еще долго вспоминать папашу Клааса и греться его теплом... Одно вам скажу, братцы, — жалко мне вас! Я-то уйду — а вам тут оставаться. Я помру сразу — а вам умирать каждый день от страха. Медленная смерть, медленней, чем на самом медленном огне!.. И долго вы еще будете стараться не заглядывать в глаза друг дружке, потому что пусто там, в глазах, ничего нет, кроме страха... И не понять вам, как легко, когда вытряхнешь этот страх изнутри... Я вот вытряхнул — и все, и теперь словно птица... И если правда есть на небе Бог, то мы встретимся с Ним на равных. Он — свободен, и я — свободен! И мы обнимемся с Ним как братья и пойдем по облакам... И не будет у нас страха, который тянет вниз... Прощайте, братцы! Не взыщите, что говорю вам на прощанье горькие слова — от сладких тошнит перед смертью...

Палач (*тронув Клааса за руку*). Пойдем, хозяин.

Клаас. Пойдем, друг!.. Ну, не робей! Работа есть работа!

Палач и Клаас поднимаются вместе по помосту. Печально гремит колокол. С веселой песенкой появляются Тиль и Ламме.

Тиль (*весело*). Ого! Сколько народу! Подтяни живот; Ламме, нам приготовили пышную встречу! Привет, сограждане!

Толпа расступается, Тиль видит отца.

Отец! (*Подбегает к отцу, тот обнимает его.*)

Клаас. Успел все-таки, чертенок! А я думал — не простимся.

Тиль. За что они тебя, отец?

Клаас. За все, сынок. За все сразу.. А знаешь, я им тут сказал пару слов на прощанье... Пусть почешутся!.. Надоело как-то шутить. Сказал — и точка!.. Ну, ну, только без слез!.. Ты и маленький-то не плакал, а теперь вон какой верзила... Как это ты пел:

Всегда во всем примером был
Мой скромненький папаша!
Монахов очень не любил,
Зато любил монашек!..
О-ля-ля! О-ля-ля!..

Уходит за край помоста. Звонят колокола, и разгорается пламя костра.

Рыбник

Все упали на колени, молятся. Звон колоколов. Светится яркий огонь костра.

Каталина (*глядя на небо*). Колокольчики, колокольчики!.. Почему ты плачешь, Боженька? Тебе грустно?..

На помосте появляется Палач, идет к толпе.

Палач (*крестясь*). Все!.. Отмаялся!

Инквизитор (*встал с колен, крестясь*). Прими, Господь, заблудшую душу.

Рыбник (*встав с колен, крестясь*). Прости нас, грешных! (*Подходит к Инквизитору.*) Ваше преосвященство, у меня к вам просьба...

Инквизитор. Не сейчас, друг мой. Потом!

Рыбник. Я хотел бы вам исповедаться! Только вам!..

Инквизитор. Вы считаете, что это для меня большая честь? Я очень занят, голубчик... (*Уходит.*)

Рыбник (*подходит к Профосу*). Господин профос, чтобы избежать ненужных кривотолков, я отказываюсь от своей доли наследства Клааса!..

Профос. Это твое дело.

Рыбник. Я передаю эти деньги городу Дамме. Могу сделать публичное заявление!

Профос (*поморщившись*). Хватит заявлений, Иост!.. Отдохни!.. (*Уходит.*)

Рыбник (*направляясь к Палачу*). Послушай!..

Палач (*зло*). Отвали, стерва!

Рыбник (*обращаясь к толпе*). Монах, послушай... Эй, пивовар...

Все отшатываются от него.

Палач (*подойдя к Сооткин*). Мамаша, я тут, стало быть, принес тебе... (*В его ладонях — горсть пепла.*) Сердце его, стало быть... Пепел.

Сооткин (*ссыпала пепел в ладанку, подошла к сыну*). Возьми, Тиль, оно еще теплое... (*Вешает ему ладанку на грудь.*) Вот так... Теперь оно стучит... (*Молча отходит.*)

Палач. Эх, дела! Дружки мы с ним были...

Рыбник (*подходит к Тилью*). Тилюшка, я бы хотел поговорить с тобой...

Тиль, не отвечая, вынул нож, шагнул навстречу.

Что ты?.. Меня?..

Палач (*обращаясь ко всем*). Ну что, соседи, пойдем по домам?

Рыбник (*пятясь от ножа*). Он убьет меня! Меня убивают!..

Палач (*обращаясь к толпе*). По домам, братцы! Без вас тут разберутся...

Все расходятся. Площадь опустела, только Каталина с безумной улыбкой наблюдает за происходящим. Рыбник бросился к ней.

Рыбник. Каталина, спаси меня!

Каталина. Ганс, мой хороший, какой ты сейчас красивенький!.. Давай улетим, а?

Рыбник (*отшатнулся от нее, пошел навстречу Тилью, упал на колени*). Тиль, пощади меня!

Тиль. Нет!

Рыбник *(обреченно)*. Ну что ж, убей! Убей старого человека... Я тоже устал жить. Мы нелюди, мы хуже зверей!.. Мы не знаем милосердия... Мсти за отца, убей невиновного! Теперь я готов к смерти... Только секунду погоди... Сейчас я тебе помогу! *(Достал темный платок, завязал себе глаза.)* Вот так... Теперь тебе легче... Я не вижу твоих глаз, и ты можешь со спокойной совестью перерезать мне горло... Я помню твои глаза, когда ты был ребенком... Я стоял у постели, когда рожала Сооткин, она кричала, а я гладил ее по голове и говорил: «Спокойней, милая, будет хороший мальчик»... Зарежь меня, Тиль!.. Это так просто — резать человека... Мы не хотим понимать других! Так удобно ножом решать все вопросы... Я захлебнусь кровью, а ты исполнишь долг чести... И соседи будут говорить: «Молодец, отомстил за отца!»

Тиль. Замолчи, Иуда!

Рыбник. Да, я люблю Клааса, а Иуда любил Христа. Как никто, больше всех. Все другие отреклись и спрятались, а Иуда страдал. И еще неизвестно, кому было тяжелее: распятому или проклятому.. Ну, что же ты медлишь?.. Я донес на твоего отца. Я не думал, что его казнят, но уж твердо знал, что со мной за это рассчитаются... Кругом злоба и мести!.. Мне страшно! Господи, почему я живу сейчас, в это время, а не раньше или потом?! Я совсем потерял сон, Тиль... Я думаю, думаю... Убей же меня!.. Я истерзался мыслями и хочу покоя!..

Тиль. Мразы! *(Толкнул Рыбника ногой, бросил нож.)*

Рыбник *(снял повязку)*. Как ты добр... Весь в отца. Он тоже не сердился на меня... За что я люблю вас всех и призываю жить праведно... И я добьюсь своего, Тиль!.. Даже если мне придется донести на весь мир... *(Уходит.)*

Каталина *(задумчиво)*. Ганс — хороший, Тиль — хороший. Все — хорошие... Сядь, отдохни... Хочешь, спою тебе песенку?

Появляется Неле.

Неле. Ты звал меня?

Тиль. Нет.

Неле. Я слышала, как ты кричал...

Тиль. Я никого не звал, Неле. Я хочу побыть один...

Неле. Хорошо, хорошо, поэтому я и пришла к тебе...
(Садится рядом.) Не надо кричать, Тиль, не надо... Криком
ничему не поможешь...

Тиль (положил на ладанку руку). Оно еще теплое.

Неле. Обжигает кожу...

Каталина. Клаас счастливый... Он уже снял с себя
тело, и ему легко...

Тиль. Замолчите все!

Неле. Ты разговариваешь с отцом?.. Прости нас...
Мы не будем мешать... Вы так долго не виделись... (Подо-
шла к Каталине.) Мама, дай нам той воды...

Каталина (протягивая кувшин). Глупенькие!.. Как вы
трудно любите друг друга... Все по-своему хотите, по-
своему.. А уж все давно продумано и установлено... Ты и
он! Она и ты! И вам хорошо вдвоем. А Боженьке плохо —
он одинок...

Неле (протягивая кувшин Тиллю). Выпей, Тиль. Тебе на-
до забытья...

Каталина. Выпей лесной водички. Я сама ее набрала.
Это слезы камней, роса облаков... Выпей — придет дурман!

Тиль сделал глоток.

Слетятся духи... Спойт песенку!.. Тиль — добрый. Неле —
добрая, духи — добрые...

Меркнет свет. Начинается шабаш духов.

Шабаш

Словно сошедшие с офортов Гойи, на сцену в дикой пляске врываются
духи, ведьмаки, чудища. Закружили Тилля и Неле в бесовском хорово-
де, оглушили своей песней.

Духи. Люди! Здесь люди!.. Добро пожаловать, черви
земные! Вы еще не всех сожгли? Еще есть на растопку?
Эй, кому нужны мальчишка с девчонкой?!

Неле. Тиль, мне страшно!

Тиль. Не бойся, Неле... Я здесь... я спрошу их!

Духи. Спрашивай, мы ответим...

Тиль. Эй вы, бесплотные! Если вы вправду над нами,
ответьте: зачем мне жить?

Первый дух (подскочил к Тиллю, взял его под руку). Глу-
пый вопрос, мой мальчик. В самом вопросе скрыт ответ.

Зачем жить?.. А и не надо!.. Ты ведь не просился в жизнь, тебя вытолкнула природа головкой вперед. Но теперь-то ты взрослый и сам можешь распорядиться... Зачем жить, когда можно умереть?.. И тогда — конец всем вопросам. И боли нет, и тоски нет... Только пространство!.. Решись, мальчик, решишь... Ибо, как скажет Гёте: «Пока нет в тебе этой жажды гибели, этого — умри и обновись, ты только унылый гость на темной земле...»

Тиль. Да. Так! Умри и обновись! *(Достал нож.)*

Неле *(бросаясь к нему)*. Тиль! А я?.. А дети наши, которых нет? А внуки наши, которых нет?.. Не верь ему!.. Надо жить, надо!

Тиль. Зачем?

Неле. Чтобы жить!

Второй дух *(подбежав к Тилью)*. Девушка абсолютно права. Жить, чтобы жить... В этом высший смысл! Есть, спать, размножаться... Это естество! Почему мы стесняемся?.. Олень не стесняется, лев не стесняется, а человек — что ж он, глупее?.. Построить дом, растить потомство, ходить за пищей, мыться в реке... Счастье?

Тиль. Счастье!

Второй дух. И есть горячий суп. И запивать холодным пивом... И сидеть у теплого камина... И, помешивая пепел кочергой, вспоминать про папочку! *(С хохотом отбегает.)*

Тиль. Пошел прочь!

Третий дух *(схватил Тилью за руку)*. Кого ты слушаешь, безумец! Тебе ли, оскорбленному, искать покоя?.. Мстить — вот он, смысл жизни! Мстить всем! Всегда!.. На пинок отвечать оплеухой, на удар — десятью. Кровь смывается кровью! Ты — один, против тебя — все! Мсти!

Тиль. Пепел Клааса стучит в мое сердце!

Третий дух. Отомсти за него! Кругом предатели! И мой тебе совет: для начала убей мать!

Тиль *(отшатнувшись)*. Что?!

Третий дух. Она предала отца: он мертв, а она жива! *(С хохотом отбегает.)*

Неле *(кричит)*. Тиль, убежим отсюда!.. Дай мне руку!

Тиль. Я всех ненавижу!

Неле. И меня?

Тиль. И тебя!

Духи с ликованием окружили Неле.

Духи. Девочка! Хорошая девочка, пойдем с нами!.. (Срывают с нее одежды.) Поиграем! Поиграемся!.. Кто тебе из нас первым нравится?.. А?.. Мы мальчишки веселые!..

Неле. Тиль! Не бросай меня!.. (Вырывается из объятий духов.) Я боюсь... Куда ж я без тебя, любимый мой?.. Мне страшно... Я не хочу одна... Пожалей меня, пожалуйста!

Тиль. Прости. (Обнял ее.) Сам не знаю, что говорю...

Неле (покрывая его лицо поцелуями). Хороший мой. Спасибо, господин мой... Ну, ну, не бойся! Я с тобой!.. Я сильная, Тиль, я за тебя глаза выцарапаю... Вот так! Успокойся, милый. Потерпи... Все обойдется. Обними меня крепче... А хочешь — поплачь! Не стыдись, я пойму... Садись со мной... Вот так, миленький, вот так... Сейчас будет хорошо... Не бойся, это дурман, это пройдет..

Духи молча отступают. Тиль и Неле лежат в объятиях друг друга. Каталина подходит к ним.

Каталина. Ты счастлив, Тиль?

Тиль. Да.

Каталина (вдруг став злой). Успокоился, стало быть?.. Насытился? Слизняк!.. Затих на теплой груди, заснул... Все вы одинаковы! Пыжат из себя героев, а сами сделаны из того же мяса, из которого делают кабанов!.. Ты не дух Фландрии — ты ее непристойный звук!.. Плюю на тебя! На все свои надежды плюю... Господи, спасибо Тебе, что сделал меня безумной, так мне легче жить на этой земле!..

Каталина уходит. Тиль и Неле остаются одни.

Неле. Не сердись на нее, Тиль. Пожалей ее...

Тиль. Я ей завидую.

Неле. Все будет хорошо...

Тиль (задумчиво). К сожалению, да. (Тронул ладанку.) Оно уже остыло, Неле... Совсем холодное...

Часть вторая

РОДИНА

Молчание

Прошло сорок дней. Дом угольщика Клааса. Все готовятся к поминкам по угольщику: Сооткин хлопочет по хозяйству, Неле ей помогает, даже Тиль с безучастным видом рубит капусту, Каталина причесывается перед зеркалом.

Каталина. Неле, можно я надену твои красные бусы? Красные бусы, белые волосы — красиво!

Сооткин. Грех, Каталина! Грех старой женщине наряжаться словно девушке...

Каталина. Сегодня я венчаюсь. Ганс будет в черном камзоле, а я — в белом платье... И мы дадим клятву у алтаря!

Неле. Что ты придумываешь, мама? Какой алтарь? Нету никакого Ганса...

Каталина (*усмехнувшись*). Глупенькая... (*Тилью.*) Тиль, ты будешь у меня посаженным отцом на свадьбе?

Тиль молчит.

Неле (*Каталине*). Не приставай к нему... (*Подошла к Тилью, забрала у него нарубленную капусту, чмокнула его в щеку.*) Вот молодец! Теперь закуски хватит на всех гостей...

Тиль безучастно молчит.

Сооткин. Надо пойти у лавочника ветчины купить... (*Тилью.*) Сынок, разрешишь мне взять еще немного из тех денег?..

Тиль молчит.

Все-таки поминки... Нехорошо, если стол бедный...

Тиль молчит.

Ну, спасибо... (*Лезет в тайник, достает деньги.*)

Неле. Сооткин, надо бы перепрятать деньги... Положи в тот тайник, у колодца.

Сооткин. Да и здесь никто не найдет..

Тиль (*задумчиво*). Буду, чего ж...

Сооткин. Ты про что, сынок?

Тиль. Буду посаженным отцом...

Сооткин, покачивая головой, ушла. Появляется Ламме с гусем под мышкой.

Ламме *(бросая гуся на стол)*. Привет! Во чего раздобыл! Поджарить да набить тушеными яблочками — чудо! Верно, друг? *(Хлопает Тиль по плечу, тот безучастно молчит.)* Любишь гусятинку?..

Неле. Спасибо, Ламме.

Ламме. Не за что!.. А я этого гусака давно заприметил... Плавает, мерзавец, в луже и гогочет... Я думаю: ну давай-давай, гогочи! С вином-то лучше поплывешь... Верно, тетушка Каталина? *(Оглядел Каталину.)* Чего это она наряжается?..

Неле *(с усмешкой)*. Замуж собралась!

Ламме. Во как? Ну что ж, пора... *(Подсел к Тилью.)* Слушай, Тиль, дело тут одно намечается... В Амстердаме на той неделе ярмарка будет. Праздник! Ну, вот они, стало быть, просили, чтоб и ты приехал...

Неле. Это зачем же?

Ламме. Помнишь, у нас на базаре он песенку пел? «Я — толстый Ламме, целый день готов сидеть и лопать...» Смешная такая песенка... Вот просят исполнить! Обещали хорошо заплатить...

Неле. За нее уж раз платили ссылкой...

Ламме. Ну что равнять нас и Амстердам? Столица, культурный город! Конечно, там слова надо поправить... Чтоб не зло, по-доброму. А шутить там можно. Шутить разрешается. Ты как, Тиль?

Тиль молчит.

Две сотни флоринов обещали... Деньги!.. У них там целое представление будет... Цыгане, медведи... Наш рыбник на мандолине играет...

Неле. Кто?

Ламме. Рыбник!.. *(Замялся.)* Сволочь, конечно, но на мандолине так научился бренькать!..

Неле. Ты в своем уме?.. Ты о чем говоришь?! Чтоб Тиль и рыбник — вместе?..

Ламме. Чего «вместе»? Каждый сам по себе... Да и потом, это ж работа. Мало ли что... Вон я в цирке видел: свинья с волком из одной миски жрала...

Тиль (*задумчиво*). С яблоками, говоришь?

Ламме. Кто?

Тиль. Гусь.

Ламме (*обрадованно*). С яблоками! С тушеными... А самого — жарить! (*Пауза*.) Так чего сказать амстердамцам?

Тиль молчит.

Ну и правильно! Я сам их хотел послать куда подальше, да решил сперва с тобой посоветоваться... Вот! (*Замялся*.) А может, пойдем выпьем, а?

Неле. Куда ему такому?.. Видишь, человек не в себе...

Ламме. Так я потому и зову.. Отвлечь хотел!..

Каталина. Ламме добрый...

Ламме. Добрый, тетушка... А только через эту доброту мне же хуже... Сегодня какой-то мальчишка прибегает, кричит: «Дяденька, помоги! Мой отец с соседом дерется!» Ну, я влез в драку, кричу: «А кто твой отец?» А он орет: «Так из-за этого они и дерутся!..»

Тиль (*решительно встал*). Только много, ладно?

Ламме. Чего?

Тиль. Много выпьем, ладно?

Ламме (*обрадованно*). Конечно, много... Немного и дома можно... Пошли, друг!

Тиль и Ламме уходят. Раздается крик совы. Каталина вскочила, заметалась по комнате.

Каталина. Он летит ко мне, мой Ганс!.. Сейчас это совершится...

Неле (*испуганно*). Кого ты ждешь?

Каталина. Никого, никого... Иди к себе, дочка, я потом позову..

Неле хочет выйти на улицу. Каталина хватается за руку.

Нет-нет! Нельзя! Ганс рассердится... Иди ложись, Неле, спи... Я разбужу, когда все случится... (*Почти насильно утаскивает Неле в соседнюю комнату*.) Дочка, не печаль свою маму.. У мамы сегодня счастье! Ступай...

Крик совы.

Венчание

Появляется Рыбник с Напарником. На Рыбнике — черный камзол, лицо вымазано мукой, глаза подведены. В руках — мандолина.

Рыбник. Вот мы и на месте. *(Оглядывается.)* Никто не увидит!

Напарник. Что-то мне боязно, Иост.

Рыбник. Я — Ганс! Зови меня правильно... И не дрожи! Мы не воры — мы дьяволы!

Напарник *(крестясь)*. Не шути так! Грех!

Рыбник. Этот грех простится!.. Чтобы победить дьявола, я готов сам стать исчадьем ада... *(Достает зеркальце, подрисовывает себе глаза, приклеивает нос.)* Вот так!.. Страшно?! Ага!.. Как глупо устроены люди! Будь ты с ножом или топором — тебя не боятся, а сделай нос чуть подлиннее, выпучи глаза, оскаль зубы — и внушаешь ужас!..

Напарник. А вдруг кто придет?

Рыбник. Не бойся... Она обещала быть одна... Разве что Неле? Хочешь молоденькую, а?.. Хочешь, по глазам вижу.. Только не робей!.. Я теперь понял: в этой жизни робость — худший из недостатков. Я жил смиренно, страдал за людей — и вот я ими проклят!.. Но теперь они меня надолго запомнят. Хватит защищаться — пора нападать!.. *(Поет романс.)*

РОМАНС ЧЕРНОГО РЫЦАРЯ

Я черный рыцарь Ганс —
Пою тебе романс,
Как юноша влюбленный, под балконом.
Не мучь меня! Не мучь!
Отдай от сердца ключ!
Прошу тебя, любимая, со стоном!

Припев:

Звенит мандолина.
О, выйди, Каталина!
Я тайну открою,
Как стать молодою!

Тебя я унесу,
Мы скроемся в лесу

И предадимся там безумной страсти!
 Я дьявольски везуч!
 Отдай от сердца ключ,
 И счастье ты найдешь в своем несчастье!

Припев:

Звенит мандолина.
 О, выйди, Каталина!
 Я тайну открою,
 Как стать молодою!

Появляется Каталина в белом подвенечном платье.

Каталина. Я здесь, мой Ганс!

Рыбник. О, этот чудный миг! Пусть звезды навсегда исчезнут с неба, пусть скроет безобразная луна свой белый лик в вуали облаков! Каталина здесь — и всем другим светилам постыдно появляться рядом с ней!..

Каталина. Как ты красив! Как голос твой прозрачен! Тебя, должно быть, ангел научил так говорить...

Рыбник. Да, ангел, но не тот, что в небесах, а тот, что под землей. Его зовут все дьяволом, а он — такой же ангел, только черен цветом... Он проклял день, но он придумал ночь... И воздух весь покрасил черной краской, чтоб скрыть от глаз убийства и любовь... *(Протягивает к ней руки.)* Девочка, сегодня наша ночь... Сегодня наши судьбы соединятся...

Каталина. Как я счастлива, милый... Скажи только, что любишь меня.

Рыбник. Люблю.

Каталина. Не спеши отвечать... Посмотри на меня: я старая.

Рыбник. Ложь! Ты самая юная из всех девушек мира!

Напарник хихикает.

Каталина *(увидев Напарника)*. Кто с тобой, Ганс?

Рыбник. Тот, кто узаконит наш союз... Дай твою руку, жена моя... *(Встает с Каталиной на колени перед Напарником.)* Святой отец, соедини нас! Благослови на любовь, на жизнь и на смерть!

Напарник *(грозит над ними руки)*. Раб Божий Ганс, с чистым ли сердцем берешь ты в жены Каталину?

Рыбник. Да.

Напарник. Раба Божья Каталина, с любовью берешь ли ты в мужья Ганса?

Каталина. Да!

Напарник. Готовы ли вы внести выкуп дьяволу за свой союз?

Рыбник. Да! Все, что у меня есть, — ему! *(Высыпает из кармана деньги.)*

Напарник *(Каталине)*. Ты, дочь моя?

Каталина. У меня ничего нет.

Рыбник *(обнимая ее)*. Отдай ему все, Каталина! Отдай...

Каталина. У меня правда нет, милый...

Рыбник. А в доме?

Каталина. В доме спрятаны деньги Клааса... Но их нельзя трогать... Это тайна!..

Рыбник *(встал с колен)*. Прощай! *(Напарнику)*. Прости меня, святой отец! Прости, что я подбил тебя на постыдное дело... Я думал взять в подружки любящую душу, а пригрел змею...

Каталина. Не уходи, любимый!

Рыбник. Прочь, лживое отродье!.. Чужая тайна для тебя дороже своей!.. Клаас совершил тяжкий грех, утаив наследство, его выкормыш усугубляет этот грех, а ты им потворствуешь... Прощай!

Каталина. Милый мой Гансик... Не бросай свою девочку..

Рыбник. Взгляни в зеркало, старуха!.. Щупай сама свою дряблую кожу, гладь сама свои редкие волосенки... Только бесовская сила на миг возвращает тебе молодость, а ты не хочешь за это даже платить?!

Каталина. Я боюсь... Тиль убьет меня!.. Клаас умер, не сказав... Я не знаю, где тайник...

Рыбник *(обнял ее)*. Поищи, милая... Твоя любовь укажет.. Это дьявол посылает тебе испытание... Надо выдержать его... Ступай, ступай!..

Каталина *(сдаваясь)*. Неле услышит!

Рыбник *(Напарнику)*. Пойди займись девчонкой!

Каталина *(испуганно)*. Не надо!

Рыбник. Не бойся, не бойся... Он ее отвлечет!

Напарник проскальзывает в дом.

Пошли и мы... *(Вводит Каталину в дом.)* Ищи, ищи, голубка... Это где-то здесь спрятано... А я буду тебе пока говорить слова любви... «Нет ничего на этом белом свете сильнее и ярче жаркого огня, что в сердце загорается моем, когда тебя я вижу...» Вот тут смотри, милая. Может, это спрятано в стене?.. Или там, за бочкой?.. «Какое счастье — взять и утонуть на дне твоих зрачков лучистых, на самом дне твоих глубоких глаз...» Вон в углу что-то сверкнуло... Не то?.. Вспоминай, голубка, — куда они это спрятали, а?.. «В час радости и в смертную минуту я буду повторять любимой имя!..»

За стеной слышны звуки борьбы, крик.

Не дрожи, милая... Все будет хорошо... Твой Ганс с тобой!.. «Моя любовь, мой стон, мое дыханье — все для тебя, все только для тебя...»

Каталина *(достает из тайника деньги)*. Вот! Возьми, любимый! *(Падает без чувств.)*

Вбегает окровавленный Напарник.

Напарник *(всхлипывая)*. Она меня ножом... Сука!

Рыбник *(склонился над Каталиной)*. Прости меня, голубка!.. Прости!.. *(С ненавистью оглянулся.)* Святое семейство! Сколько зла от их добродетели!..

Напарник. Бежим отсюда... Кто-то идет!.. Да плюнь ты на эту старуху!

Рыбник. Молчи, мерзавец! Я прощаюсь с женой... *(Целует Каталину, убегает вместе с Напарником.)*

Вбегает Неле, платье на ней порвано, лицо исцарапано. Склоняется над Каталиной. За сценой крики: «Стой! Держи их!..» Врываются возбужденные Тиль и Ламме.

Злая песня

Каталина *(приходя в себя)*. Ганс, любимый!.. Где ты?

Тиль *(свирепо)*. Кто здесь был? Я спрашиваю...

Неле. Не знаю.

Тиль. Не знаешь?

Неле. Не знаю... Двое в черном... Один ворвался ко мне в спальню...

Тиль. Не знаешь! *(Подходит, дает ей пощечину.)* Прикрой груди, невеста!

Каталина. Не бей ее! Это я отдала деньги Гансу!

Тиль бросается к тайнику.

Ганс заплатил выкуп дьяволу, и я буду молодой...

Тиль (*отрешенно*). Нас обокрали, отец! (*Надвигается на Каталину.*)

Ламме преграждает ему путь.

Ламме. погоди! Надо разобраться!

Тиль. Отец сгорел — не сказал... Мать пытали! И вот эта старая шлюха со своей дочкой...

Неле (*подошла к Тилью, отвесила ему пощечину*). Давай, Тиль! Ори! Бей! Воюй! С бабами у тебя это хорошо получается!..

Ламме. Успокойся, друг... Так нельзя!

Тиль (*Ламме*). Ты молчи! Твое дело — жрать гусей и растить брюхо! Где жена твоя?.. Уже не тоскуешь? Успокоился? Еще бы!.. Она, поди, вышла за эскадрон испанских кавалеристов. Пусть возьмет Неле в подружки, вдвоем веселее!..

Ламме. Вот ты каким стал?

Тиль. Не стал. Сделали!.. Сорок дней я тащу этот дом на себе, как улитка... Сорок дней меня бьют по башке словами... Вон, поминки уже устраиваем. Пирогов напекли!.. «Приходите, добрые люди, выпьем-закусим за упокой души угольщика! А сынок вам песенку споет!.. Шутку сшутит! Он теперь хозяин. Как медведь сидит в берлоге, зиму перезимовывает!» Черта с два! Все равно собаки по запаху нашли!.. Пусто в доме! Молодец, Каталина, прокутила денежки... Урок мне дала!.. Так мне и надо!.. Если Бог создал тебя овцой, нечего обижаться, что стригут. Только я еще подожду бляеть. У меня хватит сил взять мир за глотку и трахнуть, чтоб легче дышалось... Пепел Клааса снова стучит в мое сердце! Он горячий, обжигает кожу!.. Время сейчас горячее, как пепел отца!.. И не будет мне покоя, пока дымятся костры, и не будет у нас счастья, пока в садах на каждой яблоне, на каждой ветке не вырастет по испанцу... В путь, Ламме! Нас ждут...

Ламме. Пошли, друг!

Тиль. Прощай, Неле!.. Не поминай лихом!.. Господь сделал меня мужчиной, но не мужем, а женщинам дал юбки не для того, чтоб нам там прятаться!..

Ламме. Верно, Тиль! Стыдно нам с бабами воевать...
 Тиль (*вдруг грустно*). Дурак! С бабами-то труднее всего... С испанцами легче...

ЗЛАЯ ПЕСНЯ ТИЛЯ

Что за сладостный край, где всего через край,
 Где полно и жратвы, и питья!
 Так что, черт побери, знай живи, пей да жри.
 И да здравствует Фландрия!

На зеленых дубах, на дубовых столбах
 Круглый год в этом щедром краю
 Вырастают плоды с языком до пупа —
 Даровая жратва воронью.

И хоть в этой стране древесина в цене,
 Всюду весело пышет огонь:
 Жжем живьем вместо дров и сироток, и вдов —
 И тепло, и приятная вонь.

И тепло, и приятно, и весело знать,
 Что всегда можно руки согреть.
 Волоки на костер хоть родимую мать —
 Ты получишь законную треть.

И не бойся потом перед Божьим судом,
 Отыщи и представь короля:
 «О Господь! Это он меня сделал скотом,
 Это он виноват, а не я!»
 И да здравствует Фландрия!

Гезы

С громкой солдатской песней маршируют по сцене гезы — лесные разбойники, армия принца Оранского. К ним пристроились Тиль с Ламме: у Тили вместо шпаги — метла. Командует отрядом Бригадир.
 Здесь же — немецкий офицер-наемник Ризенкрафт.

Бригадир. Отряд, смирно! (*Подходит к Ризенкрафту.*) Господин Ризенкрафт, отряд гезов на учение построен.

Ризенкрафт (*презрительно оглядев гезов*). Это не есть отряд, это есть толпа! (*Идет вдоль строя.*) Швах! Зер швах! (*Останавливается возле Ламме.*) Это что есть?

Бригадир. Новобранец, господин Ризенкрафт. Сегодня утром пришли!

Ризенкрафт (*Ламме*). О майн готт, какой пузо!.. На войне нельзя такой пузо!

Ламме. Извиняюсь, господин офицер, оно у меня еще с мирного времени!

Ризенкрафт. Молчать! Ложись!

Ламме. Зачем?

Ризенкрафт. Лечь!

Ламме ложится.

Встать! Ауфштейн!

Ламме. Вы же велели лечь?

Ризенкрафт. Встать!

Ламме встает.

Лечь!

Ламме ложится.

Встать!

Ламме (*задыхаясь*). Нет, так не пойдет, господин офицер! Вы уж выберите что-то одно: либо лежать, либо стоять...

Ризенкрафт. Молчать, болван! (*Всем*.) Вы — свиньи! Грязные, вонючие фламандцы!

Тиль. А ну полегче, господин офицер! А то мы и вас понюхаем.

Ризенкрафт. Что такой? (*Указывает на метлу*.) Что это есть?!

Тиль. Моя шпага!

Ризенкрафт. Шпага?! Ты есть смеяться?! (*Выхватывает свою шпагу*.) Тогда защищайся!.. Я тебе сделаю дырка!

Тиль (*отступая*). Это ни к чему, господин офицер. У меня их хватает!

Ризенкрафт бросается на Тиль, тот отбивается метлой.

Ламме. Что же это, братцы?.. Он же его убьет! Так нельзя... (*Бросается к дерущимся*.)

Гезы удерживают его.

Бригадир. Не лезь! Твой дружок сам виноват...

Ламме. Да я за офицера беспокоюсь.

Тиль сбивает с ног Ризенкрафта, тычет ему метлой в нос.

Тиль. Не угодно ли пообедать свежим веником, господин Ризенкрафт?!

Появляется принц Оранский.

Оранский. Прекратить! Что здесь происходит?!

Тиль (*отпустив Ризенкрафта*). Извините, ваше высочество. У нас тактические занятия...

Ризенкрафт (*поднимаясь*). Я отказываюсь командовать эта банда!

Оранский. Вы за это получаете деньги, Ризенкрафт!

Ризенкрафт. Я отказывайся деньги... Я не могу управлять стадо. Я не пастух — я германский офицер! (*Уходит.*)

Оранский (*Тилью*). Твое имя?

Тиль. Тиль Уленшпигель, ваше высочество!

Оранский. Шут?

Тиль. Так точно!..

Оранский. Надо знать место шуткам! Ты совершил тяжкое преступление и будешь наказан по военным законам. (*Бригадиру.*) Расстрелять!

Тиль. Ваше высочество, он первым начал... Он сказал: «вонючие фламандцы»...

Оранский (*не слушая его*). На прицел, солдаты!

Солдаты поднимают ружья.

Тиль. Он сказал: «Грязные, вонючие фламандцы»...

Оранский (*Тилью*). Ты обязан был стерпеть!

Тиль. Я бы стерпел, ваше высочество, но я подумал: а вдруг он имеет в виду вас?!

Оранский. Солдаты! Пли!!

Солдаты шелкают курками.

В чем дело?

Бригадир. У нас кончились патроны... Еще вчера во время боя...

Оранский. Взять в арсенале!

Бригадир. Арсенал закрыт.

Оранский. Где комендант?

Бригадир. Убит, ваше высочество!

Оранский. Назначить нового!

Бригадир. Новый назначен!

Оранский. Где же он?

Бригадир. Ушел хоронить старого!..

Оранский. Привести немедленно!

Бригадир. Теперь уж только «принести», ваше высочество. Он на поминках выпил!

Оранский *(в бешенстве)*. Взломать арсенал!!!

Бригадир. Слушаюсь! *(Гезам.)* Отряд, направо, шагом марш! *(Уводит гезов.)*

Тиль остается.

Оранский. Позор! Это не армия! Сборище бестолковых деревенских мужиков!.. Против нас — регулярные войска. Обученные, хорошо оснащенные. А у нас одно ружье на троих, да и то не заряжено!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а вы, вместо того чтобы научиться у них военному искусству, бьете их вениками по лицу! Позор!

Тиль. Я готов принести ему свои извинения!

Оранский. Молчать! Через пять минут тебя расстреляют.

Тиль. Тогда я не должен молчать. У меня важное сообщение, ваше высочество: в эту среду испанцы начнут наступление.

Оранский. Откуда тебе это известно?

Тиль. Я пробирался к вам две недели по территории, занятой неприятелем... Филипп стянул сюда, к реке Масас, много войск, а обозы с провиантом застряли в тылу возле Брюгге... Чтобы отвлечь солдат от голода, король начнет наступление в среду.

Оранский. Но почему именно в среду?

Тиль. По четвергам офицерам платят жалованье. Филипп скуп! Он пошлет их в бой в среду, чтобы сэкономить на погибших.

Оранский. Тогда почему не в понедельник или не во вторник?

Тиль. Испанцы — набожные люди, ваше высочество. Они не любят воевать в праздники. А в понедельник — день святого Антония, во вторник — святого Марка, в

четверг — святого Луки!.. Свободной остается только среда...

Оранский. Резонно!.. А сколько примерно солдат у Филиппа?

Тиль. Шесть тысяч двести сорок шесть человек, ваше высочество!

Оранский. Ты их считал?

Тиль. Никак нет! Вычислил... В расположение испанских войск прибыло несколько притонов с девицами. Я пересчитал девиц, помножил на норму, сделал поправку на темперамент и получил искомое число!..

Оранский. Молодец!.. Может, ты знаешь и количество пушек?

Тиль. Так точно! Тридцать три! Причем пять орудий было неисправных, но я их починил.

Оранский. Зачем?

Тиль. Теперь они будут стрелять в обратную сторону!..

Оранский. Bravo!.. Ты отличный воин, Тиль... Но ты плохой солдат! Ты нарушил дисциплину и, к сожалению, должен быть наказан...

Тиль. Я готов умереть, ваше высочество! Тем более что испанцы назначили за мою голову двести флоринов, вы сможете их получить и заплатить жалованье Ризенкрафту..

Оранский. Наглец! Ты забываешься!.. *(Спокойно.)* Я все понял, Уленшпигель, ты опасный человек! Где бы ты ни находился, ты несешь с собой смуту и разрушение, поэтому для нас лучше, когда ты в армии врага!

Появляются гезы и Бригадир.

Бригадир. Ружья заряжены!

Оранский. Отлично. Солдаты, Уленшпигель нарушил дисциплину и должен быть наказан, но он совершил подвиг и должен быть награжден. Объединив все это, я пришел к решению назначить Уленшпигеля комендантом города Бриля!

Тиль. Ваше высочество, но там сейчас испанцы!

Оранский. Это меня не касается... Приступай к исполнению своих обязанностей!

Тиль. Снова в тыл?.. Нет. На кой черт я пробивался к вам две недели, чтобы тут же тащиться обратно?..

Оранский. Опять неповиновение?! Солдаты! Поднять ружья!

Тиль. Хорошо. Согласен.

Оранский. Выше ружья... Еще выше! Салют в честь коменданта Бриля! Пли!..

Крепость генерала

Город Бриль. Замок командующего береговой охраной генерала де Люмеса. В зале — жена генерала Анна, миловидная брюнетка. Вбегает Генерал, он в халате, ночном колпаке, очень взволнован.

Анна. Что случилось, генерал?

Генерал. Король! Его величество... *(Бежит по зале.)*

Черт побери, где мой мундир?

Анна. Я отдала его слугам вычистить!

Генерал. Пусть принесут немедленно! Король! Сам король объезжает гавань Бриля! Сейчас он направляется к нам!.. Господи, где же шпага?.. *(Взглянув в окно.)* Он идет. А я в таком виде... Анна! Что будет?! Мерзавцы! Меня же никто не предупредил...

Анна. Возьмите себя в руки! Я сейчас пришлю слугу... *(Уходит.)*

Открывается дверь, быстро входит Филипп. Он явно рассержен.

Генерал. Ваше величество... *(Склоняется в почтительном поклоне.)*

Филипп. Вы кто?!

Генерал. Начальник береговой охраны генерал де Люмес.

Филипп. Генерал?! А я думал — ключник!.. Или провизор.

Генерал. Ваше величество, мне не сообщили... Я был не готов...

Филипп. А гезы вам тоже будут сообщать о нападении?! Позор! Идет война! Против нас — хорошо оснащенная армия, а командующий спит после обеда!..

Появляется Слуга с мундиром.

Оденьтесь. На вас стыдно смотреть!..

Генерал поспешно одевается. Его мундир увешан орденами и крестами.

Много железа на груди, генерал! Придется половину снять, чтоб было легче стоять перед королем!.. Старый осел! Во что вы превратили береговую охрану?! Я проплыл всю гавань — и ни одной пушки, ни одной мортиры!.. Ни одной крепости на горизонте!

Генерал. Я счастлив, ваше величество!

Филипп. Что?!

Генерал. Счастлив, ваше величество! Если даже ваш зоркий глаз не заметил береговых орудий, значит, они надежно укрыты... Собогазоволите подойти к карте, ваше величество... *(Расстилает карту.)* Вот секретная схема береговой охраны... Практически простреливается каждый дюйм гавани... Даже здесь, на каждом островке, стоят пушки, но все тщательно укрыто... Если Оранский пошлет шпионов, они ничего не увидят, кроме камней и прибрежного песка...

Филипп *(смячившись)*. Ну что ж, это меняет дело...

Генерал. Эти укрытия мы строили целый год, ваше величество. Гавань превращена в западню. Когда корабли гезов посмеют приблизиться к Брилю, мы их подпустим к самому берегу, а потом расстреляем с четырех сторон!

Филипп. Недурно!.. И все-таки, генерал, вы должны понять мой гнев: когда король инспектирует войска, командующий должен встречать его как положено!

Генерал. Абсолютно верно, ваше величество!.. Но если я сумел неплохо скрыть пушки, то вы еще более умело засекретили свой приезд!..

Филипп. Хорошо! Будем считать, что мы обменялись комплиментами... Прикажите подать вина!.. Я устал!

Генерал. Слушаюсь. *(Хлопает в ладоши.)*

Появляются слуги с подносами. Вместе с ними входит Анна; она в элегантном военном костюме, при шпаге, на груди — боевой крест.

Анна *(отвесив поклон)*. Я счастлива видеть вас, ваше величество!

Филипп. Боже, какая прелесть! *(Генералу.)* Ваша дочь?

Генерал. Супруга, ваше величество!

Филипп. Жалы!.. Все равно — прелестная амазонка!.. *(Указывает на крест.)* Это украшение?

Анна. Это боевой крест, ваше величество!

Генерал. Она его заслужила... Два месяца назад на нашу карету напали гезы, и Анна собственноручно пристрелила двоих!

Филипп. Bravo. Поздравляю вас, сударыня! (*Кладет руку на крест.*) Носите его с гордостью! Вы его заслужили... Женщины, служащие королю, — те же солдаты!

Анна. Так точно, ваше величество!

Филипп (*не убирая руки с ее груди*). Желаю вам новых подвигов! Пусть здесь... здесь... засверкают новые награды! (*Генералу.*) Прелестная дочь у вас, генерал!

Генерал. Супруга, ваше величество!

Филипп (*нехотя убирая руку*). Я помню... Налейте вина!

Слуги наливают бокалы.

За вас, генерал, за вас, сударыня, за королевство!

Все выпивают. Появляется Солдат, подходит к Генералу, что-то шепчет ему на ухо.

Генерал (*Солдату*). Потом займусь!

Филипп. В чем дело?

Генерал. Привели перебежчика из армии гезов, ваше величество.

Филипп. Надо срочно допросить! Ступайте, генерал!

Генерал. Могу ли я менять общество вашей особы...

Филипп (*перебивая*). Дело прежде всего! Ступайте, генерал, а я пока поболтаю здесь с вашей очаровательной дочерью.

Генерал (*жалобно*). Супругой...

Филипп. Ну-ну, не будем спорить... Ступайте!

Генерал уходит, Филипп пододвигает к себе второе кресло.

Садитесь!

Анна. Считаю за честь стоять перед своим королем!

Филипп. Ну, будет, будет... А то вы вправду заставите меня поверить, что вы солдат... Садитесь! (*Усаживает ее, кладет руку на плечо.*) Господи, что с нами со всеми делает эта война! Даже хорошенькие женщины должны жертвовать собой, совершать ратные подвиги...

Анна. Ну, это выглядело все не так героически, ваше величество.

Филипп. Да я не про то... Я про ваше замужество! Выйти за такого облезлого старика... Вот подвиг! У него же, наверно, руки трясутся... *(Обнимает ее.)*

Анна *(отстраняется)*. Не надо, ваше величество!

Филипп *(раздосадованно)*. Ну вот... «Не надо»!.. Чуть что — сразу «не надо»!.. *(Снова обнимает.)* Ну что ты боишься, глупенькая?.. Ведь ты же смелая... Расскажи, как ты пристрелила двух разбойников, а?

Анна. У меня не было выхода, ваше величество, они пытались меня обнять!

Филипп *(отпрянув)*. Дерзкая. Ты перечишь королю!

Анна. Простите меня, ваше величество, я верная слуга, я люблю своего короля...

Филипп. Так в чем же дело?

Анна. ...и королеву Марию!

Филипп *(зло)*. Чудовище! Я ее ненавижу!.. Холодная жаба!.. *(Жалобно.)* Я несчастен в супружеской жизни, Анна... У меня нет к ней чувств. Ну пожалей же меня... Я приказываю! *(Снова обнял ее.)* Ты обязана выполнять желания короля! Ты — солдат! Смирно!!

Вбежал Генерал.

Генерал. Ваше величество!

Филипп *(сердито)*. Зачем вы вбежали?

Генерал. Перебежчик сообщил очень важные сведения! Я подумал...

Филипп *(недовольно)*. Не вовремя подумали, генерал! *(Успокоившись.)* Ладно! Ведите перебежчика... *(Садится в кресло.)*

Солдаты вводят Рыбника.

Рыбник *(поклонившись королю)*. Ваше высочество...

Генерал *(поправляя)*. ...«Ваше величество»... Перед тобой — король Испании.

Рыбник *(упав на колени)*. Простите, ваше величество... Не узнал. Я видел ваше лицо только на деньгах, и то в профиль...

Филипп. Кто ты?

Рыбник. Торговец. Рыбник Иост Грейпстюнер из города Дамме.

Филипп. Фламандец?

Рыбник. К сожалению.

Филипп. Нехорошо стыдиться своей нации...

Рыбник. Моя нация погрязла в ереси и братоубийственных войнах... Мы плодим разбойников и бродяг. Могли я после этого гордиться своим происхождением?

Филипп. Ну, ну... Не буду настаивать. Так с какими известиями ты пришел к нам, рыбник?

Рыбник. Я пришел из расположения войск Оранского. Три дня назад корабли гезов подняли паруса и двинулись в устье Мааса, Шельды и Зейдер-Зее. Они идут в море, ваше величество. Через несколько дней будут штурмовать Бриль.

Филипп. Этого надо было ожидать... Что еще?

Рыбник. Второе известие может показаться незначительным, но, уверяю вас, оно не менее важно, чем первое: в Бриль послан некий Тиль Уленшпигель...

Филипп. Шут?

Рыбник. Это очень опасный человек, ваше величество....

Филипп. Я и говорю: шут!

Рыбник. Не исключено, что Оранский поручил ему подготовить встречу кораблей.

Филипп (*Генералу*). Уленшпигеля поймать и казнить!

Рыбник. Ваше величество, прошу поручить это мне.

Филипп (*недовольно*). Откуда такое рвение?

Рыбник. Он хитер и неуловим. Я же знаю его в лицо... Кроме того, у меня с ним свои счета...

Филипп. А почему я должен тебе верить?! Может, ты вообще с ним заодно? Где доказательства?

Рыбник. Я убежденный католик, ваше величество. Это может подтвердить его преосвященство инквизитор. Я донес на отца Тиля, и его сожгли. Это подтвердит любой человек в Дамме. Семья Тиля скрыла деньги во время обыска, но я проник в дом и забрал их... (*Лезет за пазуху, достает набитый кошелек.*) Эта половина принадлежит королю, я принес ее вам! Меня пытались убить, я изгнан и проклят!.. Все! Других доказательств у меня нет

Филипп. Этого достаточно... Хорошо! Поручаю тебе организовать арест Уленшпигеля!.. Возьми солдат, шпионов, осведомителей... Ну, ты лучше знаешь! Иди!

Рыбник. Благодарю вас, ваше величество.

Филипп *(отшвырнул ногой кошелек)*. Деньги возьми себе.

Рыбник. Нет-нет, ваше величество... Это ваша часть!

Филипп *(вдруг сорвался на крик)*. Прекратить торг!.. Здесь не базар! Пошел вон!!!

Рыбник поднимает кошелек, уходит.

Черт знает с кем приходится якшаться в этой войне!.. Враги — оборванцы, друзья — подонки!.. Что за нация? Действительно, их надо всех выжечь... Всех! Как это ни жестоко, но всех! Даже детей! Ибо если во Фландрии останется хоть один мальчик и одна девочка, то все начнется сначала... *(Анне.)* Не так ли, сударыня?!

Анна. Мне трудно судить, ваше величество, — я фламандка!

Филипп. Ах так?.. Вот откуда в вас эта нордическая жестокость, эта северная неприступность?.. Поздравляю вас, генерал! У вас засекречены не только пушки, но и супруга.

Генерал. Анна — истинная католичка, ваше величество! Душой она принадлежит Испании!

Филипп. Душой — Испании, а телом — вам... *(Хохотнул, но сразу осекся.)* Шутки у меня, однако... Совсем осолдафонился в этих походах... Прощайте! *(Уходит, сопровождаясь Генералом.)*

Оставшись одна, Анна выхватывает шпагу и несколько раз с ненавистью рубит воздух, потом неожиданно всхлипывает и садится на скамью. Все это наблюдает Тиль, появившийся в окне.

Тиль. Bravo, сударыня! Так их...

Анна. Кто вы?

Тиль. Прохожий.

Анна. Что вам надо?

Тиль. Я ищу противоположную сторону улицы... Не скажете, где это?

Анна *(показывает)*. Там.

Тиль. Странно. Я был там, мне сказали, что здесь... *(Влезает в окно.)*

Анна *(выхватив пистолет)*. Ни с места!

Тиль. Осторожней, сударыня! Вы можете попасть в сердце, а оно принадлежит вам!

Анна. Считаю до трех: если вы не скажете, кто вы...

Тиль (*перебивая*). Влюбленный! Обыкновенный влюбленный — неужели это сразу не понятно? Вторую неделю я хожу за вами по городу, бегу за вашей каретой, брожу под вашим балконом. Почему вы не замечаете меня? Почему не отвечаете на мои письма?

Анна. Я не получала никаких писем!

Тиль. Неужели они не дошли? Странно... Я указал на конверте адрес: «Самой красивой женщине Бриля»... Наверное, это ошибка. Надо было писать: «Самой прекрасной женщине Фландрии»...

Анна. Не думайте, что я поддамся этой грубой лести!

Тиль. А вы попробуйте, сударыня. Это так приятно. Мы стали недоверчивы к словам друг друга и забываем, что некоторые из них — правда!.. Разве вы не допускаете, что из-за вас кто-то может потерять голову?.. Разве вы не достойны истинной любви?

Анна. Я этого не говорила. Но чем вы докажете, что вы тот, за кого себя выдаете?

Тиль. Да чем угодно! (*Шагнул к ней.*)

Анна. Ни с места! Доказывайте без рук!..

Тиль. Хорошо... Попробуем, хотя вы меня лишаете очень веского аргумента... Я влюбился в вас с первого взгляда. Увидел на улице — и остоленел...

Анна. С вами это часто бывает?

Тиль. Часто, сударыня. Но это не значит, что я ветреная натура. Правильней сказать — ищущая!.. Человек должен влюбляться много раз, чтоб полюбить всего одну женщину..

Анна (*с иронией*). И эта женщина — я?.. Господи, почему я слушаю весь этот бред? Почему не пристрелю вас или не выгоню?

Тиль. Потому что вам этого не хочется... Вам хочется, чтоб я остался и говорил... Можно бороться с этим желанием, но глупо... Мы проводим всю жизнь в борьбе... Боремся с врагами, боремся со стихией, — надо хоть с собой жить в мире...

Анна. Что вы хотите от меня?

Тиль. Что может хотеть влюбленный от любимой?.. Ничего. Только быть рядом, только видеть лицо, слышать голос... (*Садится рядом.*) Вот так... Говори, милая, говори...

Анна. Что?

Тиль. Ты забыла?.. Не может быть!.. Каждую ночь ты повторяешь эти слова... «Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...»

Анна (*голосом Неле*). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Тиль. «Мои глаза устали смотреть на дорогу...»

Анна. Мои глаза устали смотреть на дорогу..

Тиль. «Мое сердце сжалось в комочек...»

Анна. Мое сердце сжалось в комочек...

Тиль. «Когда ты придешь к своей Неле?»

Анна. Меня зовут Анной.

Тиль. Не спорь, милая, я лучше знаю...

Пауза.

Анна. Уже уходишь?

Тиль. Да. Мне пора. Светает...

Анна. Побудь еще немного...

Тиль. Не могу..

Анна. Ты вернешься?

Тиль. Нет. Не сердись.

Анна. Я это знала. Все равно я буду тебя ждать...

Тиль. Прощай...

Анна. Возьми карту. Ты ведь за ней приходил, Уленшпигель?

Тиль. Да... Наверное... Теперь уже не знаю. (*Берет карту.*) Все равно, все, что я говорил, — правда!

Анна. Конечно, милый... Иди!

Тиль уходит. Анна, задумавшись, сидит в кресле. Вбегает Рыбник.

Рыбник. Это Тиль. Я видел, как он перескочил через ограду. Он был здесь? (*Анне.*) Сударыня, я вас спрашиваю: он был здесь или нет?

Анна. Это и я хотела бы знать... (*Уходит.*)

Рыбник (*выйдя на авансцену*).

Итак, беглец бежал! Преследователь следом помчаться должен по его следам,
чтобы догнать!

А может, лишь затем,
чтоб просто поменяться с ним ролями
и самому стать беглецом...

(Поморщился.) Плохие стихи, Иост! «Преследователь следом... по следам»... Чушь какая-то! Бог не дал тебе поэтического дара... (Поднял глаза к небу.) Ты вообще не щедр ко мне, Господь... Ты обделил меня талантом. И наделил разумом: я все понимаю и ничего не умею. Это несправедливо. Я служу Тебе верой и правдой, предаю огню твоих врагов, а Ты равнодушен к моим стараниям... Я устал, Боже! Не позволяй меня оскорблять! Никому! Даже королю! Я отдал Тебе все: дом, родину, друзей!.. Я прошу что-то взамен!.. Хоть одну улыбку.. Иначе я не выдержу! Силы мои на исходе, и, если Ты проклял меня, я отвечу Тебе проклятьем! Будь проклят, Боже! (Упал на колени.) Прости меня, Боже, прости... Я сам не понимаю, что говорю... Не оставляй меня, Боже, прости... Не оставляй меня! Одиночества я не перенесу.. (Тихо молится.)

Затемнение

Форт

Один из фортов гавани города Бриля.

На сцене — несколько испанских солдат и Капрал. Быстро входит офицер-наемник Ризенкрафт.

Капрал. Отряд, смирно! (Подходит к Ризенкрафту.) Господин Ризенкрафт, караульный отряд форпоста испанских войск на учение построен!

Ризенкрафт (недовольно оглядев строй). Швах! Зер швах! Это не есть отряд, это есть толпа...

Капрал. Так точно, господин офицер!

Появляется Тиль, оң одет в форму солдата испанской армии.

Тиль. Господин капрал, разрешите встать в строй?!

Ризенкрафт (увидев Тиль). Это кто есть?

Капрал. Новенький, господин офицер! Сегодня утром назначен к нам в караул...

Ризенкрафт. Новенький... О майн готт! Это же... это...

Тиль (перебивая). Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Ризенкрафт. Я хочу им сказать, что ты служил гезам!

Тиль. И вы служили гезам, не так ли?

Ризенкрафт (испуганно). Это была ошибка. Я изменят гезам...

Тиль. И я изменяйт гезам...

Ризенкрафт. Я теперь служу Испании...

Тиль. И я...

Ризенкрафт. Ты врешь!

Тиль. И ты врешь! *(Зло.)* Кончим этот базар, господин Ризенкрафт! Для нас обоих лучше помолчать... Иначе расстреляют, причем вас — раньше!.. Гут?

Ризенкрафт. Гут! Встать в строй...

Тиль встает в строй.

Отряд, начинайт учение! На месте шагом марш! Раз-два, раз-два...

Тиль. Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Капрал. Обращайтесь!

Тиль. Господин офицер, можно вас еще на минуточку? *(Берет Ризенкрафта под руку, отводит в сторону.)* Господин Ризенкрафт, меня это топтание на месте не устраивает.

Ризенкрафт. Что такой?!

Тиль. Нужно, чтоб вы увели солдат куда-нибудь подалее. Мне необходимо остаться здесь одному... Срочно!

Ризенкрафт *(возмущенно)*. Ты мне приказывает?!

Тиль. Да! Если вам дорога ваша жизнь... Раз уж служите и нашим и вашим, то по крайней мере отработывайте свои деньги... *(Крикнул.)* Выполнять!

Ризенкрафт *(целкнул каблуками)*. Яволь! *(Солдатам.)* Отряд, направо! Бегом шагом марш!

Капрал. Господин офицер, мы не имеем права оставлять форт.

Ризенкрафт. Не рассуждайт.

Капрал. Господин офицер, это рубеж береговой охраны. Здесь...

Ризенкрафт *(перебивая)*. Молчать! Вы — грязные вонючие испанцы... *(Тилью.)* Ты будешь охранять форпост! *(Солдатам.)* Вперед!

Отряд уходит.

О, это не есть война, это есть сумасшедший дом! *(Уходит.)*

Тиль встает на посту. Быстро входит Генерал де Люмес.

Генерал. Часовой!

Тиль. Я!

Генерал. Почему стоишь как пень? Почему не спрашиваешь пароль?

Тиль. Я вас и так узнал, ваше высочество!

Генерал. Все равно, ты обязан у каждого спрашивать пароль.

Тиль. Слушаюсь! *(Поднял ружье.)* Пароль?

Генерал *(замешкался)*. Ну вот... Теперь я его забыл... Ладно, опусти ружье! Здесь не было посторонних?

Тиль. Кроме вас — никого!

Генерал. Я не посторонний, болван!

Тиль. Так точно. Вы — свой!

Генерал. Без тебя знаю... Где отряд?

Тиль. Ушел на строевые занятия.

Генерал. Ушел?... Да они в своем уме?!

Тиль. Не могу знать! Господин Ризенкрафт увел их маршем вдоль берега.

Генерал. В такое время?... Идиоты!.. Здесь передовая линия обороны, здесь подступ к Брилю... Черт знает что!.. Деревенские мужики!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а они занимаются муштрой в самый напряженный момент!.. Каждую минуту может начаться наступление... *(Взгляделся в даль.)* Что это там?

Тиль. Не могу знать!

Генерал. Там мелькнули тени... Это может быть авангард гезов!

Тиль. Сейчас проверим! *(Кричит.)* Эй, гезы! Это вы?.. Отзовись! Ау!

Генерал. Что ты орешь, идиот!.. Ну вот... Они скрылись.

Тиль. Стало быть, не гезы, ваше высочество. Иначе б они отозвались.

Генерал. Дурак! Откуда только в моей армии такие солдаты? Я тебя спрашиваю: ты откуда, кретин?

Тиль. Из Барселоны.

Генерал *(вдруг подобрел)*. Ох черт, и я из Барселоны! Давно оттуда?

Тиль. Всего неделю, ваше высочество!

Генерал. Ну что там? Как?

Тиль. Там сейчас весна!

Генерал. Без тебя знаю! Раз здесь весна, значит, и там весна.

Тиль. Никак нет! Там другая весна!.. Каштаны цветут... Клубника первая пошла...

Генерал. Клубника?.. *(Печально вздохнул.)* Ах, Барселона, Барселона... Сколько лет я уж там не был, господи!.. Ну, расскажи, парень, что там?.. Как идет жизнь?

Тиль *(несколько растерян)*. Да так, ваше высочество, все по-старому... Барселонцы гуляют... с барселонками... Дети бегают... барселончики...

Генерал *(мечтательно)*. Да, да!.. А над памятником святого Франциска летают голуби...

Тиль. Летают, ваше высочество!.. А иногда даже садятся...

Генерал. Так, так... *(Вздохнул)* А здесь все война, война... И нет ей конца. Какого черта нас занесло в эту северную страну, солдат?

Тиль. Не могу знать!

Генерал *(печально)*. И я... *(Стал сразу строгим.)* Отставить разговоры! Ты охраняешь самый передовой рубеж нашей обороны! Здесь вход в гавань. Будь начеку!

Тиль. Так точно! Буду!

Генерал *(грустно)*. Так, говоришь, клубника уже пошла?

Тиль. Полным ходом, ваше высочество!

Генерал. Ну, ну... Береги себя, дурачок! *(Уходит.)*

Тиль задумчиво смотрит ему вслед. Появляются несколько гезов. Один из них подкрадывается к Тиллю, замахивается дубинкой.

Тиль *(не оборачиваясь)*. Осторожней, друг! Проломишь голову, а потом будешь отвечать!

Гез. Тиль! Ребята, это Тиль!.. *(Кричит.)* Ваше высочество, здесь Уленшпигель!

Быстро входит Оранский.

Тиль. Ваше высочество, комендант Бриля встречает вас на подступах к городу!

Оранский. Я представляю тебя к награде!

Тиль. Спасибо! Несколько бочек вина мне не повредят... *(Достаёт карту.)* Это карта береговой охраны, ваше высочество. Она поможет вам провести корабли в гавань...

Оранский. Ты их поведешь!

Тиль. Нет. Я вынужден вернуться в город... Мне надо найти Ламме!

Оранский. Черт с ним, с Ламме!

Тиль. Он мой друг!

Оранский. Глупо рисковать собой накануне победы...

Тиль. Глупо!.. Но он мой друг!

Один из гезов. Где ты его будешь искать ночью?.. Он, поди, пьет сейчас в каком-нибудь притоне...

Тиль. Ради друга я готов пойти даже туда...

Затемнение

Притон

Заведение старухи Стивен. Несколько девушек с серебряными кружками на левом рукаве — знак их недостойного ремесла — поют песенку.

ПЕСНЯ ДЕВИЦ

Ах, для чего на рассвете
Есть на цветочках роса?
Ах, для чего нежной деве
Слезы туманят глаза?

Припев:

Стынет напрасно жаркая кровь,
Ах, для чего есть на свете любовь?

Пчелка росу собирает,
Милый целует в уста,
Пчелка к цветочку вернется,
Милый ко мне — никогда!

Припев:

Стынет напрасно жаркая кровь,
Ах, для чего есть на свете любовь?

Входят Рыбник и Стивен.

Рыбник. Приветствую вас, дочери Евы, служанки Амура, искусительницы рода человеческого!

Стивен (обращаясь к девицам и как бы переводя слова Рыбника на понятный им язык). Господин говорит: «Здорово, девочки!»

Рыбник. Король и святая инквизиция поручают вам важное и ответственное задание...

Стивен. «Будет работа»...

Рыбник. В городе появился опасный преступник, гез Тиль Уленшпигель.

Стивен. «Клиент»!

Рыбник. Он высок ростом...

Стивен. «Фитиль».

Рыбник. Черноволос и привлекателен внешне.

Стивен. «Брюнет-симпомпончик»...

Рыбник. Его необходимо найти...

Стивен. «Надыбать»...

Рыбник. Обольстить...

Стивен. «Приклеить»...

Рыбник. Заманить сюда!

Стивен. «Прищемить»...

Рыбник. Остальное доделают мои люди...

Стивен. «Коты»...

Рыбник. Все ясно?

Одна из девиц. Какой навар?

Стивен (*Рыбнику*). Девочки интересуются наградой.

Рыбник. Триста флоринов!

Стивен (*девицам*). Сто монет!

Рыбник. Я же сказал — триста!

Стивен. А я поделила: сто — им, сто — мне, сто — вам.

Рыбник (*печально*). Вот я и сутенер. (*Вновь обратился к небу.*) Где предел, Боже?.. (*Девушкам.*) Итак, за дело! Тащите всех подозрительных... Лучше поймать сто Уленшпигелей, чем пропустить одного! Вперед, дочери сатаны! Бог вам в помощь!..

Девушки расходятся. Рыбник уходит. Появляется монах Корнелиус, он ведет за руку Калликен.

Калликен. Отпустите меня, святой отец. Лучше умереть...

Корнелиус. Это всегда успеешь, дочь моя... Не бойся! (*Стивен.*) Хозяйка, я привел к вам заблудшую овечку.

Стивен. Вижу! (*Критически оглядывает Калликен.*) Что-то последнее время у вас совсем никудышный товар.

Калликен. Я боюсь... Отпустите меня.

Корнелиус. Чтобы попасть в рай, дочь моя, надо пройти все тяготы мира... Эта — последняя... (Стивен.) Почему «никудашный»? Очень даже кудышный...

Стивен. Худа!

Корнелиус. На любителя...

Стивен. Сейчас любят полненьких...

Корнелиус. Мода так переменчива...

Стивен. Ладно. Сто флоринов дам.

Корнелиус. Побойся Бога! Пятьсот!

Стивен. Бога в наши дела путать нечего... Сто двадцать пять!

Корнелиус. Грех! Это цена корове, а не человеку.. Четыреста...

Стивен. С коровой меньше хлопот: ни одевать, ни обувать, ни причесывать... Сто пятьдесят!

Корнелиус. Да ты посмотри на нее... У нее улыбка Мадонны. (Калликен.) Улыбнись, дочь моя...

Калликен (плача). Святой отец, я этого не вынесу..

Корнелиус. А голос? Нежный такой голос...

Стивен. Двести — точка!

Корнелиус. Ну накинь хоть полсотни!.. Она же латынь знает!

Стивен. Это нам без надобности... Двести! Или веди-те ее в монастырь...

Корнелиус (со вздохом). Ладно. Договорились! (Калликен.) Дочь моя, теперь эта женщина — твоя госпожа. Служи ей верно, пройди путь Магдалины — и станешь святой... (Стивен.) Ты не обижай это дитя, Стивен.

Стивен. Хорошо. (Калликен, резко.) А ну, утри слезы, дура! Марш наверх! Переоденься, подмажься... Сейчас гости придут!

Калликен уходит.

Буду любить ее как родную дочь, святой отец!

Корнелиус. Вот и спасибо. Теперь моя душа спокойна... (Уходит.)

Открывается дверь, одна из девиц втаскивает упирающегося Ламме.

Девушка. Ну пойдем, красавчик! Хоть на часок...

Ламме. Оставь меня, пожалуйста! Мне совсем это не нужно...

Деввица. Здесь хорошо, здесь весело... (Стивен.) Хозяйка, уговори гостя остаться!

Стивен (тихо, Деввице). На кой черт ты его привела? Сказано ж было: длинный, тощий, брюнет. А у этого все наоборот!

Деввица (тихо). Похоже, что он из гезов... Он знает Тиля...

Стивен (тихо). Ладно, разберемся. (Ламме.) Не обижай нас, господин. Остайся, повеселись...

Ламме. Не нужно мне это. Я женат!

Стивен. И на здоровье. Я тебя не венчаться зову.. Мои девочки семей не разбивают, это для нас святыня... Семью разбивают честные женщины — они в душу лезут и денег берут больше...

Ламме. Не нужны мне твои девочки! Я люблю только свою жену, и никого больше.

Стивен. Да что ж она за птица, жена твоя?

Ламме. Моя жена чудная... Нежная, стройная, белокурая... Такой второй нет на свете.

Стивен. Подберем!

Ламме. Замолчи, старая блудница!.. Не смей касаться святых вещей!

Стивен. Ну, хоть поесть-то ты у нас можешь?

Ламме. Поужинать можно... Пива выпью... Но больше — ничего!

Стивен. И на том спасибо. Проходи, пожалуйста... (Ведет его за ширму, усаживает за стол.) Вот тут уютно, никто не помешает... А девушку я тебе все-таки пришлю...

Ламме. Я сказал: не надо!

Стивен. Она входит в оплату ужина... Пришлю в твоём вкусе: стройную, белокурую...

Ламме. Мне все равно. Я ее и пальцем не трону!

Стивен. Это как знаешь! У каждого гостя свои причуды...

Стивен вышла из-за ширмы, навстречу ей Калликен. Она уже одета как все девицы заведения.

Новенькая, ступай к гостю! (Тихо.) Постарайся расколоть...

Калликен. Что?

Стивен. Разговори его, поняла? Узнай, кто он, откуда... Не из гезов ли?

Калликен. Я не сумею.

Стивен. Сумеешь!.. Да не дрожи как лист... Гости этого не любят! *(Вталкивает ее за ширму.)*

Ламме *(увидев Калликен)*. Ты?! *(Бросается к ней, осыпает ее поцелуями.)*

Калликен беззвучно плачет.

Стивен прислушивается, с любопытством заглядывает за ширму, видит Ламме и Калликен в объятиях друг друга.

Стивен *(усмехнувшись)*. Ну вот... А говорил: пальцем не трону!.. Все они одинаковы... Поначалу ворчат, а потом не выгонишь...

Вбегает Тиль.

Тиль *(подошел к Ламме, тронул его за плечо)*. Послушай, друг!

Ламме *(обрадованно)*. Ты! Как я рад, что ты пришел!

Тиль. Тихо! Мы в западне!

Ламме. Тиль, я встретил Калликен... Она здесь, жена моя в этом доме!..

Тиль. Нашел чему радоваться!.. Бежим!

Ламме. Она чиста, как прежде... Не смей думать о ней плохо!

Тиль. Я не думаю о ней плохо, я думаю, как не оставить ее вдовой. Очнись наконец!.. Этот притон — ловушка! Забирай Калликен, и бежим отсюда...

Калликен. Они нас не выпустят, Тиль! У выхода стоят солдаты...

Появляется Стивен, подходит к Тиллю.

Стивен. Садитесь, господин. Сейчас вам принесут вина. Вам понравилась эта или позвать другую девушку?

Тиль. Другую. Вернее, других... Зови всех, старуха!

Стивен. Всех? Не надорвешься ли? Я боюсь за твою жизнь!

Тиль. Ничего. Из всех способов самоубийства этот самый приятный. Зови!

Стивен. Как знаешь... *(Кричит.)* Девушки! Идите к гостю. *(Тихо, Калликен.)* Это Уленшпигель! Не спускай с него глаз. Я приведу рыбака... *(Уходит.)*

Появляются девушки, обступают Тиля, скептически оглядывают его, хихикают.

Тиль. Женщины! Поговорим о возвышенных вещах...

Девушки. Фу! Болтун!.. Да это проповедник... А говорил — будет любовь...

Тиль. Любовь будет, но в свое время... Поговорим о душе... У вас есть заветная мечта?

Одна из девиц. Есть.

Тиль. Какая?

Девушка. Выспаться.

Тиль. Это несбыточная мечта! Поговорим о мечтах доступных... Вы бы хотели выйти замуж?

Девушка. Кто нас возьмет? Мы даром никому не нужны, только за деньги...

Тиль. Неправда! Несколько тысяч женихов пробиваются к вам с боями через всю Фландрию. Это гезы! Молодые, лихие, холостые... Они послали меня, чтобы предложить вам руку и сердце...

Одна из девиц. Не верьте ему — это шпион.

Тиль. Дупенькая, я — сват! Я пришел устроить вашу судьбу... Хватит работать на хозяйку! Поживем для себя!

Одна из девиц. Врет он все... Пусть докажет!

Тиль. Эх, женщины, вы совсем одичали в своем заведении и разучились верить людям... Ладно, сейчас вам докажу! *(Указывает на Ламме.)* Вот один из наших лихих парней! Он пришел к вам в заведение, ему приглянулась девушка, и... Ламме, ты готов взять ее в жены?

Ламме. Да!

Тиль *(Калликен)*. Девочка, ты пойдешь замуж за этого красавца?

Калликен. Да!

Тиль. Одна судьба устроена... Кто следующий?

Девушки. Я!.. Я!.. Я!..

Тиль. Не ссорьтесь. Каждой подберем по вкусу.. Непьющих, работающих, блондинов и брюнетов... Только есть еще одно дело. На рассвете ваши женихи пойдут в бой! Мы будем штурмовать Бриль!.. Многие могут сложить головы, если вы не поможете! Девушки, обидно овдоветь до свадьбы!

Девушка. Что нам делать? Говори!

Тиль. Если б каждая из вас заманила на ночь по одному испанскому офицеру из береговой охраны, кораблям гезов было б легче дойти до цели!

Одна из девиц. А что скажут нам наши мужья?

Тиль. Они простят этот последний грех! И потом, любовь с врагом — это не любовь! Это мести!

Девушки. Согласны!

Тиль. Тогда вперед, новобранцы!

Распахиваются двери, вбегают солдаты. Стивен, Рыбник.

Рыбник. Остановись, Тиль! Ты окружен!

Тиль. Опять ты? Эх, жаль, я тогда тебя не прибил, рыбник... *(Вхватил шпагу.)*

Одна из девиц. Тиль, беги к окну! Там есть потайной ход!..

Тиль валит лавки, столы, отбивается от солдат. Девушки помогают ему. Тиль вскакивает на подоконник. В этот момент Рыбник подбегает к Калликен, приставляет ей к горлу нож.

Рыбник. Тиль! Смотри!

Все замерли.

Еще одно движение — и я перережу этой девке горло... Клянусь, я это сделаю! Тиль, хватит спасать себя, спаси чужую душу..

Калликен. Беги, Тиль! Не надо жалеть меня...

Ламме. Не трогайте ее! *(Бросается к Калликен, его хватают солдаты.)*

Рыбник. Я воткну нож, Тиль!

Тиль. Твои условия?

Рыбник. Ты останешься — она уходит.

Тиль. Нет! Я остаюсь — они все свободны!

Рыбник. Согласен!

Ламме. Ни за что! Лучше всем умереть!

Тиль. Всем умирать глупо, Ламме... Десять жизней — столько за меня еще никогда не давали!.. Уходите!.. *(Закричал.)* Уходите, черт бы вас побрал!

Все расходятся. Тиль бросает шпагу.

В атаку, солдаты!

Солдаты хватают его, связывают.

Рыбник. Все, мальчик! Теперь это действительно конец!

Тиль. Тогда почему ты так дрожишь, рыбник?

Затемнение

Ночь перед казнью

Поремная камера, в которую заточен Тиль. Решетка. Полумрак. Тишина.

Тиль (*прошелся по камере, попробовал прутья решетки на прочность, крикнул кому-то в темноту*). Эй! Отзовись! Эй, солдат!

Голос из-за кулис: «Со смертниками запрещено разговаривать».

Тиль. Почему?.. Эй!.. (*Прислушался*.) Молчишь? Зря! Потом захочешь поболтать со мной, ан будет поздно... Ну, не хочешь — не надо... (*Тихо запел*.) «Ой, Тили-тили Тиль — будем петь и веселиться, ой, Тили-тили Тиль...»

Голос из-за кулис: «Петь запрещено!»

Что за черт, все запрещено... А думать можно? Эй, солдат, думать можно?

Голос из-за кулис: «Не знаю».

Ну, сходи у начальства выясни!.. (*Сел, задумался. В его воображении возникает Клаас*.) Здравствуй, отец!

Клаас. Я пришел проводить тебя.

Тиль. Ты хочешь сказать — встретить?

Клаас. Я говорю то, что говорю... Я пришел проститься...

Тиль. Не валяй дурака! Мы скоро свидимся... Иди приготовь мне на небе облачко помягче...

Клаас. Тиль, у меня для тебя плохие новости: там ничего нет!.. Ни рая, ни ада... Ничего! Одно пространство и тишина.

Тиль. Не дури!.. Что-то должно же быть... Ты, поди, не разглядел спяну-то?

Клаас. Я не шучу.. Оказывается, сынок, мы живем только тут, на земле. И при жизни, и после смерти... И я

жил только в твоей памяти. Не станет тебя — не станет и меня... Поэтому давай прощаться!

Тиль. К чему ты клонишь?.. Ты пришел меня проверить: не начну ли я цепляться за жизнь?.. Думал, стану кататься по полу и выть по-собачьи?..

Клаас. Только попробуй!

Тиль. Ах старый плут!.. Неужели ты во мне сомневался? Да я без тебя знаю, что там ничего нет. Если б на том свете было лучше, чем на этом, здесь никого бы не осталось!.. Так что зря волнуешься: я знаю, на что иду!

Клаас. Послушай, Тиль, я пришел не за тем, чтоб сломать твою волю, но... Как тебе это объяснить? Ерунда получается: я сгорел — думал, у тебя жизнь по-иному сложится... А у тебя то же самое! И конца этому не видно... И мы все умираем, умираем... А умирать-то — самое последнее дело...

В воображении Тили возникает король Филипп.

Филипп. Старик прав!

Тиль. Я не звал вас, ваше величество...

Филипп. Но ты подумал обо мне?

Тиль. В такие минуты в голову всегда лезет всякая ерунда!..

Филипп. Да послушай, Тиль, послушай... Не спеши перебивать! Ты идешь на плаху без тени сомнения и наивно полагаешь, что в этом есть какой-то смысл... А вдруг смысл — только в твоей дальнейшей жизни?.. Ты художник, ты мог бы написать удивительные полотна, которые, возможно, прославили б тебя на века... Сопоставь! Взвесь!.. Что ценнее для человечества: художник Уленшпигель или безвестный шут, казненный в эпоху Филиппа Второго?..

Тиль (*нетерпеливо*). Ваше величество...

Филипп. погоди! Дослушай до конца... Ты мстишь мне за убитых соотечественников, за сожженные дома... Но подумай: а вдруг это все — естество? Ты же не испытываешь ненависти к землетрясению или к извергающейся лаве вулкана? При этом тоже гибнут люди... Ну и что? Природа, уничтожая, обновляется... Короли — тоже порождение природы... За что ж ты ненавидишь меня? И вообще, что ты знаешь обо мне?.. О моих мыслях? О мо-

их бессонных ночах? О моих страданиях?.. Почему нам не попытаться понять друг друга?

Тиль. Потому что это невозможно!

Филипп. Но почему?!

Тиль. Потому что на сто ваших вопросов я задам сто своих!.. Что нам делать с пеплом отца, ваше величество? Что нам делать с десятью тысячами гугенотов, убитых в Варфоломеевскую ночь? Что нам делать с тем ребенком, который родился в ту ночь и не был еще ни католиком, ни гугенотом, но которого сожгли за компанию?! Пока вы не ответите на мои вопросы, я не стану думать над вашими! И плевать мне, что вы — порождение природы. Я и природу ненавижу, когда она сеет смерть... Когда-нибудь я и с вулканами рассчитаюсь, пока просто руки не доходят!.. Так что не ищите во мне сочувствия, ваше величество!.. Ступайте отсюда! Бог подаст!..

Филипп уходит.

Клаас. Здорово ты ему вмазал!

Тиль. Нет, отец, плохо... Я не сказал и трети того, что должен... Слова! Не могу отыскать слова...

Клаас. Нет, лихо... Я-то вообще так не могу.. Я, бывало, чуть что: раз — в морду! И весь спор!

Тиль. Сейчас другое время, отец. Сейчас надо бить не в морду, а в мозги! А для этого нужны слова...

Клаас. Ну, тогда скажи что-нибудь и мне на прощанье...

Тиль. Хорошо... *(Пауза.)* Помолчим.

Клаас. Помолчим. Ты не беспокойся обо мне, сынок. Меня уж нет.

Клаас уходит. Его место в воображении Тилия занимает Неле. Впрочем, это пока не Неле — это Блондинка, с которой Тиль встречался когда-то.

Тиль. Здравствуй, Неле!

Неле-Блондинка. Чего ж ты наврал-то? Сказал — скоро вернусь, а сам не вернулся. А я как дура жду, жду..

Тиль. Я шел к тебе, милая, но на дорогах столько войны.

Неле-Блондинка. А я жду, жду.. Говорил, будто Папа про меня рассказывал, говорил, будто снюсь я тебе...

Тиль. Все правда.

Неле-Блондинка. Сватать меня приходили. Я думала — это ты, а как согласилась — вижу, что нет.. И вот все жду, жду..

Блондинка исчезает. Ее место занимает Анна.

Неле-Анна. Тиль, ты нашел противоположную сторону улицы?

Тиль. Нет. Все ищу..

Неле-Анна. И я ищу.. Я убежала из дому, Тиль... Обегала весь город, все противоположные стороны улиц, всю Фландрию.

Анна исчезает. Теперь Неле — это Неле.

Тиль. Ну наконец мы встретились, Неле!

Неле (зло). Наконец!.. Всегда так!.. Даже в твоих мыслях я занимаю последнее место!

Тиль. Неправда, Неле! Ты всегда на первом месте, просто моя голова поставлена задом наперед!.. Слушай, Неле, мне надо сказать тебе одну очень важную вещь: я очень люблю тебя!.. Сто раз я говорил тебе эти слова, но оказалось, что так оно и есть на самом деле... Вот ведь какая интересная штука!.. Ты мне веришь?

Неле. Верю. Но только у нас все нескладно получается... То я тебя все жду-жду, то бегаю за тобой по всей Фландрии...

Тиль. Конечно, нескладно. Но почему у нас должно быть все складно? Чем мы хуже других?..

Неле. Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя... Мои глаза устали смотреть на дорогу.. Мое сердце сжалось в комочек... Пойдем домой, Тиль!

Тиль. Да. Да. Сейчас!

Неле. Опять ты обманываешь?

Слышен лязг открываемых дверей.

Тиль. Нет. Правда! Сейчас, только... тут у меня одно небольшое дело... Но это недолго!.. Прощай!

Неле исчезает. В камеру входит Палач.

Палач. Я пришел за тобой. Молись, парень.

Тиль. Ни к чему! Господь Бог не понимает по-фламандски.

Пала ч. Ну, как знаешь...

Тиль. Что решил трибунал: плаха или петля?

Пала ч. Костер!

Тиль. Ну что ж... Эта дорожка протоптана для меня отцом. Пошли!

Пала ч. *(достал повязку)*. Дай завяжу тебе глаза.

Тиль. Это несправедливо. Я тоже хочу посмотреть на свою казнь!

Пала ч. Не положено! *(Подходит к Тилью, вглядывается ему в лицо)*. Черт возьми, да это ж сын Клааса!.. Здорово, Тиль! Я тебя в темноте и не признал... *(Снял с себя маску)*. Узнаешь? Это ж я — палач из Дамме!

Тиль. Да узнал я, узнал. Не ори!

Пала ч. *(радостно)*. Вот так встреча!.. А меня сегодня вызывают, говорят: будешь казнить геза. Ну, мне что: геза так геза!.. А это наш Тиль. Во дела!.. Здорово, друг, очень рад встрече!

Тиль. Я тоже!

Пала ч. А я слышу в темноте — голос знакомый... Чей, думаю? А это ты! Вот!.. *(Задумался)*.

Тиль. Давно ты здесь служишь?

Пала ч. Нет. Всего третий день... Знаешь, Тиль, как я отца твоего проводил, у меня вся жизнь поломалась... Ушел я из Дамме. Всю семью забрал и пошел... Чувствую, не могу больше людей губить... На сенокосе работал, грузчиком нанимался... пастухом... Только на это как сейчас проживешь?.. У меня ж трое детей, Тиль!.. Старшему семь лет... Выпьем, Тиль, а? *(Достал флягу)*. За твою удачу! *(Отхлебнул)*.

Тиль. Спасибо! Чтоб и тебе так повезло!

Пала ч. *(продолжая рассказ)*. Ну вот. Помыкался я, помыкался — и не удержался... Прихожу в Бриль, узнаю: испанцам экзекутор требуется... Я и знать-то не знал, что это есть — «экзекутор»... Думал, по столярной части... А это опять, стало быть, палач... Ну, черт с вами, думаю, подработаю малость, подкоплю деньжонок, и все! Уйду на волю!..

Тиль. Сколько ж за меня дадут?

Пала ч. Две сотни!

Тиль. Нормально! По сегодняшним ценам даже хорошо... Шубу жене справишь...

Палач *(отхлебнул из фляги)*. Перебьется. Я, Тиль, решил дом строить. Чтоб настоящий сруб и крыша из черепицы.

Тиль. На дом меня не хватит. Надо еще человек десять: черепица нынче дорогая...

Палач. Дорогая!.. *(Отхлебнул, задумался.)* «Экзекутор!» Вишь, слово какое, сволочи, придумали... Эх, Тиль, мне особо тошно, что я испанцам служу.. Когда на своих работал — еще ничего, но на испанцев — это уж совсем пакудно получается... *(Потянулся к фляге.)*

Тиль *(останавливая)*. Хватит! Уж и так нализался... Не доведешь меня до места.

Палач. Ничего... Я теперь трезвым на эшафот не выхожу.

Тиль. Ну, как знаешь... Пошли! На рассвете гезы ворвутся в город... Не успеешь на черепицу заработать.

Палач. Издеваешься?

Тиль. А что ж, плакать над тобой, что ли?..

Палач. Знаешь, Тиль, я бы сам к гезам подался, но, боюсь, не поймут и повесят..

Тиль. Вполне может быть!

Палач. Не то обидно, что повесят, а то, что не выслушают! А я, может, вам сочувствующий?.. Вот вы испанцев разбили, они грустят — а мне весело... Я вообще иногда веселый бываю... Такие шутки отчубучу — ты ахнешь!.. Вот тут как-то нарядился испанкой... серьгу надел... и одному солдату говорю: иди сюда! Иди!.. Он подошел, а я его кастаньетами по носу! *(Хохочет)* Вот я какой бываю!.. Слушай, а хочешь, мы их всех надуем?.. *(Срывает с себя одежду палача.)* Сейчас ты помрешь со смеху, чего я придумал... Дай мне твой колпак... Дай, не бойся... *(Надевает шутовской колпак Тиль.)* Во!.. Теперь я — вроде ты! *(Смеется.)* А ты оденься в мое... И пойдем!.. Они-то подумают; что тебя казнят; а на самом деле — не тебя... Вот смеху-то!..

Шум. В глубине сцены появляется Рыбник. В его руке пистолет.

Рыбник. Гезы в городе! Тиль, тебе опять повезло!.. Радуйся! *(Стреляет Палачу в спину.)* Все! Я привел приговор в исполнение!

Палач *(Тилью)*. Во, один дурак уже перепутал! *(Падает.)* За что я люблю тебя, Тиль, — с тобой всегда весело! *(Умирает.)*

Рыбник (*подбежал к Палачу*). Я выполнил Божью волю: Тиль Уленшпигель мертв!

Тиль. Тиль Уленшпигель жив!

Рыбник (*в отчаянии*). Этого не может быть!

Тиль. Во Фландрии все может быть!

Рыбник в упор стреляет в Тиль. Тиль, невредимый, идет к выходу.

Ну вот.. Ты опять мне не веришь...

Рыбник снова стреляет в Тиль. Тиль невредим.

Ой, как тебе не везет, рыбник... Ты бездарный человек. Даже на убийство у тебя нет таланта. (*Уходит.*)

Рыбник. Ты опять посмеялся надо мной, Боже?! Мне подложили холостые патроны... (*Стреляет в себя.*) Нет! Настоящие... Извини... (*Умирает.*)

Эпилог

На пустой сцене сидят Тиль и Ламме, задумчиво смотрят в зал.

Ламме. Тиль, не молчи... Говори про что-нибудь, а?..

Тиль. Про что?

Ламме. Про что хочешь!.. Слова какие-нибудь говори... А то, когда ты молчишь, мне не по себе... Ерунда всякая в голову лезет.

Тиль. Живой я, Ламме, живой! Сколько повторять?

Ламме. Так я понимаю, а все-таки... Ведь ты лежал. Когда мы ворвались в тюрьму, ты лежал...

Тиль. Ну, лежал...

Ламме. Зачем?

Тиль. Стреляли кругом... Чего стоять-то?

Ламме. Я к тебе нагнулся, а ты не дышишь!

Тиль. Это я пошутил.

Ламме. Шутки у тебя, Тиль, какие-то безвкусные!.. Раньше, бывало, на осла задом наперед сядешь или, помнишь, на базаре пел «Не помещается в седле его большая шея!»... Это да! Это всем на радость. А тут вдруг лежишь... Над тобой — знамена. Оранский речь говорит, а ты и не шелохнешься...

Тиль. Заслушался. Ведь так красиво говорил: «Тиль — дух Фландрии. Великий гез Уленшпигель!»...

Ламме. Это конечно... Такое про себя послушать каждому приятно... Ну а потом?..

Тиль. Что потом?

Ламме. Зачем потом тебя плащом накрыли?

Тиль. Холодно было...

Ламме. Ну, а на похороны ты зачем согласился?

Тиль. Ребята упросили... Поминки все-таки... Оранский шесть бочек вина выставил... Не пропадать же добру?

Ламме. Это конечно... Погуляли хорошо... *(Сердито.)* И все-таки зря! Теперь расхлебывай!.. Ведь многие и вправду думают, что тебя нет. Памятник, говорят, тебе решили ставить... Только не знаю где. Одни говорят — в Амстердаме, другие — в Бриле, а третьи — вот тут, на дороге... Очевидцы все спорят, где ты почил... Ты сам-то кому отдаешь предпочтение?

Тиль. Я лично за Амстердам.

Ламме. И я... Уж соглашаться — так на столицу.. *(Сердито.)* Кончай дурить, Тиль! Давай объявись!.. В магистрат, что ль, сходим или просто на площадь. Выйди, крикни: «Вот он я!» Должны ж поверить, не слепые ведь...

Тиль. Оно конечно... Но тоже, с другой стороны, — зачем людей беспокоить? Все уже свыклись с мыслью, что меня нет... Не время сейчас, Ламме!

Ламме. Вот упрямый! Ну, как хочешь... Только со мной не молчи! Говори про что-нибудь!..

Тиль. Хватит говорить. Скоро люди соберутся, а у нас ничего не готово... Давай дело делать!..

Вдвоем они поднимают большой деревянный крест, устанавливают посреди сцены.

Ламме. Вот так... Ничего!.. Эх, табличку бы надо... «Здесь покоится прах духа Фландрии...» Нет! «Дух праха...» Фу, запутался!

Тиль. Да ну их, таблички... *(Вешает на крест свой шутовской колпак.)* Так понятней будет!

Один за другим появляются друзья, соратники, родные Тилиа, печально рассаживаются вокруг креста, склоняют головы.

Ламме. Тиль! А может, пора объявиться?! Ведь все собрались... Самое время!

Тиль. Еще не время, Ламме. Мое время придет.. Знаешь, Ламме, когда мир и покой, когда все хорошо, я, может, и не очень нужен. А вот случись в доме беда, когда опасность... тут я объявлюсь! Тут я уж точно объявлюсь!.. *(Тихо запел.)*

А вот и где

мои слуги, моя свита, пажи, стражи, кони, герцогини?

Ты не бойся: люди услышат! Не глухие же!.. *(Громко запел.)*

Ой, тили-тили Тиль — будем петь и веселиться!

Ой, тили-тили Тиль — по ком плачет виселица!..

Занавес

Дом, который построил Свифт

Театральная фантазия
в двух частях

Действующие лица

ДЖОНАТАН СВИФТ.

ДОКТОР РИЧАРД СИМПСОН.

ЭСТЭР ДЖОНСОН — сестра милосердия.

ВАНЕССА ВАНОМРИ — сестра милосердия.

ПАТРИК — дворецкий.

СУДЬЯ БИГС.

ГУБЕРНАТОР.

ЕПИСКОП.

ПЕРВЫЙ ЛИЛИПУТ.

ВТОРОЙ ЛИЛИПУТ.

ВЕЛИКАН ГЛЮМ.

НЕКТО.

ЛАПУТЯНИН.

РЫЖИЙ КОНСТЕБЛЬ.

ЧЕРНЫЙ КОНСТЕБЛЬ.

Горожане, актеры, члены Опекунского совета, шут, музыканты.

Время и место действия: 1745 год, Дублин.

Распределяя работу своего мозга, я счел наиболее правильным сделать господином вымысел, а методу и рассудку поручить обязанности лакеев. Основанием для такого распределения была одна подмеченная у меня особенность: я часто испытываю искушение быть остроумным, когда уже не в силах быть ни благоразумным, ни здравомыслящим...

Джонатан Свифт

Пролог

Дублин. Площадь перед собором Святого Патрика. Печальный перезвон колоколов... Несколько горожан остановились, опустили головы,

мужчины сняли шляпы. Из кареты выглянул молодой человек в дорожном костюме. Это Доктор Симпсон.

Доктор.

Эй, господа, скажите, что случилось?
По ком вдруг колокол печально зазвонил?
Кто умер?

Первый горожанин. Умер Свифт.

Доктор. Кто?

Второй горожанин.

Мистер Свифт. Декан собора
Святого Патрика...

Первый горожанин (*печально*).

Заступник наш и добрый покровитель
Обиженных, убогих и несчастных...

Доктор. Как жаль... Когда случилось это?

Первый горожанин. Сегодня, как обычно, в пять часов...

Доктор (*вздрогнул*). Что значит «как обычно»?

Первый горожанин. Как обычно...

Доктор. Ты думаешь, болван, что говоришь?!
Горожанка.

Ах, сударь, вы издалека, наверное?
Не знаете характера декана.
Он очень пунктуальный человек,
Во всем порядок любит, аккуратность,
И если переходит в мир иной,
То ровно в пять, хоть проверь часы...

Доктор. Так жив он?

Первый горожанин. Кто?

Доктор. Декан!

Первый горожанин. Как «жив», когда вам говорят, что умер.

Горожанка.

Уж и в газетах было извещение,
И колокол собора затрезвонил...

Первый горожанин. Да вот он сам идет.

Доктор. Кто?!

Первый горожанин. Свифт. Хоть у него спросите...

Молча проходит Свифт. На нем черная сутана с белым пятном четырехугольного жабо — традиционное одеяние служителей англиканской церкви.

Доктор. Простите, мистер Свифт!

Свифт остановился.

Я — доктор Симпсон. К вам сюда приехал из Лондона... По просьбе Опекунского совета... Чтоб, оказав вам помощь и лечение, избавить от душевного недуга... И вдруг мне эти люди говорят, что вы... простите... умерли...

Свифт молча кивнул.

Забавно! Но, извините, сэр, все это бред! Навязчивая, глупая идея, которую мы мигом излечим, коль вы в лечение будете послушны... Вы слышите, о чем я говорю?

Свифт молча пошел прочь.

Ответьте, сэр! Скажите мне хоть слово...

Свифт уходит.

Первый горожанин (*усмехнулся*). Ну, доктор, вы неверящий Фома!

Горожанка.

Уж и в газетах было извещение,
И колокол трезвонит целый час,
А вы хотите говорить с покойным...

Доктор (*теряя терпение*). Послушайте, кто вы такие?

Первый горожанин. Мы?!

Второй горожанин. Мы — гости сэра Свифта!

Горожанка.

Нас в дом его любезно пригласили,
Чтоб вместе с ним его же помянуть...

Доктор (*усмехнулся*). Ах вот как? Значит, вы безумны тоже?

Горожанка. Конечно, сударь. Вы-то разве нет?

Горожане с интересом разглядывают Доктора.

Доктор (*отшатнулся*). Подите прочь! (*Прыгнул в карету.*)

Карета отъехала. Горожане проводили ее недоуменными взглядами.

Первый горожанин. Какой-то странный доктор...

Все засмеялись. Звук колокола усиливается.

Часть первая

1. Гости дома Свифта

Звон разбитого стекла. Камень, брошенный с улицы, влетел в одну из зал большого дома Джонатана Свифта. Множество окон и дверей, в глубине — крутая лестница, уходящая куда-то вверх. Появился дворецкий Патрик, человек средних лет, с бесстрастным лицом, стал сметать разбитое стекло. Следом в залу вошла сестра милосердия и домохозяйка мисс Ванесса. Подошла к бюро, достала журнал.

Ванесса (*записывая*). «Пятое октября. В доме Джонатана Свифта разбито оконное стекло...»

Патрик (*мрачно*). Осмелюсь добавить — четвертое за неделю...

Ванесса (*записывая*). «...Четвертое за неделю»... Честно говоря, Патрик, после воскресной проповеди декан ожидал большего успеха... И камень мелковат...

Патрик (*поднимая камень*). Смею не согласиться, мисс Ванесса. Дня меня этого булыжника вполне достаточно... (*Убрал камень в сундучок.*)

Ванесса. В доме много гостей?

Патрик. Как обычно, мисс Ванесса.

Ванесса. Кто именно?

Патрик. Я не всех знаю... Великан Глум... Какие-то люди с летающего острова... Лошади...

Ванесса (*поправляя*). Гуингмы, Патрик. Я же объясняла...

Патрик. Извините, гуингмы... Потом этот... который живет вечно...

Ванесса. Мистер Некто?..

Патрик. Да. И лилипуты, мисс... Под ногами все время шмыгают лилипуты... Мешают работать...

Ванесса. Направляйте всех в сад. Я хочу, чтобы мистер Свифт мог спокойно здесь выпить чай...

Патрик. Я объясняю, но разве они слушают... В окна заглядывают, в двери лезут... И лилипуты, мисс, все время шмыгают лилипуты... У лакеев тоже есть нервы!

Ванесса. Я это помню! Особенно когда плачу вам жалованье...

Ванесса уходит. Патрик готовит чай: выкатил столик, зажег спиртовку. В одной из дверей появляется печальная фигура, одетая довольно

странно — английский котелок, сюртук, внизу что-то среднее между юбкой и туникой. На ногах обувь, напоминающая древнегреческие сандалии. Это мистер Некто.

Некто. Добрый вечер, Патрик.

Патрик. Добрый вечер, сэр. Всех просили спуститься в сад...

Некто. А может быть, сейчас утро?

Патрик. Вполне может быть, сэр. Просили спуститься...

Некто. Тогда — доброе утро!

Патрик. Доброе утро, сэр. *(Пытается его выпроводить.)*

Некто *(улыраясь)*. А число? Какое число?

Патрик. Пятое октября.

Некто. А год?

Патрик *(теряя терпение)*. Вы спрашивали об этом уже утром!

Некто. Да?.. Не помню. А утром какой был год?

Патрик. Тысяча семьсот сорок пятый!

Некто. До Рождества или после?

Патрик, явно потеряв терпение, подошел к Некто, вытолкнул его в одну из дверей. Через секунду Некто появился из другой двери. В третью дверь сильно постучали. Патрик открыл дверь и увидел два огромных башмака. Патрик поднял голову, обращаясь к невидимому хозяину башмаков.

Патрик. Мистер Глюм, вас просили не приходить сюда! Тем более в грязной обуви. Пройдите в сад... Что?.. Что? Не слышу! Нагнитесь... Я вас прошу... *(Обращаясь к Некто.)* Может быть, хоть один раз он стукнется головой... *(Снова обращается вверх.)* Нет! Не прискакивал ваш Ланцелот! *(Кричит.)* Рыцарь Ланцелот не прискакивал! Не при-ска... Нет, сэр, я не буду бегать к вам за каждым словом на третий этаж!..

Некто. Ланцелот?.. Он сказал — Ланцелот? Откуда Ланцелот? Разве мы в Средневековье?

Патрик *(отмахиваясь)*. Вполне может быть! *(Старается закрыть дверь, огромный башмак ему мешают.)* Уберите ногу, сэр!!

В открытое окно просунулся странный человек в кожаном пальто. Это Лапутянин.

Лапутянин. Остров в районе Манчестера... Он приближается к нам!

Патрик. Какой остров?

Лапутянин. Летающий...

Патрик. Извините, сэр, мне это неинтересно! (*Захлопывает окно.*)

Некто (*Патрику*). Не сердитесь на меня, господин дворецкий. Я всего лишь пытаюсь сориентироваться во времени. Когда человек живет на земле вечно, как я, время спрессовывается в голове и года наслаиваются друг на друга. Иногда я просто не могу понять, в каком я тысячелетии... Где мы сейчас, Патрик?

Патрик (*стараясь сдержать гнев*). Сэр, я разливаю чай! Нельзя приставать с такими идиотскими вопросами к людям, у которых в руках кипятилок...

Некто. С кем же мне поговорить?

Патрик (*взял Некто за руку, подошел к окну*). Видите — растет дуб?.. Вон тот, огромный... Прекрасный собеседник для вас: ему тоже лет пятьсот...

Некто. Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню его еще жегудем...

Патрик уронил чайник. В окне появились смеющиеся физиономии горожан.

Патрик (*сдерживаясь*). Вы добились своего, сэр. Чай испорчен!..

Взял Некто за шиворот, вытолкнул его в дверь. Однако дверь вновь открылась, вошел Доктор Симпсон, в дорожном костюме, с чемоданчиком в руках.

Доктор. Добрый день! Я — доктор...

Патрик, сжав кулаки, надвигается на него.

Патрик. Извините, сэр, но на вас у меня вежливости не осталось. (*Заорал.*) В сад!!

Доктор (*растерянно*). Я — доктор Симпсон...

Патрик. Всем в сад!!! И если я увижу еще хоть одного мерзавца... (*Тут до него доходит смысл слов.*) Простите, сэр, как, вы сказали, вас зовут?

Доктор. Доктор Симпсон. Психиатр...

Патрик. О, простите, доктор. Очень рад. Меня предупредили, что вы должны приехать...

Доктор. И поэтому вы меня толкнули в грудь?

Патрик. Еще раз простите, сэр. Но у лакеев есть нервы... То, что здесь происходит..

Доктор. А что здесь происходит?..

Патрик. Сумасшедший дом! Обыкновенный сумасшедший дом!

Доктор (*глядя в окно*). Я бы этого с уверенностью не сказал... Я работал в подобных заведениях, однако у вас все выглядит как-то иначе... Эти люди не похожи на больных!

Патрик (*обрадованно*). И у меня такое же подозрение! Жулики, сэр! Жулики и проходимцы!

Доктор. Зачем же вы их пускаете?

Патрик. Таков приказ декана, его последняя воля... Видите ли, сэр, когда наш дорогой хозяин в первый раз умер, он огласил завещание: дом и все средства передаются в пользу безумных!! Слышанное ли дело?.. Вы понимаете, что началось в Ирландии?.. Со всей страны сюда двинулись дармоеды! И великаны, и гуингнмы, и... летающие острова... И самое страшное — лилипуты...

Доктор (*с интересом взглянув на Патрика*). Кто?

Патрик. Лилипуты, сэр! По всему дому шмыгают лилипуты... Шмыг-шмыг... Мы ходим как цапли по болоту, боимся наступить... А ведь и у лакеев есть нервы...

Доктор. Успокойтесь, Патрик. Я постараюсь навести здесь порядок.

Патрик (*печально глядя на Доктора*). Сколько вам лет, сэр?

Доктор. Тридцать. Какое это имеет значение?

Патрик (*печально*). Предыдущему доктору тоже было тридцать. Ушел от нас — семидесяти... А проработал всего неделю...

Раздался звук колокольчика. В глубине залы показались Свифт и сестра Ванесса.

Прикажете доложить?

Доктор. Нет. Я бы хотел сначала понаблюдать со стороны...

Патрик. Но мне приказано доложить немедленно, как только появится доктор...

Доктор подошел к Патрику, что-то шепнул ему на ухо. Патрик по-военному шелкнул каблуками.

Браво, сэр! Такой человек был здесь необходим!

Поднял поднос с чаем, пошел навстречу Свифту и Ванессе.

Прошу вас, хозяин!.. Чай готов!..

Доктор прячется за книжным шкафом. Свифт садится за стол. Патрик повязывает ему салфетку. Лицо Свифта безучастно.

Ванесса (*оглядываясь*). Доктор еще не появлялся?

Патрик. Появлялся, мисс Ванесса. (*Заметив недовольный взгляд Ванессы*.) Я хотел доложить, но доктор не позволил. Он сказал, что вначале хочет здесь осмотреться...

Ванесса (*недовольно*). Что это значит, Патрик? Вы обязаны выполнять мои распоряжения.

Патрик. Я объяснял это доктору, мисс. Но он сказал, что в присутствии доктора распоряжения медсестры теряют силу...

Ванесса. Вот даже как?.. Интересно... А как вы его вообще нашли, Патрик? Вам не показалось, что у нового доктора глуповатое лицо?

Патрик (*растерян*). Я бы этого не сказал...

Ванесса. Глуповатое и самодовольное. Во всяком случае, так говорят все, кто его видел... Вот и у декана такое же мнение. Не правда ли, ваше преподобие?

Свифт безучастен.

Совершенно с вами согласна... Впрочем, раз эта кандидатура одобрена Опекунским советом и губернатором, от нее многого ждать не приходится... Не правда ли, господин декан?

Свифт безучастен.

Очень остроумно подметили, сэр... Очень... (*Улыбается*.) И в этом я с вами согласна!..

Патрик (*нарочито громко*). Осмелюсь заметить, господин декан, что лично на меня новый доктор произвел хорошее впечатление. Уверенный взгляд, волевое лицо... Надеюсь, и слух хороший...

Ванесса (*сухо*). Мы учтем ваше мнение, Патрик. Ступайте!

Патрик. Слушаюсь! *(Сделал несколько шагов, но тут же споткнулся, словно боясь наступить на что-то невидимое.)* Кыш! Шмыгают тут, проклятые... Ну ничего! Недолго вам осталось!.. *(Уходит.)*

Ванесса *(Свифту)*. Если не возражаете, сэръ, я могла бы во время чая ознакомить вас с сегодняшней почтой... *(Взяла поднос с письмами и газетами.)* Здесь в основном отклики на вашу очередную кончину. Все газеты признают, что поминание в этом году проходит особо бурно... По всей Ирландии — манифестации. В Дублине отмечались уличные беспорядки... В связи с этим, выступая в парламенте, депутат Орнэрри заявил: «До каких пор декан Свифт будет издеваться над Британией?» Он даже выдвинул законопроект, запрещающий вам умирать! *(Улыбнулась.)* Законопроект провалился. Представитель оппозиции заявил, что Англия — демократическая страна, и если в ней нельзя свободно жить, то умирать каждый может, когда ему вздумается!.. *(Улыбнулась.)* Замечание в вашем духе, сэръ, не правда ли?.. Письмо из Франции. Один из ваших поклонников передает отзыв Вольтера на ваше творчество: «Свифт — крупнейший сатирик нашего века, но сатира для него не просто жанр, а трагическая необходимость идейного неучастия в современности». Каково ваше мнение, сэръ?

Свифт безучастен.

Да. Я тоже считаю, что это справедливо... Я так и напишу во Францию... *(Взяла следующее письмо.)* А это сообщение из Манчестера. Здесь астрономы наблюдали в небе странное овальное тело, напоминающее летающий остров или огромную тарелку... Тело движется в направлении Дублина. Газетами высказывается предположение, что оно движется в гости к вам. *(Улыбнулась.)* Какое невежество. Стоит подумать о новом памфлете...

Свифт сделал неопределенный жест.

Сэръ, это опасно! Кругом столько дикости и предрассудков... У вас много врагов!.. Сегодня опять кто-то из этих мерзких йеху разбил камнем окно!

Свифт нахмурился.

О, простите, сэр! Конечно, конечно... Я немедленно вышлю приглашение...

В открытом окне появилась женщина лет сорока. В ее руках — букетик полевых цветов. Зовут женщину Эстэр Джонсон. Стараясь остаться незамеченной, она начала устанавливать цветы в вазочку.

(Недовольно.) Мисс Джонсон, будьте добры, пройдите в сад.

Эстэр *(нарочито вежливо)*. Добрый день, сестра. Очень рада вас видеть.

Ванесса. Я тоже, мисс Джонсон. Пройдите в сад, декан позже к вам выйдет.

Эстэр. Я принесла ему цветы.

Ванесса. Очень любезно. Но цветов в доме более чем достаточно.

Эстэр. Это полевые. Больше всех декан любит полевые цветы.

Ванесса *(начинает терять самообладание)*. Вы отвлекаете декана, мисс Джонсон.

Эстэр. Я принесла к чаю пудинг. Его любимый пудинг с яблоками.

Ванесса. Декан не ест пудинг с яблоками. Уверяю вас, я не хуже знаю его привычки... Пожалуйста, пройдите в сад! *(Пытается задернуть шторы, Эстэр мешает ей.)* Вы порвете шторы, мисс Джонсон!

Эстэр. Я сошью вам новые, сестра... Голубые в горошек... Они создают радостное настроение...

Ванесса. Меня не интересует ваш мещанский вкус, мисс Джонсон. Пройдите в сад, или я крикну слуг, и они вас выпроводят силой!..

Свифт нахмурился, резко встал из-за стола. Ванесса в испуге кинулась к нему.

Что с вами, декан? Ну, извините меня... Я и не думала обижать эту женщину. Вы же знаете, мы с симпатией относимся друг к другу. Мисс Джонсон, подтвердите!.. Вы же видите — декан бледен. Ему вредно волноваться!

Эстэр печально отходит. Свифт делает попытку подойти к окну, Ванесса поспешно задерживает шторы.

Нет сэр, пусть она уйдет... Это не Стелла. Я же вам объясняла — это просто одна из ваших безумных посетитель-

ниц. А Стелла умерла... Давно. Много лет назад. Вы же знаете... Эта женщина и не похожа на Стеллу. А если чуть и похожа, так что ж из этого? Я вообще всегда не понимала — как вам могла нравиться женщина с такой внешностью? У вас же тонкий вкус... (Заметив гневный взгляд декана.) О, простите, сэр! Я бестактна! Я сама не понимаю, что говорю...

Свифт молча пошел к выходу. Ванесса — за ним.

Простите меня, сэр... Вы не допили чай... Ах, что я надедала...

Ванесса и Свифт уходят. Доктор выбирается из укрытия, недоуменно оглядывается. Смотрит по сторонам, разглядывает кабинет, картины. Делает несколько шагов и вдруг спотыкается. Внимательно смотрит под ноги... Затем садится в кресло за чайный столик.

Свет начинает гаснуть... Край стола, за которым сидел Свифт, стал стремительно расти и увеличиваться. Казалось, по скатерти на стол быстро вскарабкивается крохотный человечек...

2. Лилипуты

Край стола. Огромная чашка с дымящимся чаем. Здесь же рядом, на столе, — тарелка с недоеденным кремовым тортом. Десертная вилочка. На соседнем блюдечке — пара кусков пиленого сахара. Горит огромная свеча...

По скатерти на стол вскарабкался Первый лилипут (то есть это вполне нормальный человек, но резко ощущается несоответствие с размерами чашки). Оглядывается. Потом подходит к чашке, примеряясь к ней. Чашка в два раза выше его роста. Тогда он подходит к кускам сахара, тяжело пытаясь, пытается приподнять один из кусков. Это у него не получается.

В это время на стол тихо взбирается Второй лилипут, секунду наблюдает за Первым.

Второй. Сладенького захотелось?

Первый (испуганно). Кто здесь? Это ты, Рельб?

Второй. А ты как считаешь?

Первый. Я спрашиваю — это ты, Рельб?

Второй. Станный вопрос, Флим. (Усмехается.) Звучит как анекдот: в доме всего два лилипута, они встречаются, и один другого спрашивает: «Это ты?»

Первый. Здесь темно. Я испугался, подумал — мышь.

Второй. Я похож на мышь?

Первый. Я не сказал, что ты похож на мышь. Я просто подумал, что это могла быть мышь.

Второй. Зачем ты залез сюда, Флим?

Первый. Я хотел пить.

Второй. Очень интересно. А что у тебя за поясом?

Первый. Фляга.

Второй. Зачем?

Первый. Почему ты меня допрашиваешь?

Второй. Потому что ты заврался и не хочешь сказать правду! А поскольку правду кто-то должен сказать, скажу ее я: ты, Флим, и не собирався пить чай. Ты хотел отнести его Бетти.

Первый. Ну и что?

Второй. Хорошенькое дело — «ну и что?»! Посторонний мужчина обслуживает мою жену, а когда я его ловлю с поличным, он говорит мне «ну и что?».

Первый. Она больна.

Второй *(не может успокоиться)*. Главное дело — «ну и что?»!

Первый. Ей нужен чай с лимоном...

Второй *(зло)*. Послушай, Флим, я не люблю, когда про мою жену говорят «она». Моя жена больна, у моей жены жар, моей жене нужен чай с лимоном!.. И мое дело — об этом позаботиться.

Первый. Но тебя не было.

Второй. Тем более. Посторонний мужчина не должен заходить в комнату к женщине, когда мужа нет дома. Она звала тебя?

Первый. Да.

Второй. Как?

Первый. Она стонала.

Второй. Это разные вещи, Флим! Зовут кого-то конкретно. А стонут — вообще, в пространство. *(Забирает у Первого флягу.)* И прошу ВАС не заходить в нашу комнату, когда конкретно вас не зовут... *(Направляется к чашке, только тут понимает, что ему не достать до края. Беспо мощно оглядывается.)*

Первый. Высоко!

Второй. Ненавижу этот саксонский фарфор. То ли дело японские сервизы — прекрасные, изящные чашеч-

ки по грудь, а эти какие-то громадные безвкусные уроды...

Первый. Я хотел подложить под ноги кусок сахара.

Второй. Ну и что ж?

Первый. Он тяжелый. Одному не поднять.

Второй (*усмехнувшись*). А мы попытаемся... (*Подходит к куску сахара, с трудом отрывает его от блюда, делает несколько нетвердых шагов по столу, неожиданно кричит.*) Помоги! Флим! Помоги!

Первый бросается ко Второму на помощь, вдвоем они укладывают кусок сахара у основания чашки. Молча идут за вторым куском.

Этот кусок поменьше... Думаю, я сам справлюсь...

Первый (*миролюбиво*). Ладно... Чего уж...

С трудом поднимают второй кусок, несут к чашке, кладут на первый.

Второй (*садится на сахар*). Фу!.. Устал... Отдохнем... Чертовы англичане! Почему надо выпускать такие сахарные глыбы? Сколько нормальных людей можно было бы накормить одним таким куском рафинада. Сколько можно было бы сделать вкусных конфет. Леденцов для девушек...

Первый. Куда им...

Второй. Вот будут портить сахар, выпекать всякие приторные торты, заливать их лужами крема... А простые вкусные дешевые леденцы...

Первый. Куда им...

Второй. Нет. Я ж ничего не говорю. Страна действительно развитая...

Первый. Это конечно.

Второй. Дороги здесь ровные... Дома красивые. Экипажи...

Первый. Это конечно.

Второй. И в смысле науки они далеко ушли вперед...

Первый. Ньютон, например.

Второй. Я же не спорю... При чем тут Ньютон?

Первый. Я имею в виду закон всемирного тяготения.

Второй. При чем здесь всемирное тяготение?

Первый. Ну, в том смысле, что мы его там и не знали, а они тут уже им всю пользуясь.

Второй (*подумав*). Я же не спорю: страна развитая... Но многое им не дано.

Первый. Это конечно.

Второй. Леденцы, например...

Первый. Куда им...

Второй. Или вот это еще... Помнишь? Как это у нас называлось? Ну, это... как его?.. Во всех городах еще продавалось... Вот черт, забыл! Уже забыл... (*Задумался*.)

Первый. Рельб, можно я тебе задам один вопрос?

Второй. Ну?

Первый. Ты никогда не думал о том, чтобы вернуться?

Второй. Нет!

Первый. Может быть, король тебя уже простил?

Второй. Я сказал — нет! И что значит «простил»? Это я его не простил, поэтому не возвращаюсь. И что мне там делать? Снова видеть эти лицемерные рожи при дворе, склоняться до земли перед каждым ничтожеством?.. Нет! И нет!.. С прошлым покончено!.. Я теперь живу здесь, я англичанин, и мне здесь нравится!.. Слышишь?

Первый (*мрачно*). Да. Конечно. Не кричи!

Второй. Я теперь англичанин, и мне здесь очень нравится!

Первый. Ну и хорошо.

Второй. Главное — он меня простил!.. Ха-ха!

Первый (*мрачно*). Ну извини...

Второй. А почему ты не возвращаешься?

Первый. Мало ли... Мне здесь тоже нравится.

Второй. Не ври.

Первый (*твердо*). Мне здесь нравится!

Второй. Опять врешь! (*Начиная злиться*.) Что? Что тебе здесь может нравиться?! Спать на краешке дивана? Воровать чай из хозяйской чашки?

Первый. Замолчи!

Второй. Бродить среди огромных домов? Каждую минуту бояться, что на тебя вдруг наступят копытом, лапой, сапогом?

Первый. Замолчи, прошу тебя.

Второй. Знаешь, как нас здесь похоронят?

Первый. Замолчи!

Второй. В спичечном коробке! Всех троих — в одном спичечном коробке!

Первый *(орет)*. Замолчи!!!

Первый бросается на Второго. Секундная борьба.

Второй. Отпусти! Отпусти, тебе говорят! *(Вырывается из рук Первого.)* И оставьте нас в покое! И не смейте приходить в нашу комнату, если ВАС конкретно не зовут!!!

Влезает на сахар, пробует дотянуться до края чашки, это ему не удается.

Больше подложить нечего?

Первый. Только кусок торта...

Второй. Ну его к черту! Он липкий... *(Спрыгивает на стол.)* Пошли отсюда. Попытаемся нагреть воду там, внизу... *(Со злобой взглянув на чашку.)* У! Понастроили, мерзавцы! *(Грозит чашке кулаком.)*

Первый. Стой! Я придумал! Я придумал, как можно зачерпнуть чай.

Второй. Ну?

Первый. Нужно, чтоб один встал на другого...

Второй. Еще чего!

Первый *(обрадованно)*. Конечно. Это же так просто: один встанет сюда, другой взберется ему на плечи — и все получится.

Второй. Чепуха! И потом, я не позволю, чтобы кто-то ходил по мне ногами...

Первый. Я готов встать внизу.

Второй. Хочешь сразить меня благородством?..

Первый. И вовсе нет! Так выгодней для дела. Я ВЫШЕ, поэтому тебе будет удобней...

Второй *(перебивая)*. Что?

Первый. Я говорю, поскольку я ВЫШЕ ростом...

Второй. Кто выше ростом? Ты?

Первый. Ну, это очевидно.

Второй. Что значит «очевидно»? Для меня это совсем не очевидно.

Первый. Перестань, Рельб. Сколько можно выяснять этот вопрос!

Второй. Не понял...

Первый. Я говорю: сколько можно выяснять... Всегда считалось, что я выше тебя. Вспомни: в армии я был правофланговым, а ты стоял далеко сзади. И на балах: я всегда шел в первых парах...

Второй. Это ничего не значит. С тех пор прошло много времени.

Первый. Ну и что? Люди растут только до тридцати лет.

Второй. А я — после тридцати!

Первый. Ну хорошо. Зачем нам спорить? Давай померимся.

Второй. Давай, но только трудно без арбитра. Пойдем к Бетти!

Первый. Зачем сюда впутывать Бетти! Встанем спиной к спине — все будет ясно.

Второй неохотно подходит к Первому. Они встают друг к другу спинами — Первый оказывается выше.

Ну?

Второй. Трудно понять... Какие на тебе туфли?

Первый. Такие же, как у тебя...

Второй. А прическа? У тебя же волосы торчат вверх, а у меня приглажены...

Первый. Перестань, Рельб! Сколько раз мы с тобой меряемся, и каждый раз ты ищешь какие-то причины.

Второй. Все равно внизу встану я.

Первый. Это нечестно, Рельб.

Второй. Внизу встану я, потому что я сильнее!

Первый. Это для меня новость.

Второй. Опять будем спорить?

Первый. Ладно. Становись где хочешь. Но имей в виду, я вынужден буду пройти по тебе ногами...

Второй *(с усмешкой)*. А что от тебя можно еще ожидать? *(Влезает на сахар.)* Дай-ка мне вилку!

Первый *(испуганно)*. Зачем?

Второй. Для упора, для чего ж еще!

Первый подает Второму десертную вилочку. Второй упирается в нее руками.

Лезы!

Первый *(с опаской)*. А ты меня не уронишь, Рельб?

Второй. Не знаю. Как пойдет.

Первый. Ты не должен злиться, Рельб. В конце концов, тот факт, что ты оказался внизу, несколько тебя не унижает. Наоборот! Это благородно. Ты ведь терпишь это

ради больной жены. Ради нашей замечательной Бетти. Это очень благородно! И еще: раз ты стал внизу, значит, ты сильный. Самый сильный. В цирке у акробатов внизу становится самый сильный...

Второй. Да лезь ты!

Первый. А я и не выше тебя, а длиннее. Помнишь, меня и в школе прозвали «длинным»...

Второй. Тебя в школе прозвали «глистом».

Первый. Ну так имелось в виду, что я длинный, как глист.

Второй. Вовсе не это имелось в виду. Имелось в виду, что у тебя нельзя разобрать, где голова... *(Смеется.)*

Первый. Ну, наконец-то! Наконец к тебе вернулось твое чувство юмора. Чувство юмора — это главное, что мы привезли оттуда, Рельб. Верно? Здесь так шутить не умеют.

Второй. Куда им...

Первый *(похлопав Второго по плечу)*. Ну, я пошел?

Второй *(подставляя спину)*. Счастливого пути!

Первый взбирается Второму на плечи, подтягивается на руках, садится на ребро чашки.

Первый. Ух, как тут жарко! Как в бане... *(Нагибается.)*
Ух, черт возьми!

Второй. Что?

Первый. Хозяин отпил половину... Не достать. Придется сделать так... *(Снимает пояс, привязывает к нему флягу, опускает флягу в чашку.)* Ну вот!.. Теперь можно попытаться зачерпнуть... *(Вглядываясь куда-то вдаль.)* Какой вид отсюда, Рельб!*

Второй. Какой отсюда может быть вид?

Первый. Потрясающе! Знаешь, Рельб, отсюда виден край буфета. В нем стоят хрустальные бокалы. И вот лунный свет упал на них, и теперь они играют разноцветными огоньками... Ах как красиво! Жаль, что ты не видишь этого... Безумно красиво, Рельб. Очень похоже на фейерверк. Помнишь, как у нас там под Новый год устраивали фейерверки? Хочешь, я помогу тебе подтянуться?

Второй. Вот еще.

Первый. Но я хочу, чтобы ты это увидел.

Второй. Делать мне нечего...

Первый. Когда Бетти выздоровеет, надо будет слазить с ней на буфет. Она так любит эти фейерверки...

Пауза. Некоторое время Первый сидит молча, глядя в сторону буфета:

Второй, задумавшись, прохаживается у основания чашки.

Второй. Флим, можно я задам тебе один вопрос?

Первый. Конечно.

Второй. Тебе очень нравится моя жена?

Пауза.

Что ты молчишь?

Первый. Думаю, как ответить... Скажу «очень» — обидишься ты, скажу «не очень» — обидно для Бетти. Я не стану отвечать на твой вопрос, Рельб.

Второй. Ну хорошо. Сформулируем вопрос иначе: а ты хотел бы переспать с моей женой?

Первый. Нет.

Второй. Почему?

Первый. Я очень уважаю тебя, Рельб.

Второй. И только поэтому?

Первый. А еще я слишком люблю Бетти, чтобы позволять о ней так говорить!

Пауза.

Извини!

Второй. Все правильно... За что сердиться? Ты сказал правду. Я никогда не сержусь на правду. Вот когда ты перед этим врал, что, мол, просто пришел сюда выпить чаю, — это было противно. А на правду я никогда не сержусь...

Пауза.

Первый. Я скоро уеду от вас, Рельб.

Второй. Куда это?

Первый. Пока не решил. Перееду в другой город.

Второй. Зачем?

Первый. Надо же как-то со всем этим кончать. Мы скитаемся вместе и только мучаем друг друга. Пора разрушить этот дурацкий треугольник... Я уеду.

Второй. Ты пропадешь один.

Первый. Найду какое-нибудь занятие. Все-таки я пианист, Рельб. Я хороший пианист.

Второй. Не говори ерунды. Ты видел здешние инструменты? Каждая клавиша как бревно... Как ты собираешься играть?

Первый. Ногами, Рельб! Я все продумал. Если быстро прыгать с клавиши на клавишу, то получается совсем неплохо. Здесь у декана стоит клавесин, я уже репетировал... Серьезную вещь, конечно, не сыграть, но популярные мотивчики звучат неплохо...

Второй. Перестань! Ты серьезный музыкант и не должен опускаться до примитивных мотивчиков...

Первый. Кто здесь знает, что я серьезный музыкант?

Второй. Я знаю. Бетти знает..

Первый. Поэтому я и хочу от вас уехать.

Второй. Не говори ерунды! Унизительно прыгать с клавиши на клавишу, точно блоха. Ты человек и не должен терять достоинство... Ты мой друг, ты любишь мою жену... А главное — мы оттуда... Три нормальных человека в этой огромной Богом проклятой стране... Нам обязательно надо держаться друг друга... Не бросай нас, Флим!

Первый. Да, конечно, Рельб. Это у меня так... Фантазии.

Второй. И приходи к нам.

Первый. Спасибо.

Второй. Всегда, когда хочешь. Даже когда тебя конкретно и не зовут.

Первый. Спасибо, Рельб. Ты очень добр.

Пауза. Второй вдруг обращает внимание на туфли Первого, внимательно разглядывает их.

Второй. Что это у тебя?

Первый (*глядя в сторону буфета*). Поразительно, как они светятся...

Второй. Что это, я тебя спрашиваю? (*Показывает туфлю*).

Первый. О чем ты?

Второй. Что у тебя в ботинке? Внутри!

Первый (*чуть смущен*). Ну что ты пристал?

Второй. Ах ты сукин сын!.. Стельки! Огромные пробковые стельки! И потайные каблукы?.. Ах мерзавец!

Первый. Кто дал тебе право оскорблять меня?!

Второй. Трижды мерзавец! Я с ним меряюсь по-честному, а он...

Первый. Я тебе предложил быть наверху — сам отказался...

Второй. И давно у тебя эти штуки?

Первый. Мое личное дело.

Второй (*распалаясь*). Значит, давно. Негодяй! Значит, во всех наших спорах ты был нечестен. И там, в армии, когда стоял правофланговым, а я плелся где-то сзади... И на приемах, когда ты открывал танец как самый высокий... И перед Бетти!..

Первый. Не заводись!

Второй. Ты больше мне не друг, Флим! Ты обманул меня! Ты обманул мою жену. Наивная женщина, я видел, как она смотрела на тебя восхищенными глазами... «Смотри, Рельб, — говорила она мне, — наш Флим с каждым днем становится выше и выше, наверное, он много работает над собой». О, если б она знала...

Первый (*кричит*). ЗНАЛА!

Второй. Что?

Первый. Она зна-ла!! Потому что видела меня без туфель! И БЕЗ ВСЕГО!

Второй (*тихо*). Замолчи!

Первый. Почему? Это же правда. А на правду ты не сердисься. Так слушай!.. Мы с Бетти давно любим друг друга. И я хожу, потому что она зовет меня... КОНКРЕТНО!

Второй. Замолчи!

Первый. Я всегда был выше тебя, Рельб! И дело тут не в каблуках... Просто я всегда наверху!.. Вот и сейчас. Я достиг края чашки и люблюсь радугой на буфете, а ты, как всегда, струсил и ругаешься внизу...

Второй. Я убью тебя, Флим.

Первый. Сначала дотянись! Пигмей.

Второй. Кто?!

Первый. Да. Это мы с Бетти так тебя называем.

Второй. Да я тебя!.. (*Схватил десертную вилочку, бросился на чашку.*)

Первый (*вскочил на ребро чашки*). Не достанешь! Не достанешь!.. (*Бежит по ребру.*) ЛИЛИПУТ НЕСЧАСТНЫЙ!

(Неожиданно покачнулся.) Рельб! Помоги мне, я падаю... Рельб! (Падает в чашку.)

Второй. Флим! Что с тобой? *(Беспомощно бегаёт вокруг чашки.)* Флим! Отзовись! Не бросай меня, Флим!.. *(Стучит кулаками в стенку чашки.)* ЛЮДИ! ПОМОГИТЕ НАМ!..

Кто-то задул свечу. Наступила полная темнота. Потом свет стал медленно разгораться... В дверях стояли Ванесса и Патрик. Они увидели Свифта, который молча и печально разглядывал чашку чая...

Доктор сидел в отдалении, явно не понимая, что происходит.

Ванесса. Мистер Свифт, я хочу вам представить доктора Симпсона.

Доктор *(бодрым тоном)*. А мы уже виделись... Я встретил декана на прогулке, но он не захотел со мной побеседовать... Ну ничего... Мы подружмся... Не так ли, декан? Судья Бите и весь Опекунский совет очень надеются, что мы подружмся и общими силами придем к полному выздоровлению... Вы меня слушаете, сэр?.. Что с вами?.. У вас на глазах слезы...

Патрик. Наверное, чай остыл, и это расстроило мистера Свифта.

Доктор. Да? Из-за такой ерунды... *(Подходит к Свифту, заглядывает в чашку.)* В чашку что-то упало... Очевидно, мушка, сэр! Не стоит из-за этого огорчаться... *(Хочет взять чашку из рук Свифта, тот не даёт.)* Позвольте! Позвольте... Я не люблю, когда пациенты меня не слушаются... Позвольте! *(Силой вырывает чашку из рук Свифта. Пальцем встряхивает мушку.)* Ну вот и все! Все в порядке... Теперь у нашего декана вновь будет отличное настроение... Не так ли?

Возвращает чашку Свифту. Тот секунду внимательно смотрит на Доктора, потом решительно выплескивает чай ему в лицо...

3. История болезни

На следующий день. Та же зала в доме декана Свифта. Доктор заканчивает осмотр Свифта, ему помогает сестра Ванесса. Чуть поодаль стоит дворецкий Патрик. За окном прогуливаются гости декана. Бродячий шут напевает песенку (может быть, эту):

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного

Во время непогоды.
Но шут с тобой — твой верный шут! —
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут;
Дурак, а не мошенник!!*

Доктор (*недовольно*). Закройте шторы, Патрик...
И скажите этому бродяге, чтоб перестал нудить всякую
чушь...

Ванесса. Это Шекспир, доктор... «Король Лир»...

Доктор. Не знаю, не знаю... Мы живем при короле Ге-
орге, и давайте заниматься делом... Ступайте, Патрик!

Патрик (*довольным тоном*). Слушаюсь, доктор! (*Уходит.*)

Доктор (*прикладывает ухо к груди декана*). Так... Так...
Дышите... Хорошо! Можете одеваться...

Доктор пошел к столику, где были разложены бумаги. Ванесса помога-
ет декану одеться.

(*Сев за столик.*) Заполним историю болезни. Помогайте,
сестра. Итак, полное имя?

Ванесса. Джонатан Свифт.

Доктор (*записывая*). Через «ф»?

Ванесса. Что?

Доктор. Я спрашиваю: «Свифт» пишется через «ф»?

Ванесса (*несколько растерянно*). Разумеется, доктор.

Доктор. Год рождения?

Ванесса. Тысяча шестьсот шестьдесят седьмой.

Доктор. Род занятий?

Ванесса. Священнослужитель... философ. Писатель.

Доктор (*записывая*). «...писатель». Оказывается, наш
декан еще и сочиняет? Интересно.

Ванесса. Вы шутите, сэр?

Доктор. Я никогда не шучу, сестра, тем более во вре-
мя работы.

Ванесса. Вы не читали книг мистера Свифта?!

Доктор. Я вообще не читаю беллетристики. Времени
едва хватает на специальную литературу...

Свифт безучастен.

Ванесса. И вы никогда не слышали о его памфлетах?

*В.Шекспир. Перевод С.Я. Маршака.

Доктор пожал плечами.

О знаменитых «Приключениях Гулливера»?

Доктор. Гулливер?! Подождите... Что-то припоминаю... Такой толстый... много ест...

Ванесса (*сухо*). Это Гаргантюа, сэр. Автор — Рабле. Гулливер — совсем другое...

Доктор (*равнодушно*). Тогда не помню...

Ванесса. Простите, доктор, но мне кажется, вы не сможете помочь мистеру Свифту... Лечить художника, не зная его творений... Я буду вынуждена обратиться в Опекунский совет с просьбой прислать другого доктора.

Доктор. Это ваше право. Ванесса! Но я боюсь, что Опекунский совет сочтет проще заменить сестру... (*Неожиданно*.) Подождите! Я вспомнил... «Гулливер»?.. Это что-то детское...

Ванесса. Книга написана для взрослых.

Доктор. Странно... Я слышал, как няня это читала малышам... Врач, который побывал в стране лилипутов, потом в стране великанов, потом еще где-то...

Ванесса (*обиженно*). Не где-то, а в Лапуту. В Бальнибарби. В Лагнег. В Глабдобдриб. И наконец, в стране гунгнмов...

Доктор. Боже, какие названия! И в чем там дело?..

Ванесса (*недовольно*). Это очень серьезная книга, сэр. Я думаю, нет смысла опошлять ее вульгарным пересказом, тем более в присутствии автора... (*Достала книгу с полки*.) Гораздо полезней для вас это прочесть.

Кладет перед Доктором книгу, уходит в сопровождении Свифта. Доктор раскрыл книгу, полистал страницы, затем равнодушно захлопнул ее.

В окне появилась мисс Эстэр Джонсон.

Эстэр. Доктор, прошу вас, не сердитесь на Ванессу. Она плохо воспитана, но она любит декана...

Доктор. Вас это радует или огорчает?

Эстэр. Не важно. Она помогает мистеру Свифту в его работе... Она ведет его обширную переписку...

Доктор. Странно, что вы... именно вы... за нее заступаетесь!

Эстэр. Приходится быть к ней снисходительной... Ведь она... безумна.

Доктор. Кто? Сестра?

Эстэр. Да, сэр... *(Улыбнулась.)* Видите ли, много-много лет назад декан был знаком с одной девушкой по имени Ванесса. Он даже посвятил ей поэму... «Ванесса — светоч для сердец, всех женщин лучший образец!» *(Засмеялась.)* Какие строчки, а?... Так вот, сестра Ванесса и решила, что она именно та Ванесса. *(Засмеялась.)* А ведь это имя он придумал... «Ванессой зваться будешь ты, и это имя красоты лишь в небесах богам известно. В земных пределах — неуместно...» *(Неожиданно зло.)* Бедняжка! Как глупо доверять поэзии... Когда декан был в ударе, он мог рифмой воспеть даже метлу!.. Нет, доктор! Он любил другую женщину... Всю жизни! Он писал ей письма... О, какие письма писал!.. Каждый день!.. Их сохранилось более тысячи...

Доктор. Надеюсь, ее звали не вашим именем?

Эстэр *(словно не замечая иронию)*. Ее он звал Стеллой. Это имя он тоже придумал... Ах, вообще был большой выдумщик наш декан... Стелла! Красиво, не правда ли?.. «Ты знаешь, Стелла, каждый год декан хвалу тебе поет...»

Доктор *(нетерпеливо)*. Так на ком он все-таки был женат, ваш декан?

Эстэр. Он вообще не был женат, доктор. В его жизни были две женщины, и он не смог нанести рану ни одной из них...

Доктор. Они обе умерли?

Эстэр. Да.

Доктор. Одновременно?

Эстэр. Почему?

Доктор. Иначе он мог бы жениться на оставшейся...

Эстэр *(внимательно посмотрев на Доктора)*. Простите, сэр, вы из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Эстэр. Я так и подумала... Прочтите книгу, сэр... Может быть, тогда вы поймете, что в этом доме со смертью особые счета — здесь все умирают и не умирает никто...

Появился Патрик, стал сердито задерживать шторы.

Патрик. Не мешайте доктору, мисс Джонсон... Пройдите в сад.

Эстэр отошла от окна. Патрик направился к другому окну, но вдруг споткнулся, перепрыгнул через невидимое препятствие.

(Доктору.) Опять эти лилипуты! Кыш!!

Доктор *(неожиданно подошел к Патрику, закричал)*. Прекратите валять дурака!! Какие лилипуты?! Откуда?! Или они вам приснились в страшном сне?!

Патрик. А вам?..

Доктор. Не имеет значения...

Патрик. Вдвоем? Возле чашки чая, да? Один — пианист, другой — женат... Тот, который со стельками, выше... Так?

Доктор *(подумав)*. Нет. Выше как раз тот, что без стелек...

Патрик *(торжествующе)*. Вот до какого кошмара мы дошли! Здесь всем уже снятся одинаковые сны... А все он — декан Свифт! Его пагубное влияние.

Доктор. Но ведь он не говорит ни слова...

Патрик. Осторожней, сэр! Этот человек проповедует молча... Даже с амвона... *(Огляделся, перешел на шепот.)* Придет, встанет перед прихожанами... И МОЛЧИТ. И те МОЛЧАТ... И все!! Ирландцам уже почему-то сразу не нравится губернатор и раздражает нищета.

Раздался сильный стук в дверь.

Вот.. Пожалуйста... Пример его пагубного влияния... Этот сумасшедший великан снова будет требовать рыцаря Ланцелота!..

Открыл дверь. Стали видны два огромных башмака.

Господин Люм, я же просил вас не приходить... Что?.. *(Задрал голову.)* Я вас не слышу... Какого рыцаря?.. Где я вам возьму рыцаря?..

Доктор. Кто этот человек на ходулях?

Патрик. На ходулях? *(Он искренне удивлен.)* Вы думаете, это не настоящие ноги?.. Ах мерзавец! Вот мы сейчас проверим... *(Пнул ботинок ногой.)* Эй! Сэр! Слезайте!.. *(Снова пнул.)* Надо попробовать кипятком!!!

Доктор. Прекратите, Патрик!

Патрик. Нет, доктор, надо проверить! И у лакеев есть нервы...

Доктор. Проверим иначе... (Подошел к доспехам рыцаря, висевшим на стене, снял меч, шлем.) Поднимитесь наверх, Патрик, и скажите этому великану, что рыцарь Ланцелот приехал... Вы поняли? Приехал и готов с ним сразиться... Если, конечно, этот Глюм спустится вниз и обговорит условия поединка... Вы меня поняли?!

Патрик (радостно). Разумеется, доктор!.. О, я чувствую — вы наведете здесь порядок! (Достал откуда-то трубу.) Разрешите трубить сигнал?

Доктор. Это необязательно...

Патрик. Нет! Все должно быть как на настоящих турнирах!

Радостно трубя, Патрик двинулся к выходу. Через секунду откуда-то издалека и сверху послышался его голос: «Великан Глюм! Доблестный рыцарь, сэра Ланцелот принимает твой вызов!» В окнах появились ликующие лица горожан. Доктор испуганно оглядывается. Грянула песня.

ПЕСНЯ ГОРОЖАН

Труба трубит! Сигнал зовет!
Толпа валит гурьбой.
Наш славный рыцарь Ланцелот
Опять выходит в бой.
Огнем играет медный шлем,
И с золотом — шитье.
Всегда при нем, на горе всем,
Огромное копьё!

Припев:

Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!!

Как хорошо, что стали вновь
Турниры воскрешать.
Пускай рекой польется кровь,
Пусть кости затрещат!
Пусть череп лопнет пополам
И полетят мозги!!
Ведь надо же когда-то нам
Их показать другим!!!

Припев:

Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!!

4. Бой с великаном

Открылась дверь, вошел невысокий полноватый человек с печальными глазами. Его сопровождает Патрик.

Патрик. Джентльмены, разрешите вас представить друг другу. Мистер Глюм. Великан. (*Жест в сторону Доктора.*) Сэр Ланцелот.

Глюм. Доблестный рыцарь, я рад, что вы приняли мой вызов! Надеюсь, поединок наш будет честным и бескомпромиссным!

Доктор (*отложив меч*). Я не люблю глупых шуток, мистер Глюм. Я приехал драться с великаном. Вы же — человек среднего роста... Футов шесть, не больше...

Глюм. Пять футов восемь дюймов... И все-таки, сэр, я действительно великан. Самый настоящий! Понимаю, в это трудно поверить, но это так... Я опустился...

Доктор. Каким образом?

Глюм. Если хотите, расскажу.

Доктор. Только коротко...

Глюм (*печально*). Хорошо...

Доктор. Садитесь к столу... (*Дворецкому.*) А вы, Патрик, задерните шторы... Нечего на нас глазеть!

Патрик задернул шторы, к явному неудовольствию глазающих зрителей.

Глюм (*заискивающе*). И, если можно, рюмку вина.

Патрик вопросительно посмотрел на Доктора, тот кивнул. Патрик ушел за вином, недовольно ворча...

Доктор (*рассматривая Глюма*). Давно пьете?

Глюм. Давно... Но это не пьянство — это лечение... Впрочем, разрешите все по порядку... Так вот, сэр Ланцелот, я на самом деле великан, хотя сегодня в это трудно поверить. Другое дело мой отец, Глюм-старший. В нем было двести футов росту, он был выше Дублинского собора. Это казалось святотатством, и местный епископ требовал, чтобы отец ходил согнувшись... Бедняга так и проходил всю жизнь, словно больной радикулитом...

Родом он был из Бробдингнега. Это страна великанов, описанная Свифтом... Вы, конечно, читали о ней?

Доктор. Предположим. Дальше.

Глюм. Отец попал в Англию во время кораблекрушения и прожил здесь недолго, мучительно страдая... Сначала его показывали в цирке как диковину, потом зрелище всем надоело, и отца бросили на произвол судьбы... Он очень тосковал, просился назад в Бробдингнег, но ему никто не мог предоставить нужного корабля... Так он мыкался, перебиваясь случайной работой — перетаскивал камни в горах, прочищал трубы в высоких зданиях... Последнее время служил маяком в гавани. Целыми ночами простаивал у причала, держа огонь на вытянутой руке. Здесь и погиб во время сильной грозы. Молнии, сэр, всегда выбирают высокие объекты... Черт возьми, где же Патрик? Можно ли так долго ходить за рюмкой?

Появился Патрик с подносом.

Патрик. Потихе, сэр! Здесь не пивная! Пришли на поединок, так ведите себя прилично...

Глюм. Да, да, извините! *(Залпом выпил вино и продолжил.)* Так вот об отце. Незадолго до смерти он женился на высоченной англичанке... «Высокая Анна» — может, читали в газетах?.. Ну, не важно. Важно, что в результате этого странного брака появился на свет я — Глюм-младший, полувеликан-полуангличанин, несчастнейшее существо. Несчастье мое состояло еще и в том, что, кроме огромного роста, родители наградили меня непомерным мозгом, из-за чего я начал стремительно развиваться... Разговаривать начал пяти дней от роду, причем сразу на нескольких языках. Писать, читать, считать стал в колыбели. Курс гимназии прошел за три дня, колледж — за месяц, через год, занимаясь исключительно самообразованием, достиг уровня знаний члена Британской академии... Сначала это восхищало соотечественников, потом стало раздражать... Непомерно развитый мальчишка оскорблял достоинство седовласых ученых. А я продолжал углубляться в науки, открывал законы и истины — и тут же понимал их несостоятельность и необходимость новых законов и новых истин... «Ибо, умножая знания, умножаем скорбь...» А тут еще я начал расти не по дням,

а по часам, поднимаясь фут за футом над уровнем сограждан. Скоро я уже наблюдал свою землю с высоты птичьего полета... Я видел, как она прекрасна, как живописны ее холмы и горы, но я видел и как ее губят, как жгут леса, как бездумно бороздят наделами без всякого плана и мысли, как люди убивают друг друга из-за куска земли... Сэр, у великанов, к сожалению, все чрезмерно — зрение, слух, совесть... Каждый выстрел отзывался в моих ушах, каждая смерть рвала на части мое сердце...

Я решил сделать страну счастливой... Мне казалось, я знаю, как помирить всех и в чем смысл бытия... Я пошел к королю. Он меня не принял... Сэр, прикажите Патрику принести еще рюмочку... Мы подходим к печальному моменту!

Патрик. Это уже лишнее, сэр!
Доктор. Принесите, Патрик!

В окно стали стучать. Патрик недовольно приоткрыл штору.

Патрик. Тихо! Спокойно! Скоро начнут! Я говорю — скоро! Разминаются... (*Задержал штору, ворча удалился.*)

Глюм. Король меня не принял! Он сказал, что не намерен выслушивать чьи-то советы, глядя снизу вверх... Я сказал, что готов упасть перед ним ниц. Но король сказал, что советы снизу ему не интересны... И вообще, сказал король, неужели в Англии не найдется смелого рыцаря, который бы проучил этого выскочку?..

Так мне объявили войну! Десятка полтора рыцарей двинулись в поход на великана. Я бы мог их положить одним ударом руки, но это были мои соотечественники... Я понял, что сильный должен уступить! Пусть, подумал я, погибну, но хоть этим принесу славу отчизне... Я вышел на бой с рыцарями!

Он встал из-за стола и принялся рассказывать по комнате. Доктор напряженно наблюдал за ним.

Рыцари оказались бездарными! Их кони сбрасывали седоков, их стрелы летели мимо, их копья даже не пробивали моих штанов... Король направил мне тайное письмо: «Перестань позорить Британию! Уезжай отсюда на все четыре стороны!» Я написал: «Ваше величество, это моя родина! Я хочу принести ей пользу... Не гоните меня! Я

сделаю для нее все, что вы прикажете!» Король ответил запиской: «Тогда не валяй дурака, стань таким, как все!»

Вошел Патрик, поставил перед Глюмом новый бокал вина.

Патрик. Это последний, сэръ! Больше не просите. *(И, отойдя в сторону, принялся слушать беседу.)*

Глюм *(с отчаянием)*. ИТАК, Я СТАЛ УМЕНЬШАТЬСЯ!! *(Выпил вино.)* Это самое страшное из всех наказаний. Всякий знает, как трудно взбираться наверх, но обратный путь всегда тяжелей... Не спрашивайте, как я это делал. Специальная гимнастика, диета, разнообразные поклоны, приседания... Я спускался вниз, как по тропинке, фут за футом, ежедневно приближаясь к уровню сограждан.

С головой было труднее всего, но тут помог алкоголь. Ежедневный трехкратный прием алкоголя — и ты очищаешь свою башку от ненужных знаний и мыслей... Первый год я с трудом забывал все то, что усвоил в академии, затем пошло легче... За месяц я забыл колледж, за неделю — гимназию... На забывание философии ушло дня три, на историю — сутки... Потом на эту... как ее... ох, господи... В общем, ее забыл почти без напряжения часа за два...

Одним словом, постепенно превратился в нормально-го господина средних размеров. Устроился здесь, в Дублине, нашел службу в одной конторе, неплохо зарабатывал: женился, построил домик... Отличный домик, сэръ, маленький, с участком... И вдруг... этот декан Свифт начинает звонить в колокол и собирать безумных...

Мы с женой сначала просто посмеялись, а потом закралась у меня мысль: не тряхнуть ли тебе стариной, Глюм?!! Не подняться ли снова до облаков?! Риск, думаю, небольшой. Посмеюсь, подышу озоном... Выпить дадут!

Патрик *(радостно)*. Я говорил! Все дело в выпивке на дармовщину...

Доктор. Принесите вина!

Патрик. Но, сэръ.

Доктор *(строго)*. И мне тоже!

Патрик, недовольно ворча, удалился...

Глюм. Я сам построил эти башмаки, на это у меня хватило соображения... А потом, когда встал на них и снова поднялся к облакам, вы знаете, мистер Ланцелот, что-то шевельнулось здесь *(ткнул себя в лоб)*. Еще не все потеряно! Я стал вспоминать... Понемножку... Понемножку... Там, наверху, чистый воздух... Мысли начинают бежать быстрее... И снова, сэр, захотелось что-то сделать для страны... Как великану мне в жизни не повториться — но, может быть, в смерти, сэр?.. Вот поэтому я послал вызов Ланцелоту... Я очень благодарен, что вы отозвались. Я слышал, вы смелый и бесстрашный рыцарь, сэр, и не откажетесь сойтись со мной в поединке? Ваша победа прославит родину!

Доктор изучающе посмотрел на Глюма. Тот в ответ посмотрел спокойно и печально. Доктор не выдержал взгляда.

Доктор. К сожалению, это невозможно.

Глюм. Почему?

Доктор. Я не испытываю к вам никакой вражды, и вообще я против дуэлей.

Глюм. Это не дуэль, а турнир. Здесь торжествуют смелость и ловкость... Вы видите, как народ жаждет поединка. Люди соскучились по мужественным бойцам... Нам нужны герои. Ну?! Смелее, сэр Ланцелот.

Доктор. Я доктор. Доктор Симпсон.

Глюм *(зло)*. Я не люблю глупых шуток! Можно сказать, что я сумасшедший, но я встану на ходули, а вы наденете шлем — и Великан с Ланцелотом сойдутся в схватке.

Доктор. Проводите его, Патрик.

Глюм. Трус!! Будёте хвастать в пивных прошлыми победами, а когда настал миг проверить себя — в кусты?.. О Англия, у тебя не осталось героев!

Патрик. Пойдем, пойдем... Набрался, приятель.

Глюм *(свирепо)*. Ну нет! Если ваша рука разучилась владеть мечом, то моя не дрогнет. *(Рванулся к доспехам и, прежде чем Доктор смог ему помешать, выхватил меч.)* Я сниму грех с вашей души. Вам останутся только аплодисменты! *(Он распахнул дверь и закричал.)* Да здравствует бесстрашный Ланцелот!! *(И вонзил меч себе в грудь.)*

Доктор. Что мы натворили, Патрик?!

Патрик. Успокойтесь, доктор, успокойтесь... Это несчастный случай.

Доктор оттолкнул дворецкого, бросился к дверям. Ему навстречу ворвалась ликующая толпа горожан. Толпа подхватила его, начала подкидывать вверх, восторженно крича: «Да здравствует смелый Ланцелот!!!» Гремела песня:

Как хорошо, что стали вновь
Турниры воскрешать.
Пускай рекой польется кровь,
Пусть кости затрещат!
Пусть череп лопнет пополам
И полетят мозги!
Ведь надо же когда-то нам
Их показать другим!!
Да здравствуют наши традиции —
Сражаться при всей амуниции!

5. Это все — театр

По коридорам огромного дома Свифта быстро шли Доктор и Судья Бигс — толстый мужчина, в парике и мантии. За ними два огромных констебля — Рыжий и Черный — буквально несли за шиворот дворецкого Патрика. Судья распахнул дверь кабинета. За письменным столом сидел Свифт, рядом — Ванесса.

Доктор. Ваше преподобие! Извините, что беспокоим вас, но у нас сообщение чрезвычайной важности.

Ванесса. Почему здесь судья и констебли?.. Это частный дом.

Судья (*сухо*). Извините, сестра. Но когда в частный дом проникают мошенники, то вслед за ними рано или поздно приходит закон!

Судья распахнул окно, и все увидели, что несколько полицейских сгнали гостей декана в огромный фургон, обтянутый суровой мешковиной.

Ванесса. Это жестоко!.. Доктор, как вы можете позволять, чтобы ваших пациентов...

Доктор (*перебивая*). Это актеры, сударыня! Обыкновенные бродячие актеры... И они будут наказаны за обман.

Судья. Вот, уважаемый декан, как злодеи воспользовались вашим гуманным завещанием. Вы думали облег-

читать жизнь несчастных, а пригрели шарлатанов. Ну, Патрик! Рассказывайте хозяину, как вы его обманули...

Патрик (*падая на колени*). Простите, сэръ! Я не думал, что так все получится... Я хотел только добра!.. Всему виной ваше завещание. Когда вы его сочинили, я подумал: «А что это будет, если к нам в дом и вправду начнут стекаться ненормальные?.. Ведь мы лакеи, а не санитары... И у нас есть нервы! А тут как раз в Дублине и появился этот бродячий театр. Я пришел к ним и говорю: «Джентльмены! Есть неплохая работа!.. Вы поселяетесь в доме мистера Свифта, мы вас кормим-поим, а вы за это... тихо валяете дурака... О, простите, сэръ! Я имел в виду, чтоб они изображали разных смешных героев, которых вы, сэръ, насочиняли...

Судья (*патетически*). Какая низость!!

Патрик. Я знал, что декан не рассердится. Он сам всегда любил такие шутки... И поначалу все было хорошо. Забавно... Кто прикинется лилипутиком, кто — великаном... Все по-доброму! Но потом эти мерзавцы увлеклись... Стали топить друг друга, полилась кровь...

Судья. Они взбудоражили мне весь город! Волнения перекинулись на улицы... Просто эпидемия безумия!

Патрик. Актеры, сэръ... Что от них можно ждать хорошего? Импровизация. Каждый в душе — Гамлет!..

Ванесса. Куда увозят этих людей?

Судья. В тюрьму, мисс Ванесса. Я думаю, это прекрасное помещение для искусства подобного рода...

Патрик. Но ведь я чистосердечно признался...

Ванесса. Не волнуйтесь, Патрик! За все, что происходит в доме, отвечает домоправительница. (*Судье.*) Можете арестовать и меня, сэръ! Все происходило с моего ведома...

Судья. Вы признаетесь, что участвовали в обмане?

Ванесса. Я не считаю это обманом. И я не брошу этих людей, кто бы они ни были.

Судья. Вы уволены, мисс Ванесса! Опекунский совет отстраняет вас от всех обязанностей по уходу за деканом Свифтом! Потрудитесь передать ключи от дома новой сестре...

Открылась дверь. Появилась мисс Эстэр Джонсон. Она одета в темное платье сестры милосердия.

Познакомьтесь, доктор. Мисс Эстэр Джонсон, будет вам теперь помогать...

Эстэр. Мы знакомы с доктором. Правда, он принимал меня за помешанную...

Доктор. Скорее — за актрису...

Ванесса. Зато я никогда не заблуждалась на ваш счет, мисс Джонсон, — для актрисы у вас слишком мало таланта, а для безумной — искренности чувств... Впрочем, я рада, что Опекунский совет выбрал вас... Надеюсь, то время, пока вы бродили здесь и подслушивали под окнами, скажется на вас благотворно!

Эстэр. Мне очень жаль, что я вытесняю вас, сестра... Но главное ведь, чтобы декан был здоров и окружен заботой. Не так ли?

Ванесса. Разумеется, мисс Джонсон. И еще у меня к вам просьба: не вешайте здесь занавесочки с цветочками... Декан вам не сделает замечания, но будет страдать... Он не переносит пошлости.

Эстэр (*сдерживаясь*). Хорошо, сестра. Я учту вашу просьбу... Но уж эти шторы сниму немедленно... Они слишком мрачны, хотя и соответствуют последней моде...

Ванесса. Вы сделаете мне большое одолжение, мисс Джонсон, если перестанете меня именовать «сестрой». Я уволена! Теперь я для вас просто мисс Ванесса или еще короче — мисс...

Эстэр. Хорошо, мисс...

Ванесса (*протягивает ей связку ключей*). Пожалуйста! Это — от комнаты, это — от кухни... Здесь ключи от книжных шкафов... Пожалуйста, к бюро, мисс Джонсон... Я покажу, как должны лежать бумаги. Декан любит, чтоб они лежали вот в таком порядке... Надеюсь, здесь ничего не пропадет и не затеряется?..

Эстэр. Безусловно, мисс...

Ванесса. Впрочем, от этих бумаг я вас избавлю... (*Взяла пачку писем.*) Это моя личная переписка с деканом. Я могу взять эти письма?

Эстэр. Разумеется, мисс... Я не думаю, что исследователям жизни и творчества декана это будет интересно.

Ванесса. Очень верное замечание, сестра... Вас не обижает, что я вас так называю?.. Так вот, мисс Джонсон,

я считаю, что вы абсолютно правы, и немедленно сожгу эти никому не нужные листочки... *(Направляясь к камину.)*

Доктор. Может быть, не сейчас. Ванесса?.. Это может травмировать декана!

Ванесса *(швыряя письма в огонь)*. О, что вы, доктор!.. Декана это ничуть не волнует!.. *(Повернула заплаканное лицо к Свифту.)* Я не ошиблась, ваше преподобие?.. А может быть, вас вообще радует приход этой женщины?.. Почему вы молчите?!

Доктор. Но он всегда молчит...

Ванесса. Для вас, доктор... *(Быстро вышла из кабинета.)*

Доктор *(Судье)*. Что она хотела этим сказать?..

Свифт неожиданно резко встал, шагнул к камину. Эстэр бросилась к нему.

Эстэр. Что с вами, декан?! Почему у вас на глазах слезы?.. Это не та Ванесса!.. Та Ванесса умерла... Вы же знаете... Зачем вам ее письма?.. Ну хорошо... Раз они вам так дороги... *(Сунула руку в камин.)* Я соберу их все... Я восстановлю каждое слово... Только успокойтесь!

Свифт наклонился к ней, достал из огня ее обожженную, покрытую копотью руку, поцеловал.

О сэръ! Неужели вам так дорога эта девушка, что вы готовы терпеть меня? Благодарю вас!.. Идемте! Вам надо отдохнуть...

Они пошли к выходу, возле дверей мисс Джонсон обернулась.

Господин судья, декан просит не увозить сегодня этих людей! Пусть они ещё хоть денек побудут здесь... Ведь поминки не кончились...

Судья посмотрел вопросительно на Доктора, тот кивнул.

Судья. Ну хорошо!.. Под вашу ответственность, доктор... Только никаких представлений... Слышите?.. Толпу разгонять! Актеров держать в фургоне под охраной! Вы поняли, констебль?

Рыжий констебль. Так точно, сэръ!

Доктор посмотрел за окно. Двое полицейских прилаживали огромную решетку к заднику фургона.

6. Некто

Вечер. Дальний угол сада. Стоит актерский фургон, обтянутый суровой мешковиной. Весь задник фургона теперь закрыт железной решеткой, на которой висит огромный замок. Сквозь решетку видны иногда лица актеров. Фургон охраняют два констебля: первый — черноволостый, второй — рыжий, веснушчатый, с пышными усами. Невдалеке от фургона молча стоит Свифт. Актеры тихо напевают песенку.

Черный констебль. Прекратить петь!

Рыжий констебль. Пускай... Они ж негромко...

Черный констебль. Не разрешено никаких представлений. Народ начнет толпиться...

Рыжий констебль. Это правильно! Но вообще — жалко. Я, знаешь, кое-что у них смотрел... Мне понравилось... Про лилипутов...

Черный констебль. Это когда в чашке-то утоп?.. Ха! Ничего.

Рыжий констебль. И про великана неплохо... Но вот особенно с этим умора... который живет вечно...

Черный констебль. Это который?

Рыжий констебль. Ну, который сам себя забыл... (Показывает за решетку.) Вон сидит... «Дубу, — говорит, — пятьсот лет, а я его желудем помню...» Эй ты! Иди-ка сюда...

Черный констебль. Не трогай ты их...

Рыжий констебль. Да ладно, поболтаем только...

К решетке приблизился Некто.

Некто. Вы меня, джентльмены?

Рыжий констебль. Одет-то... Одет-то как... Ну, умора... Как тебя зовут?

Некто. Видите ли, я так давно живу на свете, что уже забыл свое имя. Поэтому называйте меня просто Некто...

Рыжий констебль. Некто?.. (Смеется.) Ну, артисты... Скажи, сколько же ты живешь?

Некто. Несколько тысяч лет...

Рыжий констебль. Несколько, говорит, тысяч... (Смеется.)

Черный констебль. Потеха!!

Некто (печально). Напрасно вы смеетесь, джентльмены. Каждый человек живет на земле несколько тысяч

лет... Или больше... Просто у вас отшибло память... *(Вглядывается в лицо Рыжего констебля.)* Вас, сэр, я где-то видел... Лет пятьдесят назад...

Рыжий констебль. Пятьдесят? А вот и врешь! Мне всего сорок пять...

Некто. В этой жизни. В этой! А в той жизни, что была до этой, мы с вами встречались... Прекрасно помню. Вы стояли на посту на базарной площади... возле городской тюрьмы...

Черный констебль. Да он сейчас там стоит.

Некто. Это сейчас. А то было тогда, при короле Георге Первом. *(Вглядывается в Рыжего.)* Ну точно — вы... Я обратил внимание: рыжие усы ваши и веснушки... Да вы сами сможете вспомнить, если напряжете хоть немножко свой мозг...

Рыжий констебль. Как это?

Некто. Закройте глаза.

Рыжий констебль. Ну... *(Закрывает глаза.)*

Некто. Вам сейчас, говорите, сорок пять?

Рыжий констебль. Да.

Некто. Теперь постарайтесь спокойно, не торопясь, оглядеть свою прожитую жизнь... Вот вам тридцать. Вспоминаете?

Рыжий констебль. Ну, вспоминаю...

Некто. А двадцать?! Вы молодой, здоровый, румянец во всю щеку... Помните?

Рыжий констебль. Ну, помню... Конечно. Я тогда женился на Полли.

Некто. Прекрасно. А теперь вам десять лет... Помните?..

Рыжий констебль. Ну, так, вообще... Мы тогда жили под Глазго, в деревне...

Некто. Не отвлекайтесь... Сейчас наступает самый трудный момент. Вот вам уже пять лет... Вспоминаете?

Рыжий констебль *(подумав)*. Ну, чуть-чуть...

Некто. Теперь четыре года... Три... Два... Один... Теперь вы в утробе!

Рыжий констебль. Где?!

Некто. В утробе!.. Вы лежите, свернувшись калачиком, через вас бежит кровь матери... Вспоминайте!.. Ну?.. Вспоминайте... Вот вы выходите из этой жизни

в прошлую... Р-р-ра-аз!.. И вот вы стоите в форме и каске на рыночной площади Дублина возле тюрьмы... Мимо нас проезжают кареты... Над вами летают голуби... А вы стоите и глазеете на них...

Рыжий констебль *(в ужасе открыв глаза)*. А-А!! ВСПОМНИЛ!!

Черный констебль. Врешь!!

Рыжий констебль. Клянусь!! Вспомнил!!! Стою на рыночной площади...

Черный констебль. Ты там и сейчас стоишь!

Рыжий констебль. То сейчас, а то тогда!! Ох, Господи! *(Испуганно крестится)*. Пресвятая Дева... Вспомнил!! У меня ведь всегда было такое чувство, что будто бы я жил прежде...

Некто. Разумеется! Все люди жили прежде, надо лишь научиться это вспоминать... Так проповедует декан Свифт!

Черный констебль *(заметив подошедшего Доктора)*. Тихо! Прекратить!! *(Тянет Рыжего констебля за руку)*. Пошли, Джек, будут неприятности...

Рыжий констебль *(не может успокоиться)*. Стою на рыночной площади!! Точно! Стою на площади!

Черный констебль. Ну, стоишь... стоишь... Чего тебя так разобрало?.. *(Уводит его)*.

Доктор подходит к Свифту, нерешительно начинает разговор.

Доктор. Сэр, мне бы хотелось, чтоб мы как-то понимали друг друга... Не знаю, что для этого надо сделать, но поверьте — я вам хочу только добра. *(Улыбнулся)*. Я не верю, что вы безумны!..

Свифт внимательно посмотрел в глаза Доктору, приложил палец к губам.

Свифт. Тсс...

Доктор. Что? Скажите, декан... Скажите...

Возле решетки фургона вновь появился Рыжий констебль. Он не замечает Свифта и Доктора.

Свифт. Тсс!.. *(Прячется за дерево)*.

Доктор *(мрачно)*. Ну что ж... Начнем с «тсс»... Для начала и это неплохо...

Встает рядом со Свифтом, наблюдает за фургоном.

Рыжий констебль (*стучит по решетке*). Мистер Некто!

Некто (*появляясь у решетки*). Что вам, констебль?

Рыжий констебль. Извините, что мешаю спать... Но мне хотелось бы еще немного продвинуться вглубь...

Некто. В каком смысле?

Рыжий констебль. Вспомнить прошлую жизнь... Значит, мы остановились на том, что я стою на рыночной площади возле тюрьмы...

Некто. Это уже при короле Георге?

Рыжий констебль. Да.

Некто. Ну, и вспоминайте дальше...

Рыжий констебль (*закрыв глаза*). Потом мне, стало быть, тридцать... Двадцать... Я женюсь на Полли.

Некто. В прошлой жизни вы тоже женились на Полли?

Рыжий констебль (*мучительно напрягая память*). Получается так. Только та Полли была помоложе... И не такая толстая... Она больше похожа на Кэтти, одну девицу, с которой у меня было кое-что, когда я ездил к родственникам в Манчестер...

Некто. Не отвлекайтесь. Вспоминайте сосредоточенно. Вот вам двадцать, и вы женитесь на Полли, похожей на Кэтти, потом вам десять, потом вам пять... четыре... три... два... один... Вы в утробе... Назад! Назад!.. И вот вы в своей позапрошлой жизни...

Рыжий констебль. Это еще, значит, уже при короле Эдуарде?

Некто. Да. Вспомнили что-нибудь?

Рыжий констебль (*испуганно*). Вспомнил.

Некто. Что?

Рыжий констебль. Стою возле тюрьмы на рыночной площади...

Некто. Не путаете?

Рыжий констебль. Нет. Точно... Стою на посту, охраняю тюрьму.

Некто (*печально*). Да. Я так и думал.

Рыжий констебль. Что это значит, сэр?

Некто. Нет смысла вспоминать дальше, Джек... Боюсь, что картина будет одна и та же: время станет ме-

няться, а вы все будете стоять на посту на рыночной площади...

Рыжий констебль (*чуть обиженно*). Почему?

Некто. Очевидно, такова ваша судьба, Джек.

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр.

Некто. Что тут поделаешь...

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр... Я предполагал, что в прошлой жизни мне не пришлось быть каким-нибудь важным лордом или деканом, вроде нашего Свифта, но с другой стороны... За что ж так со мной?.. Стою и стою, и ничего не меняется...

Некто. Извините, Джек, но в этом вы сами виноваты...

Рыжий констебль. Я?

Некто. Разумеется. Что вы сделали для того, чтоб хоть чуть-чуть изменить свою судьбу? Был ли в вашей прошлой жизни хоть один решительный поступок?.. Вы всегда охраняли тюрьму... И при Георге... И при Эдуарде... И при Генрихе...

Рыжий констебль. Но ведь в тюрьмах сидят разбойники!

Некто. Это как посмотреть, Джек. Робин Гуд был разбойником, а впоследствии стал героем. Жанна д'Арк — еретичкой, а через сотню лет она — святая... И только вы, Джек, тупо стережете замки тюрьмы из века в век, не раздумывая и не размышляя! Вот и сейчас — чем вы заняты?

Рыжий констебль. В каком смысле?

Некто. Ну, чем вы сейчас здесь заняты? Для чего поставлены?

Рыжий констебль. Сторожить...

Некто. Значит, через сотню лет, если вам вдруг захочется освежить память об этом дне, что вам суждено припомнить? А ничего хорошего. Вы снова стоите и сторожите безвинных людей, которых упрятали за решетку...

Рыжий констебль. А за что они вас посадили?

Некто. За что сажают в Ирландии?.. За что угодно... Меня — за то, что вечно живу... Скажите, Джек, разве это преступление?

Рыжий констебль угрюмо задумался.

Доктор (*Свифту*). Извините, сэр, я вынужден вмешаться... Такие разговоры опасны... Поверьте, я не новичок в психиатрии...

— Тсс!

Этот звук раздался откуда-то сзади. Доктор испуганно обернулся и увидел, что сзади стоят несколько горожан и прикладывают палец к губам.

— Тсс!

Рыжий констебль вновь подошел к решетке фургона.

Рыжий констебль. Господин Некто.

Некто. Я здесь, Джек.

Рыжий констебль. Господин Некто, скажите — как далеко это зашло?

Некто. Что именно?

Рыжий констебль. С какого времени я охраняю тюрьмы?

Некто. Этого я не знаю, Джек. Вспоминайте сами.

Рыжий констебль. Но ведь вы говорите, что живете несколько тысяч лет.

Некто. Да. Это так. Но я не обязательно должен был встречаться с вами. Что вас волнует? Средние века? Нашествие норманнов?!

Рыжий констебль. Тридцать третий год...

Некто. Что?

Рыжий констебль. Тридцать третий год от Рождества, год распятия! (*Переходя на шепот.*) Я набожный человек, сэр. Я прощу себе все, кроме этого... Вспомните. Тридцать третий год. Иерусалим... Городская тюрьма... Стражники выводят Иисуса из тюрьмы...

Некто. Бог с вами, Джек, я этого не помню...

Рыжий констебль. Зато другие помнят... У нас в соборе расписан купол... Там есть и такая картина... Его ведут связанного... Рядом толпа, легионеры... А справа на посту стоит стражник... Рыжие усы... Веснушки... Уши торчат... (*Заскрежетал зубами.*)

Некто. Образумьтесь, Джек! Это были не вы!

Рыжий констебль (*в отчаянии*). А кто же?

Некто. Уверяю вас. Это был другой человек...

Рыжий констебль. Тогда почему я помню, как все было? Явственно помню, словно случилось это вчера... Помню, как вывели Его, как орала толпа, «как воины, раздевши Его, надели на Него багряницу, и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость, и, становясь перед Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря — радуйся...» А я стоял рядом. Вооруженный. Смотрел... И пальцем не пошевелил, чтоб спасти невинного...

Некто. Вы ошибаетесь, Джек!..

Рыжий констебль. Нет, сэръ! Теперь я понимаю, что это был я. И вот откуда началась моя судьба!!! И повторяться ей несчетное количество раз, если б вы, сэръ, не научили меня вспоминать... А теперь я должен что-то изменить... *(Полез за пояс, достал ключ, начал открывать замок решетки.)*

Доктор *(выбежав из укрытия)*. Что вы делаете, сержант?

Рыжий констебль *(выхватив пистолет, навел на Доктора)*. Не подходить!! Я, сержант Джек, считаю этих людей невинными и дарую им свободу...

Вбегает Черный констебль.

Черный констебль. Джек, что ты делаешь? Рехнулся?!

Рыжий констебль *(наводя на него пистолет)*. Не подходи! Я, сержант Джек, выпускаю этих людей...

Черный констебль. А что я скажу судьбе?!

Доктор. Констеблы! Вас накажут!! Вас сурово накажут!!

Черный констебль. Нам грозит трибунал, Джек... Одумайся!

Рыжий констебль. Ты сам одумайся... Вспомни! Сходи в храм, посмотри картину — не найдешь ли свою рожу среди легионеров?..

Черный констебль. Каких легионеров? Он совсем свихнулся!

Рыжий констебль *(актерам)*. Я вас отпускаю! *(Вставил ключ в замок, повернул.)*

Черный констебль. Стой! *(Неожиданно выхватил пистолет, выстрелил в Рыжего констебля.)* Извини, Джек! Но это мой долг! Я на службе! *(Кричит.)* Тревога! *(Убегает.)*

Рыжий констебль пошатнулся, упал на руки Доктора. Из фургона вышел Некто, склонился над констеблем.

Рыжий констебль. Ну, вот и все, сэр... Видите, как просто. Теперь у меня все будет по-другому?..

Некто. Конечно, Джек. Все по-другому. Теперь пошел новый отсчет... Совсем новый...

Рыжий констебль (*умирая*). Нет, сэр... Совсем новый не обязательно... Пусть Полли повторится... и Кэтти.

Некто. Конечно. Пусть повторятся...

Рыжий констебль. Но финал пусть будет другой.

Некто. Конечно, Джек. Другой... Теперь у вас всегда будет спокойно на душе... И вы будете всегда видеть такое синее-синее небо... Как сейчас.

Доктор бережно опустил Рыжего констебля на землю. Из фургона тихо вышли актеры, молча встали вокруг них. Неожиданно раздались аплодисменты. Доктор испуганно поднял голову — аплодировали безумные горожане.

Доктор (*обращаясь к Свифту, кричит*). **НО ЭТО КРОВЬ!!!** Скажите им! Это кровь!..

Декан молча смотрит на него. Аплодисменты усиливаются...

Часть вторая

7. Опекунский совет

Большое помещение, в котором заседает Опекунский совет. Несколько господ в париках стоят у открытых окон, разглядывая небо в подозрительные трубы. Среди них Доктор. Слышны отдельные реплики:

— Вон она...

— Где? Я ничего не вижу...

— Да вон же... Круглая... Похожа на блюдце.

— Комета, господа! Малая комета!

— А я говорю — знак Божий!

— А может быть, туча?!

— Нет. Комета.

— Да где? Я ничего не вижу

Открылась дверь, вошедший лакей провозгласил:

— Губернатор Ирландии сэра Уолпа!

Появились озабоченные Губернатор и Судья Бигс. Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Начинаем экстренное заседание Опекунского совета, который я собрал по распоряжению лорда-губернатора сэра Уолпа.

Все посмотрели в сторону Губернатора, тот сидел с непроницаемым лицом.

Губернатор поручил мне сказать, что он крайне обеспокоен состоянием здоровья нашего дорогого декана Свифта и положением дел в стране. Надо ли говорить, как нас всех тревожит душевный недуг нашего великого современника?.. Но что поделать, если медицина еще так несовершенна?.. Однако с радостью хочу сообщить, что новый доктор мистер Симпсон вселяет в нас надежду. Всего несколько дней этот молодой эскулап провел в доме декана, а уже сделано много полезного: арестованы актеры, уволена сестра Ванесса, разоблачен мошенник слуга...

Один из членов совета. Bravo!

Доктор (*растерянно*). Простите, я что-то не понимаю...

Судья (*перебивая*). Не надо скромничать, доктор. Успех — это успех. Однако кое-что еще вселяет тревогу: актеры сбежали, погиб полицейский, мошенник слуга раскаялся и восстановлен в прежней должности...

Первый член совета. Вчера в Дублинском порту опять утонули две шхуны...

Второй член совета. Груженые?

Первый член совета. Разумеется... Груженные сукном. Прекрасным английским сукном...

Епископ. Не забудьте еще про волнения в Ковентри...

Судья. Да, да... Разумеется... Волнения в Ковентри... Уличные беспорядки в Плазго... И, наконец, это... (*Жест в сторону окна*) Странный, загадочный летающий объект, который появился в небе Ирландии, вызывая страх у населения...

Ученый. Комета, господа, типичная бесхвостая комета!

Судья. Вы уверены?

Ученый. Разумеется. Есть неоспоримые доказательства!

Епископ. Знак Божий! Предвестие Страшного Суда...

Ученый. Бесхвостая комета! Поверьте, ваше преосвященство.

Епископ. Оставьте небо церкви, сын мой!

Ученый. Нет уж, позвольте! Небо — часть космоса, оно принадлежит науке!

Губернатор (*тихо, но для всех*). Небо над Ирландией — часть Ирландии. И принадлежит Англии.

Судья. Бесспорно, сэр, бесспорно! (*Всем.*) Именно поэтому мы запросили Лондон о характере явления...

Один из членов совета. И что они ответили?

Ученый. Бесхвостая комета, да?

Судья. Если бы...

Епископ. Страшный Суд?

Судья. Хуже. Они пишут: «Решайте сами!»

Пауза.

Какие будут на этот счет мнения, господа?

Молчание.

Тогда есть общее мнение считать это странное небесное тело несуществующим.

Первый член совета. Мираж? Сон? Видение?

Судья. Это уж как мы решим... Здесь полная свобода выбора.

Ученый. Предлагаю термин «галлюцинация». Типичная галлюцинация, господа! И она подтверждается неоспоримыми фактами...

Первый член совета. Это верно. Как только на Земле нет порядка, так сразу в небе появляются всякие летающие...

Ученый (*подсказывая*). ...галлюцинации...

Первый член совета. Галлюцинации. Вспомните историю Британии. Так было во время восстания Кромвеля, во время знаменитого лондонского пожара... Во время повышения цен на виски...

Второй член совета. А теперь — Свифт!

Все. Да... Да... Конечно... Разумеется...

Доктор (*изумленно оглядываясь*). Простите, господа, я что-то не понимаю...

Судья (*с легким раздражением*). Да что ж это такое? Вы случайно родом не из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Судья. Нет. Ничего. Я так и подумал...

Все заулыбались, снисходительно поглядывая на Доктора.

Вы читали третью часть «Приключений Гулливера»?

Доктор. Я начал... Но она мне показалась скучной...

Судья. Скучной?.. Ну знаете ли... (*Достал книгу.*) А вот прочтите-ка здесь... Страница двести семьдесят первая. (*Передает книгу Доктору.*) Вслух, пожалуйста!

Доктор (*читает*). «...Вдруг стало темно, но совсем не так, как от облака... Я оглянулся назад и увидел в воздухе большое непрозрачное тело, заслонившее солнце. Читатель едва ли будет в состоянии представить себе, с каким удивлением смотрел я на парящий в небе остров...»

Губернатор (*тихо, но для всех*). «Парящий в небе остров»... Красиво!

Судья. Безусловно, сэръ! Стиль у него безупречный... Читайте дальше, доктор...

Доктор. «...Остров этот имеет форму круга диаметром семь тысяч восемьсот тридцать семь ярдов, или около четырех с половиной миль...»

Ученый (*глядя в окно через подзорную трубу*). Как всегда, он точен. Галлюцинация именно этих размеров!..

Доктор (*отложил книгу*). Я все понял, господа!

Ученый (*иронично*). Наконец-то... Поздравляем...

Судья (*Ученому*). Погодите поздравлять. Надо узнать сначала, что он понял... Он же из Ноттингемшира...

Доктор. Вы хотите это (*жест в сторону окна*) приписать Свифту?

Судья (*недовольно*). Что значит «приписать», доктор? Выбирайте выражения... Все им давно написано. Вы должны понимать, что столь подробное и художественное описание может вызвать и у всего народа довольно зримую галлюцинацию...

Ученый. Эпидемия безумия! Когда сходит с ума простой человек — это незаметно, но когда взрывается такой мощный интеллект, как Свифт, мысли и образы летят во все стороны...

Доктор. Но декан Свифт не сумасшедший.

Первый член совета. Не горячитесь, доктор, не горячитесь...

Доктор (*твердо*). Повторяю, господа, декан Свифт не сумасшедший!! Утверждаю это как врач!

Первый член совета. Не горячитесь, дорогой мой, не горячитесь...

Доктор (*настойчиво*). Декан Свифт абсолютно здоров! О чем я и сообщил в Лондон.

Общее замешательство.

Судья (*сухо*). Когда сообщили? Кому?!!

Доктор. Несколько дней назад я выслал письмо...

Судья (*Губернатору*). Значит, перехватить не успеваем... (*Доктору*.) Кому? Кому вы писали, сэр?

Доктор. Меня просил об этом один депутат.

Судья. О боже! Стало быть, все станет известно парламенту и печати...

Епископ. Неосмотрительно! О, как неосмотрительно!..

Губернатор (*встал, подошел к Доктору*). А как вообще он здесь?..

Всеобщее молчание.

Я спрашиваю: как получилось, что этот человек здесь? Кто назначил?!!

Пауза.

Судья (*тихо*). Вы, сэр!

Губернатор (*зло*). Я знаю!! Я спрашиваю — кто мне рекомендовал?

Судья. Мы полагали, у этой кандидатуры есть масса достоинств: молод, глуп, необразован... Не попадет под влияние декана...

Губернатор. Кто конкретно его утвердил?!!

Судья (*нерешительно*). Свифт! Из всех предложенных докторов декан почему-то выбрал этого...

Губернатор секунду смотрит на Доктора, потом решительно вдет к выходу. Судья бросается за ним.

Перерыв, господа! Небольшой перерыв...

Судья и Губернатор скрываются за дверью. Члены совета, перешептываясь, подошли к окну, вновь принялись рассматривать «парящий остров».

Доктор (*обращаясь ко всем*). Господа! Может быть, вы объясните, что случилось?.. Кому нужен этот обман?!

Все демонстративно не слушают, заглядывают в подозрные трубы.

(*Почти кричит*.) Что произошло?!

Первый член совета (*взяв Доктора под руку и переходя на шепот*). Не надо кричать, молодой человек. Что произошло, мы узнаем, когда вернутся судья и губернатор... Могу вам сказать свои соображения: вы погубили нас, вы погубили Ирландию, вы погубили Свифта...

Доктор. Да почему, черт подери?!

Первый член совета. Вам же объяснили: Свифт — великий сатирик. Это если судить по законам искусства.

Второй член совета (*берет Доктора за другую руку, шепчет*). А если просто по законам — то за каждый памфлет ему полагается минимум пожизненное заключение...

Ученый (*подходя сзади*). И вот сама жизнь подсказала выход: декан объявляется безумным — мы его опекаем... Он пишет что хочет — мы возмущаемся как можем...

Епископ. И все чисты перед Богом!

Первый член совета. И перед правительством!

Второй член совета. И перед народом!

Ученый. Понимаете, какую гармонию вы разрушили, доктор?!

Доктор. Но я всего лишь установил диагноз...

Первый член совета. Бывает время, сэр, когда и диагноз — это донос!..

Открылась дверь. Вошли озабоченные Губернатор и Судья. Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Продолжаем заседание Опекунского совета. После важного открытия, которое сделал наш доктор, мы уже не можем ждать указаний из Лондона и спокойно взирать на поведение декана... Все его чудачества, особенно эти нелепые похороны, которые он проводит в отношении себя, должны закончиться немедленно!..

Первый член совета. Но как?

Судья. Самым естественным образом!!!

Пауза. Все опустили глаза.

Доктор (*растерянно*). Простите... Я что-то не понимаю...

Судья (*угрюмо*). Читать надо больше, молодой человек... (*Кладет перед ним книгу.*) Страница двести восемьдесят вторая...

Доктор (*читает*). «...Если какой-нибудь город поднимает мятеж и мятежники продолжают упорствовать, король прибегает к радикальному средству: «летающий остров» опускается прямо на головы непокорных и сокрушает их вместе с домами!»

Губернатор (*тихо, но для всех*). «...сокрушает вместе с домами». Довольно зримый образ. Нет, что ни говорите, а покойный был замечательным стилистом...

Все послушно закивали. Епископ тихо начал читать молитву...

8. Гулливер

Кабинет Свифта. За письменным столом — Свифт, рядом — мисс Эстэр Джонсон с блокнотом в руках. Из открытого окна доносится песенка. Голос поющей очень похож на голос Ванессы.

Эстэр. Я закрою окно, ваше преподобие? Становится сыро... (*Подойшла к окну, увидела певицу, очень похожую на Ванессу.*) Пожалуйста, девушка, пройдите в сад... Там накрыт столик для гостей. Вас накормят. (*Закрывает окно.*) Поразительно, как эта бродяжка похожа на Ванессу... Я имею в виду не ту Ванессу, которая здесь была, а ту, которую вы любили... (*Осеклась.*) Извините, сэр! Я вторглась в ваши воспоминания... Продолжим работу. (*Достала блокнот.*) Итак, ваш ответ на статью лондонского критика: «...Вы пишете, что я мизантроп? Что ж, может быть, и так... Главная цель, которую я поставил себе во всех моих трудах, — это скорее обидеть людей, нежели развлечь их... В принципе, я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя сердечно люблю конкретно Джона, Питера, Тома и так далее... Я убедился, что существующее определение «человек — разумное животное» фальшиво и несколько преждевременно. Правильней формулировать: «человек — животное, восприимчивое к разуму. На этой базе мизантропии воздвигнуто все здание

моих путешествий...» (Отрываясь от блокнота.) Я все правильно записала?

Свифт задумчиво смотрит куда-то вдаль.

Не слишком оскорбительно для человечества, ваше преподобие? Вспомните шутку ваших друзей: «Если б Свифт и вправду ненавидел людей, он бы не делал это так страстно».

Свифт встал, подошел к окну, прижал лицо к стеклу. Где-то вдали мелькнула девушка, похожая на Ванессу.

Декан, вы отвлекаетесь... (Печально.) Я устаю. Очень трудно понять человека, который думает сразу обо всем человечестве и о девушке за окном...

Свифт повернулся к ней лицом.

Нет, сэръ, я уже вам говорила: я не знаю, где Ванесса похоронена... Мы наводили справки, но безрезультатно!.. (Неожиданно зло.) Между прочим, могила Стеллы находится здесь, у стены собора... Там третий день не меняют цветы... А ведь она так любила полевые цветы...

В саду послышался шум. Камень, разбив стекло, влетел в кабинет. Эс-тэр испуганно вскочила.

Опять эти ужасные йеху! Здесь небезопасно оставаться, ваше преподобие!

Свифт невозмутим. Вновь раздается звон разбитого стекла. За окном — шум, звуки борьбы, затем распахнулась дверь, и Доктор втащил в кабинет упирающегося Патрика.

Патрик (упираясь). Вам показалось, доктор...

Доктор. Показалось? (Вывернул карман камзола Патрика, несколько камней высыпалось на пол.) Еще бы немного — и этот негодяй переколотил здесь все окна!

Свифт подошел к Патрику, печально заглянул ему в глаза, потом, круто повернувшись, направился к выходу. Патрик бросился за ним.

Патрик. Неправда, господин декан. Это не я. Это они! Йеху! Я просто гнал их и махал руками, а доктору померещилось, что кидаю я...

Свифт вышел. Патрик повернул к Доктору лицо, полное отчаяния.

Что вы натворили, сэр? Вы ранили декана в самое сердце...

Доктор (*обращаясь к Эстэр*). Много наглецов я видел на своем веку, но такого...

Эстэр. Ступайте, Патрик! Наш доктор безусловно ошибся, и я постараюсь его в этом убедить...

Патрик. Убедите хозяина, мисс Джонсон... Это главное. У него утром был сердечный приступ...

Эстэр. Постараюсь. Не волнуйтесь, друг мой...

Патрик уходит.

Доктор (*решительно*). Так!.. Я все понял! Здесь заговор! Вы, мисс Джонсон, этот мошенник слуга, Опекунский совет — вы все хотите смерти декана. Мне намекнули сегодня, что здесь может произойти несчастный случай. Теперь я понимаю, кто его готовит...

Эстэр. Извините, доктор, я всегда была невысокого мнения о вашей догадливости. Наверное, потому, что вы из Ноттингемшира...

Доктор. Какого черта вы прицепились ко мне с этим Ноттингемширом?

Эстэр. Говорят, там чрезмерные туманы и район сильно отстает в своем развитии... Поэтому умоляю вас — не будьте категоричны! Вы находитесь в необычном доме, общаетесь с неоднородными людьми. Не торопитесь делать о них выводы!.. И если вам показалось вдруг, что кто-то бросил камень...

Доктор. Не кто-то, а Патрик! Я это видел собственными глазами!!

Эстэр. Даже если так. Подумайте — зачем? Хотел ли он причинить зло или, наоборот, стремился сделать хозяину приятное?

Доктор (*обалдело*). Приятное?!

Эстэр. Сатирикам принято бить стекла! В этом специфика жанра! Поэтам бросают цветы, обличителям — булыжники! Это их слава и гонорар... Сатирик, который перестал возмущать, — кончился. Его жизнь потеряла смысл! Вот почему ваш поступок так огорчил декана!

Доктор. Я же и виноват!! Вы здесь устраиваете спектакли, а я виноват... Может, он плохой сатирик, ваш Свифт...

Эстэр (*гневно*). Свифт — гениальный писатель! Но он в западне. Его загнали в этот дом, заткнули рот, окружили стеной непонимания...

Она подошла к окну, распахнула шторы. Стали видны лица горожан, равнодушно взирающих на Доктора.

Вот они — настоящие йеху! Вглядитесь в эти тупые физиономии... Их ничто не волнует, ничто не может растормозить! Свифт окружен стеной непонимания!! Он нанял актеров, чтобы те несли людям его мысли: власти оказались хитрей — они наняли зрителей!.. Круг замкнулся!.. (*Задержала штору.*) Впрочем, я никого не виню. Время изменилось, сэр... Кто сейчас реагирует на намеки и подтексты, которыми так славился декан... Все всё давно понимают, и уже ничто никому не смешно... Атрофировалась совесть! Вот что терзает душу Свифта. Вы подозреваете, что здесь может произойти убийство? Оно уже происходит! Для этого не нужно ножа или яда... Можно убивать непониманием... Ежесекундно, планомерно, не нарушая закона... И в этом, может быть, самая главная роль отведена вам. Тут уж губернатор с судьей постарались! Вы можете, сэр, извините, доконать любого человека! С более крепким здоровьем, чем у нашего декана...

Пауза. Доктор подошел к окну. За разбитым стеклом шумел дождь.

Доктор. Хорошо! Я уеду.

Эстэр. Не уверена, что это будет правильным решением...

Доктор (*перебивая*). Нет-нет. Я уеду!.. Я врач. Первая заповедь Гиппократа — «Не вреди!» Я не хочу быть причиной ничьей гибели!.. Зачем?.. В конце концов, я не просился сюда... Я жил спокойно в своем маленьком Ноттингемшире, ходил каждый день на службу, у меня была нормальная жена, нормальные дети, и я нормально лечил нормальных сумасшедших... Зачем меня притащили сюда, в этот странный дом, построенный неизвестно для кого?.. Будь он проклят со своими розыгрышами и мистификациями! Здесь нет ничего святого! Смерть, любовь, вера — лишь повод позубоскалить! Все! Пора уходить!.. Помочь я никому не смог, зато сам не сошел с ума! И на том спасибо!

Эстэр (*с беспокойством*). И все-таки я просила бы вас остаться! Декан считает, что вы ему очень нужны!

Доктор (*гневно*). Откуда вы знаете, что он считает?!!

Эстэр. Мне трудно вам все сразу объяснить, доктор... (*Сняла с полки книгу.*) Прочтите книгу декана, сэр... Вдруг вам что-то станет понятней...

Она положила книгу перед Доктором, пошла к дверям. Доктор секунду смотрел ей вслед, затем в гневе закричал.

Доктор. Передайте декану, что его книга имеет у меня оглушительный успех!!

После чего размахнулся и со всей силы запустил книгу в стекло.

Эстэр (*зло*). Декан прав: человек может быть худшим из всех зверей! Обезьяны бьют зеркала, потому что им не нравятся собственные физиономии, но бить писателю окна его же книгами — до этого может додуматься только царь природы!..

Она вышла. Дождь усиливался. Доктор глянул в окно. Книга разорвалась, и теперь ветер разносил ее листки. Патрик смешно суетился, ловя их. Доктор секунду наблюдал за ним, потом выбежал, стал помогать.

Скоро они вернулись в дом, мокрые, но какие-то умиротворенные...

Патрик (*раскладывая листки у камина*). Ничего, ничего, сэр... Высушим, разгладим утюгом, переплетем... Будет как новенькая...

Доктор (*пристыженно*). Извините меня, Патрик! Я разволновался, был взбешен...

Патрик. Что вы, сэр! Предыдущий доктор вместе с книгой кинул в окно и себя... А у вас вполне нормальная реакция. Декан говорит: «Моя задача не развлекать, а вызвать суровое негодование...» У него и на гробовой доске, которую он заказал, сказано: «Суровое негодование не раздирает здесь уже его сердце»...

Доктор. Скажите, Патрик, вы тоже слышали, как декан разговаривает?

Патрик. Неоднократно, сэр...

Доктор. Только честно...

Патрик. Я бы даже сформулировал так: он практически не замолкает...

Доктор (*устало*). Пошел вон!!

Патрик. Слушаюсь! *(Сделал шаг, остановился.)* Напрасно обижаетесь, доктор. Вы спросили — я ответил...

Доктор. Хотите меня уверить, что декан болтун?

Патрик. Разумеется, нет, сэр. К нему вообще такое объяснение не подходит... Декан перестал пользоваться словами. Они искажают смысл! Особенно в наше время. Мы заврались: думаем одно, говорим другое, пишем вообще непонятно что... Декан сделал шаг вперед: он изъясняется мыслями! Это высший способ общения разумных существ — минуя уши, не разжимая рта. Напрямую!

Доктор. И вы его понимаете?

Патрик. Не всегда и не все... Но иногда... Вот сегодня утром он поделился со мной мыслями о Декарте...

Доктор. О ком?

Патрик *(огорченно)*. Ну вот... Вы и не слышали о таком философе... Вам будет непонятно...

Доктор *(сердито)*. Не наглейте, Патрик! Не забываетесь: я доктор — вы лакей...

Патрик. Не в этом дело, сэр. Вы здесь всего несколько дней, а я много лет... Тут каждый год идет за два университетских...

Доктор. Я должен понять... Научите меня, Патрик!

Патрик. Да я только этим и занимаюсь, сэр! Но что делать, если на все нужно время и терпение... Помните, сколько сил потратила ваша маменька, сколько носила на руках, кормила грудью, делала «агу-агу»... И все для чего? Чтоб научить вас ГОВОРИТЬ?! А молчать?! На это уходит жизнь! Нет! Надо начинать с самого начала... Прочтите книгу декана.

Доктор. Она скучная...

Патрик *(как непослушному ребенку)*. Не скучная! Не капризничайте!.. Ну хорошо, вот вам детское издание... *(Достал книгу с полки.)* Адаптированное... Ну хоть картинки полистайте... Картиночки!!! Ну?!!

Под пристальным взглядом Патрика Доктор перелистнул несколько страниц. Мелькнули иллюстрации. Тихо зазвучала музыка. Доктор перевел взгляд на картину, висевшую на стене, потом снова на иллюстрации книги...

Доктор *(тихо)*. Шляпу!

Патрик. Что?

Доктор (*громко*). Шляпу!

Патрик. Какую, сэр?..

Доктор. Большую!! И камзол... Дорожный камзол...

Патрик. Сейчас... Сейчас... (*Заметался, распахнул шкаф, достал зеленый дорожный камзол, шляпу.*)

Доктор выхватил их у него из рук, поспешно стал переодеваться.

Доктор (*шепотом*). Я Гулливер!

Патрик (*шепотом*). Кто?

Доктор (*кричит*). Я ГУЛЛИВЕР! Из Ноттингемшира!.. Тут же написано: «Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире»... Доктор из Ноттингемшира, Ламуэль Гулливер... Как я сразу не понял? (*Подбежал к зеркалу.*) Я Гулливер!.. (*Затанцевал, бросился к клавишам, застучал по клавишам.*)

В Ноттингемшире! В Ноттингемшире!

В Ноттингемшире!

Тара-ра-ра! Самые глупые, глупые в мире

Живут доктора...

Патрик. Ну слава богу! Наконец-то... (*Торжественно пошел к выходу.*) Мисс Джонсон! У нас радость! Доктор тронулся!.. (*Скрывшись за дверью.*)

Доктор продолжал барабанить по клавишам. Звуки стали вырастать в мелодию, слова — в песню. Ее подхватили горожане, облепившие окна... Песня закончилась громким ликующим аккордом. В безумном порыве Доктор вскочил на подоконник и прыгнул в сад. Раздались аплодисменты, грохот падающего тела, и наступила темнота...

9. Молчание доктора Симпсона

Темнота постепенно начала исчезать, давая очертания предметам.

Звуки тоже постепенно стали возвращаться...

Доктор открыл глаза и обнаружил, что лежит на диване в кабинете Свифта. Над ним склонились Эстэр и Патрик.

Эстэр (*разглядывая Доктора*). Поразительно... У него изменилось лицо.

Патрик. Обратите внимание на зрачки... Совсем другой взгляд. Какая глубина!

Эстэр. Да, да... И там, на дне, — таинственность и отблеск страданий...

Портрет автора (1985). Особые приметы: борода... трубка... взгляд еще оптимистический, но уже с печально-ироническим оттенком...

Мой пес Патрик стал популярен и часто печатается в периодических изданиях.

«Дом, который построил Свифт». Кабинет декана Свифта, который построил театр города Магнитогорска (1975).

«Тот самый Мюнхгаузен» (Олег Янковский) двадцать лет спустя после выхода фильма (1999).

*А это действительно
памятник тому самому
настоящему барону Карлу
Фридриху Иерониму фон
Мюнхгаузену в Германии
(город Боденвердер). Рядом
переводчик пьесы Розмари
Титце.*

*Возле музея
барона
Мюнхгаузена
в Риге.*

*«Кин IV». Театр им. В. Маяковского. В роли Кина — Александр Лазарев.
Внизу — «Кин IV» в Чехии. Исполнитель главной роли — И. Поливка.*

*Есть все,
что нужно
для создания
фильма:
сценарий,
режиссер
(Е. Гинзбург),
исполнитель
главной роли
(Н. Караченцов).
Нет малой
составной —
денег...*

Клуб «Белый попугай» и его основатель Юрий Владимирович Никулин.

*«Иронические мемуары»:
лица друзей, которые всегда вдохновляют*

На репетиции с Марком Захаровым.

С Инной Чуриковой.

С Александром Абдуловым.

С герцогом Л. Броневым и его свитой.

С Семеном Фарадой.

*А. Ширвиндт
и М. Державин
во всех видах.*

Г. Хазанов
в разных
обликах.

С Михаилом Жванецким и Валерием Хайтом на одесской «Юморине».

С Аркадием Хайтом.

*Основные увлечения:
рыбалка,
бильярд,
компьютер...*

Возле своего дома в деревне Усадье на Валдае.

С женой Любой на 32-м году совместной жизни.

Доктор застонал.

(Заботливо.) Как вы себя чувствуете, доктор?.. Вы не совсем удачно вышли через окно.

Доктор вновь застонал.

Ничего страшного. Здесь это бывает.. И пожалуйста, не разговаривайте...

Патрик. Да, да, сэр... Попробуйте отвечать молча... Мыслью! Вы же хотели научиться...

Доктор присел на диване, обалдело посмотрел на Патрика, затряс головой.

Нет, мимика не нужна! Только взглядом...

Доктор посмотрел на него.

Вот!! Я все понял... Вы мысленно спросили: какого черта вам надо?.. Замечательно! Объясните все доктору, мисс Джонсон! *(Подошел к окну, вынул подозорную трубу, стал наблюдать за небом.)*

Эстэр *(шепотом)*. Доктор... У меня нет времени все подробно рассказывать, но если вы и вправду беспокоитесь за жизнь декана, то вы можете ему помочь! Вы только сейчас ощутили себя Гулливером — и сделали, на мой взгляд, это убедительно...

Патрик *(нервно)*. К делу, мисс Джонсон... Некогда! Они зависли над садом...

Эстэр *(испуганно оглядываясь)*. Имеется в виду этот «парящий остров»? Мы все гадали, что это — комета или посланцы иных миров? Сегодня утром здесь появились какие-то люди, которые заявили, что они «пришельцы из будущего»... Лапутяне...

Доктор потряс головой.

Да, сэр, я тоже сделала такой жест, но они убедили меня, что это правда и что они прилетели, чтоб встретиться с деканом Свифтом, поскольку у них там отмечается трехсотлетие его смерти... И тут мы с Патриком подумали: а вдруг это обман? Вдруг это подосланные губернатором наемники?! Можем ли мы подвергать такой опасности декана?!

Доктор глянул на нее, мучительно соображая, потом встал, направился к письменному столу.

Патрик (*радостно*). Вы все правильно поняли, сэр! Они не знают его в лицо. Я бы сам сел, но у меня глаз пустой... Вызовет сомнения...

Эстэр (*усаживая Доктора в кресло*). Вот так... Возьмите в правую руку перо... Так его обычно изображают художники... Накинем мантию...

Патрик. Скорее, мисс Джонсон!! Остров идет на посадку... (*Подбежал к Доктору, положил перед ним пистолет.*) На всякий случай, сэр!

Эстэр. Благослови вас Бог!

Патрик (*поспешно зашторивая окна*). Не волнуйтесь, доктор... Сидите наблюдайте... Нам только выяснить... (*Он обернулся и, увидев пронзительный взгляд Доктора, склонился в почтительном поклоне.*) Извините, господин декан! Я всегда лезу с идиотскими советами...

Патрик и Эстэр исчезли. Зазвучала загадочная музыка... Пронзительный звук приближался, нарастая. Послышался треск. Разрывая обои, стены, в кабинет ворвалась толпа странных людей в кожано-нейлоновых одеяниях... Мелькают блицы фотоаппаратов, стрекочут кинокамеры. Толпа гостей обступила Доктора. Неожиданно из толпы выскочил вперед Лапутянин, заговорил в бодром темпе, извергая информацию и явно не стесняясь присутствия хозяина...

Лапутянин. Благоговение, друзья! Благоговение! Вы в доме Джонатана Свифта. Год рождения — тысяча шестьсот шестьдесят седьмой, год смерти — тысяча семьсот сорок пятый. В ряду великих сатириков прошлого у Свифта особое место. Не ищите в нем радостного оптимизма Рабле, изящной иронии Вольтера, отстраненного скептицизма Франса... Свифт яростно саркастичен!!

Один из гостей (*испуганно поглядывая в сторону Доктора*). Вы уверены, что он нас не замечает?

Лапутянин. Я объяснял: декан невменяем. В последние годы жизни впал в безумие... Обратите внимание: отсутствующий взгляд, на лице выражение опустошенности, полное отсутствие рефлексов!.. (*Изящным движением достал булавку, уколол Доктора в плечо — Доктор не шелохнулся.*)

Один из гостей. Миньерова болезнь?

Лапутянин. Специалисты считают, что так... Таким образом, мы его вряд ли беспокоим... Мы где-то в подсознании, мы для него — видение.

Один из гостей. Бедняжка!

Один из гостей. Почему он не похож на свой портрет?

Лапутянин. Вы имеете в виду работу Джеверса в Национальной галерее? Она недостоверна... Внешний облик декана — одна из многих загадок исследователей. *(С улыбкой посмотрев на Доктора.)* Мистификатор! Художникам не позировал, собственные книги не подписывал. Даже рукопись «Гулливера» подбросил издателю анонимно... Под дверь...

Один из гостей. Какая беспечность! Она ж могла пропасть...

Лапутянин *(с усмешкой)*. Разве классики думают о нас? Жгут рукописи, рвут черновики...

Один из гостей. В чем причина его мрачного сарказма?

Лапутянин. Эпоха! Конец феодализма, бурный рост новой, буржуазной формации, в идеалах которой он быстро разочаровался... А тут еще превратности судьбы...

Один из гостей. Вы имеете в виду Стеллу или Ванессу?

Лапутянин. Я имею в виду обеих... Две прекрасные женщины любили его, он погубил их своей черствостью и эгоизмом... Бедняжки умерли совсем молодыми!..

Гостья, похожая на Эстэр. Неправда!

Лапутянин. Простите, что именно?.. Неправда, что они умерли, или неправда, что их было только две?..

Смешок среди гостей.

Гостья, похожая на Эстэр *(выходя вперед)*. Не собираюсь подсчитывать количество женщин, встретившихся на пути мужчины... Сколько бы их ни было, главной остается — одна. Единственная! Так было и будет..

Гостья, похожая на Ванессу. Вы, конечно, уверены, что это Стелла?

Гостья, похожая на Эстэр. Как вы догадались?

Гостья, похожая на Ванессу. Вы на нее похожи...

Гостья, похожая на Эстэр. Не важно, кто на кого похож... Есть дневники Свифта.

Гостья, похожая на Ванессу. Можно верить тому, что напишет мужчина о женщине?.. Главное, что происходит в его подсознании... Судя по портретам Ванессы, она была значительно красивей соперницы...

Гостья, похожая на Эстэр. Но, судя по ее письмам, значительно глупей...

Смешок среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья, благоговение!

Гостья, похожая на Ванессу. А зачем мы спорим в присутствии первоисточника? Давайте спросим у декана: Стелла или Ванесса? *(Решительно направляется к Доктору.)*

Лапутянин *(испуганно)*. Но декан не разговаривает!

Гостья, похожая на Эстэр. А нам достаточно только взгляда... *(Доктору.)* Стелла или Ванесса?

Гостья, похожая на Ванессу. Ванесса или Стелла?! Ваше преподобие, бесчестно быть таким нерешительным!!

Доктор испуганно прячет глаза. Шум среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья! Благоговение! Не будем переходить границы приличия!.. Тем более в присутствии хозяина...

Один из гостей. Вы же говорили, что декану это безразлично...

Лапутянин *(смущен)*. До известных пределов...

Одна из гостей. Нет, вы скажите точно: мы для него видение или нет?

Лапутянин. Видение!.. Но не надо превращать его в кошмар!.. Будем сдержанны, друзья мои!.. Пройдите в сад. Осмотрите цветники... архитектуру... А в полночь, когда зазвонят колокола, прошу всех собраться у собора на площади. Начнется самое интересное!

Гости исчезают. Лапутянин задерживается, подходит к Доктору.

Браво, доктор! Вы замечательно промолчали свою роль...

Доктор не отвечает.

Не хотите говорить? Спектакль не окончен? *(Подбегает к шкафу, аплодирует.)* Bravo, декан! Гости от души посмеются, узнав, как остроумно вы их одурачили... *(Распахнул дверцу шкафа, заглянул.)* А где же наш шутник? Уверен, что он где-то прячется... *(Начинает сердиться.)* Дупо дальше молчать, доктор... Некрасиво! Декану, очевидно, надоело смеяться над современниками, он решил поиздеваться над потомками... Опасный эксперимент! Когда кого-то не уважаешь, можешь нарваться на ответное чувство!.. Это я вам говорю как специалист, как исследователь его жизни и творчества... Писатель-то он, честно говоря, средний. И неблагодарный... Я бы мог посвятить жизнь Диккенсу... Теккерею... Голсуорси, наконец!.. А я с юности просиживал штаны в библиотеках и архивах, изучая Свифта, — и вот как он меня встречает! *(Кричит невидимому Свифту.)* Вы забытый писатель, сэр! Хрестоматийный классик, которого никто не читает! Спроси у читателей — что такое гуингны, Гладбодриб... Бробдингнег? Половина не слышала, половина не выговорит... У вас не сложилась судьба, сэр! А заодно и у меня, потому что я писал о вас! И все потому, что вы не сумели прожить жизнь... достойно!

Доктор молча взял пистолет, навел на Лапутянина. Тот вздрогнул, но взял себя в руки, усмехнулся.

А вот это совсем пошло! Пистолеты, шпаги оставим Вальтеру Скотту! Это скорей в его стилистике... У Свифта все проще... Не волнуйтесь, его никто не убивал. Это я вам говорю как специалист. Он умер обычно и невыразительно — от обыкновенного сердечного приступа... девятнадцатого октября тысяча семьсот сорок пятого года. Это написано во всех энциклопедиях... Могу показать... *(Достал из портфеля книгу, положил перед Доктором.)* «Записки Опекунского совета», академическое издание... И не смотрите на меня как на сумасшедшего, доктор! Тот факт, что я появился здесь, в приюте, ни о чем не говорит. Нам, пришельцам из будущего, приходится часто прикидываться безумными... Иначе нам бы не простили наши пророчества... Ну что?! Будете стрелять или поверите на слово?!

Доктор опускает пистолет.

Благодарю!.. А теперь я, пожалуй, пройду к гостям! Эти «эрудиты» так и норовят в каждой эпохе оставить надпись на стене. А потом историки ломают головы — откуда в восемнадцатом веке мог появиться фломастер?! (*Уходит.*)

Доктор открыл книгу, начал листать. В кабинет вбежали Патрик и Эстэр.

Патрик (*с досадой*). Надо было спустить курок, доктор!.. Если это был человек ОТТУДА, пуля бы ему не повредила, а если человек губернатора — тем более!!

Эстэр (*взяла книгу из рук Доктора*). Но она издана двадцать лет спустя...

Доктор. Может быть, фальшивка?

Патрик. Эх, сэр, надо было спустить курок!

Эстэр (*открыла книгу, начала медленно читать вслух*). «19 ОКТЯБРЯ 1745 ГОДА НЕ СТАЛО ДЖОНАТАНА СВИФТА. НАКАНУНЕ ВЕЧЕРОМ ОН ИСПЫТЫВАЛ СТРАННОЕ БЕСПОКОЙСТВО, ТОЧНО ПРЕДЧУВСТВОВАЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ МИГ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ БЛИЗКИХ ДЕКАНА, ОН ДАЖЕ НЕОЖИДАННО ЗАГОВОРИЛ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ. ПЕРВОЕ СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ СВИФТОМ, БЫЛО СЛОВО «КОГДА?»»

Распахнулась дверь. На пороге стоял Свифт. Эстэр испуганно захлопнула книгу.

10. Последняя смерть Джонатана Свифта...

Свифт. Когда?

Эстэр. Не понимаю — о чем вы спрашиваете, декан?

Свифт. Уверен, эти люди сообщили вам точную дату...

Доктор (*строго*). Прекратить! Вам не идет болтовня... Молчащим вы, извините, казались умней...

Свифт. Когда я умру, доктор?

Доктор. Вдвойне бестактный вопрос!! Если б я и знал — не сказал бы... Есть врачебная этика. Я давал клятву!

Свифт. Хорошо. Я избавлю вас от необходимости нарушать эту клятву... Можете говорить смело, доктор... Ваш ответ никак не отразится на моем самочувствии... Дело в том, что я не Свифт.

Доктор *(с улыбкой)*. Так... Ну... Это другое дело. Это нормальный параноидный бред, который я понимаю и знаю, как лечить.

Свифт. Подтвердите, Патрик!

Патрик. Мне нечего подтверждать, сэр!.. Я ни в чем не уверен...

Свифт. Расскажите, как все было!

Доктор. Не старайтесь, Патрик. Все равно не поверю!

Патрик *(с азартом)*. И правильно сделаете, сэр! Можно ли верить в такую чушь?! А дело было, значит, так... Много лет назад я пошел приглашать в наш дом бродячий театр... Ну, чтоб они здесь изображали психов, вы знаете... Так вот среди них был один актеришка... *(Свифту.)* Извините, сэр, не хочу никого обидеть... *(Доктору.)* Так вот, там был один актеришка, очень похожий на нашего декана... Я даже подумал — не брат ли? Рассказал об этом декану... Он пригласил этого парня в наш дом... Потом они вместе ходили, беседовали... молчали... Потом ОН исчез...

Доктор. Кто?

Патрик *(неуверенно)*. Как это — кто? Ясно — кто!.. *(Смотрит на Свифта.)* Господа, не надо сбивать меня вопросами... И у лакеев есть нервы!

Свифт *(с улыбкой)*. Он прав! И, кто бы я ни был, мне необходимо знать свой час, доктор... Все равно: доиграть или «дожить»... И то и другое надо сделать достойно! Я сам хочу решить, как мне распоряжаться остатком отпущенного времени... Когда?

Доктор молчит.

Хорошо! Попробуем понять друг друга молча... Вы этому долго учились, теперь ваши труды увенчаются успехом...

Доктор поспешно вскочил.

Неужели завтра?

Доктор. Я этого не говорил!

Свифт *(печально)*. Значит, завтра... Девятнадцатого октября. А если точнее? Утром? Вечером? Извините, но в таком деле каждый час дорог...

Патрик *(с отчаянием)*. Не отвечайте, доктор! Не думайте про это...

Свифт. Значит — ровно в полночь... Осталось два часа...

Патрик. Ну просили же мысленно помолчать!..

Свифт. Теперь молчите все! Вы и так отняли у меня много времени... Человек слабее смерти потому, что у нее есть преимущество: она знает час своего прихода, а человек в неведении... А теперь мы с ней на равных! И неизвестно, за кем последнее слово... (*Взяв у Эстэр книгу.*) Что тут про меня она придумала? (*Читает.*) «Девятнадцатого октября плачем, стонами и рыданиями наполнился дом Джонатана Свифта...» Кто это пишет? Губернатор Уолп? Наглый вралы! Все будет не так! Я столько раз это репетировал, чтоб избежать банальностей... И два часа не так мало. Мы успеем подготовиться... Патрик! Мисс Джонсон! Соберите всех актеров... Всех, всех... Вы меня понимаете?

Эстэр. Разумеется, декан.

Свифт. И пригласите их сюда. Передайте: у нас последнее представление, и необходимо кое-что обсудить... Вам все понятно?

Патрик. Безусловно, сэръ!

Патрик и Эстэр уходят.

Доктор. Вы меня очень огорчаете, декан! Словно нарочно делаете все, чтобы предсказание сбылось!..

Свифт. Наоборот! Мы его перечеркнем, и вы мне в этом поможете. (*Берет бумагу, перо, кладет все это перед Доктором.*) Плевать нам на мемуары какого-то глупого губернатора... У историков будут воспоминания лечащего врача. Юридический документ, который невозможно опровергнуть!

Доктор. Имейте в виду, я стану писать только правду.

Свифт. Конечно! Правду в высшем значении этого слова. Пишите! «Я, доктор Симпсон из Ноттингемшира, свидетельствую о последних минутах пребывания моего пациента Джонатана Свифта в Дублине... Поздно вечером, накануне всем памятного девятнадцатого октября тысяча семьсот сорок пятого года, декан неожиданно привел меня в свой кабинет и сказал: «Доктор! Я хочу написать продолжение «Приключений Гулливера»... Пятую часть этой книги. Самую важную! Последнюю... «Путе-

шествие в страну мертвых»... Это путешествие я совершу сам...» (Заметив, что Доктор отложил перо.) Почему вы перестали писать? Разве что-то неверно?

Доктор. Успокойтесь, декан! Вам вредно так волноваться...

Декан (передразнивая). «Успокойтесь, декан, вам вредно так волноваться!» — воскликнул я, но декан ответил: «Волноваться всегда полезно!» (Вкладывает перо в руку Доктора.)

Доктор (возмущенно). Но вы бледны, у вас частый пульс!

Декан (передразнивая). «Но вы бледны, у вас частый пульс!» — снова крикнул я, но декан дал мне руку (протягивает руку), и я убедился, что пульс у него отменный... «Сегодня в полночь, — продолжал декан, — когда зазвонит колокол на соборе, я отплыву в страну, где до меня побывал разве что один Данте. Данте дал гениальное описание этой страны, но, увы, чересчур мрачное! Уверен, что и там есть много забавного и нелепого, просто это не каждому дано увидеть. Смерть боится казаться смешной! Это ее уязвимое место... Того, кто над ней смеется, обходит стороной...»

Открылась дверь. Патрик и Эстэр ввели актеров: здесь были лилипут Рельб, великан Глюм, Некто, несколько горожан.

Патрик. Мы готовы, ваше преподобие...

Свифт (обращаясь к актерам). Сегодня в полночь я умру в последний раз. Это важное представление, поэтому мне хочется в нем быть максимально убедительным... Посмешней изображайте скорбь. А если я пошатнусь — все вскрикните...

Рельб. И я?.. Я лилипут. Меня все равно не услышат...

Свифт. Не важно! Сегодня наш крик не для других, а для себя... (Разглядывая Глюма.) Глюм! Вам надо переодеться. У вас недостаточно высокие ходули для такого торжественного случая...

Глюм (засмеявшись, подтянул брюки). Это НОГИ!.. Я вам открою секрет, господин декан... Я снова стал расти... По-настоящему... Так будет интересней!

Свифт. Хорошо! (Подошел к Некто.) Вы, мистер Некто, проводите меня печальным взглядом... Но с легким оттенком зависти: мол, везет же людям... умирают! А мне еще жить да жить...

Некто (*печально*). Но я вам действительно завидую, декан. Вы умрете, все газеты напишут: «Умер Свифт!» А случись это со мной — что писать? Такого-то числа умер Некто... Все равно что «никто»...

Свифт (*обнял Некто*). Хорошо! Эту шутку произнесите погромче. После нее я упаду!.. (*Горожанам.*) Вы склонитесь надо мной... Подойдет доктор, составит протокол... И все! После этого я исчезну... Совсем!..

Один из горожан. И не выйдете на аплодисменты? Свифт. В этот раз — нет..

Глюм (*со вздохом*). Аплодисментов может и не быть. Это вам кажется, ваше преподобие, что всех так уж интересуется игра ума... Публику волнует совсем другое... Кто кого любит? Стелла — Ванесса... Ванесса — Стелла.

Свифт (*печально*). Мне не даются лирические сцены... Это пробел в моем творчестве...

Патрик. Не наговаривайте на себя, сэр. Чтобы классик, да еще сумасшедший, не смог придумать эффектную сцену про любовь!.. Где-нибудь у алтаря... Под звуки органа... А мисс Джонсон вам поможет..

Свифт (*обернулся к Эстэр*). Вы мне поможете... Стелла?!

Эстэр. Вы обращаетесь ко мне, ваше преподобие?

Свифт. Вы так похожи на женщину, которую я любил... И я хотел бы на прощанье называть вас Стеллой... И я хотел, чтобы мы прошли с вами к алтарю в соборе... И чтоб звучал орган...

Патрик (*с азартом*). Может, еще позвать епископа?

Свифт. Не надо! Я все сделаю сам... За свою жизнь я столько венчал и благословлял, что заслужил право один раз проделать этот обряд и с самим собой...

Горожанин. А мы свидетели, да?

Патрик. Ну конечно! А доктор все опишет...

Доктор. Что? Я не понимаю...

Горожане (*обступили Доктора, страстно заговорили*):

— Как это «что»? Вы станете сейчас

Свидетелем венчания декана...

— Вы — молодой и честный человек,

Вам долго жить! Расскажите потомкам,

Что не был Свифт чудовищем жестоким,

А был он просто слабый человек

И очень трудно приходил к решению...

— Зато, решив, он становился сильным,
Сильнее всех превратностей судьбы...
— И все узлы, что наплела она,
Он разрубил при вас одним ударом...
И сделал выбор!!

Эстэр *(печально)*. Избавьте меня, ваше преподобие...
Я не умею притворяться... Да и вы тоже. Можно обмануть друзей или слуг, но не женщину, которая вас любит... Вы уходите по-настоящему!

Свифт. Пусть так. Поэтому я хотел наконец все расставить по местам...

Эстэр. Я это поняла... И я вам помогу... *(Подшла к окну, позвала.)* Ванесса!

Свифт *(в отчаянии)*. Что вы делаете?.. Зачем?..

Эстэр *(печально)*. О, как вы ее любите... Какая она счастливая!..

Появилась Ванесса.

Ванесса. Вы меня звали, сестра?

Эстэр. Вас пригласил декан. Он прощается с нами и хотел... как бы это лучше сказать... хотел сообщить вам нечто важное... Я ведь правильно все говорю, декан?

Свифт молчит.

Декан хочет покончить с таким противоестественным положением, в котором он, вы и я пребывали долгие годы... Он сделал выбор... Принял решение...

Ванесса. И поручил сообщить его вам? *(Свифту.)* Не очень удачная шутка, ваше преподобие... Я так всегда ценила изящество вашего юмора, а тут... не очень... *(Актерам.)* Вы как считаете?

Глюм. Не очень...

Один из горожан. Но, может быть, дальше пойдет поживей?

Эстэр и Ванесса неожиданно бросились друг к другу, заговорили страстно, перебивая...

Эстэр. Не делайте глупостей. Ванесса. Он вас любит! Я знаю! Много лет!.. Он перечитывает ваши письма... Шепчет стихи...

Ванесса. Замолчите! Вы унижаете меня своим благородством! Я не хуже вас понимаю молчание декана...

Эстэр. Вы ему нужней!

Ванесса. Нет — вы!

Эстэр. Вы прекрасно ведете его переписку... У вас дом в порядке. А я провинциальна! У меня дурной вкус...

Ванесса. Не наговаривайте на себя! Вы создали в доме уют. Повесили замечательные шторы...

Эстэр. Ужасные шторы!

Ванесса. Замечательные! *(Снова апеллирует к актерам.)* Ну, подтвердите! Чьи шторы лучше?..

Эстэр *(в отчаянии)*. При чем здесь шторы?! *(Упала на колени перед деканом.)* Ваше преподобие, пожалейте меня, женитесь на ней!..

Свифт хотел что-то сказать, но пошатнулся. Доктор кинулся к нему.

Доктор *(женщинам)*. Вы убиваете его...

Свифт *(пытается улыбнуться)*. Нет, доктор... Успокойтесь. Я же предупреждал: эта сцена у нас никак не получается... Мы ее репетируем много лет... И ничего определенного. Тут ирония не годится, а в лирике я... не силен. Извините! *(Повернулся к актерам.)* Жизнь сложна и никак не выстраивается в сюжет. Обе женщины поместились в сердце моем, и нет у меня сил и права предпочесть одну другой... Так и запишите, доктор: «Жили на земле Стелла, Ванесса и Свифт! Они любили как умели, страдали как умели... но помыслы их были чисты. И не стоит потомкам мучиться над их тайной... Достаточно того, что измучились они...»

Раздался звук колокола. В открытой двери кабинета появились лилипут Флим и Рыжий констебль.

Флим. Пора, декан!

Рыжий констебль. Пора...

Свифт. Да... Я знаю... *(Доктору.)* Не смотрите испуганно, доктор... Все идет как положено... Я среди друзей: одни пришли проводить, другие — встретить... Все как всегда!..

Звук колокола стал нарастать, Свифт пошел к дверям, за ним молча двинулись женщины, актеры, горожане. Доктор провожал их взглядом.

Патрик *(тронул Доктора за рукав)*. Прошу наверх... Там лучше видно... Как в ложе.

Доктор. Нет. Я все увижу отсюда... (Подожел к столу, обмакнул перо.)

Патрик (прислушиваясь к шуму толпы). Сегодня похороны пройдут великолепно! Уж я чувствую!.. Декан все продумал...

За окнами шум.

Это он пошатнулся!..

Аглюдисменты.

Принимают хорошо, но смеются мало... Люди разучились понимать условное искусство!

Рев толпы.

...А это — упал!! (Заглядывает в окно.) Понесли на руках! А он не шелохнется... (Повернул заплаканное лицо к Доктору.) Дальше сами сочиняйте, сэр... И у лакеев есть нервы!

Доктор (записывает).

На крик толпы я выбежал на площадь
И там увидел Джонатана Свифта —
Лежал он неподвижно на земле...
Коснулся я его руки холодной,
Припав к груди, услышал тишину,
И лишь собрался объявить о смерти,
Как вдруг заметил, что он краем глаза
Мне весело и дерзко подмигнул...
И понял я, что предо мной актер,
Достигший в лицедействе совершенства,
Который, если требует искусство,
И сердце, и дыханье остановит,
А жив он или нет — не нам судить...
Все это объяснил я горожанам,
Актеры унесли труп за кулисы,
И зрители спокойно разошлись...

Звук колокола усиливается.

Занавес.

Кин IV

Трагикомедия в двух частях
(По мотивам пьесы
Ж.-П. Сартра, написанной
по мотивам пьесы А. Дюма,
созданной по мотивам пьесы
Теолона и Курси, сочиненной
на основании фактов и слухов
о жизни и смерти великого
английского актера Эдмунда Кина)

Действующие лица

ЭДМУНД КИН — актер.

АННА ДЭМБИ — его жена.

ЧАРЛЗ КИН — их сын.

ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ, он же КОРОЛЬ ГЕОРГ IV.

ГРАФ КЕФЕЛЬД — посол Дании.

ЕЛЕНА — его жена.

ЭМИ ГОСУИЛЛ — графиня.

ЛОРД МЬЮИЛ.

КОНСТЕБЛЬ.

ДОКТОР.

ХОЗЯИН РЕСТОРАНА.

ЦИЛИНДР

ШЛЯПКА

КЕПКА

ПРОХОЖИЕ

СОЛОМОН — гример, суфлер, он же — костюмер, рабочий сцены, слуга, гвардеец и любой другой персонаж, который требуется для спектакля.

Время действия — начало XIX века.

Место действия — Лондон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Кулисы театра. За гримерным столиком, сидя спиной к зрителям, спит Актер, которому в дальнейшем надлежит исполнять роль Кина. На авансцене возле суфлерской будки Соломон раскладывает папку с текстом пьесы.

Соломон (*разглядывая титульный лист*). Итак... Начнем! «Кин» — пьеса по мотивам Жан-Поля Сартра, написанной по мотивам Дюма, сочиненной по мотивам Теолона и Курси... Боже, сколько соавторов на один сомнительный сюжет. А вот поди ж ты, переделывают его уже второй век во всех театрах мира. А почему? Говорят — хорошие роли... Ну, не знаю. Моя — явно не удалась... Вот она здесь — в конце списка: «Соломон — суфлер». Ну, почему «суфлер» — ясно: дело происходит в театре. Но почему именно «Соломон»? Очевидно, для смеха. И действительно: разве не смешно, если засадить старого еврея с радикулитом в суфлерскую будку и заставить оттуда шептать текст? А эти бездельники актеры будут его нещадно переживать...

Актер (*очнулся, застонал, выпил воды, тупо смотрит на себя в зеркало*). Соломон...

Соломон. О! Кажется, его величество проснулись... (*Актеру.*) Добрый вечер, сударь! Или — доброе утро? (*В зал.*) Никогда не знаешь, как приветствовать человека, который заснул на рассвете, а проснулся при луне... Сейчас, дай бог, он очухается и начнет играть Кина. Не когонибудь, а Эдмунда Кина — величайшего актера Англии. Сейчас он вам исполнит, и вы услышите треск. Это театральные критики прошлого века начнут переворачиваться в своих гробах...

Актер. Соломон, что ты бормочешь? Ни черта не пойму!

Соломон. Вам не обязательно понимать. Это не текст. Я говорю сам с собой.

Актер. А зачем?

Соломон. Не все же суфлеру подавать реплики другим. Хочется иногда подкинуть пару фраз и самому себе...

Актер. Который час?

Соломон. Полагаю, минут пятнадцать до катастрофы. Я имею в виду — до начала спектакля. Между прочим, публика уже заполнила театр и нервно ходит по фойе.

Актер. Не слышу.

Соломон. Очевидно, она ходит на цыпочках — боитесь вас разбудить.

Актер. Соломон, я ценю твое изнурительное остроумие, но с похмелья от него воротит. Поэтому наберись сил и помолчи! Где костюм?

Соломон. Рядом с вами.

Актер (*заметил*). Ну так помогай одеваться.

Соломон. Я... (*Плянул в текст*.) Ах да. «Соломон — суфлер, он же — костюмер, он же — гример, он же — все остальное»... Вчетверо больше роль — вчетверо меньше жалованье. Это у нашей дирекции называется: «современное решение».

Актер (*нервно*). Ты мне дашь костюм или нет?

Соломон подает костюм Отелло.

Сначала штаны, болван!

Соломон. Осмелюсь заметить, они уже на вас. Вы их не снимали со вчерашнего спектакля. Очевидно, вживались в образ... Хотя, думаю, генерал Отелло был достаточно цивилизованным человеком и предпочитал спать в пижаме.

Актер. Слушай, если ты не замолчишь — убью!

Соломон. Убийство во втором акте...

Актер (*в бешенстве*). Заткни рот!!!

Соломон испуганно прикрывает рот рукой. Актер начинает гримироваться, мажет лицо морилкой. Соломон закрывает другой рукой глаза.

Отойди!

Соломон (*отходя на безопасное расстояние*). Нет. Это выше моих сил. Лучше смерть, ибо перед смертью есть право на последнее слово... Сударь, хочу вам напомнить, что вы играете не Отелло, а актера Кина, играющего Отелло, — гениальность текста, помноженная на гениальность исполнения. Две гениальности с перепоя — не так просто, верно? Так вот, осмелюсь заметить: Эдмунд Кин не опускался до того, чтобы мазать лицо морилкой. Он играл мавра, а не негра! «О! Черен я, черен!!!» При

этих словах он темнел лицом... И только белизна глазных яблок оттеняла его кожу!

Актер. И как он это делал?

Соломон. Внутренняя страсть. Страсть, овладевающая каждой клеточкой тела... И даже рядом находящимися предметами. Когда он вскакивал навстречу Яго, под ним валилось кресло...

Актер. Трюк.

Соломон. Возможно. Но повторить этого не может ни один фокусник... И в последнем акте, когда он восклицал: «Пускай свеча погаснет!» — свеча на столе гасла. Вот как играл Кин.

Актер. Очевидно, делал сильный выдох на последней букве. *(Подходит к свече.)* «Пускай свеча погаснет!» Ф-фу...

Свеча горит.

«И пусть свеча погаснет!»... *(Соломону.)* Где ты все это вычитал?

Соломон. Я это видел.

Актер. У тебя богатое воображение.

Соломон. Возможно. Но вернее — хорошая наследственность. Вероятно, кто-то из моих предков служил в театре Друри-Лейн, и восхищение от игры Кина так врезалось в его память, что стало передаваться по наследству. Это как у рыб, которые помнят место нереста...

Актер. «И пусть свеча погаснет!..»

Свеча горит.

Нет, к черту! Обойдемся без фокусов... Ты ведь знаешь, Соломон, я не хотел это играть. Дирекция уговорила. Сказали: «Если не тебе, то кому?» И действительно — некому... Как ты думаешь: буфет открылся?

Соломон. Не знаю и не советую вам интересоваться.

Актер. Надо! Чуть-чуть — для куража. Я где-то читал, Кин это тоже любил.

Соломон. За пять минут до начала спектакля?

Актер. Ну, значит, во время... Я читал. Подожди, где это... *(Роется в столе, достает флагу.)* Ну вот... Я ж говорил... *(Делает несколько глотков.)* Он ведь часто прикладывался к бутылке? Не так ли, «очевидец»?

Соломон. Это было не главным его достоинством.

Актер. Остальные мне не сыграть. Отменяю спектакль.

Соломон. Вы с ума сошли! Зал полон публики...

Актер. Извинишься! Выйдешь и скажешь: спектакль отменяется. Актер, назначенный на роль Кина, напился, что и советует сделать всем собравшимся...

Соломон. Нет уж, увольте! Если желаете получить тухлый помидор в физиономию, можете идти сами.

Актер. Хорошо! Пойду сам! *(Решительно встает и валит рукой кресло.)*

Соломон *(встает у него на пути)*. Умоляю, сэр! Вас разорвут на части.

Актер. Зато потом будут уважать!

Соломон. Но что вы им скажете?

Актер. Пока не знаю. Ты суфлер, подскажи текст.

Соломон. Его нет в пьесе...

Актер. Тогда скажу что думаю... *(Обращаясь в зал.)* Уважаемая публика! Дамы и господа! Наш спектакль отменяется. Я слишком ценю эти подмостки и ваш вкус, чтобы подвергать их бесполезному испытанию. Я, вероятно, выбрал роль не по плечу. Сказали: «некому больше», и я согласился... А надо было ответить: «Не некому, а никому!» Да! Никому нельзя играть Эдмунда Кина! Или Сальвини! Или Сару Бернар! Актер, который старается их изобразить, похож на бифштекс, который пыжится на сковородке, пытаясь достичь размеров быка. Великие мастера прошлого ушли вместе с эпохой. И ничто не повторим! Поверим же на слово их современникам. Смиримся, что было чудом, которое нам не суждено увидеть, когда замирал зал и великий трагик произносил в гробовой тишине: «И пусть свеча погаснет!..»

Соломон. Bravo! *(Дует, свеча гаснет.)*

Актер. Зачем ты дунул на свечу, мерзавец?

Соломон. Это был выдох восхищения, сэр. Честное слово! Вы сейчас стали похожи на Кина. Он тоже мог выйти перед разъяренной публикой и сказать ей в лицо все что думает... Ей-богу, похоже. Можно попробовать сыграть.

Актер. Я сказал — нет! И разве сам ты не отговаривал меня от этой роли пять минут назад?

Соломон. Я отговаривал играть Кина на сцене, но не предлагал срывать спектакль. Это свинство! Можно беречь чувства театралов девятнадцатого века, но нельзя обижать своих современников. В конце концов, они пришли смотреть пьесу про любовь и интриги. А с кем все это происходит — какая разница?

Актер. Но в первой же картине Кин играет Отелло на сцене театра Друри-Лейн.

Соломон. А вот это не надо. Это лишнее. Поэтому предлагаю сцену сократить... Вот так... *(Решительно перечеркивает несколько страниц текста.)* Вы выйдете только на аплодисменты.

Актер. И это вычеркни!

Соломон. Нет, сударь. Это как раз важно. Зритель должен почувствовать, как награждала публика своего любимца...

Из глубины сцены доносятся шум и аплодисменты.

Слышите?

Актер. Я не смогу...

Соломон. Не скромничайте. Кланяйтесь вы всегда на уровне гения.

Аплодисменты усиливаются.

Идите же, сэр, вас вызывают!

Рев аплодисментов. Крики «Браво!». В глубине сцены приоткрывается занавес. На сцену летят цветы. Актер нерешительно идет навстречу.

Публика неистовствует. Актер кланяется.

А ведь похож... Со спины, правда... Но очень похож!

Затемнение

Картина первая

Гостиная в доме графа Кефельда. Появляется Соломон в ливрее дворецкого. Под мышкой — неизменная папка с текстом пьесы.

Соломон *(читает ремарку)*. «Гостиная в доме датского посла графа Кефельда. Слуги готовят столы для приема». *(Хлопает в ладоши, как бы приглашая слуг. Никто не появляется.)* «Слуги готовят столы»... *(Вновь хлопает в ладоши.)* М-да. Кажется, и на них дирекция сэкономила. Зна-

чит, опять — Соломон. Он же — дворецкий, он же — слуга... *(Со вздохом начинает расставлять столы и стулья.)* Стол для чая на шесть персон... *(Пересчитывает стулья.)* Господин посол с супругой. Принц Уэльский. Граф и графиня Госуилл. Лорд Мьюилл...

Появляется Елена.

Елена. Господин дворецкий, еще один прибор, пожалуйста.

Соломон *(берет стул, подносит к столу)*. Куда прикажете поставить?

Елена. Напротив меня.

Соломон. Слушаюсь. Напитки — пунш, легкое вино?

Елена. Разумеется. Впрочем, для седьмого гостя можно что-то и покрепче.

Соломон. Слушаюсь. Разрешите идти?

Елена. Да. Пожалуйста.

Слышен звук колокольчика.

О, по-моему, кто-то уже приехал?

Соломон. Сейчас слуга доложит. *(Заглянул в папку.)* Графиня Госуилл!

Елена. Замечательно. Просите! Просите скорей...

Входит Эми Госуилл. На ней шикарный уличный костюм, огромная шляпа, которую она часто поправляет, поглядывая на себя в зеркало.

Елена. Эми, дорогая, как я рада...

Эми *(перебивая)*. Наконец-то, Елена... Наконец-то я вас застала хотя бы в вашем собственном доме.

Елена. Да. Мы не виделись уже дня три...

Эми. Четыре, милая, четыре! Это целая вечность... Бал у герцога Лейчестера — вас нет. Прием в Букингемском дворце — вас нет. Наконец, сегодня — грандиозные бега в Нью-Маркете, я целый час рассматриваю вашу ложику — но вас опять нет...

Елена. Ах, я так не люблю бега. Просто больно смотреть на этих взмыленных лошадей, которых хлещут взмыленные наездники.

Эми. Ну так не смотрите! В конце концов, не за этим туда ездит весь Лондон. Я, например, обожаю рассматривать ложи. У меня такой мощный бинокль, что я за

милю отличу искусственную мушку от естественной родинки... (Смотрит на Елену.) Боже, какое очаровательное платье! Это пошито у нас или на континенте?

Елена. В Копенгагене.

Эми. Очаровательно! Елена, если вы не любите появляться в свете, то хотя бы выводите свой гардероб. В конце концов, существует протокол. Вы супруга посла. Как мы можем быть уверены, что у нас мир с Данией, если супруга датского посла не появляется в обществе? Итак, где вы пропадали?

Елена. Вчера я была в театре Друри-Лейн.

Эми. А позавчера?

Елена (чуть смутившись). В театре.

Эми. И что ж там играли?

Елена. «Гамлета».

Эми. Опять?! Елена, дорогая, мы же были с вами на «Гамлете» неделю назад.

Елена. Обожаю эту пьесу...

Эми. Но не до такой же степени... Я видела «Гамлета» впервые в пятнадцать лет, и, когда он закричал «Там крыса!» — я завизжала и вскочила на кресло... Но теперь я знаю, что там, за портьерой, Полоний, и все в зале знают, что там Полоний. Один принц датский не знает, поэтому выглядит ужасно нелепо.

Елена. Эми, вчера вы бы опять вскочили на кресло. Играл Кин.

Эми. И вчера играл Кин?

Елена кивнула.

И позавчера?

Елена. Да. Но это был «Венецианский купец». Впрочем, какая разница? Поверите ли, Эми, я смотрела на этого старого алчного еврея — и плакала...

Эми (решительно). Это уже предел! Значит, все — правда? Все, о чем шумел ипподром, — правда...

Елена. Что здесь предосудительного? Иностранка любит театр, обожает Шекспира... Это должно льстить самолюбию англичан.

Эми. Послушайте, Елена, кроме самолюбия у англичан есть строгие правила. Можно любить Шекспира, можно обожать! Можно перечитывать его каждый день

и даже брать в постель... Но не «Гамлета» конкретно. Вы меня понимаете?

Елена. Боже, Эми, что вы говорите! *(Оглядывается.)*

Эми. Надеюсь, нас никто не слышит? Я специально приехала пораньше, чтобы поговорить с вами наедине. Елена, дорогая, вы доверчивы и неопытны... Как, впрочем, и все оттуда, с континента. Когда вы приехали в Лондон и нас познакомили, вы мне сразу понравились, и я согласилась вас опекать и оберегать в свете...

Елена. Я за это вам очень благодарна, Эми.

Эми. Нет! Вы должны меня проклинать, потому что я не предупредила вас о главных опасностях. Одно из них — Кин. Это чудовище... Лондонский Казанова. Впрочем, нет! Казанова был истинным джентльменом и старался прежде всего удовлетворить прихоть женщины. Кин — это Дон Жуан, для которого женщина — только повод насытить собственное тщеславие...

Елена. Эми! Мне все это абсолютно безразлично.

Эми. Что значит — безразлично? Я же не призываю вас к ханжеству и пуританству. Вы должны иметь флирты и романы...

Елена. Эми...

Эми. А почему нет? Вы молоды, очаровательны... Вы — жена посла... И если это нужно для развития международных отношений...

Елена. Эми, я отказываюсь вас слушать!..

Эми. Разумеется, его речи приятней...

Елена. Да я с ним ни разу не разговаривала.

Эми. А правда ли, что в одном из спектаклей он встал на колени перед вашей ложей и произнес монолог?

Елена. В каком? Не помню.

Эми. «Отелло».

Елена. Это была прекрасная сцена. Мавр молился...

Эми. Вам, Елена! А потом пошел и задушил собственную жену. На это все обратили внимание...

Елена. Неужели лондонцы в театре, как и на ипподроме, разглядывают только ложи?

Эми. Разумеется... Елена, вы словно ребенок. Самое интересное происходит по эту сторону рампы... *(Приглядевшись.)* Какое у вас очаровательное колье! Тоже из Копенгагена?

Елена. Нет. Это муж купил в Венеции.

Эми. Ах, как интересна жизнь дипломатов! Столько стран, столько впечатлений... Отличное кольцо! Может быть, один изумруд лишний... Я бы сняла. Хотя нет, можно оставить! О чем это мы?

Елена *(печально)*. О Кине.

Эми. Да. Так вот он не Казанова. Он — Дон Жуан!

Елена. Вы это уже говорили...

Эми *(вдруг равнодушно)*. Ах, милая, не в этом дело, поймите. Подумаешь — Дон Жуан!.. Весь Лондон кишит донжуанами. Главное — он актер. Из племени уличных паяцев. Груб, неотесан... Не умеет себя вести в обществе.

Елена. Что ж... Сегодня мы сможем все в этом убедиться.

Эми. Как? Вы его пригласили... Сюда?!

Елена. Разве это не принято? Я знаю, принц Уэльский его приглашает..

Эми. Принц? При чем здесь принц?.. Принц даже шляется с Кином по кабакам. Принц — брат короля, может позволить себе экстравагантные выходы. Но вы... После того что все говорят.. И еще надели это кольцо. Специально!

Елена. При чем здесь кольцо?

Эми. Венецианский купец... Венецианский мавр... Венецианское кольцо... Неужели вы не видите зловещей цепочки? Завтра об этом будет болтать весь Лондон! *(Схватила веер со стола.)* Фу! Меня даже в жар бросило... *(Обмахивается.)* Откуда веер? С континента?

Елена. Нет, веер как раз сделан в Лондоне. Это подарок принца Уэльского.

Эми *(разглядывает веер)*. Изумительная вещица...

Елена. Кстати, Эми, я хотела вас спросить. Удобно ли было принимать такой подарок?

Эми. От принца?

Елена. Я имею в виду — замужней женщине... Это принято в Лондоне?

Эми. Дорогая! Это принц! Брат короля... Впрочем, не знаю. Может, и не принято. Только знаю нескольких прелестных замужних женщин, которые обмахиваются его подарками...

Входит граф Кефельд.

Кефельд. Графиня, счастлив вас видеть! *(Целует ручку Эми.)* Вы одна? Разве лорд Госуилл не почтит нас своим присутствием?

Эми. Он подъедет позже. Вместе с лордом Мьюилом. У них какое-то срочное дело... Лорд Мьюилл приехал к нам с утра, и они закрылись с мужем в кабинете. О чем-то шумно беседовали, а потом умчались в неизвестном направлении.

Елена. Неизвестном для вас, Эми? Я этого не допускаю.

Эми. Разумеется, я сразу обо всем догадалась... Дело в том, что этот старый Мьюилл решил жениться!

Кефельд. Да. Я слышал. И, говорят, на какой-то юной особе...

Эми. Весьма. Но это его не останавливает. Ей — семнадцать, ему — семьдесят один, поскольку цифры те же, он решил, что они ровесники...

Елена. Язычок у вас, Эми!

Кефельд. Обожаю вас слушать, графиня... Вы как-то умеете живо подавать информацию.

Эми. Короче, думаю, девочка решила повеситься в преддверии счастья, и лорд Мьюилл повез моего мужа ее отговаривать... Уверена, на это уйдет не много времени. Через полчаса они будут здесь.

Кефельд. Замечательно. Думаю, вы не пожалеете, что согласились отобедать у нас. Кроме типично датских блюд вас ждет музыкальный сюрприз. Я пригласил двух певцов из оперного театра, они дадут нам небольшой концерт.

Эми. Но ваша жена сказала, что сегодня обед «с драматическим уклоном»...

Кефельд. К сожалению, мистер Кин не сможет присутствовать... *(Заметив удивление жены.)* Дорогая, я получил от него письмо, в котором он благодарит, но ввиду обстоятельств... В общем, вежливый отказ.

Эми. Довольно дерзко, учитывая, что его приглашает посол.

Кефельд. Да? Вы считаете, я должен обидеться? Я новый человек в Лондоне и пока не всегда улавливаю нюансы взаимоотношений.

Эми. Это зависит от причины, которую он придумал.

Кефельд. Он пишет, что у него спектакль.

Эми. Спектакль вечером, сейчас — день...

Кефельд. Он пишет, что должен подготовиться к спектаклю.

Эми. Значит, просто завалится спать... Обидьтесь, граф! Мой вам совет — обидьтесь!

Кефельд. Пожалуй... Хотя это огорчительно. Я думал, актер нас развлечет. Я даже попросил его надеть костюм Фальстафа...

Елена. Вы просили его явиться в costume Фальстафа?

Кефельд. А почему нет, дорогая? Это забавно. Вы сами так смеялись...

Елена. Теперь я понимаю причину отказа. По-моему, не очень учтиво с вашей стороны.

Кефельд. Ну почему?

Елена. Когда приглашают гостя на обед, его приглашают как равного, а не как шута. Вы же не советуете лорду Мьюилу, какой костюм надеть.

Кефельд. Дорогая, как можно сравнивать? Я обижусь!

Эми. Перестаньте, умоляю. Считайте, вам повезло, что этот грубиян не будет сидеть с нами за столом. А что касается лорда Мьюила, то, в каком бы costume он ни пришел, будет смешно. Поверьте мне...

Появляется Соломон.

Соломон. Его высочество принц Уэльский.

Соломон уходит. Появляется принц Уэльский — молодой человек светского вида, с газетой в руках.

Принц *(весело приветствуя)*. Леди!

Елена и Эми *(легкий книксен)*. Ваше высочество.

Принц *(протянул руку послу)*. Господин посол!

Кефельд *(почтительно пожимая руку)*. Ваше высочество, безмерно счастлив, что вы нашли время...

Принц. Все! Все! Ритуал закончен. Я приехал к друзьям... *(Оглядывается)*. Других гостей нет? По слухам, у вас должен быть лорд Мьюил.

Кефельд. Он задерживается.

Принц. Значит, я вовремя... *(Смеется.)* Вы еще не читали газету?

Эми. Какую, ваше высочество?

Принц. Завтрашнюю.

Эми. Кто же, кроме вас, ее получает?

Принц. Да, это из тех немногих привилегий, которые остались у королевской фамилии. Так вот, я не мог удержаться, чтоб не познакомить вас с одной сенсацией... Где она? *(Листает газету.)* Нет, лучше перескажу. Так будет наглядней... *(Смеется.)* Одним словом, наш почтенный лорд Мьюил *(изображает старика, все почтительно хихикают)* решил жениться... На юной девушке... Впрочем, возраст не имеет значения. Ей — семнадцать, ему — семьдесят один, цифры те же, поэтому он решил, что они ровесники...

Эми *(хохочет)*. Блестящая фраза, принц, я ее запомню!

Принц. Дарю, графиня... Так вот, бедную девочку *(изображает)*, сиротку готовят к вступлению в брак... Впрочем, не такую уж бедную. Ее зовут Анна Дэмби. Она наследница крупнейших сыроваренных заводов... Поэтому ее отчим и решил обменять приданое на графский герб лорда Мьюила.

Эми. Мезальянс — это всегда так ужасно...

Принц. Ну почему, графиня? Был бы сыр вкусным, а во что он завернут — какая разница? Одним словом, девочку готовят к высшему свету. Привозят в Лондон, учат манерам, музыке, водят в театр. *(Елене.)* Графиня, вы, наверное, обратили внимание: в соседней с вашей ложе иногда появлялась такая симпатичная всхлипывающая блондиночка?

Елена. Ваше высочество, в театре я смотрю только на сцену.

Принц. Я тоже. Разумеется. Но иногда... краем глаза... Я, например, из любопытства из своей ложи люблю наблюдать за вашей. Вы так непосредственны, так живо реагируете. Так блестят ваши глаза. Прелесть!

Кефельд. Я очень польщен, ваше высочество.

Принц. Да. Вас я тоже вижу... Впрочем, сейчас разговор о другом. В общем, готовили девочку, готовили и... приготовили. Назначена официальная помолвка, разо-

сланы приглашения, приезжают за невестой и... (Декламирует.) «Пустынна комната. Распахнуто окно. Внизу бурлит и пенится Верона... Все брошено. И только на столе записка: «Не ищите!»... Что дальше, лорды? Дальше — тишина!» (Поклон.)

Эми (аплодирует). Браво, ваше высочество!

Кефельд. Так что? Она утонула?!

Принц. Где?

Кефельд. В Вероне... Но ведь Верона в Италии.

Принц. Абсолютно верно. Сразу чувствуется, граф, что вы посол и хорошо знаете географию. У нас, в Лондоне, молодые девушки бросаются из окна... в экипаж! И уезжают к тому, кто завладел их сердцем.

Елена. И кто же этот удачливый соперник лорда?

Принц. Эдмунд Кин.

Эми (Елене). Ну, что я вам говорила? Чудовище! Коварное чудовище.

Кефельд. Бедный лорд Мьюил... Он оскорблен. Что ж теперь будет? Дуэль?

Принц. Это невозможно, граф. Жениться на женщине незнатного происхождения лорд еще может, но драться с простолюдином...

Кефельд. У нас в Дании на это смотрят иначе. Кто бы ни был твой оскорбитель — шпагу наголо!

Принц. Да... да... Мы это знаем. Поэтому в «Гамлете» в конце такая гора трупов...

Елена. И все-таки, что ж делать бедному Мьюилу?

Принц. Знаете, графиня, когда я был маленьким, я первый раз влюбился. Мне было семь лет, не больше... Я влюбился в юную фрейлину. Но она мною пренебрегла. Тогда в слезах я прибежал к отцу и закричал: «Папа! Я люблю девочку, она меня не любит. Что мне делать?» И знаете, что мне ответил король Англии? «Что делать, сын? Страдать!» Это же можно посоветовать и лорду Мьюилу.

Елена. Это жестоко, ваше высочество.

Принц. Ну, ну.. Не так страшно. Все-таки ему не семь лет, а в десять раз больше... Впрочем, посмотрим! У вас сегодня интересный обед...

Кефельд. Какой ужас! Я ведь ничего этого не знал. И пригласил к себе не только лорда, но и Кина...

Принц (*радостно*). Как? Он тоже придет? Bravo, граф! Восхищен вашей фантазией. Какое изящество сюжета...

Кефельд. Посольство Дании. Суверенная территория... Мог бы случиться невероятный конфликт

Принц. Почему «мог бы»? Умоляю, граф, ничего не отменяйте.

Кефельд. Слава богу, мистер Кин отказался прийти...

Принц (*с досадой*). Черт! Так и знал... Пятница — несчастливый день!

Появляется Соломон.

Соломон. Мистер Кин!

Общее замешательство. Соломон уходит.

Принц (*хватает кресло, садится*). Все! Я занял место... Не мешайте!

Входит Кин.

Кин (*почтительные поклоны*). Леди... Милорд. (*Заметил Принца.*) Ваше высочество... (*Пауза.*) Умоляю вас меня простить. Мое поведение кажется непоследовательным...

Кефельд. Да, мистер Кин. Я человек новый в Лондоне и, очевидно, еще не знаю местных правил. Но мне кажется странным, что гость отказывается прибыть, когда его приглашают, а затем приходит, когда его уже не ждут.

Кин. Господин посол, я понимаю безрассудность своего визита, но чрезвычайные обстоятельства побудили меня забыть о правилах вежливости. Речь идет о чести юной девушки... И о моей. Я узнал, что лорд Мьюил должен прибыть к вам...

Кефельд. К счастью, его пока нет. И меньше всего мне бы хотелось, чтоб вы встретились с ним на этой территории...

Кин. Значит, этот нелепый слух дошел и до вас... Тем более я правильно сделал, что пришел, и умоляю вас всех меня выслушать... Я не знаю, кто такая Анна Дэмби. Я с ней незнаком и никогда ни о чем не говорил... Возможно, это одна из моих многочисленных юных поклонниц, которых всегда достаточно у любого театрального пре-

мьера... И влюблены они не в меня, а в принцев и королей, которых я изображаю... Все это так понятно! Но вот юная невеста бежит от престарелого жениха, и все в один голос начинают кричать, что виной тому актер Кин. Почему? Потому что он — чудовище, обольститель, похититель, не знаю, кто еще... Таково, очевидно, свойство людей: сначала они плачут и смеются над твоим искусством, а потом тебя же ненавидят за те чувства, которые ты в них вызвал...

Принц. Подождите, Кин. Монолог страстен, но давайте по существу. В газете написано, что Анну Дэмби видели вчера вечером, входящую в ваш театр.

Кин. Ваше высочество, каждый день в театр входят несколько сотен людей.

Принц. Да. Но потом все выходят...

Кин. Все? Разве их кто-то пересчитывает?

Эми. Какая дерзость! Так отвечать принцу...

Принц. Нет. Ничего... Реплика есть реплика...

Кин. Еще раз повторяю: я не видел Анну Дэмби. Я нашел в дверях своей гримуборной лишь это письмо. Ознакомившись с ним, вы поймете, что я никогда не похищал и не прятал эту девушку...

Кефельд. Ну так почему вы не предъявите его журналистам?

Кин. Актеру все равно не поверят до конца. Лицедей! Изображает страсть, изображает коварство. Значит, может изображать и невиновность... Вот если б за меня заступился кто-то из людей, кому само происхождение дает право на всеобщее уважение... Если б кто-то поручился перед лордом Мьюилом...

Кефельд *(в отчаянии)*. Но почему именно здесь? В посольстве?!

Кин. Господин посол, я столько раз страдал за судьбу Дании в «Гамлете»... Может Дания один раз защитить честь своего принца?!

Елена. Покажите ваше письмо, мистер Кин.

Кин. Благодарю вас, графиня... Я верил в ваше великодушие и рад, что не обманулся. *(Протягивает Елене письмо, смотрит ей в глаза.)*

Принц. Я надеюсь, мы его тоже услышим?

Кин. Простите, ваше высочество, но я этого не допущу. Такая тайна может быть доверена только женщине. Женщине с нежным сердцем и тонкой душой...

Елена (*вглядываясь в письмо*). Я не понимаю...

Кин. Почерк неразборчив... Но чувства, которые руководили писавшим его, будут ясны вам через секунду... Вчитайтесь, графиня, очень прошу вас...

Пауза. Елена смотрит в письмо, потом на Кина, затем сворачивает письмо, убирает в конверт.

Елена. Да. Все — правда! Мистер Кин не похищал Анну Дэмби. Я сегодня же постараюсь убедить в этом лорда Мьюила... Возьмите ваше письмо, сударь.

Эми. А могу я взглянуть, мистер Кин? Я тоже женщина.

Кин. Безусловно, леди Госуилл. Но почерк так неразборчив. Надеюсь, графиня лучше перескажет вам все своими словами... (*Кланяется Елене.*) Благодарю вас. (*Поклон Кефельду.*) Господин посол, еще раз прошу меня извинить. (*Поклон Принцу.*) Ваше высочество.

Принц. Надеюсь, мы скоро увидимся, Эдмунд?

Кин. Как только вы того пожелаете... (*Быстро выходит.*)

Принц (*радостно вскочил*). Bravo! Все-таки с ним всегда интересно. Непонятно, но интересно... (*Кефельду.*) Теперь мы с вами, господин посол, будем ломать голову: что бы это все значило?..

Входит Соломон.

Соломон (*объявляет*). Лорд Мьюил.

Принц (*азартно*). Наконец-то. Итак, представление продолжается. Делаем сочувственные лица...

Все делают «сочувственные лица».

Затемнение

Картина вторая

Уборная Кина. Сейчас она выглядит достаточно шикарно: нарядные шторы, дорогие статуэтки. Из открытого окна доносится музыка. Соломон вместе с рабочим втаскивает новый диван.

Соломон. Аккуратней... Аккуратней... Не поцарапай! Вот сюда... (*Устанавливает диван.*) Все, вы свободны.

Рабочий многозначительно смотрит.

Ах да. Получите... *(Сует рабочему монеты. Теперь тот смотрит на Соломона недовольно.)* В чем дело? Договаривались за двадцать шиллингов, но вынесли только половину дивана...

Рабочий уходит. Соломон оглядывает комнату, сокрушенно вздыхая.

Подходит к окну.

Музыкант! Да, это вам... Подождите пиликать. Я же сказал: играть только по моему знаку.

Входит Кин. На нем дорогой яркий восточный халат.

Кин. Пусть играет, Соломон. Музыка создает хорошее настроение...

Соломон. Или — плохое. Как только вспомнишь, сколько стоит минута звучания.

Кин. Как же ты меркантилен, друг мой. Запомни: все, что можно купить за деньги, — уже дешево!

Соломон. Отличная фраза, сэ. Но лучше б ее производить тому, у кого эти деньги есть. А когда в кармане шаром покати... Я просто на вас удивляюсь. Вы же из скромной семьи. Имели бедное детство... Откуда ж эта тяга к роскоши?

Кин. Оттуда, Соломон. Из моего бедного детства. Из моей нищей юности... Когда я был уличным акробатом и зарабатывал шиллинги, стоя на голове, я видел, что мир устроен неправильно. И поклялся, что как только встану на ноги, то переверну его. Так и произошло! Мне кидали медяки — я кидаю золото... *(Подходит к окну, швыряет монету.)* Играй, музыкант!

Соломон *(подбежав к окну)*. Подожди играть! *(Кину.)* Сэр, вам давали медяки на хлеб, а вы швыряете фунты неизвестно на что. На прихоти! На каприз!.. Зачем вы сменили шторы? Старые были еще совсем новые. А эти статуэтки? А диван?

Кин. Я же объяснял, Соломон, — сегодня меня должна посетить женщина.

Соломон. Как будто они вас раньше не посещали!.. Где это видано, чтоб перед каждым свиданием делать ремонт?! Я понимаю — сменить рубашку... Но мебель?!

Кин. Соломон, не берись судить о том, в чем не смыслишь. Женщины — существа тончайшие. Раннимые... Они моментально улавливают запах чужих духов. А если женщина присядет на новый диван, то сразу почувствует, что до нее здесь никого не было. Она — первая! Понимаешь? И это правда! Потому что, когда я влюблен так, как сейчас, все прошлое перестает для меня существовать. И будущее тоже! Время — ноль! И женщина, которую я жду, его достойна...

Соломон. Хорошо. Тогда примите ее любовные записки... *(Протягивает Кину бумаги.)*

Кин. Что это?

Соломон. Счета. За ткани, за цветы. От мебельщика.

Кин. Хорошо. Дай перо, я подпишу.

Соломон. Сэр, они отказываются и дальше принимать ваши автографы. Требуют наличными.

Кин. Дураки! Через сто лет эта подпись будет стоить миллионы.

Соломон. Зато через месяц за нее могут дать год тюрьмы!

Кин. Замолчи! Ты решил окончательно испортить мне настроение? Не выйдет! Не желаю больше слышать ни о каких долгах. У меня свидание с прекраснейшей из женщин! *(В окно.)* Играй, музыкант!

Соломон *(в окно)*. Не играй!

Кин *(схватил Соломона за ворот)*. Да что ты себе позволяешь?! А ну, пошел вон! Ты уволен!

Соломон *(отбиваясь)*. В случае увольнения вы обязаны мне заплатить жалованье за шесть месяцев! А денег у вас нет.

Кин. Так достань! *(Засмеялся.)* Видишь, как мы повязаны с тобой? Чтоб уволиться, тебе надо сделать меня богатым, а если я разбогатею, глупо увольняться... *(Обнял Соломона за плечи.)* Ну, дружище! Где-нибудь займем... Я знаю, ты что-нибудь придумаешь. Мудрая голова! Недаром же твои еврейские родители нарекли тебя Соломоном!!

Соломон *(печально)*. В детстве мама называла меня «Шлема». Думаю, это имя мне больше подходит.

Стук в дверь.

Кин *(взволнованно)*. Все! Это она... Исчезни!

Соломон направляется к двери.

Не туда! Через вторую дверь. А потом вернись к выходу и следи, чтоб ни одна душа сюда больше не проникла...

Соломон исчезает. Стук повторяется.

Прошу вас! Входите...

За окном неожиданно звучит печальная музыка. Входит человек в черном плаще и маске. В руках — корзина.

Вошедший. Ваш заказ, сэр.

Кин. Кто вы?

Вошедший. Охотник. И принес заказанные вами рога. *(Достает оленьи рога.)*

Кин. Что за бред? Я не заказывал никаких рогов!

Вошедший. Разве? А что же водрузите на голове обманутого супруга?!

За окном звучит веселая музыка. Вошедший пританцовывает, срывает с себя маску. Это Принц.

Принц *(весело)*. Ну как?

Кин. Потрясающе, ваше высочество!

Принц. Нет, ну, правда? Признайтесь, что не сразу меня узнали!

Кин. Абсолютно. Я и сейчас с трудом догадываюсь...

Принц. Ну, спасибо! *(Подходит к окну.)* И вам спасибо, любезный. *(Кидает в окно кошелек.)* Нет, серьезно, я нигде не пережал?

Кин. Сыграно блестяще, ваше высочество.

Принц. Благодарю! Теперь я понимаю, как приятно актеру получать комплименты, даже если они и не очень искренние. *(Оглядывается.)* О! У вас тут изменения... Красиво. Это вы меня так встречаете?

Кин. Безусловно.

Принц. Тогда я посижу... Или даже полежу на диванчике. Не возражаете? *(Прилег на диван.)*

Кин. Делайте все, что вам нравится, ваше высочество. Для меня праздник каждая минута общения с вами... *(Садится.)*

Принц *(смеется)*. А вот тут сыграно неважно... Бросили испуганный взгляд на часы. Я заметил... Ладно! Не нервничайте. Чтобы не выглядеть садистом, сразу вас успокою: она не придет.

Кин. Кто «она», ваше высочество?

Принц. Очень неважно сыграно... Эдмунд, вы умеете лицедействовать, но не лицемерить. Я говорю о той женщине, которой вы вручили любовное послание на глазах ее собственного мужа... *(Декламирует.)* «Сударыня, если бывает то чувство, которое именуется любовью с первого взгляда, то это именно то состояние, в котором я пребываю в последнее время...»

Кин *(изумленно)*. Ваше высочество...

Принц *(продолжая декламировать)*. «...И мне кажется, что тот отблеск, который я увидел в ваших прекрасных глазах, соответствует тому волнению, какое испытываю...»

Кин *(в ярости)*. Умоляю, перестаньте!

Принц *(продолжая)*. «...И если это все не ошибка, не досадное заблуждение, не могли бы вы уделить мне хоть несколько минут, чтоб, оставшись наедине, все это выяснить».

Кин *(в ярости вскочил с кресла, кресло перевернулось)*. Как вы все это узнали, милорд?!!

Принц *(испуганно)*. Ну, ну, Эдмунд! Не забывайте!

Кин. Извините, ваше высочество... Извините прежде всего за то, что я сел в вашем присутствии. Просто мне показалось, что если вы можете лежать в моей гримуборной, то я могу в ней хотя бы посидеть. Во-вторых, извините за глупый вопрос... Влюбленный актеришка пишет письмо аристократке. Почему бы ей не показать это послание принцу и вместе не посмеяться? Это было так, не правда ли?

Принц. Нет, графиня Кефельд ничего мне не показывала, тем более что письмо вы забрали с собой.

Кин. Значит, пересказала?

Принц. Хватит, Кин, не буду вас мучить. Это письмо мы вместе сочинили три года назад для графини Потоцкой... А потом я его еще пару раз переписывал по другим поводам... Но вообще ужасно, что один и тот же текст гуляет по стольким гостиным.

Кин. Значит, Елена вам ничего не пересказывала?

Принц. Нет. Вы попались на удочку.

Кин. Жаль.

Принц. Что попались?

Кин. Что не пересказывала...

Принц удивленно смотрит на Кина.

Дело в том, что я ей дал чистый лист бумаги.

Принц. Как?

Кин. Просто белый листок... При этом смотрел на нее и мысленно произносил все эти слова. И, мне кажется, она поняла... Уверен, что поняла!

Принц. Фантастика! Нет! Кин, я всегда говорю: с вами интересно. И каков был этот взгляд? Покажите!

Кин. Сейчас не смогу... Нужен предмет обожания... Вас я тоже обожаю, ваше высочество, но это чувство иного рода.

Принц. Примерно так? *(Показывает.)*

Кин. Да... Что-то похожее...

Принц. Обещайте, что вы меня обучите. Это ведь замечательно: ни писем, ни объяснений. Взгляд — и все! Мне это необходимо, Эдмунд...

Пауза.

Но все равно она не придет. В три часа назначен прием во дворце, и я попросил датского посла быть непременно с супругой... Непременно!

Кин. Я тоже умолял ее... Посмотрим, что она предпочтет.

Принц. Кин, я чувствую — у вас это серьезно...

Кин. Боюсь, серьезней некуда.

Принц. А если бы я попросил вас отказаться от этой женщины?

Кин. Во имя чего?

Принц *(замаялся)*. Ну... Есть обстоятельства. В конце концов, это Дания. Предполагается несколько торговых соглашений... Крупные закупки сыра...

Кин. Вы тоже не умеете лукавить, ваше высочество. Меньше всего на свете вас интересует сыр.

Принц. Хорошо! Считайте, это моя личная просьба. Елена мне тоже нравится.

Кин. Нам часто нравятся одни и те же женщины. Я к этому привык.

Принц. Но в этот раз меня как-то серьезно захватило... Кин, ну не будем же мы ссориться из-за женщины? Мы друзья!

Кин. Разумеется, милорд. Будем честно добиваться расположения прекрасной дамы. И «браво» тому, кому выпадет удача.

Принц. А кому не повезет?!

Кин. Тот будет страдать... Помните, как-то я вам рассказывал: в детстве я полюбил одну девочку, а она меня — нет. И я пошел к отцу...

Принц. Знаю! Я это столько раз пересказывал, что мне кажется, это было со мной. Вообще, вы чрезмерно на меня воздействуете, Кин. Ваши истории, ваши женщины... Я даже заказал себе такой же халат. Это шил Перкинс?

Кин. Да.

Принц. Но ведь это безумные деньги. А я слышал, Эдмунд, ваши финансовые дела довольно плохи!

Кин. Вдвое хуже, чем болтают.

Принц. Но я мог бы оплатить часть ваших векселей... Или даже все, Кин... Если мы не будем портить наши отношения и вы согласитесь...

Многозначительный взгляд Кина.

Фу! Как это я мог произнести? Я действительно обезумел из-за этой женщины, раз мог выпалить такую пошлость... Забудьте, Кин! Я вам просто одолжу деньги... на неопределенный срок.

Кин. Теперь я вынужден отказаться, ваше высочество... Идет честная борьба, и ни у кого не должно быть преимуществ.

Принц. Но я не хочу, чтоб вас посадили в долговую яму. Тогда преимущество будет у меня...

Стук в дверь.

Неужели она?

Кин (*глянув на часы*). Три часа, ваше высочество. Прошу вас — через потайную дверь. Я не хочу, чтобы вы встретились...

Принц *(гневно, но шепотом)*. Не смейте учить меня правилам хорошего тона!!! Вы забываетесь... *(Пошел к потайной двери, но неожиданно вернулся.)* Нет. Хоть краем глаза я должен взглянуть... *(Подскочил к двери, глядит в глазок.)* Она накинула темную вуаль!!! Какая жалкая конспирация!!! Сегодня же скажу брату — никаких соглашений с Данией! Никаких закупок!!!

Принц выбегает в потайную дверь. Входит Анна.

Кин *(рванулся ей навстречу)*. Елена!

Анна *(откинув вуаль)*. Извините, мистер Кин... Я понимаю всю неуместность своего появления... Мы ведь даже не представлены друг другу... И правила приличия, которые я вынуждена нарушить, продиктованы чрезвычайностью обстоятельств... *(Сбилась.)* Я не знаю, что еще положено говорить. Меня зовут Анна Дэмби.

Кин *(мрачно)*. С этого надо было и начинать.

Анна. Меня учили правилам этикета, но они мне с трудом даются.

Кин. Мне тоже. Поэтому можем говорить как нормальные люди... Какого черта, девочка, вы притопали сюда?! Мало вам сплетен и слухов? Теперь хотите дать им подтверждение?!

Анна. Наоборот, мистер Кин. Я пришла извиниться за те неприятности, которые вам доставила не по своей воле, а исключительно в силу невероятных обстоятельств...

Кин *(прерывая)*. Стоп! Не переходите на этот идиотский велеречивый тон... Вы — дочь сыроторговца, я — сын уличного клоуна. И, по нашим правилам, вам следует задрать юбку и хорошенько вас выпороты!

Анна. За что, сэр?

Кин. За все, леди!!! За то, что бежали из дому, за газетные сплетни... За то, что ваш полоумный дедушка-жених бегаёт по Лондону и грозит мне всеми карами! А сейчас вы напялили эту дурацкую вуаль и поссорили меня с самим принцем Уэльским!!!

Анна *(всхлипнув)*. Я ж не нарочно.

Кин. Вот, только слез не хватало... А ну, не реветы! Сюда могут войти... *(Вытирает ей слезы.)* И так болтают, что я вас соблазнил и обесчестил... *(Оглядывает ее.)* Меж-

ду прочим, вы достаточно хороши, чтобы дать повод для такой версии... А где вы прячетесь?

Анна. В театре.

Кин. Здесь, в Друри-Лейн?!

Анна. Да. У меня знакомая костюмерша. Она пустила меня в одну из комнат. Там, где стоят декорации «Ричарда Третьего».

Кин. Ужас! Превращать королевские покои в ночлежку! Всех уволю!

Анна. Там мыши бегают,.. *(Всхлипывает.)*

Кин. Бедная моя... *(Гладит ее по голове.)* Нет! Надо сразу поставить точку в этом вопросе. Послушайте, юная леди, я очень уважаю ваш порыв, вашу страсть, но на правах старшего все-таки дам вам совет: выкиньте всю эту дурь из головы. Так уж заведено, что девушки влюбляются в своего кумира, но это самообман... Мираж, подсвеченный на сцене, приправленный щемящей музыкой... Когда ж вы пытаетесь к нему прикоснуться, он исчезает... Или обретает черты реальности — довольно грубой и плотской!

Анна *(растерянно)*. Я что-то не пойму. Вы про кого?

Кин *(растерянно)*. В каком смысле?

Анна. Ну, вот про мираж... с плотскими чертами...

Кин. Про себя, черт подери! Разве вы не влюблены в меня?

Анна. С чего вы взяли?

Кин. Абсолютно?

Анна. Да ни капельки... Ни вот столечко!..

Кин *(с досадой)*. Анна, вас действительно плохо учили вежливости... Но тогда почему сбежали из дому и прячетесь в театре?

Анна. Потому что хочу быть актрисой.

Кин. Всего-то?

Анна. Разве этого мало?!

Пауза.

Кин. М-да... А мне почему-то казалось... Нет, какое самомнение!

Анна. Бывает...

Кин *(резко)*. Молчать! Обойдемся без сочувствия! Когда я говорю о самомнении, я имею в виду вас. Сбежала из

дому, распугивает здесь мышей и думает, этого достаточно, чтобы стать актрисой.

Анна. Я много занималась, мистер Кин. Я выучила наизусть роли...

Кин. Этого мало! Актером нужно родиться! Мой прадед был актером, дед и отец тоже. Я — Кин Четвертый!!! И в моих жилах течет особая кровь, не хуже королевской... Во всяком случае, горячее. Так что, сударыня, можно приобрести титул лорда за приданое, но не талант. Этот титул дается Богом!

Анна. Но, может быть, он у меня есть? Я ведь и пришла, мистер Кин, затем, чтоб вы меня прослушали...

Кин. У меня сейчас нет на это времени. И потом, я не выношу актерские показы. Что вы собирались читать?

Анна. Что скажете... Например, монолог Джульетты.

Кин. Это я услышу вечером от партнерши. У меня спектакль. А сейчас я отдыхаю... И, между прочим, жду даму!

Анна *(тихо)*. Я это поняла...

Кин. И не уходите?.. Ну что ж... Уже неплохо. Значит, вы готовы побороться за место на сцене... Хорошо! Даю вам минут десять. Показывайте, чему научились. Только умоляю — никаких шекспировских монологов. На них надо иметь право. Актер не тот, кто прикрывается чужим текстом... В любой момент он должен включить воображение и имитировать любое чувство: любовь, неприязнь, равнодушие... Все, что необходимо. Итак, вы готовы?

Анна. К чему?

Кин. К этуду. Представьте: вы влюблены в меня и пришли объясниться. Начинайте!

Анна. Прямо так?.. Сразу?

Кин. Можете сидя, если вам удобней...

Анна нерешительно двинулась к дивану.

Нет! На диван не надо... Объясняйтесь стоя. И темпераментней, если можно. Вы влюблены в меня, потеряли голову... Ну, говорите, говорите!

Анна *(тихо)*. Это действительно так, мистер Кин. Я люблю вас... И даже, если наш этюд вам не понравится и вы прогоните меня прочь, я не перестану любить вас...

Кин. Хорошо.

Анна. Я полюбила вас давно... еще маленькой девочкой, когда впервые увидела...

Кин. В каком спектакле?

Анна. Это было не в театре... Впервые я увидела вас на улице. На берегу Темзы. Вы стояли, облокотившись на перила моста, и крошили булку плавающим лебедям...

Кин. Красиво.

Анна. Очень. Я тогда подумала: какой красивый джентльмен и какой добрый, раз он так любит птиц... Но тут булка кончилась, вы помахали птицам рукой и пошли вдоль реки... И я пошла почему-то за вами... И скоро вы вошли в маленький ресторан, заказали вино и сели за крайний столик, лицом к стене. И так стали пить... Спирной к людям, лицом к стене... А я стояла, смотрела на вас через оконное стекло и вдруг поняла, что вы очень одинокий человек...

Кин. Это правда.

Анна. И я стала часто приходиться к этому ресторанчику и часто видела вас там, сидящего лицом к стене. Иногда я старалась попасться вам на глаза, но вы меня все равно не замечали... Я уже знала, что вы — знаменитый актер Кин, что вы окружены всеобщей любовью, но я понимала, что вы — несчастны, раз в самую сокровенную минуту перед вами — только стена. И тогда я поклялась, что когда вырасту, то стану тоже знаменитой актрисой, и вы, конечно, заметите меня и, может быть, хоть один раз разрешите сесть за этот столик напротив.

Пауза.

Кин. Адрес ресторана?

Анна. Ливерпуль-стрит, двенадцать.

Кин. Так это все — правда?

Анна. Не знаю, сэр. Вам судить...

Кин *(подошел к ней, обнял за плечи)*. Бедная девочка. И сколько же вы ходили так за мной, незримой тенью? *(Пытается поцеловать.)* Ну?.. Мне понравился этюд.

Анна. А неприязнь? Можно я сыграю неприязнь?

Кин. Я вам и так верю... Впрочем, ладно. Показывайте.

Анна (*нервно*). Неприязнь, мистер Кин, я почувствовала к вам тогда, когда впервые увидела на сцене.

Кин (*с усмешкой*). Вот так раз.

Анна. Да. Давали «Ричарда Третьего»... И вы расхаживали по сцене как большая горилла, согнувшись и покачиваясь взад-вперед. Публика ахала, думая, что это какой-то необычный рисунок роли, а я-то сразу поняла, что вы мертвецки пьяны... И потом много раз я попадала на спектакли, пахнущие вином... Никто, кроме меня, не замечал. Но я чувствовала на расстоянии каждую выпитую рюмку, и каждая реплика, которую вы перевирали, втыкалась в мои уши как иголка. Тогда возникла моя неприязнь, переходящая в ненависть. Я думала: Господи Боже мой, ну почему ж такой талант достался такому чудовищному человеку? Он же пропьет Твой дар, Господи! Забудет под первой юбкой, которую встретит на пути... Постелит на диван вместо белья!

Кин (*зло*). Хватит!!! Закончим с неприязнью, вернемся к обожанию.

Анна (*устало*). Нет, мистер Кин. Теперь у меня остался только этюд на равнодушие. И мне действительно все равно, возьмете ли вы меня в свой театр или нет... Главное — вы меня выслушали!

Дверь распахивается. Стремительно входит Соломон.

Кин (*гневно*). Что ты врываешься без стука, болван?!

Соломон. Извините! Извините, мисс... Но на стук уже не было времени. Лорд Мьюил в театре... Между прочим, вместе с полицией!

Анна. Хорошо. Я выйду к нему.

Кин. Нет! Вы приняты в труппу, сударыня... Соломон, проводи эту юную леди. Спрячь ее где-нибудь...

Соломон. Где?

Кин. В реквизиторской... Да! Разыщи где-нибудь кошку.

Соломон. Какую еще кошку?

Кин. Тебе все объяснят... Ступайте!

Соломон и Анна уходят через потайную дверь. Кин невозмутимо садится в кресло перед зеркалом. Врывается лорд Мьюил.

Мьюил. Мистер Кин?

Кин. Да, милорд. Чем обязан?

Мьюил. Вы это знаете лучше меня... Я не почитатель ваших талантов, чтобы приходить просто так в вашу уборную. Это ведь называется у актеров «уборная», не так ли? Странное название... У простолюдинов «уборной» именуется совсем другое помещение...

Кин. Если вы пришли меня оскорблять, то, боюсь, вам это удастся.

Мьюил. Оскорблять? Ну что вы... Оскорблять достойных людей входит в вашу профессию... *(Замечает оленя рога.)* Это для меня приготовлено?

Кин *(с усмешкой)*. Если они вам нравятся...

Мьюил. Так! Вести с вами диалог — унизительно. Поэтому молчите и слушайте! Мистер Кин, я знаю, что мисс Анна Дэмби скрывается здесь. И сколько бы ни ручались за вас уважаемые люди, я больше никому не верю... Поэтому требую: во-первых, оставить мою невесту в покое; во-вторых, обязать ее немедленно вернуться домой; в-третьих...

Кин. Подождите, милорд. И первых двух пунктов мне не выполнить. Ваша знакомая, мисс Анна...

Мьюил *(перебивая)*. Моя невеста, мисс Анна.

Кин. Хорошо. Ваша знакомая невеста мисс Анна Дэмби — талантливая актриса. Она принята в труппу Друри-Лейн...

Мьюил. Что?! Она будет играть на сцене?! Вместе с вами?! И весь Лондон будет глазеть и злословить в мой адрес?!

Кин. Вы преувеличиваете интерес всего Лондона к вашей персоне, сэръ!

Мьюил. Все! Терпению пришел предел... Я вас уничтожу, мистер Кин.

Кин. Дуэль?

Мьюил. Вы ее недостойны, Кин. На дуэль вызывают равных, с комедиантами я расправляюсь по их законам... *(Решительно подходит к статуэтке, валит ее на пол, затем разрывает на себе манишку, брызгает на грудь красной краской, срывает с головы парик и валится на диван.)* Констеблы! На помощь! Меня убивают!

Кин изумленно смотрит на Мьюила. В дверь входит Констебль. Из потайной двери выглядывает Соломон.

Соломон. Что случилось, сэр?

Кин *(с улыбкой)*. Этюды, Соломон. Разыгрываем этюды...

Затемнение

Картина третья

Лондонская тюрьма. За решеткой — Кин. Появляются Соломон и Констебль. У Соломона — неизменная папочка с пьесой.

Соломон *(читает)*. «Картина третья. Лондонская тюрьма. Появляются Соломон и Констебль. Констебль вталкивает...» *(Осекся.)* Что такое? Здесь какая-то ошибка...

Констебль тоже заглядывает в пьесу, затем решительно хватается Соломона за шиворот, вталкивает в камеру, запирает замок и уходит.

Соломон *(трясет дверь)*. Это ошибка!!! Вы не имеете права!

Кин. Соломон, дружище, как я рад!

Соломон. Ну, конечно, от вас, сударь, другого приветствия и ожидать было трудно...

Кин. Тебя-то за что?

Соломон *(возмущенно)*. По вашей милости, сэр. Все мои беды — из-за вас.

Кин. Я ничего дурного не сделал, ты знаешь.

Соломон. Вот именно! А меня посадили за то, что я в этом участвовал. *(Кричит.)* Позор! Англия — страна бесправия! *(Всматривается.)* Ну, все... Он, кажется, ушел... *(Приветливо.)* Теперь — здравствуйте. Я действительно рад вас видеть... Целую неделю прошу свидания — не разрешают. Пришлось пойти на крайнюю меру и сочинить на себя донос...

Кин. Ты настоящий друг, Соломон.

Соломон. Есть такой недостаток... Ну, как вы здесь? Вижу, похудели?..

Кин. Это полезно... Вообще, тюрьма не такое плохое место. Можно наконец сосредоточиться... Заняться

спортом. *(Делает несколько упражнений.)* Видишь? Я начинаю восстанавливать былую форму... Ну, рассказывай — что там, на воле? Что в театре?

Соломон. Мрак. Сборы упали... Вместо вас играет Янг.

Кин. Как?! Эта шепелявая бездарность?! В Друри-Лейн?! Вы не отменяли спектакли? Позор! Вот оно — актерское братство. Премьер в тюрьме, а его коллеги прыгают перед публикой... Ты молодец, Соломон, что бросил их.

Соломон. Полагаю, ненадолго... Вы же понимаете, сэр, без премьера еще как-то можно, но без хорошего суффлера театру конец. Надеюсь, к вечеру меня выпустят. И вас тоже...

Кин. Вы собрали деньги под залог?!

Соломон. Пятьсот фунтов?! Откуда?! Вообще, это безобразие! Если у человека на воле жалованье сто, почему за решеткой он должен стоять в пять раз дороже?! Но, слава богу, у актера еще есть покровители. Вернее, покровительницы...

Кин *(взволнованно)*. Неужели она, Соломон? Она?!

Соломон. Она. Не знаю, кого вы имеете в виду, но — она. И это закономерно. Не все же вам тратить деньги на женщин... Короче, явился сегодня какой-то странный джентльмен и передал от незнакомки чек на ваш выкуп и письмо для вас... *(Протягивает конверт.)*

Кин нервно достает оттуда чистый лист бумаги.

Довольно странное письмецо...

Кин *(злively)*. Ты посмел читать?

Соломон. Как можно читать пустой лист? Я не настолько грамотен...

Кин. Молчи! Это самое красноречивое послание, которое тебе доводилось приносить... *(Целует лист.)* Елена! Это ее духи, тепло ее рук... изобретательность ее фантазии... Кстати, как там Анна Дэмби?!

Соломон. У вас всегда парадоксальный ход мыслей... «Елена!.. Кстати, как там Анна?..» В порядке ваша Анна. Живет в покоях Ричарда вместе с кошкой.

Кин. В ней есть какая-то загадка, Соломон... Уж поверь. Смесь дерзости и утонченности. Суровость и уди-

вительная нежность... *(Целует письмо.)* И талант! Безусловный талант... И красота!

Соломон. Вы меня сейчас запутали, сэръ. Вы о ком?

Кин *(с пафосом)*. О женщине! О Еве! О самой первой из них, наполнивших землю этими удивительными существами, украшающими нашу жизнь... *(Сердито.)* Ну что ты на меня уставился? О ком еще может думать человек, провалявшийся целую неделю в одиночестве на тюремных нарах!!!

Появляется Констебль в сопровождении усатого господина в темных очках и широкополой шляпе.

Констебль *(открывая дверь камеры)*. Арестованный. На беседу с адвокатом. Десять минут. *(Уходит.)*

Кин *(выходя из-за решетки)*. Ваше высочество...

Принц. Тихо! *(Чихает. Оглядывается, хватая Кина за руку, отводит в сторону.)* Как вы меня узнали? Я нелепо выгляжу?

Кин. Нисколько, ваше высочество. Просто заметил в кармане вашего плаща газету с завтрашним числом. У кого она еще может быть?

Принц. Ах, черт возьми!.. Надеюсь, констебль не был столь наблюдателен... Вы правильно говорили, Кин: в нашем актерском деле важна любая мелочь. *(Заметил в глубине камеры Соломона.)* Это кто?

Кин. Суфлер нашего театра. Верный человек, его можете не опасаться...

Принц *(чихает, отклеивает усы)*. Ужасно щекочут нос. Как-нибудь покажите, как их надо правильно наклеивать... Стало быть, вам уже известно, что залог внесен и сегодня вас отпустят?

Кин. Я вам очень признателен за это, ваше высочество.

Принц. Мне? При чем здесь я?.. *(Смутился.)* Ну, впрочем, вы всегда отличались догадливостью. Я же обещал ссудить вам в долг...

Кин. Я верну... При первой же возможности.

Принц. Разумеется. Но пришел я не за этим... Сегодня вечером из порта отходит американский пакетбот «Вашингтон». Там для вас заказана каюта. Я считаю, вам надо исчезнуть из Лондона на пару месяцев, пока здесь

утихнут страсти. Вы же собирались на гастроли в Америку? А мы здесь за это время постараемся убедить лорда Мьюила отказаться от процесса... Видите, как все ловко получится.

Кин. Блестящий план, ваше высочество. Вы его продумали вместе с Еленой?

Принц. При чем здесь... *(Смутился.)* Ну да. А что здесь дурного? Она ведь тоже как бы оказалась замешанной в этой истории. Газетчики что-то пронюхали, и вот в завтрашней «Таймс» уже какие-то намеки... Полюбуйтесь. *(Протягивает газету.)*

Кин. *(берет газету.)* Письмо вы тоже вместе сочиняли?

Принц. Какое письмо?.. Ах да... Послание? *(Смеется.)* Нет, это чисто моя идея. Ну, это шутка, Кин. Надеюсь, вы сразу догадались?

Кин. Безусловно, ваше высочество. Узнал ваш почерк. И долго смеялся...

Принц. Правда? Я рад.

Оба улыбаются.

Кин. Что касается поездки, то вынужден от нее отказаться.

Принц. Ну, ну... Эдмунд.

Кин. Решительно! Мое бегство только подтвердит мою мнимую вину. А я — честный человек... И свободный! И не могу позволить из-за чьих-то капризов то упрятывать себя за решетку, то отправлять в ссылку...

Принц. Собираетесь прятаться здесь, в Лондоне?

Кин. Я не намерен прятаться! У меня есть долг, который я обязан исполнить. Сегодня вечером выйду на сцену театра.

Принц. Это безумие, Кин! Вас там убьют.. Разорвут на части.

Кин. Значит — судьба! И не такая плохая. Смерть на сцене — мечта любого актера! И высшая награда!

Принц. Да?.. Вы считаете?.. Как Мольер?! Нет, идея мне нравится. Это как-то будоражит... Ах, черт, не получится! Ваша партнерша, миссис Маклейн, уже отказалась участвовать с вами в спектаклях. В завтрашней «Таймс» ее письмо. Прочтите, она вас поносит такими словами...

Кин. Старая ханжа! Только я своим огромным воображением делал из нее Джульетту, и вот благодарность... Впрочем, все к лучшему. Есть новая Джульетта... Юная, влюбленная, талантливая.

Принц. Кто ж это?

Кин. Ее имя уже достаточно известно — Анна Дэмби!

Принц. Кин, вы сошли с ума!.. Нет, вообще это здорово... «Ромео и Джульетта — Эдмунд и Анна». Гениально! Вас точно убьют. Обожаю вас, Кин, вы как-то умеете украшать нашу скучную жизнь... Надо всех предупредить. О! Я даже короля попробую уговорить посетить спектакль, если, конечно, он достанет билет... *(Кричит на сцену.)* Констебль!

Появляется Констебль.

Вот вам приказ об освобождении этих джентльменов под залог до суда. *(Протягивает бумагу.)*

Констебль ее берет, изучает, потом подозрительно смотрит на Принца.

Ну что вы на меня уставились? *(Трогает свое лицо, вспоминает, что забыл приклеить усы.)* Ну да... я побрился здесь. Это что, запрещено законом?! *(Быстро уходит.)*

Констебль еще раз просматривает бумагу.

Констебль. Можете выходить, джентльмены.

Соломон. И не подумаю... Мне и здесь хорошо.

Констебль. Я кому сказал?!

Соломон. Если вы будете меня выталкивать силой, я стану орать и сопротивляться. Предупреждаю! Это произвол!

Констебль, сжав кулаки, идет к Соломону. Кин останавливает его.

Кин. Подождите, констебль... Я его уговорю... Мы должны объясниться.

Констебль *(рывает)*. Здесь не бар! Даю пять минут — и чтоб духу вашего здесь не было... Иначе...

Кин. Конечно, сэр. Иначе вы нас посадите... Логично!

Констебль уходит.

Соломон *(ложится на нары)*. Мне очень нравится эта камера... Можно сосредоточиться и заняться спортом...

Но главное — здесь безопасней. Вы, сударь, решили умереть на сцене, и это ваше право. Это красиво! Меня же публика просто затопчет в суфлерской будке по дороге к вам!

Кин. Неужели ты бросишь меня в такую минуту? Без тебя я не вспомню текст.

Соломон. Клянусь, я буду шептать только одну реплику: «Убегайте! Убегайте! Убегайте!»

Кин. Соломон! Ты человек театра. Неужели ты не понимаешь, что такая ситуация выпадает раз в жизни?.. Как ее можно упустить? Мог ли великий драматург мечтать о лучшем антураже для своей трагедии?! Предав меня, ты предаешь его. Ты ведь неспособен предать Шекспира, Соломон?

Соломон. Сэр, давайте без демагогии. Вообще неизвестно, писал ли Шекспир эти пьесы.

Кин. Ну, хорошо. Тогда подумай о театре... О наших доходах. Ты представляешь, сколько будет стоить билет на сегодняшний спектакль?

Соломон. Сэр, вы, конечно, трогаете мои слабые струны, но я боюсь... И потом, сможет ли эта девочка справиться с такой ролью?

Появляется Анна с цветами в руках. Пауза.

Кин. Посмотри на нее, Соломон... Удивительное ощущение сцены. Вошла точно на реплику.

Анна. Я и не уходила, мистер Кин. Всю неделю ждала вас там, у ворот тюрьмы. Мне казалось, что от этого вам здесь будет не так одиноко.

Кин (*Соломону*). И ты говоришь, что она недостойна называться Джульеттой?.. «О, говори, мой светозарный ангел! Ты надо мной сияешь в мраке ночи, как легкокрылый посланец небес пред изумленными глазами смертных»...

Анна (*включаясь в игру*). «Ромео! О, зачем же ты — Ромео! Покинь отца и отрекись навеки от имени родного, а не хочешь — так поклянись, что любишь ты меня, — и больше я не буду Капулетти...» (*Сбилась.*) Дальше не помню.

Соломон. Это не проблема. В конце концов, суфлер за что-то получает жалованье.

Кин (*торжественно*). Анна Дэмби! Готовы ли вы сегодня вечером вступить в великое актерское братство и появиться на сцене в облике Джульетты?

Анна (*испуганно*). Нет... Ни за что!

Кин (*Соломону*). Она согласна.

Анна. Да нет же, говорю. Как можно? Без репетиций?

Кин. Хорошо... Проведем репетицию, только у нас мало времени. Поэтому начнем с конца.

Анна. С последнего монолога?

Кин. Нет. С поклонов. Запомни, девочка: поклоны в актерском ремесле — важнейшая деталь. Надо уметь кланяться не подобострастно, но и не надменно, дабы не погасить восторг публики... Чуть склонив голову, сохраняя достоинство и растерянно улыбаясь, словно удивляясь успеху...

Анна. Подождите с поклонами. Лучше пройдем все сцены.

Кин. Поздно... И потом, мы договорились, что сцены опускаем... Верно, Соломон?

Соломон. Абсолютно.

Кин. Считаю, что спектакль уже состоялся... Тем более что наверняка есть рецензия... Ну вот же... (*Поднял газету*.) Завтрашняя «Таймс»... На первой полосе... (*Читает*.) «...Никогда театральная Лондон еще не видел ничего подобного. С пяти часов вечера Друри-Лейн напоминал осажденную крепость. Публика разорвала цепочку полицейских, захватила все ложи и даже ступеньки в проходах... Стоял невообразимый шум. А когда наконец на сцене появился Эдмунд Кин, шум переродился в рев! В актера полетели апельсиновые корки и огрызки яблок... Он не уворачивался, он молча ждал, пока разгневанный зал не затихнет хоть на минуту... И когда это случилось, он произнес: «Господа! Вы сможете меня растерзать, разорвать на части, но я умоляю вас отложить это удовольствие до конца спектакля. Даже на самом Страшном Суде полагается вначале выслушать обвиняемого. Позвольте же и мне сказать слова в свое оправдание, тем более что сочинил их Вильям Шекспир, неутомимый защитник всех влюбленных и преследуемых...» После этого открылся занавес. А буквально через несколько минут раздались первые аплодисменты, которые не заканчивались на протяжении всего действия, перерастая в мощную овацию...

В глубине сцены начинают звучать аплодисменты.

Это был триумф, которого стены Друри-Лейн еще не видывали никогда!»

Аплодисменты усиливаются. Слышны крики «Браво!».

Дайте руку, Анна! Нас вызывают!! Не волнуйся! Помни, как я учил: сохраняя достоинство и чуть улыбаясь, словно удивляясь успеху... *(Берет Анну за руку.)*

Они идут в глубь сцены, навстречу овации и цветам.

Затемнение

Часть вторая

Картина четвертая

Дом Кина. Богатая обстановка. Кин и его маленький сын Чарлз репетируют номер. Соломон аккомпанирует им на гармошке.

Соломон. Итак!.. Раз-два-три! Начали.
Кин и Чарлз *(поют и танцуют)*.

Что толку, леди, в жалобе?
Мужчины — шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу — другая!
Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош,
Когда поешь:
Тара-рара-ла-ла-ла!
Зачем же плакать?
Лучше петь!
Судьбу не разгадаешь:
Мужчины женщин ловят в сеть,
Но сами попадают...
Что с них возьмешь?
Слова их — ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош,
Когда поешь:
Тара-рара-ла-ла-ла!*

---

* В.Шекспир. Песенка из пьесы «Много шума из ничего». Перевод С.Маршака.

Входит Анна.

Анна. Bravo! *(Аплодирует.)*

Чарлз *(церемонно кланяется, подходит к Анне)*. Монету, леди!.. А если можно — две...

Анна. Зачем тебе столько денег, мальчик?

Чарлз. Я отдам их своей бедной мамочке... Моя бедная мамочка не ела три дня. *(Притворно всхлипывает.)*

Анна. Какой ужас. *(Целует Чарлза.)* Немедленно мыться и переодеваться. *(Кичу.)* Тебя это тоже касается. Где миссис Блейк?

Кин. Она заболела.

Анна *(Соломону)*. Поразительно, как это служанки умеют не вовремя болеть. Вы поможете, Соломон?

Соломон. Разумеется, миссис Кин. *(Берет Чарлза за руку.)* Небольшое купание, сэр. Не возражаете?

Анна. И, пожалуйста, сервируйте столик в гостиной.

Соломон. Легкое вино?

Кин. И еще более легкое виски, Соломон!

Соломон и Анна многозначительно переглядываются, затем Соломон уводит Чарлза.

Анна. Ты же обещал, Эдмунд...

Кин. Обещал! И держусь уже целые сутки... *(Обнимает Анну.)* Только один глоток... Клянусь! Эти куплеты, они как-то возбуждают воспоминания...

Анна *(отстраняясь)*. А не проще сменить репертуар? По-моему, песенка не очень уместна в устах ребенка.

Кин. Публике нравится! Четыре поколения Кинов пели ее на улицах.

Анна. Надеюсь, Кин Пятый не станет попрошайкой! Во всяком случае, я буду стараться... Переоденься, Эдмунд. Надень галстук.

Кин. У нас важный гость?

Анна. Гостя. И от нее во многом зависит благополучие театра. По-моему, ты ее знаешь?.. Графиня Кефельд... жена посла...

Кин *(мрачно)*. Как тебе не идет светское лицемерие *(передразнивает)*: «По-моему, ты ее знаешь»... Да, черт возьми, знаю! А ты знаешь, что меньше всего мне хотелось бы ее видеть?

Анна. Она по-прежнему заставляет тебя страдать?

Кин *(резко)*. Не говори глупости!

Анна *(резко)*. Если это глупость, почему же ты кричишь?!!

Пауза.

Уж кому не хочется с ней встречаться, так это мне. Но приходится. Она предлагает выгодные гастроли в Дании. Гарантийная оплата плюс пятьдесят процентов от сборов... Неплохо? Ради такой выручки приходится наступать на самолюбие и щебетать с твоими бывшими любовницами.

Кин. Она никогда не была моей любовницей.

Анна. Тем хуже! Постель ставит точку в твоих романах, без нее — возможно продолжение.

Кин. Может, мне вообще лучше уйти? Пойду пройду по Лондону..

Анна. На Ливерпуль-стрит?!! Чтоб там напиться до бесчувствия! Нет, Эдмунд, ты останешься, наденешь галстук и будешь вести себя прилично. Один бокал, одна вежливая улыбка — и подпись в выгодном контракте!..

Кин *(печально)*. Джульетта, ты ли?..

Анна *(с улыбкой)*. Я, Ромео.. Но если ты задумал дурное, то оставь свои исканья... *(Целует Кина.)* Ну, Эдмунд... Пожалуйста! Постарайся. При желании ты умеешь быть галантным...

Кин. Конечно, дорогая. При твоём желании — особенно!

Кин уходит. Анна достаёт из сумочки веер, рассматривает его, потом подходит к зеркалу, обмахивается веером, разглядывая свое отражение. Появляется Соломон. Следом за ним — Елена.

Соломон. Графиня Кефельд!

Соломон уходит.

Анна *(идет навстречу Елене)*. Добрый день, графиня. Как я рада! Заранее прошу прощения за моих мужчин, они бы должны вас встречать у подъезда...

Елена. Пустяки, миссис Кин. К чему такие церемонии?.. Я благодарна, что вы позволили мне побывать в вашем доме. Нам, вашим поклонникам, всегда инте-

ресно, как живут знаменитые актеры... *(Оглядывается.)* О, прелестно. Все так со вкусом обставлено. Замечательный дом...

Анна. Благодарю вас, графиня! Дом действительно неплохой. Правда, с некоторыми архитектурными излишествами...

Елена. Да? Не замечаю...

Анна. Я имею в виду сумму, в которую он нам обошелся. Как шутит Эдмунд: лестница на второй этаж выложена векделями и скоро может рухнуть.

Елена *(улыбаясь)*. Ничего! Я думаю, такие артисты, как вы и мистер Кин, укрепят ее своими новыми успехами. Кстати, посольство получило письмо из Копенгагена: ваш контракт подписан. *(Достает письмо, протягивает Анне.)*

Анна *(принимая письмо)*. Благодарю вас, графиня!

Елена. Ну что вы, миссис Кин. Наш долг — знакомить датчан с культурными ценностями Англии... *(Замечает веер.)* Какая прелестная вещица! Это куплено в Лондоне?

Анна. Право, не знаю... Подарок... одного театрала... Но, по-моему, ваш веер не хуже, графиня?

Елена. Пожалуй... *(Сравнивает веера.)* Но у вас — более современный фасон...

Соломон вводит Чарлза, одетого в нарядный костюмчик.

Анна. Разрешите представить — мистер Чарлз Кин.

Чарлз склонил голову.

Елена. О, как мы выросли... Рада с вами познакомиться, мистер Чарлз! *(Целует мальчика.)* Не согласитесь ли вы принять от меня небольшой подарок?... *(Достает из сумочки игрушечную флейту.)* Не знаю, понравится ли он вам?

Чарлз осматривает флейту, дует в нее.

Соломон. Чарлз, а что надо сказать?

Чарлз *(декламирует)*.

Спасибо, леди! Вы добры!

За ваши щедрые дары

Примите наш поклон! *(Кланяется.)*

Елена. Мило.

Чарлз.

Пусть будет счастлив ваш супруг!
А если есть сердечный друг,
То и, конечно, он! *(Кланяется.)*

Анна. Какой ужас! *(Соломону.)* Кто его научил такой глупости?

Соломон. Во всяком случае, не я.

С шумом распаивается дверь. Появляется Кин, в засаленном охотничьем костюме, огромных сапогах. Под живот подложена подушка. В руках у него бутылка и стакан.

Кин *(напевает)*.

Когда Артур взошел на трон
И назван королем,
Накрыл он стол на сто персон,
Но сели мы вдвоем!..

Графиня Кефельд, как я рад... *(Пытается поцеловать ей руку, живот ему мешает.)* Проклятое пузо! Оно так и норочит всюду проскочить впереди хозяина. С удовольствием бы от него избавился, но куда тогда прикажете складывать пищу?! *(Хлопает по животу, строго к нему обращается.)* Спокойно! Не мешать! Я должен припасть к очаровательной ручке графини... *(Пытается нагнуться, живот перетягивает, он падает.)* Опять оно впереди! О горе мне! Я, побеждавший в боях десятки врагов, не могу победить собственный живот... *(Выхватывает нож.)* Тогда умрем вместе, как достойные соперники! *(Ударяет себя ножом в живот. Из подушки летят пух и перья.)*

Пауза.

Анна *(недовольно)*. Ты находишь это остроумным, Эдмунд?

Кин *(поднимаясь)*. Разве нет? Как вы считаете, графиня? Елена *(вежливо улыбувшись)*. Мило.

Кин. Гостье нравится... Это — сюрприз. *(Анне.)* Ты ничего не знаешь. Когда-то я был приглашен в дом графини, и мне посоветовали надеть костюм Фальстафа. К сожалению, тогда это было невозможно, не было настроения. А вот спустя шесть лет оно появилось... *(Наливает*

стакан.) А почему не пьем? Не желаете, графиня? Великолепный херес. Напомню, что добрый херес производит двойное впечатление: во-первых, он ударяет в голову и разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости... (Запнулся, повернулся к Соломону.) Как там дальше?

Соломон (подсказывает). «Второе действие славного хереса состоит в том...»

Кин (вторя). Второе действие славного хереса состоит в том, что он...

Соломон. «Согревает кровь!»

Кин. Согревает кровь!!

Анна (прерывая). Надеюсь, вы не собираетесь произносить весь монолог?!!

Кин. Обязательно! И всю сцену в трактире «Кабанья голова». Не сомневаюсь, у графини хватит воображения представить себе декорации: вот так — бочки вина, Фальстаф под столом...

Анна (в отчаянии). Это невыносимо! Если желаешь паясничать, то, пожалуйста, без меня! (Елене.) Извините, графиня, я не знала, что приглашаю вас в трактир!

Анна уходит вместе с Чарлзом и Соломоном.

Пауза.

Елена. Продолжайте, мистер Кин. Очень любопытно...

Кин (мрачно). Нет. Извините, графиня. Кураж прошел...

Елена. Жаль. Тогда налейте мне вина, раз уж мы в трактире...

Кин наполняет бокал, подает Елене.

Выпьем, сэр Фальстаф. Тем более что есть достойный повод. Я сейчас выступаю в роли импресарио и принесла вам выгодный контракт. (Протягивает Кину письмо.)

Кин (беря письмо, равнодушно вертит его в руках). Извините, мелкий почерк, я не при очках...

Елена (с улыбкой). Когда-то вы умели легко читать даже чистые листки... Так вот: в письме говорится о трех-

месячных гастролях в Дании. Сто тысяч гарантированного дохода.

Кин. Щедро! *(Переворачивает письмо, внимательно изучает лист.)*

Елена. Там ничего не написано.

Кин. Извините, но вы сами напомнили... Для чистого листа моим слабеющим глазам еще хватит зоркости. *(Смотрит лист на просвет.)* К сожалению, этот контракт меня не устраивает.

Елена. Почему?

Кин. Во-первых, я не люблю выступать в странах, не понимающих по-английски. Когда спектакль идет на чужом языке, артисты похожи на зверей в зоопарке. Публика реагирует на мычание и почесывания, забывая про суть. Во-вторых, здесь просматривается подпись короля, а я боюсь шуток, которые вы вместе с ним придумываете...

Елена. Милый Кин, неужели вы до сих пор меня ревнуете?

Кин. Вас это огорчает?

Елена. Мне это льстит... Но надо быть благоразумней. Прошло столько лет. За это время принц Уэльский стал королем, вы — благополучным семьянином...

Кин. А вы, графиня, — полномочным представителем Дании?

Елена. Тронута, что вы интересуетесь моей судьбой... К сожалению, мой супруг часто болеет, и приходится брать на себя часть его обязанностей...

Кин. Итак, вы пришли в мой дом в интересах Дании?

Елена. Можно считать и так.

Кин. И в интересах вашей страны, чтоб я играл целое лето в полупустых залах Копенгагена?

Елена. Вы недооцениваете себя, мистер Кин... *(Решительно.)* Хорошо. Буду с вами до конца откровенна. В интересах моей страны, чтоб вы на три месяца покинули Лондон. И не столько вы, сколько ваша супруга...

Кин. При чем здесь Анна?

Елена. Мистер Кин, извините, но у вас действительно неважно со зрением. Следует заказать хорошие очки. А заодно и проверить слух. Не может быть, чтоб вы не

слышали о том, что король проявляет повышенный интерес к миссис Анне Кин.

Кин. Чепуха! Ему всегда нравились мои женщины...

Елена. Безусловно! Однако шалости принца и увлечения короля — не одно и то же. Фаворитка его величества становится важной фигурой. Ваша очаровательная жена это понимает, поэтому она зачастила в посольство Швеции. Усиление влияния Швеции противоречит интересам Дании. Потому Дании выгодней оплатить ваши полупустые залы... Все просто!

Кин. Боже, какой театр!

Елена. Политика — всегда театр, мистер Кин.

Кин. И в нем мне отведена роль рога носца?

Елена. Поэтому я и предлагаю вам сменить амплуа.

Кин (*в бешенстве*). Чушь! Ни единому слову не верю. Хотите убедить меня, что политика убила в вас женщину?! Этого не бывает. Вас выдают глаза... румянец на щеках... Вот я беру вас за руку, и вы замираете, как беззащитный зверек... Я пожимал руки десяткам послов, ни у одного из них мое прикосновение не вызывало такой реакции. Зачем вы пришли? Зачем ломаете комедию? Это он вас надоумил? Его величество Георг?! (*Обнимает ее.*)

Елена (*отстраняясь*). Бедный Кин, какой вы наивный... Вы действительно ревнуете меня? А как же Анна? Или ее тоже?

Кин. Всех! Я ревную к нему всех, кого люблю. А он ревнует меня! Такова ниточка судьбы, повязавшая меня с этим человеком. Но больше всего я ревную к нему себя самого, мою идиотскую доверчивость. Обрадовался: его величество зачастило в Друри-Лейн. Пыхчу на сцене, изображая страсти мавра, и не понимаю, почему публика хихикает... А чего ж не смеяться, когда все знают, чем занимается с Дездемоной его величество после спектакля... Вот, что меня бесит!

•Будь воля Неба
 Меня измучить бедами, обрушить
 На голову мою позор и боль,
 Зарыть меня по губы в нищету,
 Лишить свободы и отнять надежду, —

Я отыскал бы где-нибудь в душе
Зерно терпенья. Но, увы, мне стать
Мишенью дня глумящегося века,
Уставившего палец на меня!!»

(Неожиданно печально.) Таковую пьесу превратить в фарс. Никогда не прощу! *(Решительно подходит к столу, берет письмо, рвет его на части.)* Графиня, благодарю за лестное предложение, но вынужден отказаться. Климат Дании мне вреден.

Елена. Очень жаль, мистер Кин. Думаю, Дания будет огорчена. Что касается лично меня, то я в этом не уверена... *(Подходит к Кину, целует его.)*

Входит Анна.

Анна *(невозмутимо)*. Стол накрыт. Прошу!

Елена *(также невозмутимо)*. Сожалею, миссис Кин, но я вспомнила, что у меня неотложные дела. Благодарю за гостеприимство. Надеюсь, скоро увидимся. *(Уходит.)*

Анна *(Кину)*. Что это все значит?

Кин. Ничего особенного... Запоздалый поцелуй шестилетней давности...

Анна *(зло)*. Меня это абсолютно не волнует. Я спрашиваю — почему она ушла?! *(Замечает порванное письмо.)* Ты болен, Эдмунд! Тяжело болен... Тебе надо лечь в больницу.

Кин. Умоляю, Анна. Не надо семейных сцен. Я устал.

Анна. Это я устала!! Шесть лет с тобой — шесть лет каторжных работ... *(Нервно обмахивается веером.)*

Кин. Откуда этот веер?

Анна *(не слыша)*. Шесть лет капризов! Не забывай — я тоже актриса! И у меня есть нервы! Я тащу на себе весь репертуар.

Кин *(резко)*. Откуда этот веер?!!

Анна. Ну вот! Нападение — лучшее средство защиты! Что ты хочешь от меня, Эдмунд?! Я не знаю откуда. *(Швыряет веер.)*

Кин. Зато я знаю. Этими веерами один человек в Лондоне метит своих женщин, словно тавром кобылиц в королевской конюшне!!

Анна (*нервно смеется*). Ну вот, теперь еще сцена ревности. Будем репетировать «Отелло»?

Кин (*мрачно*). Послушай, Анна, когда-то ты мне рассказывала, что впервые увидела меня сидящим за столом лицом к стене. Ты говорила, что мечтала сесть напротив... Сядь!! (*Кричит*.) Сядь, я приказываю!

Анна испуганно садится. Кин садится напротив.

Я не стану читать тебе мораль. Сам не безгрешен, не смею требовать праведности от других. Я прощу измену, но не унижение. Потому что можно вдруг потерять голову от любви, но нельзя хладнокровно изменять мужу для его же блага! Тут не ревность, тут будет оскорблено само существо человека, и Бог оставит его, и придет на его место дьявол, и тогда вспыхнет бешенство!! (*Вскакивает, опрокидывает стол и стул.*)

Анна (*визжит*). Я ненавижу тебя!

Входит Чарлз, в его руках флейта.

Кин (*сдерживаясь*). Все в порядке, сынок. Мы с мамой репетируем вечерний спектакль... Не так ли, Анна?

Анна (*сдерживаясь*). Конечно, дорогой! Наш мальчик — взрослый и, надеюсь, все понимает...

Анна уходит.

Кин (*ставит на место стул*). Актер никогда не должен отдыхать, Чарлз. Надо все время поддерживать тонус. Запомни!

Чарлз (*протягивает флейту*). Ты можешь сыграть?

Кин. Попробую... (*Берет флейту, извлекает несколько звуков.*) Не получается.

Чарлз. Тогда спой песенку...

Кин. Какую?

Чарлз. Про Артура...

Кин. Это очень грустная песенка, Чарлз. И страшная. Не испугаешься?

Чарлз. Нет.

Кин. Хорошо. Тогда слушай... (*Напевает.*)

Когда Артур взошел на трон
И назван королем,

Накрыл он стол на сто персон,
Но сели мы вдвоем.
Король воскликнул: — Черт возьми!
Где гости? Не пойму!
— Вы приказали их казнить, —
Ответил я ему.
— Ну вот! — вздохнул Артур. —
Ну вот! И как я мог забыть,
Что время ужина придет
И надо с кем-то пить?
Я не люблю сидеть вдвоем,
Безлюдье тяготит.
Пустые стулья за столом
Мне портят аппетит!
— Ах, не волнуйся, мой король!
Ты можешь пить и есть!
Ведь души сгубленных тобой
Сидят незримо здесь.
Сейчас они вина нальют;
Ножами застучат —
И не придется королю
За трапезой скучать!..
(Играет тихо на флейте.)

Затемнение

Картина пятая

Комната отдыха королевского спортивного зала. Несколько ширм. В глубине видна ванна. Соломон в одежде королевского лакея готовит воду. Входит король Георг, в белом спортивном костюме, с теннисной ракеткой в руках. За ним — графиня Эми Госуилл.

Эми. Нет, ваше величество, уверяю: в третьем сете вы были великолепны. Какой удар, какая мощная подача...

Король. А мне вдруг показалось, что ваш муж нарочно проигрывает..

Эми. Ну что вы! Я же смотрела со стороны и могу быть объективна. Он метался как заяц, из конца в конец площадки — но что можно сделать, когда противник сильнее?

Король. Не выношу легких побед. Глупейшее положение: проигрывать не терплю, а когда выигрываю, то начинаю мучиться, что со мной сыграли в поддавки. Буду играть теперь только со стенкой...

Эми. Клянусь, все было честно. В первом же сете он еще сопротивлялся, но начиная со второго...

Король *(перебивая)*. Достаточно! Вы же понимаете, графиня, что я пригласил вас не для того, чтоб обсуждать ход игры... *(Делает знак лакею.)*

Соломон поспешно выходит.

Скажите, вы были вчера в театре Друри-Лейн?

Эми. Разумеется...

Король. Почему «разумеется»? Вы стали театралкой?

Эми. Нет... Но последнюю неделю... *(Смутившись.)* И вчера давали «Гамлета». Моя любимая пьеса.

Король. И что ж там произошло, на вашей «любимой пьесе»? До меня уже дошли кое-какие слухи...

Эми *(вздыхнув)*. Что я могу сказать, ваше величество? Очередная дерзкая выходка... Наглая выходка, которыми мистер Кин потчует вульгарных поклонников весь этот месяц. Впрочем, сначала все было довольно прилично. Спектакль начался, появился призрак, поговорил с Гамлетом... Потом приехал бродячий театр...

Король. Умоляю, не надо пересказывать весь сюжет.

Эми. Но это важно, ваше величество. Чтоб было понятней, как он нагнетал обстановку. Потом, стало быть, артисты сыграли этот дурацкий скетч, где один другому что-то льет в ухо... После этого король... ну, который в пьесе... он в гневе выбегает. И вот тут мистер Кин выходит вперед и, посмотрев на вашу пустую ложу, произносит: «Раз королю не нравятся спектакли, то, значит, он не любит их, не так ли?!»

Король. И что?

Эми. Хохот и аплодисменты.

Король. Почему?

Эми. Не знаю, ваше величество. Очевидно, здесь вложен какой-то смысл, доступный только маловоспитанным людям. А дальше все пошло в таком же духе... Крикнул Офелии: «В монастырь!» — аплодисменты, убил

Полония и сказал: «Я метил в высшего...» — орация. А в конце, когда он заколол короля и заявил: «Вот, блудодей, пей свой напиток!», началось что-то невообразимое.

Король. «Блудодей»?.. Какое странное словцо... Помоему, его нет у Шекспира?

Эми. Уверена, что нет. А если и есть, то оно не может быть направлено в адрес... *(Осеклась.)*

Король *(гневно)*. Что за чушь? Какой адрес? Шекспир не служил в почтовом ведомстве! Великий поэт рождал великие мысли, и только невежество способно их перетолковывать, принижая до уровня собственного понимания!.. Надеюсь, вы не аплодировали?

Эми. Я была возмущена. Я кричала «Позор! Позор!»

Король. Этого тоже не следовало делать. Любой выкрик в данной ситуации мог иметь двойной смысл... Впрочем, я благодарю вас, графиня, за сочувствие и подробный рассказ. *(Открыл шкатулку, достал веер, протянул Эми.)* Если не возражаете, я бы хотел подарить вам в знак признательности...

Эми. О, ваше величество! Вы словно угадали мое давнее желание... *(Обмахивается веером.)* Я могу это воспринимать как символ особого расположения?

Король *(испуганно)*. Нет-нет... Никаких символов. Просто — презент. А теперь я вас не задерживаю, графиня. Мне необходимо принять ванну.

Эми *(изриво)*. Вы уверены, что я не могу быть вам полезна?

Король. Вероятно. Но сначала я должен побыть один...

Эми уходит. Король подходит к ширме, отодвигает ее, открывая сидящего там Кина.

Король *(мрачно)*. Вот, Эдмунд, я дал вам возможность один раз услышать то, что я принужден слышать ежедневно... Согласитесь, это малоприятно!..

Кин. Я не могу отвечать за чье-то воспаленное воображение.

Король. Разумеется... И все же... *(Достает книгу.)* Откуда это слово? *(Листает книгу.)* Что-то не помню... *(Чита-*

em.) М-да. Действительно... «Вот, блудодей, пей свой напиток!..» Это место придется вычеркнуть.

Кин. Слушаюсь, ваше величество.

Король (*листая книгу*). И в «Ричарде». Монолог Глостера. Со слов: «Кто к женщине умел так подольститься... Кто женщину сумел так обольстить?..» И еще в «Виндзорских проказницах»... Сцена свидания в парке. Говорят, третьего дня она вызвала нездоровый ажиотаж...

Кин. Не помню.

Король (*сердито*). Не лукавьте, Кин! Все вы прекрасно помните. Я не допускаю мысли, что вы сознательно проявляете бестактность, но уж если сплетни создали такую нездоровую ситуацию в обществе, ее необходимо учитывать. Тем более что завтра я намерен посетить Друри-Лейн.

Кин. Завтра я бы рекомендовал этого не делать, ваше величество. Завтра — «Отелло».

Король (*сердито*). Ну и что?!

Кин. Даже если я вымараю все свои реплики, то не поручусь, что сам сюжет будет правильно истолкован публикой.

Король. Черт возьми, что ж мне теперь — вообще не ходить в театр?!

Кин молчит.

Что у вас послезавтра?

Кин. «Двенадцатая ночь».

Король. Ну, в этой вещице, по-моему, никаких двусмысленностей? Кроме названия... «Двенадцатая ночь»... Звучит легкомысленно.

Кин. Не стоит менять название, ваше величество. Проще сменить исполнителя.

Король. Без глупостей, Кин, без глупостей...

Кин. Если одному из нас нельзя появляться в театре, то приходится выбирать меньшую потерю для общества. Поэтому я уйду из Друри-Лейн.

Король (*в отчаянии*). Кин...

Кин. Решение окончательное!

Пауза.

Король. Вы благородный человек, Эдмунд. Я и сам хотел предложить вам это, но вы, как всегда, раньше угадали мое желание. Сделаем паузу! Ни вас в театре, ни меня... А пусть все сплетники кусают локти из-за того, что погубили искусство. Поедете с Анной на гастроли!

Кин. Нет, ваше величество. Я подал на развод.

Король. Да вы с ума сошли!.. Ведь это суд, свидетели, газетчики... Какая грязь! Эдмунд, я вам запрещаю!

Кин (*резко*). Ваше величество, вы можете мне запретить выступить на сцене, но заставить играть идиотскую роль не можете!

Король (*переходя на крик*). Могу! Не забывайте, мистер Кин, перед кем стоите! Я сейчас обращаюсь к вам как к гражданину! Вы патриот или нет?!.. Недопустимо осквернять корону Британии!! (*Смутившись*.) Фу, черт! Какая пошлая высокопарность... Извините, Эдмунд. Я говорю с вами прежде всего как друг... Мужская дружба выше семейных уз! Мы-то с вами это знаем. Бог мой, если воскресить все наши похождения, так половина Лондона должна сегодня развлекаться! Ну, Эдмунд, ну, дружище... (*Обнимает Кина*.) «Король Артур взошел на трон и назван королем, накрыли стол на сто персон, а сели мы вдвоем!..» Вдвоем, Эдмунд! У нас с вами есть что вспомнить. Позади веселая молодость. Неужели сейчас свой зрелый возраст мы испортим буржуазной благопристойностью?!. Я надеюсь на вас, Эдмунд. Вы меня не подведете?

Кин мрачно кивнул.

Благодарю! (*Протягивает руку*.)

Кин неуверенно пожимает.

Королевское соглашение: Георг Четвертый и Кин Четвертый! Исторический день... (*Устало*.) Фу, я вспотел больше, чем от игры в теннис. Срочно в ванну... (*Начинает раздеваться*.)

Кин делает попытку уйти.

Останьтесь, Эдмунд. Я специально отослал слуг, чтоб мы могли потереть друг другу спинки... (*Лезет в ванну*.) Как в юности... Помните эту баньку в охотничьем домике?... Боже, сколько было тогда выпито... Дорого б я сейчас дал, чтоб иметь право на такой загул... (*Намыливает голо-*

ву и лицо.) А потом мы поехали к этим двум сестричкам-баронессам. Как же их звали?.. Вашу, кажется, Элиза?.. Впрочем, по тем временам не было «вашей» или «моей»... Все было общее! (Смеется.)

Кин тихо выходит.

А потом неожиданно нагрянул папаша, и они нас спрятали в шкафу... (Смеется.) Фу, дьявол, даже в глазах защипало. Сполосните-ка меня, Эдмунд!.. Там кувшины с водой. (Встает в ванне, трет глаза.) Эдмунд, где вы?.. Что за дурацкие шутки?!! (С трудом выбирается из ванны, шлепается на пол.) Негодяй, вы за это ответите!.. (Трет глаза, оглядывается, смеется.) Сукин сын, с ним не соскучишься...

Затемнение

Картина шестая

Улица. Вывеска ресторанчика. Из дверей ресторана Соломон выводит Кина, тот еле держится на ногах.

Кин (поет).

Когда еще был я зелен и мал —
Лей ливень всю ночь напролет!
Любую проделку я шуткой считал,
А дождь себе льет и льет..

Соломон. Держитесь, сэр, держитесь за меня! Пора домой. Дождь, кажется, действительно собирается...

Кин.

На ключ от бродяг запирают дома, —
А дождь себе льет и льет..
(Садится на землю, закрывает глаза.)

Соломон. Ну что вы делаете, сударь? Земля сырая... Вы и так всю прошлую ночь кашляли... (Пытается поднять Кина.) Встаньте, умоляю...

Появляются двое прохожих. Он — в цилиндре, она — в шляпке, несколько секунд наблюдают за происходящим.

Цилиндр. Смотри, дорогая, кажется, мы знаем этого джентльмена. По-моему, это Кин.

Шляпка. Тот самый?

Цилиндр. Разумеется. Никогда не видел его вблизи. Как он постарел, однако... (Соломону.) Скажите, любезный, это Кин?

Соломон (сердито). Нет, сэр. Это его двойник, причем довольно пьяный. Проходите, господа, проходите...

Появляется еще один прохожий, в кепке. В руках держит раскладной стульчик.

Кепка (радостно). Уже начинается? Значит, я вовремя... (Раскладывает стул, садится.)

Шляпка. Что начинается?

Кепка. Представление... Это ж Кин. Сейчас очухается, и пойдет потеха!..

Шляпка. Как интересно... (Цилиндру.) Милый, сходи в ресторан, попроси два стула...

Из дверей ресторана выходит Хозяин со стульями.

Хозяин. Иду, иду! Господа, только в нашем заведении — «Сон в летнюю ночь» в исполнении неподражаемого Эдмунда Кина. (Ставит стулья.) Кресло в партере — десять шиллингов, в амфитеатре — семь.

Цилиндр. Два в партере. (Платит деньги, усаживается вместе со Шляпкой в первом ряду.)

Соломон (возмущенно). Как вам не совестно, господа?! Где ваше благородство? Ну что вы уставились на несчастного человека?!

Хозяин (Цилиндру). Его слуга — Соломон. Ворчун и скандалист. Но, в общем-то, добрый малый...

Соломон (в гневе). Я вам покажу — добрый! А ну, пошли все отсюда!.. (Подходит к Кепке.) Убирайтесь, вам горят!

Кепка (довольно). Глазищами-то как вращает! Умора!

Соломон (в отчаянии). «Все в мире ограничено, лишь глупость предела не имеет!»

Кепка. Это откуда? Из какой пьесы?

Соломон (возвращается к Кину, тербит его). Сэр, просыпайтесь! Вы не имеете права забавлять этих бездельников! Да что с вами? (Трогает пульс.) Ему совсем плохо. Доктора! Срочно доктора!

Хозяин. Доктор в зале. Второй столик у окна. Кушает свой любимый паштет. Между прочим, господа, гусиный паштет — фирменное блюдо нашего ресторана. Лучший гусиный паштет в Лондоне. Рекомендую!

Цилиндр. Пожалуй. *(Шляпке.)* Дорогая, ты не проголодалась?

Шляпка. Нет.. Но, может быть, легкий салат из спаржи.

Хозяин. С белым грибным соусом?

Шляпка. Не откажусь.

Хозяин *(записывает заказ)*. Значит, один паштет, один салат..

Соломон *(в отчаянии)*. Каннибалы! *(Убежает в ресторан.)*

Хозяин. Из вин могу предложить херес, рислинг, бургундское...

Цилиндр. А что предпочитает наш герой?

Хозяин. Все! И еще пару пива...

Смеются. Появляется лорд Мьюил. Оглядывает собравшихся. Подходит к Хозяину.

Мьюил. Скажите, любезный, это ресторан «Гусиная лапка»?

Хозяин. Совершенно верно, сэр.

Мьюил. Я могу видеть мистера Кина?

Хозяин. Разумеется, сэр. Он перед вами...

Мьюил *(подходит к Кину)*. Какой позор! *(Хозяину.)* Однако у меня к нему важное дело... Как бы его разбудить?

Хозяин. Уже послали за доктором! Вы садитесь, сэр, садитесь...

Цилиндр. Да уж, пожалуйста. Мы ведь тоже, между прочим, посмотрим...

Мьюил занимает кресло, дает денег Хозяину. В дверях ресторана появляются Соломон и Доктор.

Хозяин. Явление четвертое: те же и доктор.

Доктор. Добрый вечер, дамы и господа! Разрешите представиться: доктор Томпсон, психотерапевт. Частный кабинет — Манчестер-стрит, восемнадцать. Прием ежедневно. *(Раздает публике рекламные карточки.)* Лече-

ние внутренних болезней, психических стрессов, меланхолии...

Соломон (*склонился над Кином*). Да подойдите же сюда, доктор!

Доктор (*строго*). Не надо давать мне советов, друг мой! На вашем месте я бы лучше попытался поймать кэб, чтоб потом отвезти своего хозяина домой. Если, конечно, у него есть дом...

Кепка. Говорят, его жена выгнала...

Шляпка. Ну что ж, ее можно понять.

Мьюил. И все же, доктор, я прошу: приведите его поскорей в чувство — у меня мало времени.

Кепка. Нет, зачем же «поскорей»? Давайте по полной программе...

Цилиндр. Да уж, пожалуйста...

Соломон (*в отчаянии поднял глаза к небу*). Господи! И Ты на все это спокойно зриаешь?

Соломон уходит.

Доктор. Итак, мой метод лечения включает в себя не только медикаментозные средства, но прежде всего — психологические манипуляции. Поясню на примере. (*Подходит к Кицу*.) Вот типичный случай глубочайшего алкогольного наркоза. Обратите внимание: снижены рефлексy, затруднено дыхание... Пульс слабый! Реакция на раздражители... (*Достал из кармана пузырек*.) Это нашатырь! (*Дает понюхать Кицу*.) Слабая реакция... Казальсь бы, случай безнадежный. Но тут я перехожу на метод индивидуальной терапии. Ведь перед нами актер. А у каждой особи есть, как известно, свои специфические раздражители... (*Достает из кармана колокольчик*.) Первый звонок... Второй... Третий... Аплодисменты. (*Аплодирует*.)

Кин подает признаки жизни.

Помогайте мне, господа, помогайте!

Все аплодируют. Кин открывает глаза, тупо смотрит на собравшихся.

Цилиндр (*Доктору*). Bravo!

Доктор. Проверено на цирковых лошадях... Только они реагируют на звук трубы.

Цилиндр. Разве лошади пьют? *(Смеется.)*

Кин. Где я?

Шляпка *(Цилиндру)*. Тихо. Он заговорил.

Кин. Это сон?

Доктор. Да, голубчик. «Сон в летнюю ночь, или Что вам угодно?»

Все смеются.

Кин *(тяжело поднимаясь)*. Так что вам угодно, господа? И почему все время один и тот же сон? Другим людям снятся поля, реки, птицы, цветы. Неужели я приговорен постоянно видеть во сне бинокли и лорнеты, потные физиономии, лоснящиеся от любопытства?! *(Подходит к сидящим, разглядывает их.)* Неужели моя несчастная голова не заслужила более приятных сновидений? *(Заметил Мьюила.)* А это еще кто? Такая рожа способна превратить сон в кошмар!

Мьюил *(гневно)*. Какая наглость! *(Вскочил.)*

Кепка. Да садитесь вы, садитесь! Не мешайте.

Мьюил *(оттолкнул Кепку)*. Оставьте меня! *(Кину.)* Я лорд Мьюил. И это никакой не сон.

Кин. Лорд Мьюил наяву? Еще больший кошмар!

Все смеются.

Мьюил. Я здесь не за тем, чтоб выслушивать оскорбления! У меня поручение от его величества короля! И если вы, сударь, способны хоть чуточку соображать, извольте меня выслушать! *(Хватает Кина за руку, отводит в сторону.)* Его величество велел передать вам письмо. *(Отдает Кину письмо.)* А на словах велел сообщить, что он крайне недоволен вами, мистер Кин! Вас не за тем попросили со сцены Друри-Лейн, чтобы вы лицедействовали возле всех пивнушек Лондона. Это порождает нездоровые толки и оскорбляет честь и достоинство короля... Короча! Его величество требует, чтоб вы оставили актерскую профессию и подыскали себе какое-то более достойное занятие... На первое время вам будет выдаваться пособие — двести фунтов в месяц.

Цилиндр. О чем они говорят? Я ничего не слышу.

Кин *(повернувшись к сидящим)*. Извините! Лорд Мьюил не знает законов нашего ремесла... Интересы зрителя —

прежде всего. *(Подходит к сидящим.)* Так вот, леди и джентльмены, мне сообщили, что его величество король просит меня перестать быть актером...

Мьюил. Приказывает!

Кин. Вот даже как? Приказывает! За это мне обещают двести фунтов в месяц. Между прочим, когда я выступал на сцене театра, мне платили всего сто. Странная арифметика, не так ли? Быть актером — сто, не быть — вдвое больше. Так быть или не быть? — вот в чем вопрос.

Кепка. Конечно, не быть!

Кин. Умница! Дружище, ты следуешь законам здравого смысла. Но второй вопрос: как это сделать? Вот скажем: ты кто? Человек в кепке! Прикажи тебе ее снять — и ты станешь человек без кепки. Логично? Но, с другой стороны, судя по выражению, ты порядочный остолоп. И хоть сто раз прикажи тебе не быть остолопом, у тебя вряд ли что получится! Только не обижайся, дружище, ведь я говорю и о себе. Актерство из того же ряда свойств, что и глупость. Просто это привлекательная глупость, она позволяет окружающим почувствовать себя умней... Актерство не плащ, не шпага, не цилиндр... Его нельзя снять в костюмерной. На сцене я актер, иду по улице — все шепчут: «Вот идет актер», вьпил, уснул, и снова глазают: смотрите, актер! Как он постарел, бедняжка! Как же мне выпрыгнуть из самого себя?! Разве что умереть?

Мьюил *(с усмешкой)*. Если нет другого способа, то придется...

Кин. О нет, милорд! И это не выход. И на мертвого на меня соберется огромная толпа. И потом, после смерти, я не исчезну, а перейду в театр теней и начну появляться на сценах всего мира... И не будет этому конца! Так и передайте его величеству! Не он мне приказывал стать актером, не ему дано запрещать. Ибо мой главный зритель — там, на небесах. Я думаю, Он и сейчас занял место в своей ложе и с улыбкой наблюдает за мной... И для Него я буду лицедействовать, петь и плясать, пока хватит сил... *(Запел.)*

Хоть годы меня уложили в постель, —
Лей ливень всю ночь напролет!

Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождь себе льет и льет!

Неожиданно полил дождь. Зрители испуганно стали раскрывать зонты.

Видите, какую декорацию Он построил? Пусть король попробует сломать...

Дождь усиливается. Публика испуганно разбегается.

(Поет, обращаясь к небесам.)

Пусть мир существует Бог весть как давно, —
Чтоб дождь его мог поливать.
Не все ли равно? Представленье дано.
И завтра начнется опять!

(Танцует под дождем.)

Вбегает испуганный Соломон.

Соломон *(останавливая Кина)*. Сэр, успокойтесь... Нас ждет кэб. Все разошлись.

Кин *(оглядываясь)*. Не все... Соломон. Еще не все. Значит, надо работать...

Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки!
Потоки, ураганы, затопите
Все колокольни, флюгеры залейте!
Разящий гром, расплющи шар земной!
Шут, я с ума схожу! *(Обнял Соломона.)*
Пойдем, дружок! Здесь холодно тебе
И я озяб...

Затемнение

Картина седьмая

Королевские покои в Букингемском дворце. Появляется Соломон. На нем красный костюм королевского гвардейца. В руках — медвежья шапка, папка с пьесой.

Соломон *(читает ремарку)*. «Картина седьмая. Королевские покои в Букингемском дворце. Дверь спальни ох-раняет гвардеец». *(Надевает шапку, застывает недвижим.)*

Появляется Доктор, подходит к двери спальни, прислушивается.

Доктор (*Соломону*). Еще не готово? Его величество не подавал никаких сигналов?

Соломон недвижим.

Странно. Пора бы...

Из-за двери слышен звук колокольчика. Доктор исчезает за дверью и через секунду появляется с ночным горшком. Открывает крышку, изучает содержимое. В этот момент в дверях спальни появляется Король. Он в халате, накинутом на ночную рубашку, в колпаке, босой. Выглядит довольно беспомощно.

Король. Ну что, доктор?

Доктор (*поспешно захлопнул крышку*). Зачем вы встали, ваше величество?

Король. Я первым задал вопрос. Ну что? Дело дерьмо?

Доктор (*смутившись*). В каком-то смысле... Вам нельзя отказать в остроумии, ваше величество. Я должен передать это в лабораторию... Визуально — не так плохо.

Король. Только не надо утешать меня, доктор. Я не такого самомнения, чтобы думать, будто все, что исходит от меня, — совершенство... Как называется эта болезнь?

Доктор. Улькус колонус, ваше величество.

Король. А по-английски?

Доктор. Язвенный колит.

Король. Какое унижение: английский король, потомок славных рыцарей, находивших смерть в битвах и турнирах, вынужден будет умереть, корчась на ночном горшке...

Доктор. Уверяю вас, ваше величество, подобные опасения напрасны. Но необходим строгий постельный режим, строгая диета, отказ от вина... — и ваша жизнь в безопасности.

Король (*печально*). Это уже будет не жизнь, доктор... Господи, за что же такая напасть? У нас в роду этого не было. Были какие-то благородные болезни: гемофилия, подагра... Брат скончался от помутнения рассудка. Ко-

нечно, шизофрения тоже не подарок, но все-таки не улькус колонус. Сколько я протяну?

Доктор. Ваше величество, медицина не занимается гаданиями... Мы сделаем все, что в наших силах.

Король. Сообщите мне, доктор. Я должен сделать кое-какие распоряжения...

Доктор. Слушаюсь. *(Делает попытку уйти.)*

Король. Подождите. Мне сказали, вы видели Кина?

Доктор. Буквально несколько дней назад.

Король. Мне сказали, он болен?

Доктор. Болен беспробудным пьянством.

Король. Счастливцев! А правда ли, что во время исполнения монолога Лира пошел дождь?

Доктор. И даже гремел гром... Удивительное совпадение.

Король *(задумчиво)*. Удивительно... С ним всегда происходят удивительные вещи...

Доктор. Я могу удалиться, ваше величество?

Король. Да. Там в приемной — лорд Мьюил. Скажите, что я хочу видеть его.

Доктор. Ваше величество, совет докторов настаивает на строгом режиме...

Король *(перебивая)*. Послушайте, доктор, в этом дворце достаточно церемониймейстеров. Каждый мой шаг расписан! Разрешите уж королю хоть болеть по собственному усмотрению... Ступайте!

Доктор. Слушаюсь. *(С поклоном удаляется.)*

Король *(задумчиво ходит взад-вперед, потом подходит к окну, трагически произносит)*. «Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки! Разящий гром, расплющи шар земной...» *(Прислушивается, печально вздыхает, подходит к Соломону, застывшему в образе гвардейца.)* Ну что, дружище? Стоишь? Потеешь под своей медвежьей шапкой? Как сто лет назад... Вечный сторож генеалогического древа королей... На твоих глазах будут отсыхать его слабые веточки, произрастать новые, а ты будешь стоять и стоять!! И все же, думаю, ты не изваяние, а живой человек и подчиняешься не только уставу, но и здравому смыслу. Можешь ли ты исполнить последнюю волю короля? *(Приподнимает шапку, шепчет что-то на ухо Соломону.)* Очень прошу, друг мой...

Соломон круто поворачивается и уходит, чеканя шаг. Вбегает взволнованный Мьюил.

Мьюил. Ваше величество, это безрассудство! Вам запрещено вставать... *(Оглядывается.)* Где караульный?

Король. Отослал его за священником. Я почувствовал необходимость исповедаться.

Мьюил. В таком случае я должен пригласить архиепископа Кантерберийского.

Король. Этого старого сморчка? Он ничего не слышит! Я не намерен, облегчая свою душу, орать ему на ухо.

Мьюил. Но есть правила, ваше величество!

Король *(строго)*. Послушайте, милорд, десять лет я король Англии, и все десять лет я живу по строгому распорядку... За меня решают, в чем мне появляться к завтраку, как принимать послов, в каком экипаже въезжать в Сити. Но исповедь — это интимный разговор с Богом. Я решил: пусть Господь сам выберет себе посредника! Караульный приведет первого встречного священнослужителя, которого встретит у дворца.

Мьюил. Первого встречного?! Невообразимо! Извините, ваше величество, но мне кажется, что столь экстравагантная выходка не очень уместна в вашем положении.

Король *(печально)*. Что вы знаете о моем положении, милорд? Вы намного старше, но — бодры. И, как говорится, дай вам бог еще сто лет! А у меня слишком мало времени... *(Застонал, схватился за живот.)*

Мьюил. Вам необходимо лечь.

Король *(превозмогая боль)*. К черту! Сядем! *(Садится в кресло.)* И не отвлекайте меня мелочами... Я уверен, что вы там, в палате лордов, знаете о моем здоровье больше, чем я сам. Поэтому наверняка уже продумали все подробности... исхода. Как заинтересованное лицо я бы тоже хотел о них кое-что знать...

Мьюил. Трудно вести этот разговор, ваше величество.

Король. Мужайтесь, милорд, мужайтесь...

Мьюил. Поскольку нет прямых наследников, королевой Англии будет провозглашена ваша племянница, принцесса Виктория...

Король (*недовольно*). Я это знаю. Меньше всего меня интересуют последующие назначения... Как и другие государственные акции. Англия — великая держава, и, к счастью, с моим уходом в ней мало что изменится. Меня интересует — что вы собираетесь проделать со мной?!

Мьюил. Не понял, ваше величество...

Король. С моим бранным телом...

Мьюил (*растерянно*). Ну... есть правила, ваше величество. Заупокойная служба в Вестминстерском соборе. Далее — усыпальница королей.

Король. Это — финал. А что до того? Как вы меня повезете из дворца?

Мьюил. Тоже есть правила... Катафалк... Гвардейцы... Да вы же видели все это на похоронах Георга Третьего...

Король. Видел. Но тогда мне это мало понравилось... Скучно и невыразительно.

Мьюил. Такова традиция. Она неизменна.

Король. В шестнадцатом веке за катафалком шли королевские кони, псы и даже гуси...

Мьюил (*усмехнулся*). Средневековье...

Король. А похороны Елизаветы Первой? Плакальщицы — фрейлины в черных шелковых плащах с белой оторочкой... Прелесть!

Мьюил. Плакальщицы отменены палатой лордов еще в прошлом веке.

Король. Вот видите, стало быть, правила не так уж неприкосновенны. Поэтому я бы тоже хотел ввести несколько поправок. Не пугайтесь, я ничего не отменяю. Наоборот! Скажем, на своих похоронах я хочу, чтоб звучал Моцарт.

Мьюил. Это невозможно, ваше величество. Австрийская музыка на похоронах английского короля?

Король. Моцарт не австриец. Он — гражданин мира. Его музыка принадлежит всем... И какая музыка... (*Напевает*.) Та-ра-ра-ра рара-рара-рара...

Мьюил (*строго*). Невозможно, ваше величество. Парламент никогда на это не согласится.

Король. Жаль... Ну хорошо. Тогда введем сугубо британскую поправку. Я хотел бы, чтобы за моим гробом шли актеры прославленного английского театра... В кос-

тюмах шекспировской эпохи... Чтоб один из них произнес монолог Лира... Чтоб пошел дождь... Засверкали молнии!

Мьюил (*нервно*). Я пугаюсь за ваш рассудок, ваше величество. Кто ж это может сделать?

Король. Кин.

Мьюил (*гневно*). Никогда!! Пьяница и скандалист, опустившаяся личность...

Король (*печально*). Он — великий актер, милорд. Поверьте, о нас когда-нибудь будут говорить, что мы с вами жили в эпоху Кина Четвертого.

Мьюил. Меня не волнует, что будут говорить когда-нибудь! Я знаю, что сегодня парламент будет орать от бешенства!

Король (*печально*). Вы ограниченный человек, лорд Мьюил. Живете долго, но бессмысленно. И вы меня утомили.

Появляется Соломон в костюме гвардейца. Вместе с ним монах в плаще; лицо закрыто капюшоном.

Мьюил (*в ужасе*). О боже! Но это католический монах. Что скажет английская церковь?

Король (*гневно*). Ступайте, милорд! Сейчас мне не до клерикальных споров. Господь Бог сам решает, по какому ведомству принимать мою исповедь!

Мьюил (*Соломону*). Вы за это ответите, капрал. Вы будете строго наказаны! (*Убегает.*)

Король (*Соломону*). Спасибо, друг мой. И прежде чем вас посадят в тюрьму, я произвожу вас в офицеры. (*Монаху*). Здравствуйте, Эдмунд!

Кин (*скидывает капюшон*). Счастлив видеть вас, ваше величество. Извините за этот наряд. Костюм брата Лоренцо из «Ромео и Джульетты». Другого не оказалось под рукой.

Король. Прекрасный костюм. И великолепная пьеса. Помню вас в образе Ромео, склонившегося над бездыханной возлюбленной. «...И красота ее утрюмый склеп в сияющий чертог преобразила...» Каково сказано... «В сияющий чертог»... Собственно, из-за этого я и попросил вас навестить меня. Вы, наверное, уже слышали, что дела мои скверны?

Кин. Выглядите вы молодцом!

Король (*усмехнувшись*). Ну, ну... Это я ради вас усилием воли прибавил румянца... Нет, скверно, друг мой! Кажется, мне не выкарабкаться из этой заварушки... Приходится думать о вечном. Поэтому я и хотел просить вас помочь как-то срежиссировать мой последний выход. Но эти дураки лорды приходят в ярость при одном упоминании вашего имени... Ну да черт с ними! Пусть как хотят везут мои бранные останки. Но пока я жив, буду поступать так, как мне нравится... Кто-то из великих, кажется Вольтер, сказал: «Счастлив человек, кого смерть застаёт за любимым занятием». Сегодня ночью я долго думал над этими словами... И спросил себя: а что ты любил, Георг?.. Приемы во дворце? Нет. Парады? Нет. Речи в парламенте?.. Чушь! Я любил театр... Движенья занавеса... Отблеск свечей в глазах актрис... Изящество реплик, которые эхом отдаются в зале... Ах как прекрасно! Когда-то вы мне признались, что мечтаете умереть в театре. Я тоже этого хочу, Кин! Нет, не пугайтесь, я не буду составлять вам конкуренцию и не полезу на сцену. Я готов умереть в ложе. Такого еще не было... Сердце короля, остановившееся от восторга!.. Поэтому, когда мне станет совсем скверно и я реально увижу очертания этой костлявой бабы с косой, я поеду в Друри-Лейн. А вы в этот вечер играйте Ричарда... И когда это случится и моя голова упадет на грудь, вы встаньте на колени и прочтите монолог. Или нет... Лучше из «Юлия Цезаря»... «Прекрасна жизнь его, и все стихии так в нем соединились, что природа могла бы сказать: «Он человеком был!»... (*Плачет.*) Ну, как?

Кин. Честно?

Король. Разумеется, честно. Мы друзья. И потом, это только наметки... Размышления вслух...

Кин. Если честно — не очень.

Король. Почему?

Кин. Мне кажется, ваше величество, вы не совсем правильно трактуете слова Вольтера. Вашим любимым занятием никогда не было сидение в ложе. Насколько я помню, больше всего вы обожали те моменты, когда мы с вами, переодевшись в простое платье,

заваливались в какой-нибудь припортовый кабак и куролесили до утра...

Король. Грехи молодости...

Кин. Не самая худшая пора.

Король. Перестаньте, Эдмунд! Вы хотите, чтоб я запомнился гулякой! Говорят, уже в Париже появилась такая фривольная песенка «Гений и беспутство» — так, кажется, она называется... Там уже выведены вы и я, причем я в каком-то недостойном образе повесы и вашего подпевалы... Все сплетни, которые нам сопутствовали, эти драмоделы вплели в сюжет!

Кин. Ваше величество, сплетни — предисловие легенды... Как повернуть. Вот сегодня весь Лондон болтает, что вы вовсе и не больны... Что у вас просто несварение желудка от обильной пищи. И что вы, извините, ваше величество, но так говорят... по ночам вылезаете из дворца... И мы с вами катаемся в лодке по Темзе... С песнями.

Король. Что за чушь? Я болен!

Кин. Народ отказывается в это верить... Люди считают, что вы — один из самых жизнелюбивых королей в нашей истории. Георг Веселый! Вот как вас называют!

Король. Вы считаете, это почетный титул?

Кин. Ну, разумеется, ваше величество! Вспомните — кто нами правил? Взгляните на портреты: постные лица, надменные физиономии... Тоска! Простой человек работает как лошадь, а потом смотрит на унылого монарха — и ему хочется удавиться! Все революции происходят от тоски! И вот в кое-то время появляется веселый король, с заразной улыбкой... Шутник и балагур! Это ж гордость нации! И болеет, как все, — колитом! И лечится, как все, — хересом! *(Достаёт флягу и бокал.)* Народное средство. Два глотка — и снимет как рукой... *(Наливает.)*

Король *(нерешительно берет бокал)*. До еды или после?

Кин. До дна!

Король выпивает.

Слава Британии, имеющей такого правителя!

Король *(сразу захмелев)*. Да? Вы так считаете? Ну что ж, это не так глупо... И что говорит народ? Как я выбираюсь из дворца?

Кин. Народ говорит, вы спускаетесь из окна спальни по веревочной лестнице! Примерно такой... *(Распахивает плащ, показывает веревку.)* Корабельный канат. Двоих выдержит!

Король *(в отчаянии)*. Кин, вы меня убиваете!

Кин. Я вас приглашаю в вечность, ваше величество!

Король. Да?! Там у вас еще осталось во фляге? Это надо обсудить! *(Распахивает дверь спальни.)* Прошу! *(Соломону.)* Ко мне никого не пускать, лейтенант! Я исповедуюсь!

Кин и Король скрываются в спальней.

Соломон *(снимает форму гвардейца, говорит, обращаясь в зал)*. Английский король Георг Четвертый умер в тысяча восемьсот тридцатом году от кишечного заболевания. Похоронен в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве. Спустя три года Эдмунд Кин упал замертво на сцене театра Друри-Лейн в спектакле «Отелло». Похоронен на кладбище предместья в Ричмонде. А еще спустя три года они впервые появились вместе на сцене парижского театра «Варьете». С тех пор — неразлучны...

Двери спальни распахиваются. Появляются Кин и Король. Впрочем, теперь это уже актеры, исполняющие эти роли, поэтому и одеты они соответственно финалу — ярко и броско.

Поют:

В далеком старом Лондоне,
В Британии! В Британии!
Люблю бродить в тумане я
При свете фонарей.
И в дружеской компании
Выслушивать предания,
Старинные предания
Из жизни королей:
Про Ричарда и Генриха,
Про Эдгара и Эдварда,
Про Анну и Викторию
И про Элизабет...
Какое наслаждение —
Вникать в их положение,

Любой король — какая роль!
Любая жизнь — сюжет!

К ним присоединяются все участники спектакля:

В далекой старой Англии,
В Британии! В Британии!
Приходят на свидания
Ушедшие давно...
Чтоб в театральном здании
На час привлечь внимание
И чтобы на прощание
За всех поднять вино:
За Ричарда! За Генриха!
За Эдгара! За Эдмунда!
За Анну! За Викторю!
И за Элизабет!!
Какое наслаждение —
Входить в их положение,
Любой король — какая роль!
Любая жизнь — сюжет!

Занавес .

Шут Балакирев, или Придворная комедия

В двух частях

СПИСОК РОЛЕЙ ДЛЯ ГОСПОД АКТЕРОВ, ПОЖЕЛАВШИХ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПЬЕСЕ:

ПЕТР Алексеевич Романов, император российский.
ЕКАТЕРИНА Алексеевна, его супруга, императрица.
ПЕТРУША Романов, внук императора.
БАЛАКИРЕВ Иван Алексеевич, камер-курьер, шут.
МЕНШИКОВ Александр Данилович, светлейший князь.
ЯГУЖИНСКИЙ Павел Иванович, граф, обер-прокурор Сената.
ШАФИРОВ Петр Павлович, барон, вице-канцлер.
МОНС Виллим Иванович, камердинер, секретарь императрицы.
ПРИНЦ ГОЛШТИНСКИЙ
АНИСЬЯ КИРИЛЛОВНА Балакирева, мать Ивана.
ДУНЯ Бурыкина, невеста, затем жена Балакирева.
БУРЫКИНА Дарья Степановна, мать Дуни.
Головкина Екатерина, камер-фрейлина.
РАСТРЕЛЛИ, художник, итальянец.
ШАПСКИЙ Феофилакт, обер-шут, кнутмайстер.
ЛАКОСТА, шут.
УШАСТИК, шут.
ПЕДРИЛЛО, шут.
КАРЛИК, шут
Фрейлины, гвардейцы, горожане.

УВЕДОМЛЕНИЕ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ

В пьесе (при крайней необходимости) используются некоторые слова и выражения, считающиеся ныне «ненормативными», но бывшие в употреблении и признававшиеся языковой нормой для россиян, живших в XVII веке.

Пролог

...Стоит на посту солдат, одетый в форму Преображенского полка. Публика в зале рассказывает, а он — стоит. Свет погасили, а он все стоит потеет... Потому что на солнцепеке стоит, а амуниция у солдата тяжелая... Не выдержал солдат — глаза прикрыл, взмолился...

Балакирев (*закрыв глаза*). Боженька, Боженька, пожалей солдатика. Солнце палит, голова болит. Яви чудо — пошли тучку с дождичком... (*Приоткрыл глаз, глянул на небо*.) Отставить!.. (*Снова прикрыл глаза*.) Маменька, маменька, Анисья Кирилловна, спаси сыночка, пролей слезу, укрой от зноя. (*Открыл глаз*.) Отставить!.. (*Снова закрыл*.) Дуня-Дунечка, любушка моя, собери росу в лесу, дунь в мою сторону, Дунь!.. Отставить! (*Снова прикрыл глаза*.) Отец-командир, ротный капитан, приди хоть ты с похмелья, раздолбай, дыхни в лицо рассолом... Нет, не придет! (*Закрыв глаза*.) Вельможные генералы, что пиво холодное пьют да шампанское со льдом трескают, явитесь хоть во сне солдату, поделитесь капелькой, ядри вашу мать!..

В этот момент появляется князь Меншиков с подозрительной трубой в руках и флягой за поясом, удивленно наблюдает за Балакиревым.

Во, один почудился!.. И фляжка у его с брульянтами... Сам, поди, из нее выпьет, сукин кот, а не поделится... (*Закрыв глаза, затряс головой, как бы прогоняя наваждение*.)

Меншиков. Могу поделиться! (*Открыл флягу, набрал полный рот жидкости, подошел к Балакиреву, прыснул ему в рожу*.) Полегчало?

Балакирев (*вздвигнув*). Так точно, ваше превосходительство!

Меншиков. Кто таков?

Балакирев. Рядовой музыкантской роты Преображенского полка Иван Балакирев!

Меншиков. А я кто, знаешь?

Балакирев. Никак нет.

Меншиков. Генерал-фельдмаршал его императорского величества...

Балакирев пошатнулся.

Стоять!.. Еще не все регалии сказаны... Председатель военной коллегии... Стоять!!! Главнокомандующий... армии... Стоять!! Светлейший князь Меншиков Александр Данилович!! Ну как, похолодало внутри?

Балакирев. Т-так точно... Оз-з-зноб-с... бьет!

Меншиков. Хорошо, что бьет.. Лучше озноб, чем я. А где ж рота твоя, часовой?

Балакирев. Осмелюсь доложить — искупаться решили, в пруду!..

Меншиков. Смелое, однако, решение... *(Направил подозрную трубу в сторону пруда.)* Без порток командующего еще не встречал никто! Вижу! Красиво... А ты чего ж не купаешься?

Балакирев. Оставлен стоять на посту... Для охраны инструментов!

Меншиков. Чего ж их охранять? Струменты звучать должны, когда командующий появляется в полку.

Балакирев. Так точно.

Меншиков. Ну и играй!

Балакирев. Как-с?

Меншиков. А как хочешь? Ты за роту здесь поставлен, значит за всех и отдувайся!..

Балакирев. Слушаюсь! *(Секунду подумав, стал имитировать музыкальные инструменты.)* Тут-ту-ту! Труби-труба!.. Фьють-фьють... Дзинь-дзинь!.. Тра-рах-таррах! Бздынь-бздынь! Ебс-ебс! Чшш! Ж-жах!.. Фьють!.. Ж-жах!.. Ех-ех!..

Звуки постепенно стали складываться в некое подобие оркестра. Меншиков с интересом наблюдал за Балакиревым.

Из пруда появился голый преображенец. Стыдливо прикрывая срамные места, незаметно пытается взять сапоги и амуницию.

Меншиков *(Балакиреву)*. «Звучит музыка полковая, бойцов на подвиги скликающая...» А вот и они подтягиваются! *(Преображенцу.)* Тебе чего, служивый?

Преображенец *(испуганно)*. Обмундирование забрать... ваше высокопревосходительство...

Меншиков. Зачем? Ты и так одет правильно... Это будет теперь вам — летняя форма одежды. В таком виде роту и построй!

Преображенец. Слушаюсь! *(Исчезает.)*

Меншиков *(Балакиреву)*. Пошли, часовой, парад принимать! *(Подошел к кулисе.)* Здорово, молодцы!

Преображенцы *(из-за кулис, нестройно)*. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Меншиков. Херово кричите, ребята! А стоите, в ентом смысле, еще хуже... А ну, Балакирев, построить всех по порядку..

Балакирев. Осмелюсь спросить: это как?

Меншиков. По ранжиру. От большего к меньшему..

Балакирев. Слушаюсь!.. Рота, слушай команду! Руки опустить!.. Ранжир определить!.. *(Меншикову.)* Ваше высокопревосходительство, как прикажете его замерять?

Меншиков. А как предлагаешь?

Балакирев. Так все от ранжира зависит.. Иной махонький, и циркулем не замерить... А иной, гляжу, придется вдоль забора растянуть да шагами просчитать..

Меншиков *(довольно хохотнул)*. Как, говоришь, фамилия твоя, солдат?

Балакирев. Балакирев.

Меншиков. Фамилия — звучная! Смекалка — быстрая! Рожка — наглая!.. В общем, пойдешь, Балакирев, служить к царскому двору.. в специальную шутовскую команду! Остальная же рота в таком вот натуральном виде направляется со мной в расположение полка... Для парада на плацу!.. Понятно? Балакирев! Играй марш!

Балакирев. Слушаюсь!.. Трам-тара-рам! Там! Там!

Преображенцы. Трам-тара-рам! *(Подхватив мелодию, преображенцы строем уходят вместе с Меншиковым.)*

Часть первая

Картина первая

Музыка из условной стала реальной. Затрещали трещотки-барабаны. Появилась шутовская команда: Карлик, Ушастик, Педрилло, Лакоста. Ведет команду обер-шут Шапский. На нем надета треугольная шляпа, напоминающая известную шляпу Петра.

Шуты *(поют)*.

Ать! Ать! Вашу мать
Просим всех шутам внимать!
Дурни глупостью богаты,
Им ума не занимать!
Вот! Вот! Началось!
Точно с глзда сорвалось!

Настроенье получшало...
И в портках все поднялось!
Вот! Вот!..

Энергично пляшут, затем замирают, со страхом поглядывая на Шапского и как бы ожидая оценки спетого.

Шапский *(снял шляпу, помрачнел)*. Так, ребята! Послушал вас, послушал... и скажу.. как бы поизячней-то... Одним словом, это у вас пока полная херня! Я ни разу и не улыбнулся! А я, знаете, человек веселый... но суровый! Либо смеюсь — либо морду бью! Так что сами выбирайте, чем займемся! *(Строго посмотрел на шутов, те закивали)*. Давай еще раз! Сначала! Нет, с конца... Нет — сзади-наперед!

Шуты поняли приказ буквально, развернулись, ударили по пришитым к задницам тарелкам, заголосили.

Шуты.

Вот! Вот! Вот! Вот!
Ходи сзади-наперед!
Что-то жопа прошептала,
Да никто не разберет.
Заплетается язык,
Языкнулся заплетык!..
Я те ща сострою рожу,
Острым режиком заножу..
Будешь зенками мигать,
Будешь дрыгами ногаты!..
Оп! Оп! Оп! Оп!

Шапский *(мрачно)*. Разгонит команду царь! И правильно сделает: на кой вас, дармоедов, кормить?.. Чего поете, об чем поете? Хрен разберешь! Отменяю все слова... Рожками смешить!.. Рожками!

Шуты. Оп! Оп! Эх! Эх! Ух! Ух! Аты! Аты!

Заплясали в странном танце. Гримасничают.
Появляется Иван Балакирев.

Балакирев. Прапорщик Преображенского полка Иван Балакирев! Прибыл в придворную шутейную команду для прохождения службы!

Шапский (*шутам*). Допрыгались? Вам уже солдат нам на подмогу посылают... Спасибо, что пришел, служивый. Спасибо! (*Обнял Балакирева.*) И как же ты, Ваня, служить здесь намерен?

Балакирев. Как прикажут...

Шапский. Ну, прикажу я тебе ушами шевелить... Сможешь?

Балакирев (*растерянно*). Как?

Шапский. Да хоть вот так... (*Ушастик.*) Ушастик, покажи искусство.

Ушастик. Чего?

Шапский (*громче*). Ушами пошевели!

Ушастик. Чего?

Шапский (*орет*). Ушами подвигай, а то ща оторву тебе их за ненадобностью!

Ушастик. Понял... (*Смешно шевелит ушами.*)

Балакирев. Не... Так не смогу..

Шапский. Может, музыку из себя исторгать способен?

Балакирев. На гармошке играю... На дудке могу...

Шапский. Это хорошо. Педрилло, достань-ка дудку!..

Педрилло полез в штаны, достал из огромных карманов дудку.

Это у нас главный музыкант. Педрилло прозывается... Специально в Италии закуплен для музицирования и тонкого пения. Думали — кастрат. Оказался — нет. Наоборот. (*Протягивает дудку Балакиреву.*) Что исполнишь?

Балакирев. «Полковую зарю» могу сыграть.

Шапский. Сыграй, Ваня, полковую зарю, порадууй душу..

Балакирев приложил дудку к губам.

Погоди, служивый! Ты ротом, что ль? Ротом любой сыграет. У нас тут другим местом музицируют..

Педрилло приложил дудку к заднице, издал несколько звуков. Шуты одобрили: «Во заря какая! Во как занялась...»

Шапский. Попробуешь?

Балакирев. Не... так... не хочу.

Шапский. Экий, Ваня, ты привередливый. Так не можешь, эдак не хочешь. На кой ляд тогда сюда направлен? (*Шутам.*) Как его оскоморошить, кто знает?

Шуты зашумели, забормотали что-то невнятное. Темпераментней всех высказывался Лакоста, правда из-за скорости произношения слов и нечеткой дикции понять что-то было трудно.

Лакоста. Фсеяфнопохасфочноуфмешнят кахлика...
Шапский. Чего?

Лакоста. Похасфочнохафенять... кахлика.

Шапский. Ты так думаешь?.. (Балакиреву.) Это у нас жидовин. Из Амстердама. Ты сам, парень, откуда родом?

Балакирев. Из Тверской губернии.

Шапский. У вас в Тверской, поди, жидовина никто и не видал?

Балакирев. Нет.

Шапский. Вот. А мы при дворе уже содержим... Лакостой зовут. Очень умный, но понять ничего нельзя, поскольку букв не выговаривает! Так ему верим. Без букв! (Шутам.) Ну, кто понял, чего он хочет?..

Карлик. А чего не понять? Под меня копает, гад... Верно, Лакоста?

Лакоста (кивнул и продолжил мысль.) Потомуфтонфнонофофоименфе... кахлика...

Карлик (заволновался). Куды ж меньше? (Вскочил на колени, к которым были привязаны башмаки.) Меньше и не бывает!.. На всех потешных ассамблеях песенку пел, царь раз даже прослезился... (Запрыгал, запел.)

Меня матушка рожала,
На дороге, на мосту.
Меня куры обосрала,
Оттого я не расту..

Шапский. Учись, Иван! Чуть опустил себя человек — и всего добился. Большие деньги на курах зашибает. А может, вам на пару петь? Так-то сможешь?

Балакирев. Смогу, но не буду!

Шапский. Это почему ж, дозвошь спросить?

Балакирев. Не обучен на колени становиться...

Шапский. Во как... А ежели очень попросим?

Балакирев. Все равно. На колени не встану. Потому как я потомственный дворянин!..

Шапский (зневно). Ах ты сукин сын, потомственный!.. Ты это кому говоришь?! Мне, князю-папе?.. Обер-

шуту! Я, Феофил Шапский, и в колпаке ходил, и на сви-
нье верхом ездил... А царь приказывал — и с корыта
с ней жрал. А тебе, значит, все это зазорно?! (*Достал
кнут*.) Ну, ничего. Мы тебя тут быстро оскоморошим! Я
ведь не только обер-шут, я еще и кнутмайстер... (*Щелкнул
кнутом*.) Прибыл к нам, так показывай, чему искусен!
Шути!!

Балакирев. Как?

Шапский. Шути, сука!

Балакирев. Помилосердствуйте! Нельзя ж так,
по приказу. Шутят под настроение...

Шапский (*шутам*). Каков, ребята? Мы здесь без про-
дыху сутки дрочим шутки, а ему, вишь, настроение пода-
вай? Щас! (*Щелкнул кнутом, закрутил на шее Балакирева*.)
А ну, вяжи его, братцы! Отпетушим по полной!

Шуты притворно закудахтали, набросились на Балакирева, схватили
за руки, начали стаскивать штаны...

Доставай, Педрилка, смычок! Сыграй на ем зарю!

Педрилло угрожающе полез в штаны, достал флейту, стал надвигаться
на согнутого Балакирева.

Стукнула дверь. В комнату стремительно вошел царь Петр. Заним —
Меншиков, Ягужинский, камер-юнкер Вилли Монс и еще не-
сколько придворных. Шуты в страхе отпрянули от раздетого Балакире-
ва, спрятались по углам.

Петр (*гневно*). Это что?! (*Шапскому*.) Я тебя, князь,
спрашиваю... что тут учиняется?!

Шапский. Государь! Да мы тут...

Петр. Вижу, как-вы тут... Я тебя главным куда поста-
вил — на шутейную палату аль в курятник?.. А ну, дай
мне кнут!! Быстро! (*Шапский робко протянул царю кнут,
тут же получил по спине кнутовищем*.) Ишь, чем баловать-
ся вздумали, нехристи! Я за эти садомы ноздри рву! (*Царь
несколько раз хлестнул по шутам. Затем замахнулся на Ба-
лакирева*.) Ты кто таков?!

Балакирев. Иван сын Балакирев, государь!

Меншиков. Это новенький шут, мин херц. Из Преоб-
раженского полка... Мной сюда определен... в команду.

Ягужинский (*тихо*). Александр Данилыч! Почему
мне про то не было сказано?

Меншиков. А тебе зачем?

Ягужинский. Обер-прокурору положено знать о всех назначениях ко двору..

Меншиков. Прокурор — для серьезных дел. А здесь — шутейное..

Ягужинский. Не вижу пока ничего шутейного.

Меншиков. До прокурора шутка доходит только через год, и то по этапу. (Царю.) Тебе ж, государь Петр Алексеич, я про него все сказывал..

Петр. Чего ты мне сказывал? Не помню.

Меншиков. Ну, веселый малый, что на посту стоял. Смешной!..

Петр. Вижу, какой он смешной (Балакиреву.) Преображенец?!!

Балакирев. Так точно, ваше величество!

Петр. А коли преображенец, чего не отбился от такого постыдства? Что в уставе мной прописано? «...Зубами пастти рви, кровью плюй, а задницу свою как зеницу ока береги!..» Кто из них тебя первый огулял? Кто принудил?! Говори!

Шуты испуганно замерли.

Балакирев. Да никто не принуждал, ваше императорское величество. Я сам вроде как предложил..

Петр. Что?! САМ?! (Прозно надвинулся на Меншикова.) Ты кого привел мне, дубина стоеросовая? (Хлестнул светлейшего.)

Меншиков (прикрываясь). Да я что, мин херц? Откуда мог знать?!

Балакирев. Так я ж вам сказывал, ваше высочество...

Меншиков. Что ты мне сказывал?!

Балакирев. Ну, про тот случай...

Ягужинский. Про какой случай? Подробности прошу.

Меншиков (упавшим голосом). Что ты несешь, Ваня? Какие подробности?..

Балакирев. Про то, как царь-государь Петр Алексеич со мной знакомство свел...

Петр. Этого только мне не хватало... Когда я с тобой, дураком, знакомился?

Балакирев. Давно это было, ваше величество. Зачем вам помнить? Мало ль вы подданных своих на день види-

те... А для нас это очень памятно... Двадцать лет считай тому назад были вы, государь, проездом в Твери... Шли мимо нашего дома. За вами — вся свита... И вдруг вы возле дома нашего остановились и говорите: «Чей дом?» Вам говорят — дворянина Балакирева. Вы, государь, говорите: «А нет ли в этом доме того, кто главней меня?»... Ну, свита вся задрожала... И отец мой, Александр Иванович, светлая ему память, тоже наземь рухнул: кто это может быть главней царя?.. А вы в дом шагнули, огляделись и видите — в люльке дитя лежит, плачет... «Вот! — сказали вы, ваше величество, — вот кто главней меня. Я ему прикажу «молчи!» — он приказа не выполнит. А он мне орет — мол, возьми меня на руки, царь, — я подчиняюсь!» Взяли вы меня, государь, на руки, я и затих... Вы, ваше величество, рассмеялись. И при всех меня поцеловали...

Петр (*с усмешкой*). И куда ж я тебя поцеловал?

Балакирев. А вот я и собрался это господам шутам показать... Они уж очень просили. Уж коли, говорят, сам царь туда тебя целовал, Ваня, нам, стало быть, тоже это особо приятственно будет... Вот только, значит, приготовились, а вы и помешали...

Пауза.

Петр (*захохотал*). Не... Почёму?! Не надо мешать. Такое сердечное уважение подданных царь только приветствовать должен... Кто у нас первым вызвался? (*Шапскому*.) Ты, князь-папа?! Цалуй!..

Шапский заскрипел зубами от отчаяния, но покорно направился к Балакиреву, уже начавшему приспускать штаны, встал на колени...

Шапский (*почти плача*). Государы! Дозволь хоть не при всех...

Петр. Ну ладно... (*Обнял Меншикова*.) Пошли, Сашка! Не будем смущать... У их дело интимное... А новый шут хорош!.. Ловок. (*Монсу*.) Возьми его к себе в штат, господин камергер. Сгодится!

Монс. Непременно, ваше величество!

Петр и Меншиков уходят.

Ягужинский (*Монсу*). Вот новости! Это когда ж вы камергером-то сделали, Виллим Иванович?

Монс. Поутру указ был подписан, Павел Иванович.

Ягужинский. Поздравляю! Опять, значит, мимо меня назначенье? Кого благодарить будете — Меншикова или Шафирова?

Монс. Хотел бы только Господа Бога! Господь меньше берет...

Ягужинский. Чего?! *(Удивленно смотрит на Монса, потом смеется.)* Это у тебя шутка такая? Понял! Я шутки хорошо понимаю, когда с тайным смыслом... *(Смеется, уходит.)*

Монс *(Балакиреву)*. Иван, подойди!

Балакирев подходит.

Курьером ко мне пойдешь служить!

Балакирев. Слушаюсь!

Монс. Бегаешь быстро?

Балакирев. Могу одна нога здесь, другая — там!

Монс. Так не надо. Портки порвешь. Поспешать надо медленно, соображать — быстро. Потому при дворе прямых дорожек нет. Все с поворотцами. За каждым — подножка... Поэтому надо где бочком, где вприпрыжку.

Балакирев. Благодарен буду за науку, ваше превосходительство. *(Направляется к выходу вместе с Монсом.)*

Шапский *(стоя на коленях)*. Эй, Иван, погоди! Царский приказ-то исполнить надобно?..

Балакирев. Какой приказ?.. Ах, этот?.. Ей-богу, князь... тут дела сурьезные пошли, а вам лишь бы целоваться!.. *(Монсу, указывая на Шапского.)* Ну такой настырный, беда просто!

Быстро уходит вместе с Монсом.

Музыкальная интермедия

Обиженный Шапский вскочил с колен, махнул кнутом, отчаянно грохнул в барабан.

Шуты *(застучали в такт, заголосили)*.

Ой, судари-судари!

Ой, дури-дури-дури!

Думай, брат, чеши затылок!

Ой, чесало затыли...

Ворвались несколько фрейлин. Погнали шутов: «Кыш! Нелюди! Не до вас, чертовы дети!» Расставляют зеркала. Раскладывают гребни, флаконы с духами и прочие принадлежности. Заметив в зеркале приближающуюся царицу, все испуганно замирают в почтительных позах.

Появляется Екатерина, сопровождаемая камер-фрейлиной Головкиной.

Картина вторая

Екатерина (*сидясь перед зеркалом*). Ишь, сколько цирюльников набежало! Чего вылупились? Чай, не в кунст-камере. Одна фрейлина, что ль, не может царицу причесать?

Головкина (*шутам и фрейлинам*). Все — прочь!

Шуты и фрейлины исчезают. Головкина причесывает Екатерину.

Екатерина. Вот тут заколи... И тут!.. Да не так! О, майн гот! Экая ты, Катиш, неловкая... Ну вот — локон сбила.

Головкина. Прощенья просим, государыня.

Екатерина (*сама пытается вернуть локон на место*). Черта мне в твоём прощении, дура! Она!.. Теперь и не запендеришь его обратно... Ты у кого убранству волос училась?

Головкина. У Минны Карловны, государыня.

Екатерина. Минна Карловна — уборщица отменная... Зеер гроссе фризе-майстер!

Головкина. Да это уж точно, государыня, зеер гроссе... Но мне Бог такого таланту не дал.

Екатерина. Как же не дал? Себе-то вон какую прическу соорудила... Чистый Версаль!

Головкина. Так это она, Минна Карловна, и делала... Три дни назад.

Екатерина. И до сих пор держится?

Головкина. Так сидя же спим, государыня! Как часовые... Чтоб только убору не испортить...

Екатерина (*усмехнулась*). Ну, таких мук мне не пережить... Да и все едино, государь прическу сомнет.. У него лапища-то во какие... А уж ежели в страсть любовную войдет, то вообще... (*Подозвала пальчиком фрейлину, что-то зашептала ей на ухо. Обе женщины рассмеялись... Впрочем,*

Екатерина тут же посуровела.) Ты это, Катиш, токмо не вздумай никому болтать! Забудь сразу!

Головкина. Забыла, государыня.

Екатерина. Напрочь!

Головкина. Напрочь забыла!

Екатерина. И алмазную заколку слева у себя сним! Я ведь запретила с двух сторон заколки делать на царский манер... Мне уж и государь строго приметил, что среди фрейлин моих распространились излишние олдфер-цирунг!! Сыми, тебе говорят!..

Фрейлина испуганно выдернула заколки, прическа развалилась.

Во! Так тебе гораздо лучше. Ступай!

Головкина (*пошла к выходу, остановилась*). Государыня, в приемной новый камергер дожидается. С бумагами. Извольте принять?

Екатерина. Новый? А старый где?

Головкина. Уволен с должности.

Екатерина. За что?

Головкина (*подумав*). Старый...

Екатерина. Кому? Фрейлинам твоим? Вот бесстыдницы. Уж и камергеров для себя подбирают... Иди отсюда!

Фрейлина поспешно удаляется. Ее место занимает Виллим Монс. Он в новеньком мундире, аккуратно причесан. На носу очки. В руках — папка с бумагами.

Монс. Осмелюсь войти, ваше величество, государыня императрица?

Екатерина. Ты кто?

Монс. Камергер Виллим Монс.

Екатерина. Почему Монс? Откуда взялся Монс?

Монс. Два дни как переведен из обер-порученцев по канцелярии согласно указанию его императорского величества, государя Петра Алексеевича.

Екатерина. погоди, не тарыхти! Ты из каких Монсов? Ты не брат ли Анны Ивановны Монс?

Монс. Так точно, государыня.

Екатерина (*вскочила в гневе*). Да это что ж? Насмешка, что ль? Ведь твоя Анька Монсиха была главной любовницей государя.

Монс. Не могу знать.

Екатерина. Что «не могу»?! Царь же к ней по ночам в немецкую слободу сколько лет ездил...

Монс. Не могу знать, государыня. Я по ночам сплю.

Екатерина *(закричала)*. Пошел вон!!! Дрянь! Шайзе! Ейне гештанкине шайзе! Унд йор кениг Петер ист шайзе... *(И еще несколько крепких фраз по-немецки.)*

Монс. Повинуюсь, государыня *(Повернулся, направился к выходу.)*

Екатерина. Стой!

Монс остановился.

По-немецки понимаешь?

Монс. Так точно. Родители из Западной Пруссии. Город Минденштадт.

Екатерина. Теперь наябедничаешь государю, как я тут его?..

Монс. Никак нет, ваше величество. В мои обязанности не входит слышать ненужные для моего государя слова...

Екатерина. Ишь какой... Ни с какого боку тебя не ковырнешь. Что в папке?

Монс. Расчетные счета по закупкам на дворовые надобности. Челобитные.

Екатерина. Счета сам подписывай. Потом за них с тебя и спрос будет. А челобитных к государыне по сто штук на день приходит... Глаз не хватит все прочесть!

Монс. Я, ваше величество, специальный экстракт из челобитных сделал... В одну-две строки... Чтоб слух вашего величества не утруждать.

Екатерина. Ишь какой... Ну давай... Не утруждай!

Монс *(открыл папку)*. «Экстракт из поданных ея величеству всепресветлейшей государыне императрице все-российской Екатерине Алексеевне челобитен... на 20 сентября 1724 года. Гвардии сержант Осип Лебедев нижайше просит, чтоб за верную службу наградить отписным двором на Санкт-Петербургском острове.. Служитель Иван Хитров — чтоб за службу удостоить рангом... Церкви Воскресения Христова поп Петров с причетники — чтоб выдать им денежное жалованье за прошлые годы...»

Екатерина *(не слушая)*. ...Эта Анька Монсиха, она совсем бесстыжая была. Про это все в Москве говорили...

И пахучими травами царя дурила, и позициями разными развратными... индийскими... в кровать заманивала!..

Монс *(не реагируя на реплики Екатерины)*. «...Гвардии-лейтенант Дмитрий Шепелев — чтоб наградить вотчинами в Московском уезде... Верховые конюхи Михайла и Иван Владистовы — чтоб их определить хлебным довольствием...»

Екатерина. Ну что бормочешь, как тетерев?! Никому ничего не подпишу!

Монс. «...Вдова Балакирева — чтоб ея сына Ивана, взятого на службу ко двору, определить на отдельную казенную квартиру на Васильевском...»

Екатерина. Какой еще Балакирев? Это новый шут, что ли?! Который с царем вторую неделю гуляет? Вот дулю ему, а не квартиру! Осердил меня царь. Осердил новыми назначениями! Да и ты, Виллим, хорош! Ведь молодой же человек, лицом пригожий, из знатной фамилии... Гордость-то надо иметь?.. Я ж твою родную сестру поношу срамными словами — а ты и дале терпеть намерен?

Монс *(решительно)*. Намерен, ваше величество!

Екатерина. Так жалованьем дорожишь?

Монс *(сдернул очки)*. О нет! Потерю жалованья стерплю, государыня. И обиды стерплю. Родную мутер мою обидите — все равно стерплю лишь за одно счастье быть при вас и видеть вас, майне либен фрау Марта... *(Страстно смотрит на Екатерину.)*

Екатерина *(чуть вздрогнула, отступила)*. Ну ты, чего несешь?.. Брось!..

Монс. Потому как влюблен, Екатерина Алексеевна... Ендшульдиген зи мих, битте... Много лет. Безмолвно, безответно, безнадежно! Встаю рано, имя ваше шепчу, ночью спать ложусь с именем вашим, точно с молитвой. И так уж много лет... Мне ведь и годков немало, но я о женьитьбе не помышляю, поскольку даже в помыслах никого заместо вас представить не могу... А теперь ваше право, государыня, вызвать стражу и казнить, поелику и страшная казнь по воле вашей для меня счастье!.. *(Упал на колени, рыдая, стал страстно целовать пряжки туфель царицы)*

Екатерина *(чуть взволновалась)*. Ну ты!.. Глупый... Замолчи! Меня и себя погубишь, что ты?.. Что ты?.. Да

не гоню я тебя... Не гоню! *(А сама уже стала волосы его гладить.)*

В это время распахнулась дверь, и в покои вбежал запыхавшийся Балакирев. На нем уже расшитый камзол камер-лакея. Вбежав, замер, увидев Екатерину и стоящего перед ней на коленях Монса.

Балакирев. Государь просит срочно государыню проследовать...

Екатерина *(взвизгнула, оттолкнула Монса)*. Кто здесь?.. Зачем?

Балакирев. Камер-курьер Иван Балакирев. По личному приказу его императорского величества.

Екатерина. Это он велел без спросу в комнаты царицы входить?

Балакирев. Так точно! Государь просит срочно проследовать на балкон... Они в вашу честь серенаду začínают петь совместно с принцем Голштинским!

Екатерина. И пусть поют. Уж неделю воют. Что ж за спешка?

Балакирев. В связи с восходом луны!.. Они жалают, чтоб государыня одновременно с ночным светилом на небе появилась... Для полной красоты картины и всеобщей гармонии мироздания!..

Екатерина. Тьфу! Видать, снова напились, черти... *(Подобрала юбку, быстро пошла к балкону. Через секунду оттуда послышались приветственные возгласы, затем — звон гитар и нестройное мужское пение.)*

Монс встал с колен, отряхнулся, оглядел Балакирева.

Балакирев *(бормочет под нос)*. ...Он так и сказал, царь, лети, говорит, дурак, сломя голову, а я говорю, а как же без доклада, а он говорит, я те в шею сейчас доложу, я и побежал...

Монс *(строго перебил)*. Подслушивал?

Балакирев. Никак нет!

Монс. Зря! Кабы подслушивал, знал бы, что говорили с царицей лишь о делах. А на коленях ползал, поскольку государыня заколку потеряла... Искал...

Балакирев. Так точно, ваше превосходительство... Я так и подумал. Дозвольте поднять? *(Поднимает заколку фрейлины.)*

Монс. Молодец! Глаз отменный... И соображаешь быстро. Челобитная была от маменьки твоей, насчет выделения квартиры. За усердие получишь на Васильевском острове... В лучшем месте.

Балакирев. Благодарствую, ваше превосходительство! Век не забуду!

Монс. Забудешь — напомним.

Слышны аплодисменты, крики «Виват!». С балкона появляются Екатерина и Петр.

Екатерина. Ну что ты, ей-богу, Петруша, как мальчишка?.. Мыслимо ли дело — по веревкам на балкон влезать? А ну бы сорвался?

Петр. Никак сие невозможно, мутер. На лучших голландских фрегатах учили по канатам лазать... Да и народ сейчас смотрел!.. Можно ли допустить, чтоб русский царь перед своим народом с балкона падал?.. Вся бы Европа содрогнулась! (Монсу и Балакиреву.) Верно говорю, ребята?

Монс и Балакирев. Так точно, господин бомбардир!

Петр. Молодцы! Четко отвечаете... (Екатерине.) Как тебе новый камергер? Хорош?

Екатерина (иронично). Да уж куда лучше...

Петр (обнял Екатерину). Не сердись, мутер. Привыкнешь. Он малый четкий, надежный. (Подождал к Балакиреву.) А это у меня новый потешный мастер...

С балкона вдруг раздается треск, истошный крик, звук падающего тела.

Чего еще там стряслось? Сбегай, Ванька!

Балакирев пулей метнулся к балкону.

Ванька Балакирев! Потешный мастер... Уж такой языкастый, такой... Его Меншиков сыскал...

Екатерина. Да уж слышала...

Балакирев (возвращается запыхавшись). Беда, государь! Беда! Принц Голштинский... полез на балкон да... наземь... ебс...

Петр (прерывая). Тихо ты!

Екатерина (испуганно взвизгнула). Ой! Ведь просила, Петруша! Не пой принца... Не пой!

Петр. Да как же не поить, коли он принц? И в зятъя просится? *(Балакиреву.)* А ты — дурак! Я тебя хвалю за остромыслие, а ты... «Беда! Беда!»

Балакирев. Так ведь упал же ж...

Петр. Упал — не пропал... Ты изволь изложить енто событие весело... Приятственно для общества. Тем более тут дама!

С балкона вновь слышен треск и крики принца Голштинского.

О! Кажись, снова на штурм пошел... Погляди-ка!

Балакирев стремглав убегает на балкон, затем возвращается с улыбающейся рожей.

Петр. Ну?

Балакирев. Осмелюсь доложить, ваше величество, — все в порядке! Принц не упал...

Крики с балкона.

Оне — в полете...

Крик.

Портками за крюк зацепились и парят-с...

Екатерина. Господи! Снять же надо! Немедленно!

Балакирев. Слушаюсь! *(Бросается на балкон, через мзновенье возвращается со штанами принца.)* Исполнено, государыня! Снял-с!..

Екатерина. Дурак! А принц где?

Балакирев. На балконе дремлют... после восхождения. Прикажите внести?

Екатерина *(засмеялась)*. На кой ляд он сдался? Да еще без порток...

Петр *(обнял царицу)*. Ну вот, мутер, и ты повеселела. Молодец, Ванька! Рожа невинная, точно ангел с похмелья, но чудить умеет! Расскажи, как тебя Меншиков в Преображенском полку отыскал!

Балакирев. Удобно ли, господин бонбардир, при дамах-с?

Петр. При каких таких «дамах-с»? Здесь из дам одна государыня, так и она в полку служила, солдатам портки стирала... Всего наслушалась! Рассказывай!

Екатерина. Про то, как князь голых на плацу построил?.. Слышала я уже...

Петр. Не... Там же не в том соль... Там главное — как они «ранжир» замеряли... Кому, говорит, циркулем, а у кого, говорит, вдоль дороги растянуть... да шагами мерить... (Смеется.)

Екатерина. Не вдоль дороги, а вдоль забора... Знаю.

Петр. Нет... Вдоль дороги...

Екатерина. А я говорю — вдоль забора... Мне так пересказывали.

Петр. Ну, дуры пересказывали... Вдоль забора — не смешно совсем. Скажи, Иван, кто из нас прав?

Балакирев. Обои, ваши величества! Там и забор был... и дорога рядом... И так, и так мерил...

Петр. Вишь, какой хитрожопый Ваня! Молодец! Ладно... Ступай... В другой раз расскажешь... (Монсу.) И ты ступай, Виллим Иваныч! Ты тоже молодец! И не улыбнулся ни разу. Значит, службу свою правильно понимаешь...

Монс. Стараюсь ради Отечества, государь!

Монс и Балакирев уходят.

Петр. Ну как, мутер, хороший у меня шут?

Екатерина. Хороший, Петруша! У тебя вообще нрав веселый, всем известно. Вот придумал мне в камергеры брата бывшей любовницы назначить... То-то всем смешно при дворе станет.

Петр. Она уж померла давно, любовница...

Екатерина. Царство ей небесное... Да только чувствую, ты ее частенько вспоминаешь. А теперь и я буду вспоминать да зубами скрежетать...

Петр. Сказанула! Что ж я не скрежещу, когда на Алексашку Меншикова смотрю иль на генерала Шереметева?.. Иль на драгунский полк, что тебя пленил?!

Екатерина (со слезой в голосе). Эти грехи не на мне, государь. В них повинна молодая лютеранка Марта Скавронская... Да и она прощенья достойна, поскольку по принуждению под мужиков ложилась... А вот православную Екатерину Алексеевну тебе не в чем упрекнуть!!

Петр. Я и не упрекаю... Я ее люблю, дуру!.. Как увижу — ноги сами подгибаются... Как тогда, в танце... Когда первый раз пригласил...

Зазвучала музыка. Петр протянул руку Екатерине, они двинулись в медленном танце.

В самую лирическую минуту со стороны балкона неожиданно появился, в подштанниках помятый и одуревший от пьянок, принц.

Петр. Во! Продолжатель династии пожаловал.

Голштинский *(бормочет нечто по-немецки)*. О!.. Их вилл... Во бефин-дет майне либе Анна?..

Петр. Нейн, майн фрунд! Аннушку я пока за тебя не выдам. Ты штаны-то рано снял. Свадьба откладывается... Покуда пить не научишься! В России править народом и не пить с ним невозможно!.. Так что ступай пока спать один... Шлафен битте! *(Хлопнул в ладоши.)*

Появились шуты и фрейлины.

Принца уложить спать! Проснется — опохмелить! Опохмелится — на веревку!.. Ну, чтоб научился по канату влезть! Скажите — к невесте его иначе как через балкон царь не пустит!..

Шуты подхватили упирающегося принца, увели.

Екатерина. Ох, не выдать мне дочку никогда! По себе, Петя, женихов меряешь? А где ж в Европе таких силачей сыскать?

Петр. Был силач, пока молод был. А теперь дедушка при молодой жене.

Екатерина. Ладно врать-то... Дедушка. Вон как на балкон сиганул.

Петр. А кто знает, чего мне это стоило?.. Лезу, кряхчу, боюсь обделаться... Не, Катя! Не тот стал Петя-петушок! Природа телу человеческому свои приказы дает: кому на печке греться, кому в танцах вертеться... Вот почему я тебе Монса в камергеры приставил. Коли дурь бабья в голову ударит — посмотри на него, брата полюбовницы, зубами от неприязни поскрипи — остынешь...

Екатерина *(усмехнулась)*. Ну, ты, Петруша, чистый езуит...

Петр. Да нет, Катерина, царь православный! Вот в чем майн проблем. Был бы просто бонбардир — да иди гуляй, моя молодая жена, я с печи погляжу, порадуюсь. А когда держава за тобой, которую сам вот этими рука-

ми сделал, — тут думать надо... За всех. За всю империю!

Екатерина. Вот и думал бы, кому ее, империю, оставлять...

Петр. Думаю, Катя, думаю.

Екатерина. Есть у тебя две наследницы. Любой отпиши. По старшинству — Анне, а если по уму — Лиза на тебя боле похожа...

Петр. Верно. Но надумал: есть ведь и еще одна молодка в доме. Чем не будущая царица?

Екатерина *(испуганно)*. Ты что, Петруша?! Я тебя пережить не хочу.

Петр. Про то тебя Господь не спросит.

Екатерина. Да какая я царица Руси? Я ведь и не русская!

Петр. А вот эту глупость не терплю. Что есть «русский»? Почему у иных народов нация в слове существительна, а у нас — прилагательна? Смотри: у них — «француз», «немец», «турок». А у нас — «русский»! Это почему? Потому что здесь человек к России приложен!.. Я так понимаю: кто Россию полюбил, кто ей верно служит, тот и русский! Лефорт! Ганнибал! Шафиров! Все они русские... А Алексашка Меншиков — тот был русским, когда на Полтаве воевал, а как стал воровать без совести и закона — так, значит, в басурманы перекинулся, и его, сукиного сына, первым на дыбу вздернуть, если не отчитается... *(Лицо Петра исказила гримаса гнева, по телу прошла судорога.)* Головы казнокрадам буду рубить! Сам! Вот этой рукой. Как стрельцам тогда на площади!!.

Екатерина *(испуганно схватила Петра за руку)*. Не гневайся, Петруша!.. Приступ начнется... Ну, затихай злоба! *(Гладит голову царя.)* Затихай.

Петр *(успокаиваясь)*. Видишь, как моя голова к твоей руке просится?! Тебе и быть наследницей. Я это и в завещании отпишу: «Я, Петр, император российский, оставляю всю власть любезной супруге Екатерине Алексеевне, моему советчику и соратнику, дававшей мне силу в трудах и походах и родившей...» *(Осекся.)* Сколько детей-то мне родила, уж не упомню.

Екатерина *(тихо)*. Зато я помню всех, Петруша. Только ведь не уберегла... кроме двух девчонок...

Петр. Твоей вины тут нет. Детишки хилыми рождались. А почему? Потому что муж-подлец пил горькую... Да кулаками частенько мутузил... Такого варвара европейская леди нипочем бы не терпела, мышьячку бы подсыпала... А ты — нет. Жалеешь! Кто ж ты после этого есть, как не самая что ни на есть русская баба? Тебя ныне перед народом и короновать буду! Пошли, мутер!!

Подавал ей руку и повел к выходу, навстречу нарастающему шуму приветствующей толпы.

Вбежал Карлик.

Карлик. Государы! Принц Голштинский очухались и готовы опохмелиться...

Петр. Вовремя! Молодец!..

Уходит вместе с Екатериной.

Музыкальная интермедия

(ее исполняют шуты и фрейлины, распевая песенку о сложностях и хитросплетениях придворной службы).

Появляется Балакирев с пакетом. Шуты и фрейлины пытаются его остановить: «Иван! Ты куда? Иди к нам!»

Балакирев (*уворачивается, бормочет*). Никак не могу! Именной пакет... Срочный! Сказали, такой срочный, срочнее не бывает... Сей секунд доставь, Ванька... Я говорю — бегу! Они говорят — нет, дурак... сперва пойми, насколько дело срочное-пресрочное... И так — цельный час... Теперь, говорят, оно совсем срочное, беги...

Появляется Головкина. Шуты разбегаются.

Балакирев тоже хочет ускользнуть, но Головкина ловит его за рукав.

Картина третья

Головкина. Кому пакет несешь?

Балакирев (*глянул на адрес*). Его сиятельству графу Шереметеву..

Головкина (*смеется*). Какой ты глупый, Ваня! Коли важный пакет да именной, курьер никому про то говорить не должен!

Балакирев. Ох! Не знал.

Головкина. Вот наябедничаю Монсу, он тебя накажет!..

Балакирев. Не погубите, сударыня!..

Головкина. Коли тебя спрашивают любопытные, кому, мол, пакет, отвечай: не могу знать!

Балакирев. Спасибо за науку!.. Так впредь и стану! По неопытности глупость наша... По молодости.

Головкина. Потому и прощаю, что молод... *(Ущипнула Балакирева.)* Ты женат, Ваня?

Балакирев. Не могу знать, сударыня!

Головкина. Как это? Вот дурак!.. Здесь можно не таиться.

Балакирев. Никак нельзя, сударыня... Тоже дело важное... именно...

Головкина *(подозрительно)*. Ты чего... насмешничашь?.. Ваньку валять вздумал?

Балакирев. Так я сам Ванька и есть. Чего ж не повалять?

Головкина. Наябедничаю Монсу!

Балакирев. Премного буду благодарен... *(Еще раз глянул на пакет.)* Я ведь ошибся... сослепу. Енто не графу Шереметеву пакет...

Головкина. А кому ж?

Балакирев *(гаркнул)*. Не могу знать!!!

Головкина *(зло)*. Ну, смотри, змееныш! Со мной лучше не ссориться. Лучше приходи в комнаты. Гостинчик подарю. Может, подружимся?

Балакирев. Вполне может быть, сударыня...

Фрейлина ушла. Балакирев двинулся дальше и столкнулся нос к носу с Шафировым. Тот шагал, опираясь на трость.

Балакирев. Господин барон, разрешите обратиться?

Шафиров. Чего тебе?

Балакирев. От камергера Монса Виллима Ивановича его сиятельству вице-канцлеру Шафирову срочный пакет! Велено передать в собственные руки и дожидаться ответа.

Шафиров. Ну давай... *(Взял пакет, вскрыл. Читает.)* Подойди сюда.

Балакирев подошел.

Повернись!

Балакирев послушно повернулся. Шафиров сильно ударил его тростью по спине.

Балакирев (*вскрикнул от неожиданности*). Ой!.. За что, ваше сиятельство?!

Шафиров (*спокойно*). А я почему знаю? Ты у своего хозяина Вилли Монса спрашивай... Вот он тут в письме пишет: «А еще, любезный Петр Павлович, до тебя просьба: стукни палкой раза три по спине подателя сего письма...»

Балакирев. Господи, да за что ж? Провинностей никаких. Службу справляю честно...

Шафиров. А вот это Виллим Иванович и хотел проверить. Вдруг ты письма его почитываешь? Кабы читал, поостерегся бы под палку становиться... Спиной бы выдал себя... Увильнул... Но ты — нет! Я следил. Спина честная была, Иван!.. С чистой душой по ей ударил! Так о сем Виллиму и доложу!

Балакирев. Вот спасибо, ваше сиятельство. И Виллиму Иванычу спасибо за науку! (*Подощел к Шафирову, вновь повернулся спиной.*) Виллим Иванович три раза отписал стукнуть...

Шафиров. Да брось ты, Ваня. Я ж говорю: прошел ты проверку.

Балакирев. Проверка — проверкой, а служба — службой... Еще два разочка не откажите, ваше сиятельство! По горбу!

Шафиров. Молодец! Похвально! (*Два раза легонько стукнул по спине.*) А за такое усердие — гостинчик от меня... (*Достал флакончик.*) Масло ароматное... Из Египту. Волосики можно смазать... Дамам приятно! (*Мажет Балакирева.*) Ты не женат?

Балакирев. Никак нет.

Шафиров. Подыщем тебе достойную невесту!.. (*Побрызгал на Балакирева из флакончика.*) Фрейлин только берись! Головкина пыталась, куда бежишь?

Балакирев. Так точно!

Шафиров. Остерегайся! Она — человек Ягужинского. А ты теперь — мой.

Балакирев. Как это?

Шафиров. Я тебя пометил... *(Прыскает из флакона.)*
Буду тебе благодетель и покровитель.

Балакирев. Благодарствую. Но мне светлейший князь Меншиков благодетель.

Шафиров. Знаю. Сразу почуял, как от тебя сивухой его разит. Но мы ентот запах перекроем! *(Снова брызгает.)*
Ступай! Дальнейшие распоряжения получишь от Монса.

Балакирев. А на словах чего передать?

Шафиров. Ничего. Он сам чего надо унюхает...

Шафиров уходит. Балакирев провожает его глазами, затем начинает сплевывая, стирать с волос пахучий парфюм. Появляется Лакоста.

Лакоста. Здорово, Ваня!

Балакирев. Здорово, Лакоста!

Лакоста *(втянул носом воздух)*. От Шафирова идешь?

Балакирев. От Шафиро... *(Осекся, удивленно смотрит на Лакосту.)* Ты чего? Буквы стал выговаривать?

Лакоста *(невозмутимо)*. Я всегда выговаривал. Я ведь только на службе картавлю, Ваня. Для смеха. А сегодня у меня выходной. Шабад. Суббота, по-вашему. Мне в этот день положено с Богом разговаривать. А с Богом без букв никак нельзя...

Балакирев. А ты, Лакоста, чей человек: Меншикова, Шафирова, аль еще кого?

Лакоста. Я теперь уже всехний, Ваня! И с Долгорукими водку жрал, и с Лефортом шнапс тринкал... Такая наша шутейная должность! Через нас большие люди большие дела делают. Для тебя ж главное — когда с ними пьешь, чтоб тобой не закусывали... Понял?

Балакирев. Пока не очень...

Лакоста. Поймешь, когда с мое прослужишь. Я ведь сам-то последний год... и на покой!.. Только Бога буду поселить! Вот дочке на приданое соберу — и все !.. Дочка у меня кр-расавица... между прочим. Р-ревека — с двойным «рр»!.. Жениться еще не думаешь?

Балакирев. Думаю. Как не думать?

Лакоста. Думай скорей, Ваня! Не то без тебя тебя и женят. Здесь золотое кольцо не на палец — на горло надеть могут... *(Заметил появившегося Ягужинского.)* Все! Поберегись! Кончаем хазгавох...

Балакирев *(он не видит Ягужинского)*. Чего?

Лакоста. Кончаем хазгавах... Пхощай! *(Почтительно согнувшись, проходит мимо Ягужинского.)* Здохавствуйте, фаша сфетлофты!

Ягужинский. Здравствуй, коль не шутишь!

Лакоста. Какие могут быть шутки? Сегодня выходной. *(Уходит.)*

Балакирев. Здравия желаю, ваша светлость! *(Пытается прошмыгнуть мимо Ягужинского, тот жестом останавливает.)* А ну погодь, Иван! Ты-то куда торопишься? У тебя ж, чай, нынче не суббота?

Балакирев. Как прикажете, ваше сиятельство. Прикажете — будет пятница!

Ягужинский *(грустно)*. Это для меня слишком тонкая шутка, Ваня. Могу не понять... Да подойди поближе, не бойсь! Я к тебе принюхиваться не стану. Насморк у меня случился... Да я и так знаю, что ты Шафировым да Меншиковым провонял. А меня на дух не переносишь!..

Балакирев. Ваше сиятельство, как можно?..

Ягужинский. Затихни, Ваня! Меня перебивать нехорошо. Обер-прокурор все-таки. Это я не к тому, чтоб пугать, а, наоборот, к тому, чтоб понимал, что не пугаю, но мог бы... В общем, надо очиститься тебе, Ваня, от дурных запахов. Отмыться! В баню со мной пойдешь. Завтра! Будет Ване баня! Во как забавно получилось!

Балакирев. Благодарствую, ваша светлость, но...

Ягужинский. Компания у нас веселая собирается: Макаров — секретарь, Андрюша Ушков из тайной канцелярии, Шапский...

Балакирев. Да с превеликим бы удовольствием, но...

Ягужинский. Ты не бойсь. Шапский не кнутом же парит — веничком... Ванечку — веничком! Во как из меня каламбуры сегодня сыплются...

Балакирев. Да никак не могу я завтра, ваша светлость!

Ягужинский *(вдруг зло)*. Это почему ж? Брезгуешь?

Балакирев. Никак нет! Уже приглашен... Ангажирован.

Ягужинский. Кем?! Говори, сучий сын!

Балакирев. Государем Петром Алексеевичем... И главное. тоже в баньку позвал... А разве вас там не будет?

Ягужинский (улыбнулся). Нет, Ванечка! У нас последнее время с государем баньки разные... Он сухой пар любит, а у нас по-черному! По-черному! Ну, даст бог, попаримся еще вместе... Узнаешь! (Быстро уходит.)

Музыкальная интермедия.

во время которой шуты расставляют мебель в доме Балакиревых и возникает...

Картина четвертая

Новый дом Балакирева на Васильевском острове. Довольно богатая обстановка — на стенах заморские картинки, дорогие часы, барометр. Анисья Кирилловна Балакирева вводит в большую комнату свою давнюю приятельницу капитаншу Дарью Степановну Бурыкину и ее дочь Дуню.

Анисья Кирилловна. ...Во, какие хоромы здесь, на Васильевском, строят.. А это у нас еще одна большая комната...

Бурыкина. Красотища!..

Анисья Кирилловна. Она «с видом» комната... Ты к окну-то подойди, Дарья Степановна. Видишь?

Бурыкина. Чего?

Анисья Кирилловна. В окне чего видишь?

Бурыкина (испуганно глянув в окно). Птички летают.

Анисья Кирилловна. Экая ты странная. Какие птички? Амбар каменный видишь?

Бурыкина. Ну..

Анисья Кирилловна. Вот я и говорю: комната с видом... на амбар. А за ним еще флигель для прислуги... И сарай. Хозяйка может здесь в комнате чай пить и при том примечать, кто из дворни куда чего несет...

Бурыкина. Ловко придумано! (Дочери.) Дуня, погляди на амбар...

Дуня (разглядывая картины). Ах, маменька! Здесь и такая красота — глаз не оторвешь. Эти все картинки Ванечка купил?

Анисья Кирилловна. Чего купил, а чего и надарили... При его такой новой государевой службе многие особы хотят почтение засвидетельствовать... (Показывая на картины.) Это — князь Голицин... Это — барон Шафиров. (Показывая на барометр.) А это — сам принц герцог

Гольштинский презентовал... Дорогая вещь. Барометор называется.

Бурыкина. И как же по ему время узнавать?

Анисья Кирилловна. Да не часы это... Бар-мо-метор!.. По ему погоду определяют..

Бурыкина. Как?

Анисья Кирилловна. Просто... Вот грохнуло за окном, капли застучали, подходишь к барометру, смотришь — точно: уже написано «эс регнет» — «дождь идет», стало быть, по-немецки... И влажность тоже отмечает. Пляди!.. *(Стала активно дышать на барометр.)* Во, стрелка пошла! Хошь дыхнуть?

Бурыкина. Нет... Я лук с утра ела. Еще испорчу. Ду-няша, хочешь подышать?

Дуня. Спасибо, маменька, мне не жарко... *(Она стоит перед картиной, где изображена обнаженная женщина.)* А вот это кто же, Анисья Кирилловна?

Анисья Кирилловна. Это знаменитая генеральша! Матрена Балк!

Бурыкина *(глянув на картину)*. Господи... Она ж голая!

Анисья Кирилловна. Кто голая? Что ты несешь, Степановна?.. Это ж не генеральша. Это богиня греческая. Артемюда... или Деметра... Черт ее знает, у Ваньки где-то записано... А генеральша Балк, что картину нам дарила, всегда одетая. И токмо — в горностаях. *(Таинственно.)* Она сестра самого Вилли Иваныча Монса, главного камергера... А камергер — начальник над моим Ваней, шутмайстером его царского величества... Понимаешь?

Бурыкина. Да где ж понять, Кирилловна?.. Мы так высоко не летаем. Но за вас радуемся...

Дуня. А какую же деятельность при дворе Ванюша производит?

Анисья Кирилловна. Говорю же — шутмайстер он!

Дуня. Ну делает-то чего... шутмайстер?

Анисья Кирилловна. Как — чего?.. *(Многозначительно.)* Шутит!

Пауза.

Бурыкина. Зачем шутит? Когда?..

Анисья Кирилловна. Когда царь прикажет! Ну вот, к примеру, идет у царя важный совет... Указ там под-

писывают... или Сенат закон принимает... А никак не стронется дело... Затык в мыслях! Тут царь сразу кричит: «Позвать ко мне срочно шутмайстера Балакирева!..» Ванечка тотчас прибежит, шутку им сшутит, и все — про-светление в умах! Пошло-закипело. Указ за указом!!

Бурыкина *(восхищенно)*. Вот это да! Служба, поди, трудная?

Анисья Кирилловна. А ты, мать, как думала?.. С утра до ночи в заботах! Шуток на всех-то ведь не напа-сешься! Уж на что Ваня с детства был озорник-выдум-щик, вы же знаете, а тоже иной раз к слову и не вспо-мишь... Он теперь и меня подключает. Вы, говорит, ма-менька, если какую народную шутку где услышите, мне сразу пересказывайте... Вы, к слову сказать, ничего не привезли?

Бурыкина. Откуда?

Анисья Кирилловна. Ну, откуда приехали... Какие у вас в Тверской губернии шутки?

Бурыкина. Да какие у нас там шутки, Анисья Ки-рилловна?! Дожди с августа как зарядили, сено гниет... И ротмистр Буланов, что рядом живет, помнишь?

Анисья Кирилловна. Ну?

Бурыкина. Помер...

Дуня. Погодите, маменька... Не про то спрашивают. Был же летом один случай смешной... Нюрка, соседская девка, за водой к речке побежала да подсклизнулась... *(Смеется.)* А на ту пору помещик Бородаев ехал... через мост, пьяный...

Бурыкина *(тоже начинает смеяться)*. Да ты его, это-го Бородаева, помнить должна, Анисья... Пришепетыва-ет все так... Су-су-су.. *(Смеется.)*

Дуня. А Нюра о ту пору вылезать стала, да все соск-лизывает... *(Заливается смехом.)* А он спьяну как завопит: «Ой, русалка!» И ну коня стегать...

Бурыкина *(хохочет)*. А Нюрка все сосклизывает... А он — коня!..

Бурыкина и Дуня заливаются смехом. Анисья Кирилловна строго смо-трит на них.

Анисья Кирилловна. И дальше что?

Бурыкина *(успокоившись)*. Уехал.

Анисья Кирилловна. Кто?

Бурыкина. Бородаев... Уехал. Испугался, стало быть, и уехал...

Анисья Кирилловна. А Нюрка?

Бурыкина. А Нюрка вылезла, домой пошла... Чего ей, Нюрке, делается?..

Пауза.

Анисья Кирилловна (*подумав*). Эта шутка нам не годится... Она только у вас в Тверской губернии понятная. А надо чтоб для всех! И коротко!.. Вот дворник мне сегодня рассказал сказку: «Бежит ежик. Навстречу медведь. Медведь спрашивает: «Ежик, колоться спешишь?» — «Нет, — говорит ежик, —домой спешу...» — «И я про то, — говорит медведь. — Ты, когда на ежиху залезаешь, разве об нее не колешься?» (*Захотела, к немалому удивлению гостей. Потом быстро посерьезнела.*) Вот в таком роде у вас ничего нету?

Бурыкина. Нет. У нас в Твери про ежиков ничего не слышно.

Анисья Кирилловна. Ну и бог с ними, с ежиками... О вас поговорим. Как вы там живете? Ты, Дуняша, Ивана моего не забыла еще?

Бурыкина. Да что ты, Кирилловна?.. Они же с детства вместе... Только по нему и сохнет.

Дуня. Маменька, ну вы выбирайте слова-то...

Анисья Кирилловна. Правильно слова выбирает. Невеста с тоски сохнет — матери жениха приятно... Ваня ведь тоже про тебя не забывает.

Дуня (*обиженно*). Как же! Поверила... За полгода — ни одного письмаца.

Анисья Кирилловна. Объясняла же: занят он! Мать родную по неделям не видит. А тут на днях зовет его царь и говорит: «Задумал я тебя, Иван, женить!..»

Дуня. Ох, господи... Так и знала! Так и чувствовала...

Анисья Кирилловна. Погоди. Дослушай... Иван, как положено, отвечает: «Буду вам, государь, премного благодарен!» — «Есть, — говорит царь, — у меня несколько хороших невест на примете, а вот какую выбрать — не знаю. Что посоветуешь?» — «Не мне царю советовать в таком деле, — говорит Ваня. — Государь о благе поддан-

ных больше печется, чем мы, глупые... Посему что решишь, царь-батюшка, тому и быть!»

Дуня. О господи, да что ж это?..

Анисья Кирилловна. Погоди!.. Дослушай... Царю ответ Ванин понравился, но не очень. Царь и говорит: «А у тебя-то на примете никакой своей симпатии, что ли, нету?»

Дуня и Бурыкина *(вместе)*. Ну?!

Анисья Кирилловна. Что «ну»? Экие вы нетерпеливые... Ваня и говорит: «Есть, государь, несколько симпатий. Но я тоже решиться не могу. Поэтому добавляю их все вам в список до кучи, на кого укажете, той и быть!»

Дуня *(в отчаянии)*. Умру, ей-богу, умру сейчас...

Бурыкина *(тихо)*. Держись, дочка! Держись...

Анисья Кирилловна *(явно не торопит рассказ)*. Вот Царю опять ответ понравился, но опять не очень. «Хитер ты, Ваня, — говорит царь. — Хочешь все на меня свалить... Но я ведь тоже тиранствовать не хочу. Тут надобно угадать перст судьбы!» — «Ах, перст? — говорит Ваня. — Это просто: сделай, царь-батюшка, как издревле на Руси делалось... Вели доставить из разных невестиных домов по почтовому голубю. На всех по оловянному колечку надень, а на одного — золотое... В какой дом золотое кольцо долетит, там невесту и сватать!»

Дуня *(вскочила, заголосила)*. А-а-а!!!

Анисья Кирилловна. Да погоди голосить!..

Бурыкина. Чего уж годить, Анисья Кирилловна? Мы — с открытой душой, а вы — насмешки... Загубите девушку, ой загубите!

Анисья Кирилловна. Да что вы взбеленились обе?

Дуня *(сквозь слезы)*. Разве голубь долетит до... Твери?

Анисья Кирилловна. Покойный муж не зря говорил: с этими Бурыкиными дерьмо хлебать хорошо — наперед забегают... *(Достала коробочку.)* Вот оно, колечко царское. А вон — голубь уже сидит... *(Выдвинула клетку, в которой расхаживал голубь.)* Гули-гули-гули!

Дуня *(растерянно)*. Как же... это?..

Анисья Кирилловна. Да так! Ежели просто сидеть да перст судьбы ждать — вот такую дулю получишь... *(И даже показала какую.)*

Бурыкина. Кирилловна! Придумщица! Дай я тебя расцелую!

Анисья Кирилловна. Ивана целуйте... Это он все устроил... Вам только царю находку предъявить, когда сюда приедет...

Бурыкина. Когда приедет?

Анисья Кирилловна. Сегодня. Оне завтра в заграницы уезжают, а сегодня велели помолвку устроить...

Бурыкина. Чего ж ты молчишь? Мы ж не присечены, не одеты...

Анисья Кирилловна. Кто молчит? Рта не закрываю. Это вы перебиваете!.. А еще ведь не про все сговорились. Ваня велел запомнить: голубок этот не в Тверь летал, этому царь не поверит... Скажите, мол, приехали вы три дня тому в Санкт-Петербург.. Остановились на постоялом дворе Кулякина, близ Петергофа... А у Кулякина — голубятня... Ванька ездил, проверял... Ферштеен зи?.. Утром сегодня, скажите, Дуня встала, говорит: «Гули-гули!» И тут сразу кольцо — к ней на крыльцо...

Дуня *(вздыхнув)*. Я так не смогу.

Анисья Кирилловна. Да не так, Ваня велел переказать своими словами.

Дуня. И своими не смогу.. Я врать не умею.

Анисья Кирилловна. Это почему же?

Дуня *(гордо)*. С детства не приучена...

Анисья Кирилловна *(зло)*. Ах ты дура стоеросовая! Ты что ж, сына мне погубить хочешь? Ваня два дни по всему Петербурху голубей отлавливал, а ты тут манерничать?! Да царь за обман враз голову ему оторвет!.. Ишь, курица! Врать она не приучена! Так научись, мать твою... так-разэдак!! *(Стукнула кулаком по столу.)*

Бурыкина *(испуганно)*. Анисьюшка, меня-то за что? Я же согласная...

Звук подъехавшей кареты.

Анисья Кирилловна. Все! Быстро пошли в те комнаты! Чесаться, одеваться, чтоб перед царем не опозориться! И без моего приказа не выходить!

Бурыкина и Дуняша выбегают в соседнюю комнату. Анисья Кирилловна прихорашивается. Быстро входит светлейший князь Меншиков со скульптурой под мышкой.

Меншиков (*оглядываясь*). Здорово, мамаша!
Анисья Кирилловна. Ох! Князь светлейший...
Александр Данилыч! Вот уж радость! Вот радость!

Меншиков. Ладно врать-то, Анисья. Когда в радость — на помолвку зовут!

Анисья Кирилловна. Да мы разве против? Не мы ж... протокол составляем!

Меншиков. Черт с ним... с протоколом. Хоть и не зван, но зато — с подарком. (*Ставит скульптуру в сторону.*)

Анисья Кирилловна. Это что ж за красotka такая? Богиня али нимфа?

Меншиков. Честно скажу — не знаю... Тяжелая, стерва, и очень дорогая. Это точно. Мне ее купеческое собрание поднесло, а купцы денег не жалеют... (*Взял ее под руку.*) Слушай, Анисья, это ведь я Ваньку в полку приметил да ко двору привез...

Анисья Кирилловна. Да мы разве не помним? Вечно благодарные...

Меншиков. Не надо вечно... Сейчас надо. Осерчал на меня царь, Анисья. Очень! Письма подметные прокурор Пашка Ягужинский ему показал... Счета разные липовые...

Анисья Кирилловна (*сочувственно*). Ой, чего только люди злые не напишут!

Меншиков. А если и не липовые?.. Кто не без греха?

Анисья Кирилловна. Золотые слова.

Меншиков. В общем, мирить меня с царем надо, Анисья. Срочно! А то дело в тайной канцелярии заведут, попадешь в пыточную к Шапскому — тут любой счет признаешь...

Анисья Кирилловна. Да неужто и вас могут, Александр Данилович?

Меншиков. А то нет?! Царю чем ближе человек, тем страшнее наказание... Жену в монастыре сгноил, сына родного единокровного казнил! Будет он меня жалеть или, скажем, Ваньку твоего?..

Анисья Кирилловна. А Ванечка при чем?

Меншиков. Все при чем! Тут клубок начни раскручивать — конца не същешь. В общем, спасай, Анисьюшка!

Анисья Кирилловна. Да как же я смогу?

Меншиков. Сможешь... Ты у нас умная. Хитрая. Недаром прозвали «Анисья — жопа лисья»!

Анисья Кирилловна. Это кто ж меня прозвал, Александр Данилыч?

Меншиков. Да все... Но из уважения, только из уважения!.. Послушай, чего я придумал. У вас помолвка? Так? Дело семейное, доброе... Выставь меня как крестного отца невесты...

Анисья Кирилловна. Дуняши?

Меншиков. Дуняши, Маняши — не в том суть... Петр твоего Ивана крестником считает, а я, стало быть, с другой стороны сяду.. Он жениху покойного отца заменил, я — невесте... Сели кумовья, выпили кубок «большого орла», замирились! А? Все по-людски! Хорошая мысль?

Анисья Кирилловна. Неплохая... Подготовить бы только...

Звук колокольчика.

Поздно... Приехали!

Меншиков *(глядя в окно)*. Точно! Полный парадный выезд... И шуты! И царь с царицей!.. И гренадеры!

Анисья Кирилловна *(испуганно)*. Батюшка Александр Данилович! Ты б лучше отъехал куда до времен...

Меншиков. Куда ж отъедешь? Там уж охрана весь дом окружила...

Анисья Кирилловна. Тогда в сарайчике спрячусь покуда... Я царя подготовлю. Скажу ненароком — мол, крестный приезжал, подарок привез... Может, бог даст, пронесет? Иди, иди. Через заднюю дверь... *(Выпровождает Меншикова. Испуганно крестится.)* Пронеси, Мать-заступница, оборони!.. *(Заметила, что в спешке молилась на картину с обнаженной.)* Тьфу, гадука... разлеглась!.. Прости, Боже, мя грешную!

Распахнулась дверь. С грохотом, с музыкой ворвались шуты, закружились в пляске. За ними Петр и Екатерина вводят наряженного Балакирева.

Шуты *(поют)*.

Ой вы славные ребятушки!

Ой, к невесте едут сватушки!

Ой, они вступают в горенку!
Ой, встречает голубь горлинку!!

Карлик *(солирует)*. Охуе...

Шапский *(нарочито строго)*. Что?!

Шуты *(подхватывают, как бы исправляя грубость)*.

...Ох, у ели-елки мы прощались...

Карлик. Охуе...

Шапский. Что?!

Шуты. ...Ох, уехал мил в поля...

Карлик. А я в жо...

Шапский. Что?!

Шуты. ...А я в жены не вязалась...

Карлик. Я не цел...

Шапский. Что?!

Шуты. ...Я не целый год ждала!..

Екатерина *(зжимает уши)*. Угомони их, Петруша!
Ну сил же нет...

Петр *(смеется)*. Им без похабели праздник — не праздник! *(Щелкнул Карлика в лоб.)* Ну все... гигант разума. Угомонись!.. А то таким сватам и невесту не отдадут! *(Анисье Кирилловне.)* Ну, здравствуй, мать! Гостей принимаешь?

Анисья Кирилловна. Господи... Да что ж я? Онемела от радости... Милости прошу, великий государь! Царица-матушка... *(Падает на колени.)*

Петр *(недовольно)*. Ну, встань... Быстро! Нету здесь никакого царя с царицей... Сват Петр Алексеич приехал. С женой Катей да с друзьями веселыми и разудалыми...

Карлик *(восприняв эти слова как приказ, заголосил)*. Как на ху...

Шуты *(подхватывают)*. ...как на хуторе заречном...

Карлик. Выйдешь сра...

Шуты. ...выйдешь сразу — зреет рожь!..

Петр. Тихо! Тихо! Дружка неумный... *(Анисье Кирилловне.)* Так что царей среди приехавших нынче нет, а принц имеется... *(Выводит Балакирева.)* Вот он... Ваней зовут!.. А по слухам, тут где-то в округе и принцесса отыскалась... Показывай!

Анисья Кирилловна. Вот же, батюшка Петр Алексеевич... Вот кольцо. Вот — голубь пойманный...

Балакирев. Мама, не про то тебя спрашивают..

Петр (*Балакиреву*). Ты молчи! Принц! Без тебя порядок соблюдем. Твое дело — молчать и благоговеть...

Балакирев. Благоговей, Петр Алексеич... Благоговей! (*Изобразил на лице смирение.*) Что сказано сватом, то и свято. На войну идешь — молись! Под венец — молись вдвойне. Женитьба есть — разженитьбы не придумали!..

Петр (*улыбнулся*). Вот так-то... Ну, показывай, мать, какую горлинку сей голубок выбрал. Где она?

Анисья Кирилловна. В той комнате, Петр Алексеевич... Спугалась очень. Прихорашивается... (*Подходит к закрытой двери, стучит.*) Невестушка, выходи! Гости к тебе!

Дверь открылась. Появилась разнаряженная Бурыкина.

Бурыкина. Здравствуй, царь-государь! Здравствуй, царица-матушка... Вот Бог сподобил радость увидеть вас живьем!.. (*Часто кланяется.*)

Шуты от удивленья даже присвищнули.

Карлик. Вот так невестушка!..

Шапский. Рожей не очень пригожа, да в молодости недурна была...

Лакоста. Ага... Старики сказывали, кто помнит..

Петр. Извини, Ваня, но голубь, видать, чуть подследповат оказался.

Анисья Кирилловна. Да это ж не она! Это ейная мамаша. (*Бурыкиной.*) Что ты раскланялась тут, дура? Дочка-то где?

Бурыкина (*оглядывается*). Вроде за мной шла... Ду-няша, где ты? (*Бросилась в комнату, через секунду вывела дрожащую от страха Дуню.*)

Петр (*удовлетворенно*). Это другой коленкор... А то я уж думал — как Ваньку выручать?.. А такая вот невеста — хороша. Верно?

Свита одобрила возгласами.

И как же зовут тебя, девушка?

Дуня (*заикаясь от страха*). Ду-ду-дуня...

Петр. Ну, здравствуй, Ду-дуня! Чего ж дрожишь так?..

Дуня. Бо-бо-бо...

Петр. Чего «бо-бо»? Никто тебе «бо-бо» делать не собирается.

Бурыкина. Боится она очень, государь.

Петр. Вижу. А чего ей бояться, когда от судьбы жребий счастливый выпал? Тут радоваться надо! Ну, веселей, Дуня! Расскажи, как все получилось. Как кольцо нашла? Где?

Дуня *(с трудом выдавливая)*. Гули-гули... Кулякин... Гули-гули. Кулякин.

Петр. Чего?

Бурыкина. Да она хочет сказать: в Кулякине мы с ей остановились...

Петр. Где?

Бурыкина. В Кулякине... Тьфу! В Петергофе... у Кулякина остановились... в голубятне...

Петр. Ты, мать, запутала нас совсем! Помолчи. Иль решила во всем дочь подменять? Ты жениху кто? Теща! Значит, знай свое место... *(Подмигнул шутам.)*

Карлик *(выскочил вперед, запел)*.

Что же это я сижусь?

Что же это я стою?

Из портков не вынимаю?..

Конфетку теще не даю?

(Порывшись, вытащил из штанов конфетку, протянул Бурыкиной.)

Бурыкина *(Карлику)*. Благодарствую. *(Сунула конфетку в рот.)*

Екатерина. Нет, так нельзя. *(Шагнула к мужу.)* Совсем запугал женщин, Петруша. Кто? Что? Да как?.. Сватовство у нас или дознание в канцелярии?

Петр. Хотелось все по правде, мутер... Так интересней... Ну, ладно. Стесняются рассказывать — неволить не буду... Посмотрим голубка. Вестника судьбы, так сказать. *(Подходит к клетке, достает голубя.)* Вот он, красавец!.. *(Анисье Кирилловне.)* Я ведь их пометил, перед тем как в небо запускать... Вот тут, под крылом, метку... Вот она... Нашел! Правда, я под правым крылом метил, а тут — слева. Ну, это ерунда! *(Балакиреву.)* Верно, Ваня?.. И то сказать: когда он крыльями машет, поди разбери — где лево, где право?

Балакирев *(испуганно)*. А есть такие турманы — вообще задом-наперед летят..

Петр. Да? Сейчас проверим... *(Достал голубя из клетки.)* Спасибо тебе, голубок! Ты свое дело честно сделал, колечко донес, Божью волю выполнил... А теперь лети домой, к своему Кулякину!! *(Выпустил голубя в окошко, смотрит.)* Во! Полетел!.. Передом причем! Но вернулся... На сарайчик сел... *(Шапскому.)* Как думаешь, кнутмайстер, к чему бы это?

Шапский *(с усмешкой)*. Думаю, государь, ему еще чего-то хочется сообщить...

Балакирев. А может, он пригрелся здесь за день-то, Петр Алексеевич?

Петр. Нет, Ваня. Я сам — старый голубятник. Голубю, чтоб к новому месту привыкнуть, полгода надо в доме столоваться...

Балакирев. Да мы и не кормили его ни разу, ей-богу!.. Он вообще дурной. Ему зерно сыплешь — он палец клюет... Во! *(Показывает палец.)*

Петр *(с усмешкой)*. Это еще хорошо... Иной и в глаз бьет!

Екатерина. Подожди, Петруша... Зачем же сразу подозрения? Может, улетит еще... *(Хлопнула в ладоши, закричала в окно.)* Лети отсюда! Кыш! Хераус!!! Геен цурюк! Шнеллер!

Петр. Нет, мутер... Видно, ни по-русски, ни по-немецки не согнать. Кочергой разве что попробовать? *(Взял стоящую возле печи кочергу.)* А вы чего смолкли-то? Веселитесь, братцы! *(Решительно направился во двор.)*

Карлик *(привычно заголосил)*. Как на ху.. как на хуторе заречном. Выйдешь сра... выйдешь — сра... зу зреет рожь...

Балакирев *(зло)*. Угасни, огарок! *(Упал на колени перед царницей.)* Государыня-голубушка Екатерина Алексеевна, заступись!

Анисья Кирилловна *(заголосила)*. Не погуби, царца!!

Балакирев. Голубь взаправду дурной... Порода такая... Татары завезли...

Екатерина. Да подождите вы пугаться раньше страха... Осерчает царь да и отойдет. Мало ли что в жизни случается? Ну, скажите — перепутали птицу в сарайчике...

Анисья Кирилловна. Ой, матушка... там ведь... в сарайчике... такая птица... Ой, чувствую, беда пришла!

В распахнутую дверь Петр вталкивает изрядно помятого и обсыпанного соломой Меншикова.

Петр (*торжествуя*). О, какой голубь сизокрылый! Во какой турман-мордаhey мне попался! Все поглядите!

Меншиков (*улыбаясь через силу*). Ну что ты, мин херц? Я ж объясняю...

Петр. Всем объясни, чего там делал... Иль, может, голубям гнилую коноплю сбывал? Как провиант в армию?

Меншиков. Ну зачем так-то, мин херц?! При людях низших званий... Ей-богу, я здесь по родственной части... На помолвку приехал... (*Указывая на Дуню.*) Это ж крестница моя любимая... Ну, чего молчишь, Маняша? Аль не узнала своего крестного папку? А?.. Маняша?

Наступила пауза. После чего Дуня с легким стоном упала в обморок. Бурыкина подхватила ее.

Петр (*зловеще*). Узнала тебя Маняша! Узнала. Вишь, как обрадовалась...

Бурыкина. Дуняша она.

Меншиков. Да помню я. Сам ведь имя давал. Просто подзабыл... Правду говорю, мин херц... Ну вот хоть Анисья Кирилловна пусть подтвердит. Я загодя сюда приехал, подарок молодым привез... Богиню любви Афродиту.. А потом продышаться вышел... Во двор... Ну подтверди, Анисья!

Анисья Кирилловна. Да, государь... Вон она — Афродита...

Петр (*подошел к скульптуре*). Это не Афродита, светлейший князь... Когда тащишь что ни попадя, хоть спрашивай имя-звание! Это Афина Паллада, греческая богиня мудрости и правосудия... Строгая богиня! Вишь, она в руке свод законов держит? (*Пригляделся.*) А под сводом еще какая-то бумажка прилеплена... (*Достает конверт, разворачивает. Обнаруживает записку.*) «Светлейший князь Александр Данилыч! Купцы Олег и Василий Шубины делают свой приклад к тому подарку, што вы с них взяли... А остальное, как ране договаривались, получите

позже...» Так зачем позже, Данилыч? Сейчас все и получишь! Шапский!

Шапский. Я здесь, государь.

Петр. Передашь Ягужинскому! Пусть приобщит к делу. *(Отдал Шапскому конверт.)* И допрашивать Меншикова с пристрастием... Ты понял меня?

Шапский. Как не понять, государь? У прокурора пристрастие к светлейшему давно зреет..

Меншиков *(опускается на колени перед Петром)*. Сам накажи, мин херц! Грешен, каюсь... Палкой забей до смерти, но сам!..

Петр. Я об тебя, мерзавец, все палки сломал! Ни черта не помогает, только леса зазря гублю... Пусть уж Шапский над тобой поусердствует.. На дыбу его подвесить, а к ногам вот енту мраморную Афины привязать. Чтоб ощутил весь груз законов на себе...

Шапский. Ой, лихо придумано! Не сомневайся, государь, исполню!..

Екатерина *(робко)*. Ты б сгоряча не решал, Петруша... Утро вечера мудреней.

Петр *(заскрипел зубами)*. А вот ты, Катя, молчи лучше сейчас... Видишь же, закипел внутри, пар рванет!..

Екатерина. Я потому и говорю. Как бы приступ не начался...

Петр *(впадая в бешенство)*. Ты бы раньше о том думала, мутер... Раньше! Когда всем пакостям светлейшего благоволила... Добренькой жалаешь быть, а они нашу доброту — в вексель да в займы... Всю империю растащат на куски! Все разворуют.. Ну, ничего! Турки у воров руку рубят, а у нас, слава богу, царь православный... Он головы будет рубить! Головы!

Петр что-то еще хотел сказать, но вдруг скорчился, упал на пол, захрипел, забился судорогой. Все переполошились, бросились к нему.

Анисья Кирилловна. Дохтура! Дохтура скорей!

Меншиков *(пытаясь удержать судорогу)*. Голову.. Голову ему держите!.. Катерина, ну чего стоишь? Ворожи, а то побьется...

Екатерина *(склонилась над мужем, прижала его голову к груди)*. Ну, милый... Ну, родной... Все обойдется... С тобой я. С тобой, царь... Уходи, гнев, затихай, злоба...

(Повернулась к шутам.) Музыка играйте... Тихую! Самую тихую!

Зазвучала тихая мелодичная музыка. Шуты чуть усилили ее своими голосами. Петр открыл глаза.

Петр. Дай платок, Катюша...

Екатерина. На, Петечка, на. (Дает платок.)

Петр (утирая лицо). Прошу у Господа иной раз смерти, а он не дает. И то, Его правда, — на кого мне державу оставлять? Сына нет, друг — вор, одна жена и та дура добрая...

Екатерина (гладит его голову). Ты только не нервничай по пустякам, Петруша. Отдохни.

Петр. ...Шуты мои любимые, для утехи созданные, и те пакостники! Я ведь чему вас учил, дураки? Вы при дворе, словно Божьи люди при церкви, — для чистоты душевной созданы. Будь ты глуп, но будь и чист! Хитер, да наивен! Вам высшая власть мной дана — любому вельможе правду говорить и не таиться... А вы?! Мат-перемат да жопой свистнуть... Вот и вся ваша доблесть. А с тебя, Иван, особый спрос... Ты любимцем царя был, веселить его должен, а не за спиной царской над ним же и посмеиваться... Я ведь и вправду поверил, что ты у судьбы жребий искал. Вот, подумал, — шут, а о Боге подумал. А ты и Бога решил перекупить за недорого... Эх! (Шапскому.) Бери его, князь-папа, обратно в шутовскую! Кнутом учи, пока умней не станет да кожу не сменит!

Шапский. Это мы с удовольствием, государь... (Подходит к Балакиреву, набрасывает ему кнут на шею.) Ну, принц, теперь, значит, твоя очередь меня целовать в царское место...

Дуня неожиданно рванулась вперед, упала перед Петром на колени.

Дуня. Царь-государь, не вели мучить Ваню, не виноват он. Это я все придумала. Я, глупая! И кольцо ukrала... И голубка подменила... Все я!.. Меня казни! А он и не знал ничего, не ведал... Ванечка мой... (Плачет.)

Петр. Ну что ж ты несешь, глупая?.. Хоть бы врать-то научилась.

Дуня (плача). Научусь, государь! Непременно научусь! Только Ванечку моего не губи...

Пауза.

Петр. Вот он, жребий твой, Ванька! Полюбила девушка так, что жизнь свою за тебя готова положить... Какой тебе еще, к ляду, перст судьбы нужен?.. Чего глупости устраивать?.. Я думал, Иван, ты уже умный дурак, а ты еще дурак дураком... *(Встал.)* Ну, ладно! Последний раз всем отступ даю... Прощаю до первого проступка!.. *(Меншикову.)* Тебя который раз прощаю?

Меншиков. Осьмой, мин херц.

Петр. Осьмнадцатый, светлейший. И тут сжульничал... Девятнадцатый теперь, значит, запомни. А сейчас всем гулять с шутами, жениха с невестой славить!! Мне одному тут побыть надо, дух перевести!

Екатерина. Я с тобой посижу, Петенька...

Петр. Сказал же — одному!.. Ступай... к шутам!

Шуты тихо запели нечто лирическое, вместе с молодыми и гостями ушли в глубь сцены, в другие комнаты.

Петр сидит молча, задумавшись. Начинает смеркаться. В глубине сцены появляется Ягужинский со свечой в руке и папкой с бумагами.

Ягужинский. Дозволь, государь?

Петр молчит.

Охрана предупредила, что отдыхаешь, но я дерзнул...

Петр молчит.

В связи с делом Меншикова...

Петр. Прощен. В последний раз.

Ягужинский. На то и государь, чтоб миловать... Тут новая беда. В связи с делом Меншикова произведен был обыск в канцелярии камергера Монса. Нежданно много пакостных писем обнаружилось. И все от государственных людей...

Петр. Чего им от камергера надобно?

Ягужинский. Кому чего... Кто повышенье в чине просит. Кто — деревню... Кто — ссуду из личных средств.

Петр. Каких таких средств? Откуда у Вильки средства?..

Ягужинский. Подпись государыни — средство сильное. За то и благодарности получал *(Заглянул в папку.)* Вот от Меншикова — пять тысяч. От Апраксина —

шпага позолоченная... От Голицина — тройка лошадей... Тут большой список...

Петр. Зачем взятки в тетрадь-то записывать?

Ягужинский. Немец. Во всем порядок любит...

Петр (*сердито*). Ну и ты, русский, полюби порядок, коли так! Ты у царя осведомитель аль прокурор?! Поймал за руку лихоимца — арестуй!

Ягужинский. Он уже под арестом, государь. Тут другое...

Петр. Чего «другое»? С царицей сам разберусь... Дура простодушная! Ей трон оставляю, а она как дитя малое... Всякую шельму жалеет. Ведь специально в камергеры Монса ставил, чтоб в строгости держала... (*Повернулся к Ягужинскому.*) Чего молчишь?!

Ягужинский. Потому не смею и говорить... Тут еще записочки обнаружились... Только ты их сам прочти, государь! (*Передает письма Петру.*)

Петр (*заглянул в записку*). «Майне либе Кетхен! Майне вундершойн Медхен...» Что это? Стихи, что ль?

Ягужинский. Не берусь судить... Я по-немецки не очень.

Петр (*вглядываясь в записку, что-то бормочет по-немецки*). «...унд кюссен, — «целую» значит, — зих ихре цартхайте халз»... Что за «цархайте халз»?

Ягужинский. «Твою нежную шею»... По словарю сверял.

Петр (*гневно*). Смотри, Паша! С огнем играешь... Ты зачем эти записки мне принес? Может, он и не посылал их вовсе?

Ягужинский. Посылал, государь. Это копии. Да там и ответы царицы имеются... Я их просто переводить не решился...

Петр (*смял записки*). Не верю! Все вы, сукины дети, царя обманываете, но чтоб и Катя? Не верю! Что у ней до меня было, того, считай, не было. При мне живом — ничего нет и не будет!! Это Монс, подлец, специально подстроил, чтоб, если на взятках царице попадетсся, отступного требовать... Где он? Вези к нему!!

Ягужинский. Я его уже сюда доставил. Только сам допроси, государь. Тет на тет. Без свидетелей. Чтоб даже я не знал...

Петр. Ишь какой! Все вокруг царя вьетесь, а как ему трудно — пусть сам выкручивается? Будешь свидетелем! За то тебе прокурорское жалованье плачу! Кто еще про эти письма мог знать?

Ягужинский. Ванька Балакирев. Он на посылках был, цидульки разносил... Но, думаю, не читал... Вроде парень честный.

Петр. На дыбе проверишь!! А сейчас — приведи Монса!

Ягужинский быстро выходит. Петр молча сидит, уставившись в одну точку.

Где-то далеко шуты запевают протяжную песню...

Сопровождаемый Ягужинским, появляется Монс. Он не замечает Петра.

Ягужинский. Сюда, пожалуйста, Виллим Иванович! Проходите, не опасайтесь.

Монс. Опасаться следует вам, сударь! О вашем самоуправстве немедленно доложу государю, как только представится случай!

Ягужинский *(с улыбкой)*. Представится, Виллим Иванович! Непременно представится! *(Улыбается.)*

Монс *(резко)*. И вот уж улыбок ваших бессмысленных, Павел Иванович, я более терпеть не намерен! Вам это не личит, поскольку для шуток потребна свобода мышления, а вы сим качеством не обладаете!

Ягужинский. Да уж извините, Виллим Иванович... Я уж и стараюсь улыбку сдерживать, да не всегда выходит... А куда обернитесь, голубчик, с вами поговорить хотят...

Монс. Кто еще? *(Резко оборачивается.)*

Петр подходит к Монсу, долго смотрит ему в глаза. Монс не выдерживает взгляда, неожиданно падает в обморок. Петр устало опускается на стул, быстро подставленный Ягужинским.

Петр. Вот ты ничего лишнего и не услышал, Паша! Верно?

Ягужинский. Нет, государь. Спасибо тебе!

Появляется Екатерина с двумя стаканами чая.

Екатерина. Я тебе, Петруша, сюда решила принести... *(Осекается, увидев лежащего Монса.)*

Петр. Спасибо, мутер! Горло пересохло... Садись! Выпьем с тобой чайку!

Ягужинский быстро ставит второй стул. Екатерина садится напротив. Несколько мгновений они молча пьют чай над распростертым на полу Монсом.

Где-то далеко шуты запевают унылую песню.

Петр. Чего-то скушно они поют... Паша? Сходи! Попроси, чтоб повеселей...

Ягужинский. Непременно, государь... И опять спасибо тебе. *(Быстро уходит.)*

Екатерина *(испуганным шепотом)*. Чего со мной теперь будет?..

Петр. ...Письма твои, Катя, всегда любил читать... Неграмотно, и каракули вроде по-русски рисовала, а уж так-то потешно получалось...

Екатерина. Казнить надумал?..

Петр. ...«Грздо о тебе скучаю, друг мой сердечный Питер... Пожалуй в забвение нас не учини, к нам пребывай али забирай к себе...» *(Усмехнулся.)*

Екатерина. Не говори сейчас так, Петя. Скажи по-другому.. Как умешь! «Блядва! — скажи. — Сука!»

Петр. Нельзя! С царицей на Руси так не разговаривают!

Екатерина *(кричит)*. А ты порви завещание! Прошу тебя, Петя! Сделай милость, сам живи да царствуй!

Петр. Я мертвый уже, Катя. Неужто не видишь?

С шумом и песней врываются шуты. Впереди Балакирев.

Шуты *(поют)*.

Ой, судари-судари
Ой, дури-дури-дури!
Как на елке, на ели,
Пташки свадьбу завели,
На самой на макушечке,
Венчались две кукушечки!

Ягужинский *(подшел к Петру, тихо)*. Балакирева когда брать?

Петр. Ну не сейчас же... Экий ты жестокий, Павел! Пусть допоют...

Балакирев и шуты (поют).

Заплетается язык,
Языкнулся заплетык!
Говорят, мол, в бабах худо.
В девках хуже и того:
Повернешься с боку на бок —
Рядом нету никого...
Ой, судари-судари!
Ой, дури-дури-дури!..

Часть вторая

Музыкальная интермедия

Шуты запевают протяжную песню про то, что от сумы и тюрьмы в России зарекаться нельзя. Песня сопровождается аккомпанементом кандалного перезвона.

Картина пятая

Тюремное помещение. За столом — Ягужинский. Охранник вводит Балакирева. Тот в тюремной робе, на ногах кандалы.

Охранник. Ваше превосходительство! Каторжанин Иван Балакирев доставлен!

Ягужинский (недовольно). Зачем кандалы?

Охранник. Ранее замечен был в попытках к бегству!

Ягужинский. Снять немедленно! (Охранник поспешно достал ключ, отстегнул кандалный замок.) Ступай! (Охранник вышел.) Ну, здравствуй, Балакирев!

Балакирев. Здравия желаю, ваше сиятельство!

Ягужинский. Молодец. Отвечаешь бодро. Выглядишь хуже... Тяжела, видно, жизнь каторжная?..

Балакирев (поспешно). Никак нет. Жалоб не имеем. Все хорошо.

Ягужинский (с усмешкой). Врешь... Коли хорошо, зачем убегал?

Балакирев. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, — я только во сне убегал. Наяву сидел как положено.

Ягужинский. Как это — во сне? Куда во сне?..

Балакирев. В Тверь. Домой... Дуню повидать...

Ягужинский. И кто ж тебя там поймал... во сне?

Балакирев. Посидельцу одному про сон поведал, а он охране пересказал... Меня сразу в кандалы!

Ягужинский. Дурачье! Не понимают, что во сне и в кандалах убежать можно...

Балакирев. Осмелюсь возразить. С умом все сделано: в кандалах человек вообще не спит...

Ягужинский *(недовольно)*. Ах дикость российская! Уж сколько с ней покойный царь Петр Алексеевич боролся, дубиной вышибал, а она все в нравах наших *(Заметив удивление Балакирева.)* Чего вылупился? Не знал про смерть царя?

Балакирев. Нет.. Когда ж сия беда случилась?

Ягужинский. Уж боле двух месяцев, как государь Петр Алексеевич скончался... Упокой Бог его душу! *(Крестится.)* А кто сейчас правит на Руси, знаешь?

Балакирев. Никак нет.

Ягужинский. И охрана не сказывала?

Балакирев. Так не спрашивал...

Ягужинский. Да что ж это у нас за народ такой? По каторгам сидят и даже не интересуются, при каком таком правлении страдают? Знай же: царица Екатерина Первая нынче на троне... При ней делами управляет специальная коллегия сенаторов. В последствии же российский трон перейдет либо ее дочери Анне Петровне с принцем Голштинским, либо внуку Петру Алексеевичу, сыну Алексея Петровича, либо дочерям Иоанна, брата Петра Алексеевича, Анне Иоанновне, Прасковье Иоанновне, Катерине Иоанновне, либо их тетке Анне Леопольдовне... Чего заморгал-то?

Балакирев. Леопольдовне... Запоминаю, ваше сиятельство!

Ягужинский *(усмехнулся)*. Не забивай голову! Главное запомни: помилование к тебе пришло от прокурора Павла Ивановича...

Балакирев. От кого ж каторжанину добра ждать, как не от прокурора? Век вам благодарные!..

Ягужинский. Ты это сейчас с подгребкой сказал? *(Улыбнулся.)* Молодец! Я теперь подгребки понимаю и сам ими пользуюсь... Вот, к примеру, Иван, ты ведь не знаешь, что в столице зимой творилось... Царь в страшный гнев тогда вошел. Монсу голову отрубил. А потом и дру-

гие головы полетели. Министры... Генералы! Шутовская команда ваша тоже под руку попала! Педрилку-итальянца помнишь? Финита ему вышла!! Царь лично палкой прибил!.. Карлика, что про курей пел, — того тоже прибил! Вместе с курами! Короче, в живых из старой команды остались Ушастый, Лакоста да ты! А почему? А потому, что я по доброте душевной вовремя вас всех в тюрьму посадил! *(Смеется.)* Во, какая прокурорская шутка получилась. Чего ж не смеешься?

Балакирев. С первого раза не забрало, ваше сиятельство. Тонковато! Ежели еще разок каторгой облагодетельствуете, оно веселей и пойдет..

Ягужинский *(обрадованно)*. Давно б так! Узнаю друга Ваню! Знать, пора ему в баню... *(Смеется.)* Вот это «Ване — баню» после меня так в народ пошло — ну все-все вокруг повторяют.. Ей-богу! *(Кричит.)* Эй, Шапский! Давай «Ванечку — веничком!» Поддай-ка пару, чтоб было ему в пору.. *(Замялся.)* Не, тут пока не складно... Ну, ничего! Мы с тобой, Ваня, вместе это докаламбурируем... Вместе! Дай только срок! *(Уходит.)*

Повалил пар. Появился Шапский с вениками. Левый глаз у него перевязан повязкой. С шумом ворвалась шутовская команда, загремела шайками, заплескала водой. Сорвали с Балакирева одежду, расстелили на палатах, Шапский затряс вениками, засвященнодействовал.

Шапский. Расслабсь, Ваня! Не кнутом же огуливаю... От веничка березой начнешь пахнуть, сок побежит, почки набухнут.. И-ех! И-ех! *(Хлещет веником, Балакирев сладостно покряхивает.)* Стони, Ваня! Кричи! Шоб тот свой крик в пыточной перекричать... И-ех! Ты если на меня обиду имеешь за прошлое, то — зря. Я ведь тогда, считай, спасал тебя от беды!.. Это у нас, у кнутмайстеров, такая хитрость имеется: кого очень любим — бьем кратко, но сильно!.. Чтоб подследственный сразу в бессознательность улетал и ничего лишнего на себя наговорить не мог.. Уж на меня и обер-прокурор гневался! Погоди, говорит, махать, он сейчас в чем-то уже признаться хочет.. А я тебя — р-раз! — поперек спины, и ты снова в отключке... Можно сказать, от плахи спас!

Балакирев. Спасибо, князь-папа. Век не забуду!

Шапский. Сочтемся!.. Ты сейчас команде нашей очень надобен. Русского шутовства ведь и не осталось. При дворе — Голштинские да Остерманы верховодят. Моду завели шутковать только на немецкий манер... А какие у немцев шутки: воздух подпортить да на яйцо сесть?.. Дикость!.. Наследника, мальчонку Петрушу Второго, и того испортили... Научили забаве — шуту на голову яблоко поставить да из лука стрельнуть... «Вильгельм Тель» шутка прозывается.

Балакирев. Это он тебе левый глаз-то?..

Шапский. Правый. Теперь остатний левый специальной кольчужкой прикрываю... Ты тоже поостерегись, когда к нему поведут!

Балакирев (*испуганно*). Зачем? Нет... Я свое отшутил! Я в отставку надумал проситься... Домой... В деревню.

Шапский. Рано в деревню... России послужить надо, Ванька! Остынь!.. (*И окатил Балакирева шайкой ледяной воды.*)

Балакирев взвизгнул. Шуты накрыли его простыней, туго запеленали, убежали со смехом.

...Появилась фрейлина Головкина, сняла простыню.

Головкина (*приветливо*). Здравствуй, Ванечка!

Балакирев (*прикрывшись рукой*). ...Ой! Срам! Сударыня, я ж голый!

Головкина. Да чего ж стыдиться, Ваня? Мы ж при дворе служим... Да и что енто за срам, коли он у тебя в одной ладошке поместился?.. (*Смеется кокетливо.*) Иди ко мне, глупенький.

Балакирев. Зачем?

Головкина. Не бойсь... Дурного не сделаю. (*Достала опасную бритву, открыла лезвие.*) Иди, кому говорю! Велено тебя побрить-постричь на европейский манер...

Балакирев перекрестился, подошел, сел. Головкина ловко намылила ему физиономию, заработала лезвием.

Височки нынче носят короче... А усики — ниточкой али таким «саксонским червячком»... Не дергайся! Я ж стараюсь...

Балакирев. Благодарствую, сударыня. Но я за прошлые ваши старания цельный год отсидел.

Головкина. Думаешь, я донос на тебя писала?

Балакирев. Думать в тюрьме не положено. Показали — прочитал.

Головкина (*невозмутимо*). Это меня Ягужинский заставил. Сама ж была против... Вот те крест! Со слезами писала — так тебя было жалко... Но нынче — все! Переметнулась. (*Тихо*.) Я нынче под Шафировым. Он обходительней и к царице нынче ближе... Тебе, кстати, тоже гостинчик прислал... (*Вынула пульверизатор, стала опрыскивать Балакирева. Тот недовольно вскочил.*)

Балакирев. Не нужен мне ваш гостинчик! Ничего не нужно! Домой я уезжаю! К маменьке!

Головкина. Чего орешь? Придет срок — пошлют и к маменьке... А нынче при дворе она служит. И Дуня твоя тоже при дворе... И ребеночек...

Балакирев. К-какой ребеночек? Чей?

Головкина. Говорят, твой... вроде... А может, и не твой? Какая разница, Ваня? Мы все здесь, при дворе, как одна семья...

С шумом входит Меншиков.

Меншиков. Иван! Сукин кот! Где ты? Не один, что ль?

Головкина. Один он, один... (*Поспешно собирает парикмахерские принадлежности.*)

Меншиков. Пошла вон! Бесстыжая! Придумали на курляндский манер с мужиками париться...

Головкина. А то я с вами на русский манер не парилась...

Меншиков. Иди отсюда, кому говорю!

Головкина испуганно убегает.

Совсем в России порядка не стало. Уж и в бане под каждой шайкой — шпиен... Ну, здорово, Иван!

Балакирев. Здравствуйте, Александр Данилович!

Обнялись.

Меншиков. Вот мы и снова свиделись. И снова ты голый, как тогда в полку.. на дежурстве, когда первый раз увидел. (*Втянул носом воздух.*) Фу! Как она тебя Шафировым-то провоняла... Придется дух его перешибать! (*Полез в карман, достал флагу.*) Давай помянем государя на-

шего великого, друга моего незабвенного Петра Алексеевича... *(Налил Балакиреву в чарку, сам глотнул из фляги.)*

Балакирев *(вылив)*. Ух! Крепка водка княжеская...

Меншиков. Царский рецепт. Спирт, на «гонобеле» настоянный... Ну, давай по второй... За дам. За царицу нашу обожаемую, Екатерину Алексеевну!

Балакирев. Святое дело!

Выпили.

Меншиков. И сразу по третьей, чтоб разговор потек...

Балакирев. Не откажусь! На посошок!

Меншиков. Далеко ль собрался?

Балакирев. В деревню... В отставку думаю проситься...

Меншиков *(погрозил кулаком)*. В отставку солдат только в гробу уходит! Понял? Ты мне тут надобен... Пей!

Выпили.

Меншиков *(завинчивает пробку)*. Фляга пульей семь раз простреленная, а не течет. Всю северную войну со мной прошла, в кунсткамеру отдал... А ныне обратно вернул. Такое времечко пришло, Иван: не выпьешь с утра — дня не проживешь. Царь-то, умирая, завещания ведь не отписал... Сказал только: «Оставляю все...» — и душа отлетела. А чего «все»?.. Кому «все»?! Сразу тут такое началось!.. Народ зашумел. Сенат затрясся. Кабы я тогда ночью не ворвался во дворец с преображенцами, не быть бы Кате царицей... А все же трудно державу держать без ясного Петрова указа. Бояре мальчишку, внука его, на трон тянут... Нас, конюховых детей, люто ненавидят. Да и соратнички мои, графы да бароны, которым я же родословные подарил, теперь под меня и копают! Ягужинский — с одной стороны, Шафиров — с другой... Прямо Полтава на Неве. *(Таинственно.)* А хуже всего с Екатериной... Уж, кажется, знаю царицу давно, и душевно, и на ощупь... а вот нет. Подсадил на трон — она умом поехала... Взаправду решила, что державой командовать сможет... Пить начала. Трубку курит... Вакханкой сделалась! И указы издает... «Исполняя волю нашего покойного государя, повелеваю...» А волю-то Петра по снам разгадывает... Ей-богу! У нее на эту дурь совсем ум за разум

зашел. Говорит, вещие сны ей снятся каждую ночь... И она по им живет. Ты, Вань, сны толковать умеешь?

Балакирев. Не очень. Так, чему бабка учила: хлеб видишь — к дождю, говно — к деньгам...

Меншиков. Нет... Это и я знаю. У царицы совсем непонятные сны... Вот вчера рассказывала: иду, говорит, в горах, Альпах, с козленочком... Подходят к ручью... Козленочек и говорит: сестрица, сестрица, можно воды напиться? А она его вдруг как толкнет в пропасть... И сама смеется... А он пьет... Нет, погоди, напутал... Он летит... Она пьет... Или оба?.. Такой вот дурацкий сон! К чему?

Балакирев (*подумав*). Может, и вам не пить боле, Александр Данилович?

Меншиков. Не получается, Ваня... (*Достал флягу, хлебнул*) Струны внутри натянуты, колки надо чуток отпустить. Ведь всю жизнь под страхом живешь... Вот я ныне всего достиг, генерал над генералами стал, а все равно, как Петра вспомню, мурашки бегают... (*Перешел на шепот*) Говорят, он и сейчас часто ночами по дворцу ходит...

Балакирев. Кто?

Меншиков. Царь усопший.

Балакирев (*испуганно крестится*). Свят... свят...

Меншиков. Охрана видала... Появляется, сказывают, такой весь бледный... в голубом парадном комзоле... шляпе... в башмаках стоптанных... О, гляди!!

При этих словах Меншиков вдруг издал какой-то странный звук ужаса и ткнул пальцем в глубь коридора. Балакирев испуганно обернулся.

Из темноты медленно и торжественно к ним плыла фигура Петра, одетого в парадный камзол...

Меншиков и Балакирев разом рухнули на колени.

Меншиков. Не погуби, мин херц!! Не погуби! (*Крестится*)

Балакирев (*бьет лбом об пол*). Невиновный я, Петр Алексеич. Враги очернили... Отпусти меня, царь, со двора! Я боле в тюрьму не хочу!

Меншиков. И я не хочу! За обоих, Ванька, проси... За обоих!..

Фигура Петра остановилась перед ними. Из-за нее вышел худенький старичок, художник Растрелли.

Растрелли (глядя на стоящих на коленях Меншикова и Балакирева). Ноте белло, синьоры! Нехорошо!.. Нельзя молиться истукан!.. То первобытное язычество есть...

Меншиков (поднял голову, обалдело смотрит на старичка). Ты кто?

Растрелли. Я есть итальянский художник Растрелли. А это — восковой фигур царь Петр Романов. Сделан мной по приказу императриц...

Меншиков (поднимается с колен). Ну, дед... Ну, Растрелли хренов... Да тебя уже за одну фамилию к стенке ставить пора! Ты что, совсем одурел — такую особу по коридорам возить?!!

Растрелли. Императриц велель доставить сей фигур в Большой зал...

Меншиков (передразнивая). «Императриц велель»... Так ты доставь как положено. Чай, не шкаф везешь?!. Предупреждать же людей надо! У всех нервы сейчас как тетива... (Берется за ручку тележки, на которой установлена фигура.) Отойди, итальянец!.. Твое дело слепить, а дальше уж мы сами своего государя до места доведем... Подмогни, Иван!

Балакирев взялся за ручку. Вдвоем они медленно повезли фигуру по коридору, выкрикивая: «По-берегись!! Русский царь Петр Алексеевич идет! По-бере-гись!!!»

Затемнение

Картина шестая

Резкий музыкальный аккорд, напоминающий звук охотничьей трубы.

Топот копыт. Лай собак. Выстрелы...

Через анфиладу дворцовых комнат гневно шагает Екатерина. У нее на голове треуголка Петра, в руках — трость. В зубах — трубка. За царицей семят испуганные фрейлины. Среди них — Анисья Кирилловна и Бурыкина.

Екатерина. Всех выгоню!.. Всех! Не зря, видать, царь Петр об вас дубинку сломал, надо и мою на прочность проверять! (Замахнулась на фрейлин тростью, те рухнули на колени.)

Анисья Кирилловна. Казни, царица, но не виноватые мы...

Бурыкина. Не виноватые!..

Екатерина. А кто ж виноватый?

Анисья Кирилловна. Коли начистоту — принц Голштинский... Карл-Фридрих-Теодор...

Бурыкина. Голштинский... Теодор...

Анисья Кирилловна. Это он, принц, взял поутру царевича Петрушу на охоту.

Бурыкина *(подсказывая)*. На псовую...

Анисья Кирилловна *(Бурыкиной)*. Не кукуй ты, мать, над ухом! *(Екатерине)*. На псовую...

Екатерина. И что?

Анисья Кирилловна. Поначалу — ничего. Потом двоих подстрелили...

Екатерина. Кого? Псов, что ль?

Бурыкина. Одного — пса... Другой — егерь оказался.

Екатерина. Господи! Пресвятая Богородица! Что творят! *(Испуганно крестится)*

Анисья Кирилловна *(Бурыкиной)*. Погоди ты пугать царицу, Степановна! Успеет ешшо! *(Екатерине)*. Не подстрелили, а так — чуток подранили... Пес, конечно, сдох, а егерь ничего... Да и что ему сделается — мужик беспородный. Ему свинец в жопе — только крепче сидеть!!

Бурыкина. Это верно. А уж потом...

Анисья Кирилловна *(перебивая)*. ...А уж потом охотнички наши разогрелись, перезарядились... И тут как раз из кустов энтот французский посол... как его прозывают-то... месье Де Тертерьян...

Бурыкина. В буклях...

Анисья Кирилловна. В буклях весь... де Тер-тер... И сам тоже на тетерева похож!.. Ну, наш Петруша, как шум в кустах услыхал, так из двух стволов — жак!!!

Екатерина. А вы-то, дуры, куда смотрели?

Бурыкина. Мы в трубу смотрели... С пригорка!

Анисья Кирилловна. Нас же не допускают... Сказали — не бабское, мол, дело охота!..

Екатерина. Кто сказал? Кто мог сказать, коли я велела? Да будет ли при дворе порядок?! Нет, не могу! Сломаю палку, ей-богу, сломаю! Унмеглих!! *(Напряженно пытается сломать трость двумя руками, это у нее не получается, в отчаянии отшвыривает палку, фрейлины испуганно дрожат)*. Я вам, дурам, сколько объясняла: при дворе нет баб-мужиков. Все вы — при должностях!! Вас няньками

к царевичу приставили. К наследнику престола российского! Значит, вы ни на шаг от него отходить не смееете...

Анисья Кирилловна. Мы-то не отходим. Он, пострел, от нас все убегает!

Екатерина. Держать! Хоть на цепи, но держать!

Анисья Кирилловна. Он и цепь перегрызет! Мальчишка-то с норовом, дедовская кровь бушует. Да и не в себе он часто бывает... Петрушенька наш, голубчик...

Екатерина. Как «не в себе»? А в ком? Чего недоговариваешь?

Бурыкина *(решительно)*. Была не была! Я скажу! Мы, Бурыкины, наущничать не любим, но и врать не станем! Царица-матушка, спаивает прынец Голштинский нашего царевича...

Екатерина. Да что он, сдурел? Петруше всего одиннадцать годков.

Анисья Кирилловна. То-то и оно, связался черт с младенцем. Сам пьет и ему наливает! «Что это, — говорит, — за русский царь, коли он не пьет с детства?» Так, мол, Петр Алексеевич ему наказал...

Екатерина. Врет! При мне разговор был... Про царство говорили, помню, но чтоб про детство пьяное — такого не было!..

Бурыкина. Врет, конечно. А все нам не легче... Сегодня комнату царевича прибирала, вон чего нашла... *(Протягивает Екатерине флягу.)*

Екатерина *(берет флягу, нюхает)*. Чего-то запах знакомый! *(Делает глоток.)* «Гнонобобель!» Меншиковский замес... Ну-ка, Кирилловна! *(Протягивает флягу Анисье Кирилловне.)*

Анисья Кирилловна *(сделав внушительный глоток)*. Он! Голштынский все больше «киршенвассер» приносит. На черешневых косточках... А Ягужинский — тот на рябине предпочитает..

Екатерина *(в ужасе)*. Да у вас что там, в детской комнате, кабак, что ль? *(Вывала флягу, сделала громадный глоток.)* Всю Россию споили, сукины дети! И народ!.. И царевича! И царицу! *(Снова пьет, хмелеет на глазах.)* Так! Все! Я этому безобразию предел положу. Где секретарь?

Головкина. Какой?

Екатерина. Мой!

Головкина. Так новый не назначен еще, ваше величество...

Екатерина. А старый где?

Головкина. Казнен-с...

Екатерина. Как это «казнен-с»?..

Головкина. Окончательно, ваше величество! Год назад. Это ж Виллим Монс был...

Екатерина. Вилли? Казнен? Наш Виля?.. *(Всклинула, но тут же словно взяла себя в руки, протрезвела.)* Вот дура! Как будто я не помню... Это ж я вас всех проверяю — не спились ли? А ну, вынь заколку из волос! Немедля!

Головкина вырвала заколку, волосы рассыпались.

Во! Так тебе более идет. Верно говорю?

Фрейлины закивали.

А ты, Степановна, бери перо, бумагу, пиши мой новый указ.

Бурыкина поспешно взяла перо и бумагу.

«Я, государыня всяя Руси Екатерина Алексеевна, во исполнение воли покойного царя повелеваю...» Чего ж не пишешь?

Бурыкина. Я ж неграмотная, ваше величество. Может, кто из фрейлинов поученей?

Екатерина *(сурово глянув на фрейлин)*. Они-то поученей. Только доверия никому. Такого за спиной об тебе напишут — опять головы рубить придется! Нет! Мне в секретари человек простой надобен... Вроде тебя! *(Фрейлинам назидательно.)* Вот ведь: дура безграмотная, а царица сказала «пиши» — она без размышлений тут же перо обмакнула, а только потом спохватилась... Не то что вы, все с рассуждениями да подколками... Простой человек мне в секретари нужен, верный!

Анисья Кирилловна. Может, Ванечку моего кликнуть, государыня?

Екатерина. Какого еще Ванечку?

Анисья Кирилловна. Сынка. Ванечку Балакирева. Он и простой, и верный вам всегда слуга, царица, не сомневайтесь!

Екатерина. Да он разве жив?

Анисья Кирилловна *(крестится)*. Господь с тобой, царица-матушка! Жив-здоров, пятый день как из тюрьмы вернулся...

Бурыкина. По твоей же милости ко двору возвращен, государыня... Сама ж ему жалованье определяла...

Екатерина (*перебивая*). Ладно! Раскудахтались! Ну, забыла царица. Забыла! Старею...

Анисья Кирилловна. А вот это уж на себя не наговаривай, государыня. И молода, и весела, как прежде. А насчет памяти — так столько добрых дел ты делаешь за день, все и не упомнить...

Екатерина. Ишь, как повернула! (*Засмеялась*.) Ох, хитрющая ты, Анисья Кирилловна... Недаром прозвали «Анисья — жопа рысья»...

Бурыкина (*подсказывая*). «Лисья», государыня...

Анисья Кирилловна (*набросилась на Бурыкину*). Ты еще будешь царицу учить, дура!.. Сама ни черта не помнишь! Рысья жопа»... Все так и прозывают!

Екатерина. Ну конечно, «рысья»... Чего меня путаешь? Зови своего Ваньку, Кирилловна! Я сама об ем поутру думала... И кого там в приемной из коллегии сенаторов заметишь — Ягужинского, Шафирова, Меншикова. Всех срочно сюда!!!

Шафиров (*из-за кулис*). Иду, государыня! Лечу по первому зову!

Ягужинский (*появляясь*). По первому зову, барон, я уж давно здесь!

Фрейлины поспешно удаляются.

Шафиров и Ягужинский долго отвешивают Екатерине церемониальные поклоны.

Екатерина (*жестом останавливая церемониал*). Ну, будя, Петр Павлович! Павел Иваныч! Не до политесу мне сейчас... Слышали, какая беда у нас приключилась?

Шафиров. Как не слышать, государыня? Весь польский двор жужжит аки улей! Мыслимо ли дело, чтоб в просвещенной стране послов, словно куропаток, отстреливали?

Екатерина. Ну, ты объясняй иноземным гостям: ошибся, мол, мальчишка — дурачок несмышленный...

Шафиров. Для нас — дурачок, а для дипломатов — наследник русского престола! Из-за таких ошибок, государыня, войны начинаются.

Ягужинский. Войной русских пугать, Петр Палыч, не надо. Мы и без повода воевать всегда готовые... Да и с чего вдруг война? Жить-то этот француз будет?

Шафиров. Доктур сказал — будет! Но французы требуют, чтоб жил теперь — хорошо!!! У него все-таки рана в плече и комзол погорел...

Ягужинский. Эка печаль! Сошьем новый!

Шафиров. Боюсь, сукна много пойдет... На триста тысяч французы требуют чтоб материалу закупили... И вина ихнего на сто тысяч привезти... безакцизно! И корабли их пропускать в наши порты беспошлинно!

Ягужинский. Да это ж грабеж! Одним выстрелом разорить казну хотят? Или кому-то, я чувствую, половина с этих доходов обещана?

Шафиров. Грубый намек ваш, Павел Иванович, я мимо ушей пропускаю. А насчет ихних требований — так всем известно: Франция страна дорогая. Кабы Петруша, к примеру, индийского посла завалил, оно б, конечно, России дешевле вышло...

Ягужинский. А разве индеец там тоже был?.. Или это у вас шутка-подгребка? А? Петр Палыч? Тогда посмеемся, коли считаете, что на это есть время... (*Нарочито смеется.*)

Екатерина. Ладно вам цеплять-то друг дружку! Не для того позвала. Скажите, что мне с ним делать — ума не приложу?

Ягужинский. С послом?

Екатерина. Бог с ним, с послом. Откупимся! Я про наследника.

Шафиров. Это, конечно, вопрос позанозистей... Как-то укрощать мальчика надобно. Иначе и в будущем эксцессов не избежать...

Ягужинский. Наставник ему нужен!

Екатерина. Давала ему наставников... Всех извел, звереныш. Кому глаз выбьет, кого до обмороку доведет...

Ягужинский. Надо ловкого человека поставить! Чтоб мальчик его полюбил. И есть уже у меня один кандидат на примете...

Шафиров. У вас кандидаты для сомнительных дел всегда найдутся, Павел Иванович! А коли разговор зашел про любовь, так на то есть другое средство. Женить пора Петрушу! Немедля!

Екатерина. Ты что, Петр Павлович?! Совсем рехнулся? Ему ж одиннадцать годков...

Шафиров. Для династических браков, государыня, возраст значения не имеет. Иной наследный принц еще во чреве матери уже помолвлен...

Ягужинский. И с кем же вы нашего царевича обручили?

Шафиров. С той, кто может способствовать укреплению государства. В данном случае, позволю предположить, возможен брак с цесаревной Елизаветой Петровной...

Екатерина. Час от часу не легче! Лиза старше намного! И потом у них предок один — Петр Алексеевич. Мыслимо ли внуку на дочери деда жениться?.. Тьфу! Совсем мы племя дикое, что ль?

Шафиров. Осмелюсь возразить, государыня. Ежели говорить внук на дочери — нонсенс, а если перевести на язык просвещенной Европы, кузен на кухне — вполне допустимая вещь.

Екатерина. Ну, ты кого хошь можешь задурить, Шафиров! Тебя послушать — так и мне можно за Петрушу замуж? Бабка за внука? На это как Европа глянет?!

Шафиров. Сей вопрос, государыня, мы на коллегии рассматривать не рискнули без вашего дозволения...

Екатерина. И на том спасибо. А ты что на сей счет думаешь, Ягужинский?

Ягужинский. Я государево око, царица! Могу вдаль глядеть, могу моргнуть!.. И потому, коли будет указание, вполне допустимо все это рассмотреть с точки зрения закона и юридически оформить...

Екатерина *(грозно)*. Я те моргну!! Ишь, чего надумали, сенаторы хреновы! Не спросясь меня — в брачную постель! Я вам не девка Марта, что драгунам подштаники стирает!! Я — царица российская!!

Шафиров. Так потому и обсуждаем, государыня..

Ягужинский. В интересах державы.

Екатерина. Начхать мне на державу! Я после Петра Алексеевича никого к себе не допущу, потому как нет на земле мужика ни молодого, ни старого, кто б с ним сравнение мог иметь... *(Схватила флягу, сделала большой глоток.)* Бога вы не боитесь, сукины дети! *(Еще глотнула, закашлялась.)* О, как грудь болит! Чувствую, недолго вам со мной маяться! Уж потерпите!.. *(Заплакала-запричитала.)*

Петенька, голубчик, забери меня к себе скорей, сил же боле нету здесь никаких... *(Плачет, роняет голову на стол.)*

Шафиров и Ягужинский суетятся, наливают воду, пододвигают вазу с фруктами, обмахивают веером.

Шафиров. Прости, государыня, что расстроили рассуждениями о делах столь деликатных... Но, как говорится, не я первый начал...

Ягужинский. А кто? Я, что ль?

Шафиров. И не вы, Павел Иваныч.

Ягужинский. А кто ж?

Шафиров. Меншиков.

Ягужинский *(поспешно)*. Тут не спорю...

Екатерина *(подняла голову)*. Кто?

Ягужинский. Меншиков.

Екатерина. Чего — Меншиков?

Ягужинский. Меншиков первый начал...

Шафиров. Пока мы тут философствуем да рассуждаем, государыня, он, хитрец, уж и наживку насадил, и сети расставил...

Екатерина. Кто?

Шафиров и Ягужинский *(вместе)*. Меншиков!

Быстро входит Меншиков.

Меншиков. Тут я! Тут! Чего орать-то? .. *(Приветливо лобызается с присутствующими.)* Здорово, Паша! Здорово, Петюня!.. Царица-матушка, дозвожь к ручке припасть?

Екатерина. Черт с тобой, припади! *(Протянула руку, Меншиков долго целует.)*

Меншиков. А у вас чего сегодня — тайный совет?

Ягужинский. Вроде того...

Меншиков. А чего мне не сказали? Как-никак председатель коллегии... Хорошо, что случайно проезжал мимо с дочкой Машей... Слышу из окон дворца голоса — «Меншиков, Меншиков»... Стоп, говорю! Видно, такой вопрос, что без меня не обойтись! Верно, Паша?

Ягужинский. Верно, Саша. Вопрос щекотливый... Но позволь и мне для начала встречный вопросик задать: ты куда это направлялся... с дочкой Машей? Не к царевичу ли?

Меншиков. А что? Нельзя?

Ягужинский. Можно. А с каким, извини, умыслом?
 Меншиков. Никакого умысла. Просто... Хотел, чтоб дети поиграли...

Шафиров. Петруше — одиннадцать, Маше — двадцать! Во что им играть, Александр Данилыч?

Меншиков. Ну и что ж, что ей двадцать? А умом — равны... Погоди, не пойму — вы мне что, здесь перед царицей допрос учиняете? Я это, господа сенаторы, не люблю!

Ягужинский. Это не допрос, светлейший князь. Это следствие... (*Екатерине.*) Государыня, как обер-прокурор обязан заявить, что светлейший князь Меншиков, по моим сведениям, учиняет тайные действия с целью поженить свою дочь Марию и царевича Петра...

Меншиков. Какие, к черту, действия? Ну, балуются ребятишки. А уж коли настоящее чувство у их возникнет, то, как говорится, совет да любовь.

Ягужинский. Про любовь не знаю, но совет дам, Александр Данилович: не стоит корону российскую на себя примерять. Извини, размер головы не тот! Россия Романовых на Меншиковых менять не согласна.

Меншиков. Это кто ж за Россию-то говорит? Ягужинские? Фамилия — на последнюю букву, ей бы помалкивать...

Ягужинский. Когда дерьмо жрешь, последним меньше достается. А фамилия наша древняя и позвучней Меншиковых!

Меншиков. Точно! Звучней на один бздех!..

Шафиров. Господа, я прошу выбирать дипломатические выражения. Стыдно за вас! У нас здесь все-таки высшая коллегия Сената России...

Меншиков. И этот за Россию печется! Кажись, еще только вчера крест на ермолку нацепил, а туда же!

Шафиров. Александр Данилович! Я запрещаю так со мной разговаривать. Перед вами барон Шафиров!

Меншиков. Ага! Барон — среди ворон! Это я ведь тебя «баронил» (*Ягужинскому.*) И тебе графский титул, Паша, тоже я устроил. Все вам дал, птенцы гнезда Петрова! Забыли, кто вам в клювике награды приносил?

Екатерина. А тебе-то кто все дал, Александр Данилович? Сам-то не забылся ли ты на этот счет, друг сердечный?..

Меншиков. Мои регалии, государыня, за заслуги перед Отечеством император Петр Алексеевич лично дарил... Ну и ты, матушка, тоже, конечно, по доброте своей тоже дала... кое что... *(Осекся.)* Ну, в смысле — выдала...

Екатерина *(резко встала)*. Чего я тебе дала, дурак?! Чего несешь-то?..

Меншиков *(смутившись окончательно)*. Не, не! Я не то хотел сказать... Оговорился я, Кетхен!

Екатерина. Какая я тебе «Кетхен»? Сколько твержу — не смей меня по-кошачьи звать!! *(Плеснула в физиономию светлейшего из бокала, повернулась к Ягужинскому.)* А ты, граф, чего скалишь зубы? Эскадронные шуточки ндравятся?

Ягужинский. Помилуй бог, государыня, это у меня лицо такое... улыбочное... Это же все знают. А шулки-то даже и не понял! Чего «дала, не дала» — даже не вслушивался!

Екатерина *(замахнулась на Ягужинского)*. А ну все вон отсюда, советнички хреновы!! Я вас!! *(Неожиданно схватилась за грудь, осела.)* Ой, мамочка... майне либе медхен... умираю! *(Сенаторы бросились к ней, она превозмогла себя, взвизгнула.)* Пошли от меня! Люди, на помощь! Убить меня хотят! Караул!..

В залу вбежали несколько слуг, гренадеры с ружьями. Впереди всех Анисья Кирилловна и Балакирев.

Анисья Кирилловна. Государыня-матушка! Мы с тобой! Люди, спасай царицу! *(Закрыла Екатерину своим телом.)* Ванька, бей супостатов!

Меншиков. Чего орешь, старая... Кого «бей»? Думай, что говоришь! Кто твой Ванька — кто мы?

Екатерина *(выходит из-за Анисьи Кирилловны)*. Кто вы, господа, я еще подумать должна... Когда надумаю, указом отпишу каждому! А Ваня Балакирев с сей минуты назначается моим личным секлетарем. Так что прошу ему оказывать особое почтение! Понятно?

Легкое замешательство. Все смотрят на Балакирева. Он невозмутим.

Меншиков. Как не понять? Мы люди понятливые. А все ж, царица, окажи милость — дозвожь с тобой хоть минутку поговорить тет на тет...

Екатерина. Все аудиенции теперь только через секретаря!

Меншиков. И так можно... Мы люди не гордые... давно уж... *(Подошел к Балакиреву.)* Господин секретарь! Доложите царице, что светлейший князь... *(Осекся.)* Нет! Скажи проще: Сашка Меншиков, друг ее верный, который когда-то на войне жизнь ей спас, просит минуту внимания. Поскольку, может, от этой минутки и его жизнь зависит!

Балакирев растерянно смотрит на Екатерину.

Екатерина. Ладно. Все ступайте! А тебе, князь, — одна минута, не боле. Иван, проследи!

Балакирев. Слушаюсь, государыня! *(Всем.)* Всех посторонних прошу оставить покой императрицы!

Анисья Кирилловна. Да! Пошли все прочь!

Балакирев. Верно, маменька! А тебя это первой и касается!

Все, кроме Екатерины и Меншикова, уходят.

Меншиков *(шагнул к Екатерине)*. Катя! Дорогая моя! Сердце души моей! Свет очей неумемный!

Екатерина *(строго)*. Стой на расстоянии, Саша.

Меншиков. Да не могу на расстоянии... *(Упал на колени.)* Катюша, милая, выходи за меня замуж! Люблю тебя, как в молодости!.. Надоело мне хитрить-юлить, дочку за внука сватать. Выходи за меня — и все по закону будет. Ты — царишь, я делами правлю. Спасать страну надо, Катя! Держава в опасности!.. Люблю тебя, Катя, давно люблю, сил нету.. Пока царь был жив, я все желания свои узлом завязывал, а теперь ночей не сплю, за тобой страдаю... Пожалей меня и Россию-мать! Люблю!!!

Екатерина. Эх наговорил... «Россия»... «Держава»... «Люблю»... Разве так любят, Саша? Петр полюбил — срама не побоялся, солдатскую девку царицей сделал. Виля Монс полюбил — голову на плаху положил. А ты-то чем рискуешь, Саша? Короной голову поцарапать?

Меншиков. Значит, не так я выразился. Дозволь сызнова объяснить!

Екатерина. Сызнова — это как? Это чтоб молодые оба, и ты цалуешь да шепчешь жарко «царица души моей»? Я-то уши развесила, подумала — и правда «души ца-

рица». А ты, оказывается, меня на трон подсаживал, чтоб я там и тебе местечко пригрела?! Ничего сызнова не бывает. Встань. Не срамись!

Быстро входит Балакирев в сопровождении гренадера.

Балакирев. Прошу прощения, светлейший князь! Ровно минута прошла.

Меншиков. Ровно? *(Встал с колен.)* Уж точность по-немецки блюдешь, Ваня? Молодец! Далеко пойдешь, ноги только не сломай... хэrr Балакирев!

Меншиков уходит. Гренадер встает на посту в глубине сцены.

Екатерина. Садись, Ваня, поближе. На простое лицо твое после сановников и смотреть приятно... Во, какая рожа! *(Целует Балакирева в щеку.)* Яблочка хошь? *(Протягивает яблоко.)*

Балакирев. Благодарствую. *(Берет яблоко.)*

Екатерина. Знаешь, почему я тебя на Монсову должность назначаю? Потому что безвинно пострадал за него. А еще потому, что приснился ты мне наемни... Увидела, знаешь, поле такое большое... Внизу река. А сверху — почему-то веревка спущена... Высоко — не достанешь!.. Я подпрыгиваю, а схватить никак не могу. Ищу, кто б помог, смотрю — идет полем царь Петр... а рядом — барбос, такой весь лохматый... К чему б такой сон, как думаешь?

Балакирев. Это как толковать... Что барбос я — верно, поскольку вам, государыня, верно служу. А что веревка с неба — не иначе, повесят меня скоро...

Екатерина. Типун тебе на язык! Не твой же сон?

Балакирев. У меня похожий был. Каждую ночь царь Петр снится, говорит: беги, Ванька, со двора — пропадешь!

Екатерина. Это он меня предупреждает. Мне в петлю лезть, коли наследничка не угомоню... Короче, пойдешь ты к нему в наставники, Иван, и сердце его смягчишь. Я так этот сон растолковала... Мальчик Петруша хороший, добрый... *(Подумав, поставила на голову Балакирева яблоко, посмотрела, осталась довольна.)* Ты ему пондрависься...

Балакирев. Благодарствую, царица! *(Робко снимает яблоко с головы.)* Но, может, меня лучше на войну с турками направить?

Екатерина. Мир у нас с турками давно, Ваня. Мир! А промеж себя — война! *(Ставит ему вновь яблоко на голову.)* Ты не бойсь! Что он Шапскому глаз выбил — так ты ж не Шапский... Ловок! Даст бог, увернешься!..

Балакирев *(нерешительно)*. Дело рисковое, государыня! *(Уронил с головы яблоко, поймал, надкусил, вновь поставил, убедился, что яблоко уже стоит крепче.)* Попробую! Но коли дело сделаем, отпусти меня в отставку, государыня. Обещай!

Екатерина. Ладно. Сперва увернись!! *(Хлопнула в ладоши, тотчас появились Анисья Кирилловна и Бурькина.)* Последник где?

Бурькина. В детской... С принцем играет, касатик.

Екатерина. Пьяный?

Бурькина. Никак нет, государыня... Чуток... Для настроения.

Екатерина. Веди сюда. Пусть лук и стрелы берет! Скажи — новый Вильгельм Тель объявился...

Бурькина убегает. Анисья Кирилловна растерянно смотрит на Балакирева, замечает у него яблоко на голове.

Анисья Кирилловна. Ванюша! Это ты, что ль, Вильгельмом стал? Вот спасибо, царица! Вот радость-то!

Балакирев *(растерянно)*. Какая радость, мамаша? Вы что? А коли глаз выбьет?

Анисья Кирилловна. Да плюнь ты через плечо! Стрела как пуля — в одно место два раза не попадает!! А если, не дай бог, какое увечье — царица милостями не обидит! Верно, матушка?

Екатерина. Шапскому за подвиг деревню подарила... Значит, тебе — две!!

Балакирев. Почему две? Два глаза потерять, что ль?

Анисья Кирилловна. И что ж ты раскаркался, Иван? Прямо не узнаю сына!.. Ты солдат или нет? Солдат цареву службу несет, об остальном думать не должен... Не то что глаз али ухо — жизнь отдать за Отечество для него счастье! И я, твоя мать, тебя на то благословляю! *(Подожла, торжественно поцеловала Балакирева.)*

Екатерина. Во, какие люди при мне служат. Слеза аж прошибла!

Послышался шум. Музыка. Топот копыт. В глубине сцены появляется странная процессия: принц Голштинский, рядом с ним — в тирольской шляпе и с луком, царевич Петруша. Управляют они детской упряжкой лошадей, вместо которых впряглись шуты — Ушастик, Лакоста и Шапский.

Голштинский. Тпр! Стоять... ваша мать!..

Шуты останавливаются, трясут гривами, поднимают хвосты. Из-под хвостов у них сыплются яблоки... Петруша смеется.

Екатерина (*недовольно*). Дураки на дураках ездят да сами же и ржут... Поди как смешно! Распрягай коней, Петруша! Знакомься! Вот наставник твой новый, Иван Балакирев. Прошу любить-жаловать!

Балакирев. Рад буду служить тебе, Петр Алексеич! (*Поклон.*)

Петруша (*смотрит на Балакирева исподлобья*). Вильгельм Тель!

Екатерина. Погоди ты с Телем... Вникни сперва, чего говорю. Это любимый шут твоего дедушки. Много знает шуток-прибауток...

Шапский. Точно так, царевич... Парень веселый. Нами проверенный, будешь довольный...

Петруша (*угрямо*). Вильгельм Тель!

Екатерина. Вот кровопивец... Пока человека не изуродует, руки ведь не подаст...

Балакирев. А может, он и прав, государыня? Как иначе слугу на верность проверять? Да и мне судьбу испытать полезно... (*Петруше.*) Только я ведь, царевич, преобращенный солдат. Мне под стрелу вставать западло... Под пулю привычней!.. Уж коли ты наставника проверяешь — пальни-ка в меня из ружья!

Анисья Кирилловна. Да ты что, Иван? Чего удумал? Не пущу...

Балакирев. Почему, маменька? Я ж твой материнский наказ выполняю... Солдат жизнь за царя отдает!.. А семье за это, глядишь, награду прибавят... К двум деревням — пару сел. (*Запел, заплясал.*) «Две деревни, два села, ходит Дуня весела!!!» Оп! Оп!

Екатерина. Не дури, Иван!.. Такого баловства не позволю. Хватит мне посла простреленного...

Балакирев. Да разве мы хуже французов? Или на нас уж и пули жалко?.. *(Рванулся к Екатерине, страстно заговорил.)* Дозволь судьбу испытать, государыня! Не перечь! Только так сердечку наследника мне растопить... Увидит, что человек с улыбкой на устах за него жизнь кладет, — авось и помягчает? А просто на глаз окриветь — ни мне доблесть, ни ему радость... Верно, царевич? *(Петруша кивнул.)* А коль жив буду, так и подружимся... Верно? *(Петруша снова кивнул.)* Во! Благосклонность проявляет. Позволь, государыня!

Екатерина *(нерешительно)*. Ну, смотри! Сам вызвался... На мне греха нету.

Балакирев. Вот и спасибо за доброту! *(Бросился к гренадеру.)* Служивый, одолжи ружье для пользы Отечества... *(Взял ружье, взвел курок, понес к Петруше.)* Целься, царевич, только в яблочко... В яблочко! *(Шапскому.)* Князь-папа, подмогни царевичу заместо прицела! *(Шапский подходит, подставляет плечо под ствол ружья.)* А ты, Лакоста, яблочко выбери порумяней. *(Лакоста достает подозрную трубу, высматривает яблоко на полу.)* Ну, чего тянешь?

Лакоста. Побольше ищу...

Балакирев. Не хитри, жидовин, не на базаре... Судьбу проверяем, здесь полдюйма не в счет! Дай-ка, наоборот, вот то, самое маленькое! С дырочкой... У царевича глаз меткий, глядишь, не токмо в яблоко — в червячка попадет...

Лакоста. Дурак ты, Ванька! Ну, как знаешь... Сам выбирал. *(Поднимает маленькое яблоко, устанавливает на голове Балакирева, отводит его на несколько шагов к стене.)*

Балакирев. Вот и славно... Вот и опять ты, Ванька Балакирев, с судьбой один на один остаешься! *(Крестится.)* А теперь... ваше высочество, принц Голштинский... окажите милость, скамандуйте!

Голштинский *(достал платок)*. Ахтунг!..

Петруша начал целиться. Балакирев еще раз перекрестился.

В залу неожиданно вбежали Дуняша и Бурыкина.

Дуняша. Ванечка! Родной! Не надо! *(Бросается к Балакиреву.)*

Балакирев *(с трудом удерживая равновесие.)* Тихо ты, глупенькая... Яблоко же уроню...

Анисья Кирилловна *(Бурыкиной)*. Зачем привела Дуняшу? Кто велел?

Бурыкина. Как — зачем? На такое дело идти — и с женой не попрощаться?! Креста на тебе нет, Анисья Кирилловна!

Дуняша *(падает на колени перед Екатериной)*. Государыня-матушка! Не позволяй ему под пулю вставать! Это он с жизнью покончить хочет! Из-за меня и сыночка нашего. Фрейлины, стервы, нашептали ему: мол, не его это ребеночек... А я говорю — его! Мне лучше знаты! Твой мальчишка, Ваня! Твой!

Балакирев. Конечно мой, Дуня... Ну что ты?

Дуня. Ты ж ко мне из тюрьмы прибежал. Во сне... Сам же рассказывал. *(Плачет.)*

Балакирев. Конечно, прибежал. Потому что — люблю. Встань. Не срамись... Люди же кругом... Отведи ее, маменька...

Анисья Кирилловна отгаскивает плачущую Дуняшу.

Стреляй скорей, царевич! Не томи! Яблоко перезреет — само упадет!

Голштинский. Ахтунг! *(Поднял платок.)* Фойер!!

Прохнул выстрел. Яблоко, развалившись на куски, слетело с головы Балакирева. Возгласы ликования.

Только Дуня, вскрикнув, упала в обморок. Бурыкина бросилась к ней, обмахивает веером.

Шапский. Ура! Попал!! Ядрена вошь! Попал!

Лакоста. Bravo, царевич!

Голштинский. Вундербар! Виват Вильгельм Тель!

Балакирев *(Пошел к царевичу)*. Ай да Петруша! Ай да стрелок! Позволь обнять!.. *(Обнимает царевича.)* Теперь мы с тобой судьбой, царевич, повязаны. Значит, дружить должны, как яблоко с яблоней... Но сперва поклонимся царице! Уж она, сердечная, так за нас перживала! Так перживала...

Екатерина. Еще бы! До сих пор руки дрожат, черти вы эдакие!! *(Целует Петрушу, Балакирева, потом и Голштинского.)* Думаю, это дело обмыть надо, или как?

Голштинский. Натюрлих! Алле геен тринкен!

Екатерина *(смеясь)*. «Тринкен»! От тебя, принц, другого слова и не услышишь... Спаиваете вы, немцы, нас, русских... Ох, спаиваете!!

Екатерина. Голштинский и Петруша уходят, весело переговариваясь.
Балакирев бросается к Дуне.

Балакирев. Дуня! Голубушка!.. Да что с ней?!

Бурыкина. Упала в бесчувствии... Да я сама чуть не померла со страху.. А ну как пристрелил бы царевич?

Балакирев. Кто пристрелил? Кого? *(Анисья Кирилловне.)* Маменька, вы их не предупредили, что ль?

Анисья Кирилловна. Бурыкиных предупреждать — только дело портить. Они ж у нас честные! Врать не могут, а правдой своей дурацкой — угробят.. *(Обмахивает Дуняшу веером.)* Ну, очухивайся, Дуня! Невсегда тут разлеживаться!

Дуня *(открывая глаза)*. Живой, Ваня? Живой?

Анисья Кирилловна. А то какой? Ты что, дурочка, и правда решила, что я сына на смерть пошлю?! Я ж тебя учила — судьбу свою пытай, да умом при том шевели... Ружья гренадеры во дворце холостыми заряжают — всем известно. А яблочко — оно на ниточке... Лакосте только дернуть — так и любой не промахнется...

Балакирев. Ты, Лакоста, кстати, плохо в этот раз дергал... Принц еще только поцелился, а ты уже — дерг-дерг..

Лакоста. Я дергал правильно. Это Ушастик яблоко склеил плохо... Я еще даже и не дернул, а гляжу — оно уже рассыпается...

Ушастик. Чего? *(Приложил руку к уху.)*

Лакоста *(кричит)*. Яблоко клей правильно! И не на ровные половинки режь, дурак!

Ушастик. Я склеил правильно... Это Иван головой тряс...

Шапский. Точно! Тряс! Я тебя, Иван, как энтому «Вильгельм-Телю» учил? Яблочко сгрызть только на треть... *(Берет яблоко, сгрызает.)* Облизни и клади на самое темя... *(Ставит Балакиреву огрызок на голову.)* Вот! А потом зорко следи за стрелком. Когда чувствуешь — мол, пора, палец отпускает, — тут Лакосте делаешь знак

глазами... (Балакирев выразительно вращает глазами.) Во так! Да! (Балакирев снова завращал глазами.)

Шапский оборачивается и видит в глубине сцены принца Голштинского и Петрушу с пистолетом в руках. Они уже изрядно выпили.

Голштинский (радостно). Нох ейн мал? Гут! (Вынул платок.) Ахтунг!

Балакирев. Погоди, принц... Какой «ахтунг»? Это ж мы ж так... просто обсуждаем... Стой! Не маши рукой, дурак!.. Не маши!

Голштинский. Фойер!

Махнул платком. Раздался выстрел. Балакирев схватился за грудь, стал медленно оседать. Яблоко упало с его головы и покатилося по сцене...

Картина седьмая

Картина эта возникла как бы в затуманенном сознании Балакирева. ...Увидел он поле на берегу реки. На краю поля сидел бородатый музыкант и печально играл на каком-то диковинном инструменте, напоминающем древний фагот. По полю кругами бродили странные люди, изредка поглядывая на толстую веревку, спускающуюся прямо с неба. Иногда кто-то из них подпрыгивал, пытаясь ухватиться за конец веревки. Но веревка была высоко, и человек падал в траву, а бродившие, равнодушно переступив через упавшего, продолжали свое тупое круговое движение.

Среди этих людей Балакирев с изумлением увидел Монса, державшего свою отрубленную голову под мышкой. Рядом были шуты Карлик и Педрилло...

Балакирев. Виллим Иванович, вы, что ль? Здравствуйте.

Монс не ответил.

Здравствуйте, говорю... (Шутам.) Карла! Педрилло! Здорово, братцы!

Монс (недовольно). Что он такое говорит?

Монс, Карлик и Педрилло остановились, молча уставились на Балакирева.

Карлик. Здоровканье на другом свете осталось, Иван! Здесь говорят: упокой Бог душу!

Балакирев. Где «здесь»?

Карлик. Мы же мертвые, Иван!..

Педрилло *(с улыбкой)*. Ми а ля морте...

Балакирев *(испуганно)*. А я?

Монс *(с улыбкой)*. И ты, Иван.

Балакирев. Не может того быть!..

Монс. Все так думают... Как это «я» — и вдруг умру..
А потом — р-раз! — голова в руках. *(Протянул голову Балакиреву, тот испуганно отпрянул.)*

Балакирев. Ладно шутить-то. У меня-то все на месте, слава богу!

Карлик. Так не бывает. *(Подошел к Балакиреву.)* Вон же дырка у тебя в груди *(пригляделся)*... а там пуля сидит.. под самым сердцем. Мертвый ты, Ваня, мертвый! Даже и не сумлевайся!.. Тебе на панихиде не сказали, что ль?

Балакирев *(кричит)*. Какая панихида?! Не было панихиды!

Все испуганно задрожали.

Монс. Не ори! Петр Алексеевич услышит — разгневется!

И правда: от реки быстро шел Петр — босой, но в шляпе и с удочкой за плечами.

Петр. Кто орал, нелюди?! Я ж просил: на рыбалке — тишина!

Монс. Новенький прибыл, Петр Алексеевич... Порядку еще не знает.

Петр. Иван? *(Подошел к Балакиреву.)* Вот сурприз! Даже не знаю, как и сказать: скажу «рад, что помер» — нехорошо, «не рад» — неправда! Молча обнимемся, Ваня! Ко всему подойдет! *(Обнял Балакирева.)* И как же ты к нам вдруг перекинулся, Ваня?

Карлик. Пуля в ем... Под самым сердцем сидит!..

Петр. Кто убийца?

Балакирев. По глупости все получилось... По пьянке...

Петр. Стало быть, сам в себя пальнул? Грех!

Балакирев. Стрелял не я.

Петр. Какая разница, кто стрелял? Под глупую пулю подставился — стало быть, самоубийца... Здесь, Ваня, мы все самоубийцы... Своими руками жизнь, дарованную Богом, загубили... *(Повернулся к Монсу.)* Вот он меня

в гнев ввел, а я его казнил. А теперь оба здесь мучаемся — зачем это учинили? (Монсу.) Прости меня, брат Виля!

Монс. Ты меня прости, Алексеич!

Петр. Нет, говорю: ты прости!

Монс. Сперва — ты...

Петр (строго). Не зли меня, дурак! (Схватился за голову.) Вот! Пытка началась...

Монс. И поделом... тебе... сатрапу... Ох! (Схватился за голову, застонал.)

Карлик. Вот так друг дружку терзаем, Ваня! Без продыху!

Петр. Ладно!!! Хватит жаловаться. Ступайте, мужики!

Покойники со вздохом отошли и начали свое круговое монотонное движение вокруг веревки.

Балакирев (глядя на покойников, начавших свое монотонное круговое движение). Ваше величество...

Петр (перебивая). Здесь мы без чинов-званий... Зови просто... Петр Алексеевич или дядя Петя...

Балакирев. Как-то непривычно... Ну, ладно... Петр Алексеевич, дозволю спросить: в чем же мука-то? По кругу, что ль, ходить?

Петр. Ходить не трудно, а вот что думать при этом надо — беда!.. Ты зубы-то не скаль... Думать на том свете — мука адская. Каждая мысль здесь — как гвоздь! Голова раскалывается, кости трещат... Вот сегодня, например, поутру пришла мне такая мысль — был царем, создал державу большую-пребольшую... Каких нигде в мире нет. Так вот, подумал: может, и нам не надо было?! Растянул государство с запада на восток, как гармонь, а играть-то на сем инструменте подданных не обучил... Вот и дергают попусту меха да на клавиши без разбору давят... Трень-брень... Бух-ух... Блям-блям! (Сжал руками голову, заскрипел зубами.) Это ж не музыка, Ваня, — это пытка!

Балакирев. Не казните себя, Петр Алексеевич. Мы всем довольные.

Петр. Врешь! Кабы были довольные, не пили бы... Да не стреляли бы друг в дружку.. Вашу дикость своей дикостью царь лечил, потому и не вылечил! Может, не так лечить надо было? Может, как сын Алексей предлагал — смирением да покаянием? А я его казнил...

Сзади прошел бледный молодой человек.

Здорово, Лешка...

Юноша молча ушел.

Не разговаривает... Простить не может, мучает. *(Застонал.)* Еще гвоздь в голове... А их там вона сколько! *(Приподнял треуголку, показал.)* Клещами не вытащить!

Балакирев *(испуганно)*. Может, на речку тебе сходить, дядя Петя? На рыбалке, глядишь, полегчает...

Петр. Рыбалка здесь еще мучительней...

Балакирев. Клев хреновый?

Петр *(со вздохом)*. Хуже, Ваня! Совсем плохой клев... Здесь же не просто река течет — река вечности. Лета называется... В ней такую говорящую рыбку поймать надо, чтоб смысл человеческой жизни тебе прояснила. Но рыбка эта, зараза, поверху не плавает... Только на глубине. А грузила нам здесь не выдают...

Балакирев. Без грузила нехорошо!

Петр. Без грузила беда, Ваня! Вот и сидишь как дурак, на воду смотришь... и тоска тебя берет такая... Изнутри сжигает. Смертная тоска! Не зря ее так прозвали. Хуже нее для души ничего нет. На том бывшем свете хоть удавиться можно было, а здесь и этого нам не позволено...

Балакирев. А какой смысл жизни нужен? Обчий или на каждого?

Петр. Общий только Богу известен. Здесь каждый про себя думает. Вот ответь мне, Иван, — зачем ты жил?

Балакирев. Как — зачем? Службу верную служил... Сперва солдатом, потом шутмайстером при дворе...

Петр. Ну, солдат ты плохой был, Иван. Сам знаешь. Да и шутмайстер, честно говоря, хреновый.

Балакирев. Вам нравилось, Петр Алексеевич. Смеялись.

Петр. Вкус у меня о грубый. Помнишь шутку твою про то, как «ранжир» у голых преображенцев замерять?... «Вдоль забора енту штуку растянуть — и шагами...» *(Улыбнулся.)* Плохая это шутка, Ваня. Недостойная царского внимания... Я вот тут с англичанином одним говорил, он тоже из королей... Старик убогий... Его родные дочери выгнали... В степи скитался в бурю. А шут его верный — тот

рядом был... Уж такой языкастый шут.. Парадоксами изъяснялся... «It is impossible get old a king, while it not... It is impossible become a clever king and be not crazy...» Понял?

Балакирев. Языкам не обучен.

Петр (*вздыхнул*). Учиться ленился, вот и не обучен. Зряшний ты получаешься человек, Иван...

Балакирев застонал.

Первый гвоздь ощутил? Вот! Сейчас башка начнет трещать по причине бессмысленной твоей судьбы... А ведь было ж у тебя какое призвание с детства?

Балакирев (*мучительно трет виски*). Не помню. Пастушком был славным.

Петр. Кем?

Балакирев. Коров пас.

Петр. А чего ж не развил себя по этой части?

Балакирев. Отцу дворянство от царя вышло. Маменька сказала — не по чину дворянскому сыну с коровами якшаться...

Петр. Очередная глупость. Опять, выходит, я виноват?.. Сословия дурацкие придумал. Людей смущал (*Застонал*). Прости меня, Ваня.

Балакирев. Это ты меня прости, Алексеич.

Петр. Нет, ты прости...

Балакирев. Да за что прощать? Пастушок, честно сказать, тоже был хреновый... Коровы тощие, молока — полбидона за день...

Петр. Ты их, поди, на клевера гонял?

Балакирев. Гонял.

Петр. Вот и зря! Заливные пажити лучше...

Балакирев. И на заливные гонял. Но как на дудке задудю — все коровы в лес убегают...

Петр. Значит, дудку надо было сменить... Дудила! Я вот за границей дудку видел — так от ее музыки стада просто тучнели на глазах... Погоди-ка, у нас тут одна такая есть... Голландец с собой сюда пронес... (*Музыканту*.) Иоган! Одолжи инструмент. (*Что-то сказал музыканту по-голландски, тот протянул фагот*.) Попробуешь сыграть, Ваня?

Балакирев. На этой не смогу.. В ней кнопок много. Лучше удочку свою одолжи, дядя Петя. Я ведь с детства рыбачить тоже любил...

Петр. Говорю ж тебе — грузила нет.

Балакирев. Чего-нибудь приспособим... Мы русские, по части рыбалки смекалистые... *(Берет удочку.)* Во-первых, крючок надо перевязать на поводок... Волос бы тонкий добыть... *(Потянул волос из головы.)* Мой курчавый... Не годится. Дозволь? *(Неожиданно протянул руку, вырвал волос из головы Петра.)* Вот! Ваш волосок, Петр Алексеевич, самое оно! *(Ловко перевязал крючок.)* А под грузило вполне можно пулю приспособить...

Петр. Чего?

Балакирев. Пулю мою... Свинец как-никак!

Петр *(оживился)*. А что?.. И вправду попробовать? Вдруг повезет? Ну-ка, где она у тебя застряла? *(Сгреб Балакирева, сунул палец в рану.)* Да не бойсь! Меня в Германии прозектор учил строению человеков... Сколько покойников вскрыл — все довольные... *(Засовывает палец глубже.)* Во! В подреберье вошел... Перепонку оттянул, фасция магна называется... А вот и она, пуля-дура, под левое легкое забилась...

Балакирев *(истощено орет)*. Ой-ой!!

Петр. Чего орешь?

Балакирев. Боль-но-ооо!

Петр *(быстро выдернул руку)*. Почему больно? Ты боль в теле чувствовать не можешь никак... *(Прислушался.)* Да ты живой, Ванька! Сердце застучало... *(Потащил Балакирева к веревке.)* А ну быстро! Быстро! Хватайся за конец... Может, еще выберешься! Такое случилось!..

Балакирев *(пытается схватить конец, не допрыгивает, падает)*. Не могу! Сил нет.

Петр. Соберись! Молодой ведь еще... Успеешь помереть... Прыгай, Ваня!

Балакирев подпрыгнул, схватился за конец веревки, подтянулся, потом разжал руки, упал.

Балакирев. Нет! Петр Алексеевич... Государы! Спросить тебя должен...

Петр. Чего спросить?

Балакирев. Кого на российском троне видеть желаешь?

Петр. Ладно о глупостях-то сейчас болтать... Спешить надо!..

Балакирев. Там из-за этого большие раздоры. Скажи свою волю: кому на троне российском сидеть? Без этого обратно мне никак нельзя!..

Петр (*усмехнулся*). Вот дурак! Я тебе про смысл жизни толковал, а ты все про жопу! Кому ее на трон пристроить? Ладно. Скажу (*Шепчет что-то на ухо Балакиреву*.) Так вот всем и передай!

Балакирев (*изумленно*). Так сказать не решусь... Да и не поверят.

Петр. Поверят! Пусть в бумагах моих посмотрят, там в третьей папке специальный указ на этот случай мной заготовлен... Пусть удостоверятся!! А теперь быстро вылазы! И не перечь! Пошел отсюда!!

Балакирев подошел к веревке, прыгает, пытается достать.

Балакирев. Влезть бы на кого-нибудь... Все повыше будет! Педрилло, братец, пособи!

Карлик (*Петру*). Алексеич, дозвожь и мне помочь... Мы, шуты, одна артель, друг дружку всегда выручаем... (*Петр кивнул*.) Спасибо, государь, что с колен меня наконец-то поднял, вот рост мой и пригодился!

Карлик и Педрилло поднимают Балакирева. Тот хватается за веревку, начинает с трудом лезть вверх.

Петр. Давай, Иван!.. Напрягись... Все силы собери... А для этого про нас забудь. Про живых думай... Про тех, кто ждет тебя там... наверху..

Балакирев (*мучительно подтягиваясь*). Маменька моя...

Петр. Вот! За маменьку подтянись! За Дуняшу!

Балакирев (*из последних сил*). За сына Ванечку!

Петр. За Ванечку!! (*При этих словах откуда-то сверху упал второй конец веревки*.) Смотри! Добрый знак! Не иначе, Господь твой канат на блок повесил! Теперь и мы подмогнуть можем! (*Схватил второй конец каната*.) Ну вы, мертвяки, не зря я вас паруса поднимать учил! Помогай бывшему царю!!

Все схватили конец веревки, начали тянуть по команде Петра.

И-и раз! И-и еще раз! И-и еще рраз! Счастливо, Ваня! До следующей встречи! Не торопись к нам! Будь здоров! И-и рраз! И-и рр-раз!

И с каждой командой Балакирев приближался к верхнему краю колосников сцены, пока не скрылся из глаз.

Картина восьмая

Громкая музыка. Звуки рожков, трещоток, барабанов. Появляются шутовская процессия. Впереди — Лакоста, Ушастик, Шапский.

Шуты (поют).

Ать! Ать! Вашу мать!
Просим всех шутам внимать!
Головы коль не хватает,
Будем жопу величать!..
Оп! Оп! Оп! Стоп!
Положили ее в гроб.
И водичкой поливаем,
Чтобы в ней пророс укроп...
Ой, судари-сударь!
Ой дури-дури-дури!..

Шапский (выходит вперед, разворачивает свиток).
Слушай царский указ! «Ее императорское величество государыня Екатерина Алексеевна повелевает: во исполнение воли покойного государя нашего Петра Алексеевича учредить на Руси для потехи и смягчения нравов новый праздник День дурака, коий проводить ежегодно Первого апреля. В сей день повелеваю устраивать маскарады и потешные игры, а также дозволяю менять общий порядок вещей, званий и сословий, и при сем обиды и притеснений никому не чинить... Самолично для веселия на этот день дозволяю занять трон любимому шуту Ивану Балакиреву и приказываю всем моим подданным оказывать ему достойные царского звания почести!» (Свернул свиток.) Виват царю Ивану Алексеевичу!

Шуты. Виват! (Убегают.)

Появляются Шафиров и Ягужинский в маскарадных комзолах и шутовских колпаках.

Ягужинский. Экий наряд на тебе дурацкий, Петр Павлович! Но личит, ей-богу, личит... (Смеется.)

Шафиров. А ваш колпак, Павел Иваныч, сразу и не заметишь. Вроде и всегда так ходили...

Быстро входит Меншиков. Он в своем обычном генеральском одеянии, при звездах и орденах.

Меншиков. Здорово, Паша! Здорово, Петр Палыч!

Шафиров. Здравствуй, Александр Данилыч! А ты чего не в маскераде? Указ был. Царица осерчает.

Меншиков. Не нравится мне сей указ!

Шафиров. Ну почему ж? Во многих цивилизованных странах такой шутовской обычай установлен. Даже в Древней Греции были подобные праздники Дионисия...

Меншиков. И чего хорошего? Были греки могучие — Антей да Геракл а теперь сплошь мелкий народ, на базарах фигами торгует... Дошутились чернявые!.. Короче, мужики, сымай колпаки, серьезный разговор у меня... О царице! *(Огляделся, не слышит ли кто.)* Приступ у ней ночью был. Доктора сказали — здоровье вконец порушено. И месяца не протянет..

Шафиров. Типун тебе на язык, Александр Данилыч! Выглядит царица хорошо... Бодра, весела.

Меншиков. Выпила с утра — вот и весела... А внутри все сломано. И умом начисто поехала. Особенно после Ванькиного похода на тот свет. Она ж и вправду поверила, что тот с Петром встречался.

Ягужинский. Как не поверить?.. Царскую печатку нашли в тайнике. И указ Петра насчет Первого апреля... Все точно сходится, что Иван сказал...

Меншиков. Ты, Паша, дурацкий колпак, видно, не зря надевал... Доверчивый прокурор — беда для державы. Да, может, Катя сама указ сочинила? Чувствует, что конец ее близко... вот и чудит! *(Еще раз оглянулся, перешел на шепот.)* Донесли мне мои люди — завещание новое составила... насчет трона.

Ягужинский. Мои люди мне ничего пока не сообщали...

Меншиков. Правильно. Потому как я их перекупил.

Ягужинский. Как можно, князь?!

Меншиков. Платить больше надо, граф! Не жмись!

Шафиров. Господа сенаторы, не время пререкаться! Кого ж государыня на троне пожелала видеть?

Меншиков. Век не догадаетесь... Петра!!

Шафиров. Второго?

Меншиков. Первого!

Ягужинский. Как — Первого?.. Он же умер, Петр Первый!

Меншиков. Это для тебя он умер, а для нее — нет..

Ягужинский. Нет, если так говорить, то... и для меня покойный государь в некотором смысле жив..

Меншиков. Во! Слово за слово — ты и согласен... А народ тем более возрадуется! Для России мертвые всегда главней живых!

Шафиров. Дикость! Как он будет нами править с того света?

Меншиков. А Иван зачем? Откроют департамент по загробным делам. Назначат его главным курьером. Туда-сюда бегать будет.. Указы царские нам приносить!

Ягужинский. Чтоб в России шут правил? Никогда!

Меншиков. Ты на себя, Пашка, в зеркало посмотри. Ты ему уже служишь — колпак-то надел.. Нет, господа сенаторы, не хотите и далее в дураках ходить — надо действовать, и немедленно...

Ягужинский. Как?

Меншиков. Катерину низложить... ввиду слабумия! И — в монастырь! Первую свою жену царь Петр в монастырь засадил — значит, и вторую постричь для компании...

Шафиров. А править кому?

Меншиков. Для начала — коллегии Сената. Во главе коллегии — поочередно каждый из нас... По алфавиту.

Ягужинский. Стало быть, я опять последним?

Шафиров. Да и мое «ша» от «я» недалеко...

Меншиков. Кто ж вам виноват? Или мы теперь, по вашей милости, на жидовский манер будем читать, справа налево?

Ягужинский. Протестую! Я вообще заговоры пресекать обязан. Я — государево око...

Меншиков. Ну и прикрой его, Пашка, пока не вышибли!!! *(Двинулся на Ягужинского.)*

Шафиров *(разнимая их)*. Господа сенаторы! Успокойтесь!.. Уверен, есть другой выход!.. Павел Иванович, надо поговорить с Балакиревым. Деньги хорошие посулите... Ваш же человек...

Ягужинский. Был мой, потом вашими духами пропах... Да меншиковским «гонобобелем»... Вы и разговаривайте!

Меншиков *(печально)*. Говорил я с ним, да без толку... Ничей он нынче стал, Иван! Вот в чем беда... Свои понятия в голове завел, теперь не купить его, не спойты!

Ягужинский. Ну, коли так... значит, и решать с ним надо окончательно!

Шафиров. Например?

Ягужинский. Дать ему подорожные на тот свет.. в один конец!! Пусть по небу с Петром вечно гуляет *(Улыбнулся.)* Хороша шутка?

Шафиров. Изячная...

Меншиков. Лучшая на сегодняшний дурацкий день...

Вдали слышен шум, смех.

Все! Царица идет!.. Виду не подавать, о чем говорили... Веселимся... поем...

Шафиров. Да... Запевай, Павел Иванович!

Ягужинский. Кто? Я? *(Неумело и натужно запел.)*

Мне сегодня между ног

Чтой-то стало весело...

Меншиков *(подхватывая)*. .

Это милка мне туда

Бубенцы повесила...

Появляется группа фрейлин. Среди них и Екатерина в простом деревенском платье. Впереди всех Дуняша — в царском платье, с короной на голове. Она явно напугана происходящим.

Екатерина. Встречайте царицу Дуню Первую!!

Все почтительно кланяются. Дуня испуганно делает книксен.

Да ты-то не приседай, глупенькая. Ты государыня нынче, они — слуги твои... Сколько повторять! Цыкни на них! Цыкни!

Дуня *(нерешительно)*. Цик...

Екатерина. Эх, напугала... *(Смеется.)* Ты строго гляди. Вот так! *(Показывает.)* Пальчиком погрози... Спроси: а чегой-то вы, господа сенаторы, тверезые, когда был царский указ сегодня напиться? А?

Дуня (*робко*). Чего это вы... господа тверезые? А?

Шафиров. Мы пьяные, государыня... Очень пьяные.

Меншиков. Ага... Это мы протрезвели, как тебя увидели, царица... Дозволь к ручке припасть? (*Падает перед Дуней на колени.*)

Дуня (*испуганно*). Ой, мамочка! Не могу! (*Бросилась к Бурькиной.*)

Екатерина. С этими Бурькиными потешные ассамблеи затевать — только нервы тратить. Не мамочка она твоя... Фрейлина! И все — фрейлины. И я тоже! Крикни на меня! Или лучше заколку выдерни... Вот ету..

Дуня дрожащей рукой потянулась к ее голове.

Да не эту, а эту.. а то и правда прическу испортишь! Выдерни и крикни: «Пошла вон!»

Дуня (*вытянув заколку, шепотом*). Пошла вон!

Екатерина. Громче! Крикни, чтоб все задрожали...

Дуня (*неожиданно громко*). Пошла вон! Вон!!

Екатерина (*вздвигнув*). Молодец!.. Но не переусердничай... А то Первый апрель, знаешь, быстро кончится! (*Фрейлинам.*) А вы, курицы, чего не смеетесь? Для кого я стараюсь?

Фрейлины робко захихикали. Сзади послышался шум.

Ну, все! Царь идет! Встречаем!!

Где-то слышен шум, даже звуки борьбы. Затем шуты — Шапский, Лакоста, Ушастик в костюмах гренадеров выводят упирающегося Балакирева. Вид у него довольно странный — домотканая рубаха, лапти. На голове корона.

Екатерина (*изумленно*). Хорош царский выход, нечего сказать... Это еще что такое?

Шапский. Извини, царица. Пришлось ентого царя силком привезти. Убежать хотел.

Екатерина. Как — убежать? Куда?

Шапский. Говорит: в деревню!

Балакирев. В... Тверь... хочу..

Анисья Кирилловна (*Екатерине*). Вот беда-то... Не гневайся, царица-матушка, он после того, как на том свете побывал, умом чуток повредился... Заладил — «в Тверь хочу»... Сладу нет.

Балакирев. В... Тверь...

Екатерина. Вот дурак!.. Что ж у нас за страна такая: как человека царем назначат — он сразу удрать хочет! Шапский! Я ж тебе весь праздник самолично расписала по пунктикам...

Шапский *(достает свиток)*. Так точно, матушка!

Екатерина. Ну и дай ему бумагу! Пусть не несет ерунды, а говорит по-писаному...

Шапский *(подсовывает бумагу Балакиреву)*. Читай... вот тут... Ваше величество... сука ты эдакая!.. Не срами нас!..

Балакирев *(долго смотрит в бумагу)*. ...В Тверь хочу.

Екатерина. Нету там про Тверь! Все! Во гнев вхожу!.. Во гнев! Сами на себя потом пеняйте! *(Глотнула из фляги.)* Вот хочешь причинить людям радость — не дают! Читай, Шапский, ты, не то всех казню!

Шапский *(берет бумагу, читает по складам)*. «Ми-лы-е дети... Был я на Том све-те... Ца-ря Пе-тра по-ви-дал... Он у-каз для вас пе-ре-дал...»

Екатерина *(удовлетворенно)*. Вот! Хорошо! А теперь доставай указ... *(Балакирев молчит.)* Ну? Где указ Петра?.. *(Балакирев молчит.)* Шапский, посмотри у его за пазухой — нет ли?

Шапский *(полез Балакиреву за пазуху)*. Нету здесь, ца-рица...

Екатерина. Должен быть.

Шапский. Может, обронил?.. А может, вообще не было?

Екатерина. Как не было, дурак, коли я сама туда кла-ла?.. *(Поняв, что оговорилась, начинает театрально визжать.)* Ой, он меня замучил! Ой, он меня убить хочет! Ой, умираю!.. *(Неожиданно пошатнулась, схватилась за грудь.)* Ой, мамочка, майне либе, мне и вправду плохо сделалось...

К ней бросились фрейлины. Замахали веерами.

Анисья Кирилловна. Дунька! Что стоишь? Царица ты аль нет? Пойдем поговорим с Ванькой по-семейному.. А то все пропадем...

Анисья Кирилловна, Бурькина и Дуня окружили Балакирева, запри- читали...

Дуня. Ванечка, милый, не губи ты нас...

Бурыкина. Не погуби!

Анисья Кирилловна. Куда ты собрался, дурачок? Нам на Невском проспекте второй дом пообещали...

Дуня. И третий еще в Царском Селе построят!

Бурыкина. Как — в Царском Селе? Что мелешь? Ишь, куда, Дуняшка замахнулась!

Дуня. А что, маменька, думаешь, зря, что ль, меня государыня на царицу учит?!

Бурыкина. Так это ж только на Первый апрель?..

Дуня. А вот и нет! Государыня пообещала: коли Иван будет себя хорошо вести, Первый апрель на весь год растянем... А то и навсегда!

Анисья Кирилловна. Навсегда?! Вот счастье-то!

Бурыкина. Первый апрель навсегда?.. Как же это?.. И врать же тогда всегда придется, Дуня! Ты же врать не умеешь?

Дуня. Раньше не умела... душой была. А с Иваном пожила — поуменела...

Анисья Кирилловна. Молодец, невестка! Я и сама примечаю: раньше соврешь — в обморок падаешь, а теперь — и не покраснееешь! Молодец! *(При этих словах Балакирев дрогнул, стал опускаться на пол.)* А Ванька ослаб умом и заправдивел весь. *(Поддерживает сына.)* Держись, царь!

К ним решительно шагнул Меншиков.

Меншиков. А ну, семейка, расступись! Я тоже, чай, здесь в кумовьях! Поговорю с крестником. Раз царский указ потерян, пусть на словах все нам перескажет...

Анисья Кирилловна. Да он же не разговаривает!

Меншиков. Солдату с фельдмаршалом говорить не положено. Отвечай — «так точно». Или головой кивай... Слышь, Иван?.. Спрашиваю при всех: правда ли ты на том свете был и царя Петра видел? *(Балакирев слегка кивнул.)* Вот! Молодец! А правда ли, что он тебе не только про тайник с бумагами сказывал, но и наследника на престоле объявил? *(Балакирев сделал неопределенный жест.)* И кто ж это? Не таись!! Чего на меня уставился? Я, что ль?.. *(Неопределенный жест Балакирева.)* Я?! Вот спасибо, мин херц, Петр Алексеевич! Вспомнил друга своего верного,

соратника неподкупного... А я уж твой выбор не подведу! Подниму державу с колен!.. Ты окно в Европу пробил — я им все двери вышибу!! Имя твое прославлю!! *(Крестится.)* Все слышали?

Шафиров. Что мы слышали?

Меншиков. Как он сказал «я»?

Шафиров. Это вы, светлейший, сказа́ли «я»...

Меншиков. Ну, не дурить... Все свидетели — Иван кивнул.

Ягужинский. Кивок не документ, к делу не пришьешь! *(Подходит к Балакиреву.)* Иван, а может, царь Петр меня для трона выбрал? *(Балакирев делает неопределенный жест.)* А может, Шафирова? *(Та же реакция.)* А может, Анисю Кирилловну?.. Пляньте, он на всех кивает...

Меншиков. Он не кивает, Паша. Он глаза закрывает, чтоб вас, сукиных детей, больше не видеть... *(Пошел к Екатерине.)* Царица, ты свидетельница! На меня Иван указал. А коли ведаешь про иной царский указ, то объяви всем! Промогласно!!

Екатерина. Погоди... Он что-то говорит.

Балакирев *(смотрит на Екатерину, потом медленно произносит)*. «It is impossible get old a king, while it not... It is impossible be — come a clever king and be not crazy...»

Меншиков. Вот такой подлости от тебя, Ванька я не ждал... По-русски говори, сучий сын!

Екатерина. «Нельзя царю стареть, пока не поумнеет... нельзя умнеть царю и не сойти с ума...» Наказ английским королям!

Меншиков. За английских пусть у других голова болит. А в России надо четко изъясняться! Кто править должен?!

Екатерина. Узнаешь. Дай срок...

Раздается громкий бой часов. В глубине сцены появился Петр, но кроме Екатерины его как бы никто не видит.

А вот он и пришел... Финита шутовству! Первый апрель закончился, день без вранья наступает... Петенька, голубчик, иду к тебе...

Меншиков. Ну все! Предел моему терпенью... Докторов пора звать, вязать ее надобно!.. *(Решительно.)* Господа сенаторы! Царица разумом помутнела и берется под опе-

ку! Отечество в опасности! По праву старшего принимаю руководство державой на себя!

Шафиров. Как так? Надо сперва коллегию Сената созвать...

Меншиков. Она созвана. Ты, барон, да я... Да Пашку возьмем, коли не задурит!

Шафиров. А Голицыных приглашать?

Меншиков. Пригласи... На каторгу!

Шафиров. А Долгоруких?

Меншиков. А енти уже там!..

Ягужинский. Это заговор! Господа сенаторы, как обер-прокурор...

Меншиков (*перебивая*). Паша, я тебе все забываю сказать — ты уже не прокурор... И не обер... Просто — граф... Паша. Понял?

Шафиров. Господа, не надо при всех!.. Пойдем туда, в залы, все спокойно обсудим... Прошу, светлейший князь... (*Пропускает Меншикова вперед.*)

Меншиков. Ну нет, к вам спиной становиться нельзя! Укусите!.. Прошу уж вас, сенаторы!

Отталкивая друг друга, сенаторы уходят. Через секунду слышны звуки борьбы и даже выстрелы. Екатерина идет навстречу Петру.

Екатерина (*громко*). Петенька... Голубчик... За мной, что ль?.. (*Петр кивнул*). Господи, наконец-то! Счастье какое...

Бурыкина. С кем это она?

Анисья Кирилловна. Говорят же тебе — умом повредила... Отвернись, не слушай... Жалко убогую!

Екатерина (*Петру*). Я знала — сегодня придешь. Платье твое любимое надела. То самое, в каком впервые увидел. Помнишь? Говори, Петруша, не молчи... По голосу твоему гораздо скучаю...

Петр (*берет Екатерину за руку*). Наговоримся еще, Катя! В жизни совсем мало времени друг для дружки было. Теперь — на все хватит!..

Из-за кулис слышны выстрелы.

Екатерина (*оглянулась*). А все ж передал бы им... чего делать-то дальше с державой? Как быть?

Петр (*прислушался к выстрелам*). Эти уж не поймут. Других людей надо звать... (*Достает из-за пазухи древний*

фагот. Балакиреву.) Попробуй сыграть на нем, Иван!
Пусть другие придут, может, поймут, чего сказать им хо-
тел?.. Ты только играй, не робей...

Балакирев берет инструмент, нерешительно трогает клапаны. Зазву-
чала музыка.

Под музыку и удивленные взгляды Петр и Екатерина уходят.

За сценой слышней выстрелы.

Но музыка звучит все-таки громче...

Конец

1999 г. Москва

© *Право первой постановки —
Театру Ленком*

*И*ронические мемуары

*Заметки об актерах, юбилейные
приветствия, письма и эпиграммы
разных лет*

О Марке Захарове

Обращение в газеты, а также всем заинтересованным лицам накануне юбилея М.А. Захарова

Три года назад группа близких друзей

отмечала в ресторане день рождения Марка Захарова. Пилось вино, произносились тосты. В середине праздника вдруг выяснилось, что именинник точно не помнит, сколько ему лет... То есть он нас всех приглашал на пятидесятивосьмилетие, а ему оказалось всего 57! Документов у именинника с собой не было. Год своего рождения он помнил не точно... Поэтому пересчитали еще раз... С арифметикой у всех присутствующих было неважно, посему у одних получилось 57, у других — 58, у некоторых — аж 73... На этом и успокоились!

Постоянный тамада и пожизненный президент застольий Шура Ширвиндт предложил тост за «неопределенный возраст юбиляра, что свидетельствует о его вечной молодости и нарастающем склерозе!»...

К чему это я? Да к тому, что приближающееся 60-летие художественного руководителя Театра Ленком Марка Анатольевича Захарова вызывает у меня большое сомнение относительно точности отмечаемой даты.

Если вспомнить все звания и почетные должности предполагаемого юбиляра — народный артист России, лауреат Государственных премий, секретарь СТД, президент режиссерской гильдии, профессор, член Президентского совета и т.д. и т.п., — то получается, что 60 лет слишком мало, чтобы все это заслужить...

Если же вспомнить необузданность его характера, бешеную музыкальную энергетику спектаклей, постоянную взрывоопасность экономическо-политических авантур, в которые он пускается, почти патологический журналистский зуд и готовность писать статьи для всех печатных органов, включая многотиражки, то очевидно, что перед нами — представитель современной суетливой

молодежи и никаких юбилеев ему еще вообще не положено!

Короче: всем организациям и частным лицам, собирающимся отмечать 60-ю годовщину со дня рождения и 40-летие творческой деятельности Марка Захарова, советую прежде всего потребовать у него паспорт для установления точности даты. Уверен, что паспорт он не покажет (возможно, он его сжег в качестве репетиции перед сжиганием своего партбилета)!

И вообще, из всех документов у него в кармане окажется лишь какой-нибудь старый студенческий пропуск с потертым корешком и юной физиономией, что, кстати говоря, очень соответствует сегодняшнему облику этого уважаемого мэтра...

Четыре послания Олегу Янковскому

Олег Янковский так прочно

вошел в мою жизнь и фильмы, что я готов о нем рассказывать долго, восторженно и по возможности... в стихах.

Впрочем, стихи, ему посвященные, возникали не всегда от избытка восторга. Иногда — от трудностей в работе...

Скажем, во время озвучания фильма «Тот самый Мюнхгаузен» выяснилось, что великолепный на вид барон Карл Фридрих Иероним разговаривает с каким-то саратовским акцентом и с большим трудом выговаривает некоторые слова и выражения, присущие германской аристократии.

В частности, называя свою супругу баронессу Якобину фон Дуттен-Мюнхгаузен, он как-то проглатывал гласные, отчего она в его устах именовалась... Якобы... бинной... б-р-нессй фнддтн...

Вот тогда в тон-студии я и написал первое стихотворное послание Олегу.

О.Янковскому на озвучании фильма «Тот самый Мюнхгаузен», 1979 г.

Есть у природы погрешности,
С этим придется смириться нам:
Мне не достичь твоей внешности,
Тебе не достичь моей дикции...

Зато в следующем фильме, «Дом, который построил Свифт», Олег работал безукоризненно... поскольку на протяжении почти всего фильма декан Свифт не разговаривал, а просто молча смотрел...

Молча же смотреть на этот мир не может никто лучше Янковского.

Именно этому удивительному дару Олега я и посвятил следующее послание.

О Янковскому, сыгравшему молчащего Свифта

Ты так талантливо молчишь, Олег,
Что молча глушишь всех коллег!

Трудности возникли и во время съемок фильма «Убить дракона!»... Янковский, по замыслу режиссера, должен был сыграть безобразного, отвратительного Дракона, держащего в страхе город и пожирающего невинных девушек. Но уже во время кинопроб выяснилось, что обаятельный Янковский не поддается стараниям гримера... О чем я и поведал, выступив на худсовете с рифмованной речью следующего содержания...

Речь на худсовете по поводу кинопроб Олега Янковского в роли страшного Дракона, 1985 г.

Как Олега ни уродуй,
Нам не совладать с природой...
Зубы вставь, скриви два глаза —
Все равно красив, зараза!..

Несмотря на логику моих антидраконовских доводов, худсовет утвердил Янковского. Самое странное, что и я проголосовал... за!.. (Как и предсказывал Евгений Шварц, дракон уже, очевидно, проник в мою душу..)

На последнее по времени стихотворное послание Янковский вдохновил меня во время празднования 20-летия выхода фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Торжества я придумал проводить в цирке. «Самый правдивый человек» возвращался в храм самого правдивого искусства... Ведь в цирке все по правде... Стрелять так стрелять... Летать так летать... Поэтому некоторые персонажи согласились выступить в соавторстве с хищниками. Чурикова — со львами и тиграми, автор сценария — с удавом, Ярмольник — с обезьянами... (Что оказалось еще опасней. Ибо львы, тигры и змеи в цирке к человеку настроены благоприятно — если сыты, а обезьяны чувствуют в каждом артисте соперника... Поэтому, когда Л.Ярмольник имел слишком бурный успех, одна горилла из зависти поставила конкуренту фонарь под глазом.)

Но рискованней всех выступил Олег Янковский. Он решил улететь под самый купол на глазах у публики. И когда циркачи уговаривали народного артиста не рисковать, а позволить все сделать дублеру (мол, в темноте зритель не заметит), Янковский категорически отказался, напомнив всем фразу из фильма: «Мюнхгаузен славен тем, что... не врет!»...

И вот когда Олег Иванович, невозмутимо улыбаясь, поднялся на моих глазах на высоту более ста метров, я, стоя внизу и нервно поглаживая холодную змею на плечах, сочинил очередной мадригал...

Янковский под куполом...

(Ода с удавом на шее)

Не космонавт, не Копперфильд —
Янковский в небо улетает.
И сверху весело глядит,
Как цирк от страха замирает...
А я внизу дрожу вдвойне —
Ведь я придумал эту глупость...
Я жду, что зритель крикнет мне:
«Мы просим автора... под купол!...»
Но на плечах моих удав
Шипит мне в ухо, утешая:
«Не бойся, автор. Горький прав:
Рожденный ползать — не летает...»

Подарки, завернутые в стихи

Про старую театральную традицию

нельзя на юбилей коллеги приносить подарок, не упаковав его в добрые слова и напутствия.

Я заворачиваю свои подарки в стихи. Вот некоторые из них.

М.А. Ульянову

Я настаивать не стану,
Но кого ты хошь спроси —
Нет фамилии «Ульянов»
Популярней на Руси...
Был Владимиром политик,
Михаилом был актер...
Ну а кто стал знаменитей,
Люди спорят до сих пор...
Я ж считаю, в этом споре
Михаил непобедим!!
Потому Володьке с горя
И пришлось брать псевдоним...

Нонне Мордюковой

Кто ты, Мордюкова Нонна?
Вы спросите у меня...
Я скажу: «Для нас — мадонна,
Наша «Мама» и «Родня».
Наша почва, наше небо...
Синь озер и ширь полей,
Кем бы ты в России не был,
С нею родина милей...
С нею даже Урмас Отт
Тоже русский патриот...

О Леониде Броневом

Разговор, подслушанный на улице

Спорили два мужика,
Про гестапо и Чека...
У кого был шеф умнее,
Тверже у кого рука?
Тут вдруг к ним прибился третий
И, прислушавшись, заметил:
«Тут и спорить бесполезно,
Немец тверже головой.
Наш-то Феликс — он железный,
Ихний Мюллер — Броневой!»

Слово, определяющее ее профессию,

не имеет женского окончания («режиссерша» звучит пренебрежительно). Но сказать про Галю «режиссер» — тоже неверно. Слишком сильно в ней женское начало, чтобы она согласилась им поступиться. Поэтому театр придумал ей особый титул: «главный режиссер».

«Главный режиссер» — это не название, не должность. Это — судьба. Применительно к театру «Современник» — доля.

«Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» Уверен, Некрасов не возражал бы против этого определения применительно к Галине Борисовне. Он не был антисемитом, издавал журнал «Современник», без добавления «наш» в жестком невзоровском понимании...

От мужского режиссерского ремесла она взяла все необходимые профессиональные навыки: хриплый голос, сигарету в зубах, твердый характер, умение вовремя и по делу употреблять те самые запретные слова, без которых, как выяснилось, в России не может руководить никто, даже президент. Это ведь он, Михаил Сергеевич, назвал после путча своих бывших соратников «мудаками». Слово настолько расхожее в театральном закулисье, что, вероятно, отсюда пошла гулять версия: а не режиссер ли он этого спектакля?

Впрочем, бог с ними, с мужскими качествами. Поговорим лучше о ее женских достоинствах. Они бесспорны: красота, эlegantность, остроумие. Но главное не в этом. «Сила наша — в наших слабостях», — говорит шекспировская Катарина из «Укрощения строптивой».

Это и про Галю. Женских слабостей у нее достаточно, и она их не скрывает... Расплакаться из-за неудачной прически, расстроиться, если нужная шмотка уплыла к подруге, порадоваться, если шмотка оказалась той мала...

Какое счастье — быть естественной и знать, что твои друзья тебя не осудят!

С родным театром у нее сложнейшие взаимоотношения, недоступные пониманию даже фрейдистов. «Современник» для нее — отец, супруг и дитя одновременно... «Крутой маршрут» ее жизни, «Смирненное кладбище» не сыгранных ею ролей...

И если понравится новый спектакль — не будьте занудами, не ищите блох и «концепций», просто позвоните Волчек и скажите:

— Спектакль, Галина Борисовна, потрясающий! — И чтобы доставить истинное наслаждение, добавьте: — И выглядела ты, Галка, в этом синем костюме шикарно!

P.S. Через несколько лет после опубликования этого портрета Галины Борисовны мне пришлось добавить к нему несколько существенных штрихов.

Случилось это на ее юбилее в «Современнике»... Мы с Марком Захаровым должны были выступить по поручению Театра Ленком. Но Захаров неожиданно заболел, был отвезен в Германию и там прооперирован...

Буквально едва-едва выйдя из-под наркоза, он позволил мне и напомнил, что у уважаемой и любимой нами Гали Волчек юбилей, и было бы хорошо, если б я написал какое-нибудь вежливое письмо от его имени...

Я так и сделал.

Письмо имело столь сильный резонанс, что, думаю, его будет правильно поместить здесь для дополнения облика Галины Борисовны...

Письмо Галине Волчек

(Написано по мотивам телефонного разговора с М.Захаровым, находившимся на лечении в Мюнхене. Зачитано 19 декабря 1993 г. в Театре «Современник».)

Уважаемая Галина Борисовна! Дорогая Галя! Майне либен швестер ауф фон дер искусство! Письма из зарубежного далека в традициях российской истории.

Как Ленину из Цюриха, как Солженицыну из Вермонта, так мне из Мюнхена кажется ясней, как обустроить Россию. Если Америку из кризиса вывел президент-ак-

тер, нам необходим — режиссер. И хорошо бы — главный. И обязательно — женщина!

Мужик — он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм.

Вы — всегда трезвы, немногословны, не имеете возраста, то есть можете выбираться пожизненно.

Ваша анкета — идеальна! Пятый пункт не должен никого смущать!

Во-первых, все царицы в России, начиная с Екатерины Первой, — не из великороссов.

Во-вторых, после успеха Жириновского на выборах наш народ доказал, что он, народ, не антисемит!

Кроме того, если он — сын юриста, русский по матери, то вы — дочь оператора, русская по сыну. Этого более чем достаточно!

Вообще, успех ЛДПР отсюда, издалека, видится по-иному! Интеллигенции не надо впадать в отчаяние и посыпать головы пеплом моего сожженного партбилета.

ФАШИЗМ В РОССИИ НЕ ПРОЙДЕТ

Почему? Да по той же причине, по которой у нас не прошли ни социализм, ни капитализм!

Все сравнения с Германией 33-го года неправомерны! Немцы и тогда были удивительно работающими, послушными, экономными... У нас, слава богу, всех этих страшных предпосылок фашизма нету!

Сказано же классиками: что русскому здорово, то немцу смерть! И наоборот!

Русские, как известно, долго запрягают, но потом... никуда и не едут.

Просто запрягают и распрягают, распрягают и запрягают!..

Это и есть наш **ОСОБЫЙ ПУТЬ!**

Наш крутой маршрут судьбы, по которому Вы приведете нас к финалу и аплодисментам! Соглашайтесь, майне либен Галина!

А я и мои друзья всегда готовы отдать Вам свой голос, сердце и душу!

От всей души — тринкен Ваше здоровье!

Ваш(и) Марк Захаров (и Григорий Горин).

Игорь Кваша — здоровый мужик

высокого роста. Только не все знают об этом. Я тоже узнал совсем недавно.

20 августа 1991 года, в самый тревожный день путча, Кваша был на митинге возле Белого дома вместе с женой. Неожиданно кто-то сверху, со ступенек, прокричал в мегафон:

— Товарищи! Срочно нужны здоровые высокие мужики в отряд самообороны!

Кваша сразу понял, что это про него, и, не раздумывая, сделал шаг вперед. Два дня и две ночи он был там, в самых первых рядах, с противогазом на случай газовой атаки... Он даже надевал его несколько раз...

Теперь вы понимаете, почему у Янаева дрожали руки от страха?

Некоторые знакомые удивились, что Кваша пошел на баррикады. Я — нисколько. Я вообще считаю, что он и не сходил с них никогда. Еще с 60-х!.. Там он провел основную часть времени, воюя с тиранами и несправедливостью.

Идеальная роль, которую он еще сыграет на сцене, — Дон Кихот! Почему-то принято давать эту роль длинным долговязым актерам. Чушь! Это копье должно быть длинным, чтобы гнуться, а актер должен быть невысоким и негибачимым. Впрочем, Игорек вам это лучше все объяснит! Спорить с ним трудно, переспорить — невозможно. Даже друзьям.

В последнее время Игорь стал популярным телеведущим передачи «Ищу тебя!». В связи с этим я написал ему новое послание:

Кваша — типичный Дон Кихот.
От жарких битв он не устанет.
В разлуке каждого найдет.
И в споре — каждого достанет!

...Ну что за странная фамилия?

Да и фамилия ли?.. Похоже на аббревиатуру: ГОСТ... ГАБТ... ГАФТ... Ломаю голову над приемлемой расшифровкой... ГЛАВНЫЙ АКТЕР ФАНТАСМАГОРИЧЕСКОГО ТЕАТРА... ГНЕВНЫЙ АВТОР ФИЛОСОФСКИХ ТИРАД... Не, не то. Листаю словари. В русском словаре Даля слова «гафт» нет. Есть «гаф-топсель», то есть «парус над гафелем»... «Гафель» — «полурей над мачтой»... Что такое «полурей» — не знаю. «Полуеврей» — понятно, «полурей» — нет. Смотрю «Еврейскую энциклопедию». «Гафта» опять нет. Зато есть «гафтара»... «Гафтара» — глава из Книги Пророков, читается по субботам и праздникам. Близко, но не то...

По-немецки «хафт» — «арест», по-английски «gift» — «подарок»... Опять не то. Не «арест» он никакой, а уж не «подарок» — точно.

Беру медицинский справочник. Какое-то слово по-латыни, похожее на сочетание «гафт», и пояснение: «ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»...

Ну конечно! И как я не мог сразу догадаться? «Гафт» — не фамилия, а диагноз!

Особое состояние организма, когда нервы обнажены и гонят через себя кровь, слова, мысли.

Я лично болен Гафтом еще с юности. Когда увидел его в спектаклях у Эфроса. Потом — в Сатире. Потом — опять у Эфроса. Потом в «Современнике»... Потом он меня уже преследовал всюду. Когда я вижу его на сцене, у меня начинает стучать сердце, слезятся глаза, мурашки бегут по коже. От общения с ним кружится голова, всякий разговор — шаг в безумие...

— Валя, как прошел вчерашний спектакль?

— Гениально, старик! Гениально! Первый акт я вообще сыграл на пределе возможного. Многие даже ушли в антракте, думали — конец! Но второй я сыграл еще лучше...

— При полупустом зале?

— Да нет, старик... Зал заполнился... Народ со сцены полез в зал, чтобы посмотреть... Спектакль я практически один заканчивал. — И сразу, без паузы: — Но вообще-то, старик, честно — я стал плохо играть. Рас-тренирован. Не с кем же у нас работать... и пьеска эта, конечно, фельетон. Там нет глубины! Старик, напиши для меня, я хочу играть в твоей пьесе.

— Валя, но вчера была тоже моя пьеса!

— Ну да... Я и говорю. Пьеса гениальная! Мы играем не то. И я стал плохо играть. Вот в кино сейчас сыграл здорово. По-моему, гениально. Видел мой последний фильм?

— Видел.

— Плохо я там играю... Потому что сценарий — дерьмо. Не твой случайно?

— Нет.

— Вот поэтому и — дерьмо. А пьеса твоя гениальная. И та, что вчера играл... Ты только напиши ее, старик. Я сыграю. Я смогу.

Тут он прав. Он сможет, сможет свести с ума и сделать счастливым.

Я готов писать для него. Я болен Гафтом неизлечимо...

... Не мне писать о Зайцеве-художнике.

Есть специалисты-искусствоведы, есть коллеги, есть женщины, в конце концов...

Я скажу о Славе как о художнике слова.

Зайцев у микрофона — это тоже явление незаурядное. Особенно когда приходит вдохновение. А судя по его многочисленным выступлениям и интервью — ораторское вдохновение его посещает часто.

Он и не говорит. Он как бы пенится словами. Он как бы поет... Он как бы менестрель и акын одновременно...

Знаменитый мольеровский герой не знал, что говорит прозой. Когда ему объяснили, он был крайне удивлен. Слава, возможно, не знает, что говорит стихами. К поэзии он обращается интуитивно, как бы отыскивая дополнительный материал для своих идей в условиях полного дефицита. Нет тканей, нет ниток, нет пуговиц... Что остается в таких условиях художнику моды? Только слова...

Чудные, напевные слова: «батист», «креп-жоржет», «шифон»... И Слава сыплет ими, как знаменитый портной в сказке про голого короля в нищей стране, пытаясь хотя бы из слов сшить хоть что-то в воображении людей, и довершает свой ансамбль кружевами эпитетов и метафор...

От его фантазий кружится голова. Особенно у женщин. Когда он вдохновенно живописует какой-то новый наряд, женщины пьянеют, безумеют и готовы либо тут же иметь такое платье, либо, по крайней мере, немедленно скинуть свое...

Впереди у Зайцева трудные времена. Впрочем, как и у всех у нас. Если процесс одичания общества пойдет с такой же скоростью, как сегодня, то впереди у нас —

мода на шкуры, перья и набедренные повязки... Но и тут, я уверен, он что-то придумает и попробует сделать всех нас хоть чуть-чуть привлекательней. Может, сплетет какие-нибудь особые лапти, может, сочинит разноцветные портянки, может, повесит кольцо в нос и — пожалуйста: русская мода вновь покорит мир. И опять все будут им восторгаться. Тем более что это так несложно: надо лишь многократно повторять его имя:

Слава! Слава! Слава!

...М иша Козаков —

самый юный Гамлет России. Помню его еще молодым красавцем с пышной прической, всегда окруженного восторженными поклонницами, славой и сплетнями. Сплетни для актеров всегда были важнее рецензий, выдумки — предпочтительней «Правды» — я имею в виду одноименную газету..

О Мише Козакове сплетничали всегда.

После грандиозного успеха фильма «Убийство на улице Данте» прошел слух, что Миша — обрусевший француз, любовник Бриджит Бардо, побочный сын Шарля де Голля... Потом почему-то стали говорить, что он итальянец, откуда, мол, и «улица Данте», и вообще его подлинная фамилия не Козаков, а Казанов...

После многосерийного фильма, где он снялся в роли Феликса Дзержинского, пошел слух, что Козаков поляк, тайный агент нескольких разведок и на своих вечерах, читая стихи, передает шифром секретные сведения тем, кто понимает...

(Говорят, были даже случаи, когда тех слушателей, которые понимали Бродского в исполнении Козакова, вызывали куда следует для дачи объяснений...)

Известие о том, что Козаков еврей и уезжает в Израиль, потрясло всю общественность... Казаки насмерть обиделись... По Дону прокатились волнения... В синагогах ликовали!

Потом поползли слухи о его необыкновенных успехах на Земле обетованной... Рассказывали, что он выучил иврит за неделю, играет на нем много ролей (в том числе и женских под фамилией «Селезнева»). А в свободное время выступает с речами и чтением стихов в кнессете.

И еще говорили, что он сказочно богат — купил огромную квартиру и теперь выгодно сдает ее же по двойной цене самому себе.

И вот я сижу в квартире Миши в Тель-Авиве на улице Боруха Спинозы. Квартира действительно большая, но, как выясняется, слишком дорогая, и ее, очевидно, придется сменить. На иврите Миша говорит мало, в основном употребляя слово «лехаим», понятное мне без перевода... На русском — живо интересуется новостями из Москвы, рассказывает о своем житье: с шести утра учит язык, потом учит роль, потом снова учит язык, потом репетирует роль, потом играет спектакль, потом — короткий сон, во время которого разговаривает на двух языках сразу.. Он совсем не изменился с момента нашей последней встречи в Москве — разве что стал сосредоточенней и добрей: ни о ком из своих коллег не говорит плохо. Качество редкое для служителей театра в Израиле и в России...

Я смотрю на него, слушаю и думаю, какую же новую легенду привезу о нем в Москву. А расскажу я вот что: оказалось, Миша Козаков — не полуврей, не полурусский, не четвертьфранцуз, а самый что ни на есть чистокровный АРТИСТ — со всеми достоинствами и недостатками, присущими людям этого особого, Богом избранного народа...

Н ачинаю писать портрет

Шуры Ширвиндта, и... рука останавливается. Слишком давно знакомы, слишком плотно общаемся. Тот случай, когда знание деталей только мешает. Как говорится: лицом к лицу — лица не разглядеть. Да и не с моими жалкими возможностями братья за такую модель. Здесь нужны сочные краски, рембрандтовская кисть. Фантазируя, закрываю глаза и вижу портрет Шуры — в домашнем халате, в кресле, с бокалом вина и Саскией на коленях... Или даже с двумя Саскиями... или тремя... (Сразу оговорюсь: ревнителей домашнего очага прошу не возмущаться. Уверен, Таточка Белоусова, жена Шуры, простит мне эту фривольную композицию. Она мудрая женщина и понимает, что силуэты двух-трех Саский на полотне не затмевают ее лика мадонны и царицы семейного очага. В свое время я подтвердил это стихами в ее честь, где есть и такие строки: «Как самый счастливый билет в лотерее, так русская женщина — в доме еврея!») Впрочем, не отвлекаемся. Итак, рисуем Шуру с несколькими Саскиями... Это стереотип, который навязал ему кинематограф: сердцед, соблазнитель, бабник!..

Иногда, правда, давали сыграть роли меньшевиков. Особенно в застойные годы. Кто-то наверху решил, что типичный меньшевик — это Ширвиндт в пенсне... Большевика разрешили сыграть только один раз, в фильме Карасика, и то — в гробу!

А он еще наиграл бесчисленное количество иностранцев: элегантный француз, суматошный итальянец и, конечно, невозмутимый англичанин с неизменной трубкой во рту.

О, эта несчастная судьба артиста с космополитически правильными чертами лица!

И мало кто знает, что начинал Шура свою жизнь в искусстве как простой русский мужик в спектакле Театра имени Гоголя по пьесе Салынского... Шура с нежностью вспоминает эту этапную роль, когда целый акт надо было лежать в валенках в избе на печи, а потом произнести всего одну реплику: «ПОШТО, МУЖИКИ, ЗАЗРЯ ПО СТЕПУ МЫКАЕМСЯ?!»

Представляю, как замирал зал от неожиданности!..

К сожалению, позже ничего близкого по силе выражения глубины народного чувства драматургия ему не предлагала.

А зря! Ведь если приглядеться повнимательней, Александр Ширвиндт — явление в нашем искусстве удивительно российское, почвенное, сермяжное, если хотите, — недаром же его так обожают и принимают простые люди: рыбаки, егеря, шоферы да и просто ханьги у магазинов. Спотыкаясь о его фамилию, именуя его то Ширлингом, то Шиллингом, они все-таки моментально признают его стопроцентно своим, надежным мужиком.

Вообще убежден: владение Шурой так называемыми «подцензурными выражениями» — искусство неповторимое, музыкальное, если вдуматься! Не удивлюсь, если со временем меломаны и знатоки будут организовывать специальные концерты в залах филармонии, чтобы прийти и послушать, как звучит какое-нибудь низкое «бля» в Шурином исполнении...

А впрочем, может, я ошибаюсь, российского мужика ему уже не сыграть. Потому что впереди у него — роли из библейских сюжетов... Пастух Авраам... Или строитель ковчега Ной. А может, и Моисей, ведущий толпы людей через пещи? Картина, достойная кисти Иванова: идет Шура с развевающейся бородой по барханам, дымит трубкой, подбадривает слабых, осаждает нахальных. И так он естественно вписывается в эти библейские пейзажи... И лишь печально-иронический взгляд выдает вечный вопрос, волнующий его с молодости: «Пошто, мужики, зазря по степу мыкаемся?!»

У Миши Державина

нелегкая актерская судьба — о нем почему-то не сочиняют сплетен. Это вам не Гафт, не Козаков... Не Ширвиндт, наконец, хотя они появляются на экранах телевизоров почти всегда вместе. Но про Ширвиндта сплетничают, про Державина — нет: вот такая загадка зрительской психологии.

Даже в зените своей славы, когда Миша был Ведущим популярнейшего «Кабачка «Тринадцать стульев», о нем не сочиняли слухов и анекдотов. Про пана Директора — да («женился на пани Монике»), про пана Гималайского — пожалуйста («У Гималайского родилась тройня. Все три матери чувствуют себя хорошо...»). Про пана Ведущего ничего подобного никто не припомнит.

Просто симпатичный Ведущий — и песенка «Закрит, закрыт кабачок...» Мало! Непростительно мало для известного артиста, каким Державин и является на сегодняшний день.

Пора исправлять превратности судьбы. Пора сплетничать о Державине, тем самым переведя его из разряда «широкоизвестных» в разряд «знаменитых», где ему и приличествует быть соответственно таланту и заслугам.

При этом ничего и не надо выдумывать. Здесь подойдет грибоедовское: «...Я правду о тебе порасскажу такую, что краше всякой лжи...»

Итак, Михаил Державин — сын известнейшего вахтанговского актера Михаила Державина — с детства был окружен знаменитостями и популярнейшими личностями (Щукин, Симонов, Целиковская, Максакова, Завадский...). Список, которого иному хватит на целый том мемуаров и интервью, Миша скромно умолчал, не сделав друзей отца своими покровителями...

Ну, ладно. Можно это и как-то понять и простить. Но, выйдя из знаменитой семьи, он, женись неоднократно, попадал в еще более знаменитые семьи... И снова — никакого резонанса в обществе.

Сообщаю любопытным: первый тесть — Аркадий Райкин.

Не ахайте! Да, об этом не писали... Да, вы не знали! А как вы могли знать, если Михаил никогда не стоял на сцене рядом с великим родственником и никогда не сообщал журналистам, что, мол, «вот тут... как-то с женой Катей и с... Аркадием Исааковичем мы пьем чай на кухне... и он меня спрашивает... Миша, а в чем смысл жизни?»

Не было таких интервью. И, естественно, народ не знал ни дня свадьбы, ни часа развода... Что, конечно, не способствовало славе Михаила Державина.

Второй тесть был еще более знаменит... Легендарная личность. Герой гражданской войны. Фольклорный персонаж... Что вы говорите? Чапаев?!

Почти угадали... Буденный!

И опять никакой утечки информации. Про то, что Миша Державин — зять легендарного маршала, знали лишь очень близкие люди да еще, может быть, «классные следопыты». Это их мужественные отряды, бредущие по запутанным маршрутам Первой Конной, добирались наконец до поселка Переделкино, где располагалась маршальская дача и где их рапорт должны были принять сам Семен Михайлович, или его жена, или член его семьи, которым обычно и оказывался, к их изумлению... Ведущий «Кабачка».

Походы Первой Конной заставляли их любить учителя. «Кабачок» они любили сами, со всей страстностью чистых пионерских сердец. Поэтому, когда выяснялось, что после многодневного бессмысленного перехода по болотам и топям надо салютовать и рапортовать пану Ведущему из «Кабачка», они понимали, что труды и лишения были не напрасны и счастливое детство, которое обещало государство, уже наступило.

— ПИОНЕРЫ! — говорил им Державин, поднятый охраной с постели и потому застенчиво запахивающий полы домашнего халата, из-под которого выглядывали пижамные штаны. — ЗА ДЕЛО ПАРТИИ БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

— ВСЕГДА ГОТОВЫ! — отвечали пионеры и тут же, без паузы: — ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ ПАНУ ЗЮЗЕ! УР-РА!!!

Седой маршал наблюдал эти сцены с балкона, прислушивался к раскатному «ура» и смахивал скучную слезу..

Он вообще очень любил зятя-артиста. Часто играл для него на гармонике и давал ему творческие советы типа:

— В театре, Миша, я думаю, как в бою... Надо доверять первому решению. Увидел Человека — и руби его к ядрене матери! А то, Миш, он тебя зарубит!

Советы тестя впрок не пошли.

Михаил никого не порубал из своих коллег, никого не оттолкнул, даже локтем.

Так и жил, обходя сплетни и скандалы. Поэтому настоящая слава обходила его...

И сегодня он «выгодно» женат с точки зрения прибавки популярности. Его жена — популярная певица Роксана Бабаян, но поет с ней почему-то нахальный эстонец Урмас Отг, а Миша даже не аккомпанирует..

К чему я все это рассказываю?!

К тому, что мы равнодушны и нелюбопытны... И судьбой артиста не интересуемся, пока он не запьет, не повесится или в отчаянии не начнет публично перетряхивать постельное белье...

Я смотрю на Мишу Державина, на те роли, какие ему достаются в театре и кино, и с горечью думаю: «Господи! Как бы он сыграл Чичикова! А мистера Пиквика! А какой это мог бы быть Несчастливцев!»

Ау, режиссеры, где вы?!

Ну что ему, убить кого-нибудь или банк грабануть, чтоб заинтересовались?..

Не может он, в силу застенчивого характера. Поэтому я и стремлюсь привлечь к нему внимание, как умею...

Кстати, говорят, он приватизировал Московский ипподром имени Буденного... И в связи с распадом Великой Державы свою роскошную фамилию сократил и отзывается на кличку Держик...

Ну, что еще? Остальное сами придумайте...

Народные сказки про Ширвиндова и Державиндта

Как я уже писал,

Александр Ширвиндт, несмотря на сложность своей фамилии и анкетных данных, явление удивительно русское, почвенное. Недаром он так тянется к земле. Купил в деревне Синцово дом, завел корову по имени Фира (в девичестве — Ночка). Я побывал в этой деревне, встречался с селянами — ширвиндчанами. Они очень гордятся своим земляком. Рассказывают о нем байки и анекдоты. Причем в байках переиначивают его трудную фамилию на Ширвиндов, как бы чувствуя в нем своего смекалистого мужика.

В отличие от Михаила Державина. Который (вероятно, оттого, что в интермедиях часто играет зарубежного гостя) в народе именуется по-чужеземному — Державиндт.

Вот парочка коротких сказок, которые мне удалось записать...

Как Ширвиндов с Державиндтом кайф ловили

Собрались раз Ширвиндов с Державиндтом на рыбалку кайф ловить.

Державиндт взял удочки, Ширвиндов — закуску. Пошли. Ширвиндов как пришел, так сразу на бережок сел, выпил, закусил — и кайф словил.

А Державиндт вдоль реки бегаёт, руками машет, дорогие блесны в воду бросает, но кайф никак поймать не может.

Подбегает к Ширвиндову, а тот уже сидит в кайфе, трубку курит. Державиндт и спрашивает:

— Ширвиндов, на что кайф ловишь?

— Не скажу! — говорит Ширвиндов. — Сам догадайся!

Побегал Державиндт еще вдоль речки, спиннинги побросал, возвращается — а Ширвиндов уже столько кайфу

словил, что даже прилег и одним глазом смыкает... Заплакал бедный Державиндт, взмолился:

— Ну, будь другом, Анатолич! Скажи, на что кайф ловишь?

— Ладно, как другу скажу, — говорит Ширвиндов ласково и нецензурно. — На тебя, Державиндт, и ловлю... Если б ты только знал, какой кайф на тебя смотреть, как ты вдоль реки туда-сюда бегаешь и ничего не ловишь...

— Вот оно что?! — ахнул Державиндт. — Я тоже так хочу...

С тех пор его часто на реке одного видят: побегаёт-побегаёт — в воду на себя посмотрит... Кайф словить пытается...

Как Ширвиндов с Державиндтом с английской королевой разговаривали

Приезжала к нам тут недавно аглицкая королева. Поздоровкалась она за руку с Ельциным, походила туда-сюда с Черномырдиным да с Лужковым — закручинилась.

— Я, — говорит, — не могу долго на эти лица смотреть... Они на меня действуют хуже английской соли. Неужели нет здесь личности, чтоб хоть малость на лорда смахивала? Чтоб и стать была, и аромат, и вообще чтоб был джентльмен?

— Есть! — обрадовался Лужков. — Есть, ваше величество, и именно такой. Ширвиндов фамилия! И статный, и трубку курит, и лицом даже красивей меня...

— Ах! — обрадовалась королева. — Позвать его скорей ко мне! Надеюсь, он спик инглиш?

— Не совсем! — отвечает Лужков. — Это Державиндт по-аглицки действительно спик... А Ширвиндов — нет, но в остальном полный ферштеен...

— Ладно! — вздохнула королева. — Хрен с вами! Зовите обоих!

Ну вот! Срочно кличут Ширвиндова с Державиндтом во дворец.

Надели они, согласно этикету, чистое белье, сверху — смокинг и предстали перед королевскими очами.

Королева как Ширвиндова увидела, так затряслась.

— Ах, — говорит, — хау ду ю ду, мистер Ширвиндов. Айм глет ту мит ю! Найс ту си ю!

Ну, Державиндт начал губами шевелить, перевод слов искать...

А Ширвиндов сразу понял и отвечает:

— Спасибо, ваше величество! Не откажусь!..

Наливают им по полной, все выпивают, королева продолжает:

— Хау ар ю, мистер Ширвиндов? Вери вел?

Державиндт к словарям бросился, а Ширвиндов все сразу понял и говорит:

— Ваше величество! В любое удобное для вас время!

Тут королева совсем расплылась, говорит:

— Да! Это джентльмен так джентльмен! Я желаю его наградить и делаю почетным членом палаты лордов!

— Спасибо, ваше величество! — говорит Ширвиндов. — Но я для этой должности уже староват. Поэтому, ежели такая ваша царская воля, то сделайте по четным членом меня, а по нечетным — Державиндта!

— Ладно! — засмеялась королева. — Хрен с вами! Гуд бай!

Тут и Державиндт все понял и тоже сказал по-английски: «Гуд бай!» Сдуру!

А Ширвиндов, как и положено, ушел по-английски — не попрощавшись!..

Феномен популярности Крамарова

будет еще долго волновать киноведов. Разглядывая его фотографии, потомки вряд ли смогут представить, каков был Савва и какова была его слава... А слава была бешеная, я тому свидетель...

Вспоминаю: конец 70-х годов. Харьков, дни советского кино на стадионе.

Среди гостей — Рязанов, Санаев, Смоктуновский и другие знаменитости. Впрочем, зал это мало волнует. Всем выступающим дается понять, что они — гарнир, приправа к горячему блюду. «Горячее» подадут, естественно, позже... Одним словом, Савелий запаздывает. Точнее — самолет, на котором он, может быть, прилетит... Радиосвязь с командой установлена, и ведущий программу конференсье периодически успокаивает публику сообщениями об этапах следования авиалайнера. Народ благоговейно смотрит в небо и скандирует имя приближающегося божества:

— КРА-МА-РОВ! КРА-МА-РОВ!

...И вот — оно случилось! Звуки фанфар!

На сцену выезжает мотоцикл начальника харьковской ГАИ. В люльке — Савелий, со шлемом на голове, что придает его неповторимой внешности особый шарм.

Публика неистово аплодирует.

Крамаров оглядывает ряды, как Цезарь легионы, и громко выкрикивает первый тезис своей тронной речи:

— ДРУЗЬЯ! БЛАГОДАРИЮ ВСЕХ! ВЫ ЗНАЕТЕ: В КИНО Я ИГРАЮ В ОСНОВНОМ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ. НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ МЕНЯ ВЕЗДЕ И ПРИНИМАЮТ КАК РОД-НО-ГО!!!

Радость публики не поддается описанию... Люди обнимаются, хлопают друг друга по спине, целуются.

Савелий невозмутимо продолжает:

— МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ ПОКЛОННИКИ:
«А СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?»

Я ГОВОРЮ: «А СКОЛЬКО ДАДИТЕ?»

ОНИ ГОВОРЯТ: «ВАМ ДАДИМ... ОТ ТРЕХ ДО ПЯТИ
ЛЕТ... СО СТРОГОЙ ИЗОЛЯЦИЕЙ!»

Тут публика издает вой, вскакивает с мест, плачет от
счастья...

(Позже, познакомившись с Савелием поближе, я
с удивлением обнаружил, что он довольно образованный
молодой человек, любит литературу, мечтает сыграть
Хлестакова и всерьез изучает основы иудаизма. Впро-
чем, все это скрывалось от публики. Народ имел такого
Крамарова, которого хотел видеть...)

— МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ: «А КТО, САВЕЛИЙ,
ВАША ЖЕНА?»

Я ГОВОРЮ: «А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?»

ОНИ ГОВОРЯТ: «ДУМАЕМ, ОДНА ИЗ ДВУХ... ЛИБО
АВДОТЬЯ НИКИТИЧНА, ЛИБО ВЕРОНИКА МАВРИКИ-
ЕВНА!!»

Обвал. Вой, стон. Первые обмороки...

Вот какова была его слава. И вот от чего он однажды
решил отказаться, подав документы на выезд в Америку.

Начальство ахнуло: и чего такому человеку не хвата-
ло?

Интеллигенция тут же сочинила злую остроуту насчет
очередной «утечки мозгов».

Простой народ просто отказался верить, восприняв
происходящее как очередную хохму:

— Савелий евреем заделался? Ну, молодец... Ну, дает...
Ну, наливай!

Фильмы с его участием еще некоторое время продол-
жали показывать по телевизору, хотя фамилию из тит-
ров аккуратно вырезали. Идиотизм нашей цензуры! Как
будто Крамарова можно было с кем-то перепутать!

Потом интерес к нему стал ослабевать, хотя иногда
советскую общественность и будоражили слухи о его
судьбе: снимается в Голливуде, сделал операцию по ис-
правлению косоглазия и теперь играет исключительно

агентов КГБ. Очевидно, американцы уверены, что у агентов исключительно прямой и ясный взгляд на мир.

Перестройка вернула Крамарова стране. Сначала в титрах, потом — в газетных интервью, потом он возник перед нами во плоти.

1992 год. Кинофестиваль в Сочи. Дирекция готовится к встрече голливудской кинозвезды.

...Бронированный лимузин, несколько плечистых телохранителей... Однако, к удивлению организаторов, всякие предосторожности оказались ненужными. Крамарова никто не атаковал, не похищал, толпы поклонников не разрывали его на части.

На встречах со зрителями он повторял еще классическую репризу:

— ДРУЗЬЯ! КАК ВЫ ПОМНИТЕ, Я ВСЕГДА ИГРАЛ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ! ОЧЕВИДНО, ПОЭТОМУ ВЫ И ВСТРЕЧАЕТЕ МЕНЯ КАК...

Шутка не работала. Встречали спокойно.

Страна изменилась: алкаши стали наркоманами, жулики ушли в коммерцию, придурки возглавили партии и беспрерывно митинговали. Крамарову некого стало представлять, кроме самого себя. А это и есть самое сложное в судьбе артиста.

Иногда он рассказывал зрителям о своих грандиозных успехах в Голливуде, но делал это как-то неуверенно... И о толпах своих новых поклонников на бульварах Лос-Анджелеса тоже повествовал как-то нечетко, без подробностей. При этом в его округлившихся глазах стала появляться скрытая печаль...

Меня лично это порадовало. «Теперь он сможет сыграть Хлестакова», — подумал я и даже представил, как трагически и достоверно прозвучит в его устах фраза про «сорок тысяч одних курьеров...»

А слава, в конце концов, — дело наживное.

Его и сегодня все-таки узнают на улицах.

Помню, мы договорились встретиться у Театра Ленком. Он вышел из такси. Проходившие по улице две девушки и мужчина остановились как вкопанные.

— Смотри-ка! — сказала первая. — Это ж... артист! Ну... как его... в Америке живет который... еще лицо переделал который...

— Джексон?! — подсказала вторая.

— Ну! Не... А может, и не Джексон...

— Ладно! — сказал мужчина, обрывая спор. — Жексон-Фуксон! Пошли! Магазин закроеется!

И они быстро побежали прочь, не оглядываясь на бывшего кумира.

С Эльдаром Александровичем Рязановым

мы дружим давно. Поэтому я принимал участие во всех его многочисленных юбилеях, презентациях и фестивалях, посвященных его творчеству. Всякий раз сочинял шуточные послания...

Но неутомимый Эльдар живет такой бурной творческой жизнью, что никакой фантазии уже не хватает.

Поэтому я заготовил в компьютере стандартное послание, которое можно отредактировать для любого торжественного случая в жизни Рязанова.

Это послание, кстати, могут использовать и другие многочисленные поклонники Эльдара Александровича...

Уважаемый товарищ Рязанов! (Дорогой Эльдар Александрович! Милый Эльдар! Элик! И т. д. Нужное обращение подчеркнуть, в зависимости от степени близости к юбиляру.)

Разрешите от всей души поздравить Вас (тебя) с юбилеем... (презентацией... открытием новой программы... годовщиной со дня выхода на экран... годовщиной со дня запрета выхода... на экран... с окончанием строительства гаража... и т. д. и т. п.) и просто с хорошей погодой, поскольку плохой, как поется в песне, и не бывает, за что огромное Вам спасибо!

Все мы бесконечно любим и ценим фильмы (книги, стихи, песни, передачи, роли, интервью, созданные Вами, а также слухи, сплетни, домыслы, созданные нами про Вас, Ваших родных и друзей), за что Вам тоже огромная народная благодарность!

Старшее поколение нашей страны, которое помнит Вас давно... еще со времен Кутузова в исполнении Игоря Ильинского, глубоко Вам признательно за заботу и внимание.

Взять хотя бы любимую народом «Иронию судьбы!».

В трудные годы антиалкогольного маккартизма, в подполье, люди собирались группами по трое, чтоб посмотреть этот фильм или даже просто понюхать кассету, после чего наступало то «хорошее настроение, которое не покинуло наш народ до сих пор в предновогодние дни!»

Юное поколение училось у героев Ваших фильмов, у легендарного Деточкина... который, как известно, воровал машины, а деньги отдавал детским приютам.

Сегодня бывшие приютские дети уже выросли и наконец-то сами воруют машины, а в приюты отдают взрослых!

За ту большую дорогу, на которую Вы их вывели, огромное спасибо Вам, дорогой Эльдар Александрович!

А сколько новых женских имен Вы открыли за свою кинематографическую судьбу! Людмила Гурченко! Алла Пугачева! Светлана Немоляева! Татьяна Догилева! Лия Ахеджакова! Всех не перечислишь!..

В таком цветнике у многих творцов закружилась бы голова, но Вы, как истинный художник, видели в женщинах прежде всего товарища по работе и ни на ком из них даже не женились ни разу, за что и огромная Вам благодарность от всей общественности! Мы бы могли и дальше говорить о Ваших заслугах в свете очередного непонятно какого Вашего юбилея, но лучше всего об этом поет сам народ в стихах, которые Вы ему подсказали...

У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ!
ВСЯКАЯ ПРИРОДА — БЛАГОДАТЫ!
ХОРОШО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА
ЗА ЭЛЬДАР ЛЕКСАНЫЧА ПОДДАТЫ!

(Далее — пожатие рук, объятия, поцелуи, совместная выпивка, поспешное бегство со сцены и т.д., в зависимости от ответных чувств, охвативших юбиляра после такого приветствия.)

М.В. Миронова в Париже

Этот монолог был написан

давно, лет двадцать назад.

М.В. Миронова и А.С. Менакер были приглашены с выступлениями в знаменитый парижский концертный зал «Олимпия». Стали думать над соответствующим репертуаром. И пришли к выводу, что лучшие сатирические монологи и сценки не могут быть использованы, поскольку французы их просто не поймут.

Мне показалось это несправедливым. «Как это не поймут? — негодовал я. — Хорошенько объяснить — поймут!»

И для примера предложил вступительное слово ведущему зала «Олимпия», предваряющее знаменитый «Монолог колхозницы», который Мария Владимировна с огромным успехом исполняла во многих концертных залах Советского Союза...

По прошествии времени я вижу, что сегодня такие пояснения нужны уже и нынешним юным зрителям, для того чтоб и они знали, над чем смеялись советские люди совсем недавно...

Итак, представьте: концертный зал в Париже! Появляется ведущий и на чистом французском языке обращается к залу:

— Мадам и месье!

Сейчас вы увидите выступление ведущей комической актрисы советской эстрады мадам Мироновой. Наши небольшие пояснения помогут вам ощутить всю прелесть и своеобразие специфического русского юмора...

Итак, мадам Миронова исполняет монолог простой русской женщины, колхозницы, приехавшей в Москву за покупками.

Сразу поясняем, что поездки из провинции в столицу за покупками — это старая добрая традиция, существу-

ющая в России. И, разумеется, в столицу едут вовсе не потому, что в провинции чего-нибудь нет, а исключительно потому, что в столице хоть что-нибудь есть...

Поэтому мадам Миронова и появляется на сцене с двумя большими странными саквояжами, или, говоря по-русски, авоськами.

Авоська — это специфическая безразмерная ажурная русская сумочка, названная так в честь знаменитого спектакля Театра Ленком «Юнона» и «Авось», гастролы которого с успехом прошли в Париже.

Выйдя на сцену, мадам Миронова начинает добродушно сетовать на очереди в магазинах. Русское понятие «очередь» можно перевести на французский как «ле тайон», и означает оно огромное скопление людей, которое можно наблюдать в магазинах Парижа, скажем, в канун праздника Рождества. Так вот в Москве такой праздник — каждый день!

Это и создает постоянную, знакомую многим специфическую атмосферу веселой толкотни, дружеский обмен репликами и пуговицами от пальто.

Далее мадам Миронова говорит об особенностях московского такси. В отличие от парижского, московское такси обычно едет не по маршрутам, нужным пассажирам, а в особом направлении, именуемом в России единственным словом: «В-п-а-р-к!» «Парк» по-французски «ле жардэн» — место прогулок и отдыха граждан.

Поэтому, если почему-либо пассажир не захочет ехать в парк, ле жардэн, ему и советуют гулять пешком или отдыхать прямо здесь, сидя на тротуаре...

Далее мадам Миронова жалуется, что не может попасть в московскую гостиницу, ибо всюду стоят таблички: «СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ»...

Здесь комизм положения объясняется особенностями русского языка, в котором не существует выражения «СВОБОДНЫХ МЕСТ ЕСТЬ».

Такое, как говорят русские, просто язык не повернется сказать. Поэтому везде и стоят таблички «свободных мест нет», которые вовсе не означают, что мест нет, и вообще ничего не означают, а просто являются частью интерьера.

На самом деле в Москве много гостиниц, в том числе и суперсовременных отелей, построенных шведами,

финнами и турками, которые, построив эти отели, там и живут...

Заканчивая свой монолог, мадам Миронова прощается со столицей, при этом у нее на глазах наворачиваются слезы. Такое сочетание смешного с грустным — тоже особенность русского юмора. У них бытует даже поговорка: «У нас где смех, где слезы — без пол-литра не разберешь».

Поэтому желающим почувствовать все очарование русского юмора мы и посоветуем обратиться к спиртному и при этом помнить, что «поллитрой» в России именуют обычно литр или два — короче, столько, сколько нужно, чтоб заставить себя смеяться и плакать одновременно...

На этом я заканчиваю свои пояснения и советую всем скорее перейти к пониманию...

Благодарю всех! Гран мерси! А вотр де санте!

Геннадий Хазанов

Репортаж из будущего

2 ДЕКАБРЯ 2005 года.

АГЕНТСТВО ИТАР-ТАСС.
ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.
РУССКАЯ АВТОНОМНАЯ РЕСПУБЛИКА КИПР.

«Сюда на частном самолете неожиданно прилетел знаменитый актер, народный артист РСФСР, СНГ, ЮАР, Израиля, Анталы и других русскоязычных территорий Геннадий Хазанов.

В аэропорту состоялась пресс-конференция. Артист вышел к журналистам, как всегда, в наряде «от Зайцева» — белый льняной костюм, шлепанцы на босу ногу, ондатровая шапка.

Замысел прославленного кутюрье легко угадывался: российский человек на выезде должен выглядеть элегантно, но как бы все-таки... и чуть-чуть с мороза.

Первый вопрос журналистов:

— Геннадий, откуда у вас самолет?

— От верблюда! Вот этого! — с улыбкой отвечает Геннадий и показывает для рекламы пачку сигарет «Кэмел».

Все смеются. Приятно, что разговор начался такой изящной шуткой... Виктора Шендеровича.

(Хазанов всегда после удачной репризы называет ее автора, а после неудачной — сообщает зрителям его, автора, домашний адрес и телефон...)

ВОПРОС. Геннадий, сможем ли мы увидеть ваши новые работы в театре и кино?

ОТВЕТ. А это вам к окулисту надо! Он скажет, сможете вы еще что-то увидеть или нет. (Шутка Лиона Измайлова, Москва, Рижский проезд, телефон: 282-93-06.)

Отсмеявшись, журналисты настаивали:

— И все же, в какой театральной роли вы появитесь? Фигаро? Хлестаков? Гамлет?

— Не угадаете... Начал репетировать Дон Кихота!..
Общее изумление.

— Но ведь Дон Кихот — он все-таки, традиционно, очень длинный, — робко замечает один из корреспондентов.

— Как говорила одна знакомая девица, — парирует Хазанов, — дело не в размерах! Был бы резвый и веселый!.. (Шутка неизвестного автора, за нее он был убит и похоронен на Востряковском кладбище.)

ВОПРОС. Геннадий, вы прибыли сюда, на Кипр, в качестве гастролера или в качестве отдыхающего?

ОТВЕТ. В качестве заложника!

Общий смех. Просят указать автора.

— Он за спиной! — говорит Хазанов и тихо добавляет: — Дураки! Это уже серьезно!

Только тут все замечают за спиной артиста хохочущего человека с безумными глазами и острым ножом в руках.

— Псих из местных патриотов-киприотов! — поясняет Хазанов. — Взял меня в заложники, а в качестве выкупа потребовал устроить веселый концерт!..

Повисла тяжелая пауза.

— Чего затихли? — улыбается Хазанов. — Обстановка нормальная... Я давно привык так работать!..

— Караул! На помощь! — простонал один из корреспондентов.

— Без паники! — крикнул Хазанов. — Группа «Альфа» уже вылетела! Надеюсь, у нее найдутся гранаты с веселящим газом!.. А вы, если хотите помочь, то — смейтесь! И как можно громче! Иначе мне хана!

Он сделал шаг вперед.

Зритель-террорист с ножом двинулся за ним, освещая путь своей идиотской улыбкой... Корреспонденты, смеясь и рыдая, пристроились сзади...

Эта странная процессия под музыку направилась в сторону моря...

Хазанов шагал уверенно, непрерывно острил, строил рожи, разбрасывал нищим деньги и репризы...

Сейчас он действительно был чем-то похож на маленького Дон Кихота! Или на большого Чаплина!.. А мо-

жет, просто на себя, молодого, пятидесятилетнего?.. Плядя ему вслед, так и хотелось крикнуть:

— СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ТЕБЕ, АРТИСТ!

(Информация из будущего получена по факсу специально для Театра эстрады, где праздновалось 50-летие Г.В. Хазанова 2 декабря 1995 года.)

Портрет Жванецкого

на фоне его 60-летия

Дорогой Миша!

Выходить с шутками на твоём юбилее — самоубийство!

И все-таки я добровольно вливаюсь в число камикадзе, таранящих этот микрофон, поскольку нет выхода: выступить — страшно, не выступить — стыдно!

Миша! Ты столько людей веселил на столько юбилеях, что, казалось, можно из твоих старых реприз скроить послание и тебе. Не получилось!

Твои шутки не трансплантируются, они отвергают чужой организм!

Что ты сделал с нашим жанром, Миша? Десятки сатириков с красивыми книжками стояли у микрофонов и веселили советскую публику, пока не возник ты, с мятыми листочками, исписанными детскими каракулями...

Народ понял, что смеялся неправильно, и помрачнел. Это был взлет и падение жанра одновременно!

Сатирики затосковали.

Арканов от безвыходности запел. Саша Каневский и Семен Лившин вообще уехали из страны, но ты их достаешь по новому месту жительства и своими шутками мешаешь получать причитающиеся эмигрантские пособия... Чиновники социальных отделов морщат лбы и задают им неприятные вопросы: «Почему этот, со старым драным портфелем, такой веселый и — ТАМ, а вы, грустные, с такими новыми чемоданами, и — ЗДЕСЬ?»

Нельзя бесконечно повышать уровень, Миша! Там, где летаешь ты, уже разряжен воздух и нормальные люди задыхаются.

«Какое счастье, что Жванецкий не играет на скрипке!» — сказал Спиваков.

«И не танцует!» — добавил Барышников...

От себя добавлю: слава богу, Миша, ты не пишешь пьес и даешь тем самым возможность пристойного существования. Но поскольку у тебя характер неумный и ты после шестидесяти вдруг надиктуешь какое-нибудь «Горе от ума», драматургам приходится подумать о куске хлеба на будущее...

Поэтому я решил заняться живописью. И первый портрет, который я нарисовал, — твой. Вот он!!

Метода моей работы известна с детства: я рисовал по клеточкам. Взял твою фотографию, разделил на клеточки и перенес на бумагу.. Клеточка за клеточкой.. Изнурительный труд, Миша, — так мучилась, наверное, та слепая женщина, которая ткала ковер вождю...

Клеточка — ресничка, три клеточки — нос... Я впервые видел тебя за решеткой, Миша, и мне захотелось сделать что-то приятное для узника.

Во-первых, я добавил тебе волос... Учítывая твой неослабевающий интерес к женщинам, подумал, что это будет неплохо...

Во-вторых, чуть-чуть подправил глаза. Мне давно не очень нравятся твои глаза, Миша... В них поселилось много грусти и беспокойства. Даже когда ты читаешь очень смешное, глаза не успевают повеселеть.

Я вообще давно обратил внимание, что у тебя и остальной организм не успевает за твоими же собственными мыслями... Мысли — под небесами, а организм все еще сидит на вчерашнем банкете и доедает салат.. Я сделал тебе спокойные глаза, полные созерцательного достоинства. Поэтому в трудную минуту советую смотреть не в зеркало, а на мой портрет..

Еще я пририсовал немножко разных деталей, для символизма... Кусочек моря — это Одесса. Немножко Петербурга, немножко Москвы, немножко Калифорнии, немножко Тель-Авива... Земля, которая тебе дорога! Глупые люди утверждают, что земля должна быть одна. Она и есть у тебя одна, Миша, только она большая...

И Родина — огромная: весь мир, где понимают по-русски...

Так что летай над ней, Михаил... И над Москвой, и над Нью-Йорком, и над Череповцом, посылая... всех завистников куда подальше!

И звони, когда сможешь.

И на мои вопросы о твоей жизни всегда отвечай мне одной и той же любимой цитатой:

— Нормально, Григорий! Нормально!..

6 февраля 1994

«Арго» — 1) особый диалект (фр.);

2) «золотое руно» (древнегреч.);

3) начало фамилий двух писателей (совр.).

Краткий советский энциклопедический словарь

Глава первая РЕИНКАРНАЦИЯ

Аркадия Михайловича Арканова я знаю очень давно. Можно сказать, всю свою нынешнюю жизнь и отчасти предыдущую. Поскольку в предыдущей я, согласно гороскопам, был московской дворовой собакой, то до сих пор иногда смутно вспоминаю черноволосого мальчика Аркашу, тайком кормившего меня остатками своей еды в маленьком дворике в Мневниках. Еда была вкусной, мальчик — добрым и музыкальным. Протягивая кусочек, он всегда при этом говорил мне: «Голос!», но, прежде чем я успевал завывать, начинал отчаянно выть сам...

Так продолжалось это наше первое совместное творчество до 12 марта 1940 года. В тот день, по свидетельству очевидцев, пес, не выдержав ежедневных спевок с Аркашей, бросился под проезжавшую машину, а его душа, вылетев на свободу, тут же переселилась в мальчика Гришу, родившегося в московском роддоме.

Глава вторая ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

С самого своего рождения я стремился еще раз встретиться с Аркашей, но, ввиду разницы в возрасте, мне трудно было его догнать. Едва я начал делать первые шаги, Аркаша уже пошел в школу. Я пошел в школу — он пе-

решил в восьмой класс. Я поступил в медицинский институт — он в этот год его окончил...

Что было бы дальше, если б наша гонка не прервалась? Аркаша мог бы стать доцентом, я — ординатором, он — профессором, я — доцентом, он — академиком, я — министром здравоохранения и т.д. Страшно даже подумать, какой урон мы вдвоем могли нанести отечественной медицине!

Но помня первую заповедь клятвы Гиппократата «No посеге» — «Не навреди!», Аркаша решительно бросил этот бессмысленный карьерный бег, а заодно и медицину. Он зашел в баню рядом с 1-м Медицинским институтом, сел в парной на полку и поклялся там сидеть, пока я не окончу институт и не сяду рядом... Так оно и случилось через семь лет. Он принес пива, я достал воблу.. Мы сравнялись и в возрасте, и в пристрастиях, ибо в бане, как известно, все равны.

Глава третья СОВАВТОРСТВО

Как возникает потребность в соавторе? По-разному. Бывает, одна и та же интересная мысль приходит в две головы одновременно — и возникает совместное произведение искусства. Как это случилось с Бобчинским и Добчинским и их незабвенным «Э!..».

Иногда одному человеку в голову приходит только начало мысли, а конец ей способен придать другой. Так, между прочим, был написан «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. По воспоминаниям родных, Карл Маркс придумал лишь слово «коммунистический», но совершенно не знал, к чему его можно применить... Он просто изводил родных и знакомых, повторяя бессмысленное «коммунистический что?.. коммунистический... чего?», пока его друг Фридрих не подсказал: «Да... «Манифест коммунистический»... Вот чего!.. Ей-богу, Карл, какой ты недогадливый!»

Так возникло их главное совместное произведение. (Между прочим, Маркс с той поры очень полюбил слово «манифест», которое с английского можно перевести как «денежный праздник», и Энгельса, у которого он всегда

брал в долг и который, собственно, и был для него этим «мани-фестом»...)

Интересно отметить и то, что более важное для себя произведение, «Капитал», Маркс писал самостоятельно, тайком, без Энгельса, при этом с усмешкой повторяя по-немецки «Фройндшафт-фройндшафт, абер гельд зинг ниht цузамен!», что, как вы догадались, по-русски переводится как «дружба дружбой, а «Капитал» — врозь!».

Истоки нашего соавторства с Аркановым строились совсем на другой основе. Нам ничего не приходило в голову одновременно, и уж точно никто за другого не начинал и не заканчивал. Каждый из нас был в творчестве уникален, придумывал только свое гениальное произведение, но, в силу рано начавшегося склероза, тут же его начисто забывал. И тогда он бежал к соавтору, чтобы тот помог ему хоть что-то вспомнить...

Начало творческого процесса выглядело примерно так:

Горин (*возбужденно*). Аркан... помнишь, я тебе чего-то вчера интересное рассказывал?..

Арканов. Ты?.. Интересное? (*Молча смотрит на соавтора. Задумчиво курит.*)

Горин. Да! Чего-то про то... как один чиновник приехал в маленький город... а его все приняли за ревизора?..

Арканов. И что дальше?

Горин. Дальше не помню...

Арканов. Зря... (*Задумчиво.*) По-моему, я все где-то читал... Или писал?..

Пауза. Соавторы задумчиво смотрят друг на друга.

Так, мучительно борясь со склерозом, мы все-таки вспомнили три пьесы и две книжки юмористических рассказов.

Остальные наши совместные произведения вспомнились, к сожалению, уже другими писателями. (См. «Чонкин» Войновича, «Дядя Сандро» Ф.Искандера и другие шедевры, не написанные нами только в силу собственного маразма.)

В конце концов мы поняли, что надо расставаться, поскольку индивидуально забываться могло бы вдвое меньше, чем совместно.

Тогда я написал первую свою самостоятельно-склеротическую пьесу, которую назвал соответственно: «...Забыть Герострата!»

Позже Арканов, естественно, утверждал, что придумал пьесу он и правильно она называлась «Забыть, Где Растрата!», но я уже этого не помню...

Глава четвертая В РАЗЛУКЕ

Незабвенный Зиновий Гердт как-то заметил одному из своих соавторов: «Видеть вас, мой друг, — одно удовольствие!.. Не видеть — другое...»

Мы расстались с Аркадием и жили в свое удовольствие отдельно друг от друга почти двадцать пять лет. Впрочем, это не совсем так. Ведь в сознании верных поклонников «аргонавтов» наши фамилии соединились навсегда, и с этим было очень трудно бороться.

Сколько раз на своих премьерах я слышал от зрителей: «А чего Арканов-то не вышел кланяться?» — «Да он это не писал...» — бормотал я. «Ну, это вы сами разбирайтесь, кто чего у вас писал... А кланяться могли бы и вдвоем... Билеты все-таки дорогие!..»

Особенно много путаницы стало в связи с частыми появлениями наших физиономий по телевизору.

Я знал, что Арканов похож на Марчелло Маджорани, и, когда меня девушки называли Аркановым, испытывал определенные секунды мужского тщеславия. Но когда один из почитателей, взяв меня за пуговицу пиджака, стал утверждать, что я похож на Александра Лившица, я занервничал... «Это Арканов похож на Лившица!.. — злился я. — Я уж скорей похож на Гусмана... Или на Шуфутинского...» — «На Шуфутинского похожи! — соглашался почитатель, отрывая мою пуговицу, — но на Лившица тоже... — И подумав, добавил: — И на Уринсона! Чуть-чуть!»

Точку нашему расставанию поставил телевизионный клуб «Белый попугай». Мало кто знает, что нашего попугая сначала было решено назвать Гришей. Но эта свое нравная птица стала откликаться на кличку Аркаша!..

Я понял, что нам пора соединиться хотя бы здесь, на телевизионных экранах...

Глава пятая ПОДАРОК

Арканову — 65 лет! Надо придумывать подарок. Как правило, близким дарят нечто самое дорогое и приятное. Самое дорогое в творчестве — здоровье соавтора. Поэтому в честь аркановского юбилея я набрался мужества и бросил курить. Свои любимые трубки и табачки передал соавтору с обещанием, что и он бросит курение к моему 65-летию...

Последнюю свою самокрутку я сделал из бумажки, на которой были написаны такие стихи:

Дарю тебе, Аркадий, трубки и табак,
С которыми не раз мы время коротали...
Все мое жилье прокуривали так,
Что мухи падали... А мысли — улетали!..
Теперь я не курю! А ты — наоборот!
Поэтому подарка смысл понятен:
Когда бегут года — нам вреден кислород!
Лишь дым соавтора нам сладок и приятен...

Переписка с Аркадием Хайтом

К моему шестидесятилетию

мой друг писатель Аркадий Хайт написал мне письмо... Нет, вру! Писал он его к 50-летию, то есть в 1990 году... Но, зная, как плохо работает наша почта, решил, что дойдет письмо только через десять лет.. Причем я в этот момент (так он посчитал), возможно, окажусь где-то в эмиграции и мне будет интересно узнать, как идут дела в стране...

Аркадий Хайт — писатель с удивительно веселым воображением! Перечитываю его письмо и поражаюсь, как он многое предвидел...

Да и в моем ответе, написанном тогда же, почти десять лет назад, что-то сегодняшнее явно угадано.

Одним словом, считаю возможным обнаружить нашу сутубо личную писательскую переписку из... непонятно какого времени!

Аркадий Хайт — Григорию Горину

(Зачитано 12.03.1990 г. Дом архитекторов. Москва)

Гриша, дорогой, здравствуй!

Вот и двухтысячный год на дворе. Вспомнил, что тебе стукнуло 60, и решил черкнуть письмо, рассказать о нашем житье-бытье.

Событий у нас много. Как говорится, живем плохо, но интересно.

Вчера, например, провожали в эмиграцию последнего еврея. Их теперь принимает только Конго, со столицей в Браззавиле. Народу в Шереметьево собралось уйма. Было много цветов и прощальных речей. Очень тепло говорил Станислав Куняев. Даже плакал. Его тоже можно понять. На кого теперь валить все беды страны?

83-ю годовщину Октябрьской революции отметили скромно. Не было никакого военного парада. Только не подумай, что у нас нет больше армии. Армия есть. Нет бензина. Так что в этот день по телевизору показали только прием в Кремле. Было довольно мило, много послов из разных стран: мордовский посол, якутский посол, временный поверенный Тюмени и... генеральный консул Химки-Ховрино.

Кстати, помнишь Ельцина? Он тоже выступал. Говорил, что у его правительства разработана новейшая программа к цивилизованному рынку. На этот раз переход к рынку предполагается сделать подземным, так что, боюсь, опять никто ничего и не заметит.

Впрочем, бог с ним, с рынком. Тут у нас дела поинтересней. В прошлом месяце наконец-то похоронили Владимира Ильича Ленина. Так что мавзолей освободился.

Союз театральных деятелей борется, чтоб помещение отдали им, поскольку есть Михаил Ульянов... В некотором роде — прямой наследник. Но, думаю, шансов у них мало... Скорей всего, там откроют еще один «Макдоналдс»...

Что еще? КПСС побеждает на выборах и заявляет, что она немедленно выполнит свою продовольственную программу.

Дело в том, что в обещаниях их партии, оказалось, была допущена ошибка! Мы считали, что нормой будет считаться 4 кг мяса на человека, а они считали, что будет 4 кг мяса на человеке!

Ну вот, а теперь разобрались и все очень довольны!

Гриша, тебя, конечно, интересует, что происходит в мире искусства?

В литературе — затишье. В Театре, как обычно, бурная жизнь.

Знаешь, МХАТ еще раз разделился! Теперь их у нас четыре. Все — академические.

Ефремов настоял, чтоб эмблему хотя бы частично оставили ему. Так что у него на занавесе — скелетик чайки.

В кино приятная новость. Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, кажется, будет наконец ставить новый фильм про Чонкина. (Помнишь его конфликт с английской кинофирмой? Они финансировали фильм, но тре-

бовали, чтобы Чонкина играл Барышников.) Теперь все изменилось. Они финансируют фильм, но требуют, чтобы Чонкина играл... Растропович. Причем на виолончели! По-моему, будет оригинально...

Гриша, дорогой! Очень часто вспоминаем твое 50-летие в ресторане Дома архитекторов. Было тепло, сердечно, а главное, в последний раз хоть поели по-человечески. Сейчас, по прошествии десяти лет, вспоминаешь, сколько замечательных людей сидело за столом. Наверное, это и есть главное в жизни. Были и остаются только верные друзья. Будь же счастлив, Григорий. Где б ты ни был.

Но лучше всего — рядом с нами!

Григорий Горин — Аркадию Хайту

Осень 2001 года

Дорогой Аркадий!

Ты даже представить не можешь, как я обрадовался твоему письму! Весточка с Родины — что может быть дороже для нас, эмигрантов, особенно таких, как я?

Ты ведь слышал, наверное, что и за рубежом я оказался не по своей воле: этим летом сдуру поехал отдохнуть в Коктебель, а в это время Украина полностью отделилась наконец от СНГ, а Крым, в свою очередь, отделился от Украины, а затем уж и от материка.

Сбылось пророчество Васи Аксенова, и Крым стал островом.

Но даже Аксенов с его фантазией не мог предположить, что отделение на этом не закончится и Крым тоже распадется на ряд независимых районов, лагун и утесов, на одном из которых я сейчас и нахожусь с видом на жительство на высоте двадцать метров над уровнем моря.

Впрочем, не жалуюсь, утес как утес, условия по нынешним временам неплохие: есть вода, рыба, водоросли... Рыба, правда, радиоактивна, зато водоросли содержат фосфор. Поэтому рыба, поедая водоросли, нейтрализуется, превращаясь в фосфор, а я, питаясь рыбой, свежусь во тьме, отчего проходящие мимо пароходы принимают меня за маяк и обходят стороной...

Но не в этом главные трудности! Главная беда для нас, эмигрантов, — отсутствие вестей с родины. Поэтому, Аркадий, можешь представить, какой крик радости я испытал, когда обнаружил в проплывавшей мимо бутылке твое письмо.

Спасибо, друг! Проглядывая размытый текст, обнаружил всего несколько знакомых слов... Что-то про Ельцина... про МХАТ... Сердце застучало. Я чуть не расплакался.

Боже мой, подумал я, как интересна ваша жизнь на пятнадцатом году перестройки, на десятом году осуществления знаменитой экономической программы «500 дней»!

Только отсюда, с высоты утеса, сидя голой задницей на камне, начинаешь понимать, как мы были несправедливы к собственной перестроечной жизни конца 80-х, как не умели ценить ее достоинств.

Разве это было не счастье — зайти в пустой магазин и поболтать со скучающим продавцом о житье-бытье?

Разве это не радость — в дождливую погоду сесть в свой старенький автомобиль, в котором давно нет бензина и колес, но зато еще работают «дворники», и, включив их, можно подолгу наблюдать, как красиво сбегают серебрястые капли со стекол?

А вечером, придя в нетопленный дом, выпить рюмку одеколона, закурить чинарик, найденный в подъезде, и сесть у телевизора, где по всем программам выступают депутаты. И уже совсем ночью, обалдев от мнений и прений, юркнуть в теплую постель, которую нагрела жена, спящая там в шубе...

Все это огромное счастье, Аркадий! Запомни!

Я пишу это письмо с болью, ибо выцарапываю его обломком гранита на скале и боюсь, что набегающая волна смоеет это послание вместе со мной.

Если это случится и археологи найдут мою наскальную надпись, я бы хотел, чтоб они не искали ее расшифровку в культуре древних этрусков, а знали, что она была написана свободным постсоветским человеком, чья свобода достигла абсолюта. Подскажи им это, Аркадий!

И еще. Растолкуй людям, что не бывает трудностей, которые не становились бы удовольствиями, переходя в разряд воспоминаний.

За сим прощай, друг! Держитесь там, на материке...
Мысленно с вами!

Если рискнешь написать еще, брось бутылку по такому адресу:

«Бывший СССР. Бывший Крым. Бывший Пик социализма, ныне — Вторая демократическая впадина. Пещера номер один. Копать до упора...

Если кто-то откликнется — спросить Гришу».

Послание самому себе в день 60-летия

За долгие годы сочинительства

я написал, наверное, сотни три посланий и приветствий к юбилеям друзей и коллег.

Поэтому, когда в моем личном календаре образовалась круглая дата, мне показалось неудобным обременять кого-то собственной персоной.

Пришлось написать послание самому себе, выступив в жанре юбилейного поэтического автосервиса.

Привет тебе, мой организм,
За то, что в шестьдесят
Ты сохраняешь оптимизм
И этой жизни рад.
Тебе спасибо, голова,
Что в страшной суете
Еще рифмуешь ты слова,
Хоть иногда не те.
Вам, руки, ноги, и живот,
И все, что там внутри живет
И что торчит вовне,
Вам всем, друзья, большой привет!
Желаю жить вам много лет.
А вместе с вами — мне!..

Искренне ваш Григорий Горин
12 марта 2000 г.

Краткая антология предисловий

Леонид Лиходеев — литератор, поэт, знаменитый фельетонист «Литературной газеты» конца пятидесятых — середины шестидесятых годов.

Станислав Рассадин — известный критик, литературовед, автор журналов «Новый мир», «Знамя» и других центральных периодических изданий. Один из соавторов книги пародий «Липовые аллеи» (совместно с Б. Сарновым и Л. Лазаревым), ставшей знаковым явлением литературы «шестидесятников».

Марк Захаров — главный режиссер театра Ленком, постановщик большого пьеса Г. Горина и телефильмов по его сценариям.

Рассказы и монологи

Почему повязка на ноге?

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Юность», № 3, 1966.

Случай на фабрике № 6

Впервые — «Литературная газета», № 48, 1974.

Обнаженный Куренцов

Впервые — «Литературная газета», № 7, 1969.

Измена

Впервые — журнал «Крокодил», № 2, 1976.

Убийца

Впервые — журнал «Юность», № 11, 1968.

Чем открывается пиво?

Впервые — «Литературная газета», № 51, 1968.

Ежик

Впервые — «Литературная Россия», № 1, 1970.

Воскресные прогулки

Впервые рассказ опубликован в сборнике Г. Горина «Хочу харчо!», М., «Искусство», 1970.

Остановите Потапова!

Впервые — «Литературная газета», № 7, 1972.

Сказка про собаку, которая прожила триста лет

Впервые — «Литературная газета», № 22, 1990.

Брюки товарища Синицына

С подзаголовком «Рассказ непутевого человека» впервые опубликован в «Литературной газете», № 45, 1968.

Когда горит душа

Впервые рассказ опубликован в сборнике Г. Горина «Хочу харчо!», М., «Искусство», 1970.

Скрытой камерой

Впервые — «Литературная газета», № 10, 1969.

Фантомасы

Впервые — «Литературная газета», № 18, 1972.

Сауна

Первая книжная публикация — в сборнике Г. Горина «Хочу харчо!», М., «Искусство», 1970.

Что-то синее в полосочку

С подзаголовком «Рассказ командированного» впервые опубликован в журнале «Юность», № 4, 1972.

Хорошее воспитание

Первая книжная публикация — в сборнике Г. Горина «Хочу харчо!», М., «Искусство», 1970.

Хочу харчо!

С подзаголовком «Рассказ официанта» впервые опубликован в «Литературной газете», № 42, 1968.

Встреча с известным писателем Бурко

Впервые — «Литературная газета», № 36, 1979.

Соло для дуэта**Маленькие комедии большого дома**

Впервые пьеса опубликована — М., «Искусство», 1974. Тогда же — первая постановка в Театре сатиры, режиссерский дебют А. Миронова и А. Ширвиндта.

О бедном гусаре замолвите слово

Впервые сценарий опубликован в журнале «Телевидение. Радиовещание», 1984. В том же году вышел одноименный фильм, режиссер — Э. Рязанов.

Киноповести**Тот самый Мюнхгаузен**

Телефильм по этому сценарию был снят режиссером М. Захаровым и впервые показан 1 января 1980 года.

Формула любви

Сценарий впервые был опубликован в журнале «Телевидение. Радиовещание», №№ 3-4, 1985.

Шутовские комедии

Шиль

Премьера спектакля, поставленного по пьесе Г. Горина режиссером М. Захаровым, состоялась в 1974 году.

Дом, который построил Свифт

Пьеса впервые опубликована в журнале «Театр», № 4, 1983. В 1982 году одноименный телефильм, снятый по сценарию Г. Горина режиссером М. Захаровым, был запрещен к показу руководством Гостелерадио. Впервые появился на телеэкране в 1985 году в самом начале горбачевской перестройки.

Кин IV

Впервые пьеса напечатана в журнале «Театр» в 1979 году. Премьера спектакля состоялась в 1991 году в театре имени Маяковского, режиссер — Т. Ахромкова.

Шут Балакирев

Публикуется впервые. Пьеса написана в 1999–2000 годах.

Иронические мемуары

О Марке Захарове

Публикуется впервые.

Четыре послания Олегу Янковскому

Публикуется впервые.

Подарки, завернутые в стихи

Публикуется впервые.

Галина Волчек

Впервые — в журнале «Magazine», № 4, 1992.

Игорь Кваша

Впервые — под рубрикой «Иронические мемуары» в журнале «Киносценарии», № 4, 1993.

Гафт

Впервые — в журнале «Magazine», № 4, 1992.

Слава Зайцев

Впервые — в журнале «Magazine», № 4, 1992.

Михаил Козаков

Впервые — в журнале «Magazine», № 4, 1992.

Шура Ширвиндт

Впервые — в журнале «Magazine», № 4, 1992.

Михаил Державин

Впервые — под рубрикой «Иронические мемуары» в журнале «Кино-сценарии», № 4, 1993.

Народные сказки про Ширвиндова и Державиндта

Первая книжная публикация.

Савелий Крамаров

Первая книжная публикация.

Э.А. Рязанов

Публикуется впервые.

М.В. Миронова в Париже

Печатается по книге «Прощай, конференсье!», М., «Стоок», 1997.

Геннадий Хазанов

Печатается по книге «Прощай, конференсье!», М., «Стоок», 1997.

Портрет Жванецкого

Печатается по книге «Прощай, конференсье!», М., «Стоок», 1997.

Ар-Го

Впервые — «Золотая серия юмора», М., «Вагриус», 1999.

Переписка с Аркадием Хайтом

Печатается по книге «Прощай, конференсье!», М., «Стоок», 1997.

Послание самому себе в день 60-летия

Публикуется впервые.

Литературно-художественное издание

Горин Григорий Израилевич

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том шестой

Редактор-корректор *Е. Остроумова*
Компьютерная верстка *Д. Мозоль, В. Мороз*

В оформлении использованы фотографии *В. Плотникова*,
снимки из семейного альбома автора.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.05.2000.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.

Тираж 10 000 экз. Заказ 4899.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект,
д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

ISBN 5-04-005055-0

9 785040 050550 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

директора совхоза

Григорий ГОРИН

КВИМ

ТЕЛЕМ БУРКО.

директора совхоза/

телей, Ох, любит? Хлебом его не корми,
елем встретиться, особенно если в раб

как такой интересный случай: Иридиса
и Бурко... Или Бурко... Так я тогда и н
вамили лучше ударять... Ну, ладно, расс

Иридиса

ласти дни литературы. Цонаехали, стал
концов. Три дня побыли в центре, а пот
ят мне рано утром из района, говорят:
исатель Бурко... или Бурко! А. Примите
те раздумии крием?... Я говорю: "Мы т
очень рады, но все-таки хотелось бы
итоб почитать перед встречей. "Район
да, просто примите - и все!" Я говорю
КВИМ
примут, но все-таки интересно как на

РАССКАЗ 9

ВСТРЕЧЕ ⁴³ СТИХ

Рассказ д

...Любит наш народ п
ему только с живым пис
время.

В прошлом году был
в своем совхозе писат
яснил в каком месте эт
жем все по порядку...

Проходили у нас в
быть, писатели со все
подались по районам. З
езжает к вам известный
хороший уровне. Органи
рицу Бурко... или Бурко
кто такой и что написа
ворит: " Читать уже не
" Это не сомневайтесь,

ураки на
месте урочища
ураки на
месте
на месте
ураки

директора совхоза

Григорий ГОРИН

директором
САТЕЛЕМ БУРКО.

директора совхоза/

сателеев, Ох, любит? Хлебом его не корми,
телем встретиться, особенно если в раб

наз такой интересный случай: принимал
ля Бурко... Или Бурко... Так я тогда и н
фамилию лучше ударять... Ну, ладно, расс

области дни литературы. Понаехали, стал
концов. Три дня побыли в центре, а пот
онят мне рано утром из района, говорят:
писатель Бурко... или Бурко! А. Примите
уйте радужный прием?"... Я говорю: "Мы т
...очень рады, но все-таки хотелось бы
, чтоб почитать перед встречей. "Район
огда, просто примите - и все!" Я говорю
примут. Но все-таки интересно как на

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

92.00

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Тригорий Торин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Почему повязка на ноге?

Есть такой анекдот.

Приходит больной к доктору.
У больного забинтована нога.

— Что у вас болит? — спрашивает доктор.

— Голова, — отвечает больной.

— А почему повязка на ноге?

— Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное — вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Тр. Торин.

Антология Сатиры и Юмора России XX века